

Автор-составитель Аркадий Авербух

ЖИВЫЕ КАПЛИ ИСТОРИИ

Судьба Иосифа Шамиса:
Москва—Соловки—Норильлаг—Нью-Йорк

Письма, воспоминания, размышления

Москва
«Вече»

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ж67

*В оформлении обложки использованы три рисунка издания
«Норильский мемориал», выпуск 2, 1991 г.*

Ж67 Живые капли истории. Судьба Иосифа Шамиса: Москва—Соловки—Норильлаг—Нью-Йорк. Письма, воспоминания, размышления / Автор-составитель Аркадий Авербух. — М. : Вече, 2018. — 576 с.

ISBN 978-5-4484-0353-8

Знак информационной продукции **12+**

Книга, которую вы открыли, представляет собой сборник материалов о судьбе заключенного, одного из первых строителей Норильска и его летописца, журналиста по призванию Иосифа Шамиса. Необычна биография, воссозданная на основе его писем и новелл: это своеобразный портрет человека поразительного упорства и высочайшей культуры, совместившего в себе качества убежденного практика и романтика. Под одной обложкой собраны увлекательные правдивые истории, повествующие о труде и быте в Норильлаге, о строительстве на вечной мерзлоте в заполярном Таймыре силами в основном заключенных города Норильска и гигантского комбината цветной металлургии.

Незадолго до смерти Иосиф признался в одном из писем: «Если я не напишу о некоторых первостроителях, то уж никто ничего о них не напишет». Книга является венком памяти тем героическим людям, рядом с которыми жил Шамис. Она адресована интересующимся историей ГУЛАГа и строительства Норильска, историей жизни в сталинскую эпоху тех, кого одновременно называли и «простыми советскими людьми», «строителями социализма», и «врагами народа».

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4484-0353-8

© Авербух А.М., текст, гл. 1, 9, 10, послесловие, составление, комментарии, 2018

© Норильский С., «Одиссея Ивана Касилова», 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Вече», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора-составителя	4
Предисловие. <i>С. Щеглов</i>	9
Глава 1. «Людей неинтересных в мире нет...» <i>Летописец норильской истории Шамис И.А.</i>	14
Глава 2. «Жить надо не только для себя» <i>С.Л. Щеглов</i>	91
Глава 3. «Советские лагерники...» <i>Астрофизик Н.А. Козырев и минералог Н.М. Федоровский</i>	101
Глава 4. «Страна потеряла мозги» <i>И.М. Клейнер и голод в блокадном Ленинграде</i>	121
Глава 5. «Да, остаются книги и мосты...» <i>Журналисты и писатели в Норильлаге</i>	134
Глава 6. «Не люди умирают, а миры...» <i>Норильчане Б.А. Гальперин и В.С. Домарев</i>	151
Глава 7. Заключенные строят музей вождя в низовьях Енисея	163
Глава 8. «Их судьбы – как истории планет» <i>Подвиг Е.А. Керсновской</i> ...170	
Глава 9. «О тех прекрасных людях, которых мне посчастливилось встретить» <i>Документальные новеллы И.А. Шамиса</i>	212
Глава 10. «Делаем мы это во имя светлой памяти ушедших» <i>«Синодик» – венок памяти первостроителям Норильска</i>	229
Глава 11. Соловки как предверие Норильлага.....	238
Глава 12. «Чему, чему свидетели мы были!» <i>Лагерный мир</i>	244
Глава 13. «... Под каждой могильной плитой – всемирная история». <i>М. Евзеров, Ж. Росси – тоже летописцы Норильлага</i>	270
Послесловие	288
Приложения	297
1. Письма И.А. Шамиса к С.Л. Щеглову 1966–1994 гг. Отрывки... 297	
2. Документальные новеллы Шамиса И.А.	363
3. Очерки о Шамисе И.А.....	445
4. Хронология строительства Норильска	462
5. «Синодик» Список первостроителей Норильска, работавших до лета 1956 г.	469
6. <i>С. Норильский. Одиссея Ивана Касилова</i>	525

От автора-составителя

Уважаемый читатель! Вы раскрыли во многом необычную по нынешним канонам книгу воспоминаний о человеке, которого уже более двух десятков лет нет с нами. Необычность книги в личности ее героя – Иосифа Адольфовича Шамиса (фатальное для прошлого века имя и отчество), памяти которого она посвящена.

В мемуарной литературе нередко перечисляются ученые звания, награды, должности, труды и прочие достижения, существенные для ранжирования или определения статуса действительно (или не очень) заслуженных людей в соответствии с общепринятыми, или усредненными критериями, пригодными в большинстве случаев. Но, к счастью, не всегда.

Вот именно таким «нестандартным случаем» оказался жизненный путь профессионального строителя, журналиста по призванию, узника и летописца Норильлага Иосифа Шамиса.

На заданный в 2017 г. вопрос ВЦИОМа «Известно ли вам, что в СССР в 30–40-х годах прошлого века были репрессии по политическим мотивам, или вы слышите об этом в первый раз», 13 процентов граждан России в возрасте 60 и старше сказали, что слышат впервые. Что касается молодых 18–24 лет, то впервые услышали о репрессиях почти половина – 46 %. Значит 87 % взрослых, знавших о репрессиях, не сочли нужным рассказать о них детям и внукам. В возрасте старше 45 лет о репрессиях знают примерно столько же – 84 %. В руках этого поколения находится всё: школы, университеты, СМИ и вся власть, какая только есть.

У молодежи есть современная электроника, и если они не знают о репрессиях, значит, так выстроена информационная политика: власть знает, но не считает нужным рассказывать.

О числе жертв репрессий представления столь же фантастические. Четверть взрослого населения ответила, что от террора

пострадали десятки тысяч людей и менее, а 3 % опрошенных считают, что пострадали всего лишь сотни...

Век назад Александр Блок писал:

«Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России –
Забыть не в силах ничего».

А ведь «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости» (А. Пушкин).

Книга перед вами является таким знаком внимания к минувшему.

В составленном мною сборнике материалов к авторским в полной мере можно отнести первую главу, рассказывающую о жизни Шамиса на основе его писем, а также главы девятую и десятую о работе Шамиса над документальными новеллами о первостроителях Норильска и о составлении «Синодика» с их именами. Эта книга посвящена дружбе двух репрессированных: строителя Шамиса Иосифа Адольфовича и писателя Сергея Львовича Щеглова (литературный псевдоним – Норильский), продолжавшейся 52 года.

Двадцатый век оказался веком прощания с эпистолярным жанром в традиционном его виде: письмо в конверте. Правда, Шамис и Щеглов, состоявшие в переписке около 30 лет, об этом не догадывались. Они регулярно писали письма друг другу и ждали ответа, обсуждали массу вопросов, которые их волновали. Думали ли они, что со временем эти письма обретут ценность непреходящую, не имеющую срока давности? Им это тоже не приходило в голову. Но история распорядилась по-своему, и эти послания становятся достоянием гласности, поскольку, по моему мнению, представляют не частный, а общественный интерес.

В основу документальной книги легли более 100 писем Шамиса к своему другу из 380 сохранившихся и находящихся у адресата в Туле (170) и в «Музее Норильска», в фонде Щеглова С.Л. (210). На основе этих писем я составил документальное жизнеописание Шамиса. Письма приводятся в книге в отрывках,

поскольку не все темы представляют равный интерес для современного читателя. В тексте писем мною выделены шрифтом отдельные важные фразы или слова их автора.

В письмах поражает широта интересов Шамиса, его энциклопедические познания во многих сферах, изящество стиля (писались без черновиков!), духовная близость со Щегловым.

В книгу включены двадцать две короткие новеллы Шамиса, большая их часть основана на реальных событиях первого этапа строительства Норильского горно-металлургического комбината. Многие новеллы публикуются впервые и повествуют о непростых судьбах его строителей, в основном заключенных, из них значительная часть «политических» по ст. 58 УК РСФСР.

В числе новелл выделяется «Сестра Фрося», полностью публикуемая впервые – это документальный рассказ о выдающемся стойком человеке Евфросинии Антоновне Керсновской, чья трагическая судьба узника ГУЛАГа, воспоминания и рисунки потрясли читателей после того, как в 1990 г. журнал «Огонек» впервые рассказал о ней. Сестра Фрося, как донор, спасла жизнь Иосифу Адольфовичу, и он первым рассказал читателям о Керсновской, направив новеллу о ней в «Заполярную правду» на 3 года раньше публикации в «Огоньке». Норильская газета тогда опубликовала только небольшой отрывок.

Человек жив, пока о нем помнят. Событие – тоже, пока о нем помнят.

Также впервые в полном виде публикуется «Синодик» Шамиса, составленный при деятельном участии Щеглова. Так ими был назван список нескольких сотен первостроителей Норильска за период с 1938 г. по 1956 г., являющийся своеобразным венком памяти героическим людям, и не только заключенным, но и вольнонаемным, работавшим в Заполярье на гигантской стройке в суровых условиях вечной мерзлоты и длительной полярной ночи...

В силу особенностей характера и времени написания в письмах и новеллах Шамис рассказывал не обо всем, что тогда происходило в Норильлаге и чему свидетелем он был, поскольку разделял убежденность многих осторожных современников, что в существующих условиях не обо всем можно писать (переписка со Щегловым велась с 1966 г. по 1991 г., а новеллы по норильской тематике датированы 1970–1987 г.г.), он не верил в полное

и окончательное развенчивание культа личности Сталина, не верил в хрущевскую оттепель и горбачевскую гласность и перестройку. Лагерная осторожность и конспирация брали верх всегда, когда Иосиф Адольфович садился к письменному столу.

Поэтому я счел необходимым дополнить книгу рассказами и воспоминаниями других норильчан, их детей, историков и журналистов, которые повествуют о работе вольнонаемных специалистов, о врачах Норильска, об этапах по Енисею из Красноярска в Дудинку, а также о том, что осталось у Шамиса «за кадром»: о лагерном мире уголовных и политических заключенных, о расконвоированных, которые вместе строили Норильский комбинат, о штрафных изоляторах, карцерах и бараках усиленного режима, о местах расстрелов, об узниках – каторжанах, о побегах из лагеря...

Отдельные главы посвящены известным людям Норильска – как правило, заключенным, с которыми дружил или был знаком по работе Шамис, чьи пути пересекались с его судьбой.

В книгу вошли очерки Щеглова о Шамисе семидесятых – восьмидесятых годов прошедшего века и его статья к 100 летнему юбилею Иосифа Адольфовича (2002 г.).

Для понимания норильской истории важна тема восстания 1953–1954 гг., которой посвящен публикуемый в книге очерк Сергея Львовича «Одиссея Ивана Касилова» (2013 г.). Автор опирается на документы одного из руководителей норильского восстания Касилова и дает свою, отличную от общепринятой, оценку тех исторических событий:

«Думаю, называть их восстанием неправильно. Что за восстание, что за бунт? Бунтовщики не убили ни одного из тех, против кого бунтовали. То была грандиозная стачка, забастовка заключенных. Непривычным к такому сопротивлению властям выгодно было определить ее как восстание, дабы оправдать уничтожение беззащитных безоружных людей, осмелившихся открыто выразить свой протест, свои требования. То была акция гражданского неповиновения, вспыхнувшая в условиях, когда в стране началось ослабление диктатуры. Сами участники акции, ее организаторы, за редкими исключениями, не называли ее восстанием».

Я хочу выразить искреннюю благодарность всем, кто принял участие в создании этого сборника: в первую очередь неутоми-

мому труженику С.Л. Щеглову (Норильскому) за огромное желание сохранить память о своем друге и учителе, за предоставленные им архивные материалы, воспоминания и помощь в работе над книгой; фотожурналисту и писателю Ю.М. Кривоносову за рассказ о своем друге; сотрудникам МБУ «МВК «Музей Норильска» Сорокиной И.М., Бояркиной Н.С. и Синеоковой Е.В. за советы и предоставленные архивные документы.

Моя глубокая признательность Касабовой Г.И., составителю и редактору сборников «О времени, о Норильске, о себе» за разрешение использовать отрывки и фотографии из собранных ею воспоминаний норильчан. Я благодарю авторов этих воспоминаний за их работу по сохранению памяти о людях и событиях, участниками которых им довелось быть.

Я благодарен Чапковскому И.М., наследнику авторского права на произведения Керсновской Е.А., и Аتماшкиной Г.В., редактору сайта gulag.su., за разрешение использовать в книге письма и фотографии Керсновской Е.А., а также материалы о ней, опубликованные на сайте.

В книге использованы фотографии Шамиса И.А., предоставленные его внучкой Аллой Грановской, а также фотографии из архива С.Л. Щеглова и автора-составителя.

И последнее – поскольку эта книга не преследует никаких коммерческих целей и является сугубо гуманитарной безвозмездной просветительской акцией, то и распространение ее в тех же целях не только не возбраняется, но даже рекомендуется.

Книга в электронной форме публикуется на сайте «memorial.krsk.ru» Красноярского историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал».

Надеюсь, что книга будет полезна интересующимся историей ГУЛАГа как неотъемлемой трагической страницей истории СССР, историей первостроителей Норильска, историей жизни в сталинскую эпоху тех, кого называли и «простыми советскими людьми», «строителями социализма», и «врагами народа».

*Аркадий Авербух
Москва, 2018 г.*

Предисловие

Перед вами, дорогой читатель, поистине уникальная книга – и по жанру, и по исполнению. Обширное повествование о первостроителе и летописце столь же уникального явления истории, величественного города и промышленного гиганта по соседству с Северным полюсом – Иосифе Шамисе – поражает воображение. Труд, отважно предпринятый и выполненный Аркадием Авербухом, вполне соответствует теме.

Что такое Норильск, каким видели его удивленные современники и каким видят его сегодня во всем мире люди, способные удивляться феноменальному и оценивать его? Редкостная в летописи планеты эпопея возведения на вечной мерзлоте, на необитаемой окраине земного шара (да, да, и у шара, оказывается, есть окраины!) вписана в историографию великих человеческих подвигов. Предпринятая советской властью, можно сказать, с первых ее шагов, в условиях гражданской войны и яростных попыток «дружественных» государств задушить дитя едва ли не в колыбели, эпопея эта достойна восхищения. Как бы ни относились к режиму большевиков, как бы ни полагали «Россию во мгле», – отрицать его отваживались разве что самые недалеконвидные; историки и философы, поэты и первопроходцы земных пространств, магелланы-романтики и унылые «пророки» космических катастроф, – все вынуждены были склонять головы перед «девятью днями, которые потрясли мир». И престарелая Европа, и загадочная Азия, и первобытная Африка, и сам Новый Свет – все обитатели Земли поражались той эпопее и той, казалось, безрассудной погоне за богатствами, скрытыми под тектоническими наслоениями и многотысячелетними льдами.

Вдохновение, с каким взялся Аркадий Авербух за работу, вполне соответствовало поставленной задаче. Кстати, о заголовке книги. В одном из писем ко мне Иосиф выразил такую мысль: «Моя работа над историей – это все капля истории Норильска»

(29 августа 1984 г.). Аркадий Михайлович использовал этот яркий образ, дополнив и перефразировав его в «Живые капли истории».

Поразительная одержимость человека, совместившего в себе романтика, мечтателя и убежденного практика тоже феноменальна. Незадолго до смерти Иосиф признался в одном из писем: «Если я не напишу о некоторых первостроителях, то уж никто ничего о них не напишет <...> Полагаю, что это мой долг».

Выполняя заветный долг, Иосиф сотворил то, чего никто другой не мог сделать. Создал «Синодик» первостроителей Норильска.

Что такое синодик? Академический словарь русского языка, изданный в 1963 году, сообщает: «синодик (от греческого сопутствующий) – памятная книжка, в которую вносятся имена для поминовения в православных богослужениях».

Откроем незабвенный Толковый словарь живого великорусского языка, сотворённый Владимиром Ивановичем Далем на сто лет раньше. «Синодик, церковное, – памятник, поминальная, памятная книжка, куда вписываются имена для поминовенья родственников и близких на литургиях и на вселенских панихидах». Как видим, составители нынешнего академического словаря исходили из толкования Даля.

Посмотрим еще несколько справочников. Толковый словарь русского языка, составленный С.И. Ожеговым и Н.Ю. Шведовой, четвертое издание, 2000 год. То же самое. И, наконец, наиболее поздний выпуск: Д.Н. Ушаков. Большой толковый словарь современного русского языка, издание 2007 года. Никакого нового значения слова синодик по сравнению с предыдущими фолиантами.

Иосиф Шамис внес в свой «Синодик» преимущественно тех «старых норильчан», с которыми судьба его свела. Подключившись к этой работе по его предложению и по велению собственного сердца, ваш покорный слуга дополнил «Синодик» именами, которых Шамис не сподобил быть увековеченными (не потому, разумеется, что не считал их достойными).

Работа над «Синодиком» норильчан заняла у нас с Иосифом без малого полвека. И почти столько же он лежал в наших с Иосифом папках – до того, как Аркадий Михайлович Авербух обратил на него внимание и предложил мне открыть мои архивы. Это

произошло много лет спустя после того, как Иосиф Адольфович отправился в мир иной.

Открыв толстые папки, погрузившись в их пожелтевшие листы и блокноты, мы с Аркадием Михайловичем получили наслаждение как бы вживую беседовать с поистине удивительным человеком редкостной эрудиции и незаурядного ума.

А житейский опыт! «Пароход «Буденный» <...> осенью 39-го после высадки людей мы разломали в трюме пятиярусные нары, надпалубные вышки охраны и галюны и с днища трюма выгружали на баржи (морской пароход не мог подойти к берегу и стоял на рейде, буксиры тащили баржи к речным причалам). Большие (10–15 кг каждый) фасонные «кирпичи» для облицовки металлургических печей в Норильске. Говорили, что огнеупор был положен на дно трюма как балласт, чтобы пароход с людьми, вес которых, особенно после Соловков, очень мал, был устойчив в Карском море – по пути из Соловков – Северным путем – в Дудинку» (из письма Сергею Норильскому 11 февраля 1968 года).

Отрывок типичен для стиля, манеры писем Шамиса. Как много сказано в этих строчках! И сколько подтекста! Нынешнему читателю покажутся странными и текст, и подтекст. С одной стороны, Соловки как место заключения. С другой – взамен слова «заключенные» – слово «люди». Почему такое иносказание? Да время было такое, 1968 год в СССР. О политических репрессиях прошлого власти умалчивали. Например, грамотным людям было известно, что маршал Советского Союза Тухачевский в 38 году был расстрелян якобы за измену. Но когда где-нибудь проскальзывало о его гибели, то писалось: «трагически погиб». Что значит «трагически»? В автомобильной или авиакатастрофе? От внезапной болезни? От ножа какого-то разбойника? Иосиф Адольфович был особенно аккуратен в письменных и устных высказываниях. Иные острословы говорили: напуган человек пережитым, да так, что ... «пуганая ворона куста боится» (еще более изящные мастера острословия прибавляли: «пуганая королева на куст садится» (это уже из лагерного фольклора).

Кстати о фольклоре. Письма и рассказы Шамиса наполнены им. Иосиф – большой знаток и ценитель лагерно-тюремного жаргона, побасенок, баек и прочих словосочетаний. Это придает высказываниям Шамиса особенную прелесть.

Так вот, в приведенном отрывке эзоповым языком рассказывалось, как политзека Шамиса из Соловецкого лагеря доставили в Норильский. Иосиф редко касался этой страницы своей биографии.

Надо сказать: Иосиф был педантичен, его осторожность диктовалась не только пережитыми испытаниями, она была у него в природе, в характере. Он был во всем излишне формален, мелочная точность во всех его словах и поступках, во всем поведении бросалась в глаза. Но удивительно: эти не очень привлекательные черты не портили его облика, наоборот, влекли к нему.

Как и всякие письма вообще, послания Шамиса эклектичны, дробятся казалось бы излишними отступлениями, необязательными подробностями, наполнены механическим соединением разнородных, иногда взаимоисключающих принципов, взглядов, художественных мотивов, разных стилевых элементов. В этом жанровая особенность посланий людей друг к другу, чаще всего родным, не требовательным к литературному качеству.

«Много мыслей навеяло твое письмо <...>, многое мог бы сказать, но не смею отнимать у тебя твое время.

Что я читаю? Что хочется. Для души – и только.

Вот перечитал книгу Тарле «Наполеон». Ух, громадный был талант! Интереснейший человек. Что бы Лев Толстой о нем ни говорил, – Наполеон был Великим <...>

Прочитал три книги о Японии, дьявольски интересно <...> Перечитываю сейчас Гюго – «Человек, который смеется».

С огромным удовольствием читал Цецилию Кин – «Страницы прошлого», – какие интересные были люди, – а? И какая судьба постигла многих и многих – ужас!» (11 августа 1969 г.).

«Был в Норильске начальник комбината А.П. Завенягин, и была у него секретарем Фрося <...> Я ее помню: тоненькая женщина, смуглая, волос гладкий, подстрижена под мальчика <...> Кто она, как попала туда (вольнонаемной), – не знаю. Уже вскоре после отъезда А.П. (1941, май-июнь) Фрося сблизилась с Захаром Равделем. Он отбывал в Дудинке <...> Симпатичнейший человек, красивый. Заимели они двоих сыновей, жили потом в Москве».

Яркая особенность писем и рассказов Шамиса – глубокая демократичность. Все, о ком бы он ни рассказывал, для него равны:

и начальник комбината, ставший годы спустя заместителем Предсовнаркома СССР, и безвестная секретарша, связавшая судьбу с заключенным.

Наша переписка с Иосифом – всегда диалог, и мне остается лишь пожалеть, что мои письма к нему пропали. Что поделаешь?

Почти год совместной работы над наследием Шамиса сблизил меня с Аркадием Михайловичем Авербухом, наполнил наши отношения редко встречающейся теплотой и взаимопониманием.

Я как бы продолжил общение с Иосифом. Потому охотно согласился с предложением Аркадия написать предисловие к его книге. Сделал это как мог. Главное, чтобы читатель книги, если он в наше время отыщется, проникся теми мотивациями, какие руководили Аркадием Михайловичем, и моими тоже.

*Сергей Щеглов
2 ноября 2017.*

«Как летописец эпохи, я смолоду понял, что сам по себе литератор может быть мал и ничтожен, но в его плоховатых стихах и рассказах эпоха порой отражается полнее и ярче, чем в произведениях прославленных авторов».

Корней Чуковский. Предисловие к 6 тому собрания сочинений, М.: «Художественная литература», 1969.

Глава 1

«Людей неинтересных в мире нет...»

Летописец норильской истории Шамис И.А.

Некоторые, казалось бы, частные семейные хроники, помимо нашей воли служат наглядной иллюстрацией исторической эпохи. Судьба героя этой книги, казалось бы рядового инженера-строителя, родившегося в небольшом местечке на юге Украины, наделена этим свойством с избытком.

Недавно я заинтересовался судьбой своего дальнего родственника, узника Норильлага, Иосифа Адольфовича Шамиса (1902–1994), набрав его имя в интернете. Иосиф Адольфович – брат бабушки моей жены, мы с ним изредка виделись с 1972 года на протяжении 15 лет.

На сайте Сахаровского центра (www.sakharov-centr.ru) на странице «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы» есть краткая биографическая справка о нем на одну страницу, составленная тульским писателем Сергеем Львовичем Щегловым (Норильским).

Следует сказать, что в базу данных Сахаровского центра входит уникальная информация о 2034 авторах, написавших воспоминания о ГУЛАГе, библиографии (3300) и сами тексты (1594), в том числе литературные записи воспоминаний со слов очевидцев, интервью, воспоминания детей, родственников, друзей о своих близких, прошедших ГУЛАГ (а к этой категории

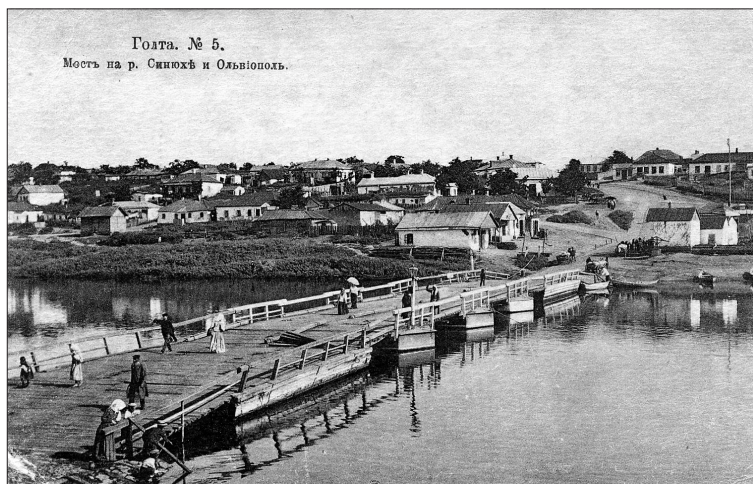
относится и вышеуказанная биографическая справка), тексты воспоминаний авторов.

Я не публикую эту биографическую справку, поскольку она не отличается полнотой и в ней (по объяснимым причинам) содержатся несколько неточных биографических данных. Однако в целом эта работа Сергея Львовича о своем близком друге служит отправной точкой для всех, интересующихся жизнью такого незаурядного человека как Иосиф Адольфович Шамис, по праву занимающего свое достойное место среди других ярких представителей еврейской советской интеллигенции XX века.

Через Тульский литературный альманах «СРЕДА» в начале 2016 г. я разыскал телефон Сергея Львовича, и вскоре состоялось наше незабываемое знакомство в Туле.

Да, это была именно незабываемая встреча, потому что Сергей Львович – чрезвычайно интересный человек, обладающий прекрасной памятью (несмотря на свой солидный возраст – а ему в сентябре 2018 года исполнилось 97 лет!).

Именно эта встреча побудила меня к сбору материалов для составления книги о Шамисе и его младшем товарище Щеглове, непростые житейские пути которых пересеклись в Норильске в начале сороковых годов прошлого века...

Голта. № 5.
Мостъ на р. Синюхѣ и Ольвиополь.

*В этих местах в 1902 г. родился Иосиф Шамис.
Почтовая картонка, 1917 г.*

Итак, наше повествование начнем по порядку с того, что Иосиф Шамис родился 29 января 1902 г. на Украине, где прошли его детские и школьные годы.

Вот как он сам рассказал о своих родных местах (запись в блокноте № 5):

«Город, в котором я родился, назывался до 1920 года Ольвиополь. Он стоит на реке Южный Буг, на левом берегу. Сказывали, что когда-то его образовали греки. По-древнегречески «полис» значит город. Имя ему дали по колонии Оливии – Ольвиополь. Мой заштатный город Ольвиополь (Елизаветградского уезда Херсонской губернии) был слит с рядом расположенным местечком Богополь (Балтского уезда Каменец-Подольской губернии) и селом Голта (Ананьевского уезда Херсонской губернии), и все три местности получили общее наименование Первомайск¹.

«Заштатный» город означал не уездный город. В Ольвиополе была мужская казенная (государственная) гимназия, где я учился. В Голте была женская частная гимназия Федоровой, где училась моя сестра Соня. В Голте же было еще среднее учебное заведение – коммерческое училище. Было также училище – частное Терезы Григорьевны Марголис – для девочек из еврейских семей (бесплатное обучение, еда). Вот такое это было село Голта. Там еще было железнодорожное училище (вроде ПТУ) для детей железнодорожников»².

Иосиф был первым ребенком в семье. В 1903 году родилась его сестра Софья (еврейское имя – Шифра). Когда дети были маленькие, их мама умерла.

По записям Щеглова, из рассказов Шамиса следует, что его отца звали Адольф Забарский, но для уклонения от службы в царской армии он купил себе паспорт беглого каторжанина и сменил имя и фамилию на Шамис Юдка Мордухович. Вместе с тем, в семье Шамиса нет воспоминаний о фамилии Забарский

¹ Эти населенные пункты относились к трем уездам двух губерний, возможно, потому, что находились на разных берегах в треугольнике, образованном Южным Бугом и впадающей в него небольшой речкой Синюха. И.А. Шамис нарисовал схему этих мест в блокноте № 5.

² ПТУ – профессионально-техническое училище, в СССР в них обучали рабочим профессиям.

и о покупке отцом Иосифа Адольфовича паспорта каторжанина для смены фамилии.

Шамис рассказал следующую историю происхождения своей фамилии в письме Щеглову от 16 апреля 1970 г.:

«У меня откуда такая фамилия? О, это интересно, послушай, если хочешь. Как все мальчики, я учился в хэдэре, — это была школа, в которую ходили мальчики чуть ли не с 5 лет. Постановка учения была на таком же уровне, как в Средние века в любом гетто. За длинным столом на жестких скамьях сидят мальчики и под руководством учителя, к которому мы обращались со словом «рабби», хором — вслух и громко учили то, что полагалось.

Вначале учат тору — библию, потом — пророков, а уж затем — талмуд. Я проучился еще до тех лет, когда уже в гимназию ходил. Придешь из гимназии — и побежал в хэдэр. Дошел до талмуда — книги две почти прошел (а их десятки томов), потом отставили это дело. Рабби, конечно, давал по рукам линейкой, иногда снимал ремень и малец покорно ложился на скамью и снимал штанишки. Мне кажется, что это делалось по традиции, лупил для формы, во всяком случае я не помню ни слез, ни жалоб.

Правда, меня ни один рабби пальцем не тронул, вероятнее всего потому, что батя мой был человеком влиятельным, да и нрав имел «самостоятельный»; кроме всего, очевидно, имело значение, что я сирота — без родной мамы рос, с мачехой, — а у евреев сирота вызывал чувство жалости, какую-то болезненную жалость. Хотя мне за мачехой жилось хорошо, ибо отец был главой семьи и он задавал тон, да и она — мачеха — была добрая женщина и холила нас сирот — меня и сестричку младшую, как своих (потом, через 8 лет, у нее тоже родилась дочка).

Так вот, рабби, — это уже было, когда я постарше стал, — как-то мне сказал, что моя фамилия происходит от слова «шэмэш» — солнце. Мне это было ни к чему, но как-то я подумал: почему у всех моих прямых родственников со стороны отца другая фамилия, а у отца и у меня — другая.

Выяснилось. Фамилия дедушки (как, следовательно, и родственников) была Забарский. Но вот дед должен был призываться на службу царю-батюшке — к дьяволу! Был куплен паспорт одного бедняги, которому исполнился 21 год, а деду только 18.

Посмотрели и решили: зачислить в ратники II разряда. Бедняга этот был кузнецом (коваль), за какие-то грехи отбывал срок. И вот деду достался его пас (паспорт) с фамилией Шамыс (украинское «и» читается «ы»).

Я помню одного кузнеца, колоссального детину, прямо Самсон библейский, который как-то приласкал и признался, что он мне «родич»: фамилии одинаковые. Мне такое «родство» по тем понятиям не очень «личило», так как он-то был простой коваль, а я, черт возьми, гимназист.

Вот откуда у меня «плебейская» фамилия Шамис – синагогальный служака. Конечно, при храме мы были бы «патрициями» – левитами.

Через какое-то время после смерти мамы отец женился, и со второй женой Леей Абрамовной у них в 1911 году родилась дочь Катя (еврейское имя – Гита)».

Отец Иосифа Адольфовича умер в 1939 году, похоронен в Москве на Востряковском кладбище. За общей оградой там покоятся также сестра Иосифа Адольфовича Синдлер Шифра Юдковна, ее муж Синдлер Бенцион Зиновьевич и родители моей жены Синдлер Людмила Борисовна и ее отец Каплун Михаил Айзикович.

В письме Щеглову от 9 сентября 1984 г. Шамис вспоминал отца:

«Я рад, что с моей легкой руки все дальнейшее пошло у тебя в гору. Только, Сереженька, не надо хвalebных слов по моему адресу. Я, брат, воспитан на 1-ой заповеди: «Аз есть...» и т. д. «И не сотвори себе кумира», – так там указано.

Да, ты прав: главное – делать добро. Кое-что и я сделал, но «втихаря». Но, конечно, мало делал, мог бы, думаю, сделать больше. Мой отец сделал больше меня и – тоже без рекламы. Но начальство знало, и это подтверждается фактом его ареста с высылкой по постановлению генерал-губернатора (в войну 14-го в ряде губерний были введены такие должности чуть ли с «неограниченными полномочиями», как граф Воронцов на Кавказе – тот самый «полумилорд»), – высылкой за «политическую неблагонадежность» (как А.К. Воронский).

А ты помнишь первое свидание Неклюдова с Катюшей в тюрьме? Как точно Лев это описал, могу это засвидетельствовать:

*Семейная фотография, г. Первомайск, ноябрь 1925 г.
Сидят: Шифра Иудовна Синдлер (1903—1955), Милочка Синдлер,
6 месяцев (1925—1991), Лея Абрамовна (ум. 1956 г.), Иуда
Мордохович Шамис (1879—1939), Иосиф Адольфович Шамис
(1902—1994). Стоят: Бенцион Зейликович Синдлер (1899—1958),
Гита Юдковна Шамис (1912—1994)*

когда мне было 13 лет (чуть поболее) меня мама возила в уездную тюрьму на свидание с отцом — через 2 решетки. Потом кому-то «дали» и нам разрешили «личное», называлось, свидание, где в комнате были только родители, маленькая сестричка да я — со страшно любопытными (или любознательными) глазищами... Есть что вспомнить...»

В письме от 11 июня 1968 г. Иосиф Адольфович с теплотой вспоминает родные украинские места (здесь и в дальнейшем в книге указываются письма Шамиса своему другу Щеглову Сергею Львовичу, если в отдельных случаях не указаны другие адресаты):

«Здоровье мое, — правда! — не ахти какое хорошее — идут годы, организм стареет. Все же думаю податься в начале июля в Одессу и походить по родным украинским местам. Я уже там был лет 7–8 назад, но так тянет еще раз — напоследок — посмотреть родной Южный Буг и искупаться в нем. Ох, Родина! Вели-

*Боец Красной армии
Иосиф Шамис. 1920 г.*

кое это дело. Недаром римляне говорили: *Ubi bene, ubi patria* – там хорошо, где отечество (только сукины дети способны перевернуть эту формулу: там отечество, где хорошо). Словом, тянет и – поеду. И в Черном море искупаюсь тоже...».

В 1920 году 18-летний Иосиф Шамис ушел воевать на Гражданскую войну (по сведениям Щеглова, Иосиф Адольфович участвовал в войне 2 года). До нас не дошли его сколь-нибудь подробные воспоминания об этом периоде его жизни. О Гражданской войне Шамис так упоминал в письме от 10 февраля 1987 г.:

«Вот не думал я никогда, что участники Гражданской войны могут представляться иным гражданам как погубители чьих-то жизней. Объясни, пожалуйста, Ниве¹, что это была война, а не карательные экспедиции. Будучи в Красной армии, я и не видел в лицо противника. Мы били по его позициям прямой наводкой

¹ Балуева Нина Ивановна, жена С.Л. Щеглова. Нивой ласково называл ее только И.А. Шамис. Их внучка Юлия Александровна Викторова, когда услышала от автора-составителя имя Нива, спросила: «А кто это?».

и навесным огнем (по невидимой цели), – задача: выбить противника с его позиций и занять их. Что касается карательных дел, то Красная армия такими делами не занималась: это была армия Революции, руководимая высокими идеалами и идейными командирами. Взять того же Крыленко, или Подвойского, или Якира и Тухачевского – *poten illis legio* – имя им легион. Даже такие «простые командиры», как Буденный, Чапаев были на высоте чистых революционных идей; скажешь, у Буденного был Ворошилов, у Чапаева – Фурманов, – тем лучше только было! Что касается дел карательных, то этим, как известно, ведала ЧК – и там тоже были революционеры (очевидно было немало погубленных душ при проведении «красного террора», были и ошибки с роковыми финалами, взять хотя бы Гумилева – наверное «по запарке» или «за компанию» его прихватили. Было многое в этой «заварухе»).

В Красноярске у меня разболелся зуб, порекомендовали врача по фамилии Толстая (теперь, за давностью лет, меня берет сомнение: может ее фамилия была Толстова). Так она, коренная сибирячка, рассказала мне, что после того, как прогнали Колчака, Красноярская ЧК разделалась с теми, кто буйствовал при колчаковщине. Был взят и муж моей врачихи, он был юрист, многие знали его.

Его расстреляли. Через какое-то время его жену, врачиху мою, вызвали и сказали, что произошла ошибка (то ли фамилию спутали?) ... и предложили ей работу. Она и в мои годы работала в поликлинике Управления В.Д. (меня дома лечила). Было, всякое было. Но Красная армия занималась только военными делами.

Вот «беляки», хоть и военные, те погромничали. Буйствовала, конечно, контрразведка. Это я видел своими глазами».

Сложившаяся в Одессе и Одесской губернии постоянно меняющаяся ситуация «южной смуты» в 1917–1920 годах интересно описана в документальной книге историка Капчинской О.И. «Окаянные дни» Ивана Бунина», вышедшей в 2014 г. в издательстве «Вече», где я работаю.

В этих местах поочередно «хозяйничали» залетные банды Махно, Петлюры, «местного» Мишки Япончика. В 1918–1919 гг. в Одесской области были войска Германии и стран Антанты.

В 1919–1920 гг. там стояла Добровольческая армия Деникина, которую в феврале 1920 г. выбила кавалерийская бригада Котовского.

«Я их видел, этих мерзавцев, когда они – деникинцы – удирали под натиском Красной армии в декабре 1919 – январе 1920, – что офицеры да казаки творили тогда!..», – писал Шамис 26 августа 1985 г.

О калейдоскопе смены власти на своей родине вспоминал Иосиф Адольфович в письме от 10 января 1986 г.:

«Маргарита Алигер писала в «Литературной газете» о Льве Квитко (мой земляк): «Добрый человек из Голосково». Это было малосенькое местечко на берегу Южного Буга. Шолом-Алейхем сказал, что если открыть дверь в одном из домов на одном конце и на другом, то по всему местечку пройдет сквозняк – такое оно «агромадное» было, это местечко. Но вот из него вышел чудный поэт – «судьбе» было угодно, чтобы он закончил петь в 52 году¹. А какая там была молодежь! Все были увлечены поэзией, литературой вообще.

Мой отец был оттуда, много было у меня там родичей. Туда я приезжал (35 верст на лошадах) каждые каникулы. И была там моя чудо-девушка...

Я написал «было» местечко. Да, после 17 года там много раз менялась «власть» – налетали банды: гайдамаки, петлюровцы, белые, зеленые. Все местечко – и стар, и млад, узнав, что на подходе банда, снималось с места и уходило в противоположную сторону. Приходилось и мне уходить: однажды нес я на руках маленькую девочку – она не могла быстро ходить – поспевать за всеми. А кто замешкался, тому пуля или шашкой голова прочь.

...Я туда приехал (на рейсовом автобусе) через 40 с лишком лет, в 1960 году. Где дома? Где улицы? Один бурьян растет. Ничего нет! Немцы угнали всех и поубивали, дома разграбили и растаскали... Вдоль самого берега Буга обосновалась улица, на которой построились пришельцы из других деревень, украинцы. А там, где жили веками земляки Лейбла Квитко – пустырь². Даже

¹ Речь идет об Иосифе Уткине (1903–1944), русском советском поэте и журналисте.

² Лейб (Лев) Моисеевич Квитко (1890–1952) – советский еврейский поэт, писавший преимущественно детские стихи на языке идиш.

надгробья – деревянные, каменные, – растащили. Сохранилось здание бывшей синагоги – там устроили амбар для колхозного зерна».

В тот же период (по сведениям Щеглова – в 1920 году) Шамис вступил в ряды РКП(б) как убежденный коммунист. В начальный период НЭПа (т. е. новой экономической политики, проводимой с марта 1921 г. и до начала ее свертывания в конце 1927 г.), Шамис по идейным соображениям вышел из Российской коммунистической партии (большевиков). Ему этот выход из партии, возможно, припомнили при аресте в 1938 году...

НЭП сменил политику «военного коммунизма», проводившуюся в годы Гражданской войны, и был направлен на развитие рынка и различных форм собственности, привлечение иностранного капитала в виде концессий и др., что вызывало сомнения у некоторых коммунистов в правильности курса.

Из рассказов Иосифа Адольфовича в семье было известно, что после войны он поступил в медицинский институт, проучился один курс и бросил его. После этого в 1922–1925 годах Иосиф учился в Одесском институте народного хозяйства и получил квалификацию экономиста (у нас в семье сохранился его диплом

Шамис И.А. Одесса, 1925 г.

об окончании этого института. Затем Иосиф закончил и строительный институт (но данных об этом нет...).

Вот рассказ Иосифа Адольфовича об учебе в Одесском институте народного хозяйства (из письма от 1 июня 1968 г.), где он познакомился с Яном Ходзинским, ставшим волею судьбы, как и Шамис, заключенным – первостроителем Норильска:

«Этот институт был образован после революции на базе юридического факультета бывшего «Императорского Новороссийского университета» (в Одессе). Ведь когда-то Украину называли «Малороссией» или «Новороссией», – кажется, при Потемкине утвердилось это название – «Новороссийский край», – отсюда и название университета.

Было в Инархозе два факультета: юридический и экономический. Но первый курс слушали вместе – и будущие юристы, и экономисты. Читали там свои курсы знаменитые в те времена люди. Например, энциклопедию права читал знаменитый Эммануил Яковлевич Немировский, юрист-криминалист с мировым именем (он был выкрест из евреев, как был выкрестом отец Карла Маркса, Гиршель, он крестился в 1824 году, когда Карлу было шесть лет, приняв имя «Генрих»); международное право читал Алексей Яковлевич Штаков. Говорили, что он был зятем известного историка Василия Осиповича Ключевского.

Талантливые, образованные были люди – учителя Ходзика, он у них многому научился. Политэкономии блестяще читал некий Герлих. Все они были блестящими ораторами. Эконом. географию читал Сухов – талант, оратор остроумнейший. Мы с Яном не раз их вспоминали с восхищением. Знания, которые сеяли эти люди, пали на добрую почву – Ходзинский был несомненно талантливым человеком».

В 1924 году Иосиф Адольфович жил в Ленинграде, на Литейном, в те годы он назывался проспект Володарского. «Но я там не остался, вернулся на свой Юг, в Одессу. Но Питер остался в моем сердце, как остается первая любовь», – писал Шамис своему другу Щеглову 29 февраля 1984 г.

С началом голода на Украине семья переехала в Москву, где в 1925 г. жила на 1-ой Мещанской улице (в настоящее время – Проспект Мира), недалеко от Сухаревской башни, снесенной в 1934 году. На этом месте сейчас раскинулась Сухаревская пло-

*Шамис И.А.
Москва, 1932 г.*

щадь. Затем семья Иосифа Адольфовича поселилась на Волочаевской улице в районе Лефортово, в коммунальной ведомственной квартире от Наркомзема в перестроенном бывшем дворце графа Строганова (т. н. Строгановской даче). Они занимали комнату площадью около 20 кв. м на первом этаже; до революции это была комната прислуги. Отец Иосифа Адольфовича работал по хозяйственной части на военных складах, размещенных в те годы в окрестностях дворца.

В письме от 9 июня 1986 г. Шамис вспоминал о том, что «в те годы 27–28–29 имел возможность часто бывать в московских театрах».

В Москве Иосиф Адольфович быстро проявил себя как способный инженер-строитель. Он работал в организации, называвшейся «Хлебострой», системы Комитета заготовок при Совнаркоме СССР.

Вот что рассказал он о своей работе в те годы в новелле, посвященной легендарному полярнику Кренкелю Э.Т. (7 февраля 1984 г.):

«Это была передовая в техническом отношении организация, называлась «Хлебострой». Ее задачей было: проектировать, строить, монтировать оборудование и сдавать на ходу построенные элеваторы и мельничные комбинаты по всей территории страны.

Показательным был такой факт: в Советский Союз были приглашены две фирмы из США – «Стюарт» и «Макдональд» для обмена опытом проектирования и строительства; инженеры этих фирм были прикомандированы к «Хлебострою».

Возглавлял «Хлебострой» Роман Петрович Аврамов, болгарин по национальности. Полиглот – знал все европейские языки и турецкий язык. Отец был богатый коммерсант, хлебный экспортер. Но Роман Петрович пошел по другому пути. В «Правде» за 03.12.1982 г. опубликована статья, посвященная 100-летию со дня рождения Романа Петровича Аврамова «Называли борцом» (1882–1937). Рекомендую прочесть! Заключительный абзац такой: «Советский и болгарский народы бережно хранят память о Романа Аврамове – пламенном революционере, верном ленинце».

Можно кое-что добавить. В 1929 г., когда он был председателем акционерного общества «Аркос» в Лондоне, сотрудники Интеллидженс Сервис совершили налет на советское представительство в Лондоне. Шум был большой: искали «Письмо Коминтерна». Р.П. Аврамову пришлось уехать в Союз. Он делал доклад на Политбюро. Вскоре ему поручили организацию акционерного общества «Хлебострой» (акционеры – Союзхлеб, Центросоюз, Сельскосоюз, Госбанк, еще кое-кто). И я стал работать под его непосредственным руководством вплоть до начала 37-го года.

Работать было чрезвычайно интересно! На одной из наших сверхударных строек (так они и назывались) в Хабаровске было трудное положение, и Р.П. попросил меня поехать туда на год-два, 1934–1935 годы».

«В 1930 г. (!) мы строили в Красноярске на высоком левом берегу Енисея огромный элеватор. Зерно поступало в баржах с верховьев Енисея. Сии баржи уже тогда разгружались с помощью разряженного воздуха – вакуума: в баржу опускались резиновые шланги, они «сосали» зерно и подавали наверх в элеватор» (из письма от 27 января 1971г.). В семье было известно,

что в 1934–1935 годах Иосиф Адольфович работал заместителем начальника строительства мельничного комбината на Дальнем Востоке, под Хабаровском, вблизи впадения Усури в Амур.

«...Немало было интересных людей в этом «Хлебострое». Одно время главным инженером был Михаил Васильевич Вавилов, ездивший с Председателем «Хлебопродукта» Иваном Степановичем Лобачевым (впоследствии зам. наркома) в Канаду изучать постановку элеваторного дела. Довелось мне и с Вавиловым сотрудничать, в частности, мы с ним написали работу в Ежегоднике зернового хозяйства о строительстве элеваторов в Союзе. Напечатал я свою работу в одном журнале «Элеваторное хозяйство Канады».

«...Еще много было интересных людей и встреч с ними...»

Интересный рассказ – воспоминание Шамиса о «буранном полустанке» в уральских степях под Магнитогорском – содержится в письме от 12 июня 1985 г.:

«Мы строили на Урале ряд элеваторов, т. н. линейных; это простые сооружения, емкостью до 5000 т зерна.

И вот, в поездке по югу Урала – Челябинск, Троицк и т. д. – я заехал на стройку на станции ... Буранная. Эта станция была ближайшая к Магнитострою. Было это, когда закладывали 1-ую домну. Году это было в 30-м (начали Магнитку в 29-ом). А.П. Завенягина тогда там еще не было; он начал там работать с 1933 г. в качестве директора Магнитогорского комбината, зам-наркомтяжпрома.

Ну, неустройство в начале строительства было великое. Кой-кто не выдержал – бежать. Но на ст. Магнитная не сядешь в поезд! Тогда шли на Буранную (км 20), там садились на поезд – и пошел на Север, куда хошь. Но спохватилось начальство: отменило остановку поезда на ст. Буранная. И получилось так: туда – в сторону Магнитостроя – поезда останавливались, а идущие из Магнитки поезда не останавливались. Вышло так: туда – Буранная это станция, а обратно она – полустанок, где поезда не останавливаются.

Словом, «буранный полустанок», по Айтматову.

И мне, грешным делом, когда надо было уезжать из Буранной на Север, пришлось на бричке (плетенный кузовок из ивы) ехать

глухой ковыльной степью из Буранной до следующей станции Гумбейка и там сесть на поезд.

Кучером был казак – из уральских, наверно был у атамана Дутова, теперь, вместо того, чтоб рыбачить в Яике или растить пшеницу, он работал на стройке элеватора, – в данный момент – кучером. По дороге (сидя со мной рядом) он мне были-небыли рассказывал. Вот ехали мужики ковыльной степью, как раз вечерело (вот как сейчас), а из-за высокой травы выскочила стая волков – лошадь зарезали, а мужики отбились топорами да «ливольвертами»... Неуютно было слушать это, и я ему показал свой вороненый «ливольверт», а он: «Ну, это пустяки супротив волков»...

Я помянул Троицк. Сие название помню с отроческих лет. Отец мой отбывал царскую ссылку в Кустанае (тогда он был Тургайской обл., а теперь и Кустанай, и Тургой – областные центры).

На базар, папа сказывал, они (ссылные т.т.) отправлялись в Троицк на лошадях¹. Между прочим, в этом Троицке я первый раз пробовал кумыс – очень понравился мне. Потом я жил в Уфе и в других местах. Ох, как мне было интересно и приятно побывать в тех местах, где мой отец был в царской неволе...

Какие у меня бывали встречи на путях-дорогах!..».

В письме от 29 апреля 1986 г. Иосиф Адольфович вспоминал, как «бывал на участке Турксиба от Петропавловска, курорта «Боровое» до района Акмолинска (потом – Целиноград)».

Другое личное воспоминание Шамиса о счастливых годах – до ареста в 1938 году (из письма от 29 февраля 1984 г.):

«В 37-ом стояли мы лагерем вблизи Владимира на ст. Ун-дол. Лагерь-то был километров 5 от железнодорожной станции, близко от реки Клязьма. Хорошо в авиалагерях было: я много раз проходил переподготовку. Место – чудесное. На открытие лагеря пригласили шефов. Там есть такая текстильная фабрика (по другую сторону Клязьмы), ну пришли шефы – одни ткачи. Ну и девки – одна в одну красавицы русские. Мы танцевали под духовой оркестр, балагурили, лузгали каленые тыквенные семечки – на лоне природы – красота какая!».

«Да, начнешь об одном говорить, и потянется цепочка воспоминаний – звено за звеном. Но я утешаюсь тем, что ночью

¹ Сокращение в тексте «т.т.» – товарищи.

ли, днем ли – я с тобой, дорогой Сережа, про себя беседую обо всем – с кем же еще, скажи на милость? Иных уж нет, а те!...».

Еще одно лирическое воспоминание из счастливых лет о работе в центре Москвы (из письма от 10 ноября 1987 г.):

«Ну, теперь немного о другом. Памятник Пушкину первоначально стоял в начале Тверского бульвара».

«Мне кто-то рассказывал, что москвичи очень переживали, когда узнали, что памятник собираются переносить. Даже, говорили, один старик написал в Моссовет, что он покончит с собой, если тронут памятник с Тверского бульвара. Так мне рассказывали об этом».

«Я работал на Пушкинской (Б. Дмитровка), а жил на Гоголевском бульваре (б. Пречистенский бульвар), и, конечно, на работу и обратно шагал пешком. Устанешь после работы, посидишь-покуришь на Твербуле у Пампуша. Потом это место мне казалось неудобным и, если приходилось отдыхать, ходил на скамейку, что напротив дома Ермоловой (ближе к Тимирязеву)».

«Бывал я в Загорске в молодые годы. Мы ведь летом жили по Ярославской ж. д.; там имел дачу рубленую, в одной минуте ходьбы от реки Клязьмы (ст. Тарасовка), так что я там много мест знал (дачу ликвидировали после моего отбытия на Северную стройку)» – такими эзоповскими оборотами Иосиф Адольфович описывал свой арест в 1938 г. и этап в Норильск в 1939 г. в письме от 30 мая 1983 г...

В первом браке у Иосифа Адольфовича с супругой Надеждой Ивановной Аверьяновой в 1930 году родилась дочь Галина. Супруги развелись, дочь Галина осталась жить с матерью (у нас в семье сохранилось свидетельство о прекращении брака 1 августа 1937 года). По рассказам Иосифа Адольфовича, жену Надежду Аверьянову он «отбил» у «красного комиссара». После развода супруги не общались, однако удивительным образом встретились ... в троллейбусе в Москве лет через 30–40! Оказалось, что они жили недалеко друг от друга в районе ул. Юных Ленинцев.

Вторая жена Иосифа Адольфовича Ольга Борисовна родилась 21 июня 1902 года в небольшом еврейском местечке, каких было немало в Белоруссии в начале XX века. «Жили небогато, но на хлеб и селедку, на кусочек мяса хватало, даже к субботе

халу выпекали» (так писал Иосиф Адольфович в воспоминаниях в форме новеллы «Места родные, заповедные». Это произведение Шамис отправил в июле 1987 года своему бывшему соседу по дому на ул. Чаплыгина (дом 1а, в настоящее время это дом 1 строение 1), писателю Владимиру Ильичу Амлинскому в адрес редакции журнала «Юность» в связи с публикацией в номерах 10 и 11 журнала за 1986 г. его исповедальной повести «Оправдан будет каждый час... Повесть об отце и его времени».

«Разразилась война 1914 г. Русская армия под командованием генерала Ренненкампа потерпела поражение в Восточной Пруссии и немец попер nach Osten. Тогда многие жители двинулись с насиженных мест. Людей этих называли беженцами; им даже царь предоставил какие-то льготы, в частности, еврейских детей, детей беженцев, разрешалось принимать даже в казенные гимназии без процентной нормы, – вот какую «милость» оказал царь беднягам-беженцам... Кто-то из них двинулся вглубь России, кто на Украину, – наши мать с дочкой, – муж матери, отец дочки ранее умер от болезни почек, – они двинулись на север, в город Вышний Волочек. Принял их родной брат матери; стала она работать в аптеке, дочь – учиться в гимназии. Да, хоть город был и не из именитых, но была Мариинская женская гимназия. Дочь успешно закончила курс. А дальше что? Подалась в 1920-ом в славный город Москву, за ней и мать. Здесь их принял другой родной брат матери, исконный житель Москвы. И свершилось это в районе Чистых прудов, и осели они окончательно в Телеграфном переулке» – так описал Иосиф Адольфович приезд своей будущей жены Ольги в Москву в новелле «Места родные, заповедные».

И далее: «Знал я дочь и матушку ее и часто бывал у них в Телеграфном переулке не один год, но «взошел в зятя» (как говорил некий плотник из старинного города Шацка) в 1936 году».

7 июня 1938 года в роддоме в Лепехинском переулке (б. Дегтярный тупик, переименован в 1922 г.), что вблизи Покровских ворот, у Ольги Борисовны и Иосифа Адольфовича (за два месяца до его ареста!) родилась дочь Юлия.

Вернемся, однако, к воспоминаниям Иосифа Адольфовича из новеллы «Места родные, заповедные».

«Но недолго я там, как говорится, царствовал. Волею судеб («И от судей защиты нет», А. Пушкин, «Цыгане») был я с ними

*«Песня без слов».
Ольга Борисовна
Мендельсон, жена
Иосифа Адольфовича.
Подпись под
фотографией,
подаренной
Шамисом Щеглову
12 сентября 1986 г.*

в разлуке годов восемнадцать. К году возвращения к родным пенатам, без меня, скончалась теща – очень уважал ее и, кажется, пользовался взаимностью.

Много раньше, и тоже без меня – на другой год после моего отбытия из Москвы, умер *ad patres*, мой отец. Он жил с мачехой, которую я звал мамой, ибо она меня вырастила, за Сыромятниками вблизи правого берега Яузы – там на горке стоял (и сейчас стоит) б. дом Строганова. В наши годы дом был «преобразован» в «коммуналку», и отец получил в нем комнату с пристроенным к нему тамбуром с отдельным выходом во двор. Мне уже потом сказывали, как отец тяжело переживал разлуку со мной (единственный сын и первенец – еще двое детей – девочки). Он нередко говорил, что сын не выдержит тяжелых испытаний, он-де знает, что это такое: сам при царе прошел через все «академии»... Сведения обо мне не поступали, и отец совсем пал духом. И заявил однажды, что для него иссяк всякий смысл жизни и жить больше нет ему никакого резона. Повернулся к стене и замолк. Мать

думала, что он задремал. Спустя часа два она спохватилась и побежала за соседями. Шум, крик – все было кончено. Шестьдесят лет всего. А виновник его безвременной кончины, пишущий эти строки, его сын, старше отца уже на целую четверть века...

Предсказания отца не сбылись, и сын его все выдержал и возвратился. Но уже не на Телеграфный переулок: года за три до воссоединения семьи теща, как теперь говорят, съехалась с дочкой и внучкой, получив в обмен за две одну комнату. Сюда-то я и возвратился после длительного «путешествия»...

В августе 1938 года Шамис был арестован по ложному обвинению; вначале сидел в тюрьме в Москве и через некоторое время попал в лагерь для политических заключенных на Соловецких островах. Другие подробности этого периода его жизни нам неизвестны.

Эти годы (1937–1938 гг.) были особенными в истории СССР и назывались они годами Большого террора, печальный юбилей которого, 80 лет, пришелся на 2017 год.

Если представить данные о массовых арестах и расстрелах в сталинском СССР в виде графика, то получится кривая линия, которая в отдельные периоды образовывала высокую волну. Иначе говоря, если в целом государственный террор был огромным во все годы правления Сталина, то в отдельные годы он был чрезвычайно огромным и чрезвычайно жестоким.

Как показали современные исследования, в 1937–1938 гг. было арестовано по крайней мере 1,6 млн человек, из них более 680 тыс. расстреляны. Руководящих работников разных уровней среди них было несколько десятков тысяч. Жертвами террора были простые советские люди, не занимавшие должностей и не состоявшие в партии.

С учетом того, что наиболее интенсивно репрессии применялись чуть больше года (август 1937 – ноябрь 1938 г.), получается, что каждый месяц арестовывались около 100 000 человек, из них расстреливались – более 40 000.

В 1992 г. стали доступны документы, которые показали, что террор 1937–1938 гг. планировался так же, как все остальное в советской системе. На убийство людей составлялись и утверждались такие же государственные планы, как на производство

стали или детских игрушек. Известны, например, 383 списка на аресты и расстрелы 40 000 советских руководящих работников, утвержденные Сталиным и его соратниками.

Основная идея террора состояла в том, чтобы ликвидировать физически или изолировать в лагерях те группы населения, которые сталинский режим считал потенциально опасными – бывших кулаков, бывших офицеров царской и белой армии, священнослужителей, бывших членов враждебных большевикам партий – эсеров, меньшевиков и многих других «подозрительных».

Для решения судьбы аренствованных создавались внесудебные органы – тройки. Как правило, в их число входили нарком или начальник управления НКВД, секретарь соответствующей партийной организации и прокурор республики, области или края. Тройки получили чрезвычайные права. В пределах планов-лимитов, утвержденных в Москве для данной области или республики, тройки выносили приговоры и отдавали приказы о немедленном приведении их в исполнение, включая расстрел, без обжалования.

Материалы, сохранившиеся в личном фонде Сталина, показывают, что руководство репрессиями в 1937–1938 гг. занимало значительную часть времени диктатора.

Например, он самым внимательным образом прочитывал многостраничные протоколы допросов, регулярно доставлявшихся ему из НКВД.

В 1937–1938 гг. Сталин впервые перестал выезжать из Москвы в отпуск, хотя в предшествующие 14 лет ежегодно проводил на юге несколько месяцев летом и в начале осени. Организация террора занимала все его мысли и силы.

В Норильск И.А. Шамис прибыл в 1939 году морским путем в числе первых заключенных, этапированных с Соловецких островов для работы на только еще начавшейся здесь великой стройке. Об этом свойственным ему «эзоповским» языком Иосиф Адольфович рассказал в письме Сергею Львовичу от 11 февраля 1968 г. Вот отрывок из этого письма:

«Пароход «Буденный» – 5000 т. Осенью 39 г. после высадки людей мы разломали в трюме 5-ярусные нары, надпалубные вышки охраны и галльон и с днища трюма выгружали на бар-

жи (морской пароход не мог подойти к берегу и стоял на рейде, буксиры тащили баржи к речным причалам), большие (10–15 кг каждый) фасонные «кирпичи» для облицовки металлургических печей в Норильске. Говорили, что огнеупор был помещен на дно трюма как балласт, чтобы пароход с людьми, вес которых, особенно после Соловков, был очень мал, был устойчивее в Карском море – по пути из Соловков – Северным путем – в Дудинку.

Я тогда был «наивняк» и меня удивляло, как урки ломали и топорами с каким-то особым остервенением ломали вышки и уборные и с высокого борта бросали в Енисей – море... Летело за борт немало досок с нар, брусья, кругляк. А мы, «фраера», жалели каждую дощечку и, невзирая на смешки урок, старались спустить все с борта парохода на берег...».

Возможно, в этом письме дата «осень 39г.» указана неверно и следовало бы указать: во второй половине июля 1939 г. В новелле «Ночь тиха» (1987 г.) Шамис рассказывает о погрузке норильского угля на баржу в порту Дудинка во второй половине сентября 1939 года. В новелле «Читая «Правду» (1983 г.) говорится о первостроителях – заключенных Норильского лагеря, прибывших в порт Дудинка после двухнедельного плавания из Красноярска по Енисею и о погрузке угля на суда (т. н. банкеровке), и это якобы происходило во второй половине июля 1939 года. Скорее всего, это происходило также во второй половине сентября 1939 г.

Я полагаю, что правильной является следующая датировка тех далеких событий по письмам Шамиса: он прибыл в Норильск (Дудинку) с Соловецких островов (где был крупный лагерь ГУЛАГа) Северным морским путем через Карское море осенью 1939 г. (что бесспорно следует из его рассказов о себе в письмах от 11 февраля и 1 июня 1968 г.).

В более поздних новеллах 1983 и 1987 годов Иосиф Адольфович рассказывал о других заключенных, прибывших в Дудинку речным путем по Енисею из Красноярска во второй половине сентября 1939 г.

Скорее всего, Иосиф Адольфович через много лет ошибся и указал июль вместо августа, т. к. этап из Соловков, по архивным данным, прибыл 17 августа 1939 г., о чем поведала Н. Дзюбенко (ее статья о Соловках – в 11 главе данной книги).

В 1940–1941 годах Шамис сидел «в норильской тюрьме на Нулевом пикете. Тогда многих посадили из лагеря – политических, шло следствие. И началась война – следствие ускорили», – рассказал он о себе в новелле «Как Бергер от вышки спасся».

Не могу не процитировать отрывок из письма Шамиса от 8 июля 1984 г., где идет своеобразная перекличка темы из новеллы «Читая «Правду» с темой из писем Шамиса о тяжелом труде его и других заключенных на разгрузке барж с лесом:

«Да, Сережа, прошу прощения, есть у меня «Читая «Правду». Я даже перечитал! И мне даже понравилось. Но это было ведь в апреле 1983 г., а яичко дорого к Христову дню. Так что давай не будем, как говорили в Н.

...А картинка, как овчарка гонится за песком у штабеля с бревнами, так и стоит перед глазами. Подумать только: 45 лет прошло, а как сейчас вижу все это. И ведь много таких картинок у каждого человека в мозгу, – это не удивительно!

Да, картинку вижу, а понять не могу: откуда взялся в том месте штабель кругляка: ведь акватория круглого леса находилась чуть ли не у самого устья реки Дудинка, а штабель – почти напротив помещения порта? Здесь кругляк не разгружали. Здесь разгружали только пиломатериалы. Да, разгружали мы доски, среди них так называемая лафетная доска, толщина 10 см. Таскаем мы с Марком Е. по трапу, – тяжело! Третьего товарища дали нам. Но в какой-то момент я почувствовал, что у меня, – прошу извинения, – в анальном отверстии мокро. Кровь, черт бы ее взял... Да, и такое было! Разное бывало...».

За 5 месяцев до смерти в США в одном из последних писем Сергею Львовичу Иосиф Адольфович через 55 лет так вспоминал начало своего пути на Норильскую Голгофу в 1939 г.:

«Но об одном, мне кажется, я обязан сказать тебе как на духу, правда, боюсь, что это тебя огорчит, но не могу молчать.

Мой трудовой путь, моя, как смею сказать, *via dolorosa* (скорбный путь Христа на Голгофу) начался на правом берегу Енисея на перевалочной базе Норильстроя. Надо было загрузить трюмы и даже палубы стройматериалами, оборудованием и продовольствием, в этих же трюмах и нас, рабов, везли в самое сердце Заполярья, в порт Дудинка. Это был путь ужасный – по времени

и по абсолютной несовместимости «контриков» с «друзьями народа», с урками и прочей рваниной, – тебе, Сережа, не трудно представить себе этот тюремный конгломерат...

И был с нами некий з/к, звали его Владимиром. Широкоплечий, статный, сильный, молодой еще человек. Большевик с начала 17 года. И вот, в предвидение будущего пути он поставил передо мной вопрос – как себя вести в роли грузчиков и т. п. Его концепция: надо выжить, чтоб пережить. А как? Работать! Не надрываться, но и не филонить! А был Володя в прошлом на дипломатической работе, работал даже у самого Чичерина (много интересного мне рассказал), потом – в загранке в одной из стран под эгидой Александры Михайловны Коллонтай, – первая в мире женщина посол (1872–1952), ставшая вдовой знаменитого балтийского матроса Дыбенко (1889–1933, большевик с 1912 года, командарм, посмертно реабилитирован).

Ну, дали нам поутру баланду и по 5 человек в ряд погнали на погрузку. Я с Енисеем познакомился еще в 1930 году, там наша организация строила мукомольный комбинат. Но на сей раз река произвела сильнейшее впечатление. Только лед сошел, полноводная, она заняла все пространство от берега до берега, цвет воды – будто это расплавленный свинец, а не вода; мощь – богатырская! Я до того был в восторге, что у меня вырвалось: «Да ведь в этой могучей реке можно пять Волг искупать». А ведь Волгу я знал и любил, подружился в годы Гражданской войны в 1920 году в Саратове, там в сквере памятник Н.Г. Чернышевскому (1828–1889; 7 лет каторги и вечное поселение в Сибири). Вот так: Волгу-матушку любил, а Енисеем увлекся.

С Володей мы стали переносить с берега на палубу баржи бумажные мешки с цементом – и на горбуше (у тебя – «коза») вес 35 кг один мешок. Не страшно, но дощатый трап не очень устойчив, да и крутой – гляди в оба, а то сиганешь с трапа вместе с грузом, да и в самый-то Енисей!» (письмо от 5 февраля 1994 г.).

Система «подбора и расстановки кадров» в ГУЛАГе в основном строилась на принципе использования профессиональных знаний и опыта заключенных для нужд строительства и производственной деятельности крупных промышленных объектов.

Норильску требовался в больших количествах в первую очередь неквалифицированный труд бесплатных рабочих — заключенных, но во многих случаях требовались заключенные и специалисты, т. к. без профессионалов обойтись было невозможно.

Этим объясняется тот факт, что в Норильлаге Иосиф Адольфович, как и некоторые другие заключенные-специалисты, был расконвоированным. Вначале он работал нормировщиком в конторе рудника открытых работ «Угольный Ручей». Здесь зимой 1943 г. с ним познакомился Сергей Щеглов, молодой (20-летний!) заключенный. Об их знакомстве и зарождавшейся тогда дружбе рассказано в очерках Сергея Львовича, публикуемых в книге.

Шамис работал в Норильске инженером на строительстве теплоэнергоцентрали, Большой обогатительной фабрики, Рудника открытых работ, руководил строительством Завода динамонов (взрывчатые смеси аммиачной селитры с невзрывными горючими материалами) на месторождении «Медвежий ручей».

Как опытный строитель, старший инженер Шамис был назначен куратором периферийныхстроек Норильского комбината по Енисею, в числе которых были авиапорты в Туруханске, Подкаменной Тунгуске и Енисейске, совхоз и поселок в Курейке, совхоз и дом отдыха с пионерлагерем в Таежном, строительство дамбы и мехзавода в Подтесове, строительство электростанции и мехзавода для «Енисейзолота» в Северо-Енисейске, строительство Дудинского и Красноярского портов.

Вот как писал о создании Норильского территориального промышленного комплекса норильский писатель Анатолий Львов в книге «Большой Норильск»:

«...Незаметно для многих стал формироваться Норильский ТПК, или Северо-Красноярский с центром в Норильске. Его основная база — Норильский комбинат, его территория — Норильский промышленный район, границы которого постепенно отодвигаются во все стороны: к мысу Челюскин и за пролив Вилькицкого, к архипелагу Северная земля; к Игорскому и Туруханскому районам; за Енисей, вторгаясь в Большую Тюмень; к Хатанге и Эвенкии...».

Иосиф Шамис был и куратором строительства города Норильска, выросшего из Норильлага.

Особое место в биографии первостроителя Норильска Шамиса занимает строительство Завода динамонов на месторождении «Медвежий ручей». Об этом он рассказал в одноименной новелле (1984 г.), впервые публикуемой в данной книге.

Не оставляли эти события память и душу Иосифа Адольфовича долгие годы; в письмах к Щеглову он неоднократно вспоминал все новые и новые подробности героического труда заключенных в крайне суровых (и не только из-за климата) условиях заполярного исправительно-трудового лагеря.

Тема строительства Завода динамонов Норильского горно-металлургического комбината занимает важное место в жизни Шамиса и в его переписке со Щегловым еще и потому, что Иосиф Адольфович на этой изнуряющей работе свалился с воспалением легких.

Спасибо замечательным эстонским врачам из Центральной больницы Норильска и бескорыстным донорам! Подвиг этих заключенных спас жизнь их товарищу по несчастью, такому же заключенному Шамису, который провел в больнице на лечении пять с половиной месяцев.

Но начнем по порядку – по хронологии имеющихся у нас писем Иосифа Адольфовича об этой суровой странице его жизни. Итак, слово документам.

«С неделю тому назад у меня начались сильные боли с левой стороны грудной клетки с сильной отдачей в левую ногу. Стало больно передвигаться. Никому, конечно, не сказал об этом, тебе говорю – доверительно. Думаю так: после лечения в Норильске (когда меня увезли с г. Рудной) у меня образовалась спайка в плевральной полости; она, спайка эта, как-то «спаялась» с диафрагмой; очевидно, с течением времени произошли «метаморфозы», которые давят на сосуды и нервы левой части поясницы и левой же ноги...!» (письмо от 3 августа 1984 г.).

«Спасибо за звонок – он мне был очень приятен. Но приятнее было бы, если бы ты заглянул ко мне на огонек, когда еще увидимся!

С 5-го марта не был на улице, была высокая температура, врач говорил – легкие, пичкал меня антибиотиками, принял курс – ничего не получилось, перешел не другой – теперь по-

лучается. Я думаю, что количество перешло в качество – и получилось. Но все это не создает иммунитета – завтра, скажем, простыл и начинай сначала.

Я, конечно, знаю, откуда все это, – это от Медведки. Когда я там заболел, мне надо было сразу же податься оттуда. Но где там! Мне хотелось обязательно увидеть результаты, т. е. своими глазами увидеть и ушами услышать взрывы – опытные – той продукции, за которую мы бились почти 8 года. И увидел – услышал! И тогда сдался и дал себя увезти. Температура за 40, почти без сознания.

А тут еще такое переживание: был в одной бригаде у меня парень по фамилии Линеви́ч (фамилия громкая: был главным-командующим на «Сопках Маньчжурии» в 1905 году). Мой Линеви́ч числился в бригаде дневальным, т. е. обслуживал ее, ну и печку топил в инструменталке-обогревалке, где и мой был кабинетик с чертежами и пр., и где стояла моя койка (в пусковой период я не уходил на гору Рудную, а ночевал на Медвежке); он же, парень, мне обед грел.

Когда я стал неважно себя чувствовать (началось с ангины), Линеви́ч меня уговаривал уйти со стройки. Я – свое: не могу еще. Однажды он мне говорит: хорошо бы тебе, начальник, горячей ухи из свежей рыбки. Да! (В картине «Чапаев» есть трогательные кадры. Петька, посыльный Василия Ивановича, ночью наталкивается на старого казака – дутовца, удившего рыбу. Старик расплакался и поведал, что брат Мишка помирает – ухи «просит»... Мишку просто забили шомполами по приказу офицера). Словом, мне тоже ухи надо... Линеви́ч говорит – отпусти на пару дней на Вале́к, принесу свежей рыбы на всю бригаду и тебе уху сварю. Говорю: не могу сам решить это, скажи бригадиру, пусть получит разрешение от того начальства; если то начальство разрешит, я не буду мешать этому. В таком духе. Словом, пошел Линеви́ч. Молодой, стройный, я сказал бы, воспитанный парень – как он попал в эту компанию, не знаю – некогда было мне тогда докапываться в таких делах, в людских судьбах – давай-давай, время военное и – все тут... Словом, ушел Линеви́ч и – нет его. И не стало его. Сказывали – утонул на Норильской... Да, не только горло болело, голова раскалывалась, но и душа болела за юного парня...

Когда Натаныч¹ меня спровадил в больницу, у меня уже был 41 градус. Но когда врачи Гейниц А.Г. и Мардна Л.Б. (оба эстонцы), осмотрев меня, стали о чем-то шептаться между собой, я им выдал: *contra vim mortis non est medicamen in mortis* (против смерти нет лекарства в садах). Мардна знал латынь и тут же перевел Гейнцу, не знавшему ее. Они переглянулись, опять глянули на «живой труп» и ушли, а я, очевидно, надолго потерял сознание. Вот откуда мои «легкие» – с Медведки... Наверное, железное здоровье заложила во мне мать-природа, если, несмотря на все перенесенное, я еще *spiro* (*Dum spiro, spiro* – пока дышу, надеюсь) <...>.

С названными двумя врачами я был в добрых отношениях. Оба они по национальности эстонцы, только Гейнц ленинградец, а Мардна – таллинец.

Алексей Георгиевич Гейнц – один из первых эстонцев-большевиков: один из первых, кто в 18-м году отстаивал советскую власть в Эстонии; один из первых, кто получил тогда же боевой орден Красного Знамени.

Высокий, широкоплечий, белолицый – викинг! Добрый. Но, наверное, мог бы и дать по зубам. Был инфекционистом, потом невропатологом. Пациенты любили его, коллеги с ним дружили. Где учился – не знаю, закончил ли он высшую школу – не ведаю.

Мардну он боготворил, а Мардна его любил. Леонхард Бернгардович Мардна закончил Сорбонну. Был заслуженным врачом Эстонской ССР. Высокообразованный человек и врач. Жена его, Адда Эдуардовна, тоже видный врач. Оба – из эстонской интеллигенции.

У Гейнца я был в гостях в Ленинграде. Умер он.

Мардна дважды был гостем у нас в Москве. Я – в его семье. Умер 24 июня 1982г., что видно из некролога. (В этом некрологе сказано, что он учился в университете в Тарту, – тоже славное учебное заведение). В Норильске, насколько я смею судить об этом, он был, пожалуй, самый образованный врач <...>

Затронув тему о моем заболевании на Медвежке, я хочу добавить несколько слов. Конечно, *дело не в том, что мне мило то время, – наоборот! – дело в людях, с которыми я столкнулся.*

¹ Зинюк Юрий Натанович, заключенный, инженер-химик, см. «Синодик».

Есть же люди! Или мне везет на интересных и добрых людей? Конечно, я и дряни всякой повстречал и немало пострадал. Но хорошее помнится лучше.

Итак, я в больнице в очень тяжелом состоянии. Анализ слюны из зева показал, что у меня стафилококковая ангина. Запустил эту болезнь – не хотел уйти с горы... Анализ крови показал, что сей кокк есть в крови. А это значит – заражение крови, сепсис. Страх какой: общий сепсис. Но за меня сразу взялись: врачи – инфекционист (Гейнц), легочник – сердечник (Мардна), глазник – у меня были отеки всего лица и вокруг глаз (Дзянитис), кожник (Туминас), сестра Лилианна. Как лечить? Пенициллин? Он был изобретен еще в 1929 году и через океан и три моря прислан к нам, но злые языки говорили, что Владимир Степанович¹ держит его в сейфе и – никому. Был прислан также сульфидин. Но принимать его *per os* (через рот) – малоэффективно. А тут – горит, можно жизнь проиграть. Был там же аптекарь, звали Михаил Соломонович Ляндрес. Но ему-то какое дело до меня! Не знаю. Заинтересовался. А был он аптекарь от Б-га. Имел университетское образование! Он поставил себе задачу получить такую сульфидиновую эмульсию, чтобы было можно вводить в вену (*per venum*). Надо бы в чем-то растворить порошок, добиться, чтобы раствор проходил через отверстие иглы. И т. д. Он не спал, пока не добился требуемого. Но еще нужно получить добро от врачей. Одобрили, ввели в вену, следили, еще вводили.

...Чем это моя личность заинтересовала их всех? До сих пор не могу ответить на сей вопрос. Но я не думаю, чтоб я был исключением: по моим наблюдениям, ко всем больным относился с полным вниманием. И все же, со мной, кажется, больше «цацкались» – не знаю почему².

Второе дело – надо было сделать переливание крови. Свежей, не консервированной, не подогреваемой, без цитраля. И на-

¹ Зверев Владимир Степанович, начальник Норильского комбината, см. «Синодик».

² Возможно, Шамиса «спасла» латынь: врачи почувствовали в нем необычного пациента – высокообразованного и расконвоированного заключенного и, что называется, выложились: приложили максимум знаний и стараний для его спасения от неминуемой смерти от сепсиса – гнойного заражения крови инфекцией из-за снижения защитных сил организма вследствие тяжелого заболевания.

шли на Вальке одного *здорового парнягу* – и рыжий он был... Отмыли его и положили на стол в предоперационной. А затем, на соседнем столе, впритык, поместили меня, грешного. И вот – пошло *прямое переливание крови* от донора к реципиенту – горячая, свежая, здоровая... Кубиков 300. Отнесли в палату. Начался озноб. Хотя группа крови соответствует, но защитные силы организма начинают борьбу, чтоб отторгнуть чужой белок... Такой озноб, что не только зуб на зуб не попадает, но все члены трясутся в лихорадке... Ну, дают камфору под кожу, глюкозу и т. д. Не согреться никак. Накидывают второе одеяло, третье... примерно минут через 40 озноб проходит и становится тепло, потом жар – и так жарко, что пот ручьем истекает от тебя. Начинают снимать одеяла и т. д. Затем дают сухое белье, но и простыни мокрые. И моя Лилианна придумала – отвела для меня вторую койку и туда меня перетаскивали. Там я засыпал, а потом – волокут на первую койку. Вот такой «лорд» попался: две койки занимает...

Три раза переливали, второй раз от поварихи «тети Моти» – я ее знал, она и в палату приходила, и в гостинице потом встречал. *Третьего донора я не помню*¹.

Опасность миновала (я пропускаю всякие процедуры, например, пункцию, которую мне не раз делал доктор Мардна: делается прокол в межреберье и 20-ти граммовым шприцем отсасывается жидкость – экссудат из плеврального мешка etc.).

¹ Иосиф Адольфович в данном случае допустил, вероятно, неточность. Третьим донором была «Сестра Фрося», о чем она – Ефросинья Керсновская – рассказала в письме Лидии Ройтер (жене Леонида Андреевича Ройтера, заместителя начальника ОКС Управления Норильского комбината) от 16 февраля 1980 г., полностью публикуемом в 7 главе книги. Вот отрывок из этого письма, относящийся к болезни и прямому переливанию крови от Е. Керсновской к И. Шамису:

«С III. я в переписке не состою. Вернее – не состояла. В последний раз я его видела тридцать четыре года тому назад. Он был очень тяжело болен – хронический – зеленый стафилококк в крови. Это болезнь смертельная. (Обычно – инфекционный бородавчатый эндокардит и – амба!). Мардна очень старался вызволить его из беды. Ну а я ему помогала. Сколько вливаний, сколько переливаний крови (в том числе – сыворотки моей крови)! Мардна ко всем больным относился в высшей степени добросовестно... чего и от своих «средних» требовал. Ну а у меня всегда была склонность «расшибать лоб», если уж начинала молиться. Одним словом, против ожидания, III. выкарабкался, и он сохранил благодарную память к Мардне. А заодно – ко мне» (сокращение «III» – так в тексте Керсновской Е.А.).

Но я ослаб, еда не идет никак. Не поправляюсь. Сильно истощен организм.

Каким-то образом о моей болезни узнал Перфилов; когда я работал на строительстве 1-ой ТЭЦ, он был начальник; сейчас он строил БОФ. Так вот, узнав, он (я об этом позже узнал) распорядился перевести на больницу для меня ИТРОВский паек. Плюс больничный; как я потом узнал, это дает право на «индивидуальное питание», т. е. я могу «заказывать» что хочется мне. Конечно, в 44-ом известно какое было положение, но все же.

...Приходит ко мне утром шеф-повар: «Ну так что мы будем кушать сегодня?» (Врачи тоже так говорили: как мы себя чувствуем, ну и повар тоже так говаривал. Повар сей был петербуржец родом, личность – архиколоритная, о нем многое можно рассказывать. И фамилия его была Пышкин, Анатолий Александрович Пышкин...).

– Ничего не хочется, Анатолий Александрович, – отвечаю.

Но тут подключается Лилианна, с которой Анатолий Александрович был очень дружен и которую очень уважал.

– А ты, говорит она Анатолию Александровичу, – сам сообрази. Ну, салатик сделай, простоквашку, отвар шиповника не забудь. А чаек завари брусничным листом да брусничного варенья пару ложечек положи. Найди, сообрази! Ты же шеф!

– Хорошо, – соглашается Анатолий Александрович, – а на обед что? Могу бульончик из куропатки и котлеточку из белого мяса, пойдет?

В таком вот плане. Когда я понял сию «слабину», я стал требовать побольше еды, и хлеба и сахара. И, конечно, мои близкие соседи по палате стали «пасть» излишками. Эту игру понимали, но никто не «шумел».

Спустя 4–4,5 месяца меня перевели в терапию, в палату № 8, называлась «Палата лордов» – там были интересные товарищи, все ходячие. Книги, журналы.

За что мне такая честь? Люди, кровь, еда, ласка? Не могу ответить на этот вопрос... Почти со всеми я поддерживал потом добрые отношения. Многие побывали у меня в гостях, в т. ч. аптекарь.

Пышкин с Лилианной стали потом супругами, я у них бывал – жили вблизи Нулевого, потом в Таежном, где он был

шефом. Она бывала у нас дома, когда приезжала в Москву из Софии, где она жила последние годы. Наши норильчане бывали у нее в Софии. Много интересного можно бы рассказать о ней и о нем тоже. Вот это был Шеф, не говоря уже, что человек был прекрасный! – Такая, брат, эпопея была!..<...>

Ночью в палате (еще в инфекционном отделении) скончался парень. Покрыли его лицо простыней – 2 часа надо ждать до отправки в морг. Я не спал. Вижу, парень один пробирается к койке покойника. Оглянулся, открыл тумбочку и – цап пайку умершего. Потом он ел этот хлеб, укрывшись с головой... Меня, свидетеля, это передернуло, но я молчал – и думал.

И вспомнил стихотворение в прозе Тургенева «Щи»: Пришла барыня на деревню сказать слово утешения старухе, у которой умер единственный сын. Он лежал в гробу на столе, а Татьяна – рядом! – хлебала щи. Барыня упрекнула старуху – дескать, сына родного не любила... Старуха, плача, ответила: «Вася мой помер..., с живой меня сняли голову. А щам не пропадать же: ведь они посоленные». Барыня только пожала плечами – и пошла вон. Ей-то соль доставалась дешево.

Вспомнив это стихотворение, я простил соседа... Потом грыз себя, что я взял на себя роль судьбы и тоже... простил» (письмо от 14–19 марта 1984 г.).

Перенесенное в Норильске воспаление легких с заражением крови постоянно напоминало о себе. Вот отрывок из письма об этом: «Я, Сережа, перенес дважды приступы пневмонии (это все наследие Медвежки). Перенес сравнительно легко. Но ослаб, кажется, здорово, выгляжу измученным» (письмо от 24 марта 1983 г.).

«О Заводе динамонов. Что я могу добавить к тому, что написал тебе уже? Конечно, можно было бы жестче написать: другой раз подумаешь, как это мы «путешествовали» в «утро туманное, утро седое» с г. Рудной – туда и в ночь непроглядную – обратно – жуть берет. За все время А.Г. Плешков (начальник РОРстроя) припелся ко мне только раз. Он был хорошим инженером – и он мне помог советами. Какой это был отличный рисовальщик! Бывало, кто-нибудь из профессионалов-плотников задает ему вопрос. Плешков вытаскивает блокнот и ка-

рандаш, и вместо ответа, через 2 минуты показывает рабочему чертеж, скажем, сложной врубки. Чертеж такой четкий, точный, что опытные работяги-плотники рты раскрывали от удивления. Будто кто-то чудо сотворил у них на глазах. Рисунок рельефный, тени положены – живой рисунок. Талант был! Учился в старинном Томске. Я так не умел – с ходу показать. Представляешь, как это облегчает работу: не ясно? Пожалуйста, миг – и все ясно. Пил он здорово, видно, от этого и умер рано – царствие небесное! <...>

Такая картинка из прошлого (на стройке Завода динамонов).

Стойки бревенчатые каркаса корпуса № 1 надо было глубоко закапывать.

Придет на место рабочий, уберет снег, валиками уложит вокруг кола, – это центр будущего котлована, – потаскает уголька да щепы и давай костер раздувать. Дует во все легкие, щеки надумаются, аж скулы ломит, – черта с два, – не горит никак. Бежит он в обогревалку, выспрашивать у дневального жару, и назад, держа «священный огонь» на совковой лопате. И опять дует вовсю... Был здесь парень молодой из бывших беспризорников, так ему, единственному, удавалось быстро развести костер. Как, – спрашивают, – тебе это удастся? А я, – говорит он, – с малолетства привыкший до костров... Он и не бил ломом землю, стальной клин в нее не загонял, кайлом не ломал эту мерзлую землю, плотную и крепкую, как чугун – он разведет столько-то костров, и бригадир отпустит его греться в обогревалке.

Горит-курится костер; к концу дня, может, сантиметров 15–20 оттает. Уберут этот грунт. И заложат костер на ночь. Если пурга не накроет и не погасит костер, что чаще всего случается, то утром можно выгрести сантиметров двадцать.

Дни за днями – когда выроем эти котлованы, а они глубокие – от 2,5 до 3-х метров – и много их.

Ну вот, уже метр пройден. Заберется туда человек, костер раздувает. Дым глаза ест, кашель донимает – выскочить надо поверх... Какая это работа?! Был бы, скажем, компрессор да отбойные молотки – шпury бы делали – взрывом мерзлоту рыхлили бы..

Утром придешь – белым-бело все вокруг: за ночь пурга все «задула». Целина! Будто и не работали здесь вчера да позавчера... Иди, братец, шукай свой котлован, откидывай снег, откапы-

вай крышку, которой закрыл котлован. Тащи уголек да растопку и раздувай новый костер...

Работали. День зимний долог.

Отбой. Собирай «струмент» – надо в кузню сдать, взамен запрошенные взять – долота, кайлы, ломы.

Взваливали на плечи и пошли «пургою гонимы» – в спину дует, сейчас легче, чем утром, когда она, чертова пурга, в лицо «плюет», хоть лопатой оградись... Но выдюжили, завод построили таки на, тогда пустынной, Медвежке» (письмо от 15 августа 1984 г.). С.Л. Щеглов вспоминает, что была у них в Норильске такая непритязательная присказка: «Ветер-ветрило, не дуй ты мне в рыло. Дуй ты мне в зад – я буду очень рад».

Большой интерес для истории Норильска представляет переписка Шамиса с Ю.Н. Зинюком – другим выдающимся первостроителем Норильска.

Зинюк Юрий Натанович, согласно записям Шамиса в «Синодике», – заключенный, работал некоторое время в центральной химлаборатории, а с началом строительства Оксиликвитного завода возглавил Опытно-исследовательскую оксиликвитную лабораторию, где вел исследования нового сорта оксиликвитов – взрывчатых веществ на жидком кислороде и местном горючем (поглотителе), крайне необходимых для взрывных работ на рудниках в условиях острого недостатка твердых взрывчатых веществ, необходимых фронту. Вместе с горным инженером А.Д. Яхонтовым Зинюк руководил в Норильске разработкой технологии изготовления и применения оксиликвитов на открытых горных работах.

Письмо Шамиса Зинюку от 1 июня 1984 г.:

Дорогой Юрий!

«В развитие нашего телефонного разговора 1 июня с. г., так как слышимость была плохая, напомним тебе следующее:

Во второй год войны 1941–1945 гг. Норильску не хватало ВВ (мало завезли в навигацию). Но в Дудинке была селитра. И ты, Юрий Натанович, разработал технологию получения ВВ на базе этой селитры и местных компонентов. Был составлен проект Завода динамонов со строительством его на месторожде-

нии «Медвежий ручей». Стройка – весьма важная и срочная, так как дефицит ВВ неизбежно отрицательно сказывался на работе шахт, штолен и т. п.

Строительство Завода динамонов было мне поручено».

«Уже перед самым пуском я заболел (местность все же очень сырая была), но уйти с площадки в завершающий период не считал возможным. Оставался на площадке круглые сутки – работы велись круглосуточно в светлый полярный день. Но вот начались подготовительные работы к испытанию всего оборудования, после этого – к испытанию готовой продукции. Прогрели первые взрывы. Это была победа!

Температура шла вверх, меня отвели на базу. Врач установил, что болезнь – запущенная ангина, и меня срочно на грузовой машине спустили с горы Рудной в больницу, где я потерял сознание. Как я потом узнал, из-за этой ангины у меня развился общий сепсис. Но врачи были начеку...

Пять с половиной месяцев шла борьба за жизнь. Все же вышел. Вышел с травмированной плеврой и левым легким – вследствие плеврита получились спайки, которые по сие время дают о себе знать: каждую весну меня врач укладывает в постель и лечит антибиотиками.

Но работу я в Норильске не оставил, после болезни я там активно работал более 10 лет. После этого меня, согласно заключению врачей, уволили с Севера, из Норильска – по инвалидности...

Желаю здоровья тебе и твоей семье. Иосиф Шамис».

Ответ Зинюка Шамису от 11 августа 1984 г. из Ленинграда:

«Добрый день, дорогой Иосиф – давно получил твое письмо, но так сложились обстоятельства, что не мог сразу ответить. <...>

Теперь хочу тебе ответить на все твои вопросы.

Строительство Завода динамонов началось с конца 1942 г. Положение было такое. Весной 1942 г. (июнь) взрывчатка по Енисею не была получена в нужном количестве. Велись только взрывные работы в подземных рудниках. <...>

Тогда я начал испытывать взрывные составы из случайно обнаруженной в Дудинке слежавшейся за много лет аммиачной селитры. Я делал смеси аммиачной селитры с нефтяным битумом,

с торфом-сфагнумом. В.В.¹ с битумом давало средние результаты, а с торфом-сфагнумом, взятым в точном взрывном соотношении по взрывному балансу и тщательно перемешанным, давало очень хорошие результаты. Я составил технологическую схему производства динамона. Она состояла из отделения, измельчения селитры, сушки ее, измельчения селитры и торфа сфагнума (высушенного в цехе Оксидитного завода) и их смешения. Для этого использовались запроектированные для Оксидитного завода деревянные барабаны, но футерованные для динамона внутри листом алюминия и заполненные алюминиевыми шарами по моему специальному расчету – шары диаметром 50, 40 и 30 мм.

В этом и сущность этого динамона, т. к. при смешении на предприятии обычно применялись шары из бакаутного дерева или других крепких пород, а внутренняя часть барабанов футеровалась кожей. Этого в Норильске не было, и я решил применить алюминиевую футеровку и шары. <...>

Таким образом, идею использования селитры и все технологические расчеты сделал я и передал их в проектный отдел тт. Люри В.В. и Рабиновичу Л.А. По моей технологической схеме был сделан технический и рабочий проект. <...>

Через полтора года я применил на Заводе динамонов очень простую деталь и увеличил сушку в два раза, что довело мощность завода с 3 т в сутки до 6 т в сутки. Это дало, по расчету, около миллиона рублей ежегодной экономии, это я оформил первый раз в жизни своим рацпредложением. Мне выплатили аванс 20 % (2500 руб.) от положенного по правилам, а когда я в конце года пришел получить остальные около 10 тыс. руб., то зам. главного бухгалтера комбината сказал мне: «Хватит, что получили. Вы что, забыли, что недавно носили бушлат?».

Больше я этот вопрос не поднимал. Время тогда было сложное для нашего состава.

По всем делам Завода динамонов я имел дело в проектном отделе с Люри Владимиром Владимировичем и Рабиновичем Львом Александровичем. Кто проектировал строительную часть – не помню, а технологии и расположение оборудования со мной проектный отдел все согласовывал.

¹ Сокращение к тексту «ВВ» – взрывчатое вещество.

Когда завод построили, то помимо Окселиквитного завода я почти ежедневно был связан с Законом динамонов, и все необходимые расчеты я всегда делал сам при изготовлении динамонов. <...>

Вообще, пока шла война, завод динамонов и завод окселиквитов заменили десятки тысяч тонн В.В. для фронта. <...>

Это, конечно, было мало, и Норильск дополнительно получал В.В. Но около 8 лет Завод динамонов давал нужную комбинацию продукцию.

Об этом написать тебе, как строителю завода, безусловно, необходимо. Твоя роль первого начинателя этого строительства очень важна, и это надо тебе показать».

Далее еще несколько писем Шамиса к Щеглову, в которых Иосиф Адольфович вновь возвращается к теме строительства Завода динамонов.

«Теперь, брат, о Заводе динамонов. Между прочим, я запросил Лайкевича – что он помнит об этой стройке, – молчит.

Хочу коснуться даты.

Шамис И.А. (в центре в светлом) в своей комнате общежития ИТР. Слева от него Юрий Натанович Зинюк, начальник Окселиквитного завода, и его дочь Нора. Норильск, 1954 г.

Вот Натаныч как-то писал, что началась стройка в 42, а в 43 дали продукцию.

Я вижу другие даты.

Летом 42-го нас спустили всех с горы вниз. Работу на РОРе всю прекратили: во-первых, не хватало эл. энергии, во-вторых, ВВ, в-третьих, надо людские ресурсы производительно использовать. И спустили строить, т. е. расширять ВЭС-2. Надо было построить зал для новой турбины, прибывающей Северным морским путем (в военную годину!), для того, чтобы раскрутить ТЭЦ (сейчас ТЭЦ-1). Вот вся сила РОРа пошла делать это важнейшее дело.

Тем летом, 42-го, прибыл сам А.П. Завенягин. Работа пошла круглые сутки. Мы с Марком К. носились как черти: я заведовал строительными проектами, он – «начинкой» – теплотехника и пр. Помню случай, когда сам начальник Проектного отдела – тогда был Г.П. Локштанов – прибежал на стройку с ватманом: только что сделан был чертеж в карандаше, некогда снимать на кульку, делать «синьку», – давай-давай, скорее на стройку! Круглые сутки вкалывали, благо стоял полярный день. Ну и 13.12.1942 г. ТЭЦ загудела. Эхо первого гудка ТЭЦ разнеслось по «городу» и весям – ура! Теперь Норильск получит столько эл.энергии, чтобы с честью помочь тем, кто с оружием отстаивает страну от фашистского нашествия.

Потом, осенью поздней, строители ушли на гору, остались теплотехники, энергетики, те позднее вернулись (как только с ВЭС-2 пошел ток для раскрутки ТЭЦ.

Значит, в 42-м году мы никак не могли начать Завод динамонов.

Начать могли в 43!» (письмо от 6 декабря 1985 г.).

«Дорогой Сережа! Есть такая просьба к тебе.

Будешь писать о Заводе динамонов, пожалуйста, неставляй меня каким-то исключительным героем. Я был начальником участка и трудился по совести – и только. Трудно было – еще как трудно! Всем было трудно, мне, может быть, чуть труднее. И не пиши никаких титулов. Начальник участка: этого вполне достаточно. Кому надо, поймет, что это была пионерная работа (слово «пионерная» я, кажется, впервые услышал на РОРе от

маркшейдера, он проектировал «Пионерную траншею», с которой начинались вскрышные работы на руднике открытых работ «Угольный ручей». Красиво звучит: «пионерная траншея» (письмо от 19 декабря 1985 г.).

«Сколько я, Сережа, намучился там – трудно описать. Каждое утро я во главе отряда работаю, каждый из которых нес какой-нибудь инструмент, ведро, уголек, веревку и т. п., отправлялся с ОЛП «Кислородный завод» по гребню г. Рудной на Медведку. Боже мой, когда мы приходили, мы не заставали и признаков наших вчерашних трудов – все задуло пургой: ни тебе колышков, ни котлованов, ни балка, – начинай, брат, сначала. Нас не активировали – давай-давай, ибо лежала селитра, а нужно было превратить ее во взрывчатку, иначе шахтам-рудникам – труба! <...>

Какое это было трудное строительство – этого завода! Перекрытие помещения, где стояла кислородная колонка, полагалось сделать из плиток – в случае взрыва, чтоб волна ударила вверх и выбила плитки (железобетонные). Где их взять – эти плитки? По условиям военного времени разрешалась замена: решили ста-

*Вольнонаемный
инженер-строитель
Шамис И.А. Норильск,
1949 г.*

вить дерево – плиту. Помню – тянули рейки веревками наверх, а пурга рвет из рук рейки и валит людей с ног, а они на крыше ведь. Однажды, в отчаянии, я на этой самой крыше замахнулся на Струкова топором – уж больно надоели его понукания. Он испугался страшно, пошел на меня жаловаться, обещал посадить. Страх! А делали. Металл – фронту! Была даже газетка под таким названием – помнишь?» (письмо от 19 ноября 1970 г.).

Как я уже писал, Иосиф Адольфович первый свой срок – 10 лет – получил после ареста в Москве в августе 1938 г. В 1940 – начале 1941 г. он был заключенным норильской тюрьмы и там получил дополнительный срок заключения – 5 лет.

Это следует из письма Шамиса от 5 февраля 1994 г., одного из последних писем из США, за несколько месяцев перед смертью 13 июля 1994 г.:

«Сережа, а ты знал, что я в Норильске получил дополнительно 10+5? Там, в тюрьме, встретил и Сурена, и других. Страшное было время – первые месяцы 41-го в тюрьме!»

Следует полагать, что как специалиста-строителя Шамиса И.А. примерно в конце 1941 – начале 1942 года из тюрьмы перевели на строительные работы, и там он был уже расконвоированным заключенным.

За примерный труд на инженерных должностях лагерный срок заключения Иосифу Адольфовичу был снижен с 15 до 9 лет. Это дало возможность ему после отбытия наказания в 1947 году отправиться в отпуск в Москву.

Из письма от 11 февраля 1968 г. следует, что путь из Норильска в Красноярск, а это порядка 1800 км по прямой, он впервые проделал 12 марта 1947 года на самолете «СИ», полученном по ленд-лизу. Около 6 часов в воздухе – тундра, тайга, снег...

В письме от 5 августа 1984 г. Шамис писал о том, что, работая на стройках Норильского горно-металлургического комбината, он жил в разных местах: «Я жил на «Надежде», где месторождение «Угольный ручей», потом перебрался на г. Рудную (вероятно, когда был назначен начальником стройучастка на «Медвежку»)).

Вот как Шамис вспоминал свой быт уже в городе Норильске, очевидно, будучи вольнонаемным после отбытия срока заключения в лагере:

«Я жил на ул. Ломоносова, 5 в цокольном этаже большого дома. Действительно, это маленькая квартира, похожа была на каморку. Но там была передняя со встроенным шкафом, был телефон, в коридоре – душ, с разрешения начальства мне, за мой счет, конечно, сделали мебель по моим чертежам, буфет – книжный шкаф, диван 1S, стол, два стула. Все из сибирского кедра, цвет – белый, чуть-чуть кремовый; по моей просьбе покрыли бесцветным лаком, так что видна была фактура древесины. Красота была, ты просто не заметил – не до того тебе было» (письмо от 9 сентября 1984 г.).

После ареста Иосифа Адольфовича 23 августа 1938 года семья ничего не знала о нем 9 лет! Впервые после ареста он увидел жену и 9-летнюю дочь Юлию (которую вынужденно покинул в 2-месячном возрасте) только в 1947 году, когда из заключенного Норильлага перешел в категорию вольнонаемного и смог приехать в Москву в отпуск. По соображениям о возможности повторного ареста он не торопился окончательно возвращаться в Москву. Следующий короткий приезд Иосифа Адольфовича в Москву также в отпуск был через 5 лет в 1952 году, и это подтверждается имеющимися фотографиями семьи на даче в подмосковном Кучино.

Данных о времени реабилитации Шамиса нет. Известно, что 27 марта 1953 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии, по которому в течение 3 месяцев вышли на свободу почти половина заключенных из лагерей (примерно 1,2 млн человек из 2,5 млн, чей срок заключения был менее 5 лет).

Ожидавшееся, но не проводившееся освобождение «политических» привело к коллективным выступлениям заключенных (Воркутинское восстание, Норильское восстание, Кенгирское восстание). Эти события ускорили создание в СССР комиссий по проверке дел «политических» заключенных.

В течение 2 лет (с начала 1954 г. по начало 1956 г.) число «политических» заключенных уменьшилось с 467 тыс. человек до 114 тыс. человек, т. е. на 75 %. В начале 1956 г. впервые за 20 лет общая численность заключенных в СССР стала меньше 1 млн. человек.

Шамис И.А. Норильск, ул. Ломоносова, 1954 г.

*Иосиф Адольфович с дочерью Юлией и женой Ольгой Борисовной
в день ее рождения. Поселок Кучино Московской области,
21 июня 1952 г.*

После реабилитации Иосиф Адольфович только 1 октября 1956 года, через 18 лет после ареста, вернулся на постоянное место жительства в родные края к семье, в Москву...

В письме Зинюку от 1 июня 1984 г. Шамис признал, что после болезни он активно работал в Норильске более 10 лет. «После этого меня, согласно заключению врачей, уволили с Севера, из Норильска, по инвалидности!!!» Вот такой был отъезд по реабилитации – с инвалидностью и заключением врачей.

Будучи вольнонаемным на стройках Норильского комбината, Шамис опасался продолжения репрессий и не торопился с выездом с Крайнего Севера на «большую землю». Работая в Норильске, Иосиф Адольфович был внештатным корреспондентом норильской газеты «Заполярная правда», писал очерки, в том числе в содружестве с Сергеем Щегловым, в характерном для тех лет и тех мест стиле, воспевающем созидательный труд советских людей, строивших в трудных условиях вечной мерзлоты и длинной полярной ночи промышленный гигант – горно-металлургический комбинат по добыче и производству цветных металлов.

В письме от 9 июня 1986 г. Иосиф Адольфович вспоминал, как он «перезнакомился с родной дочкой Юлией в 1947 году, когда ей было уже 9 лет, придя домой на Архангельский переулок (ныне Телеграфный) в районе Чистопрудного бульвара. По возвращении отца домой в отпуск дочь Юля его стеснялась и обращалась на «вы».

Из документальной новеллы «Места родные, заповедные»:

«Прожив в Телеграфном переулке с 1920 года 30 лет, в 1950 году переехала Ольга Борисовна на другой «берег» Чистых прудов, в Большой Харитоньевский переулок. Дом этот находится напротив того места, где стояла церковь «Харитония Исповедника в Огородниках», – вместо церкви построена школа, перед зданием – памятник Н.А. Некрасову. Дом наш постройки 1913 г., комната 30 кв. м, высота более 3,5 м, полукруглый эркер в три окна на улицу, карнизные тяги, потолочная розетка – словом, комната богатая и хоть та же «коммуналка», но на тех же Чистых».

На углу Б. Харитоньевского переулка и улицы Грибоедова (б. Малый Харитоньевский пер., переименован в 1960 году),

в том же 1960 году установлен памятник аэродинамику-академику С.А. Чаплыгину (1869–1942), скульптор Виленкин. Машкову переулку присвоено имя Чаплыгина в 1942 г.

Выйдя (по годам) на льготную, т. н. северную пенсию, втянулся в общественную работу в своем микрорайоне, входившем в Бауманский район. Был избираем в участковый и центральный домкомы, возглавлял центральный домком микрорайона. Много лет избирался также председателем правления клуба имени Э.Т. Кренкеля. Клуб располагался в помещении бывшего бомбоубежища дома 1а по ул. Чаплыгина (от ворот – направо). Шефом этого клуба ряд лет была общественность Министерства финансов.

Дом по ул. Чаплыгина 1а был в тот же период одним из лучших в данном микрорайоне. В свое время он был в ведении «Кубуч» – Комиссии по улучшению быта ученых, председателем ее был В.М. Молотов, его преемником стал академик С.А. Чаплыгин».

Многолетнюю общественную работу, в которую Иосиф Адольфович добровольно «впрягся», он позднее вспоминал в письмах к Сергею Львовичу. Вот короткие отрывки из писем об общественной работе:

«...Мне говорили, будто Л.Н. Толстой советовал: если можешь не писать – не пиши. Вот я не могу не писать; но, к сожалению, лишен этой возможности. Впрягся я в общественную работу, несу такую нагрузку, что целые дни и вечера – не мои (я – пред. Совета клуба им. Кренкеля, который обслуживает около 20 тыс. населения, и т. п.)» (письмо от 7 мая 1966 г.).

«Есть много интересных вопросов – будешь в Москве – поговорим.

Я 10 лет отбухал – могу прямо сказать, что видел больше горестей, чем получал радостей. Но попадались люди, ох, какие интересные! Недавно я нашел одного человека – местного краеведа, имел с ним две беседы часа по 2–3, а мне казалось, что это были минуты 2–3. Приедешь, захочешь – поведу к нему, удовольствие получишь» (письмо от 11 февраля 1968 г.).

«Я еще хочу поделиться опытом – негативным опытом моей жизни после Норильска. Я отдал общественной работе лет 12, лучших, я сказал бы, в смысле опыта житейского, лет. Работал каждый день с увлечением. О том, между прочим, сказано в гра-

моте Бауманского района – «за долголетнюю и активную работу по воспитанию поколения». Думаю, что таких воспитателей как я, имелось бы достаточно и без меня; думаю сейчас, с большим опозданием, что лучше я работал бы над «нерукотворным памятником» первостроителям в те самые 12 лет, когда у меня было столько сил! Искренне жалею об этом. К чему это я? А к тому, Сергуша, чтобы ты учел мой опыт!» (письмо от 19 января 1984 г.).

О своей общественной работе председателем Совета Клуба им. Кренкеля Иосиф Адольфович рассказал в двух документальных новеллах – «Места родные, заповедные» (июль 1987 г.) и «Э.Т. Кренкель» (7 февраля 1984 г.).

Хочу напомнить, что Эрнест Теодорович Кренкель (1903–1971), немец по происхождению, был легендарным человеком – Героем Советского Союза, известным полярником, как профессиональный радист он участвовал в первой советской дрейфующей станции «Северный полюс-1» и других арктических экспедициях на ледокольном теплоходе «Георгий Седов» (1929 г.), на дирижабле «Граф Цепеллин» (1931 г.), пароходах «Сибиряков» (1932 г.) и «Челюскин» (1933–1934 гг.). После гибели «Челюскина» в арктических льдах Э.Т. Кренкель обеспечивал радиосвязь ледового лагеря О.Ю. Шмидта с материком.

Чем же занимался Совет Клуба им. Кренкеля по ул. Чаплыгина, под руководством председателя-общественника Шамиса? Как писал Иосиф Адольфович, дел была масса! В их числе детская музыкальная школа на общественных началах, занятия вели учащиеся старших классов ДМШ. В Клубе им. Кренкеля проводились встречи с депутатами Советов, отчеты народных судей, собрания парторганизаций микрорайона, выборы домовых комитетов, заседания товарищеского суда, отчеты общественных организаций, выпуск устного журнала, новогодняя елка для детей и другие праздники. Работал исторический кружок.

Клуб им. Кренкеля располагался в подвале жилого дома 1а по ул. Чаплыгина. Позднее его место занял известный театр-студия «Табакерка» под руководством Олега Павловича Табакова. Иосиф Адольфович назвал это «кошунством».

Новеллу «Места родные, заповедные» с воспоминаниями о своей жизни в районе Чистых прудов и о Клубе им. Кренкеля Шамис И.А. направил в журнал «Юность» члену редколлегии писателю Владимиру Амлинскому, который (как и его отец Амлинский Илья Ефимович, профессор-биолог) жил в доме 1а по Чаплыгина.

В том же доме жили писатель Алексей Максимович Горький и его жена Пешкова Екатерина Павловна, академик-биолог Гамалея Николай Федорович, писатель Дыховичный Владимир Абрамович, академик Чаплыгин Сергей Алексеевич, в честь которого позднее была названа эта улица, и, конечно, сам Эрнест Теодорович Кренкель.

Через три года после начала работы в Клубе им. Кренкеля Шамиса избрали председателем центрального домкома микрорайона численностью 16 тыс. жителей.

В письме от 3 июня 1979 г. Иосиф Адольфович писал:

«Был я немного в Ялте, оттуда теплоходом – в свою любимую Одессу. Когда я бываю в Ленинграде или в Одессе, я никогда там не хожу, как обычно по Москве, а бегаю, бегу, тороплюсь чего-то, сам не знаю почему. Может, это ко мне на день-два возвращаются юные силы, – не знаю, но я бегу, обегая любимые места, все места обязательно; тороплюсь, как на свидание когда-то торопился, – хорошо как!

Там, в Одессе, отстроили новый «Гамбринус», пошел; выпил там пиво; думал о Куприне, о Паустовском».

Шли годы. После тяжелой болезни 8 декабря 1984 г. умерла жена Иосифа Адольфовича, Ольга Борисовна Мендельсон, которая последние годы была инвалидом-колясочником (с ампутированной ногой).

«Сереженька, осиротели мы – не стало нашей Ольги Борисовны», – писал Шамис Щеглову 16 декабря 1984 г. В письме – цитата из И.С. Тургенева: «Сняли с меня голову».

Утрату жены Иосиф Адольфович переживал тяжело.

Здоровье его становилось все хуже, сказывался и возраст – за 80 лет! Не давала покоя застарелая болезнь, «наследство» из Норильска – боли в левой половине грудной клетки с сильной отдачей в левую ногу. Стало трудно передвигаться, писал он 3 августа 1984 г.

Все это – от горы Медведки, от пускового объекта 1943 года – строительства Завода динамонов. Норильскому комбинату для развития остро не хватало взрывчатых веществ. Люди гибли за металл.

Меняется ситуация и в семье дочери Юлии. Она, муж Виктор Эммануилович, 14-летняя Маша, 28-летняя старшая дочь Алла с мужем Алексеем Грановским обсуждают возможность переезда на постоянное место жительства в США.

Перед Иосифом Адольфовичем со всей остротой встает непростой вопрос эмиграции, который надо так или иначе решать...

Мысли Иосифа Адольфовича по-прежнему заняты Норильском. Рождается идея создать в Норильском музее экспозицию строительства на периферии – рассказать об объектах Норильского комбината по Енисею, вниз до Красноярска (письмо от 12 июня 1985 г.).

Уходят, все чаще уходят из жизни друзья – ветераны, первостроители Норильска. Нет уже Эпштейна, Гальперина и многих других близких ему людей.

Иосиф Адольфович периодически отсылает свои новеллы о первостроителях Норильска в «Заполярную правду», писателю Анатолию Львову. Публикаций мало.

В письме 9 июня 1986 г. Шамис написал удивительные слова признания: *«Я свое отжил. Смысл? Счастлив был: много интересных людей повстречал – повезло мне в жизни в этом смысле!»*

Таким он и был – счастливым от встреч с интересными людьми!

Прав Евгений Евтушенко, когда написал: «Людей неинтересных в мире нет, их судьбы – как истории планет...»

Иосифа Адольфовича заботит будущее документов. «А наши архивы? Я уже начал чистить и брошюровать свои бумаги, будет, вероятно, 5 скоросшивателей или 6», – писал он 9 июня 1986 г.

«Вообще говоря, и по справедливости говоря, надо уже в отставку, а я, видишь, все занят и занят и времени не хватает на все. Нет, я не жалею – к слову говорю» – из письма другу Сергею Львовичу от 24 июля 1987 г.

«Сделал еще 4 пачки для Тулы», – писал он в последнем письме из Москвы от 10 ноября 1987 г.

15 ноября 1987 года Иосиф Адольфович эмигрировал в США вместе с дочерью Юлией, ее мужем, кандидатом наук – физиком Виктором Эммануиловичем Кронгаузом – и внучками Аллой (родилась 16 июля 1959 года) и Машей (родилась 10 мая 1973 года).

«Простой» эмиграции не бывает. О ситуации, связанной с отъездом в США семьи Иосифа Адольфовича, рассказал Сергей Львович Щеглов в письме от 10 июня 2005г., отвечая на вопросы Сорокиной Ирины Михайловны, сотрудницы Музея истории освоения и развития Норильского промышленного района, которая проводила научное описание первых писем Шамиса, переданных Щегловым на хранение в Музей.

Вот отрывок из этого письма:

«Как я прощался с Иосифом? Во время моих частых посещений его он подробно рассказывал мне о своих сомнениях – ехать ли с Юлей или оставаться одному в Москве, у могилы Ольги Борисовны. Колебался он долго. Наконец, дочь, внучки и зять убедили его и он принял решение – уезжать! Последняя моя встреча с ним была, когда уже все было оформлено и оставалось несколько суток до отлета. Россия была его родиной, его страной, с которой он связал всю свою жизнь и деятельность, и я понимал, как трудно ему под конец жизни расставаться с дорогим ему прошлым. Но у него не было выхода. Что бы он один делал в Москве, старый, больной?». В США Шамис прожил шесть лет.

По рассказу Юлии Иосифовны, ее отец написал книгу воспоминаний о своей непростой жизни. Она считает, что перед отъездом в эмиграцию он мог передать рукопись своей книги только одному из тех двоих, кому он очень доверял – Сергею Львовичу Щеглову или фотографу Юрию Нестерову (так она запомнила имя этого человека).

Сергей Львович мне сообщил, что такую книгу, к сожалению, Иосиф Адольфович ему не передавал, и даже не рассказывал о ней ничего, что, тоже к сожалению, неудивительно.

Какие-либо данные о фотографe Юрии Нестерове для розыска его или его родных отсутствуют.

Возможно, что Юлия Иосифовна назвала фотографом Юрием Нестеровым известного ранее ей по Москве друга Иосифа Адольфовича – Юрия Кривоносова.

Виктор Кронгауз, муж Юлии, Александр Уманский, муж Маши, Елизавета Авербух, внучки Шамиса Маша Уманская и Алла Грановская, Аркадий Авербух, Юлия, дочь И.А. Шамиса. Нью-Йорк, 2010 г.

Я встречался с Юрием Михайловичем Кривоносовым 25 мая 2016г. вскоре после нашего знакомства на презентации написанной им книги «Михаил Булгаков и его время», вышедшей в нашем издательстве «Вече». Естественно, что одним из первых вопросов, заданных мною ему, было желание прояснить судьбу рукописи загадочной книги, оставленной Иосифом Адольфовичем на хранение неизвестному нам его другу перед отъездом в эмиграцию. И опять, к сожалению, концы поиска обрываются. «Нет, не передавал рукопись книги и ничего об этом не знаю», — отвечал мне известный фотограф.

Юрий Михайлович вспоминал, что у него могут храниться «несколько листов с какими-то записями Шамиса», но разыскать их он сможет только лично, в намеченном разборе большого личного архива... когда восстановится зрение на один глаз после операции (другой глаз, к счастью, в порядке).

Таким образом, рукопись книги воспоминаний Шамиса, возможно написанная им в Москве, пропала. Щеглову Шамис передал, как оказалось, только часть своего архива: книги, блокноты, письма...

Еще удивительнее продолжение рассказа Юлии Иосифовны. В начале пути в США семья около 4 месяцев жила в Вене, где они ждали разрешения на въезд. В Вене у Иосифа Адольфовича была небольшая отдельная комната, где он работал и по памяти записал заново свою книгу воспоминаний. В Нью-Йорке он предлагал нескольким издательствам выпустить книгу, но те не заинтересовались. Некоммерческую книгу можно было издать только за счет средств автора, но их для этого не хватало. Рукопись книги хранилась у внучки Аллы, которая примерно в 2014 году передала ее маме. Юлия Иосифовна это помнит, а вот папку с рукописью книги найти уже не может. Очевидно, она пропала в 2015 году после генеральной уборки в связи с ремонтом...

«*Сик транзит gloria мунди*» или «Так проходит мирская слава» (в переводе с латыни, которую знал и любил Иосиф Адольфович).

Скончался Шамис И.А. 13 июля 1994 года.

Большой интерес представляют рукописи Иосифа Адольфовича, содержащие воспоминания о встречах с такими же как и он сам заключенными Норильлага или вольнонаемными.

Норильлаг в те жестокие годы репрессий собрал много образованных специалистов, преданных своему делу, отдававших всю душу и способности (а некоторые из них и жизнь) инженерной, экономической, организаторской и другой работе в интересах гигантской стройки и начинающегося производства цветных металлов, в первую очередь никеля, меди, кобальта, платины.

Со многими специалистами Иосифа Адольфовича связывали товарищеские отношения и личная дружба. В силу своей привязанности к этому тяжелому многолетнему периоду непростой жизни в Норильлаге, после возвращения в Москву в 1956 году он все годы до отъезда в 1987 году в США поддерживал общение и переписку со многими друзьями и знакомыми, был активным участником встреч норильчан, организуемых в Москве в Доме ученых благодаря возможности и стараниям Владимира Ивановича Долгих.

Несколько слов об этом человеке. Крупный организатор промышленности, государственный и общественный деятель, В.И. Дол-

гих родился в 1924 г. Он был семь лет директором Норильского горно-металлургического комбината (с 1962 г. по 1969 г.), после чего избрался первым секретарем Красноярского крайкома КПСС (по 1972 г.), секретарем ЦК КПСС (по 1988 г.), кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС (1982–1988 гг.), депутатом Верховного Совета СССР и РСФСР (по 1990 г.), депутатом Государственной Думы (2011–2013 гг.), член Совета Федерации с 2013 г.

Особое место в жизни Иосифа Адольфовича Шамиса занимала дружба с Сергеем Львовичем Щегловым (литературный псевдоним – Норильский), начавшаяся в 1942 году, когда он был заключенным по этапу в Норильлаг.

Обширная переписка между ними велась более 30 лет, сохранилось 372 письма Шамиса из Москвы Щеглову в Тулу за период с мая 1966 г. по апрель 1994 г. Большая часть этих писем (204) передана в 2005 г. в «Музей Норильска», где они хранятся в личном фонде Щеглова С.Л. Меньшая часть писем Шамиса – 168 – хранится в Туле у Сергея Львовича.

К сожалению, отсутствуют письма, начиная с приезда семьи Щегловых в Тулу в 1961 году и до мая 1966 года. Да и за отдельные годы сохранились явно не все письма. Например, за 1974 г., 1989 г. и 1990 г. имеется по 1 письму, за 1969 г., 1991 г. и 1992 г. – по 2 письма, а за 1967 г. и 1991 г. нет ни одного письма.

Наиболее плодотворная переписка, судя по количеству сохранившихся писем, велась с 1983 г. и до отъезда Иосифа Адольфовича в США в 1987г. Так, за 1983 г. имеется 30 писем Шамиса в Тулу Щеглову, за 1984 г. – 56, за 1985 г., 1991 г. – 34, за 1986 г. – 42 и за 1987 г. – 34 письма!

Отвечая на мой вопрос об отсутствии – судя по хронологии – многих писем Шамиса, Щеглов написал мне короткое письмо, которое считаю возможным, с его согласия, включить в книгу:

«Дорогой Аркадий Михайлович! Во время Вашего скрупулезного огромного труда над письмами И.А. Шамиса Вы несколько раз посетили мое жилище и убедились в том, что предоставленные Вам те папки с письмами Иосифа и его произведениями всего лишь малая часть моего собрания. А мой неразобранный архив заполняют сотни связок, тетрадей, папок. Вы видели, как плотно они уставлены на полках нескольких

шкафов. Не сомневаюсь (да и память подсказывает), что в этих анналах хранятся многие письма Шамиса. Я начал собирать их в отдельные папки где-то в 70-х годах, а до этого складывал в тематические разные хранилища других писем и собственных рукописей. Перелистать эти сотни папок – дело многотрудное. Время от времени, раскрывая ту или иную в поисках какого-либо материала, нахожу много важного: письма знакомых писателей, ученых. Вот этим и объясняется явная нехватка писем И.А. хронологически.

Теперь, когда Вы завершили свою уникальную работу, придется волей – неволей примириться с теми разрывами. Но я, как Вы убедились, оптимист и лщу себя надеждой, что все-таки выберу время и найду силы, чтобы проштудировать хотя бы наиболее вероятные места, где могут, по идее, лежать недостающие письма моего друга.

Мне думается, Ваша работа над жизнью и деятельностью Иосифа еще не завершена, как и Ваша работа над темой Норильлага.

То, что Вы собрали и систематизировали, убеждает меня в том, что тема Норильлага Вас не отпустит. А мне остается пожелать Вам успеха и по возможности помочь Вам. Дай-то Бог!

Любящий Вас С.Л.

9 апреля 2017».

По объему рукописные письма составляют, как правило, от 2 до 5–6 страниц. Были письма и на 10 страницах, и с продолжением (P. S.). Небольшая часть писем сохранилась отдельными фрагментами.

Обширное эпистолярное наследие Шамиса в этой книге представлено 110 письмами, которые в разной степени использованы автором-составителем.

Несколько писем Иосиф Адольфович отправил Сергею Львовичу из Нью-Йорка окольными путями через московских родственников, в т. ч. через свою племянницу Синдлер Людмилу Борисовну, маму моей жены Елизаветы Михайловны.

Последние письма Шамиса особенно трогательны, полны грустных предчувствий.

Вот несколько отрывков из таких писем: первые два – из Москвы, вторые два – уже из Нью-Йорка:

«...Сегодня мне, Сереженька, стукнуло 85 лет и 6 месяцев. Я, черт возьми, старше Льва Николаевича на 3 с половиной года! Откуда резервы берутся, чтоб держаться, да еще после прожитого и пережитого? Я еще мечтаю о чем-то (о чем – скажу лично, только лично, когда мы увидимся), мы обязательно должны увидаться еще этим летом, прошу планировать поездку хоть на несколько часов, скажем, в конце августа. Пожалуйста! Сережа, очень ты меня утешил, написав «Большущее спасибо» за посылку книг и бумаг! *Это я тебя должен благодарить за то, что я буду век помнить, что кое-что мое сохранится для пользы других благодаря АЩ – тебе, Сережа, большое спасибо!!!* На сегодня послал 2 посылки, 2 бандероли, буду, в общем, завершать сию операцию»¹.

«Скажи, в интересное время мы живем! Читал ли ты Анатолия Рыбакова «Дети Арбата» в «Дружбе народов»? Очень интересно!! О той, незабываемой эре <...>

Вообще говоря, и по справедливости говоря, надо уже в отставку, а я, видишь, все занят и занят и времени не хватает на все. Нет, я не жалуясь – к слову говорю. Сердечно обнимаю, шлю поклон Ниве» (письмо от 24 июля 1987 г.).

«Сделал еще 4 пачки для Тулы. Все, что там, – это, так сказать, груз, т. е. там много и ненужного, например черновые рукописи. Я обязан был расчистить все, но не сделал это. Почему? Духу не хватило, как впрочем, не хватило духу уничтожить диплом об окончании института (1 степени)². Скажешь, старческая сентиментальность? Возможно. Правду сказать, и времени для такой болезненной для меня процедуры тоже не было. И я душевно прошу у тебя прощения за доставленные тебе излишние хлопоты, – прости, пожалуйста!» (письмо от 10 ноября 1987 г.).

«Дорогой Сережа! Часто и много веду я с тобой беседу по разным вопросам прошлого и настоящего – и это дает мне утешение, мне сдается, я даже уверен, что ты меня понимаешь.

¹ Сокращение в тексте «АЩ» означает архив С.Л. Щеглова. Так И.А. Шамис называл хранящиеся дома у Щеглова систематизированные тематические папки с документами, в т. ч. полученными от него.

² Диплом об окончании Одесского института народного хозяйства И.А. Шамис перед отъездом в США передал своей племяннице Синдлер Людмиле Борисовне, после смерти которой диплом хранится у ее зятя, автора-составителя этой книги.

А я вот, Сереженька, не понимаю, скажем, Лермонтова:

«И не жаль мне прошлого ничуть...»

Или Есенина:

«Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль».

Не понимаю, как это можно не жалеть прошедшее, объясни толком, если можешь...

Я живу прошедшим. Я думаю о тех прекрасных людях, которых мне посчастливилось встретить в моем прошедшем...

Будь здоров, Сережа, дай Б-г тебе сил и вдохновения, счастья и благополучия с твоей семьей! Как Нива? Всем сердцем твой» (письмо написано примерно в первой декаде декабря 1987 г.).

«Дорогой Сережа, здравствуй!

Как мне ответить – и возможно коротко – на твое письмо, право, не знаю. *Среди малюсеньких гостинцев, которые я тебе оставил, была, помнится, моя московская, как я ее называл, заветная тетрадь.* Завел здесь новую – о новой жизни (хоть осталось этой жизни на кончике ножа), о новых проблемах. Называется эта тетрадь «На берегу Атлантического», – этот берег вижу из моего 4-х створчатого окна с 7-го этажа» (письмо от 27 марта 1992 г.).

«Заветная тетрадь», как ее называл Шамис И.А., нашлась в Туле, но не сразу. По счастью, почти случайно, она обнаружилась в одной из архивных папок Щеглова С.Л. во время очередной нашей встречи 4 ноября 2017 г. Заветная тетрадь – это весьма потрепанная общая ученическая тетрадка в линейку объемом около 200 страниц с несколькими самодельными вклейками.

Тетрадь содержит рукописные записи И.А. Шамиса, сделанные им на протяжении 7 лет с 1980 по 1986 год.

Открывается она записями о выдающихся архитекторах, построивших Москву, и их знаменитых творениях, например, о Баженове (6 зданий), Шехтеле (4), Щусеве (3), Клейне (3), Рерберге (2), Корбюзье (1), Тоне (4) и др.

Далее следуют заметки Иосифа Адольфовича о наиболее известных памятниках Москвы и их авторах, об архитекторах – создателях высотных зданий, записи о истории наименований и переименований старых улиц и районов Москвы.

Здесь же – интересная выписка Шамиса об истории названия Москвы: «В знаменитом “Синописе или кратком описании о начале Словенского народа”», выдержавшем с 1674 по 1846 гг. 15 изданий, говорилось, что имя Москвы происходит от имени внука библейского Ноя, князя Мосоха, «прародителя российско-го племени», и жены его, прекрасной княгини Квы, – Мос-ква (см. книгу «Москва на страже Родины», автор В. Снегирев, изд. «Московский рабочий» 1943, стр. 15)».

Иосиф Адольфович с юношеских лет прекрасно знал латынь, поэтому неудивительно, что в тетради им собрано немало ярких латинских выражений в подлиннике и в переводе. И, конечно, в «Заветной тетради» множество цитат и афоризмов, выписанных Шамисом из прочитанных им книг. Перечень и разнообразие авторов впечатляют. Вот только некоторые имена: Лев Толстой, Фридрих Энгельс, Святой Августин, Андрей Вознесенский, Константин Станиславский, Виктор Гюго, Огюст Роден, Вячеслав Шишков, Николай Огарев, Николай Морозов, Стефан Цвейг, Гюстав Флобер, Артур Рубинштейн, Юлиан Тувим, Гете, Мамин-Сибиряк, Стендаль, Герцен, Пушкин, Сенека, Ленин, Тургенев, Шкловский, Белинский.

Много выписок из любимых Иосифом Адольфовичем книг о Герцене и декабристах, из книг Юрия Тынянова о Пушкине.

Есть в тетради записи об основных принципах права, рассуждения на медицинские темы, много краеведческих записей о Москве. Несколько страниц занимают выписки из книги биофизика и философа Чижевского А.Л. «Вся жизнь. Годы и люди», вышедшей в Москве в 1974 г. Далее – страницы с датами жизни и победными периодами чемпионов мира по шахматам, начиная с первого чемпиона В. Стейница и до тринадцатого Г. Каспарова. Затем несколько страниц посвящено жизни выдающегося физика Ландау.

Много записей посвящено векам европейской истории, разделенной Шамисом на 3 эпохи:

1) раннее Средневековье – последняя четверть V века – конец X века.

2) Средние века: начало XI века – конец XV века.

3) Позднее Средневековье: конец XV века – середина XVIII века.

Шамис, будучи евреем, глубоко интересовался историей своего народа. Это подтверждается его выписками из монументального труда Иосифа Флавия «Иудейские древности». Через несколько страниц мы встречаем выписки из современной для него книги об иудаизме, выпущенной в издательстве «Знание» в 1978 г. Несколько страниц содержат краткое описание Шамисом книг (частей), составляющих Библию. На 74 странице – выписка из Декрета Совнаркома о пресечении в корне антисемитского движения, опубликованного в «Известиях ВЦИК» 27.07.1918 г.

Тетрадь содержит много записей о фактах или событиях, которые Шамис считал важными или интересными и хотел сохранить в своей памяти. Многие записи в тетради (датированной 1980–1986 гг.) представляют собой страницы, переписанные им из предыдущей тетради или блокнота. Примером тому является следующая запись от 12 сентября 1977 г.: «Первоначально слово «вокзал» в России означало место прогулок, театральных представлений, празднеств. Происходит от названия села Воксхолл подле Лондона, где в XVIII веке был устроен сад для высшего общества».

Вот выписка о Ленине (с особым значением для Шамиса) из книги Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь»: «... может быть, во истину великой личности, чужд, даже неприятен, культ личности».

Потрясающая цитата из «Летней новеллы» Стефана Цвейга: «Я до сих пор не верю, что они муж и жена, уж слишком они любили друг друга».

В Заветной тетради много выписок из самых разных книг, прочитанных Шамисом, в их числе: Корней Чуковский «Чехов», Владимир Чивилихин «Шведские остановки», Фридрих Энгельс «История первоначального христианства», Константин Паустовский «Золотая роза», Леон Фейхтвангер «Черт во Франции» и других.

И, конечно, в Заветной тетради много отрывков из любимых Шамисом стихотворений Пушкина, Лермонтова, Есенина.

На одной из вклеек в конце тетради переписана поэма Е. Евтушенко «Бабий Яр», впервые опубликованная в «Литературной газете» 19 сентября 1961 г. В годы оттепели эти строки прозвучали сенсационно! Поэма о дискриминации и геноциде евреев была переведена на 72 языка и сделала ее автора всемирно из-

вестным. В конце текста следует примечание Шамиса: «Почерк Адасы Эпштейн, умершей 26 сентября 1976 года». Рассказ о трагической судьбе его землячки Адасы Эпштейн (в замужестве Мицкун) содержится в 4 главе книги.

Конечно, невозможно дать полный обзор Заветной тетради, которую сам Шамис озаглавил «Разные записи».

Записи Шамиса в личной тетради своеобразно отражают глубокие духовные интересы этого удивительного человека, которого всегда отличали широкий кругозор и энциклопедические познания.

Все письма летописца Норильска Иосифа Адольфовича Шамиса своему другу Сергею Львовичу Щеглову – брату, как он его порой называл, представляют собой немалую историческую ценность, они раскрывают богатый внутренний мир и высокую культуру Иосифа Адольфовича, его интересы и знания истории, литературы. Особо необходимо отметить его уникальную память, умение разбираться в людях и видеть в них лучшее, чуткость и способность любить своих товарищей, преданность общему прошлому и тем тяготам и лишениям, которые им было суждено испытать и перенести, чтобы просто выжить в Норильлаге.

Тема исторической правды и правды истории часто обсуждалась в переписке друзей-товарищей по Норильлагу.

Вот характерный фрагмент из письма Щеглова Шамису от 30 июня 1987 г.:

«...Да, Вы правы, сейчас интересное, во многом переломное время. Во что оно переломится? Будем надеяться на лучшее. Вы помните один подобный перелом – НЭП. А что произошло потом? «Вы помните, Вы все, конечно, помните!...».

Хорошую нашли Вы форму – вспомнить о Нулевом пикете 41–42 гг. – на фоне трагедии Марии Захаровны¹. Вот этого современным летописцам не понять – всего безысходного ужаса, всей глубины трагедии тех людей (сколько их было? *Nomen illis legio?*), которые по мановению Высшей власти руками гороховых получали «на шесть копеек».

¹ Мария Захаровна Мальт – героиня новеллы И.А. Шамиса «Океанолог», см. «Синодик».

Наверно, это было не только в Норильске, а и в Воркуте, и в Магадане, и бог знает, где еще... И до сих пор молчат те снега и камни. И те, кто свершал все это, так и надеялись, так и рассчитывали – на вечное молчание. Было у них, у малых и больших Гороховых¹, такое любимое изречение: «Выбросили на свалку истории». Ну, а кого сбросили на свалку – какая о том память? Какие кому подробности – как выбрасывали? Но Шекспир то, помнишь, сказал: нет такого злодейства, которое, даже если его следы в землю зарыть, не стало бы известно людям. И «каждый палач непременно предстанет у позорного столба истории». Но это общие слова, так сказать, декларация. А чтобы она в реальность превратилась – *кто-то должен потрудиться*, какой-то незаметный или заметный (лучше всего, если и ты, и другой, и Заметный, и Незаметный) Пимен.

Вы не в отставку уходите, как выразились в конце письма 24.07., нет – *Вам каждая минута дорога для работы, которую никто кроме Вас не выполнит. Надо вспомнить все и всех, кого и что сохранила память. Надо сделать так, чтобы были никто и ничто не забыты*. И шестигранную звезду на лбу у того, о ком Вы мне рассказывали, и об Артисте (а как его настоящее имя?). Кто еще все это вспомнит, а? Только Вы. А много ли сейчас таких как Вы? Я знаю только одного – Вас!²

Последние десятилетия Вы были чересчур осторожны, боялись называть вещи своими именами. Сейчас стало посвободнее. А нам с Вами чего уж особенно бояться? Умирать, а в нашем возрасте тем более неизбежно. Грудь в крестах у нас уже все равно не будет, а голова в кустах – непременно окажется. Но до того *надо выполнить наш долг, оставить людям, если удастся, то, чего никто кроме нас оставить не может*.

А о Горохове, если мне память не изменяет, я читал в «За металл» или «Сталинце» некролог в 43–46 – о гибели на Енисее, который он с товарищами переезжал в лодке...

К вопросу о Гороховых. Айтматов в «Плах» приводит рассказ о Гражданской войне «Шестеро и седьмой». Была у седьмого совесть, которая не позволила ему оставить себя в живых

¹ О норильском судье Горохове рассказывается в новелле Шамиса «Океанолог».

² Запись С.Л. Щеглова рассказа И.А. Шамиса «Как Бергер от вышки спасся», сделанная в июне 1978г., публикуется в данной книге.

после того, как он – по долгу службы! – убил – предательски убил шестерых... Да нет, не шестерых, а больше – весь отряд «запутавшихся в классовой борьбе». Была ли такая совесть у тех, кто вершил дела на Нулевом пикете в 41 году?».

В память о своем друге *Сергей Щеглов* опубликовал в норильской газете «Заполярная правда» 24 января 2002 г. следующую биографическую статью с красноречивым заголовком «А жизнь его осталась неисследованной...». В январе Норильск отмечает столетний юбилей Иосифа Шамиса».

«Пятьдесят девять лет назад, в январе 1943, я работал лаборантом в оксиликвитной лаборатории, был заключенным Норильлага по политической статье.

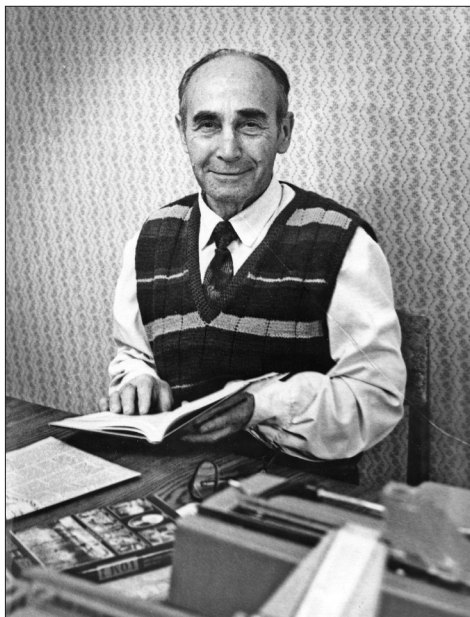
Лаборатория действовала при только что построенном на горе Рудной заводе по производству взрывчатых веществ для горных работ – оксиликвитов. Оксиликвит, если кто не знает, жидкий кислород. Жили мы, несколько сотен заключенных, в построенном тут же лагпункте под названием «Кислородный».

Однажды мой начальник, заведующий лабораторией Юрий Натанович Зинюк, утром, в начале рабочего дня, сказал: «Сережа, пойди сейчас на Угольный Ручей, в контору рудника, найди там в плановом отделе Иосифа Адольфовича Шамиса и помоги ему в составлении нарядов на строительство. Дело срочное, они там зашились».

Я спустился в ущелье Угольного Ручья. Утопая в наметенных сугробах и скользя по обдуваемым ветром камням, поднялся по другой стороне пропасти на вершину горы Надежда (по соседству со Шмидтихой). Там, в деревянном бараке и располагалась контора рудника «Угольный Ручей».

Встретил меня невысокий симпатичный человек, моложавый, но старше меня почти вдвое; мы познакомились и принялись за работу. Сидели друг против друга в тесной жарко натопленной комнатухе, заполняли бланки нарядов, крутили ручки арифмометров, на счетах костяшками щелкали. По сравнению с лабораторными опытами мне это было скучно, неинтересно, но что поделаешь – надо выполнять поручение.

Каждый час Иосиф Адольфович устраивал десятиминутный перекур. Свертывал сигарку, вставлял в мундштук, пододви-

*Щеглов С.Л. в Тульском
областном обществе
«Мемориал».
17 сентября 1996 г.*

гал кисет мне. Своего курева у меня не было, табак считался самым большим дефицитом в лагере, а я тогда был бедным заключенным. Мы курили и беседовали. Шамис с любопытством расспрашивал меня о моей прошлой необширной жизни, за что попал в лагерь и так далее. Я из вежливости не расспрашивал, но внимательно и с интересом запоминал то небольшое, что сообщал этот человек о себе. Так я узнал, что он участвовал в Гражданской войне, отстаивал советскую власть, потом стал инженером-строителем, работал на видных должностях в Москве. О том, каким образом он оказался в лагере, Шамис не распространялся. В Москве у него оставались жена и маленькая дочка, Юля.

На следующий день моя командировка была продолжена, и мы работали с новым знакомым несколько дней подряд, пока не «расшили запарку». А через неделю-другую Юрий Натанович снова послал меня на подмогу. Так продолжалось несколько месяцев. Позже Иосифу Адольфовичу удалось выбить из начальства штатного помощника.

Так началось наше знакомство, переросшее в дружбу. Несмотря на большую разницу в возрасте, у нас оказалось много об-

щих интересов. Прошли годы, и он, и я закончили свои сроки за колючей проволокой, стали вольнонаемными работниками комбината и продолжали встречаться и по работе, и по душе. Когда началась реабилитация, Иосиф Адольфович убедил меня в том, что надо о ней похлопотать, помог грамотно составить заявление (он разбирался в юриспруденции). В середине пятидесятых годов нас сблизило увлечение историей Норильска. Я продолжал начатые еще в сороковых годах записи по оксидоквартному заводу и первым экспедициям на Таймыр. Шамис записывал свои воспоминания о начальных днях комбината.

Работая с Алексеем Бондаревым над первым краеведческим очерком о Норильске, мы использовали с разрешения Шамиса его воспоминания, и они украсили книгу. В конце пятидесятых Иосиф Адольфович покинул Норильск, и я при каждом посещении Москвы становился гостем его и милейшей Ольги Борисовны.

Познания его во всех отраслях промышленности, культуры, истории, философии и политики были настолько обширны, память так изумительна, аккуратность в записях столь поучительна, что я черпал из этого щедрого источника полной мерой, неустанно обогащая себя. Каждая встреча приносила новые богатства. Малую часть удавалось записать для памяти, но только самую малость. Более надежным способом сохранить рассказы Шамиса явилась переписка, она становилась все активнее и шире.

Когда и я расстался с Норильском и поселился неподалеку от Москвы, встречи наши с Иосифом стали частыми и регулярными, общение разностороннее. Я старался использовать свои журналистские возможности и связи для опубликования хотя бы малых крох тех бесценных знаний и опыта, которыми обладал этот человек. Воспоминания Шамиса стали появляться в газетах в Москве и в Норильске. С семидесятых годов к этому подключился Анатолий Львов. С его помощью опубликованы такие работы Шамиса, как «Сестра Фрося» (первая публикация о Керсновской!) и другие.

Несколько слов об этой работе Шамиса. Полностью она еще не напечатана и хранится в архиве Львова и у меня. Это 15 страниц воспоминаний и размышлений (не считая черновиков) о замечательной женщине, которую в те годы (70–80-е) никто не знал. Она доживала свой век в неизвестности, и ее великолепные рисун-

ки, собственные воспоминания, известные теперь цивилизованному миру, лежали в хибарке в Ессентуках не востребованными.

Шамис был первым, кто рассказал норильчанам о Керснговской. Его переписка с ней, уверен, вдохновила и ее на то, чтобы отдать сотворенное людям. *Шамис вызволил этого человека из небытия.* Правда, в воспоминаниях нигде не упомянуто, что «сестра Фрося» работала, будучи заключенной, осужденной по несправедливому, тяжким обвинением. Когда Шамис писал свои воспоминания, не принято было сообщать читателям о таких подробностях.

Шамис внес немалый вклад и в строительство Норильска, и в создание его истории. *Его обширный архив, наполненный сведениями о людях и событиях первых лет и десятилетий комбината и города за Полярным кругом, еще долго будет питать историков и краеведов. Его собственная биография не исследована.* О себе, о своей судьбе он не писал и мало рассказывал. В ней обилие интереснейших фактов и событий, о которых он упоминал лишь мельком. Сообщил он мне как-то, что в начале двадцатых годов вышел из партии, несогласный с введением НЭПа. На такое отваживались сильные и убежденные люди. Убежденные в том, что пролетарская революция в России была явлением, за которое не жалко было отдать жизнь, а уж тем более — карьеру.

Шамис умер в Нью-Йорке, куда на старости лет вынужден был уехать вместе с семьей по ее инициативе. Он скончался 13 июля 1994 года в возрасте девяноста двух с половиной лет и до последних дней сохранял ясность мысли и работоспособность, много читал и продолжал свои записи. Его письма из Америки так же содержательны, богаты наблюдениями, как и письма из Москвы, как и воспоминания, написанные о жизни за Полярным кругом».

Проникновенный лирик Марина Цветаева в предисловии к своим юношеским стихам («Из двух книг», 1913 г.) мудро призывала: «Не презирайте «внешнего». Цвет ваших глаз также важен, как их выражение; обивка дивана — не менее слов, на нем сказанных. Записывайте точнее! Нет ничего не важного! Говорите о своей комнате: высока она, или низка, и сколько в ней окон, и какие на них занавески, и есть ли ковер, и какие на нем цветы?.. Все это будет телом вашей оставленной в огромном мире бедной, бедной души».

Рассказывая о жизни И. Шамиса, проступающей из дошедших до нас его писем к своему другу С. Щеглову, как из негативов фотографий прошлого (но не прошедшего!) времени, я хочу повторить за писательницей М. Полянской (биографом короткого немецкого периода жизни Цветаевой):

«Да, в это мире нет ничего более романтического, чем то, что мы называем обыкновенно нашей жизнью. А записанное трансформирует текущий и исчезающий мир в метафизический, в <...> печать эпохи. Однако как трудно заметить обыкновенное, выделить ту самую маленькую подробность, которая может открыть нам суть (сущность) человека и его времени, унести воображением из современности в былое, добиваться эффекта присутствия» («Флорентийские ночи в Берлине. Цветаева, лето 1922», 2009 г.).

Рукописное наследие яркого, незаурядного человека, летописца Норильска, каким был Шамис, не ограничивается его обширной перепиской со Щегловым, очерками – документальными новеллами о первостроителях Норильска, списком известных ему первостроителей – около 500 имен!

Следует указать еще и на 3 блокнота Шамиса различного содержания, сохранившихся у Щеглова (кроме блокнотов №№ 1, 2 и 3, относящихся к теме «Синодика»).

В первом блокноте (назовем его № 4) Шамис составил удивительный документ-памятник: «Хронологию» изысканий, строительства и развития Норильского промышленного района, и в первую очередь, конечно, Норильского горно-металлургического комбината.

Интересен текст первого листка блокнота перед началом «Хронологии»: «Для справки, если кому это интересно. Шамис Иосиф Адольфович, 22 янв. 1902 г. р., ветеран Гражданской войны, добровольно (военный билет, вр. удостоверение Е № 190.276 от 9 апр. 1979, выданное Волгоград. р-ном г. Москвы)».

«Хронология» содержит информацию о событиях за 37-летний период с 1919 г. по 1956г.!

«Хронология» впервые публикуется в приложении к книге.

В этом же блокноте Шамис составил краткую хронологию семи революционных восстаний в России с 1606 года по 1917 год.

Далее помещена составленная Шамисом краткая хронология 21 войны, в которых участвовала Россия с 1700 года по 1918 год.

Обширное место в блокноте № 4 занимает составленный Шамисом список царей и цариц, правивших Россией, начиная с 1672 г. (Петр I), с указанием дат жизни, дат правления, краткой родословной и обстоятельств смерти.

О широте знаний и интересов Иосифа Адольфовича Шамиса нам еще раз свидетельствует содержание его блокнотов.

В этом же блокноте, например:

- список 19 декабристов, сосланных в Сибирь, с указанием их фамилий, имен и отчеств, мест ссылки на Енисее – Минусинск, Красноярск, Назимово, Туруханск, Нерченск;

- список жен 11 декабристов, последовавших за мужьями в Сибирь;

- грамматические записи по изучению английского языка (алфавит, звуки, глухие и звонкие согласные и т. п.), что свидетельствует о том, что этот блокнот был завершен Шамисом в начальный период подготовки к отъезду с семьей в США;

*Иосиф Шамис.
Норильск, 1955 г.*

– раздел «Varia» («разное», лат., отсюда «вариант»), содержащий цитаты из произведений Константина Паустовского о писательском труде («Золотая Роза»), отрывки из «Войны и мира» Л.Н. Толстого, «Капитанской дочки» А.С. Пушкина, «Фаворита» В. Пикуля и др.

– около 50 записей с постраничными выписками и своими комментариями к книге Анатолия Львова «Норильск», прочитанной 23–27 июня 1978 г., о чем Шамис сделал запись в блокноте.

Большой интерес для понимания такого незаурядного человека, каким бесспорно был Иосиф Адольфович, представляет следующий блокнот (№ 5), озаглавленный им «Varia». В нем содержатся различного рода заметки «для памяти», раздумья, выписки из книг и т. д., которые ему хотелось сохранить для себя. В некоторых случаях содержатся даты записей, свидетельствующие, что Иосиф Адольфович вел этот блокнот около 11 лет, с декабря 1976 года по август 1987 года.

Вот некоторые записи из блокнота:

«Опкос, опкосное хозяйство (дом или комната) – в полит. экономии – замкнутое хозяйство, где нет внешнего обмена продуктами труда, где собственное производство и потребление замкнуты в пределах семьи».

«Что такое истина?

Что такое правда?

Истина – то, что существует в действительности.

Правда – то, что соответствует действительности, истине; порядок, основанный на справедливости, честности (С. Ожегова).

По Ожегову истина и правда – почти одно и то же. Сие не так: это разные понятия? Подумать».

«Ad rem – к делам, т. е. к поступкам; к существу дела. Ad hominem – к личности.

В судебном процессе должно учитываться не только существо дела, но и личность участвующего в процессе».

«Ползя, упасть нельзя».

«И всюду страсти роковые

И от судей защиты нет»

Пушкин (Цыганы)».

«У царя Давида было кольцо с надписью «Все проходит».

«Сланец «Кара-идаш» – «черный камень», отсюда карандаш».

«Фрэнсис Бэкон. Начало XVII в... От фактов – к «причинам, ибо истинное знание есть знание причин».

«Если я видел дальше, сказал Ньютон, – то потому, что стоял на плечах гигантов».

«Римляне называли знойное время «собачьими днями». По латыни собака – *canis* (канис). Отсюда летний перерыв в работе стал называться «каникулы».

«Стиль ретро» – возврат к прошлому, точнее попытка соединить будущее с прошлым (в архитектуре: сохранение старых зданий, применение старых элементов в новом)».

«Я выжил, но во мне убили сердце». Кто сказал?»

«Полярный день начинается 19 мая и солнце светит ночью, как днем, до 25 июля – 67 суток. Это – на широте Норильска» (из книги «Снежгород», стр. 105)».

«23 года, и ничего не сделано для бессмертия», – так, по преданию, воскликнул Юлий Цезарь, сопоставляя себя с А. Македонским, который уже в молодости прославился своими подвигами. Плутарх, «Юлий Цезарь».

В блокноте много слов и выражений на латыни, с их написанием на русском языке и толкованием смысла.

Несколько страниц посвящены психологии, парапсихологии, психике.

В 1980 г. Иосиф Адольфович сделал следующую запись:

«Синодик» – название списков умерших, которые подаются в церковь для поминовения («МСЭ»¹). С XII века слово «Синодик» стало означать Книгу памяти. Очевидно, именно это значение И.А. Шамис придавал своему труду – списку первостроителей Норильска.

В 1980 г. И.А. Шамис с увлечением прочитал книгу Николая Александровича Морозова «Христос» (Госиздат, 1927) и сделал следующую запись в блокнот: «Морозов Н.А. был другом революционеров Веры Фигнер, Андрея Желябова, Софьи Перовской. В казематах Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей Н.А. просидел 23 года, с 1882 по 1905, там он учился, совершен-

¹ «МСЭ» – «Малая Советская Энциклопедия», универсальная энциклопедия среднего объема, в СССР выходила в 1928, 1932 и в 1958 гг.

ствовался в науках. Он стал ученым астрономом, математиком, историком, полиглотом. Оставил труды по химии, физике, писал стихи, повести, воспоминания. Почетный академик Академии Наук СССР, умер в 1946 г. в возрасте 92 лет».

Вот цитата Шамиса из «Былое и думы» А.И. Герцена: «Декабристы возвратились из-под сибирского снега моложе потоптанной на корню молодежи, которая их встретила» (т. 3, стр. 374). И далее его заметка: «Вернулось только 19 человек из 121».

Следующая интересная запись Иосифа Адольфовича: «Кто осудит страдальца, если бросит несколько слов в океан времени с последней надеждой, авось перехватят внуки...». Декабрист барон Штейнгель (Лариса Рейснер, 1926, жена Ф.Ф. Раскольниковы)».

«Перед великим умом я склоняю голову, перед великим сердцем – колени», Гете».

Недостаток места в книге не позволяет более подробно рассказывать о содержании блокнотов. Последний блокнот № 6 содержал практические советы Шамиса как строителя своему другу Щеглову по сооружению им дачного деревянного дома на южной окраине Тулы. До многого ему было дело, многое представлялось интересным и важным.

Для краткости и для того, чтобы не повторять уже опубликованных прежде данных о сталинских репрессиях, в книге я не придерживаюсь хронологического принципа описания событий. Вместо этого мне хотелось сконцентрировать внимание на судьбе одного замечательного человека – Иосифа Адольфовича Шамиса как яркого представителя инженерной интеллигенции своего времени, одного из многих тысяч людей, которых судьба забросила в Норильские лагеря.

Когда берешься писать такую книгу, как эта, пожалуй, главная трудность – выбор материала. Ведь как бы ни была коротка человеческая жизнь, как бы ни была она ничтожна во Вселенной, все же эта жизнь кажется безграничной – столько в ней переплетается жизнью других людей.

Мы живем в такое время, когда, прежде всего, необходимо знание фактов истории и непредвзятое, объективное и, по возможности, беспристрастное отношение к этим фактам. И если достаточное число людей, знающих о событиях прошлого, честно и открыто скажут обо всем, что они видели или о чем узнали,

то в конце концов соберется достаточно информации для того, чтобы прийти к правильным выводам.

При всей неизбежности субъективного подхода к событиям, касавшимся лично Шамиса, его собственная биография поставлена в центр книги. Эта книга через судьбу ее героя описывает и то, что происходило с сотнями тысяч, даже миллионами людей, у которых была общая с ним судьба.

Официальным объяснением массовых репрессий того времени была якобы их «необходимость» для общего блага, для блага человечества в целом. И таким образом несправедливость по отношению к отдельным людям, их физические и нравственные страдания были якобы только частными случаями. Следует понять причины преследований, обрушившихся не только на Шамиса, но и на других, понять, почему они достигли таких громадных масштабов.

Рассказывая о Шамисе, нельзя забывать о судьбах целого поколения, которое в 30–50 годы XX века уничтожалось в результате массовых репрессий. Ведь погибали тогда далеко не единицы, не группы или категории людей, не тысячи и даже не десятки тысяч отдельных людей. Нет, уничтожалось целое поколение – поколение, вынесенное историей на гребне величайшей из мировых революций, поколение, через двадцать лет после революции или физически уничтоженное или отброшенное в сторону. Среди этой массы людей были не только активные участники революции, но были миллионы людей, таких как Шамис, принявших активное участие в Гражданской войне, осознавших значение строительства социализма как новой светлой жизни, а также были и такие, которые лишь пассивно поддерживали революцию из-за своей враждебности к «отмирающим классам».

Талантливый советский психолог и философ С.Л. Рубинштейн, заслуженно получивший в 1942 году за свои труды Сталинскую премию (после смерти Сталина переименованную в государственную премию), а в 1947–1948 годах затравленный как «безродный космополит», писал: «Время жизни (человека) объективно определяется лишь как время истории». Действительно, из истории отдельных жизней складывается история государства, общества, народов. В процессе рассказа о жизни одного-единственного человека можно как в зеркале увидеть смысл истории его страны.

Наверное, к Иосифу Адольфовичу как редко к кому другому подходит афоризм Бюффона «Стиль – это сам человек»: он был полным воплощением интеллигентности во всем, в т. ч. в деловом и дружеском общении.

Позволю себе привести цитату из книги Г. Гессе «Игра в бисер», написанной им в Германии в период с 1930 по 1942 год и изданной в СССР во время «оттепели». На мой взгляд, эта цитата служит своеобразным «ключом» к пониманию жизни И.А. Шамиса: «Могут придти времена ужаса и величайших бедствий. Но если бывает счастье и в беде, то оно может быть только духовным – обращенным назад, чтобы спасти культуру прошлого, обращенным вперед, чтобы с бодрой веселостью представлять дух в эпоху, которая иначе целиком оказалась бы во власти материи...».

Жизнь неудержима и скоротечна. У поэта Владимира Корнилова (1928–2002) есть строчки, написанные как будто о Иосифе Адольфовиче:

«Достается, наверно, непросто
С болью горькой, острей, чем зубной,
Это высшее в мире геройство
Быть собой и остаться собой.
Устоять средь потока и ветра,
Не рыдать, что скисают друзья,
И не славить, где ругань запретна,
Не ругать там, где славить нельзя».

Если верны слова о том, что Ломоносов сам был Университетом, то не менее верно, что Шамис сам был Библиотекой. Он был несомненно человеком Книги с удивительно богатым внутренним миром, насыщенным фундаментальными знаниями не только инженера-строителя, но и знатока истории, литературы. Мир культуры, и не только гуманитарной, был его миром. Иосиф Адольфович был настоящим энциклопедистом с феноменальной памятью. От него веяло добротой, мощным интеллектуальным потенциалом и бездонной красотой знаний.

Шамис был истинным знатоком русской литературы, обожа А. Пушкина и часто его цитировал, любил М. Лермонтова, А. Герцена, Н. Некрасова и многих других.

Особенно Иосиф Адольфович почитал и хорошо знал творчество Льва Николаевича Толстого.

В письмах Щеглову имя Льва Толстого упоминается многократно. Шамис восхищался грандиозностью таланта этого гениального русского писателя и мыслителя, цитировал его мысли, делился впечатлениями от героев своих любимых книг – «Воскресение», «Анна Каренина» и др.

«Сережа! Лет Толстой сказал (или писал): «...Утрачено чувство, я не могу определить его иначе, чувство эстетического стыда. Я не знаю, знакомо ли вам это чувство?» (11 июня 1968 г.).

«Я грешным делом, думаю, что у Льва Толстого все-таки не было той обстановки в доме и того душевного, крайне необходимого равновесия и т. п., которые обеспечили бы ему условия для творчества. Как бы Алексей Максимович ни защищал Софью Андреевну, мне сдается, что она виновна в том, что он не выдержал под конец и ушел из дому в 82 года-то! Не мог он работать в созданной для него атмосфере. Вот что Лев писал:

«Всякое величайшее дело делается именно в условиях незаметности, скромности, простоты... ни пахать, ни строить, ни пасти скотину, ни мыслить даже нельзя при освещении, громе и блеске» (Списал в газете «Правда», статья «Грань» А. Новоплянского 28.02.1983). Заметь, Сережа, что «пахать» у него на первом месте, а «мыслить» на последнем, а ведь он понимал, хитрюга, что мыслить труднее, чем пахать, но это был Лев и он должен был и сказать так, как должен был сказать.

А еще он сказал: «Простота есть главное условие красоты моральной».

И еще: «Простота. Вот качество, которое я желаю приобрести больше всех других» (19 января 1984 г.).

«Льва Николаевича я полюбил еще в 10-м году, в году его смерти, когда мне было 8 лет и еще только землемеры (т. е. геодезисты) снимали план места под строительство гимназии, куда я был принят в году 1912, выдержав экзамены и собеседования на «5» (принят по процентной норме – 10 %, – было на 37 +3).

Почему я люблю Толстого? Разве можно ответить, почему кого-то полюбил? Вот кого ты не любишь – тут можно сказать о причине. А за что кого-то любишь? Могу сказать, что он мне стал душевно близок не потому, что он обещал Шолом-Алейхему

написать произведение в пользу пострадавших от кишиневского погрома – он это обещание сдержал, написав «После бала», – люблю рассказ этот.

Он мне душевно близок стал за рассказ «За что» (письмо от 9 июня 1986 г.).

Зачастую Л.Н. Толстой в письмах Шамиса величается просто Лев. И это не фамильярность, а преклонение перед титанической фигурой великого Льва.

В письме от 23 января 1985 г. Иосиф Адольфович приводит слова Ромена Роллана о Льве Толстом:

«То, что сделал для человечества, например, Лев Толстой, может быть уподоблено открытию нового материка, с народами, населяющими его, с их делами и чувствами... и музыкой» (см. Вл. Лидин «Люди и встречи», «Ромен Роллан»).

К образу И.А. Шамиса и его друга С.Л. Щеглова, на мой взгляд, можно в полной мере отнести следующие мысли Льва Толстого из письма тетушке, княгине А.А. Толстой:

«Вечная тревога, труд, борьба, лишения – это необходимые условия, из которых не должен смочь думать выйти хоть на секунду человек. Только честная тревога, борьба и труд, основанные на любви, есть то, что называют счастьем... Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подлость».

Была у Иосифа Адольфовича и отдельная полка книг и журналов о Заполярье. Вот некоторые из них (по составленному им списку):

1. «Родной Енисей», сборник: Чехов, Елпатьев и другие, Красноярск, 1951.

2. «Последний Караван»: А. Гарри, Москва, 1956.

3. «Сибирские огни»: «Столица Енисейского Севера», С. Щеглов, Новосибирск, 1957.

4. «Енисей» № 20: «Город в Таймырской тундре», С. Щеглов, Красноярск, 1957.

5. «Енисей» № 20: «Решение паргруппы», С. Снегов, Красноярск, 1957.

6. «Город Норильск»: С. Щеглов, А. Бондарев, Красноярск, 1958.
7. «Север» № 2: Вл.Лидин о Зуеве А.Н., Карелия, 1966.
8. «69 параллель»: сборник, Красноярск, 1966.
9. «Снежногорск»: ред. А. Львов, Красноярск, 1971.
10. «Звезда Заполярья»: Лебединский и Мельников, Москва, 1971.
11. «Сквозь пургу»: Сигунов, Ленинград, 1973.
12. «Авраамий Завенягин»: Д. Алкацев, Ж. Трошев, Красноярск, 1975.
13. «Енисей» № 2, о Мозгалеvском, Красноярск, 1976.
14. «Н.М. Федоровский»: С. Норильский, Горький, 1977.
15. «Норильск»: А. Львов, Красноярск, 1977.
16. «Директор Арктики»: о Самойловиче, Москва, 1977.
17. «Наш Кренкель»: сборник, Ленинград, 1977.
18. «Таймыр – край мой северный»: Н.Н. Урванцев, Москва, 1978.
19. «Открытие Норильска»: Н.Н. Урванцев, Москва, 1981.
20. «Дороги за горизонт»: Ходов, Григорьева, Москва, 1981.
21. «По Енисею. Красноярск-Диксон», туристская схема, Москва, 1981.

По моей просьбе старшая внучка Иосифа Адольфовича Алла Грановская прислала из Нью-Йорка следующие заметки:

«Мои воспоминания о деде Шамисе Иосифе Адольфовиче начинаются с самого раннего возраста и заканчиваются его смертью в возрасте 92-х лет. Все это время он оставался неразрывной частью моей жизни.

В Советском Союзе 60-х молодое поколение, как и все, должно было работать шестидневку. Моя мама уходила на работу в семь часов утра и возвращалась в семь вечера, единственным свободным днём было воскресенье. В раннем детстве я считалась болезненным ребёнком, и отдать в ясли меня не получалось. Естественным образом, большая часть моего воспитания падала на маминых родителей – пенсионеров. Тот факт, что мои родители были в разводе, налагал дополнительную ответственность на старшее поколение. Я прожила с бабушкой Олей и дедушкой Иосифом с трёх лет до школьного возраста, да

и позже, они встречали меня из школы, кормили и заботились, пока я не выросла.

Бабушка больше занималась хозяйственными вопросами и следила, чтобы я вовремя делала уроки. Остальным заведовал дед.

Он водил меня гулять, играл в салки и прятки, рассказывал сказки, а также истории из своей богатой событиями жизни. Некоторые жалели «брошенного» отцом ребёнка, не понимая, что с таким дедом, как у меня, в отце не было нужды. Он с успехом заменял мне отца, и многое другое. У меня было самое счастливое детство. Дед был сильным, духовно богатым человеком, сумевшим пронести оптимизм и чувство юмора через всю свою нелегкую жизнь.

В 1918-м дед отправился добровольцем на Гражданскую войну. Ему было 16 лет. К счастью, он сумел вернуться целым

*Иосиф Шамис с женой Ольгой и старшей внучкой Аллой.
Москва, 1963 г.*

и невредимым. После войны дед перепробовал несколько профессий. Одна из них была помощник земского врача. Я хорошо помню захватывающее описание сложных родов, которые пришлось принимать этому врачу, при дедовом участии. Ребёнок шел ножками вперёд. Врач каким-то образом ухитрился вытащить одну ножку, потом другую, при этом ни мать, ни младенец не пострадали. В наше время это было бы кесарево сечение, но у земского врача, при деревенских родах, не было такой возможности. Земский врач обязан был быть мастером на все руки и находить выход в любой ситуации.

Дед тогда тоже хотел стать врачом. Позже он понял, что это не его призвание, и хотя он стал инженером, но *остался гуманистом и целителем душ*. Многие приходили к нему со своими проблемами, и он всегда их выслушивал.

В 38-м деда арестовали. Маме было 3 месяца, и всё самое трудное легло на бабушку. После освобождения дед несколько раз тайно навещал семью, но окончательно вернулся в Москву только после смерти Сталина. Иногда вернувшихся арестовывали снова, и дед боялся, что это случится и с ним.

Дед был ходячей энциклопедией. За свою жизнь он свёл знакомство с огромным количеством людей. Связь поддерживалась не со всеми (это было бы невозможно), но не было фамилии, которую бы дед не знал, и не было истории, о которой бы он не слышал.

У нас дома часто собирались бывшие политзаключённые – дедушкины близкие друзья, приобретённые за 18 лет жизни в Норильске. Нужно ли говорить, что это были интереснейшие, интеллигентные люди, вышедшие из сталинских лагерей часто больные, но несломленные. Дед предпочитал принимать друзей на кухне. У него всегда были наготове селёдка и водка, настоящая на лимоне или перце. *Мне посчастливилось вырасти под влиянием этих людей, и лучшего воспитания трудно себе представить.*

В конце 80-х вся наша семья эмигрировала в Америку. Дед настаивал, что хочет жить сам по себе. Его удалось поселить в многоэтажный дом, в маленькую квартирку с видом на океан. Учитывая преклонный возраст, дед довольно быстро приспособился к новой жизни. Начал читать по-английски и немного понимать, изъясняться, правда, не мог.

Не избежал дед и других, менее приятных, сторон американской действительности. Однажды на улице в Нью-Йорке его пытались ограбить. Дед схватил палку, на которую опирался при ходьбе, и побил неудачливого грабителя. Денег у деда не имелось, но это был вопрос принципа. Тот не ожидал отпора от старика и в страхе обратился в бегство. Не мог он знать, что имеет дело с человеком, прошедшим сталинские лагеря. Деду было уже под 90. Эта палка до сих пор хранится у меня дома.

Тем временем, в Москве умирали старые друзья и родственники. Кто от болезней, но большинство от старости. Каждая потеря была для дедушки ударом. Неиссякаемый оптимист во всем, дед не мог примириться с тем, что пережил всех своих сверстников, а иной раз и более молодых людей. Он спрашивал: «Как такое возможно? Его уже нет, а я ещё здесь. Разве это справедливо?»

Ко времени дедушкиной смерти, у меня уже было трое детей. К сожалению, младший был совсем маленький, и деда он не помнит. Зато двое старших сохранили самые тёплые воспоминания о прадедушке и его всегда занимательных историях.

Иосиф Шамис. Нью-Йорк, 1989 г.

Дед очень любил детей, и когда мог, пытался воспитывать своих правнуков, как когда-то воспитывал меня.

Недавно исполнилось 22 года со дня его смерти. Это был не-иссякаемый и незабываемый человек, любовь к которому всегда останется со мной.

Нью-Йорк, 5 декабря 2016 г.»

Мне повезло – беседы с Иосифом Адольфовичем вспоминаются как удачи, они всегда доставляли громадное удовольствие. Он был тем редким человеком, который мог поделиться богатством своей души, накопленными за непростую жизнь.

Есть интересное мнение, что непростой двухтысячелетний исторический путь, генетическая память о преследованиях и скитаниях, это, как и многое другое, сформировало в евреях определенную склонность к тревожности.

Классическая немецкая психология отмечает своеобразную еврейскую депрессию, проявляющуюся в некоторой подавленности, тоскливости как проявлениях национальной самобытности.

*Михаил Каплун, Иосиф Шамис, Алла Лецинская, Аркадий Авербух.
Поселок Кратово Московской области, 1976 г.*

Тревожность и повышенная рефлексия в чем-то снижают качество жизни человека, а в чем-то создают довольно сильное своеобразие: жизнь более тяжелая, но и более интеллектуальная. Если упадет алюминиевая кружка – даже вмятины не останется, но если упадет хрустальный бокал – разлетается вдребезги. И все же большинство людей хотели бы держать хрустальный бокал, а не алюминиевую кружку. И меланхолия эта окрашена постоянным чувством вины, чувством тревоги, страхом за будущее, попыткой найти выход, хотя вроде бы ничего не происходит. Человек все время сомневается. Все ли правильно я делаю? Адекватно ли я выгляжу со стороны? Постоянно повышенный самоконтроль (по материалам интервью профессора Льва Моисеевича Щеглова, доктора медицинских наук, 25.03.2016 г.).

В устных рассказах Иосифа Адольфовича ощущалась некоторая скрытность, осторожность, недоговоренность о долгих нелегких годах, прожитых в Заполярье.

В его письмах и очерках, как правило, нет слов «лагерь», «заключенный», «срок» и т. п., нет и слов осуждения сталинского режима и репрессий, обрушившихся на миллионы советских людей.

Человек русской культуры необязательно должен быть этническим русским. Иосиф Адольфович Шамис был евреем, воспитанным в русской культуре и проявившим себя в рамках характерных для нее принципов и понятий (полагаю, во многом, путем самообразования).

Человеческие качества Иосифа Адольфовича вызывают восхищение. Он умел дружить, уважать и помнить своих товарищей – первостроителей Норильска, большинство из которых были заключенными, жертвами сталинских репрессий. В этом легко убеждаешься, читая «Синодик» – важный труд его жизни, памятник первостроителям Норильска, которых он так любил и которым сам был.

Некоторые истории все-таки бывают действительно долгими.

Здесь мне хочется вспомнить поэтические строчки Евгения Евтушенко, относящиеся к таким замечательным людям, каким был Иосиф Адольфович Шамис.

«Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы – как истории планет.
У каждой все особое, свое,
и нет планет, похожих на нее. <...>
Да, остаются книги и мосты,
машины и художников холсты,
да, многому остаться суждено,
но что-то ведь уходит все равно!
Таков закон безжалостной игры.
Не люди умирают, а миры.
Людей мы помним, грешных и земных.
А что мы знали, в сущности, о них? <...>
Уходят люди... Их не вернуть.
Их тайные миры не возродить.
И каждый раз мне хочется опять
от этой невозвратности кричать».

*Шамис И.А. за два года до смерти.
Нью-Йорк, 1992 г.*

Глава 2

«Жить надо не только для себя»

С.Л. Щеглов

Повествование о замечательном человеке, летописце первостроителей Норильска Иосифе Адольфовиче Шамисе, невозможно без рассказа о его преданном друге, писателе Сергее Львовиче Щеглове.

Иосиф Адольфович родился в 1902 году и был на 19 лет старше Сергея Львовича.

Познакомились они вскоре после прибытия Щеглова по этапу из Красноярска 6 августа 1942 г. в Норильлаг. К тому времени Шамис уже 3 года находился в заключении с сентября 1939 г., куда он прибыл морским путем из Соловецкого лагеря после ареста в Москве в августе 1938 г.

В Норильске они были вместе 15 лет, до отъезда Шамиса в Москву в 1956 г. после реабилитации. Щеглов был освобожден из лагеря в 1946 г. и после этого еще 15 лет проработал в Норильске вольнонаемным. Он выехал из Норильска через 5 лет после Шамиса, в 1961 г., через 2 года после реабилитации в 1959 г.

Их дружба продолжалась более полувека – 52 года, с 1942 г. по 1994 г.

Сергей Львович Щеглов родился 19 сентября 1921, в селе Ляхи Владимирской губернии. С 1926 по 1940 годы жил в городе Муроме (в то время Горьковского края).

В 1937 году родители были осуждены по обвинению в антисоветской деятельности. Отец, Лев Львович Щеглов, сын священника, был расстрелян в Горьком, мать была заключена в Карагандинские лагеря на 10 лет, где и скончалась.

С 16 лет Сергей работал и учился в вечерней школе. По окончании десятилетки поступил на истфак Московского областного педагогического института. Окончил первый курс 22 июня 1941 года и на следующий день был арестован НКГБ СССР по

обвинению в создании молодёжной антисоветской организации. Виновным себя не признал и после длительного следствия особым совещанием НКВД был приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей.

Щеглов срок заключения отбывал в заполярном Норильлаге: работал на строительстве Большого кислородного завода и цеха поглотителей землепопом, каменщиком, взрывником на рудниках, лаборантом на заводе взрывчатых веществ. После освобождения был закреплён на той же работе без права выезда из Норильска. 19 лет работал на строительстве и эксплуатации горно-металлургического комбината. Работая, учился во Всесоюзном заочном политехническом институте, в 1955 году защитил диплом инженера технолога по химическому производству (жидкого кислорода). Заведовал научно-исследовательской лабораторией, был техноруком, затем директором Большого кислородного завода по производству взрывчатых веществ и кислорода.

В 1959 году, вслед за родителями, Щеглов был реабилитирован за отсутствием состава преступления. В 1961 г. он переехал на жительство в г. Тулу, где работал на Новотульском металлургическом заводе начальником участка «Союзкислородмонтажа».

Он один из первых участников литературного объединения в Норильске, многолетний внештатный сотрудник газеты «Заполярная правда».

Сергей Львович Щеглов является соавтором (вместе с А. Бондаревым) первой книги о норильском строительстве «Город Норильск», а также автором книг о выдающемся минералоге Н.М. Федоровском, знаменитом астрономе и астрофизике Н.А. Козыреве, о репрессированных священнослужителях, очерков о норильских писателях А. Гарри, А. Зуеве и других первостроителях. Щеглов по праву считается одним из лучших летописцев Норильска.

По определению Шамиса, Щеглов – человек большой энергии, исключительно отзывчивый, чуткий, внимательный ко всему, что касается истории Норильска. Литературный псевдоним отражает судьбу – «Норильский», им он подписывает только самые значимые, по его мнению, работы.

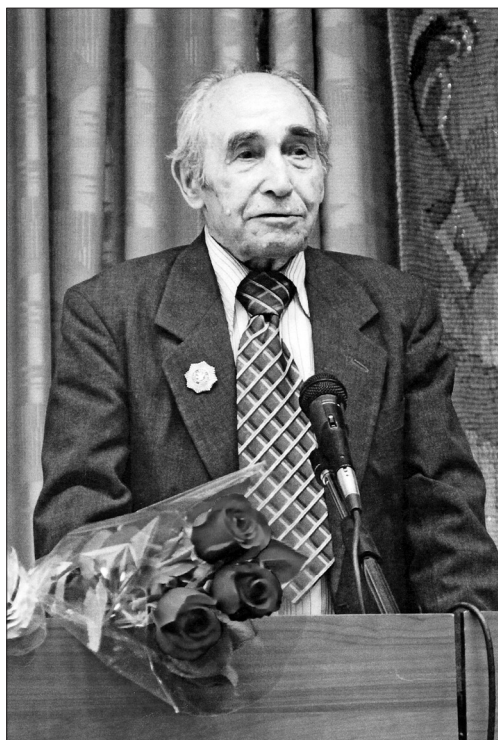
В 1963 году он осуществил свою мечту посвятить себя журналистике и литературе, стал профессиональным журналистом, работал в тульских газетах. Работал заведующим промышлен-

ным отделом Тульской областной газеты «Коммунар». Член Союзов журналистов СССР (с 1959 г.) и России, член Союза Российских писателей с 2001 г. Выпустил два десятка книг: историко-краеведческих, литературоведческих, публицистических, документально-мемуарных. Главная тема его творчества – люди Норильска, политические репрессии в СССР. Печатался в центральных и сибирских литературных журналах.

Дважды удостоен журналистской премии имени Глеба Успенского и литературной премии имени Льва Толстого.

С 1990 года по настоящее время Сергей Львович Щеглов на общественных началах работает председателем правления Тульского областного отделения Российского историко-просветительского правозащитного общества «Мемориал», он является составителем пяти томов «Книга памяти жертв политических репрессий в Тульской области».

*Щеглов С.Л.
на презентации
IV тома «Книги
памяти жертв
политических
репрессий».
Тула, 21 мая 2012 г.*

Несмотря на свой солидный возраст, Сергей Львович Щеглов продолжает неугомонно заниматься писательским трудом, ведет обширный журналистский архив.

Круг его интересов поистине неисчерпаем. Например, в 2016 г. Щеглов выпустил книгу о своем друге, литературном критике Игоре Золотуском, с красноречивым названием «Во взыскании вечных истин» (издательство «Вече»).

Вот как рассказывает о Сергее Львовиче Щеглове официальный сайт г. Норильска www.norilsk-siti.ru (статья «Правда – мой главный герой»).

«Есть среди сотен норильских судеб одна, превратности которой послужили бы сюжетом для книги. Сергей Львович Щеглов – инженер-химик, писатель, заключенный Норильского лагеря. В Норильске он и начал писать – о себе, о людях, которые были с ним рядом, о городе, ставшем из места заключения городом, где он нашел свою любовь и судьбу.

В городском архиве хранится личное дело Сергея Львовича Щеглова. Среди документов – автобиография, написанная в мае 1948 года, спустя два года после его освобождения из лагеря. Аккуратный убористый почерк. Родился 19 сентября 1921 года в селе Ляхи Горьковской области в семье сельских учителей. Отец, Лев Львович, в молодости участвовал в революционном движении. После развода родителей в 1925 году Сергей переехал с матерью в Муром. Александре Ивановне пришлось оставить работу в школе (не смогла принять принципы атеистического воспитания, так как была искренне верующей православной христианкой), зарабатывала на жизнь шитьем.

В 1937 году родители Сергея были осуждены по статье 58, в служебной анкете, уже работая на Норильском комбинате, он указал, что никаких известий об их судьбе нет. Впоследствии стало известно, что отца расстреляли вскоре после ареста, мама умерла в Казахстане, в лагерной больнице в 1947 году, отбыв весь свой 10-летний срок.

Оставшись без матери, 16-летний Сергей начал самостоятельную трудовую жизнь: работал, без отрыва от производства с отличием окончил среднюю школу для взрослых. За время учебы был принят в комсомол, активно участвовал в школьной жизни, занимался в литературном и историческом кружках.

Все это время Сергей Щеглов чувствовал на себе клеймо сына «врагов народа». Дорога в Московский университет была для него закрыта, но в 1940 году он без экзаменов был зачислен на исторический факультет Московского областного пединститута. Специальность получить не удалось – 22 июня началась война. Сергей вместе с однокурсниками подал заявление идти добровольцем на фронт, но 23 июня 1941 года был арестован по обвинению в антисоветской агитации. Проведя больше года в Омской тюрьме под следствием, был осужден Особым Совещанием НКВД СССР» <...>

Из воспоминаний Щеглова:

«В мае 1942 года меня вызывают из камеры, проводят по тюремным коридорам, в какую-то комнатку заводят. В комнате окошечко маленькое в другую комнату, у окошечка висит карандашик на ниточке, мне оттуда протискивают бумагу, и кто-то говорит: «Распишитесь». Читаю: «Студента первого курса Щеглова за антисоветскую агитацию постановлением Особого совещания осудить на 5 лет ИТЛ». Требуется моя подпись, что я ознакомился с постановлением.

Летом 1942 года я был этапом отправлен из Омска в Красноярск, где вместе с другими заключенными меня погрузили в трюм парохода под названием «Иосиф Сталин» (символично, не правда ли?).

Доставили нас 6 августа 1942 года в Дудинку, погрузили на платформу узкоколейки, которая была уже проложена до Норильска, до Нулевого пикета у подножия высокой горы и колонной погнались по ущелью Угольного ручья, на вершину горы Надежды. Там действовал рудник открытых работ, располагалось 10-е лаготделение, куда нас и поселили... Каждый день стали гонять на работу на гору Рудную, что на противоположной стороне Угольного ручья, где мы начали строить кислородный завод (его еще называли оксиликвитным заводом, потому, что на нем предназначалось выпускать взрывчатое вещество для горных работ, так называемый оксиликвит).

В 1942 году в Норильске была создана специальная лаборатория по исследованию (а затем и широкому промышленному применению) в условиях Заполярья оксиликвитов – взрывчатых веществ на основе органического горючего материала (таймыр-

ского мха) и окислителя – жидкого кислорода. Рудники открытых работ нуждались в большом количестве взрывчатки, но она нужна была фронту. Решением проблемы стало строительство завода под руководством А.Д. Яхонтова по производству взрывчатки из местного сырья. На эту стройку я и попал сначала в качестве землекопа, потом каменщика.

Бытовые условия были очень тяжелые. Нас привезли в Норильск истощенными многомесячным тюремным заключением, голодом, отсутствием воздуха, да еще и морально убитыми теми обвинениями, которые на нас возложили... Я вынужден был работать кайлом, ломом, долбить котлованы под бараки и завод. Техники никакой, все делалось ручным способом, медленно. Бывало, этим кайлом ударяешь о скалу, только искры летят и мелкие брызги, но, тем не менее, по 12 часов надо было работать. Надо было выполнять норму, за выполнение полагалось 600 граммов хлеба в сутки и к нему черпак баланды. Утром черпачок каши пшенной, на воде, конечно, или гречневой и вечером тоже что-нибудь в этом роде. Подъем был в шесть часов. Еще когда был август, сентябрь, было еще сравнительно тепло, тогда еще как-то посидишь, отдохнешь, снова начнешь работать, в общем, 12 часов ты еще как-то выдерживал. Когда начались морозы, зима, пурга, вот это уже стало страшно. Истощенные, полуголодные, мы были в рваной одежде, в рваных бушлатах, как тогда говорили, тридцать третьего срока, т. е. пережившие многих умерших заключенных, заплатанные кое-как. Валенки не было, вместо них давали бурки – сшитые из старых одеял сапоги, подбитые транспортной лентой, которую делали на Челябинском тракторном заводе, их так и называли – ЧТЗ. Они, конечно, не грели.

Вскоре меня, уже совершенно обессиленного, перевели сначала табельщиком стройки, а затем в окисликвитную лабораторию – помогло то обстоятельство, что в лагере катастрофически не хватало образованных кадров. Я стал принимать активное участие в исследовательских работах, которые велись параллельно со строительством кислородного завода.

Рядом со мной работал замечательный человек, Юрий Натанович Зенюк, участник Гражданской войны. Он родился в 1903 году, по возрасту годился мне в отцы. Это был очень

талантливый человек. Осужден был в 1937 году за троцкизм, в 1939-м попал в Норильск.

Сначала работал в Центральной химлаборатории, потом на Оксиликвитном заводе, начальником которого был горный инженер Алексей Дмитриевич Яхонтов, вольнонаемный. Зенюк проводил первые исследования новой взрывчатки – оксиликвита. Это было новое слово в науке о взрывчатых веществах. Тротил нужен был фронту, и надо было взрывать горную массу вот такими местными взрывчатыми веществами. Мы, молодые люди, были к этому привлечены. Я увлекся этим делом и с интересом участвовал во всех исследованиях, активно работал, не считаясь со временем.

Вокруг меня были замечательные люди, и как инженеры, и просто, как люди широко эрудированные, образованные, очень порядочные. Все они принадлежали к числу тех, кого можно назвать патриотами родины. Это Иосиф Адольфович Шамис, Семен Семенович Лайкевич, Леонид Алексеевич Щекур, Тарас Иванович Труба, Алексей Гаврилович Выкочка – о них я написал в своей повести «Сталинская премия» (опубликована в 1998 году). Работа по изучению и применению оксиликвита на рудниках получила Сталинскую премию 3-й степени. Меня и еще несколько человек включили в список предполагаемых лауреатов. В то время мы уже были людьми вольнонаемными, сроки свои отбыли, но клеймо бывших заключенных по 58-й статье на нас все-таки лежало, и нас вычеркнули из этого списка.

26 марта 1946 года меня освободили из лагеря – на три месяца раньше срока. Однако это не было полной свободой.

Мне выдали справку об освобождении и отправили в отдел кадров того же рудника, где я работал будучи заключенным. Начальник отдела кадров дал мне текст договора об обязательстве работать на Норильском комбинате в течение трех лет как вольнонаемный, в оксиликвитной лаборатории на должности техника-взрывника по экспериментальным работам. Выехать на родину в Муром я не имел права, приказом я прикреплялся на работу на комбинате. В милиции мне выдали паспорт на год. Свобода моего передвижения ограничивалась местом жительства. Я мог выехать в отпуск, но с условием возвращения в Норильск.

Только в 1953 году после смерти Сталина по указу об амнистии мне выдали паспорт без ограничительной статьи. Я мог уехать из Норильска, но к тому времени у меня уже появилась семья, была работа, с которой не хотелось расставаться.

Еще в 1947 году в Норильске организовался учебный консультационный пункт при горно-металлургическом техникуме, я заочно учился в институте на химико-технологическом факультете и всей душой привязался к оксиликвитам.

В 1955 году окончил Всесоюзный заочный политехнический институт и получил диплом инженера-технолога. Защита дипломного проекта на тему «Кислородная установка производительностью 500 кг. жидкого кислорода в час» прошла на «отлично». К этому времени я уже был начальником лаборатории, а впоследствии и самого оксиликвитного завода, который производил взрывчатку для норильских рудников до 1956 года.

В течение всей жизни я не оставлял литературное творчество, сказывалась все-таки моя склонность к гуманитарным наукам, в том числе журналистике. Впервые начал печататься еще в 1937 году в районной Муромской газете. В Норильске писал для местных газет, в том числе лагерной многотиражки «За ударный труд», в 1959 году был принят в Союз журналистов СССР.

В 1963 году под псевдонимом Сергей Норильский был написан автобиографический роман «Черный треугольник», который увидел свет только спустя тридцать лет, когда стало возможным открыто говорить и писать о ГУЛАГе.

Я начал писать о Норильлаге в 1957 году, когда впервые осмелился перенести на бумагу что-то из того, что видел и помнил. Ведь с нас при освобождении брали расписку в том, что никому, никогда и ни при каких условиях не расскажем о том, что мы видели и что мы пережили в лагере. Мы понимали, что новую стену лбом не прошибешь и расписывались, так же как давали подписку, что не имеем права выехать из Норильска.

О Норильске написано много, но очень мало о лагере. А надо писать во весь голос об этом. Надо писать больше и узнавать больше, вести исследовательскую работу с целью восстановить правду о строительстве Норильска, несмотря на то, что прошло уже много лет. Есть люди, которые считают, что не надо ворошить прошлое. Но забывать это нельзя.

Самым главным моим литературным героем была и остается правда, и сейчас никто не мешает каждому из нас рассказать правду. Нужно писать о трагической судьбе первостроителей Норильска, и надо, чтобы в городе появился памятник им всем – и заключенным, и вольнонаемным – всем, кто приложил труд к строительству этого великого города. Надо восстановить историческую справедливость без крайностей, без шарахания в ту или иную сторону. Надо быть объективными, только при этом условии мы восстановим всю правду».

В газетах, журналах, сборниках Щегловым опубликовано несколько тысяч статей, очерков, рассказов и рецензий. Несмотря на солидный возраст (96 лет), он по-прежнему полон творческих планов и каждый день проводит за пишущей машинкой.

В 2018 г. Сергей Львович планирует завершить работу над большой книгой о поэте и писателе Владимире Яковлевиче Лазареве (Мильдоне), авторе десятков известных советских песен, например «Листопад» (музыка С. Туликова), «Не остуди свое сердце, сынок» (музыка В. Мигули), «Мой белый город» и «Мне приснился шум дождя» (музыка Е. Доги), «Ясные, светлые

*Щеглов С.Л.
в день 95-летия.
Тула,
19 сентября 2016.*

глаза» (музыка Р. Манукова), «Как не любить мне эту землю» (музыка В. Левашева), «Ночной разговор» («Зимний город уснул уже», музыка М. Фрадкина). Владимир Лазарев – автор наиболее часто исполняемой версии текста марша «Прощание славянки» (музыка В. Агапкина, 1912 г.) Лазарев многие годы жил в Туле и дружил с Щегловым. С 1999 г. он живет в Калифорнии, изучает творчество известного русского философа и филолога Алексея Федоровича Лосева (1893–1988).

В ближайших планах Сергея Львовича работа над книгой «Гнев и смирение». Это будет большое документально-художественное произведение о судьбе его родителей и о своей жизни, расширенный и дополненный вариант его ранней повести «Сталинская премия».

Из воспоминаний Щеглова:

«А жить надо не только для себя. Надо жить так, чтобы думать о близких и просто о других людях. Терпимость во взглядах, в убеждениях – единственное, что может сблизить людей во всех противоречиях, при всех различиях мировоззрений. В своем собеседнике, в товарище по работе надо искать то, что объединяет. Только при этом условии мы будем едины и не скатимся в бездну вражды и конфронтации».

Глава 3

«Советские лагерники...»

*Астрофизик Н.А. Козырев
и минералог Н.М. Федоровский*

Сергею Львовичу Щеглову не довелось встретиться с Николаем Александровичем Козыревым в Норильлаге, хотя целых три года они находились недалеко друг от друга. Поэтому для него важно было узнать как можно больше об этом периоде жизни великого ученого. Видевшие Козырева норильчане рассказывали, что в бараке астроном-заключенный всегда был с тетрадкой, испещренной формулами.

Кто такой астрофизик Козырев? Вот несколько штрихов о его научной деятельности.

Николаю Александровичу Козыреву первым в науке удалось сфотографировать спектр пепельного света в небе Венеры. Он работал на 50-дюймовом зеркале Крымской астрофизической обсерватории. Безлунной ночью 18 марта 1953 г. планета была видна как узкий серпик в ранней своей фазе. Холмы вблизи обсерватории покрывал снег, и прозрачность воздуха была предельной. В эти-то часы с помощью светосильной кварцевой оптики Козыревым был получен отчетливый спектр Венеры. Через несколько лет на высокогорной обсерватории в штате Колорадо американец Ньюкири повторил козыревские наблюдения.

В газетах и журналах конца 60-х годов появилось сообщение об открытии Козыревым вулканической деятельности на Луне. Через много лет американские астрономы путем визуальных наблюдений подтвердили открытие Николая Александровича.

Козырев был арестован в 1936 году, в Норильлаг его доставили в 1939 году, где он оставался заключенным до января 1947 года, когда его условно-досрочно освободили. Возможно, освобождение связано с научной работой Козырева в Норильлаге.

Такой вывод делает писатель Сорвина М.Ю. в статье о «Филадельфийском эксперименте», проводившемся в США под руководством сербского гения Никола Теслы. Есть мнение, что ученый, узнав о предстоящих опытах на людях, сразу вышел из проекта. Совпадение или нет, но через 10 месяцев после этого, 7 января 1943 г., Н. Тесла был найден мертвым в номере гостиницы в Нью-Йорке.

Автор пишет, что подобные эксперименты с изучением проницаемости пространства происходили и в СССР:

«В 1946 году в кабинет Лаврентия Берии был привезен прямо из лагеря астрофизик Николай Козырев. Его уже ожидала группа из 9 ведущих физиков страны. Ученый за 10 минут начертил разработанный им прибор, помогающий перемещаться в пространстве и получивший впоследствии название «Зеркала Козырева». Астрофизик был освобожден и переведен в Крымскую обсерваторию для продолжения работы. «Зеркала Козырева» представляли собой алюминиевые спиралевидные плоскости, способные отражать физическое время и подобно линзам фокусировать разные виды излучений, в том числе исходящие от человека. Но продолжения эта история не получила, так как позднее его исследования оказались никому не нужны» («Сто великих мистификаций», издательство «Вече», 2017 г.).

В 2013 г. *Сергей Норильский* выпустил в Туле ограниченным тиражом 200 экземпляров небольшую книгу «Время и звезды Николая Козырева. Заметки о жизни и деятельности российского астронома и астрофизика».

В интервью писателя норильской газете «Заполярный Вестник» (24 декабря 2015 г., № 50, «Ваш Н. Козырев») он рассказал:

«Первые материалы о Николае Козыреве мне удалось опубликовать еще при его жизни, в марте 1970 г. и августе 1971 г. в «Заполярной правде». Туманно, в общих словах, было сообщено, что некоторое время ученый работал в Норильске и Дудинке. Почему «удалось», почему «туманно»? Потому, что в те годы действовал негласный запрет на публикацию сведений о политических репрессиях в СССР.

Спасибо тогдашним редакторам «Заполярки» Валентине Дмитриевне Мартыновой и Григорию Тимофеевичу Неткачеву, что отважились поместить мой материал. Как попал в Заполярье

исследователь Юпитера и Венеры? Что делал в Дудинке и Норильске? Читателю об этом приходилось только догадываться.

Первое мое знакомство с его научными изысканиями состоялось в мае 1952 года.

К тому времени Козырев уже несколько лет как был свободен и даже допущен к прежней научной работе. С каким же жадным интересом читал я его выступления, где он говорил о Юпитере и Сатурне, демонстрируя коллегам выведенные им формулы по соотношению светимости звезд и их массы!

Вот, вернулся человек к главному делу жизни, может вновь в полную силу работать в науке...».

Далее еще один отрывок из книги *С. Норильского* «Время и звезды Николая Козырева», имеющий непосредственное отношение к Иосифу Адольфовичу Шамису, которого С. Норильский ласково называет «заботливый летописец Норильска». Часть первого варианта книги опубликована в сборнике «О времени, О Норильске, о себе», составитель Г.И. Касабова (далее Сборник), книга 9, 2007 г.

«В Норильске я не делал попыток узнать что-либо о Козыреве. Лишь после выезда в 1961 году спохватился и стал посылать запросы норильчанам, с середины пятидесятых годов рассеянным по городам и весям страны: помнит ли кто-нибудь Козырева по Норильску или Дудинке? (Многие бывшие узники, получив реабилитацию, покинули Заполярье.)

Начал с моих друзей-ветеранов: Н.Н. Урванцев, И.А. Шамис, Ю.Н. Зинок, А.Д. Яхонтов, М.Д. Фугзан, К.И. Иванов.

Ответы не приносили ничего существенного. Никто из этих людей с Козыревым не встречался.

11 августа 1969 года Иосиф Адольфович Шамис, хранивший в голове целую картотеку сведений о раннем Норильске и его аборигенах, ответил из Москвы:

«Что Козырев в Норильске был, знаю. Мне даже мерещится его фигура: стройный, подтянутый, тонкое лицо, гладкие седоватые слегка волосы, причесанные на пробор...»

«Мерещится»... И больше ничего? Откуда же такие подробности внешнего облика?

Иосиф Адольфович обещал поспрашивать у знакомых ветеранов Норильска, живущих в столице: Е.Е. Гайсинович и других.

Советовал мне запросить М.В. Кима, С.А. Снегова, Л.Н. Гумилева: они должны были знать Козырева по Норильску.

«М.В. Киму писать не буду, – сообщил Шамис в следующем письме, 22 сентября, – боюсь, приревнует к тому, что интересуюсь Козыревым (я его знаю, человек «ревнивый»). Пиши Штейну-Снегову. Знал Козырева, конечно, Урванцев Н.Н., но он тоже человек «ревнивый».

При всем уважении и любви к Иосифу я не разделял его опасений насчет «ревности» названных им бывших норильчан; хотя и мне самому тоже приходилось сталкиваться с некоторыми её проявлениями. По собственному опыту знал, что эту «ревность» можно преодолеть уважительным отношением к заслугам каждого индивидуума. Ну, за редким исключением.

«Говорил сегодня с Либиным (муж Е.Е. Гайсинович), – рапортовал Иосиф через неделю. – Он человек очень сведущий. Мы его в шутку звали «Патэ-журнал»: всех и о всех знал. Козырева – тоже. Но Козырев рано «уехал»: не то в 44, не то в 45 г. И Либин ничего уже не помнит теперь. Говорит, что знал Козырева хорошо Штейн (Снегов), к которому и следует обратиться. А живет Штейн не в Ленинграде, а в Калининграде (областной, на Балтийском море)».

Так наставлял меня заботливый летописец Норильска. Но уж очень осторожен был. Даже слово «уехал» (из Норильска) в отношении Козырева в кавычках писал: потому что подразумевал: освободился. Значит, намек на лагерь. В письме такое недопустимо.

Я знал, где живет Штейн. Почти с первых месяцев, как он в 1961 году поселился в бывшем Кёнигсберге, мы переписывались. И как раз накануне того дня, когда Шамис послал мне открытку с повторным советом запросить Снегова о Козыреве, Сергей Александрович одарил меня письмом. И я разбирал слова, написанные прямым, вытянутым, как в удлинённом зеркале, почерком, в которых он изложил ответ на мой запрос.

«Дорогой Сергей Львович! <...> С Николаем Александровичем Козыревым знаком хорошо. В 41–43 гг. жили в одном бараке, койками – напротив. Он организовал на БМЗ (Большом металлургическом заводе. – С.Н.) пирометрический пункт, который передал мне, когда я стремился уйти из ОМЦ (опытно-металлургического

цеха), а он – в геологи. Я расширил этот пункт в лабораторию теплоконтроля. Он вначале работал в Дудинке, там ему пять лет превратили в десятку и прислали в Норильск. Мы тогда втроем дружили – он, я, Лев Гумилев, сын Анны Ахматовой и Николая Степановича Гумилева, ныне доктор исторических наук.

Адрес Н.А. Козырева: Ленинград, Алтайская, 12, кв. 40.

Адрес Гумилева где-то затерялся, но можно поискать, если нужно, – тоже Ленинград, Московский проспект.

С Козыревым мы несколько раз встречались, он с семьей приезжал ко мне в Калининград. Если нужно, напишу о нем подробней. С дружеским приветом – С. Снегов. 29-IX-69».

Но в день, когда Сергей Александрович писал в Калининграде эти строки, я уже не только знал адрес Козырева, но и – бывают же такие совпадения! – беседовал с ним.

А получилось так.

Прочитав в журнале «Нева» очерк Владимира Львова «Флаг над Венерой», я 14 апреля 1968 года послал автору, с которым переписывался несколько лет, с начала работы над книгой о Николае Михайловиче Федоровском, письмо в Ленинград. Просил сообщить подробнее о Козыреве, которому была посвящена часть очерка Владимира Евгеньевича. Кажется, он в то время болел, или еще что-то помешало ему своевременно ответить на мой запрос. Но после напоминания прислал мне домашний адрес и телефон Николая Александровича: Ленинград, Алтайская, 12, квартира 40, 98–89–45.

В тот же день, как получил эти сведения, 21 марта 1969 г., я послал Козыреву просьбу: сообщить для норильской газеты несколько воспоминаний о своей жизни и работе на Таймыре. В записной книжке против даты отправки письма поставил красную черточку, что означало: проследить за дальнейшим ходом. И еще пометку сделал, ввиду особой важности: «В случае молчания – позвонить».

Подошел к концу сентябрь, а ответа от Козырева не было. Сначала я думал: может, болен, или в отъезде, да мало ли что еще. Но вот появилась статья его в «Правде». Значит, профессор в строю.

В один из вечеров заказываю телефон в Ленинграде (тогда существовала система заказов через телефонисток). «Номер не отвечает», – сообщила «девушка». То же повторилось завтра. На

третий вечер, после столь же бесполезной попытки дозвониться, телефонистка спросила: «А кто Вам нужен?» – «Козырев». – «Выясним через справочное». В итоге я получил совершенно другой номер козыревского телефона: 93–67–05.

Еще три вечера неудачных попыток. Наконец после ставшего традиционным «Ваш номер в Ленинграде не отвечает» слышу: «Говорите, у телефона Козырев». И вслед за тем – неожиданно молодой, высокий, приятного тембра голос: «Слушаю».

«Николай Александрович?» – еще не верится мне. «Да». Называю себя, напоминаю о письме. «Что-то не помню», – раздаётся в ответ. В нескольких словах повторяю мартовский запрос. «Ах, да, – слышу из трубки, – теперь припоминаю. Да, был я в Норильске и Дудинке. С тридцать девятого по сорок пятый. Но я Вам не ответил – видите ли, не очень приятно вспоминать о том, как скалывал лед с бортов ледокола или долбил мерзлую землю. Я ведь был там заключенным». «Я об этом знаю, – сказал я. – И все же очень хотелось бы, чтоб Вы хоть немного сообщили о своей жизни в Норильске. Вы ведь, надеюсь, были потом реабилитированы?» «Разумеется». «Что же касается тогдашнего Вашего положения, то я Вас очень хорошо понимаю, – сам был в таком же».

Сезам, откройся! Оживился молодой голос, наполнился интересом к собеседнику. «Вот как! А в какие годы Вы там были? Где работали?» Я коротко ответил и поспешил вернуться к цели беседы. Чтобы помочь собеседнику, говорю: «Николай Александрович, мне рассказывали, будто Вы работали в геологическом управлении комбината». «Да, некоторое время работал. Видите ли, были в нашей тогдашней жизни своеобразные взлёты и падения. Вот в один из взлётов я и оказался у геологов. Что-то там чертил, делал какие-то расчеты».

Закончил я разговор повтором своей просьбы, – написать для газеты Норильска хотя бы страничку о пребывании там, обещал, что прежде чем посылать в редакцию, непременно покажу ему и без разрешения не опубликую. Николай Александрович согласился, записал мой адрес, и мы распрощались.

Знакомство по телефону – слишком малая веха в изучении биографии человека. Но самое досадное: обещание свое Николай Александрович не выполнил.

Месяца через два я оказался в Ленинграде. Позвонил Козыреву. Мальчишеский голос ответил, что его нет дома.

«А кто это говорит?» – поинтересовался я. – «Его сын». – «Как же тебя звать?» – «Федя». Оказалось, что трое суток назад профессор уехал в Подмоскowie, в санаторий, вернется не раньше чем через месяц.

Минуло еще несколько недель, ответ так и не пришел.

Я обработал всё, что знал о Козыреве, придал материалу форму и размеры газетного очерка и отправил... Нет, не в «Заполняющую правду», а Николаю Александровичу в Ленинград.

15 февраля получаю ответ: «5.2.70. Глубокоуважаемый Сергей Львович, спасибо за присылку Вашего очерка. Мне понравилось, как Вы его написали, и всё вполне корректно. Хорошо получилось, что Дудинка – Норильск упоминаются Вами кратко. Эта краткость звучит многозначительно, как это и должно быть. Прошу извинить меня, что я после разговора с Вами по телефону не выполнил Вашего пожелания написать самому мне о том времени. Но, подумав, я понял, что отделить то, что я там делал, от всей обстановки нельзя. Получилось бы неправильное впечатление, и делать так было бы нечестно. Еще раз благодарю за Ваш очерк. Ваш Козырев».

В книге С. Норильского о Н.Козыреве есть описание «лагерного барака советского времени» глазами очевидца:

«Ряды двухэтажных нар из кое-как оструганных стоек и досок, чуть освещенные скудными лампочками в потолке. Засаленный столик у окна в торцевой стене, железная бочка посередине, приспособленная для сжигания каменного угля. Умывальник у входа: прибитая к стене жестяная лохань, наполненная водой. В днище лохани ряд отверстий, в них – штыри, поднимая которые, зеки обмывали лицо и руки. Тут же на полу еще одна лохань, в ней мыльный раствор. И вонючая параша у самой двери. Принесет зек котелок с баландой и куском рисовой запеканки либо несколько ложек каши из барака-кухни, сядет на свое место на нарах и быстро проглотит принесенное. Столик у окна – для дневального и избранного круга зеков, в основном уголовников. Одежда и прочее имущество обитателей барака – всё на тех же нарах. Какие тетрадки? А Козырев умудрялся что-то записывать в свои блокнотики огрызком карандаша, вызывая усмешки окружающих. <...>

Люди, отбывшие заключение по пятьдесят восьмой Уголовного кодекса, воспринимали возврат в научную или литературную деятельность как проявление счастья и справедливости. Когда тебе постоянно на каждом шагу талдычат, что ты до конца дней своих – изгой, обзывают тебя фашистом и врагом народа, появление твоих однолагерников в нормальной гражданской жизни – серьезная моральная поддержка и затаённая надежда: а вдруг да и тебе улыбнется фортуна?

Трудно осмыслить невероятную жестокость (до бессмысленности), с какой преследовал Сталин противников (на самом деле большинство их не были таковыми, а являлись сторонниками, некоторые даже создателями большевистского режима). Впрочем, то было не ново в практике революций. Один из участников французской бучи конца XVIII века изрек слова, ставшие афоризмом: «Революция пожирает своих детей».

Оказалось, не только детей, но и родителей. <...>

Чудовищный практик, а отчасти и теоретик марксизма-ленинизма, кремлевский горец обосновал небывалый размах зверств два десятка лет спустя после захвата власти так: сопротивление свергнутых классов возрастает по мере успехов бесклассового общества. Всю свою деятельность новый Робеспьер, вырядившийся в Наполеона, посвятил уничтожению по преимуществу мнимых врагов. До старости, которая обычно смягчает человека, до самых последних дней ковал он в себе жестокость. Особенно наглядно проявилось это в послевоенные годы. Попытки повторить тридцать седьмой наводили ужас на страну. Высылка «бывших людей» из Ленинграда, начатая в тридцатые годы, продолжалась до смерти вождя. Последний составленный в МГБ список на высылку был аннулирован, когда «кормчий» лежал в мавзолее. Фантастическое «дело врачей» прекратили в марте пятьдесят третьего».

Сорок лет с приливами и отливами продолжались усилия сохранить на штыках и утвердить репрессиями тоталитарный режим. Дальнейшее стремление отстоять его вопреки коренным изменениям на планете грозило закончиться третьей всемирной бойней, несомненно, ядерной. <...>

Значит, всё дело в том, чтобы не допустить безумцев к верховной власти. Это возможно только при демократии. И в том,

чтобы иметь возможность должным образом ответить, если где-то безумец появится и сумеет привести свои планы в реальность. При всём значении государства в жизни людей целью цивилизации должно быть не беспредельное укрепление государства, а ценность каждой человеческой жизни. <...>

Как бы ни уверяли последователи Сталина в прогрессивности его действий, в частности в уничтожении так называемых «врагов народа», согласиться с этим нельзя. Бессмысленную жестокость репрессий Большого Террора опровергнуть невозможно».

В заключение книги С. Норильский пишет: «Сама биография Козырева – крупного, но не прославленного ученого – была весьма значительным актом в истории науки.

Если Андрей Сахаров и, скажем, Николай Вавилов успели свершить свои научные деяния до того, как по разным причинам их подвергли остракизму, то трагичность судьбы Козырева в том, что ему оборвали научную работу в самом начале. А он нашел в себе силы после жестоких испытаний свершить открытия, значимость которых велика. И сделал это в условиях, когда на нем лежало клеймо «бывшего врага народа». Нынешним людям трудно представить себе всё давление такого клейма. Хотя власть и реабилитировала таких людей, простора их деятельности не давала, достижения их старалась замалчивать. Изгои такого рода свершали свои достижения не при государственной поддержке, а вопреки скрытому, нередко и явному сопротивлению. Именно поэтому о Козыреве и Льве Гумилеве долгие годы знали только ученые близких специальностей да наиболее образованные люди».

О Николае Александровиче Козыреве писала и норильчанка *Нина Дзюбенко* (Сборник, кн. 1, 2001г.):

«Козырев родился в 1908 г., в 20 лет он с блеском окончил Ленинградский университет, в 23 года стал профессором и видным ученым Пулковской обсерватории. А уже в 26 лет, в 1934 г., его имя стало известно всем астрономам мира – он разработал теорию протяженных звездных атмосфер и выяснял свойства излучения, создающегося в таких раскаленных атмосферах. Его теория вскоре была обобщена молодым индийско-американским

*Козырев Николай
Александрович
(1903—1983)*

физиком Чандрасекаром – и стала в научном мире называться теорией Козырева–Чандрасекара. Закончив изучение атмосфер, облекающих светила, Козырев перешел к исследованию самой знаменитой звезды, нашего Солнца, – его заинтересовала великая загадка солнечных пятен, он выяснял, какова глубина этих пятен, как они вступают в равновесие с солнечной атмосферой.

Причиной ареста целой группы пулковских астрономов была зарубежная командировка директора обсерватории Б.П. Герасимовича. Он четыре года проработал в Гарвардской обсерватории. После возвращения его, естественно, арестовали и в тридцать седьмом расстреляли, а перед расстрелом заставили выдумать шпионскую организацию, куда был включен и Козырев.

Во время следствия Николай Александрович, видимо, находился в Крестах, где 25 мая 1937 г. был приговорен к пяти годам тюремного заключения и до мая 1939 г. отбывал наказание в тюрьме города Дмитровска-Орловского Курской области. Об этом писал А.И. Солженицын в главе «Тюрзак» своей эпопеи «Архипелаг ГУЛАГ».

С Солженицыным Козырев познакомился позже – уже после освобождения обоих «сидельцев». Николай Александрович был одним из тех, чьи рассказы о своих злоключениях в «архипелаге» Солженицын включил в свою эпопею.

Помнится, что, узнав о разрешении, данном Горбачевым на печатание «Архипелага ГУЛАГа», я поставила свечку за здоровье Михаила Сергеевича в Александро-Невской лавре в Ленинграде. Ведь в свое время, когда мы учились в университете города Томска, моих сокурсников водили на беседы в КГБ за то, что слушали сквозь треск глушилок «враждебные» голоса, передающие текст «Архипелага». Я прочитала его в журнале «Новый мир», оттуда почерпнула сведения о Козыреве.

В Норильский лагерь Козырев был этапирован в 1939 г. Скорее всего это был этап, который прибыл в Дудинку 17 июля. Он не любил об этом периоде жизни вспоминать и своих записок о пребывании в ИТЛ не оставил, хотя его просили об этом: «Видите ли, не очень приятно вспоминать о том, как ты скалывал лед или долбил мерзлую землю». (С. Норильский. – Заполярная правда. 1989. 3 окт.)

Существует легенда о том, что Козырев, будучи в Дудинке, спас замерзающего человека, дотавив его до тепла. Как оказалось впоследствии, это был Александр Петрович Ногтев – бывший начальник Соловецкого лагеря, в свое время погубивший немало «подопечных» СЛОНА. В те годы Ногтев тоже был заключенным, проверял на себе крепость революционной законности. Во время следствия по делу Козырева Ногтев был одним из свидетелей, так как какое-то время они поддерживали контакты. «Я чутьем старого чекиста сразу увидел – передо мною враг», – так отозвался Ногтев о своем спасителе.

Козыреву приходилось жить среди уголовников, между которыми ежевечерне вспыхивали ссоры, «качание прав», где были мат и грязь. Все это его сильно угнетало.

В самом начале сорок третьего года Козырев перешел в барак к геологам. К этому времени тут была интеллектуальная элита. Там уже был Л.Н. Гумилев, у которого 10 марта того же года закончился срок заключения, и он в соответствии с директивой № 185 освобожден с закреплением на комбинате.

Продолжим повествование о Козыреве в изложении Солженицына.

«Однажды на стоянке в тайге Николай Александрович проснулся в палатке оттого, что кто-то тронул его за плечо и громко сказал: «Проснись, а не то будет поздно!» Козырев поднял голову и увидел, что из растопленной буржуйки выпал кусочек горячей бересты и через мгновение могла запылать палатка!

Еще был случай, когда, потеряв в тайге топор, он не смог нарубить веток для костра. Он понял, что замерзнет, и решил идти, пока хватит сил. Несчастный шел всю ночь, а по пятам его преследовала россомаха. Он прошел по снежной целине семьдесят верст, и, когда добрался до фактории, никто не мог поверить его рассказу. Зато потом, собираясь в обратный путь, Козырев услышал, как начальник, отвечая кому-то на сомнения, стоит ли отправлять человека в столь тяжелый путь, сказал: «Я его знаю. Этот дойдет!» И эти слова ученый считал самой большой похвалой, какую ему удалось заслужить в жизни <...>

После освобождения еще много лет Козырев проработал в Пулковской обсерватории. Он оборудовал в Пулково специальную лабораторию для экспериментов с энергoвременем. Идеи Козырева радикально разрушали привычные представления о физике времени и природе энергии. Пулковское начальство учитывало отрицательное отношение официальной науки к астрофизическим воззрениям Козырева – и не отпускало средств на расширение его лаборатории.

Но непонимание его идей Козырева не останавливало. Его исследования становились все глубже и шире, постепенно превращались из чисто астрофизических в общеполософские. В 1979 г., в годы «темные, глухие», он был уволен из обсерватории по «сокращению штатов». После смерти его помощника В.В. Насонова лабораторию Козырева вообще закрыли.

Н.А. Козырев умер в 1983 г. Ему не хватило времени на создание теории физического времени как главного источника космической энергии. Лучшие годы ученый провел в тюремных камерах Крестов, Бутырок, на общих физических работах в Дудинском порту, в Норильлаге...».

Поэт Андрей Вознесенский посвятил незаурядному ученому и мыслителю Николаю Козыреву стихотворение «Есть русская интеллигенция».

«Есть русская интеллигенция. Вы думали – нет? Есть!
Не масса индифферентная, а совесть страны и честь.
Есть в Рихтере и Аверинцеве земских врачей черты
– постольку интеллигенция, поскольку они честны.
«Нет пороков в твоём отечестве». Не уважаю лесть.
Есть пороки в моем отечестве, зато и пророки есть.
Такие, как, вне коррозии, ноздрей петербургской вздет,
Николай Александрович Козырев – небесный интеллигент.
Он не замечает карманников. Явился он в мир стереть
второй закон термодинамики и с ним тепловую смерть.
Когда он читает лекции, над кафедрой, бритый весь,
– он истой интеллигенции указующий в небо перст.
Воюет с извечной дурью, для подвига рождена,
отечественная литература – отечественная война.
Какое призвание лестное – служить ей, отдавши честь:
«Есть русская интеллигенция! Есть!»».

Сергей Львович Щеглов выпустил в 1967 г. в г. Горький книгу еще об одном узнике Норильлага, Николае Михайловиче Федоровском, которая так и называется «Н.М. Федоровский».

«Федоровский был выдающимся советским ученым – специалистом мирового уровня в области минералогии, автором многих монографий и сотен научных статей, одним из редакторов первого издания Советской технической энциклопедии (1930–1936 гг.). Все, что совершено в советской и мировой минералогии, а отчасти и в горной промышленности, до середины 30-х годов XX века, связано с его деятельностью.

В 1939 г. Н.М. Федоровский был осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР по ст. 58 УК на 15 лет исправительно-трудовых лагерей.

До Норильлага, куда он по этапу прибыл в 1945 г., Н.М. Федоровский работал в Воркутинском лагере, но и там заключенный ученый думал о том, как и чем он может помочь своей родине.

В письме Сталину Федоровский убедительно рассказывал, какими чудовищными методами велось следствие, сообщал, как его, члена-корреспондента Академии Наук, заставляют валить деревья в тайге и долбить кайлом мерзлую землю. В письме «отцу народов» он заявил: «Использовать меня с моей специаль-

ностью, с тридцатилетним стажем, широкими новыми идеями в условиях заключения – это все равно, что микроскопом забивать гвозди».

Последующая работа преподавателем в Норильском техникуме была для Федоровского благом (также как и для некоторых других профессоров-заключенных – Урванцева, Шмидта, Невского, Штейна и др.).

В 1950 году (а может быть в конце сорок девятого) Николая Михайловича, как особо «тяжкого контрреволюционера», бросили в только что образованный в Норильске Горлаг. Об этом вспоминал работавший с ним в техникуме П.М. Афанасьев.

«Часть Горлага располагалась возле рудника открытых работ «Медвежий Ручей». Мне, проводившему в то время взрывание зарядов окисилквита в скважинах на уступах этого грандиозного рудника, приходилось почти ежедневно видеть колонны горлаговцев в карьерах и окрестностях. Жуткая была картина!

Оцепленные конвоирами с винтовками и автоматами наготове, под вой пурги и лай овчарок в снежной круговерти едва передвигали ноги мужчины в бушлатах с белыми номерами на спине и бурках-чтз, обвязанные поверх шапок грязными шарфами, полотенцами, каким-то тряпьем¹.

Тут были в основном власовцы, бандеровцы, полицаи и прочие изменники Родины в минувшей войне, со сроками по четверть века. К ним приравняли и с пятнадцатилетними сроками «троцкистов». Какой-нибудь неверный шаг, и конвоиры приказывали

¹ ЧТЗ – сокращенное наименование Челябинского тракторного завода, ЧЕТЕЗЕ – грубые суррогатные ботинки на подошвах из старых покрышек. То же – трактора. Из книги Жака Росси, узника Норильлага, «Справочник по ГУЛАГУ», Москва, 1991г.

Бурки – так называли заключенные свои самодельные ботинки из старых стеганых телогреек. Таким образом, «бурки-чтз» это т. н. самодельные ботинки из старых телогреек с подошвой из старых автомобильных покрышек...

Материал собирался французом Жаком Росси не по доброй воле: с 1937 г. по 1958 г. он прошел как заключенный Лубянку, Бутырку, несколько десятков пересыльных тюрем, норильские лагеря, Александровский и Владимирский централы и с 1958 г. до 1961 г. был в ссылке в Средней Азии. Читая «Справочник», с ужасом понимаешь, что лагерный жаргон прочно вошел в нашу речь и мышление. Примеры – вот они: активовать, бабки, баланда, барыга, амба, арканить, атас, битый, блатной, брать на ..., букет (статей, болезней), бухарить, бытовик, век свободы не видать, велик (велосипед), вертухай, вкалывать, вояка, всю дорогу, вусмерть, вышка и др.

вают всей колонне садиться на снег, а то и лечь в грязь. Злобные выкрики вертухасев, шелканье винтовочных затворов...

Представьте в этой колонне старика-ученого мирового уровня, талантливого поэта, который для студентов в стихах рисовал образы и особенности минералов... Однажды Федоровский упал, сломал ногу, его отвезли в лагерную больницу... Ему становилось все хуже... И только тогда руководство ГУЛАГа позволило дочери увезти отца в Москву» (публикуется по тексту очерка С.Л. Щеглова-Норильского, Сборник, книга 13, 2015 г.).

Интересные заметки о Федоровском Н.М. содержатся в воспоминаниях другого узника Норильлага, *Побиска Кузнецова*:

«В лагере было много народу, у которого можно было учиться по-настоящему, например Николай Михайлович Федоровский. Почти три года я учился у него. Николай Михайлович имел феноменальную память и был блестящим знатоком минералов.

Когда мы с Федоровским встретились в лагере, он уже был больной старик. Таких, как он, у меня было 300 человек подшефных инвалидов, у которых раз в десять дней надо было измерять давление – большая часть инвалидов была гипертониками. С Николаем Михайловичем Федоровским я познакомился при следующих обстоятельствах. Я выяснял в каждом лагере, сколько здесь и каких именно людей с учеными степенями и званиями. В числе других нашел санитарную карточку Федоровского. А в ней была написана специальность, указано, что он профессор. Пригласил его для измерения давления. Это был 1951 г., мне было 27 лет. Я стал Федоровского расспрашивать, сказал, что очень интересуюсь геохимией, читал геохимию Ферсмана. Мы разговорились, речь пошла о Ферсмане, о том, какой замечательный человек Вернадский. Вот тут-то и выяснилось, что с Вернадским он лично знаком. И в книге Ферсмана я нашел кусок на три страницы, посвященный работам Федоровского, а тут сама знаменитость сидит прямо передо мной.

Николай Михайлович освобожден в марте 1953 г., отсидев 15 лет. Федоровский был основателем и первым директором Института прикладной минералогии. Теперь он носит имя Федоровского» (Сборник, кн. 1, 2001г.).

И вновь слово *С.Л. Щеглову*. Его воспоминания опубликованы в двенадцатой книге Сборника в 2011г.:

«Декабрь 1949 года. Мне недавно стукнуло двадцать восемь. Освобожденный по отбытии срока в Норильлаге три с половиной года назад, заведовал я научно-исследовательской лабораторией окисиликвитного завода. Непредсказуемая судьба выделила мне неожиданную должность после того, как за несколько лет, начиная с 1943 года, прошел я по печально знаменитой статье Уголовного кодекса мрачные круги исправительно-трудового лагеря (ИТЛ): от землекопа с «машиной системы инженера Опы» («катишь по трапу, и – пар из...»), каменщика на стройке, взрывника и лаборанта. Чудом уцелел в преждевременном взрыве оксипатронов на руднике «Угольный Ручей» 7 августа 1946 года, был я удостоен места, которое до этого занимал талантливый и опытный инженер-химик Юрий Натанович Зинюк, руководитель исследовательских работ по созданию взрывчатки из жидкого кислорода и таймырского мха. Тоже случайно избежавший гибели в том страшном взрыве, разнесшем в клочья пятерых горняков. Юрий Натанович, тогда еще заключенный по той самой 58-й, был назначен на пост начальника окисиликвитного завода взамен уехавшего вольнонаемного – горного доцента москвича Алексея Дмитриевича Яхонтова. Мне же доверили руководство лабораторией, в которой трудился три года, хотя высшее образование у меня закончено не было. Впрочем, такое в Норильске тех лет было не редкость. Комбинат остро нуждался в трудолюбивых кадрах.

Нам с Зинюком и еще несколькими заключенными предстояло опытным путем определить причины несчастного случая и предотвратить их повторение. Многие горняки после происшедшего и подойти боялись к патронам-недотрогам. Мы же были связаны с ними без преувеличения кровными узами.

Новая должность предписывала номинальное руководство всеми научно-исследовательскими работами рудника «Угольный Ручей» по горному делу и смежным вопросам. Звучало громко. Но у каждой темы имелись свои ведущие специалисты: геологи, минералоги, петрографы, горняки, снегозащитники. Мне поручалось координировать их деятельность, собирать программы работ, сметы и прочую документацию в рамках только что орга-

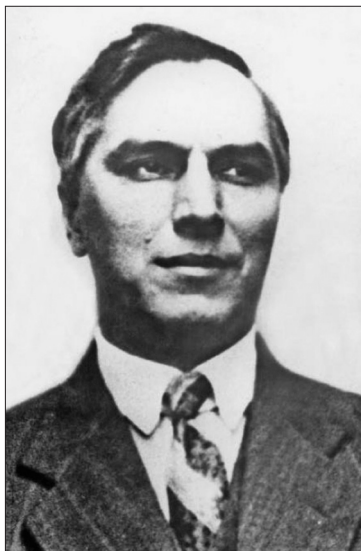
низованной Горной опытно-исследовательской станции (ГОИС). Она располагалась в здании управления рудника 7/9 на крутом склоне каменного ущелья Угольного Ручья. Заведовала станцией вольнонаемный инженер Любовь Абрамовна Зайдель.

Был я тогда студентом второго курса на химико-технологическом факультете Всесоюзного заочного политехнического института (ВЗПИ). Он располагался в Москве, рядом с грозным зданием Лубянки. В Норильске же только что был образован его учебно-консультационный пункт (УПК). Туда ринулись недоучившиеся из-за войны фронтовики и освободившиеся из Норильлага, недоучившиеся из-за ареста по 58-й, бывшие ээки. Их было большинство, я в их числе.

Научным руководителем исследовательских работ по минералогии в ГОИС значился политический заключенный Николай Михайлович Федоровский, доктор геолого-минералогических наук, создатель и директор Всесоюзного научно-исследовательского института минерального сырья, автор учебников по минералогии. Незадолго до внезапного ареста ему было присвоено звание члена-корреспондента Академии наук СССР, впереди было звание академика.

Таких птиц высокого полета в Норильлаге числилось несколько: Котульский, Урванцев, Годлевский, Зинюк и другие. Все они оказались за колючей проволокой по абсурдным чудовищным обвинениям в антисоветской деятельности: вредительстве, диверсиях, шпионаже. Большинство заклеили упомогающей кличкой: троцкист. Главный организатор комбината Завенягин извлек их с различных островов ГУЛАГа: с лесоповала, земляных и прочих «общих» работ. В Норильске эти ученые специалисты взамен «машины Опы» получили возможность использовать свои познания и таланты на возведении заводов, электростанций и фабрик, в лабораториях и за чертежным станком.

По возрасту такие как Федоровский, Урванцев, Зинюк годились нам в отцы. Для молодежи, хлебнувшей незаслуженной тюремной похлебки, они представляли образец высоконравственного поведения и самозабвенной творческой деятельности. У Федоровского и Зинюка сроки были по пятнадцать лет, до освобо-

*Федоровский Николай
Михайлович (1886—1956). 1936 г.
Из архива С.Л. Щеглова*

ждения оставалось года три—четыре. У меня по сравнению с ними срок был детский: пять лет, и в марте 1946 года он кончился. Но выехать на родину бывшим политэкам не позволялось «до особого распоряжения», и их в обязательном порядке закрепляли на работе в комбинате по вольному найму. Оформляли договор на три года с последующим продлением, устанавливали зарплату (в лагере было лишь так называемое премвознаграждение), северные надбавки, выдавали паспортный листок на три года. К 1949 году я успел обзавестись семьей, и трудился на том же месте, где и срок отбывал: в лаборатории оксиликвитного завода.

Не прошло и года после моего знакомства с Федоровским, как послевоенные надежды на потепление политической обстановки в стране развеялись. Обрушились новые репрессии против бесчисленных «врагов народа». Тысячи советских граждан, притом наиболее мыслящих и активных, оказались в водовороте государственного террора. Но первыми попали в него те, кто ранее получил свою долю изгойства и остракизма. Согласно спущенным сверху директивам, Федоровский из обычного лагеря с его сравнительно мягким режимом и возможностями работать по специальности, был переброшен в только что созданную каторжную зону, так называемый Горлаг. Оказался вместе с вла-

совцами, бандеровцами, фашистскими полициями, фронтовиками, попавшими в плен к немцам. Ни о каком использовании его как минералога теперь не могло быть и речи. Только самые тяжелые общие работы! Шестидесятичетырехлетний член-корреспондент Академии наук — только с кайлом и «машиной Опы»! Таково было мудрое решение великого вождя всех времен и народов. Именно в том, полагал он, спасение и процветание первого в мире государства социализма.

Несколько лет назад освобожденные после завершения сроков Алексей Гарри, Елизавета Драбкина и множество аборигенов Норильлага были выселены по этапу из Норильска в Красноярскую необъятную тайгу на вечное поселение, оторваны от созидательной творческой деятельности. У Юрия Зинюка и сотен ему подобных отобрали паспорт, им объявили о бессрочном поселении в Норильске. Это воспринималось как счастье (все познается в сравнении!).

Каждый из нас, бывших политэзков, честно и плодотворно трудящихся на благо Норильска, ждал такого же бессмысленного решения судьбы, то есть, попросту говоря, гибели. Разразившееся вскоре «дело кремлевских врачей-убийц» окончательно показало: начался новый виток тридцать седьмого года, пришла очередная варфоломеевская ночь.

Мы, рядовые политзаключенные, сверх сроков фактически отбывавшие бессудную ссылку в наглухо засекреченном Норильске, не знали, что фронтовиков, кому после победы в войне разрешили было вернуться в родные места, теперь снова арестовывали и без ширмы следствия и суда отправляли этапом на вечное поселение «в места, не столь отдаленные». Понять, что происходит, зачем нужны все эти беззакония и противостественные жестокости под флагом «самой демократической в мире Сталинской конституции» было еще невозможнее, чем в тридцать седьмом разобраться, почему сотни тысяч граждан объявлялись антисоветскими элементами...

Шесть десятков лет наследники Сталина объясняют тридцать седьмой массовыми доносами и «недомыслием» Ежова, который-де поплатился за свое самоуправство. Каких еще Ягод, Абакумовых и Бериев отыскать в светлом прошлом, дабы отмыть черного кобеля добела? Однако дни диктатора подходили

к концу. Смерть кровавого чудища спасла миллионы намеченных жертв. Пришло освобождение от каторжных измывательств и Николаю Михайловичу Федоровскому. Но то, что он пережил напоследок, позже мне рассказал старый норильчанин Владимир Егорович Волков.

Зимой 1952 года Федоровский, содержащийся в Горлаге на площадке кирпичного завода (тогда это была окраина Горстроя, теперешнего центра Норильска), в жуткий мороз перетаскивал доски, споткнулся, упал в какую-то яму. Волков видел, как старика вытащили, нога у него была сломана, отвезли его в лагерную больницу, после чего он в зоне уже не появился. Измученного шестидесятилетнего узника через год после его освобождения дочь Елена Николаевна увезла в Москву именно из норильской больницы. В 1954-м Федоровский одним из первых был реабилитирован. Около двух лет московские врачи пытались восстановить его здоровье. Но спасти его было невозможно. Книга его страданий подходила к концу...

В декабре 1986 года в стране праздновали столетие Федоровского. Уже на Таймыре была улица его имени на Талнахе, мемориальная доска с барельефом появилась на здании Норильского института и ВИМСА, набережная Оки в Горьком носила его имя, о нем было издано несколько книг. Меня пригласили на то празднование юбилея ученого и в Москву, и в Горький, и в Норильск. Здесь-то и встретился мне В.Е. Волков, здесь-то я и узнал о последних годах Федоровского в Норильске.

23 августа 1956 года в «Правде» мы прочитали извещение Академии наук СССР о смерти ее члена-корреспондента Н.М. Федоровского.

Решения XX съезда КПСС тогда больше говорили об «ошибках» Сталина, чем о его преступлениях. Обществу предстояла еще долгая борьба с его наследством. Тридцатилетнее царствование тирана настолько раскололо и развратило многомиллионную страну, страх перед ним столь глубоко засел в душах людей, что многие не могут избавиться от него и спустя шесть десятилетий».

Прав был А.С. Пушкин: «Устные свидетельства об исторических личностях точнее говорят о времени, нежели труды самых добросовестных историков».

Глава 4

«Страна потеряла мозги»

И.М. Клейнер и голод в блокадном Ленинграде

«Чем событие интересней для историка,
тем для современника печальней»

Николай Глазков, советский поэт

Иосиф Адольфович Шамис, работавший в 1936 г. на строительстве элеваторов и мельничных комбинатов в системе Комитета заготовок Совнаркома СССР, поведал миру интересную историю, имеющую отношение к трагическим страницам голода в блокадном Ленинграде в 1941–1944 годах.

Известный фотожурналист, ветеран Великой Отечественной войны, писатель, булгаковед, единственный в России специалист по иконографии Михаила Булгакова *Юрий Михайлович Кривоносов* использовал рассказанный ему Иосифом Адольфовичем Шамисом сюжет, связанный с именем Клеймера Израиля Михайловича, в своей книге «Михаил Булгаков. 21 эссе от Юрия Кривоносорова», вышедшей в электронной форме в 2009 г. В книжной форме это удивительное произведение, содержащее и около сотни авторских фотографий, вышло в издательстве «Вече» в 2016 г. Название книги – «Михаил Булгаков и его время». Вот часть рассказа, который называется «Плата за трусость», он входит в 14 эссе «Понтий Пилат»:

«Ленинград вымер голодной смертью в блокаду из-за того, что Сталин убил одного умного еврея. Вообще-то он убил их огромное множество, но этот конкретный еврей должен был стать спасителем сотен тысяч ленинградцев. Разумеется, Сталин лично их не расстреливал и до смерти не морил в лагерях и по тюрьмам, это делали его подручные – те самые пилаты, о которых идет речь. Но он лично создал эту *пилатчину*, на которой держалась его империя.

Так вот, провидению было угодно, чтобы тайное и на этот раз стало явным. Избрав своим глашатаем меня, оно сохранило мою жизнь во Второй мировой войне – из нашей коммуналки на фронт ушли пять мальчиков, вернулся я один. Сохранило оно жизнь и еще одному человеку в этой цепочке памяти – моему другу Иосифу Шамису. У него было прямо-таки фатальное для нашего века имя-отчество: Иосиф Адольфович! Как бы два великих злодея замкнулись на этом добром человеке – добрейшем.

«Вообще-то я не Адольфович, – рассказал он мне, когда мы однажды об этом заговорили, – настоящее мое отчество Иудович, но когда шла паспортизация и мне выписывали паспорт, писарь сказал: «Слушай, как ты будешь жить в этой стране с таким отчеством? Давай запишем тебя, например, Адольфовичем. Всё равно ведь никто об этом не узнает»... На том и порешили, тем более, что тогда еще о Гитлере мы и слыхом не слыхивали. Собственно говоря, Иуда – имя не хуже любого другого. Иуд было несусветное множество, даже среди библейских персонажей их насчитывается несколько. И из-за одного предателя бросать тень на всех нормальных людей попросту несправедливо»...

Иосиф был сослуживцем моей мамы еще в довоенные годы – они работали в одной организации, носившей название «Комитет заготовок при Совете Народных Комиссаров СССР». Мама выпускала какой-то информационный бюллетень, а он был инженером-строителем – возводил элеваторы и прочие «закрома Родины».

В 1938 году его арестовали, дали ему восемь лет лагерей (в этот момент почему-то всем давали именно по восемь лет – фантазии что ли не хватало, или по принципу – «чего мудрить-то») и этапировали в Норильск, где использовали по специальности. Через пять лет кто-то решил надбавить ему срок, для чего состряпали обвинение в «контрреволюции в местах заключения», выразившейся как будто бы в том, что во время речи товарища Сталина он демонстративно выключил в бараке радио. И вклеили ему десять лет с поглощением предыдущего срока. Но он умудрился переслать жене в Москву жалобу на имя прокурора, в которой элементарно доказал нелепость обвинения, ибо в бараках никакого радио не было и быть не могло! И произошло чудо – прокурор приговор отменил и распорядился немедленно его освободить. Радостный Иосиф пришел в барак с новеньким

чистым паспортом и сказал: — Еду домой! Но у него там был умный друг, посоветовавший ему не делать этой ошибки: — Через пару месяцев ты опять окажешься тут — начнешь устраиваться на работу, прописываться, и всплывут те три года из первых восьми, тебя и заметут... И Иосиф тут же подал начальству заявление и был зачислен вольнонаемным инженером-строителем в управление или как там называлось это хозяйство НКВД, ведавшее строительством Норильского комбината и города...

И с удостоверением этой организации в кармане он благополучно дожил до смерти Сталина и знаменитой речи Хрущева, после чего без опаски вернулся в Москву и зажил, как и все прочие нормальные люди.

Так уцелел еще один человек в этой цепочке памяти. Разыскивая старых друзей, он пришел и в наш дом и потом стал часто у нас бывать.

И вот через много лет, уже в середине восьмидесятых, я стал расспрашивать его о «подробностях» — как арестовывали, как допрашивали, как перевозили — мне нужны были детали в связи с одной книгой о Булгакове, в которой я заподозрил ловкие подтасовки, а вернее сказать — вранье.

И однажды, как бы между делом, не относящимся к нашей беседе впрямую, Иосиф рассказал мне об одном совещании у председателя Комитета заготовок, на котором, собрав специально инженеров-строителей, Клейнер — он был председателем Комитета — сказал: «Думайте о Ленинграде — если начнется война, то через несколько дней город останется без хлеба, поэтому нужно срочно спроектировать и построить подземные зернохранилища». Ему возразили, что там сплошная вода, и это неосуществимо. «Почему же неосуществимо? — сказал он, — еще при царе на Фонтанке сделали подземные склады, и они не протекли до сих пор. Так что начинайте немедленно»...

Это был 1936 год, до войны оставалось пять лет, и времени на выполнение этого задания хватило бы... Но в 1937 году Клейнер был арестован и расстрелян, участников совещания постигла если и не та же участь, то арестованы они были все, проект Клейнера был отброшен как вредительский, и больше о нем не вспоминали... А уже в первые дни войны при воздушном налёте

сгорели Бадаевские склады, и город остался без продовольствия...

Фамилия Клейнер была мне знакома – детская память цепка, а на каком-то торжественном собрании сотрудников Комитета, на которое мама меня взяла с собой, я увидел этого человека – он сидел на сцене в президиуме, одет был как всё большое начальство в ту пору – гимнастерка под ремень, галифе, сапоги, а на гимнастерке сверкал новенький орден Ленина – по тем временам большая редкость, вероятно, потому это так и врезалось в мою память. И еще запомнилась пышная и густая черная шевелюра...

Вскоре после этой нашей беседы Иосиф Шамис уехал вслед за своими потомками в Америку, где через несколько лет ушел на вечный покой в Нью-Йорке, там и похоронен. Я знаю, что он вел какие-то записи, но сохранились ли они у его внуков и правнуков – Бог весть, и писал ли он там о Клейнере и том проекте, я не знаю. Выжил ли кто-нибудь из его коллег, тоже неизвестно – во

*Клейнер Израиль
Михайлович
(1893—1937)*

всяком случае, никто и нигде не поведал об этой истории, и может быть, я один только и знаю, кто заморил Ленинград голодом. А сделал это сам Сталин, как уже было сказано, руками своих пилатов. И это только один пример того, во что обошлась стране сталинская пилатчина...

Я решил узнать какие-нибудь подробности о Клейнере и написал в Администрацию Президента РФ, в Управление по наградам – ибо единственной зацепкой тут был только орден Ленина – кроме фамилии я же ничего не знал. И орден «сработал» – в ответе, который я получил, сообщалось.

Значит, видел я его именно в 1936 году (тогда он получил орден) или в крайнем случае, в начале 1937-го, и то торжественное собрание было, очевидно, по поводу награждения сотрудников Комитета, как говорили тогда, «правительственными наградами».

Теперь я уже знал его имя-отчество и должность, что дало мне возможность обратиться в Центральный Архив ФСБ (КГБ), и получил тот страшный фрагмент его биографии, который здесь привожу, как дополнение к повествованию о Пилате, дабы нагляднее была видна связь романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» с тем временем, в которое он был написан, и актуальность его для эпохи совдепии...

Надо бы молодым историкам поработать в архивах Комитета заготовок или КГБ и поискать следы того клейнеровского проекта – может быть, не всё там безвозвратно исчезло...

Но гибель ленинградцев – это лишь один из эпизодов, вменяемых Сталину Историей – до этого был организованный им голод, при котором погибло около семи миллионов человек, затем массовый террор, погубивший, как утверждают наши историки, до семи-десяти миллионов душ. И это всего лишь за четверть века! Для масштаба вспомним Инквизицию, которая считалась эталоном зверств, и которая за восемь веков (!) истребила около 50 тысяч еретиков...

А вот другой пример, как бы с обратным знаком. Накануне войны под каток *пилатчины* попал почти весь высший командный состав армии и флота – уцелели считанные единицы, и среди них – нарком Военно-Морского флота адмирал Николай Герасимович Кузнецов. Он, в отличие от Сталина, поверил доносениям разведки и буквально за несколько часов до нападения фашистской Германии на СССР, вопреки запрету «великого

полководца», приказывавшего не поддаваться на провокации, объявил всем флотам готовность номер один, а это значит, что все боевые расчеты занимают свои места, орудия расчехлены, летчики – в кабинах самолетов... Словом, как говорится, патрон дослан в патронник... И не в пример сухопутным войскам и армейской авиации Военно-Морской флот встретил вражеский удар в полной боевой готовности и не потерял ни одного боевого корабля, а летчики морской авиации уже в первые минуты вторжения открыли счет сбитым немецким самолетам... Вспомним, какие страшные потери понесли американцы при нападении Японии на Пёрл-Харбор – фактически весь американский Тихоокеанский флот оказался выведенным из строя...

Теперь представим себе, что командный состав Красной армии не уничтожен, и многие другие военачальники поступили так же, как адмирал Кузнецов – да блицкриг забуксовал бы уже с первых минут, и мы не потеряли бы тысячи самолетов и танков даже не успевших вступить в бой, не говоря уже о людских потерях. Вот цена сталинской чистки, осуществленной его многочисленными *пилатами*. Расстрелы командного состава оказались, по-существу, расстрелами солдат на фронте, потому что каждая пуля, выпущенная в военачальника, поразив его, улетала в будущее и прошивала на полях сражений тысячи и десятки тысяч бойцов, лишенных грамотных, опытных и умных командиров...

Ну, и другой пример, показывающий, как отразилась *пилатчина* на «ячейке государства» – на одной конкретной семье, каких в стране миллионы, на обычных гражданах, между прочим, беззаветно преданных делу коммунизма, который был им обещан «основоположниками».

Вернусь опять к тому же свидетелю Истории – Иосифу Шамису. Как я уже сказал, приехав в Москву, он начал разыскивать старых друзей и знакомых, и в их числе нашел одну женщину, прежде проживавшую в нашем доме, в очень благополучной семье. Звали ее Адасой, а в быту – Асей¹. Вместе с мужем они

¹ Адаса Моисеевна Мицкун (Эпштейн) – землячка Иосифа Шамиса, родилась 13 января 1901 г. в селе Голта б. Херсонской губернии. Об этом И.А. Шамис написал в «Exlibris» на титульном листе книги о декабристах «Северное сияние», автор Мария Марич, М, 1956 г., подаренной С.Л. Щеглову перед отъездом в США.

вернулись в советскую Россию из Америки, где были в эмиграции – приехали помогать строить социализм.

Муж ее – Владимир Мицкун – был большим начальником, военным специалистом, работал, как говорили, в Кремле. И был у них сын Неля – я его знал только под этим именем и, как теперь думаю, полное его имя было Нинел или Нинель: тогда имело место такое поветрие – называть своих детей «по Ленину», только задом наперед, впрочем, изобретались и другие имена – например, моего двоюродного брата зовут Эрлен, что, по разумению его идейных родителей, означало Эра Ленина... Так вот, в 1937 или 38-м году родителей Нели Мицкуна арестовали. Отца тут же расстреляли, а мать отправили в ГУЛАГ, где она промучилась полных двадцать лет. Нелю же отдали в особый детский дом, где концентрировались «дети врагов народа».

В 1941 году ему должно было быть лет семнадцать, и, естественно, его отправили на фронт, откуда он уже не вернулся.

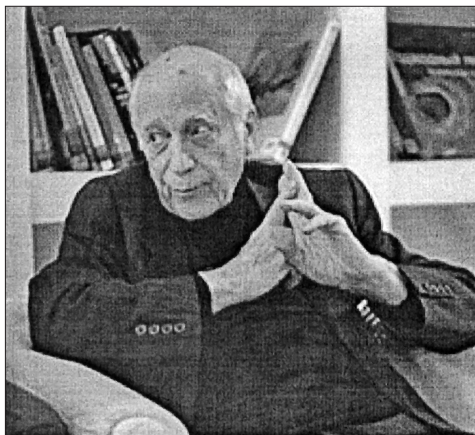
Вернувшись из ГУЛАГа, Ася недолго прожила на свободе, и от всей семьи осталась лишь только фотография, на которой они троим – веселые и счастливые, а на обороте сделанная ее рукой надпись: «Зачем пережила вас любовь моя...», а от самой Аси – Адаксы Эпштейн – урна с прахом в колумбарии Николо-Архангельского кладбища, о которой я по завету Шамиса забочусь, а от мужа ее Владимира Мицкуна и сына их Нели вообще никаких следов не осталось, кроме этих скорбных строк...»

В одном из последних писем в апреле 1994 г. Шамис назвал Кривоносова «мой названный брат». Далее – отрывок из интервью, которое Юрий Михайлович дал мне 22 мая 2016 г.:

«Расскажите, пожалуйста, Юрий Михайлович, как произошло Ваше знакомство с Иосифом Адольфовичем?

– Шамис к нам пришел где-то в конце 1953 или в начале 1954 года. Мы жили тогда на ул. Воровского, она же Поварская. С мамой моей они работали вместе в «Заготзерно», сначала это название было, потом их организация называлась «Экспортхлеб» (потом еще как-то, я знаю только эти названия), затем уже Комитет заготовок при СНК СССР.

Чтобы встретиться с Шамисом, к нам пришла Ася Мицкун, она же Адаксы, так было ее полное имя, мы ее звали Ася. Она

*Кривоносов
Юрий Михайлович*

20 лет провела в лагерях (я пишу об этом в книге), ее мужа расстреляли, а их сын Нелли пропал на войне – такое было время.

Семья Мицкун жила на 5 этаже в том же доме 28, что и наша семья. Там у них была очень хорошая комната, или даже две, точно не помню: я тогда еще был мальчишкой, но у них бывал. В их квартире были чучела обезьян и всяких других животных. Видимо, это им досталось от прежних жильцов, так называемых «буржуев», которые раньше жили в нашем доме. Людей выселяли, а вещи оставались, комнаты бывших «буржуазных» раздавали новым жильцам квартир.

Например, это кресло, которое стоит в моей комнате сегодня – оно было еще в нашей прежней квартире на Воровского, причем когда меня принесли из роддома, то положили именно вот в это самое кресло. Поэтому оно как бы моя колыбель, сопровождает меня всюду по жизни уже без малого 90 лет.

Иосиф Шамис и Ася Мицкун много беседовали. Подробно они не говорили о том, что «там» с ними происходило, потому что они по себе знали, что это такое – лагеря. У них были какие-то очень хорошие душевные беседы. Вскоре Ася умерла, Шамис похоронил ее на Николо-Архангельском кладбище, прах был помещен в колумбарий¹. До отъезда в США Шамис оплачи-

¹ Ася (Адаса) скончалась в московской больнице № 68 в Люблино 24 сентября 1976 г., о чем поведал Шамис в том же «Exlibris», указав даже место праха в колумбарии.

вал место в колумбарии, перед отъездом он просил меня продолжать это делать. Но в последние годы я уже не мог по состоянию здоровья далеко ездить на кладбище и оплачивать захоронение. Поэтому я не знаю, что там сейчас с ее прахом...

А подружился я с Шамисом на всю жизнь следующим образом. В то время, в середине пятидесятых годов прошлого века, я уже плотно работал по теме жизни и творчества Булгакова и в процессе изучения документов наткнулся на воспоминания Ермолинского. Надо сказать, что у меня ко вранью есть какой-то внутренний индикатор и я почувствовал, что в своих воспоминаниях о Булгакове этот человек просто врет. И врет он капитально и щедро. Но я захотел в этом убедиться наверняка. Поэтому я обратился к знакомому мне Иосифу Шамису с просьбой рассказать, как это было на самом деле – описать весь процесс: как арестовывали, как допрашивали, как перевозили, как помещали в лагерь, даже – как на расстрел водили людей.

Словом, мне нужно было проверить все эти подробности. И Шамис мне все это подробно, шаг за шагом, объяснял очень обстоятельно. В его рассказах были важные моменты, на которых я основывался, когда опровергал Ермолинского в его вранье. И тут мне Шамис помог капитально, об этом он говорил подробно, поскольку я не владел такой информацией.

С Ермолинским вообще было все очень странно. Его не били, он говорил, что его из-за Булгакова посадили – ничего подобного не было. Один раз только на допросе его о Булгакове спросили за два года и все, больше о Булгакове его не спрашивали вообще, так что вранье Ермолинского не имело к Булгакову никакого отношения.

Но дело не только в этих рассказах. Иосиф рассказывал мне и многое другое, интересное и важное.

Шамис мне рассказал о том историческом совещании у Клейнера, и о его, Клейнера, предложении строить подземные хранилища для продуктов в Ленинграде, рассказал и о возражениях его сотрудников: «Ну там же сплошные болота!». А Клейнер на это им сказал: «Вот на Фонтанке от царя остались подземные хранилища, и они до сих пор не протекли!».

– Сумели построить!

– Да! «Изучите и делайте, – приказал Клейнер, – иначе Ленинград через неделю–две после начала войны начнет умирать с голоду!» Это сказал Клейнер еще тогда, в 1936 году...

– Мудрец, предвидел.

И вот тут я стал раскапывать всю эту историю с Клейнером. И я понял, что это все связано с Иосифом Шамисом, с моей книгой о Булгакове и темой о предателе Понтии Пилате.

– Так углубилось Ваше знакомство с И. Шамисом?

– Да, такое глубокое знакомство, общение и дружба... И Шамис рассказал:

«Клейнер поручил своим сотрудникам: «Разрабатывайте вопрос и стройте немедленно, время есть...» Конечно, они не знали, что в 1941 году начнется война, но все равно времени оставалось достаточно, за 5 лет в те времена могли многое сделать... А Сталин всех его сотрудников посадил, а Клейнера расстреляли».

Причем Иосиф Адольфович говорил, что тогда сроки давали всем под копирку по 8 лет, чтобы следователям и судьям не задумываться, не терять на выдумки других сроков свое драгоценное время.

– Чтоб никому обидно не было...

– Короче, когда Клейнера арестовали, его привезли на Лубянку допрашивать. После первого допроса он вернулся в камеру, его сокамерники (от которых дошел до нас этот рассказ) спросили его: «Ну как, признался?». – «Нет, – говорит Клейнер, я ничего не подписал, я же ни в чем не виноват, я же ничего плохого не делал!» И тогда они, уже опытные, ему говорят: «Ты что! Ты придумай какую-нибудь историю, ну ерунду, расскажи им сам, признайся, иначе тебе жить не дадут, избыют до смерти, ты знаешь, сколько таких как ты, не признающихся, забили на допросах»...

Иосиф говорил: «И он придумал. На следующем допросе Клейнер рассказал, как он «совершал» вредительство. «Вот я строю эlevator такой-то». А при строительстве элеватора полагалось с двух сторон вокруг делать водоемы для тушения зерна в случае пожара на элеваторе. «Так вот, – говорит Клейнер, – я запроектировал водоем с одной только стороны, в с другой стороны водоем не запроектировал».

И вот ему за это дело дают 8 лет, а затем расстреливают. Но секрет в том, что с другой стороны в данном случае водоем был не нужен – там река протекала.

– Значит, его расстреляли за правду?

– Да, да!

– Сейчас к Сталину разное отношение. Есть и большая волна положительного...

– Это был убийца. Человек, который вел геноцид собственного народа. Ведь разница между ним и Гитлером очень интересная. Гитлер убивал врагов. А Сталин – своих. У него, видимо, был принцип, что предадут только свои. Значит, ищи предателя вокруг себя. Он обезглавил страну. Лучших людей расстрелял или загнал в эти колымские лагеря. Умных людей, ученых, передовых. Сколько бы могла страна получить от них, от того же Клейнера!.. Вот где было самое страшное. Страна тогда потеряла мозги. И теперь мы все время бесконечно кого-то догоняем...

Возвращаясь к теме о Булгакове. Был такой литературовед, историк Лямин, они с Михаилом Булгаковым дружили. Сохранилась его переписка. Кстати, именно Лямин написал первую биографию Булгакова.

Так вот, Лямина в 1936 году забрали в НКВД, а Ермолинского органы внедрили к Булгакову в друзья, так сказать, в соглядатаи, чтобы все о нем доносил.

Ермолинский женился на Марике Артемьевне Чемишьян, родом из Тбилиси, которая жила в одном доме с Булгаковым, можно сказать, что через нее он вошел в дом Булгакова.

– Коварство и любовь?

– Да, таков тесный мир. Далее – у Марики была сестра, которая работала в журнале «Огонек» с моей мамой Рискиной Рейзой Ароновной.

Работая над изучением творчества Михаила Булгакова, я через журнал «Советское фото», где тогда работал, взял ходатайство о разрешении работать с документами в Спецхране ленинской библиотеки. Там было много разных материалов о Булгакове – зарубежная периодика, публикации различные о нем и т. п. Это мне помогло в сборе материалов о писателе.

О Шамисе. Я с теплотой вспоминаю наши встречи, они были у меня в доме, ездил и я к нему в Кузьминки, на улицу Юных

Ленинцев. Общение с ним было душевным, обсуждали разные темы, но обсуждать текущие политические дела он не хотел. Обедали в семейном кругу, понемногу, бывало, и выпивали для беседы, ведь он был очень компанейский.

– Что еще Вы можете рассказать о Шамисе?

– Помню, уже перед отъездом в США у них в доме на столе было разложено столовое серебро, посуда, и все это дочь Юлия распродавала знакомым людям. Ведь нужны были деньги для переезда семьи.

Мы переписывались с Иосифом Адольфовичем, но письма у меня, очевидно, не сохранились. Искать их не могу, у меня возрастные проблемы со зрением.

Я посылал Иосифу книги, которые он просил, например, отправил в Нью-Йорк «Полный фразеологический словарь русского языка».

Шамис писал мне, что живет в доме для пожилых людей, за ним ухаживала помощница из социальной службы. Квартирка его была на каком-то высоком этаже, и из окна были видны просторы Атлантического океана – вот такие подробности помню.

В то время я опубликовал одно из первых своих эссе о Булгакове, из тех, что потом вошли в книгу «Михаил Булгаков и его время», изданную в «Вече» в этом году.

И Шамис мне тогда написал: «Это бессмертие!...». Он ведь был человек очень душевный и чувств возвышенных.

– Думаю, он был близок к истине, время рассудит...

На мой взгляд, Ваша книга о Михаиле Булгакове уникальна. Ведь Вы рассказали не только об этом великом писателе и его творчестве, но и о его времени, о людях тех лет, связали все это воедино, события и люди предстают перед читателями зримо, ярко. А Ваши уникальные фотографии и документы придают ей характер научного исследования.

– Мне прислали из Нью-Йорка одну из последних его фотографий – в клетчатой расстегнутой рубашке, с пледом на коленях и с улыбкой на лице...

Помню, когда у нас в Москве были голодные перестроечные годы, Шамис присылал мне т. н. «посылки дружбы». Это означало, что он в Нью-Йорке передавал целевые деньги благотворительной организации, а в Москве мы получали наборы

продуктов, в первую очередь, мясных, а также консервы и т. п. Этим он нас тогда очень поддержал.

Однажды он передал мне через Майю Леонидовну Грановскую 18 долларов к какому-то еврейскому празднику, эта сумма что-то символически означала, не помню, что.

– А что Вы помните о круге его знакомств в Москве?

– Увы, мне почти ничего об этом не известно. Вначале он дружил с Асей Мицкун и моей мамой, она работала в журнале «Советский заготовитель», затем в «Крестьянке». Знаю, что он переписывался со многими друзьями по лагерю из Норильска. Вспоминаю, что по моей просьбе Шамис прислал из США фотографию памятной доски его родственников на Востряковском кладбище, где было выбито имя его отца.

– Да, эту мраморную доску на кладбище мы с женой восстановили – отмыли и очистили от мха, покрасили буквы.

Большое спасибо за интервью, Юрий Михайлович.

Глава 5

«Да, остаются книги и мосты...»

Журналисты и писатели в Норильлаге

Как писал Сергей Львович Щеглов об Иосифе Адольфовиче Шамисе, с которым его связывало более чем 40 лет крепкой дружбы, «Я его явно недооценил... Уже давно нет в живых Иосифа Адольфовича, но он прочно занял место в историографии Норильска. К литераторам он не принадлежал. К историкам тоже. Но всю жизнь он собирал сведения о людях, о событиях Заполярья, которые его заинтересовали. Норильск собрал много незаурядных личностей, Иосиф открывал их для себя и людей в свободное от основной работы время».

Далее я привожу отрывки из интереснейших воспоминаний *Щеглова* о творческих людях и литературной жизни Норильска примерно за четверть века с 1946 по 1961 гг., в том числе и о Шамисе, с точным названием «Первые норильские писатели прошли здесь лагерь, потом были ссыльными...».

Воспоминания эти опубликованы в Сборнике, кн. 11, 2010 г.

По приказу начальника политотдела Норильлага создали литгруппу

«После присвоения Норильску статуса города и создания печатного органа горкома КПСС и горисполкома – газеты «Заполярная правда» – руководство решило образовать при редакции литературную группу. Было это в декабре 1954 года. <...>

После смерти Сталина и краха его плана повторения массовой «чистки» 1937 года, после казни шефа Норильска Лаврентия Бери и его ближайших «зубров» высшая партийная власть сочла необходимым активизировать деятелей литературы и искусства в деле строительства светлого будущего по ленинским принципам. <...>

Процесс опоры политиков на художественную литературу не был новым. Сразу после Октябрьской революции большевики использовали тягу молодых рабочих, крестьян и интеллигенции к литературному творчеству. <...>

Тридцать семь лет спустя ситуация не изменилась. В Норильске почва для деятельности творческих людей была и сложна, и благоприятна. Обилие интеллигенции, активных рабочих и бывших крестьян, привлеченных к строительству гиганта социалистической индустрии, не только позволяло, но и требовало активизации идеологической. <...>

Я освободился в марте 1946 года и продолжал работать взрывником-лаборантом в лаборатории Оксиликвитного завода¹ на руднике «Угольный ручей». В коллективе меня знали как человека, склонного к литературному творчеству. Потому и рекомендовал меня начальник завода Алексей Дмитриевич Яхонтов Шевелеву и Фролову как автора очерков по истории создания норильского оксиликвита – взрывчатого вещества для горных работ.

Еще будучи заключенным, я посылал патриотические стихи коммунистического характера в газету «За ударный труд», некоторые были напечатаны. Работа лаборантом-взрывником давала возможность писать. Здесь же написанное я хранил в сундучке в лаборатории. Дежурство было посменным, особенно я ценил ночное уединение... Так я сочинил в 1944–1946 годах два объемистых романа. Один назвал «Юность», другой – «Люди, переносящие горы» – о тружениках рудника открытых работ, взрывающих и перевозящих норильские скалы, в которых содержалась руда. Оба романа тщательно переписал на плотной бумаге светло-коричневого цвета (из-под цементных мешков).

Через несколько лет обнаружилось, что мой великий замысел о строительстве на необъятных просторах лагерей перехватил некто Василий Ажаев. Он, тоже бывший заключенный, написал роман о героическом труде товарищей, не называя их заключенными, получил одобрение и помощь своего политотдела в напечатании. Роман был опубликован в столице под заго-

¹ Оксиликвиты – взрывчатые вещества на основе смеси жидкого кислорода с органическими поглотителями, например, мхами таймырской тундры.

ловком «Далеко от Москвы» (действие происходило на Дальнем Востоке).

Художественные достоинства ажаевского романа были невелики, но несколько лет он был на виду. Как показали дальнейшие события норильской жизни, и у нас были литераторы, способные отразить свое время.

Первые норильские писатели прошли здесь лагеря, затем были ссыльными

В библиотеке окружкома профсоюза при ДИТРе¹ работали Алексей Гарри и Елизавета Драбкина. Мне доводилось встречаться с ними по служебным делам нашего завода при оформлении научно-исследовательских отчетов лаборатории. Я был наслышан, что Гарри и Драбкина писатели.

О том, что они продолжают литературную деятельность в Норильске, у меня и мысли не было. Казалось, что у этих людей все позади. Наверное, так кажется многим молодым, когда они общаются со старшими. И Гарри, и Драбкина уже отбыли свои сроки в Норильлаге и в то время, о котором мой рассказ, числились вольнонаемными без права выезда из Норильска. По сути это означало ссылку. Все мы, отбывшие срок, были ссыльными, хотя номинально числились свободными.

Гарри до ареста работал в «Известиях», являлся одним из ведущих журналистов СССР наряду с Михаилом Кольцовым, Абрамом Аграновским, Карлом Радеком, Давидом Заславским. Его «подвалы» печатались не как у других газетчиков, с подписью в конце статьи со скромным инициалом вместо имени. Его подпись стояла выше заголовка и была набрана крупным шрифтом и полностью: АЛЕКСЕЙ ГАРРИ.

Такой чести удостаивались самые известные: Максим Горький, Николай Бухарин, Алексей Толстой, Илья Эренбург, Михаил Шолохов.

Мне хорошо помнились эти «подвалы» Гарри с детства (следил за газетами лет с десяти). До остракизма Гарри выпустил несколько очерковых книг, одну – в соавторстве с известным

¹ ДИТР – дом инженерно-технических работников в Норильске.

прозаиком Львом Кассилем. А в юности был он революционером-подпольщиком, в гражданскую войну – адъютантом Котовского. После взрыва государственного террора в начале и конце 30-х годов Кассиль, Эренбург, Заславский и некоторые другие коллеги Гарри продолжили писательский и журналистский труд. А Гарри, Аграновский, Радек, Кольцов бесследно исчезли...

Тогда многие получили немалые сроки заключения по чудовищным и нелепым обвинениям, они «трубили» в лагерях. Все они хлебнули лиха на тяжелых работах с ломом, кайлом и тачкой. Только потом литераторов перевели на более подходящую для них работу и тем спасли их жизни. Гарри, знавшего несколько европейских языков, перевели в библиотеку ДИТРа, с 1943 по 1951 год он редактировал издававшийся здесь научно-технический бюллетень, фактически – научный журнал, составлял информационные выпуски – аннотированные перечни научно-технических новинок, приходивших в библиотеку из Москвы, переводил те из них, которые были на английском, французском, немецком, итальянском. Иногда он печатал корреспонденцию и репортажи в газетах «За металл», «Сталинец», «Советский Таймыр» о металлургах, горняках, строителях, енисейских водниках.

Как выяснилось через несколько лет, незаметные служащие библиотеки Гарри и Драбкина не только выполняли возложенные на них обязанности, но и писали художественные произведения. Об этом знал лишь узкий круг их знакомых. Когда Драбкина вернулась в Москву в изменившуюся жизнь, одно за другим стали выходить ее произведения: «Черные сухари», «Навстречу бурям», «Повесть о большевистском подполье», «Зимний перевал», «Кастальский ключ», «Повесть о ненаписанной книге». То были произведения о первых годах революции, о Ленине и его соратниках, о той среде и эпохе, которой принадлежала Елизавета Яковлевна по рождению и воспитанию.

В моей памяти она осталась статной, полной, с неторопливыми движениями, седыми волосами женщиной. Светлый образ ее помню и сегодня. А тогда, часто сидя в читальном зале, я обращался к ней с просьбами выдать мне то или иное издание из книгохранилища. Сведущие люди рассказывали мне, что она – дочь известного большевика-подпольщика Якова Драбкина, он

же Сергей Гусев. Говорили: девочку Лизу держал на коленях сам Ильич. А когда подросла, она стала работать в аппарате партии, даже секретарем Свердлова. Много лет спустя попала мне в руки старая фотография, где Елизавета Драбкина стоит рядом с председателем ВЦИК. Позже, живя уже в Туле, я до самой ее смерти переписывался с ней, опубликовал несколько статей о ее творчестве, храню книги с ее дарственными надписями.

Абрам Аграновский, видный в свое время публицист и очеркист, тоже отбывал срок в Норильлаге и по праву может считаться одним из первых литераторов Норильска. Его реабилитировали и вернули в журналистику еще при Сталине в сугубо индивидуальном порядке – это один из редких случаев! Сбросили Аграновского с самого верха, а возвратиться туда не позволили. Так уж повелось: кто однажды слетел с вершины, на нее не возвращался. Сбросившие его, хотя и признали, что он ни в чем виноват не был, своего бывшего доверия ему не вернули.

Прозябал бывший кадровый сотрудник «Правды» в «Красноярском рабочем», потом в журнале «Огонек». Много лет спустя я познакомился с его сыновьями Анатолием и Валерием, тоже известными журналистами и писателями. Валерий выпустил в 1994 году в Москве замечательную книгу «Последний долг», в которой рассказал о судьбе родителей, брата и своей собственной».

Лев Гумилев, Сальников, Рябчиков, Макарьев и другие творческие люди Норильлага

Заметное место в литературном Заполярье занимал Лев Гумилев, сын Николая Гумилева и Анны Ахматовой, отбывавший срок по политической статье в Норильлаге. Я застал его, но встретиться с ним не успел: осенью 1944 года его отправили на фронт. Шел ему тогда 33-й год. Его стихи заключенные переписывали тайком в блокнотики. <...>

В 1946 году в норильской многотиражке «За металл» печатались очерки, статьи и зарисовки Юрия Сальникова, молодого выпускника Московского института философии, литературы и истории. Он попал в Норильлаг как участник Великой Отечественной войны по политической статье. На газетных страницах

он давал словесные яркие портреты рабочих – горняков, металлургов. <...>

В Норильске военных и предвоенных лет все знали имя журналиста и писателя Евгения Рябчикова, тоже отведавшего тюремной похлебки. Евгений Иванович, как и Абрам Аграновский, Юрий Сальников, добился реабилитации и покинул Норильск. Встретился я с ним, когда он прилетал сюда в 50-х годах. Тогда же довелось писать о его книгах, а потом неоднократно видаться в Москве.

Евгений Рябчиков запомнился мне прежде всего как наблюдательный репортер. Он писал о Норильске интересно, но без упоминания лагеря, что было для всех естественно. До хрущевских времен мы еще не дожили, а времена, когда в советских газетах, журналах и книгах печатались очерки и репортажи об исправлении преступников принудительным трудом, давно прошли. И все же газетные рассказы о строительстве Норильского комбината, его документальный фильм были для читателя своего рода открытием. Умер Евгений Иванович в мае 1996 года в Москве.

В 30–40-х годах XX века работали в Норильске многие писатели, осужденные по политическим статьям, – это Иван Макарьев, Зелик Штейнман, Борис Гальперин, Александр Зуев, Андрей Александрович. Список этот неполный. <...>

Известен Макарьев в Норильске еще тем, что однажды, рискуя жизнью, вступился за вертухая, охранявшего бригаду эзков, на которого набросился рецидивист-уголовник. Свидетельством той схватки остались исковерканные пальцы на руке Макарьева – следы выхваченного у бандита ножа. На такой подвиг способен не каждый. Возвратившись в Москву после реабилитации, Макарьев занял достойное место в Союзе писателей СССР. Избрали его секретарем партийной организации (КПСС). Рассказывали, будто он сильно пил, что и послужило причиной его трагической гибели.

Известный в первые революционные годы прозаик Александр Зуев отбывал срок по 58-й статье в Норильлаге. Мне не довелось с ним встречаться, в конце 40-х годов Зуева сактировали по болезни и вывезли на «материк». С ним был хорошо знаком мой норильский и московский друг Иосиф Адольфович Шамис.

Наша переписка с Иосифом хранит многие детали биографии Александра Никаноровича. После реабилитации, возвратившись в столицу, он продолжил литературную деятельность, работал в журнале «Дружба народов». Этот писатель принадлежит к группе художников, которые всем сердцем приняли революцию и ею же были преданы, что не изменило их убеждений в ее идеалах – они остались им верны. Скончался Александр Никанорович Зуев в Москве 11 мая 1965 года. Армянское кладбище упокоило урну с прахом писателя.

В 1940–1956 годах диспетчером речного порта работал в Дудинке Зелик Штейнман. Дудинцы и норильчане частенько читали его статьи и стихи в окружной газете «Советский Таймыр» (особенно в то время, когда редактором был большой ценитель литературы Пульман). Стихи он печатал под псевдонимом Зин. Шатров. До ареста он был членом Союза советских писателей. Печатал критические статьи, литературные рецензии (в Краткой литературной энциклопедии обоих изданий ссылки на них можно найти в заметках о писателях И. Калининове и других). Годы изгнания отлучили Зелика от литературы. Но все же в начале 50-х годов «Сибирские огни» по старой памяти поместили статью Штейнмана.

И хотя никакой крамолы в материале не было, это навлекло на редактора журнала нарекания партийного начальства. После XX съезда партии статьи Зелика Штейнмана стали появляться в «Енисее», «Сибирских огнях», ленинградских «Звезде», «Неве» и других изданиях. Штейнман был ленинградцем и после реабилитации вернулся в родной город.

Расскажу еще об одном творческом человеке, прошедшем Норильлаг. О нем в письме вспомнил мой друг Иосиф Шамис. Это А.И. Александрович. Вот что писал мне Иосиф:

Андрей Иванович (1906–1963) был любим на своей родине. Известно мне, что он был в комиссии по выработке конституции 1936 г. <...> В Дудинке у него было отличное кожаное пальто золотисто-коричневого цвета. Боюсь сказать точно, но мне кажется, что всем членам комиссии дали такие пальто. Мне кажется, что он сам об этом говорил, – иначе почему это попало в запасники моего мозга? Был Андрей симпатичен лицом. Человек тихий, никогда нигде не толкался, чтобы вперед проскочить.

Сосредоточенно мечтателен. Сдержан, воспитан. Приветлив и ласков. Добр и бескорыстен. Словом, поэт, от Бога поэт! Сиживали мы на бревнах, отдыхали, «махорили» на диком берегу Енисея (здесь даже ветра не спасают от комара!). Попросишь, бывало, Андрея прочитает что-нибудь из его творений, – он застенчиво выполнит просьбу. <...> По-белорусски, по-русски. <...> Тепло на душе делается, когда его вспоминаешь. Белоруссия помнит своего светлого сына. Есть он и в «Советском энциклопедическом словаре» 1980 года («Сборник стихов, проникнутых революционным пафосом»).

В письме от 15 августа 1985 года Иосиф Адольфович Шамис убеждал меня: «Твоя, Сережа, забота – сохранить следы этого поэта на земле заполярной». На мой вопрос, когда же был Александрович в Дудинке, Иосиф ответил: «В том же году, что и Зуев, Гарри со товарищи: сошел он на берег Енисея 17 июля 1939 г.»¹

Иосиф Шамис открывал для себя и норильчан незаурядных людей

Уже несколько ссылок сделал я на воспоминания моего друга Иосифа Шамиса, и в дальнейшем буду обращаться к его рассказам еще не раз. С большой теплотой вспоминаю его. Иосиф Адольфович Шамис по профессии инженер. А по увлечению, точнее, по призванию – краевед-исследователь. Когда мы с ним познакомились зимой 1943/44 года на руднике «Угольный ручей», он был заключенным и работал в конторе нормировщиком. Сначала он показался мне просто интересным эрудированным собеседником, по возрасту годившимся мне в отцы. Я его явно недооценил. <...>

Уже давно нет в живых Иосифа Адольфовича, но он прочно занял свое место в историографии Норильска. К литераторам он не принадлежал. К историкам тоже. Но всю жизнь он собирал сведения о людях, о событиях Заполярья, которые его интересовали. Норильск собрал много незаурядных талантливых

¹ Возможно, И.А. Шамис прибыл в Дудинку 17 июля 1939 г. в трюме парохода северным морским путем с Соловецких островов вместе с А.И. Александровичем, А.Н. Зуевым и А.Н. Гарри, см. «Синодик».

личностей, Иосиф открывал их для себя и людей в свободное от основной работы время.

Он первым рассказал норильчанам о «Сестре Фросе» – Евфросинье Керсновской – задолго до того, как стали известны ее рисунки и воспоминания. Одним из первых И. Шамис запечатлел уникальные лагерные подробности об этапах эков в Норильлаг, о сооружении основных объектов, записал свои наблюдения и характеристики норильских начальников.

Достаю с полки и открываю толстую, плотно набитую бумагами папку с надписью: СИНОДИК ШАМИСА. Так называл я записи, сделанные Иосифом Адольфовичем о норильчанах. Он присылал мне аккуратно исписанные блокнотики из Москвы в Тулу на протяжении нескольких десятилетий.

Я пользовался его справками в своих публикациях в «Заполярной правде» и других газетах, в журналах и книгах, когда писал о Норильске. Совместно с ним я расширял и дополнял их, перепечатывал на машинке, понимая, какая это ценность для истории Норильска. С годами часть записей мы с Иосифом передали в Норильский музей, но основное до сих пор хранится в моем домашнем архиве и служит источником моих публикаций.

Вот что записал этот человек о себе в одном из блокнотиков, когда подошла его очередь по алфавиту. «Шамис Иосиф Адольфович, бывший многолетний сотрудник на ответственных должностях в организациях по строительству элеваторов и мельничных комбинатов в Москве. Один год – 1934/35 – работал замначальника строительства мелькомбината под Хабаровском, вблизи впадения Усури в Амур.

В Норильске – инженер на строительстве ТЭЦ, БОФ, РОР, руководил строительством завода динамонов на месторождении «Медвежий ручей». Был затем в течение ряда лет старшим инженером – куратором периферийныхстроек Норильского комбината по Енисею: авиапортов в Туруханске, Подкаменной Тунгуске, Енисейске; совхоза и поселка в Курейке, совхоза и дома отдыха с пионерлагерями в Таежном; строительства дамбы и мехзавода в Подтесове; строительства электростанции и мехзавода для «Енисейзолота» в Северо-Енисейске; строительства Дудинского и Красноярского портов; одно время был также куратором строительства города Норильска».

К этому обширному и значительному перечню скромно добавлено: «Несколько корреспонденций на строительные темы, а также очерков в содружестве с С.Л. Щегловым опубликовал в «Заполярной правде» – газете Норильска».

На обороте той странички блокнота моей рукой написано:

«Шамис – уроженец местечка Голосково на Украине. <...> Родился 24 января 1902 г. Отец Шамиса имел фамилию Забарский, но чтобы не идти в царскую армию, он купил паспорт каторжанина Шамиса. Иосиф участвовал в Гражданской войне (естественно, на стороне красных в 1920–1922 гг.), был членом РКП(б). («Но об этом, – уточнил сам Шамис, – даже мой следователь не знал!») Вышел из партии, удрученный НЭПом, как отступлением от строительства коммунизма».

Важно учесть одну особенность писем Шамиса. Даже через три десятилетия после того, как он и все герои его рассказов были реабилитированы, он сообщал подробности их жизни и взглядов эзоповым языком. Видимо, пережитое им во времена репрессий так напугало его или он так крепко не верил, что они завтра не повторятся, и потому он никогда не позволял себе свободно доверять бумаге или собеседнику. Так, говоря о высылке Бориса Гальперина из Норильска в 1951 году, Иосиф пишет: «Их «попросили» поехать на юг Красноярского края». Вот так «просили» и Алексея Гарри: вызвали в отдел кадров комбината, отобрали паспорт и сказали – завтра быть в первом (или третьем) отделе, то есть в КГБ. А там уже приказали собраться с вещами и к вечеру явиться туда-то. Так неарестованные люди оказались на этапе. Потом их высадили кого где – в Канске, Ачинске, Енисейске, Минусинске... И уж тут-то местное КГБ им назначило место жительства...

(Позволю себе некоторое отступление о Борисе Львовиче Гальперине. Подробнее о супругах Гальпериных можно прочитать в книге десятой издания «О времени, о Норильске, о себе...» на с. 507–508. Это воспоминания Ольги Борисовой-Бовиной, которая назвала их очень симпатичной парой, но «они все еще боялись крутых поворотов в судьбе»).

Их размеренную счастливую жизнь сначала в Прибалтике, потом в Париже и Монтевидео нарушила приехавшая в Уругвай делегация из СССР.

Она при встрече сумела уговорить Гальпериных переехать в Советский Союз, пообещав райскую жизнь в свободной стране и интересную работу. Они приехали в год массовых репрессий – и Борис Львовича арестовали. По этапу доставили в Норильск.

Иосиф Адольфович Шамис в своем письме рассказал, как уважаемых Гальпериных провожали из Уругвая: «Весь город явился в порт. Были речи, пели песни. Судно отчалило, а народ не расходился, продолжая приветствовать стоящих на палубе Гальпериных. Когда Монтевидео скрылся за горизонтом, они отправились в свою каюту. Но попасть туда они не смогли: вся каюта от пола до потолка была забита цветами»¹.

В столице Уругвая Борис Львович занимал высокое положение в профсоюзах. <...>

Страх, необычайная осторожность сопровождали Шамиса до самого его выезда вместе с молодыми членами его семьи в США. Даже в беседах со мной уже перед самым отлетом, когда я был у него в Москве, он говорил о предстоящем переселении как-то приглушенно, с недомолвками, будто боясь, что его подслушивают. Когда я пытался уверить его, что опасения напрасны, он возражал: «Ты, Сережа, не знаешь...» Чего я не знал – он не расшифровывал. <...>

Физик Штейн, он же писатель Снегов

Сергею Штейну достались самые трудные первые годы работы комбината. Физик по образованию и по профессии до ареста, он трудился в Норильске на ТЭЦ. После гибели Хиросимы и Нагасаки на лекции Штейна по ядерной энергии в ДИТРе собирались сотни норильчан. Популярно и увлекательно разъяснял он чудовищную, трудно осознаваемую обывателями суть атомных бомб.

С осени 1948 года, когда был создан Норильский учебно-консультационный пункт Всесоюзного заочного политехнического института, и до отъезда с Севера в 1958 году Штейн преподавал студентам физику. В числе его слушателей был и я.

¹ Этот по-одесски живописный рассказ записан, надо полагать, со слов самого героя, и явно грешил преувеличениями («весь город», «каюта, забитая цветами»). Если бы далее Иосиф не упомянул о том, что Гальперин был главой профсоюзов Монтевидео. Примечание С.Л. Щеглова.

Никто не знал тогда, что этот сугубо «технический» человек занимается литературным творчеством. Это как-то даже не уязвлялось с его деловым обликом. И обнаружилось лишь в первой половине 50-х годов. Он ненадолго появился в литературном объединении, принес пару рассказов, их пытались обсудить, но его цель, видимо, была иная: опубликовать их в «Заполярной правде». Быстро выяснилось, что он знал себе цену как литератор. Когда я попытался поговорить о его рассказах, он в ответ на мои замечания с достоинством отстаивал свои творения и обнаружил такое знакомство с классической литературой, что я понял, насколько он выше нашего уровня – не нам его учить. Мы, всего лишь как читатели, могли принимать или не принимать его рассказы – не более того.

В последующие годы, поселившись в Калининграде (бывший Кенигсберг), Штейн издал множество романов, повестей, сборников рассказов о Севере, о балтийских рыбаках: «В поисках пути», «Иди до конца», «В глухом углу», «Пахари рыбных полей», «Вариант Пинегина» и другие. Каждую книгу он присылал мне, и я регулярно отзывался на них рецензиями в печати.

У нас завязалась обширная переписка, продолжавшаяся до смерти Снегова. Известность он получил – и вполне заслуженную! – как автор научно-фантастических произведений («Люди как боги», «Прыжок над бездной» и пр.).

В 1961 году я переехал в Тулу и продолжал публиковать материалы о первых годах Норильского комбината, используя накопленные документы и воспоминания. В 1967 году в Горьком издал книгу о жизни и деятельности норильского политэка – члена-корреспондента Академии наук СССР, знаменитого минералога Н.М. Федоровского. В 90-х годах вышла в свет моя документальная повесть «Сталинская премия» – история о том, как были отмечены высшей наградой страны наши усилия по изучению и внедрению окисилквита в горные работы Норильска. Премию получило начальство, а нас троих (Зинюк Ю.Н., Картор М.Ш., Щеглов С.Л.), бывших зеков, вычеркнули из списка.

Продолжил работу над историей Норильска мой соавтор по первой норильской книжке («Город Норильск», 1958 г.) Алексей Бондарев, он поселился в Хакасии. В Красноярске вышли в свет его брошюры о Н.Н. Урванцеве («Ученый, землепроходец», ряд

других). До конца своих дней он вел большую исследовательскую работу, изучал документы в архивах, вел переписку со старожилами. Много выявил неизвестного о Сотниковых, Михаиле Константиновиче Сидорове и других северянах. К великому сожалению, накопленные им ценные материалы погибли при пожаре квартиры незадолго до его смерти.

Эстафету первых норильских летописцев принял В.Н. Лебединский. Еще в Норильске он собрал много материалов по ранней истории Таймыра, активно общался с ветеранами, собирал воспоминания, публикации.

Сказал свое слово об истории Норильска Дебола Алкацев. Вместе с красноярским журналистом Ж. Трошевым он издал первую книгу о Завенягине. Но больше всех рассказал всесоюзному читателю о Норильске и норильчанах Анатолий Львов. Его яркие очерки, корреспонденции и репортажи систематически печатались в центральных газетах («Известия», «Правда» и др.), журналах и сборниках. А.Л. Львов – автор многих книг, рассказывающих об истории Норильского промышленного района.

Это совпадало с главным направлением нашего труда – строительством гиганта индустрии на необжитой вершине планеты. Как радовались мы каждому пущенному цеху, каждому возведенному дому, каждой возникшей улице на вечной мерзлоте! Какой гордостью наполнялись наши сердца от очередного производственного успеха на стройках, заводах, шахтах, рудниках, электростанциях! Это были трудовые победы в суровом Заполярье, где обычны яростные пурги и жуткая стужа! Мы поистине были вдохновенными строителями будущего!

Будущее представлялось нам неизменно светлым. Близки нам были строки поэта Маяковского:

«Землю, где воздух, как сладкий морс,
бросишь и мчишь колеса, –
но землю, с которою вместе мерз,
во век разлюбить нельзя <...>
Можно забыть, где и когда
пузо растил и зобы,
но землю, с которой вдвоем голодал, –
нельзя никогда забыть».

Это было точно про нас. Такая убежденность всегда была с нами. Хотя каждый из нас пережил немало тяжелого и страшного, хотя многие наши друзья погибли в изнурительном труде в грозном и священном Норильске...».

Сергей Львович Щеглов-Норильский написал несколько работ о *Давиде Кугульдтинове*, известном калмыцком поэте, чей жизненный путь в 1946 году сделал крутой изгиб и привел потом в Норильлаг. Его книга «Птицы поэзии Давида Кугульдтинова (литературно-критический очерк)» вышла в Туле в 2006 г.

В Сборнике (кн. 10, 2008 г.) помещен очерк о поэте, отрывки из которого продолжают рассказ о норильских писателях и поэтах.

«Кажется, было совсем недавно: после рабочего дня собирались в одной из комнат редакции «Заполярной правды» на Севастопольской улице молодого Норильска любители прозы и поэзии – металлурги, горняки, строители, инженеры, техники, педагоги, врачи – люди, одержимые «одной, но пламенной страстью»: писать. Все были равны в безвестности, все мечтали увидеть свои строчки напечатанными типографическим шрифтом. И была у них единственная возможность осуществить мечту: опубликоваться в только что созданной «Заполярке». Удавалось не всем и нечасто.

Среди тех двух-трех десятков энтузиастов был калмык лет тридцати пяти, среднего роста, плотный, с широким лицом, на котором нередко светилась приветливая улыбка. Большинство собравшихся в литобъединении не знало, кто такой Кугульдтинов. Был он только что выпущен из лагеря, где отбывал срок по пятьдесят восьмой статье Уголовного кодекса РСФСР. Статья гласила о контрреволюционных преступлениях – самых страшных в тогдашние времена. На подпавших под нее висело нестираемое клеймо «врага народа». Пробриться его носителю куда-нибудь к заметной творческой деятельности было крайне трудно, почти невозможно.

Летом 1943 года калмыцкие националисты собрали 5 тысяч бойцов и бросили их против партизан Украины и Польши. Этот удар в спину Советской Армии отозвался на всех калмыках. 27 декабря 1943 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР об упразднении Калмыцкой АССР. Началась де-

портация калмыков в Сибирь и Среднюю Азию. Весь народ был обвинен в сотрудничестве с фашистами, в измене Родине. В 1945 году фронтовика Кугульдинова арестовали по навету и осудили по пятьдесят восьмой статье на десять лет ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей).

В Норильск Давида Кугульдинова привезли с очередным этапом заключенных в 1946-м. Работать направили на БМЗ (большой металлургический завод). Определили рабочим в хлорно-кобальтовый цех. Это очень ядовитое производство в то время находилось на крайне низком уровне техники безопасности. Давид получил сильное отравление. Спасли молодого человека два доктора: Иосиф Янулявичус и Владимир Родионов.

После больницы ослабленного зэка зачислили сторожем в котельную поселкового родильного дома, который разместился в двухэтажном кирпичном доме неподалеку от норильской теплоцентрали.

Из котельной Давида, как человека грамотного, через некоторое время перевели в роддом санитаром.

После реабилитации поэта восстанавливают в Союзе писателей, зачисляют в Литературный институт им. Горького (окончил в 1960 году), затем на Высшие литературные курсы и в аспирантуру.

В декабре 1965 года кафедра языка и литературы Калмыцкого государственного педагогического института представила стихи Давида Кугульдинова на соискание высшей награды СССР – Ленинской премии. В перечне поэтов, выдвинутых на нее, Кугульдинов значился с Андреем Вознесенским, Евгением Евтушенко, Леонидом Мартыновым.

Секция поэзии и пленум Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР после первого рассмотрения оставила стихи Кугульдинова, Вознесенского и Мартынова для дальнейшего обсуждения (Евтушенко не пропустили!).

Борьба вокруг выдвинутых на Ленинскую премию 1966 года кандидатур закончилась победой тех, кому лучшие стихи Евтушенко, Вознесенского, Мартынова и Кугульдинова были враждебны по духу, кто стремился затушевать, а еще лучше – вычеркнуть из памяти людей трагедию калмыков, чеченцев

и ингушей, крымских татар и немцев Поволжья, да и вообще все деяния Сталина – Ягоды – Ежова – Берии, вычеркнуть и Колыму, и Соловки, и Норильск, и Воркуту, и прочее. Ленинская премия 1966 года за произведения поэзии не была присуждена ни одному автору. (Кому же было ее присудить, если не Евтушенко, Вознесенскому, Мартынову и Кугультинову?)»).

Завершаю рассказ о норильских писателях и поэтах воспоминаниями *Вячеслава Ханжина*, опубликованных в Сборнике, кн. 10, 2008 г.

«..Объединение норильских литераторов в 50-х годах возглавлял Сергей Львович Щеглов – бывший студент-историк из Москвы, репрессированный по политической 58-й статье, пункт 10 УК РСФСР, к тому времени реабилитированный и работавший в кислородном цехе Норильского комбината. В этом литобъединении были в основном прозаики, и, когда мне позволяло время, я приходил их послушать. Рассказ из жизни театра читал высокий парень с длинным лицом, сын главного дирижера Большого театра Виталий Головин, рабочий сцены норильского театра, обвиненный в убийстве жены Есенина (а потом жены Мейерхольда) Зинаиды Райх. Темпераментно выступал горняк, бывший комсомольский вожак Осетии Дебола Алкацев, который однажды танцевал лезгинку в присутствии самого Сталина. <...>

Я думаю, что Норильск заслуживает памятника. Памятника неизвестным поэтам... Бывавшие здесь в Норильлаге прозаики Алексей Гарри, Евгений Рябчиков, Иван Макарьев и особенно Сергей Снегов (Штейн, бывший преподаватель Норильского института) известны. Тогда же в институте преподавал известный репрессированный геолог Николай Михайлович Федоровский, который на лекциях описывал минералы стихами. Они потом сами прославились своими книгами, а вот поэты были и остались, видимо, надолго малоизвестными... Такая уж судьба лагерного Норильска. <...>

Самым неизвестным поэтом города я считаю человека, который ходил по улицам, выделяясь из толпы своим обликом Христа, с вдохновенным лицом пророка и поэта. Я имею в виду Абрама Цисса. Студент филфака МГУ, еврей, он под влиянием Ницше и договора Сталина с Гитлером (1939 г.), когда русские

родители называли своих новорожденных Адольфами, написал поэму, восхваляющую Гитлера как сверхчеловека, и за это оказался на Крайнем Севере. Ссылку в Норильск разделили с ним его любящая жена и больная дочь. Видимо, этот жестокий урок заставил его заречься от писания стихов — я ни разу не видел его на заседаниях литобъединения, а вот на улицах города мы встречались. И хотя он остался неизвестным поэтом, его величина определяется тем, что с ним дружил сын Анны Ахматовой и Николая Гумилева Лев Гумилев, который был сослан в Норильск и до 1944 года работал здесь на рудниках, где однажды чуть не погиб. <...> Вместе с Абрамом Циссом Лев Гумилев записал по памяти стихи отца; они писали историю Мира, в том числе французских королей, блатными словами... Получилась очень смешная история всего мира. <...> Известно, что впоследствии Лев Гумилев стал известным специалистом по истории и этнографии, кандидатом, позже доктором исторических наук. Абрам Цисс был знаком с молодым тогда Марком Хасданом и добросовестно переписал историю Мира и (я благодарен ему за доверие) давал мне читать ее и стихи Н. Гумилева. Но меня тогда больше интересовали рукописи Льва Гумилева об этносе и пассионарности, и я всеми возможными способами их переписывал. <...>

Глава 6

«Не люди умирают, а миры...»

Норильчане Б.А. Гальперин и В.С. Домарев

Очерк *Сергея Норильского* «Париж – Монтевидео – Норильск», опубликован в журнале «Норильский «Мемориал», выпуск 5–6, октябрь 2010 г., основан на воспоминаниях Иосифа Шамиса:

«Среди узников Норильлага – писатели самые известные, о ком написано немало – это Алексей Гарри, Елизавета Драбкина, Александр Зуев, Лев Гумилёв, Юрий Сальников, Давид Кугультинов, Сергей Снегов. Но ими не ограничивается перечень. Есть лица, о которых норильчанам ещё не известно. Об одном из таких хочу и поведать.

Первый, кто сообщил мне о том, что в сороковые годы прошлого века в цехе металлоконструкций Норильского комбината, а потом и проектной конторе, работал *Борис Львович Гальперин*, был мой друг, ветеран Норильска и его краевед Иосиф Адольфович Шамис.

Бывший директор цеха металлоконструкций, к которому я по совету Иосифа Адольфовича обратился за подробностями, Б.Ф. Ермилов в августе 1986 года ответил на мой запрос предельно кратко: «Б.Л. Гальперин работал в 1942–1950 годах во вверенном мне заводе металлоконструкций. Работал он, будучи репрессированным, отлично».

А вот, что мне сообщил Иосиф Адольфович в ответ на просьбу рассказать об этом человеке подробнее: «О Борисе Львовиче Гальперине я знаю только *КЛОЧКИ*. <...> Будто бы учился он в Париже (куда попал, надо полагать, из буржуазной Литвы). Из Парижа вместе с женой Сарой (кажется, Моисеевной – я её знал по Норильску – оба имели высшее строительное образование), – уехал в Уругвай. Надо думать, что они уехали из Парижа

в годы Великой депрессии, в конце 20-х годов, когда в Париже было много безработных. В Уругвае Борис Львович занимался журналистикой, писал стихи. Очевидно, на идиш. Пользовался большой известностью и уважением. Но пришло время, когда потянуло строить социализм, и они уехали в Москву <...>

В Норильске Борис Львович работал прорабом по металлоконструкциям Центрального ремонтно-механического завода, затем – до выезда – проектировщиком-конструктором Проектного отдела. Сара (Моисеевна?) работала по сметному делу. В Норильске стала учиться их дочь Маша. Девушка была статная, красивая и обаятельная. Борис Львович сам был мужчина видный и очень приятный. Сара тоже была симпатичная женщина. Хороша была пара – отец и дочь! Бывало, попадутся на глаза где-нибудь у Соцгорода, ближе к дамбе через Долгое, – zalюбуешься ими!.. В 51 году (кажется, так) его, как и некоторых других товарищей, «попросили» поехать на юг Красноярского края. Первое время там работы не было. Нашлась работа в проектной организации где-то за сто километров от Красноярска, где Гальперин и стал работать конструктором по металлоконструкциям. Бывал он и в Красноярске, приходил в гостиницу, когда я прилетал в командировки с Севера».

Возвращаясь к молодости своего героя, Шамис продолжал: «Он выпустил, сказывают, несколько книг стихов, на идиш и с переводом на русский. Печатался в журнале «Советиш геймланд» («Советская Родина», литературно-художественный и общественно-политический журнал СП СССР на языке идиш, редактор Вергелис, сам писатель и поэт. Редакция, помнится, на улице Кирова). Сара умерла вот уже 4–5 лет назад. Теперь ушёл и Борис Львович. Осталась одинокой в Вильнюсе Маша.

Замуж она не выходила – нервами болела. И, говорят, сильно поpleкла её чудесная красота.

Тут, несколько лет назад, познакомился я с одним гравёром. Человек красивый, как поэт (он и был поэт, читал мне свои стихи), он печатался в том же журнале. Он знал Гальперина. Но последние годы я мало бываю в центре, а когда бываю, не попадается мне гравёр-поэт...» (из письма 21 февраля 1985 года).

Вот такие «клочки» сообщил мне Иосиф Адольфович о Гальперине».

Неоценимая заслуга Иосифа Адольфовича в том, что он дал мне возможность продолжить исследования о таких, как Гальперин: сообщал адреса родственников или людей, которые могли дополнить его сведения. Я встречался или вступал в переписку с этими людьми и получал от них важнейшие сведения. Так было и в моей работе по Гальперину. Письма его дочери Марии Борисовны ко мне из Вильнюса 4 июня и 29 июня 1985 года, письмо Сергея Александровича Снегова 27 июня того же года, как и ещё одно письмо самого Шамиса, посвящённые Гальперину (12 июня 1985 г.) раскрыли целый пласт сведений об этом человеке и писателе. «Он из той когорты, – писал мне о Гальперине Шамис 9 июля 1985 года, – которая слеталась на свет Октября – тут и Урицкий, и Володарский (Моисей Маркович Гольдштейн), и многие другие искренние революционеры духа».

Сам Борис Львович сообщал об этом в одном из своих рассказов («Залмен пишет письмо») про своего героя так: «Иногда тяжело бывает на душе, очень тяжело. Со всех сторон обступают тебя сомнения, и я тогда <...> бегу от них туда, в девятнадцатый год и, честное слово, чувствую, как ко мне возвращаются силы

*Гальперин Борис
Львович (1902—1984).
Норильск, 1950 г.*

и завтрашний день кажется уже не таким мрачным. Мне тогда было двадцать, ровно двадцать. А что такое двадцать? Пора расцвета, и я был счастлив. Я слышал звук трубы, возвещавшей о крушении старого мира и наступлении нового дня. Всё вокруг торжествовало, казалось, все люди на земле тянут руки к восходящему солнцу. В двадцать лет я был красноармейцем».

И ещё свидетельство такого же рода – в рассказе «Пойди, объясни евнуху». Герой рассказа вспоминает: «После Февральской революции он примкнул к тем, кто поставил своей целью пробить новый путь для человечества. В Октябрьские дни с винтовкой в руках сражался на стороне большевиков. Потом – гражданская война, фронты, голод, сыпняк. Потом – учёба. Иногда откладывал рейсфедер и по поручению партии отправлялся в деревню: добывать хлеб, добывать врагов революции. Где только не работал – на самых отдалённых стройках, врубался в вечную мерзлоту, в таёжную гущу. Годы мучительного, сверхчеловеческого напряжения и работы. Он не выдержал бы, если бы не огонь веры, пылавший в груди и согревавший его в стужу».

Вот она, пресловутая Великая романтика революции, питавшая и развращавшая мальчишек и девчонок в начале двадцатого века! Они искренне верили, что «добывая врагов революции», таких же мальчишек и девчонок, отбирая хлеб у вырастившего его труженика – крестьянина, ими совершаются великие дела, сквозь огонь и кровь они прокладывают путь в светлое будущее. И когда их самих причислили их вдохновители к врагам, пускали им пулю в затылок или бросали полуодетыми и полуголодными долбить вечную мерзлоту, – они и тогда не теряли своей веры, и тогда были уверены, будто это козни врагов революции.

«Уважаемый Сергей Львович! – отвечала мне 4 июня 1985 года Мария Борисовна Гальперина из Вильнюса. – Получила ваше письмо, постараюсь сообщить вам сведения об отце – Гальперине Борисе Львовиче. Он родился в Литве в 1902 году (д. Дарсунишки).

В годы Первой мировой войны семья переехала в Либаву (Лиепаю). Там кончил гимназию. В первой половине 20-х годов отец кончил Каунасский политехнический институт, стал инженером-строителем. Тогда же женился, мама – его однокурсница, до 1972 году работала сметчицей. В конце 20-х годов семья

переехала в Монтевидео. В 1937 году отец с мамой вернулись в Москву.

С 1938 года был в Норильске, работал на Заводе металлоконструкций. Освободился в 1945 году, мама со мной после эвакуации переехала к нему в 1946 году. В 1950-м я поступила в институт, а они были высланы из Норильска. Отец арестован вторично в 1951 году, после чего получил ссылку до 1954-го. Панюков, живший тогда в Красноярске и знавший бывших сотрудников, устроил в райцентре филиал Крайпроекта, где родители жили. С середины 50-х годов семья – в Вильнюсе. В 1962 г. отец вышел на пенсию и стал писать. Он в совершенстве знал еврейский язык. Говорят, что это последний еврейский писатель, но читателей тоже с каждым годом становится всё меньше. Имел персональную пенсию республиканского значения. Умер в сентябре 1984 г., через три года после смерти мамы, бывшей немного старше его. Я получила уже русское воспитание. <...>

Печатал свои произведения и переводы на идиш (еврейский) язык. Изданы книги: «Моя родословная» на евр. яз., 1978, «Моя родословная» на русск. яз., 1983, издательство «Советский писатель», «Всё остаётся людям» на евр. яз., 1984 (за несколько недель до смерти увидел её). Сейчас рассказы по еврейской теме переводят в ГДР. Рассказы разные по тематике. Некрологи о нём печатались в еврейских газетах, самый большой – в польской газете «Фолкс-штиме». Собрала их по одному экземпляру.

Недавно началась переписка с писателем о переводе на литовский язык, не знаю, что выйдет.

До сегодняшнего дня у меня есть адреса многих бывших норильчан.

Если приедете в Вильнюс – рада буду приять Вас.

С уважением, М. Гальперина».

Мария Борисовна подарила мне книжку «Всё остаётся людям» на еврейском языке, изданную в Москве в 1985 году в качестве приложения к журналу «Советиш геймланд».

Побывать в Вильнюсе я не удосужился. Всё ограничилось перепиской.

В дальнейшем мне удалось получить другие книги Бориса Гальперина, отрывки из которых я выше процитировал.

Всё остаётся людям. В том числе – и самое главное! – разобратся в том, что такое романтика революции и как избавиться от неё будущие – да и нынешние – поколения молодых людей.

И последнее уточнение. На книге «Всё остаётся людям» читаю имя автора: Бер Гальперин. В письме 15 августа того же 1985 года Иосиф Адольфович пояснял: «Это имя на языке идиш, пришло из немецкого «Bar», что в переводе – медведь. Вообще же это трансформация древнееврейского «барух» – благословенный, как звали Спинозу».

В письме от 8 мая 1987 г. Шамис писал в Тулу своему другу Щеглову:

«Сереженька!

Был я в редакции «Советиш геймланд». Отнес им в дар (никакой подписи я не сделал – на кой ляд мне это надо!) шесть интересных книг в отличном издании. Принял меня и беседовал сотрудник редакции Борис Юрьевич Могильнер. <...>

Я ему рассказал о тебе, о Бере (капельку и о себе). Он сказал, что нет надежды перевести и напечатать твою работу о Бэре. Почему? Редакция завалена рукописями – и на идиш, и на русском. Нет никакой возможности все напечатать. Но, заключил он, пусть присылает – может, какой-нибудь юбилей будет или иной случай. <...>

В паузах пиши о Бере. Чем больше думаю о нем, тем больше убеждаюсь, что это был очень значительный человек.

Из письма от 14 июля 1986г. Шамиса Щеглову: «Писал я тебе, что я дал А. Львову на прочтение «Мою родословную», – так что он должен приветствовать твой труд».

Рассказ об удивительных людях Заполярья продолжает отрывок из очерка норильчанки *Валентины Вечаевой*, опубликованного 25 апреля 2015 г. на сайте «Заполярного Вестника» www.norilsk-zv.ru:

«В истории Норильска за 80 лет, если вести отсчет от 1935-го, наберется немало имен, достойных, чтобы их увековечили в названиях улиц и площадей. Правда, имен этих много больше, чем объектов, а переименование Ленинских, Советских и прочих проспектов и улиц – слишком дорогое занятие.

И все же, может, стоит хотя бы к юбилеям города и комбината возвращать из прошлого события и людей, которых нужно помнить вечно?

23 апреля 1947 года в три часа ночи в комнату геологического управления комбината ворвались трое вооруженных бандитов и смертельно ранили жившего там крупнейшего специалиста по горным месторождениям, главного инженера управления *Владимира Сергеевича Домарева*, отказавшегося отдать ключи от денежных сейфов и геологических фондов. В этот же день Домарев скончался прямо на операционном столе.

Накануне, 21 апреля, его дочь получила телеграмму, в которой сообщалось, что отец прилетит в командировку в Москву 15 мая.

На приезде геолога в столицу настаивал Авраамий Павлович Завенягин, которому нужны были данные по бокситам и магнетитам. Ради этого Домарева спешно вернули из Ангарской экспедиции, куда также спешно отправили из Норильска сразу после окончания лагерного срока (в декабре 1945-го).

Блестящий геолог-разведчик, один из авторов лучшего курса геолого-разведочного дела, первый раз на гору Рудную попал в составе 4-й экспедиции под руководством свояка Сталина Павла Аллилуева. В 1936 году он был репрессирован и отправлен в Норильск вторично и навсегда.

В 1985 году ветераны Норильского комбината (доктор технических наук Константин Иванов, минералог Ольга Лобачева, кандидат медицинских наук Захар Розенблюм, строитель Иосиф Шамис, журналисты Нина Балужева и Сергей Щеглов) обратились с предложением об увековечивании памяти *Владимира Домарева*. Они предлагали варианты: правительственная награда за мужество и героизм, присвоение имени одной из улиц Норильска, стипендия имени Домарева лучшему студенту-геологу НИИ за счет комбината. 30 лет назад ограничились местом в геологическом разделе экспозиции городского музея».

Дочь В.С. Домарева *Ирина Домарева-Ганикевич* собрала и обобщила воспоминания своей мамы, друзей и сослуживцев – солагерников отца, они опубликованы в первой книге Сборника (2002 г.). Начинаются воспоминания с таких кратких слов Шамиса о Домареве:

*Домарев Владимир
Сергеевич (1897—1947)*

«В.С. Домарев начинал свою трудовую жизнь геолога в 1925 г. в Норильске, и окончилась эта жизнь в Норильске же; начиналась она с изучения недр горы Рудной и оборвалась у подножия той же горы». И.А. Шамис, ветеран Норильска, ветеран Гражданской войны. «Заполярная правда», 1985, 6 ноября.

«Я совсем не помню своего отца. Мне не было и трех лет, когда нас разлучили, как оказалось, навсегда. Его образ сложился по рассказам хорошо знавших его людей, письмам, фактам биографии, сохранившимся документам и фотографиям. С раннего детства я слышала об отце только восторженные отзывы и как о человеке, и как о специалисте. Его письма полны тревоги за близких ему людей, любви к ним, живого участия, несмотря на трагизм его собственного положения.

Еще будучи студентом горного института, он начал работать в области геологии, а после его окончания поступил в Геологический комитет в Ленинграде и сразу же, в мае 1925 г., в составе 4-й экспедиции под руководством П.С. Аллилуева был направлен в Норильск: проработал там шесть месяцев, проводя вместе с геологом Геолкома И.Ф. Григорьевым первое обстоятельное

обследование горы Рудной (так он в молодости познакомился с норильским месторождением на Таймыре).

В 1934 г. Владимир Сергеевич был назначен главным инженером отдела изысканий Лентранспроекта. Переход к оседлому образу жизни на девятом году супружества ознаменовался рождением 7 января 1934 г. дочери Ирины.

Однажды Владимира Сергеевича вызвали в НКВД и предложили сообщать интересующие их сведения о его сотрудниках, иными словами – стать «стукачом». Он с негодованием отказался. Это было началом его конца.

За ним пришли в ночь на 5 декабря 1936 г. Город, увешанный красными флагами, спал в ожидании праздника – дня сталинской конституции.

В то время аресты, видимо, не приняли еще такого массового характера. Были разрешены свидания с арестованными. До собственного ареста Наталья Дмитриевна имела возможность несколько раз увидеться с мужем, собственными глазами увидеть выбитые при допросах зубы, получить скудную информацию из его собственных уст. Из него так и не смогли выбить показаний ни против себя, ни против кого-либо другого. Во время одного из свиданий он сообщил жене, что, поскольку ему не могут предъявить никаких обвинений, есть надежда на его освобождение. Однако уже на следующем свидании, на которое Наталья Дмитриевна пришла вместе с женой также арестованного приятеля Владимира Сергеевича, он, увидев их вместе, потребовал, чтобы она больше не общалась с этой женщиной, так как ее муж дал показания против него, и надежда на освобождение рассеялась как дым. А далее – осуждение на 10 лет лишения свободы по пресловутой 58-й статье.

Можно только догадываться, что переживает человек, вырванный из жизни и длительное время лишенный какой-либо информации о родных и близких.

И хотя с Владимиром Сергеевичем осталась его любимая работа, что несколько облегчило его участь, она, как и всякая подневольная работа, не приносила должного удовлетворения.

Он был этапирован в Норильск, где, естественно, в системе ГУЛАГа, занимался геологическим изучением.

Наконец наступил декабрь 1945 г. – долгожданное время конца срока заключения, уменьшенного на один год.

8 марта 1947 г. на имя В.С. Домарева из Москвы поступила правительственная телеграмма следующего содержания: «Необходимо получение данных бокситам, магнезитам после 41 года. Сообщите возможен ли ваш приезд в Москву этим вопросам. Завенягин».

Сразу после этого Владимир Сергеевич был срочно отозван в Норильск в связи с назначением на пост главного инженера Геологического управления комбината. Очень не хотелось ему опять срываться с места от только что как-то налаженной жизни. Он просил отсрочить переезд в Норильск до возвращения из предстоящей командировки в Москву, но Н.Н. Урванцев вновь был неумолим. Было решено, что Наталья Дмитриевна, одерживая идеей подготовить дочь к встрече с отцом, поедет в Москву, куда Владимир Сергеевич приедет уже из Норильска в мае...

21 апреля на имя Иры Домаревой в Москву пришла телеграмма: «... приеду командировку Москву 15 мая Крепко целую Папа», а через день, 23 апреля, по тому же адресу поступила радиограмма: «23 апреля скоропостижно скончался Домарев Владимир Сергеевич. Похороны состоятся 25-го. Коллектив Геологического управления выражает свое глубокое соболезнование постигшем горе Начальник Геологического управления Кротов Урванцев».

Что же произошло? Вот как описывает происшедшее Елизавета Ивановна Урванцева в письме к Наталье Дмитриевне от 27 апреля 1947 г. «...По приезде из Мотыгина Владимиру Сергеевичу сразу же не удалось достать квартиру, и он решил поселиться в Геологическом управлении, где ему отремонтировали две комнаты – вернее, комнатку и кухню.

Помещение чистенькое, Владимиру Сергеевичу очень нравилось. Он, когда был у нас, говорил, что лучшего сейчас ничего не желает. В этом помещении геолог Коровяков жил год. Вход в это помещение раньше был с улицы, отдельный, а теперь его заделали и осталась одна дверь, которая выходила в бухгалтерию.

22 апреля в помещении бухгалтерии был геологический кружок – там было много народа... Выступал и Владимир Сергеевич. Кружок продолжался с 18 до 22 часов. После кружка Владимир Сергеевич поужинал и сел заниматься в своей комна-

те, и долго засиделся. В перерыве между занятиями несколько раз ходил в другую комнату, которая расположена в соседнем коридоре, – в этой комнате живет Ольга Максимовна Лобачева, инженер-геолог.

А за стеной комнаты, где жил Владимир Сергеевич, помещались еще два сотрудника, но ход в эту комнату с улицы – отдельный.

В три часа ночи бандиты с целью ограбления кассы сделали вооруженный налет на Геологическое управление. Один из бандитов залез в форточку в бухгалтерию, пошел к выходной двери и впустил двух сообщников. Сторож спал, очевидно, сидя на стуле в канцелярии... Сторожа они привязали к стулу и стали требовать ключи от фондов и кассы. Сторож, пожилой, указал, что ключи у начальства, начальник вот в той комнате и его зовут Владимир Сергеевич. Бандиты постучались, назвали себя сотрудниками из 3-го отдела, назвали Владимира Сергеевича по имени. Он им открыл дверь, и тут разыгралась драма. На крик проснулась за стеной и Ольга Максимовна.

Когда Ольга Максимовна выбежала из своей комнаты в коридор, один бандит стоял в коридоре, в конце, и подзывал ее к себе пальцем.

Ранив ножом Владимира Сергеевича, бандиты скрылись.

Тут же пришла машина скорой помощи, и Ольга Максимовна проводила в больницу Владимира Сергеевича. Позвонили нам по просьбе Владимира Сергеевича, мы с Ник. Ник. прибежали в больницу. Владимир Сергеевич был в памяти – просил меня сообщить маме и Вам...(стерто)... ввели морфий, и он чувствовал себя удовлетворительно. Вскоре был взят на операционный стол. Оказалась раненой тонкая кишка.

Рана была зашита, также зашили две раны грудной клетки – ранено левое легкое. Тут же на столе после операции ему стало плохо, и, несмотря на все принятые меры, вернуть к жизни его не удалось.

Мы с мужем были до конца операции. Я была в операционной. На вскрытии оказалось, что у Владимира Сергеевича митральный порок сердца, что и послужило осложнением».

Очевидно, щадя Наталью Дмитриевну, Елизавета Ивановна несколько смягчила трагичность происшедшего. Оказалось, что

Владимир Сергеевич вступил в борьбу с бандитами, и они нанесли ему 17 ножевых ранений, было поранено даже лицо.

И убежали они только тогда, когда Ольга Максимовна Лобачева вылезла через форточку на улицу и подняла крик:

Так нелепо и трагически прервалась эта жизнь. У моего отца жизнь – отнятая дважды... Она была уже прервана однажды, и только начиналась вновь... Владимир Сергеевич Домарев достоин жить вечно в памяти...»

После гибели папы (об этом я написала в томе первом «О времени, о Норильске, о себе...») мама приняла, наверное, самое правильное в сложившейся ситуации решение ехать со мною в Норильск. Ей пришлось в 47 лет начинать жизнь сначала, не имея ни специальности, ни трудового стажа. Единственной жизненной опорой могла стать и действительно стала добрая память, которую оставил на Норильском комбинате папа.

Не могу умолчать и о довольно многочисленных маминых поклонниках, которые активно использовали меня, чтобы сблизиться с ней. Она же, как правило, пряталась от них и на увещевания доброжелателей, настоятельно рекомендующих ей выбрать себе спутника жизни (люди-то все солидные), неизменно отвечала, что имела такого мужа, которого ей никто не заменит. Настойчивым был и Иосиф Адольфович Шамис, который поймал меня в Красноярске на пути в Москву и настоял на том, чтобы я что-нибудь послала с ним маме. Пришлось купить и отправить с ним губную помаду, а поскольку он был человеком семейным, только семья его жила в Москве, мама отнеслась к нему более благосклонно, и вскоре он стал другом нашей семьи. Много позже, после маминой смерти, он разыскал меня в Москве и очень много сделал для увековечения памяти о моем папе, за что я ему очень благодарна» (Сборник, кн. 4, 2003 г.).

Глава 7

Заключенные строят музей вождя в низовьях Енисея

Рассказ об узнике и строителе Норильского комбината Иосифе Шамисе продолжают воспоминания заключенных, участвовавших в строительстве музея Сталина в месте его ссылки в деревне Курейка Красноярского края. Куратором этой стройки был Иосиф Адольфович Шамис.

В начале отрывок из очерка *Павла Чебуркина* «Пантеон Генералиссимуса», опубликованного в интернете на сайте Красноярского общества «Мемориал» www.memorial.krsk.ru.

Автор Павел Владимирович Чебуркин – врач, хирург, сын незаконно репрессированного ученого-бактериолога. В 1943 году, будучи ведущим хирургом медсанбата 86-й гвардейской стрелковой дивизии, во время тяжелого отступления этой дивизии в междуречье Волги и Дона, сопровождавшегося большими потерями из-за безграмотной дислокации, имел неосторожность сказать в разговоре с сослуживцами, что Сталин не по праву надел маршальские штаны и не имеет никакого права быть Верховным Главнокомандующим. За «оскорбление вождя и неверие в победу» судом военного трибунала 2-й гвардейской армии он был приговорен к расстрелу. В результате пересмотра дела в Москве приговор был заменен десятью годами лагерей, которые Чебуркин отбывал в Норильске.

«В декабре 1949 года с большим размахом отпраздновали 70-летие Генералиссимуса. Тогда же решено было на средства и силами Норильского горно-металлургического комбината выстроить в Курейке павильон-музей И.В. Сталина. Сохранилась в целости изба, где он жил. Туда, на берег Енисея, к лету 1950 года отправили из Норильска бригаду опытных строителей-заключенных с небольшими сроками, около 200 человек.

Санотдел Норильлага направил туда меня (я был уже давно расконвоирован). К тому времени мне за хорошую работу сократили срок на один год, и я уезжал в Курейку, чтобы оттуда выйти уже на свободу...

В Курейке был небольшой колхоз имени Сталина и созданный в войну совхоз Норильского комбината, где с большими убытками выращивали овощи в теплицах и кое-что в открытом грунте. На молочной форме, где содержались малоудойные коровы, делали сливочное масло, тоже обходившееся раза в четыре дороже обычного. Овощи и масло доставлялись к столу норильского начальства и для детских садов. Работали в совхозе женщины-заключенные и ссыльные. По прибытии мужской бригады строителей женщин увезли на другой берег Енисея, где им пришлось заниматься заготовкой дров.

Автором проекта музея-павильона, утвержденного в самой Москве, был норильский архитектор Сергей Владимирович Хорунжий. Работа кипела вовсю! Под железобетонный фундамент павильона забивали толстые лиственничные сваи – на лесозаводах Енисейска и Подтесова их было заготовлено двести штук. Не поддающиеся гниению, они были рассчитаны на двухсотлетнюю сохранность. А десятиметровая железобетонная, покрытая белым гипсом статуя Генералиссимуса, «в распахнутой шинели и простых сапогах», как писали тогда газеты, тут уже имелась.

Специальную контору строительства возглавил инженер Полозов, из Норильска ее курировали начальник управления строительства комбината Николай Павлович Епишев и бывший заключенный, инженер Иосиф Адольфович Шамис. Из числа живших в Курейке ссыльных и бывших заключенных подобрали бухгалтерию и канцелярию. Главным бухгалтером стал только что освободившийся из заключения Лазарь Иосифович Зильберштейн.

Решено было также Курейку с прилегающей территорией благоустроить, дабы создать соответствующий фон величественному музейному павильону вождя.

Нужно было срочно построить новую школу-десятилетку, интернат, поселковую больницу с амбулаторией, клуб, дом отдыха со стадионом, гостиницу, почту, баню, полтора десятка двухэ-

Домик Сталина в Курейке. 1943 г. Архив С.Л. Щеглова

Пантеон Сталина в Курейке. 1952 г.

тажных домов с водопроводом и центральным отоплением для начальства, специалистов и учителей, пионерский лагерь для детей Норильска. А старые избы жителей перенести в специально создаваемый «заповедник» – уголок дореволюционной Курейки. Вместо них выстроить новые.

Начальником Курейского лагпункта был лейтенант Костин. Стройка шла быстро, люди работали с охотой – им давали зачеты рабочих дней, начисляли хороший заработок. Охрана чисто символическая, больных почти не было. И я тем временем выспрашивал у местных жителей, кто что помнит о Сталине».

«...Весной 1952 года подошел к концу мой срок. Нужно было получать документы об освобождении. В Курейке этого не сделать – телеграфировали в Ермаково, где был крупный лагерь. Туда можно было добраться по льду Енисея на лошадях или оленях. Получил там документы и разрешение жить в Орске. Ура!

Разглядывал неведомый географии поселок Ермаково, сплошь деревянный, добротнo выстроенный, с кинематографом, столовыми, баней, мастерскими. Чем занимались «жители»? Строительством железной дороги и проектированием туннеля под Енисеем, звена трансполярной магистрали Салехард-Игарка, известной сейчас как «мертвая дорога». В Ермаково мне показалось удивительным большое количество евреев-мужчин. Разговорился с двумя инженерами: «Что здесь, специальное поселение? «Они весело ответили: «О нас очень заботятся, хотя создать морозоустойчивую разновидность». Это были «безродные космополиты», высланные сюда из Москвы в 1948–1949 годах.

Получив документы, вернулся в Курейку поработать до начала навигации. Да и оставлять без хирургической помощи людей я не имел права. К лету строительство закончили, обмыли открытие музея, «ура» прокричали. Под сводами 12-метровой высоты павильона яркое освещение имитировало северное сияние, озаряя художественно расписанный купол, обитые красным бархатом стены и стенды с картинами героической биографии великого вождя. По периметру внутреннего помещения сделана была паркетная дорожка. Перед зданием разбили сквер, цветники и клумбы...».

Рассказ об этой стройке продолжают воспоминания неизвестного автора «Курейка и Сталин», размещенные на сайте www.memorial.krsk.ru.

«Как известно, царскую ссылку в 1913–1916 годах будущий «отец народов» отбывал сначала в станке Костино Туруханского края, а потом в Курейке у Полярного круга, где был затем музей-пантеон. Но вообще-то вождь впоследствии очень не любил вспоминать курейскую ссылку. Игарские ветераны-связисты говорят, что к 70-летию Сталина с огромным трудом была налажена связь Курейки с Москвой, но юбиляр говорить с Курейкой не пожелал. Даже без внимания остался верноподданнический рапорт норильских гулаговцев об окончании строительства в Курейке музея-пантеона. О причинах можно было только догадываться. Факты же говорят о том, что гордиться было нечем. Никакой возможной в тех условиях революционной работы и публицистической не вел, самообразованием не занимался, иностранных языков не изучал. Развлекался на вечеринках, оставил кое-какие грешки. Ссорился с товарищами, большинство которых позднее сгинуло в застенках или лагерях НКВД: Сталин не терпел свидетелей своей далеко не безупречной молодости. Во время ссылки Сталина все население Курейки состояло из 38 мужчин и 29 женщин.

Жители занимались охотой и рыбной ловлей. Иосиф Джугашвили тоже пристратился к рыбалке.

Впрочем, было и еще занятие, которому он предавался с удовольствием: вечеринки да выпивка.

И тут Свердлов, с которым он поселился в избе Тарасевых, был ему не товарищ. Уже через некоторое время Яков Михайлович сбежал от него на другую квартиру. Да и то сказать... Доктор исторических наук Серго Микоян в статье «Аскетизм вождя» («Огонек», 1989 г., № 15) пишет: «Сам Сталин спустя три десятилетия, посмеиваясь, рассказывал членам Политбюро, как они одно время вели общее хозяйство со Свердловым. Чтобы не дежурить по очереди на кухне он специально делал обед несъедобным. А когда Сталину хотелось съесть двойную порцию супа, он, отведав из своей тарелки, плевал в тарелку Свердлова. Тот, естественно, отодвигал ее, а довольный «товарищ по ссылке» съедал все».

Коба недолго квартировался у Тарасеевых, вскоре переехал в пристройку к избе Перепрышных. Устами Тарасеевой семейству Перепрышных дается нелестная для сибирского крестьянина характеристика: «Голодные, а все поют да пляшут». Вообще-то в Курейке любили выпить, о чем свидетельствует известный английский орнитолог профессор Генри Сибома, собиравший в начале века в районе Курейки материал для своего труда «Птицы Сибири»: «Мы покинули это селение с самым тяжким предчувствием относительно его будущего. Повальное пьянство и долги перекачивают из него все мало-мало ценное в руки полдюжины перекупщиков...»

Окунувшись в этот омут ссыльному Кобе, имевшему 35 лет от роду, не надо было и приспособливаться. Впоследствии, став неограниченным кремлевским «самодержцем» он на Кунцевой даче во время очередной попойки, которыми любил испытывать верных соратников, с гордостью рассказывал Н.С. Хрущеву о своем зарезанном в пьяной драке отце: «Когда я был еще в люльке, он окунал палец в стакан с вином и давал мне пососать. Он учил меня пить с детства». Водка в далекой Курейке дорого стоила. Бутылка спирта, например, 4–5 рублей. Откуда они у ссыльного? Казенного пособия хватало только на жизнь. И Сталин рассылал жалостливые письма своим знакомым с просьбой прислать денег (потом он всех этих своих благодетелей загонит в лагеря). Слали ему немалые деньги и из партийной кассы. Только за три первые месяца ссылки бедный Сосо получил 69 рублей. Дальше пошли переводы 650 и 100 рублей. В книге «И.В. Сталин в сибирской ссылке» оплошавший редактор К.У. Черненко допустил то, что «хозяин» предпочел бы забыть. Например, фотокопию единственного с росписью Джугашвили подписного листа в помощь бедным и неимущим товарищам по ссылке. Эта роспись красуется против собственноручно поставленной им суммы в... 50 копеек. Сострадание и широта души и тогда не значились в числе его достоинств».

Советский поэт Казимир Лисовский когда-то воспел семилинейную лампу, стоявшую на столе в музейной комнате Сталина: «Свет этой лампы был виден далеко-далеко. Его видели все, кто поднялся на борьбу за свободу и счастье трудового народа». В общем, как поется в лагерной песне: «Вы здесь из

искры раздували пламя, спасибо вам — я греюсь у костра». Как «раздувал» в Курейке пламя член Русского бюро ЦК РСДРП(б) И. Сталин, известно. Второй том собрания его сочинений завершается листовкой, написанной им в феврале 1913 г. Третий том открывается статьей «О советах рабочих и солдатских депутатов», напечатанной в «Правде» 14 марта 1917 г. Произведений Сталина с марта 1913 г. по февраль 1917 г., написанных в ссылке, в собрании сочинений нет...

Примечание автора-составителя:

После смерти вождя в 1953 г. музей фактически прекратил свою деятельность. В 1961 г., в ходе развенчания культа личности Сталина, домик внутри павильона был разобран. На протяжении нескольких десятков лет здание музея-павильона находилось в полуразрушенном состоянии из-за вандализма и отсутствия ухода. В 1996 г. павильон был окончательно уничтожен пожаром...

Глава 8

«Их судьбы — как истории планет»

Подвиг Е.А. Керсновской

Судьба политзаключенного связала Иосифа Шамиса с другим замечательным человеком — Евфросинией Керсновской, о которой он написал воспоминания. Для начала знакомства — страницы трагической биографии этой удивительной женщины (по материалам сайта www.gulag.su «Евфросиния Керсновская. Сколько стоит человек»).

Ранняя жизнь

Евфросиния Керсновская родилась 8 января 1908 года в Одессе в семье юриста Антона Керсновского и преподавательницы иностранных языков в лицее Александры Каравасили (1878–1964). Отец работал криминалистом в Одесской судебной палате. У Евфросинии был старший брат Антон (1907–1944). Дед Евфросинии по отцовской линии был поляком. В годы Гражданской войны, после того, как Антона Керсновского-старшего в числе царских юристов арестовала Чрезвычайная комиссия и только чудом его не расстреляли (конвоир, перегонявший колонну арестованных до места расстрела, узнал в отце человека, который ему когда-то помог).

В 1919 г. семья бежала в соседнюю Бессарабию (в то время часть Румынии), где поселилась в родовом имении Керсновских в деревне Цепилово рядом с г. Сороки.

В середине 1920-х брат Антон уехал в Европу получать образование, поселился в Париже и стал военным историком. Когда началась Вторая мировая война, его в 1940 призвали в ряды французской армии, он был ранен и умер в 1944 году от туберкулеза.

Книга брата Евфросинии, выдающегося русского военного теоретика и историка Антона Антоновича Керсновского «Фи-

лософия войны» вышла в свет в издательстве «Вече» в июне 2018 г. В ней Антон Керсновский излагает свое понимание природы и причины возникновения войн, их формы и свойства анализирует историю развития военного дела и дореволюционную отечественную военную систему.

Евфросиния получила в гимназии прекрасное образование, знала 9 языков, а после окончила ветеринарные курсы. Поскольку отец совсем не занимался хозяйством, то им начала заниматься Евфросиния. На 40 гектарах семейного имения она занималась земледелием, в т. ч. выращивала виноград. После смерти отца в 1939 г. Евфросинии пришлось заняться выращиванием зерна высокой кондиции на поставку на экспорт, чтобы расплатиться за кредиты. В свободное время она увлекалась конными и пешими путешествиями и любила велосипедные поездки к Чёрному морю с двоюродными братьями и сестрами.

И жили бы дочь с матерью в своем доме о трех комнатках, но тут в их жизнь вмешались Молотов и Риббентроп, которые в августе 1939 года заключили пакт о ненападении между СССР и Германией, а по сути, поделили между собой «сферы влияния» на востоке Европы. Красная армия пришла с запада, а народ из этих «сфер влияния» поехал в скотских вагонах на восток. Поехала и Керсновская как «собственница» и «как из богатой семьи». Перед этим отправила мать в Румынию, думала «ненадолго», оказалось, на двадцать лет.

Ссылка

28 июня 1940 года Советский Союз аннексировал Бессарабию, которая была преобразована в Молдавскую ССР. Сразу же там начались массовые репрессии, и в июле Евфросинию с матерью выселили из их дома с полной конфискацией имущества. Когда дядя Евфросинии по отцу Борис Керсновский, тоже лишённый имущества, вместе с многодетной семьей уехал в Румынию, то в августе Евфросиния, желая уберечь мать от лишений, отправила её вслед за ним в Бухарест. Сама она ехать отказалась, так как плохо относилась к румынской оккупации.

Евфросиния начала искать работу, но, как «бывшая помещица», была ущемлена во всех правах, в том числе и в праве

на труд. В качестве сезонной работницы она смогла устроиться на ферму Сорокского технико-агрономического училища, затем работала по частному найму: на выкорчевке деревьев, заготовке дров в лесу и их распилке.

Керсновская работала одна, т. к. офицеры НКВД запретили кому-либо с ней работать рядом, угрожая исключением из профсоюза. Евфросиния ночевала на улице, потому что, не имея советского гражданства, подлежала изоляции от общества. На зиму её приютила знакомая матери. Накануне выборов 1 января 1941 года ей выдали советский паспорт, но с ограничением в правах. На выборах Евфросиния стала единственной, кто поставил на бюллетене один сплошной крест, так как среди кандидатов она увидела имя женщины, которая до установления советской власти работала проституткой. В ночь на 13 июня 1941 года сотрудники НКВД пришли за Евфросинией, но не застали на месте. Узнав об этом, Керсновская отказалась скрываться и 14 июня добровольно последовала в ссылку. Несмотря на то, что несколько раз у нее была возможность сбежать, Евфросиния ею так и не воспользовалась (как она писала в своих мемуарах, ею тогда руководил принцип, что «хуже уже быть не может»).

В Нарымских болотах

14 июня 1941 г. Евфросиния вместе со многими другими бессарабцами была помещена в товарные вагоны, которые отправились в неизвестном направлении. В своих мемуарах Керсновская пишет, что в вагоне она была единственной дворянкой, остальными в основном были крестьяне. Когда поезд проезжал Омск, Евфросиния, несмотря на запреты конвоиров, сумела выбраться из вагона и набрать ведро воды для женщины, у которой в поезде произошли роды и нужно было обмыть ребёнка. За это её посадили в вагонный карцер – железный шкаф с вентиляционной трубой.

22 июня 1941 года состав сделал остановку на станции Чик под Новосибирском, где Евфросиния узнала о нападении Германии на СССР. Когда состав приехал в посёлок Кузедеево, конвоиры обманом отняли у Евфросинии её паспорт, который она

сумела сохранить в начале ссылки. Через месяц ее перевезли в Нарымский округ (в настоящее время Томская область).

После переправы через реку Обь у Евфросинии была возможность остаться в одном из сёл в колхозе, но, узнав, что те, кто отправятся дальше, будут работать на лесозаготовках ГУ-ЛАГа, она захотела работать там. Работа с лесом была знакома Керсновской по Бессарабии, и ей казалось, что этот труд будет лучше оплачиваться. Так она попала в самый отдаленный посёлок, где валила лес для прокладки узкоколейки. Но тяжёлые условия труда и сибирский климат не сломили Евфросинию. Вскоре Керсновскую и других ссыльных перевели в Харск, где почти не было работы, а соответственно, и пищи; с наступлением зимы их отправили в Усть-Тыярм. В магазинах почти ничего не продавалось, ссыльные могли зайти в них только по особому разрешению начальства, и лишь с наступлением 40-градусных морозов Евфросинии разрешили купить валенки и телогрейку.

В начале декабря начальник леспромхоза Дмитрий Хохрин перевёл Евфросинию работать в Суйгу на самый трудный участок, надеясь таким образом скорее избавиться от неё – Евфросиния была единственной из ссыльных, кто говорил то, что думал: на собраниях лесорубов в местном клубе она критиковала Хохрина за завышенные нормы выработки, за запрет членам бригады помогать друг другу и за то, что на его совести лежит голодание детей ссыльных и прочих иждивенцев (в Суйге тогда иждивенцы получали лишь 150 граммов хлеба в день).

Этому же предшествовал и другой эпизод – 3 декабря 1941 года Керсновская присутствовала на собрании в местном клубе, где лектор рассказывал о поддержке США Советского Союза. Евфросиния тогда имела неосторожность поинтересоваться, не означает ли это, что США, за помощь СССР, могут нарваться на войну с Японской империей, имея в виду Антикоминтерновский пакт? Спустя много времени она узнала, что Хохрин после этого написал на неё донос в НКВД (всего на неё он написал более ста доносов), в котором её вопрос охарактеризовал, как «гнусную клевету на миролюбивую Японию». Через 5 дней после этого случая произошло нападение Японии на Пёрл-Харбор, однако Керсновская об этом узнала не скоро.

Побег

В феврале 1942 года Керсновская заболела и не могла выходить на работу. Хохрин велел фельдшеру не выписывать ей освобождение от работы и лишил пайка. Это стало последней каплей, и 26 февраля 1942 года Фрося попыталась убить Хохрина, но в последний момент передумала и сбежала из села, благо оно совсем не охранялось. Позже выяснила, что доносы Хохрина не дошли до НКВД, потому что зимой лесозаготовки были отрезаны от районного центра. Весной НКВД их получил, чекисты приехали в Суйгу и, обнаружив, что Евфросиния исчезла, объявили её в розыск.

Путь побега пролегал по всей Западной Сибири. Евфросиния несколько дней шла в сторону Омска по руслу рек на запад и перешла с правого берега Оби на левый. В первой же встреченной деревне Нарга узнала, что НКВД велел коренным жителям Сибири сдавать беглых ссыльных. Она чаще всего ночевала в лесу, на пропитание Евфросиния зарабатывала заготовкой дров для местных жителей.

В одном из лесных посёлков Керсновская застала ссыльных поляков, от них узнала, что в Томске формируется польская армия, которая будет воевать с фашистами. Евфросиния решила пойти туда к польскому консулу и, сославшись на своё происхождение по линии отца, записаться в польскую армию в качестве медсестры. Но этот план не удался, потому что Томск находился на правом берегу Оби, а Евфросиния – на левом, наступил ледоход. Тогда она решила идти дальше на юг.

Весной и летом 1942 года Керсновская находилась в бегах шесть месяцев (!), прошла около 1500 километров, её три раза задерживали из-за отсутствия документов, но удавалось бежать. 24 августа 1942 года её вновь задержали и доставили в КПЗ районного центра Краснозерское Новосибирской области.

Новый приговор

На допросах Керсновскую обвинили в шпионаже и поездом отправили в Барнаул, в тюрьму № 1. Неделью держали в одиночной камере, затем перевели в общую камеру внутренней тюрьмы

НКВД, где начались ночные допросы, при этом днём спать не давали, дело вели поочередно три следователя.

Непокорную Ефросинью переправили в пересылочную тюрьму Новосибирска и осенью 1942 года доставили под конвоем на пароход, который по Оби доставил её обратно в Нарымский округ. Всю зиму 1942 года Керновская провела в неотапливаемой камере предварительного заключения в селе Молчаново. У прокурора она ознакомилась с материалом следствия, построенном на доносах Хохрина, и отказалась подписаться под измышлениями следователей.

Керновской были предъявлены обвинения по статье 58–10, части 2-й («клеветала на жизнь трудящихся в СССР») и по статье 82, части 2 («совершила побег из места обязательного поселения»). Выездная сессия судебной коллегии Нарымского окружного суда Новосибирской области вынесла ей приговор – расстрел. Керновской было предложено написать прошение о помиловании, но она отказалась. На листке бумаги, который ей выдали для этого, написала: «Требовать справедливости – не могу, милости – не хочу. Дон-Кихот».

24 февраля 1943 года расстрельный приговор заменили 10 годами исправительно-трудовых лагерей и поражением в гражданских правах на 5 лет, после чего пешим этапом Керновскую вместе с другими заключёнными отправили в Томск. В Томской области Евфросиния попала в лагпункт № 3 Межаниновка, где работала бондарем.

Благодаря помощи лагерного врача Сарры Гордон Керновская попала в лагерный стационар. В июне 1943 года Евфросинию переправили в лаготделение № 4 на станции Ельцовка под Новосибирском, где она работала в ночной смене в шапочной мастерской в бригаде по починке шапок, привезенных с фронта, а днём – в подсобном хозяйстве. Те овощи, которые могла тайком принести с поля, Евфросиния отдавала беременной соллагернице Вере Таньковой (в мемуарах Евфросиния пишет, что та была из рода Невельских).

В начале зимы 1943 года Евфросинию перевели в лагерь на строительство военного завода под Новосибирском, где она возила тачки с раствором по трапам на пятый этаж.

Третий приговор

Вскоре Евфросинию как ветеринара вызвали на лагерную свиноферму, в которой разразилась эпидемия неизвестной болезни. Свиней удалось спасти.

Евфросиния отказывалась подписывать фиктивные акты о гибели свиней, по которым охранники получали парное мясо. За это её перевели со свинофермы на строительство клуба. 18 апреля 1944 года Евфросинию вновь арестовали и посадили в подземную лагерную тюрьму.

22 июня 1944 года Новосибирский областной суд на основании статьи 58–10 приговорил Евфросинию к ещё 10 годам лишения свободы и 5 годам поражения в гражданских правах. Неотбытая мера наказания предыдущего приговора поглощалась последним приговором, из-за чего вместо оставшихся восьми лет ей осталось сидеть десять.

Норильлаг

После приговора суда Евфросинию перевели в барак усиленного режима лагеря Ельцовка под Новосибирском к уголовникам-рецидивистам, где она работала в прачечной, вручную стирала окровавленное белье, доставленное с фронта.

Вскоре Евфросинию отправили в Красноярск. Там, в порту Злобино, она вместе с другими заключёнными занималась погрузкой барж. Затем её повезли по Енисею в Норильск. Во время пути Евфросиния заступилась за профессора Николая Фёдоровского, над которым издевались уголовники, за что была ими избита.

В Норильск Евфросиния прибыла в августе 1944 года, работала на строительстве пятиэтажного городского дома, где повредила ногу, болезнь перешла в заражение крови, её госпитализировали в Центральную больницу Норильского лагеря.

В 1944 году Евфросиния получила ещё один 10-летний срок за «контрреволюционную агитацию».

После освобождения в 1952 году жила сначала в Норильске, а затем в Ессентуках, где в 1964–1970 гг. написала мемуары. В 1982 году они были распространены через самиздат,

а в 1990 году опубликованы в №№ 3 и 4 журнала «Огонёк», и в журналах «Знамя» (№№ 3–5) и британском «The Observer».

Евфросиния Антоновна Керсновская скончалась 8 марта 1994 г. в городе Ессентуки.

Рассказ о Евфросинии Керсновской продолжает *Нина Дзюбенко* (Сборник, кн. 6, 2005 г.).

«В картинках Евфросинии Антоновны – целая энциклопедия. В них такой познавательный материал, какой не может дать ни один добросовестный мемуарист, ни один сборник документов. Цепкий глаз художника схватывает ситуации, которые никогда не могли быть зафиксированы фото- и киносъемкой (не подпускали к ГУЛАГу фотографов и кинооператоров!): жизнь тюремных одинок и общих камер, ужасы пересылок, этапов, быт сталинских лагерных барачков, работа заключенных в больнице и на лесоповале, в морге и шахте. Керсновская помнит все – и как выглядела параша, и во что были одеты з/к, и как происходили допросы, «шмоны», драки, мытье в бане, оправка, захоронения «жмуриков», лагерная любовь. С лубочной лапидарностью, понятной и взрослому, и детям, рисует она свою двадцатилетнюю жизнь в ссылке и на каторге, своих товарищей по несчастью и палачей. А какие типы в этих рисунках: вертухаи, урки, профессора, наседки, спецкаторжане, малолетки, доходяги, крестьяне, «жучки», бригадиры, коблы, кумовья, проститутки! И все это схвачено Керсновской с кинематографической точностью. Почти нет никакой статики – все у нее движется, действует, «живет» в рисунке. Психологическая и эмоциональная нагруженность картинок – на пределе!»

Всю свою сибирскую каторгу и ссылку она отобразила в рисунках. По ним можно узнать многое из того, что ей пришлось перенести на строительстве коммунизма в одной отдельно взятой за горло стране. Цветные рисунки из тетрадей Е.А. Керсновской размещены в Интернете, например, в полном объеме на сайте www.gulag.su «Евфросиния Керсновская. Сколько стоит человек»), или в небольшом объеме на сайте www.istpravda.ru «Девять кругов ГУЛАГа Евфросинии Керсновской».

По дневникам Е. Керсновской сняты два документальных полнометражных фильма: «Евфросиния Керсновская. Житие» (В. Мелетин) и «Альбом» (Г. Илутдин).

«Дюжинину «доходяг» ведут на работу». Рис. Е. Керсновской. В эту книгу автор-составитель включил для иллюстрации два рисунка Евфросинии Антоновны. Конечно, черно-белая печать искажает ее цветные рисунки, за что приношу извинения, но в целом дают представление о самобытном творчестве художника

«...Вся моя жизнь в те годы была цепью таких безобразных и нелепых событий, которые не умещаются в разуме нормального человека и не доходят до чувства того, кто этого не пережил!» – так характеризовала Керсновская этот период.

Евфросиния Антоновна купила маленький домик в Ессентуках, привезла сюда маму, но их счастье длилось недолго – через три года ее мать умерла. И тогда Керсновская взялась за книгу о своей жизни, за иллюстрации к ней. Как много и тяжело она трудилась! Загружала баржи в Злобино, строила дома по ул. Севастопольской, была медсестрой в ЦБЛ, работала в «самом гостеприимном учреждении города – морге, хоронила «жмуриков» на кладбище, мыла полы в казармах, очищала от нечистот территорию ШИЗО, работала на ремонте железной дороги и в шахте. Там она и получила освобождение, но не паспорт. Самое

свободное место в лагере, которое она нашла, — это преисподняя: шахта. Но заработать на приличную пенсию ей не дали. Для Норильска она так и осталась «врагом». Для неправдоподобно правдивого человека, каким была Евфросиния Антоновна, советская власть оказалась не по-христиански лживой.

В воспоминаниях Керсновская называет много имен, знакомых и неизвестных нам. Упоминает о победителе Олимпийских игр из Эстонии. Эрик Оттович Штернбек, норильчанин, назвал его имя — Август Ню. Именно его жизнь спас в лагерной больнице доктор Л.Б. Мардна (очевидно, в тексте Нины Дзюбенко допущена неточность. Г.В. Аتماшкина, редактор сайта «Евфросиния Керсновская» считает, что речь идет о Кристиане Палусалу, а не о Августе Ню).

Стало известно, например, о том, что в Норильске были расстреляны десять из двадцати уцелевших в боях героев Брестской крепости.

*Е. Керсновская в год
своего пятидесятилетия.*

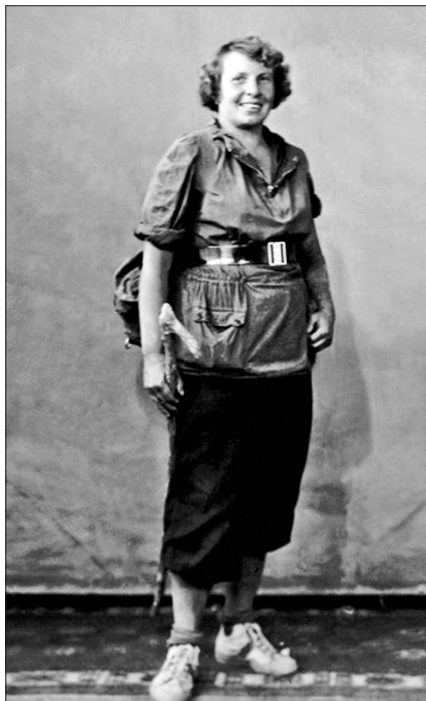
Ессентуки, 1957 г.

*После получения первой
телеграммы от матери
через 17 лет разлуки
Евфросиния решила:*

*«Прежде всего —
сфотографироваться.*

Сказано — сделано.

*Я в «походной форме»:
штормовка, кеды, рюкзак
за плечами, в руке — моя
«клюка». Это твоя дочь,
мама! Тебе не надо знать,
какой она была в те
ужасные годы испытаний.
Ты видишь улыбающегося
туриста. Так лучше!»*

До сих пор ученые-историки России спорят о том, какой социализм мы строили и какое у него было при этом лицо. Автор «Наскальной живописи» порядки советские назвала рабством. Она пишет: «Найдется ли свой Энгельс, который объяснит это ... научной точки зрения?»

Человек с большой буквы, всей своей жизнью утверждавшая силу правды, талантливая писательница и художница Евфросиния Антоновна Керсновская умерла в 1994 году, похоронена в Ессентуках. Но не закатилось солнце этой замечательной Личности – его не сможет затмить даже время».

В этой книге впервые публикуется в полном виде новелла Шамиса «Сестра Фрося» по сохранившейся у С.Л. Щеглова рукописи Иосифа Адольфовича.

Иосиф Шамис составил свои воспоминания о поразившем его человеке – Евфросинии Керсновской, «сестре Фрося», как ее называли в Центральной больнице Норильлага. С ней он был знаком с 1947 года.

Но в начале – предисловие *Сергея Львовича Щеглова* к несостоявшейся публикации в «Заполярной правде» в 2011г. полного текста очерка «Сестра Фрося»:

«Первое печатное упоминание о Евфросинии Керсновской было в Норильской газете «Заполярная правда».

О Евфросинье Керсновской после выхода в свет ее мемуаров и лагерных рисунков написано много исследований. Имя ее стало легендарным. А первым, кто сообщил норильчанам об этой замечательной женщине, был норильский историк и бытописатель Иосиф Адольфович Шамис (1902–1994). За десять лет до того, как ее имя стало известно миллионам россиян и иностранцев, он напечатал в газете «Заполярная правда» очерк под названием «Сестра Фрося».

Предлагаю читателям этот очерк в его первоначальном варианте, поскольку в «Заполярке» его опубликовали с сокращениями.

Читая сейчас воспоминания Шамиса, важно иметь в виду, что они написаны не о всемирно известной личности, а о рядовой труженице Норильска, работу которой Иосифу Адольфовичу довелось наблюдать.

Ореол известности нередко вынуждает приукрашивать, преувеличивать те или иные черты. Ценность записок Шамиса в том, что они сделаны задолго до того, как сам автор узнал, что Сестра Фрося не только замечательна в простом человеческом смысле – исключительной душевной чистоты, отзывчивости, трудолюбия и стойкости, но и еще обладала никому неизвестными талантами живописца и прозаика.

Важно учесть также, что Иосиф Адольфович писал это в те годы, когда рассказывать о советских концлагерях было негласно запрещено, упоминать слово «заключенный» можно было лишь в осудительном смысле: раз попал в тюрьму – значит за дело.

Потому не удивляйтесь, что в очерке Шамиса нет даже слов «лагерь», «зек» и тому подобных. Нет и той специфики быта и отношений, которая и составляет суть жизни Керсновской в Норильске. Воспоминания Шамиса изложены эзоповым языком, причем тщательно отредактированным самим автором в целях осторожности. В этом тоже их ценность как документа времени.

Я давно обещал Галине Ивановне Касабовой подробно написать о И.А. Шамисе, его жизни и судьбе, а также поделиться перепиской с ним, которая длилась много лет после его отъезда из Норильска в Москву, а оттуда в Нью-Йорк, где он и скончался. Надеюсь выполнить это обещание. А пока я считаю полезным и интересным ознакомить читателей издания с одним из примечательных произведений Иосифа Адольфовича.

Сергей Щеглов-Норильский,
Тула, июль 2011 г.»

К сожалению, такую подробную работу о И.А. Шамисе С.Л. Щеглов еще не написал.

Итак, полный вариант новеллы.

*Иосиф Адольфович Шамис
Первостроители Норильска*

Сестра Фрося

1

«Так звали ее больные, лежавшие в Центральной больнице, что размещалась у Куропаточного ручья. Из этого ясно, что ра-

ботала она медицинской сестрой. Но это не была ее профессия. По специальному образованию и по практике она была зоолог.

Общее же ее образование было завидное. Она знала историю и литературу, знала несколько европейских языков; даже сейчас, не имея практики, может справиться со многими иноязычными текстами.

Мало того, хотя Пушкин утверждал, что «Латынь из моды вышла ныне», Сестра Фрося знала «довольно по латыни» и знала, смеем думать, побольше самого Евгения Онегина...

Было ей тогда, у ручья Куропаточного, лет тридцать пять, может немного меньше. Рост выше среднего (для женщины); фигура сильная, подтянутая; быстрый, гордый взгляд выразительных глаз; стремительная походка. Право же, нельзя было пройти мимо, не обратив на нее пристального внимания, — она с первого взгляда оставляла, как говорили в старину, впечатление, только не в том отношении, что вы увидели «неотразимую»

Щеглов С.Л. читает первую публикацию о Е. Керсновской в норильской газете «Заполярная правда» — «Сестра Фрося», которую подготовил его сокамерник Иосиф Шамис. Вечер памяти Е.А. Керсновской в библиотеке. Тула, 15 ноября 2009 г.

представительницу «слабого» пола, – нет, она производила впечатление личности – сильной, одухотворенной. Знали ее в больнице как энергичного и неутомимого работника. День работать, затем дежурить и остаться еще на день, а то и на полные вторые сутки – отказа с ее стороны никогда не было. Любую работу в больнице она могла исполнить. Ночью, в пургу, в тапочках на босу ногу Сестра Фрося в упряжке с мужиком-санитаром могла тащить носилки через весь двор в морг с отошедшим в «лучший мир». Кстати сказать, она одно время работала в морге, сначала помогая патологоанатому, а вскоре и сама производила вскрытия и составляла документацию.

При этом она ясно отдавала себе отчет в важности этой необычной, непростой и нелегкой работы, ибо знала и понимала глубокий смысл знаменитой надписи золотыми буквами на латинском языке на фронтоне здания «анатомички» старейшего университета. Надпись эта известна многим медикам, особенно старших поколений, она гласит: «*Hic Locus est ubi mors goudeat securare vitam* (лат., это место (понимай: единственное место), где смерть радуется возможности помогать жизни). Огромное (на наш взгляд) количество вскрытий она лично выполнила – оно исчисляется сотнями. За один год ее работы в морге этой больницы.

Сестра Фрося всегда и всюду с полным сознанием своей ответственности относилась к работе, целиком отдаваясь ей, проявляя при этом не только обычную добросовестность, но, прямо-таки, фанатизм, поскольку, как она говорила, все это касается людей. И, конечно же, часто поступала в ущерб своим личным интересам, мало, кажется, думая о них, или во всяком случае, ставя личное на второй план. К примеру, была она донором – по доброй воле, конечно; получала вознаграждение за сданную кровь: пару банок сгущенки, сахар, но она все относилась тяжело больным, себе же – ничего!

Удивительная она была личность, незаурядная, особенная какая-то. Сказывали, что замужем не была и относится к этой проблеме якобы без интереса.

Это казалось странным, это было необычно, непонятно и вызывало недоумение, тем более, что за ней не отмечалось никаких отклонений от нормы.

Она была общительна и приветлива со всеми, полна любви к страждущему.

Для иллюстрации этого приведем здесь только два факта. При этом следует подчеркнуть, что об этих фактах знали не только в больнице, но и за ее пределами. И узнавали о них, конечно же, без какого-либо личного участия в этом Сестры Фроси, – помимо нее, – она, вообще никогда не кичилась своими достижениями. Далее заметим, что подробности, которые здесь приводятся, ни в малой степени не являются домыслами: они, как и сами факты в целом, в полной мере достоверны.

2

Хирургическое отделение, дежурная – Сестра Фрося. Телефонный звонок с Нулевого пикета: «К вам везут очень тяжелую травму». Сестра Фрося сразу же, как и положено, ставит кипятить инструменты и готовить аппарат переливания крови. Вызывает хирургов.

На операционном столе больной: мышцы его истерзаны, кости переломаны, губы белы – он потерял много крови. Больной в состоянии глубокого шока, но в сознании – случай редкий. Пауза, длительная пауза: надежд никаких.

В операционной хирург Ом., Сестра Фрося и еще две сестры – все на своих местах. Стоят они, удрученные своим бессилием спасти человека. Молчат... Вдруг Сестре Фросе почудилось, что губы больного шевелятся. Она быстро наклонилась к нему и как будто услышала его шепот: «Доктор, спасите! Мать! Жалко!.. Тем временем Сестра Фрося успела определить, что у больного та же группа крови, что и у нее (третья группа). И она среди полной тишины произносит:

– У него, доктор, моя группа крови. Может попытаться?

Исход предreshen – хирург не соглашается.

Снова молчание. Тягостная тишина...

Вдруг хирург обращается к Сестре Фросе: «Что ж, – говорит он ей (правда, недостаточно уверенным голосом), – если вы настаиваете...»

И вот идет срочное прямое из вены в вену от донора к реципиенту и, разумеется, без подогрева и без цитрата, переливание крови Сестры Фроси больному. Одна из сестер следит за процес-

сом, другая качает грушу. А хирург тем временем быстро и ловко перевязывает сосуды, предотвращая утечку крови. И вот... чудо свершилось: губы чуть-чуть порозовели, появился пульс – слабый, «нитевидный». Но это уже жизнь!

Но дело далеко еще не кончено. И опять стоит Сестра Фрося у изголовья больного, стоит босая – некогда тут обуваться. Сейчас все ее внимание – на наркозе, это хлороформ, с ним надлежит обращаться с чрезвычайной осторожностью, особенно при таком ослабленном больном, когда жизнь его еле теплится: тут при одной лишней капле хлороформа может наступить катастрофа, тут слабая жизнь может уступить вечному сну... А у самой, после сдачи крови, голова кружится, все, кажется, плывет перед глазами. Но надо собрать все силы, сосредоточить все внимание – надо! А операция идет, хоть кажется, конца ей не будет.

Но ее кровь, внимание, опыт и старания хирурга и сестер одержали верх. Начинают бинтовать, накладывать гипс. Сестра Фрося может обуваться. А отдыхать? Нельзя! Надо установить капельницу, обложить больного грелками, обеспечить кислородом, – словом, надо выхаживать больного. И выходила! Больной, потом уже, указывая на Сестру Фросю, говорил товарищам: «Не та мать, что родила, а та, которая своею кровью мне жизнь подарила».

3

Другой факт. То же хирургическое отделение. 18-летнего юношу привезли с ожогами кистей обеих рук. Работая в ночную смену, он споткнулся и упал на бак с расплавленным асфальтом – руками вперед. Ожог 4-ой степени. Надежд никаких, неизбежна ампутация кистей. К 18 годам остаться беспомощным калекой!

Дело было ночью в воскресенье. Хирург отдал Сестре Фросе распоряжение готовить к ампутации в среду (ближайший операционный день для такого рода операций).

В понедельник, – ни свет, ни заря, – за два часа до подъема, Сестра Фрося была уже в перевязочной и занялась больным. Специальными пинцетами она удаляла мельчайшие частицы асфальта, ввевшегося в ткани, размачивала раны марганцовкой,

очищала спиртом. Под конец она покрыла всю обожженную площадь сульфидиновой эмульсией.

Два часа длилась эта процедура, эта напряженная ювелирная работа. Пот струился по лицу больного. Обливалась потом и Сестра Фрося.

То же повторилось и во вторник, и в среду.

– Подавай больного на ампутацию, – дает команду хирург.

– Доктор, – отвечает Сестра Фрося, – я уже его сегодня обработала.

– А как его температура?

– Он не температурит, – сообщила она.

– Ладно, – сказал хирург, – я и так устал (ночью он делал срочную операцию по поводу перфоративной язвы), подготовьте на субботу.

В четверг, пятницу и субботу Сестра Фрося делала ту же обработку обожженных кистей и давала хирургу информацию о больном: она его уже обработала, он не температурит и т. д.

Наконец, в следующую среду, когда Сестра Фрося опять отчиталась, обычно выдержанный хирург «вскипел»:

– Должен же я когда-нибудь увидеть своего больного!

Он долго внимательно разглядывал руки больного, переводя взгляд с ужасных рук на Сестру Фросю.

– Что ж, – заявил доктор, – признаков гангрены нет, он не температурит, попытаемся вести консервативно. Продолжайте так же...

4

Работа в перевязочной шла к концу – Сестра Фрося укладывала инструмент, хирург делал записи в истории болезни. Вдруг, не поднимая головы от записей, хирург заявляет:

– Вы – плохой подчиненный, но очень хороший человек.

– Плохо было бы, будь это наоборот, – отпарировала Сестра Фрося.

Как отмечено, случаи эти стали известны за пределами больницы, узнали обе матери из подробных писем сыновей. Матери поручали им передать Сестре Фросе их материнскую благодарность и благословение.

Позже, встретив Сестру Фросю, юноша протянул к ней свои руки со словами:

– Сестра, это не мои руки, это твои руки!

И дальше сказал, что он разрабатывает руки, выполняя процедуры, указанные Сестрой Фросей. И добавил:

– С левой рукой совсем уж хорошо, будет также и с правой.

А Сестра Фрося заметила тут, что благословение хоть и чужой матери, но идущее от самого сердца, стоит выше и стоит больше любых благ.

5

Рассказывая (очень коротко) о делах этой больницы, нельзя не сказать хоть в немногих словах о коллективе ее врачей (чтобы достаточно полно рассказать о медицине на далекой северной окраине и ее врачах и делах в ранние годы становления Норильска, понадобилось бы написать не один том).

Здесь были врачи многих специальностей – во всяком случае, им были под силу, кажется, любые задачи. Знания и опыт были на высоком уровне. Отношение к работе – безупречное. Сестра Фрося рассказала, что хирург К. однажды в операционный день сделал 14 операций, ему ассистировали три хирурга, так как после плановых операций «посыпались внеплановые» и все сложные: заворот кишок, перфоративная язва и т. п.

Только приляжет он отдохнуть – приходится его будить, но только тронет его за плечо Сестра Фрося, как он встрепенется: «Что? Операция? Иду!»

Атмосфера в больнице была благоприятная для работы. Единый дружный коллектив был на высоте своего нравственного призвания и профессионального назначения.

6

Случилось однажды так, что дежурство выпало хирургу – новичку в этих широтах. Человек он был немолодой; мнение о нем в коллективе еще не сложилось, хотя кое-кто успел заметить – и утверждать, что новичок не лишен самомнения.

В это дежурство выпало сделать операцию двум больным, страдавшим одинаковой болезнью. Методика такой операции была полностью отработана местными хирургами. Новый хирург заявил, что он проведет операции, как он выразился, классическим методом.

И надо было так случиться, что именно Сестра Фрося получила указание готовиться к «классической операции». Она, конечно, сразу отдала себе отчет в том, чем может это кончиться...

Но тон задает хирург, только он наделен правом определить метод операции, он – хозяин положения и он же несет личную ответственность за свое решение и работу.

Дело сестры – строго выполнять назначения хирурга, и все.

Но как быть в случае, когда складывается ситуация, при которой сестра всем своим опытом, знаниями и даже интуицией видит и чувствует, что надо сделать по-иному, чем наметил данный хирург?

Как быть, если Сестра Фрося не согласна с хирургом? Исполнить то, что она считает неправильным, что может привести к губительным последствиям, как быть? Слепо подчиниться? И этим самым стать соучастником данного дела? Конечно, она, хирургическая сестра, формально не отвечает за решение хирурга. Но есть же у человека свой внутренний судья, есть то, что называется честность перед собой, есть профессиональная этика... Трудная, очень трудная задача, когда речь идет о жизни двух людей, о неизбежности – по глубокому, непоколебимому убеждению Сестры Фроси – летального исхода.

После всего, что говорилось выше о Сестре Фросе, каждый поймет, что не честолюбие или самолюбие могли руководить ею в принятии решения – нет! Только глубокая вера в правильности своей позиции была единственным критерием. И раз так, раз она признала необходимым принять данное решение, она уже не отступилась от него – какие бы трудности ни предстояло преодолеть.

7

И она, как выразилась, распрощалась с медициной. Она так резюмировала свое отношение к медицине. Для нее, говорила она, медицина – это помощь страдающим. Это не занятие, дающее возможность безбедно прожить свою жизнь, – это призвание! Оно обязывает отводить смерть от изголовья тех, к кому она подбирается. Такая позиция, – делает она вывод из пережитого, – неизбежно приводит к конфликту с теми, кто понимает и думает иначе.

Легко ли ей было распрощаться с медициной или трудно; легко или трудно избрать другое поприще – об этом никто не знал: не в ее характере обременять ближних своими невзгодами, искать у них сочувствие.

И пошла наша Фрося (теперь уже не «Сестра Фрося», а просто Фрося) не на легкую работу, не на дешевые хлеба – пошла обдуманно, сознательно, хорошо понимая все последствия своего решения.

Пошла наша героиня в ... шахтеры, на работу под землей – уголек добывать; сменила она свой белый халат на шахтерскую спецовку. Здоровье хорошее, сила воли – отменная, трудностей не боялась. Главное же, думается, это было желание подвергнуть себя трудным испытаниям, чтобы проверить, на что способна, – и она ринулась в бой.

О! Она и здесь оказалась на высоте (хотя работала под землей): нормы выработки всегда перевыполняла; относясь к работе исключительно вдумчиво, она помогала улучшению производственных процессов, внося ряд рационализаторских предложений. На ее счету – случаи, когда она самоотверженно кидалась спасать людей в шахте. И так она проработала под землей без перерывов 13,5 лет, календарных тринадцать с половиной лет...

Но и сейчас она не сидит без дела, и сейчас занимается физическим трудом общественной значимости. И тоже по призванию, и тоже бескорыстно, как и тогда, когда она, Сестра Фрося, отдавала свой донорский «гонорар» тяжело больным в больнице у ручья Куропаточный...

Но это – уже отдельная тема.

И. Шамис (ветеран Норильска)

Март, 1986, Москва».

Другой вариант новеллы *И.А. Шамиса «Сестра Фрося»*, помещенный ниже, был опубликован в газете «Заполярная правда» в 2002 году и размещен на вышеуказанном сайте, на странице «Воспоминания людей, знавших Е. Керсновскую»:

«Сестра Фрося» – так звали ее больные, лежавшие в Центральной больнице, что у Куропаточного ручья. Но это не было

ее профессией. По специальному образованию она была зоологом. Общее же образование было завидное. Она знала историю и литературу, несколько европейских языков. И сейчас, не имея практики, она могла бы с помощью словаря справиться со многими иноязычными текстами. Мало того, хотя Пушкин сказал, что «латынь из моды вышла ныне», сестра Фрося знала и по-латыни.

Было ей лет тридцать пять, а, может, немного меньше. Выше среднего (для женщины) роста; подтянутая, сильная фигура; быстрый, приветливый, но гордый взгляд выразительных умных глаз; стремительная походка, — право же, нельзя было пройти мимо, не засмотревшись на нее: она с первого взгляда, как говорили в старину, оставляла впечатление. Только не в том смысле, что вы увидели прекрасную представительницу «слабого» пола — нет! Она производила впечатление личности — сильной, одухотворенной. Она была энергична и неутомима. Сутки работать и дежурить и остаться еще на день, а то и на вторые сутки — отказа с ее стороны никогда не было. Любую работу, не говоря о работе сестры, она могла исполнить. Ночью, в пургу, в тапочках на босу ногу, сестра Фрося в упряжке с мужиком-санитаром могла тащить носилки с ушедшим в «лучший мир» через весь двор — в морг.

Одно время она, из чистой любознательности, стала работать в морге, помогая патологоанатому при вскрытиях. Была она донором — по доброй воле, конечно. Получала и вознаграждение, от которого не отказывалась, в виде продуктов: сгущенное молоко (пара баночек), сахар; но себе не оставляла ничего: все отдавала тяжелобольным.

Удивительная была личность сестра Фрося: незаурядная, особенная. Сказывали, что замужем не была и относится якобы к сему делу без интереса. Это казалось странным, это было необычно, непонятно, вызывало недоумение...

Она была общительна, полна силы, энергии и деятельности; приветливая, скромная, полная любви к страждущему, — словом, это был по-настоящему интеллигентный человек со многими достоинствами.

Для полноты портрета этой личности надо добавить, что она терпеть не могла людей корыстных, жадных ко всяким благам. Не очень считаясь с этикой, к таким людям она не только не от-

носилась равнодушно, но могла им в глаза показать свое презрение. Она не относилась к тем, которые «к добру и злу постыдно равнодушны», как писал Лермонтов.

Впрочем, ее стихия – делать добро, и это было главным для нее.

...И еще одно, далеко не малое достоинство.

Была зима. Шел к концу новый послевоенный год. Ночь. Сестра Фрося дежурит по терапевтическому отделению больницы. Тишина кругом. Одному из ходячих больных что-то понадобилось и он поплелся в дежурку, дверь которой была приоткрыта. Каково было его удивление, когда он заметил, что сестра занята... рисованием. Больной смутился и решил тихо ретироваться, но сестра Фрося кивком головы показала, что он может остаться. Перед ней на столике была небольшая стопка карточек из серо-белого тонкого картона размером в почтовую открытку, рядом – блюдце с раствором марганцовки. Она макала палец и водила им по картонке. Лежал еще черный карандаш – им она, очевидно, наносила контуры рисунка.

В те годы, надо заметить, в Норильске не заводили еще такую «роскошь» как праздничные поздравительные открытки. А тут грядет Новый год, и женщина-врач попросила сестру Фросю сделать несколько открыток для детей; принесла картон, но ни красок, ни цветных карандашей не было. И в ход пошла марганцовка.

Сестра Фрося изображала животных – и какими же она их представляла! У всех ее животных – человеческое выражение глаз.

Фросины кони, медведи, лисицы и другие – это живые существа!

Вот Михаил Топтыгин идет на охоту – любо-дорого на него поглядеть. На нем куртка с кушаком, на голове шляпа с веточкой и цветком, на спине рюкзак и ружье за спиной, в зубах трубка дымится. Шагает он по тропе широким шагом – вся его фигура дышит уверенностью, шутка сказать: хозяин леса! А хитрющие глаза он скосил на зрителя...

А вот Михаил взобрался на дерево, спасаясь от комаров; в передних лапах – большой сук, которым он пытается отбиться от них. Тщетно! Она и на дереве его изводят – жалят в самое чув-

ствительное место – нос. Пасть у него разверста, клыки и язык видны, глаза злые, но какой же у него, в целом, жалкий вид! Задние лапы беспомощно свисают, плечи опущены – он уже устал от борьбы, он выдохся; кажется, взор его угасает.

Вот лисичка-сестричка в легком платьице прыгает задними лапками через скакалку, которую держит передними лапками и управляет скакалкой. Право, стоит полюбоваться ею. Она – вся грация, а взгляд – весело-озорной, какой бывает у оторвавшейся от бдительной бабушки внучки-первоклашки.

А вот еще картина. Околица деревни, лужайка, она перегорожена простой изгородью: редкие жерди – стойки и горизонтально укрепленные на них длинные жерди – слеги. По обе стороны изгороди – две лошадки; разной масти, очевидно разнополые. Они совсем молоды. Все в них стройно – от копыт с бабками до красивых ноздрей и чутких ушей. Великолепные их головы покоятся друг у друга на изящно изогнутых шеях. Стоят, искоса глядят на зрителя. Но для чего же они встретились, что хотят друг от друга? Этого не определить, а художник прямо не открыл нам истины. Мирная картинка? Может, художник просто показал человеку красоту творения природы: нате, полюбуйте, наслаждайтесь видом братьев своих меньших!

Удивительные рисунки! В дальнейшем у сестры Фроси появились цветные карандаши и даже акварельные краски – еще живее выглядели ее зверушки.

Открытки она дарила взрослым для детей, они доставляли им радость, особенно многим из них, которые, живя в Норильске, были лишены возможности видеть живых животных.

Одна маленькая девочка поехала с мамой на отдых вверх по реке за полторы тысячи километров, увидела живого петуха и так растерялась, что поспешила спрятаться за мамину юбку.

Спасибо этому чудесному художнику!

Кое-кто расплачивался за открытки (той же сгущенкой, сахаром), и, как в случаях с донорством, сестра Фрося не отказывалась он гонорара, потому что не для себя она соглашалась брать эти даяния: она тут же отправлялась в палаты к тяжелобольным, неся им угощение.

Да, совершенно бескорыстной была Сестра Фрося – человек, художник».

В сентябре 1944 года Иосиф Адольфович тяжело заболел – организм не вынес изнуряющих условий непрерывной работы на стройке в условиях холода и полуголода.

Яркой характеристикой той ситуации является обнаруженная мною в архиве С.Л. Щеглова т. н. «фактическая справка», удостоверяющая некоторые подробности работы и заболевания И.А. Шамиса:

«Приложение № 6

Подлинники находятся в Комбинате и у
заявителя жалобы.

ФАКТИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Я, нижеподписавшийся, подтверждаю следующие, известные мне факты относительно работы в Норильском комбинате тов. Шамиса Иосифа Адольфовича.

Тов. Шамис работал на руднике открытых работ с 1941 года и был одним из первых строителей на площадках Угольного Ручья, Горы Рудной и Медвежьего Ручья. В 1941–1948 гг. я знал И.А. Шамиса как физически выносливого, здорового и энергичного работника.

В 1943 году перед рудниками встала задача – в возможно быстрый срок построить собственный завод ВВ; в условиях военного времени острый недостаток взрывчатки грозил остановкой проходческих работ. Тов. Шамис был назначен начальником строительного участка на площадке Медвежьего Ручья, представляющего в те времена нетронутую горную тундру, отделенную от жилых центров полным бездорожьем.

Строительство завода ВВ и монтажные работы велись непрерывно, в три смены, включая активирование по метеорологическим условиям и выходные дни. Тов. Шамис вынужден был оставаться на площадке неделями, без нормальных условий отдыха и горячей пищи. Перед самым пуском завода, в сентябре 1944 года, тов. Шамис, находясь на работе, заболел, но свои служебные обязанности не оставил, рассчитывая полностью сдать все строительные и монтажные работы. Однако заболевание

прогрессировало и в конце сентября 1944 г. больной в очень тяжелом состоянии был отправлен с рудника в больницу.

Выйдя из больницы в 1945 году, тов. Шамис уже не был в состоянии вернуться к работе в особых условиях строительства на рудник открытых работ.

14/VIII-56 г.

Начальник Отдела труда и заработной платы рудника

«Угольный Ручей» /Шульман Борис Абрамович/

работник рудников открытых работ с 1940 года /подпись/

Подпись тов. Шульмана Бориса Абрамовича заверяю:

Председатель профсоюзного комитета рудника «Угольный Ручей» /подпись/

Изложенные факты подтверждаю: Директор рудника

«Медвежий Ручей» /Левин Э.А./

Факты подтверждают: и.о. начальника Оксикливитного

Завода /Щеглов С.Л./, работник (неразборчиво) с 1942 года

Зам.директора комбината /И.В. Усевич/

31/VIII-56 г.

верно: /подпись/»

В тяжелом состоянии, как оказалось, с крупозным воспалением легких Иосифа Адольфовича доставили в Центральную больницу Норильска, где судьба его свела с медицинской сестрой Евфросинией Керсновской, «сестрой Фросей», как ее называли норильчане.

Сестра Фрося спасла жизнь неизвестному ей до этого Шамису, сделав ему прямое переливание своей крови. Эти теплые воспоминания нашли свое отражение в новелле «Сестра Фрося», написанной Иосифом Адольфовичем в марте 1986 г.

В теме знакомства в Норильске и переписки между Шамисом и Керсновской немало белых пятен.

В начале – отрывки из писем Иосифа Адольфовича своему другу Сергею Львовичу, где упоминается «Сестра Фрося» – Евфросинья Керсновская.

«Как бы тебя дела ни торопили, советую полностью вылечиться, а то будут рецидивы: такие травмы требуют полной ликвидации.

У моей Фроси было окрошение в области бедра, она работала в шахте отбойным молотком, один конец упирается где-то в таз – после многолетней работы было окрошение шейки бедра, перенесла (в Риге) сложную операцию и т. д. (письмо от 24 марта 1983 г.).

«Очень беспокоюсь, что не дошло до тебя письмо Фроси – кошмар! Я сам вложил его в конверт с моим письмом и сам опустил в ящик. Сердитое было письмо...» (письмо от 6 февраля 1986 г.).

«Волнуюсь по поводу письма Фроси. Не получил ты его? Ты меня, кажется, спрашивал о твоём письме с приложением Снеговского, – так я же писал тебе, что получил твою машинописную копию его письма. И написал свой отзыв об этом «сочинении» Снегова. И, по-моему, сей отзыв был в том же конверте, что и письмо Фроси. Б-г с ним, с отзывом, но где письмо Фроси? Пусть там, на почтамте, проверят все ящики – может завалялось где-то. Напиши мне об этом!» (письмо от 12 февраля 1986 г.).

«Сестра Фрося». Я изъял большую главку о ее художественном таланте. Ты видел у меня ее Тиберду. Я мог бы о ней много

Леонхард Бернхардович Мардна (1901—1982), бывший заключенный, заведующий терапевтическим отделением Центральной больницы Норильского лагеря и Евфросиния Керсновская во время ее велосипедного путешествия в Таллинн. Июнь 1951 г.

написать: личность – редчайшая! Будешь у меня – расскажу. Копии я послал для «АЩ», нисколько не возражаю, если ты пошлешь Володе. Только еще малость обожди с этим.

Обстоятельства ухода из медицины ясны: «Бурбон» – хирург, новый человек из в/н, Елизавета Ивановна Урванцева – начальник больницы – где тут искать истины! И пошла в шахтеры и 13,5 лет работала отбойным молотком под землей!...

«К» – это, конечно, В.А. Кузнецов. Я его полностью назвал в «Новелле», а в «Сестре Фросе» почему-то выдумалось не называть его и хирурга «Ом» (Омельчук), – полнишь, как она его, Фрося, отбрила: «Плохо было бы, будь это наоборот» (хороший человек и плохой подчиненный)» (письмо от 7 апреля 1986 г.).

«Получил письмо от Фроси – ответы на мои вопросы, но очень короткие, неисчерпывающие, и не на все вопросы ответила. Весна у нее: и цветы, кусты и т. п. – суток не хватает. И, как всегда, gratis – не только утром, но еще отбиваться приходится в борьбе за красу земли – такой парадокс» (письмо от 6 мая 1986 г.).

«Хотел бы Фросю принять, о чем ей писал, тогда бы легче «разговорить» ее, но пока вопрос открытым остается» (письмо от 17 мая 1986 г.).

«С Фросей не так легко: не любит говорить о себе. Сегодня опять запросил ее по ряду вопросов. Если будем живы, может еще напишем новеллу о ней, пока – не все еще увезено».

«Дорогой Сережа! Нет вестей от тебя, и мне беспокойно на душе...

Нет весточки и от «Сестры Фроси» – я ее послал в «Заполярную правду» со строками о ней».

«Получил письмо от «Фроси», в которой рассказывает с гордостью о своей 13,5-летней работе под землей; отзыв о моих строках в «Заполярной правде» обещает в следующем письме (письмо от 10 февраля 1987 г.).

«Кто-то мне прислал из Москвы «Огонек» №№ 3 и 4 за 1990 год со статьей «Житие Евросиньи Керсновской» с великолепнейшими рисунками из той жизни. Я узнал ее в центральной больнице у Куропат. Ручья (куда я попал с Медвежки, строя завод В/В). Фрося – сильная, смелая, умная, бесстрашная, самоотверженная, честная, образованная, знает 9 языков. Художница от

Б-га. После реабилитации купила небольшой домик с садиком в Ессентуках, где живет до сих пор. *Ряд лет с интересом переписывались.* Был инсульт. Вот бы тебе, Сережа, поехать в творческую командировку в Ессентуки и написать книгу с ее рисунками (в цвете). Вот была бы Сага о Севере, памятник нерукотворный. Фон-Норильск, бытие наше. Ее домашний адрес можно узнать через справочное бюро г. Ессентуки. Это очень интересно, это наш долг; в Библии сказано: «Если я не для себя, кто за меня?» Первым делом достань в библиотеке номера «Огонька» – не оторвешься! Я благославляю тебя на этот труд. Если ты возьмешься, я дам воспоминания о больнице, о Фросе и другом (мне уже такое дело не поднять)» (письмо от 27 марта 1992 г.).

О характерах мужественных норильчан дает некоторое представление опубликованная на сайте www.gulag.su на странице Е.А. Керсновской в разделе «Письма...» следующая переписка, в которой Сестра Фрося вспоминает своего пациента Шамиса, называя его скромно «Ш».

Евфросиния Керсновская – Лидии Ройтер. 16 февраля 1980 года

«Дорогая Лидия Эразмовна!

Вижу, что Вы все никак не избавитесь от «гриппа», хотя «хронического гриппа» в природе не существует. Иное дело – когда нос хронически мокрый, першит и побаливает горло и грудь «заложена». Это – вполне реальная неприятность. К тому же – добровольная. А добровольна она потому, что те, кто этим страдает, сами виноваты, так как не признают важнейшего фактора – закалки. Разумеется, если вздумаете «закаляться» зимой, или хотя бы осенью, то ничего, кроме ангины, бронхита и гриппа, не получится. Закаляться надо начиная с жаркого времени года. Не следует пытаться «приучить себя к холоду». Нет! Не к «холоду», а к перепадам температуры. Вот, например: встали утром и ходите по комнате голышом. Когда станет холодно – оденьте что-нибудь легкое и сделайте зарядку. И обязательно – обтирание! Тоже не сразу ледяной водой, а постепенно. И «обтирание досуха» вовсе не обязательно. Сперва обтирайтесь, а затем привыкнете и высыхать. Сперва в комнате, а затем уже не будет опа-

сности промокнуть под любым дождем. Самое главное – постепенность и настойчивость. И, разумеется, не пытаться избегать малейшего ветерка, глотка холодной воды, и не одевать пальто, чтобы на полминуты выйти в прихожую. А то: понизилась температура на пять градусов? Значит надо надеть это пальто. Что, похолодало еще на три градуса? Значит надо шарф на горло... А теперь – еще похолодало градусов на десять-пятнадцать? Тут уж нужна шуба и валенки.

Если боишься простуды и «перестраховываешь» себя по десять раз на дню, то это не жизнь, а сплошной насморк! Не следует только:

- 1) если промок – двигайся; устал – не устал – двигайся!
- 2) не доводить себя до озноба, когда от холода начинается дрожь, особенно – спина, меж лопаток.

И еще... поменьше думать о простуде. Это, впрочем, относится ко всем видам болезней! Давно замечено (еще в старину), что если в бане подумаешь: «Как бы не подцепить какой-либо пакости», – так обязательно какой-нибудь лишай подцепишь! От самовнушения можно не только заболеть, но и дуба дать!

Однако, хотя грипп – штука неприятная, но... есть неприятности и серьезней. Тут уже никакая закалка не поможет: это злость человеческая и... неосторожность (легкомысленность? доверчивость?). Тут уж не Вы мне, а я Вам могу сделать упрек. Я не придерживаюсь лозунга: «Не хочешь, чтобы узнал враг? Скрой от друга!» (хоть и признаю его справедливость). «Рысак» Ваши дали старательно запечатанный пакет. Вы его вскрыли, сами прочли и В. дали прочесть. И правильно сделали. Но... Надо было предупредить. Вам-то – ничего; на худой конец – замечание. И – все. А я... все же предпочитаю умереть у себя дома, чем в тюрьме.

С III. я в переписке не состою. Вернее – не состояла. В последний раз я его видела тридцать четыре года тому назад. Он был очень тяжело болен – хронический сепсис – зеленый стафилококк в крови. Это болезнь смертельная. (Обычно – инфекционный бородавчатый эндокардит и – амба!) Мардна очень старался вызволить его из беды. Ну а я ему помогала. Сколько вливания, сколько переливаний крови (в том числе – сыворотки моей крови)! Мардна ко всем больным относился в высшей степени

добросовестно, чего и от своих «средних» требовал. Ну а у меня всегда была склонность «расшибать лоб», если уж начинала молиться. Одним словом, против ожидания, **Ш.** выкарабкался, и он сохранил благодарную память к Мардне. А заодно – ко мне. А об этом мне как-то, года три тому назад, сказал его племянник (он же – его воспитанник). Он лечился здесь в санатории и заходил ко мне «засвидетельствовать свою преданность» и т. п. Он отдыхал в «партийном санатории», а это не предрасполагало к «излияниям». Однако, по его просьбе, я ему дала пейзажик Домбая, нарисованный в те времена, когда я там лазила.

И еще – букет пионов. И все. Ни словом, ни пол-словом мы не обменялись вплоть до того, что он мне написал после разговора с В. на «поминках» свата. Это письмо я Вам и пересылаю: убедитесь, кто из нас допустил неосторожность? **Ш.** я, разумеется, ответила (я всегда всем отвечаю). Просил картинки для внучки. У меня были – разные белочки и медвежата. Я ему их послала. Подчеркнула, что я – не художник, и к литературе отношения не имею. То, что написала – это «скальная живопись», смотря на которую, люди узнают, как в свое время наши отдаленные предки охотились на мамонта и саблезубого тигра. И все!

Дай Бог, что б на этом все и закончилось! **Ш.** хорошо знал Ваших сватов. Вернее, ныне покойника свата. Сам он уехал в 56-м году. А В. знал, так как он был на квартире у его знакомых на Арбате. Да Вы это и сами знаете.

Жизнь сложилась так, что приходится быть «пуганой вороной»... но это при одном условии: если ты и впрямь не человек, а ворона. Например, наши друзья М. до того пуганы, что боятся не то что прочесть, а просто в руках подержать. Мне даже обидно: никто не говорит, что об этом надо трубить на перекрестках, но все же...

В настоящее время все трудней и трудней найти в библиотеке что-либо, что стоит прочесть. Даже Пикуля изъяли (кроме Распутина). В последнее время столько поэтов и писателей попало в немилость, что библиотекари «перестраховываются»: кто знает, кто будет следующий подвергнутый «остракизму». А вдруг книга будет «на руках» и ее не вернут? Так лучше ее припрятать подальше. И выдают лишь то, что Вы называете «рубай по врагу!»

Читаю сейчас «Белую Гвардию» Булгакова. Читаю с трудом и с отвращением. Это тоже «скальная живопись». Только иной эпохи. Но именно потому, что я это видела, пусть «детскими глазами», но в те годы я столько повидала, что поняла и то, что детям не следовало бы знать. Удивляюсь только, что издано это в 1966 году. И еще без «косметического ремонта». Для театра это уже «подогнано под ответ».

То, что Вы рекомендуете – постараюсь прочесть. Если Вам что-нибудь попадется подходящее – запишите для памяти. Иногда в читальном зале есть. Только там на руки не дают. А читать девять часов подряд – глаза у меня – увы – не выдерживают...

У нас несколько дней была оттепель, а теперь – опять мороз. Хотя нынче весна должна быть ранней (ранняя Пасха – 9 апреля), но боюсь «затяжной» весны: больно уж осень была хорошая!

Всего Вам доброго!

Е.А.

Извините: написала, как курица – лапкой, но я себя очень неважно чувствую.

Ф».

Приложение: письмо:

«Уважаемая Евфросиния Антоновна!

Пишет Вам Иосиф Адольфович Шамис. Представьте себе, я еще жив.

На днях я был на одном, как говорили в старину, званом обеде. Там был Владимир Ройтер. Вспоминали земляков, и Володя стал о Вас рассказывать. И с каким восторгом! О Ваших блестящих литературных способностях, о прекрасном художественном даровании, о Ваших трудах; он подробно разбирал все, что ему известно о них. Мне так было приятно слышать обо всем этом, но я его не прерывал. А когда он закончил, я включился и рассказал, что знал тогда, когда мы еще были молоды и просто звали Вас «Фрося», а также то, что мне говорил о Вас доктор Мардна. Все это доставило мне большое удовольствие и удовлетворение. Но я был и опечален, когда говорилось, что у вас тяжелая болезнь суставов, что ходите только на костылях...

Я хотел бы знать о Вашем здоровье. Если Вам не трудно, напишите, пожалуйста, будем очень рады.

До сих пор висит в моей комнате Ваш этюд маслом – Теберда, – который мне привез мой племянник Юлий Борисович. Он был у Вас дома несколько лет тому назад.

Без ложного стыда скажу Вам, что я счастлив бы иметь какой-нибудь из Ваших рисунков зверюшек – я показал бы своей маленькой внучке Маше (шесть с половиной лет), она очень любит свою собачку Дингу и ходит с расцарапанными руками...

Рад был, очень рад был слышать о Вас, любезная Евфросиния Антоновна, еще более буду рад получить Ваш отклик на мою эпистолу.

С дружеским приветом и с Новым Годом!

14 января 1980 года

И.Ш.».

Евфросиния Керсновская – Лидии Ройтер. 4 марта 1980 года

«Дорогая Лидия Эразмовна!

Прочитала Ваше письмо... и даже смешно стало: ну о какой там «нетактичности» речь?! Ш. – неплохой, и, во всяком случае, вполне порядочный человек; В. об этом знает. А если и сказал, может быть, больше, чем это предписывает «осторожность», то – ей-Богу – до того уж осточертело чувствовать себя «как мышь под метлой» (лично я никогда подобной «мышью» себя не чувствовала!), что приятно слышать, что кто-то имеет свой «взгляд на вещи» и не оглядывается, и не заглядывает под стол, прежде чем высказать то, что думает! Всегда молчать невозможно, а говорить только то, что «апробировано» вышестоящей инстанцией? Бр-р! Так недолго и попугаем стать.

С некоторой натяжкой я могу согласиться с Дарвином, когда он утверждает, что человек произошел от обезьяны (если отбросить понятие о «душе», то во всем ином сходство иногда напрашивается на подобный вывод!) Но вот в чем я безусловно уверена, это в том, что из попугая никогда человека не получится! И меня просто удручает, когда люди даже не пытаются думать, наблюдать, делать выводы, а просто механически повторяют любую нелепость... если на ней – «знак качества».

Вы не любите Андерсена. А я нахожу, что трудно найти что-либо более мудрое, чем «Голый Король»! Сколько «придворных»

(и не придворных) холуев восторгаются, восхваляют и обрушивают свой гнев на тех, кто видит, что нет никаких «пышных одежд» и умопомрачительных достижений там, где лишь «стыд и срам»! Разве не прав тот, кто скажет: «Да протрите же глаза! Взгляните правде в лицо, признайте свои ошибки – «вольные же или невольные» – и постарайтесь исправить то, что еще исправить можно!»

Я не осуждаю (вернее, не очень осуждаю) наших Мовсесянов. Единственная их мечта – «Пусть хуже не будет!» (мысленно добавляя: «пока я живу...»). У них детей нет, а о чужих детях, о стране, о человечестве вообще... Нет! О будущем они не думают. У них его нет. Нет «будущего» и у меня. Но... Должно быть это у меня в крови – не очень задумываться о себе.

Ну, а вот, к примеру, Вы. У Вас – сын. Внуки. Это – будущее!

Жизнь – это дорога. Разве это не естественный долг – указать, где на дороге трясина, тупик, обрыв, где и какая опасность? Можно сказать: «это – пройденный путь». Нет! Все повторяется! И в первую очередь – ошибки. А некоторые «ошибки» оборачиваются преступлениями. Иногда – в мировом масштабе.

Ну да ладно! Довольно об этом писать! Весна – не за горами. Медведи вылезут из берлог; Вы – из подвала... А Земля, как известно, круглая, и все пути пересекаются. Так что будет совсем неплохо, если Вы заглянете в наши края. Вы любите прогулки. У Кати соседка, Марья Васильевна, как вышла на пенсию, так и стала гулять по окрестностям Кисловодска. И Вам – неплохо легкие провентилировать! Эх! Нет у меня ног... И – что еще хуже – сердце барахлит. Я бы Вам такие «нехоженые тропы» показала – с зубро-бизонами, дикими свиньями и прочим. А какие там водопады, леса! Эх... никогда не надо откладывать.

Я еще успела пройтись по Военно-Грузинской дороге... где теперь взорвана «Пронеси, Господи» и всюду – асфальт; я бывала в Шеви, на Военно-Осетинской дороге, куда художники «на этюды» ездили. Теперь леса вырубili – одни пеньки торчат. Я видела Голубую Рицу. Теперь она «облысела» и стала «Серой Рицей». Когда Ваш Костя подрастет – что останется ему?

Как я понимаю Астафьева, когда он говорит о браконьерах, охотниках, туристах. Это действительно написано кровью сердца. Так эти «туристы» добираются в далекую чертову трущобу.

А тут поблизости! Сколько возмутительнейших картин наблюдала я сама!

Одним словом, не застревайте в своем «подполье».

Ну, а я... Дела мои очень неважны. Разумеется, тогда, когда я «устанавливала рекорды» в шахте, у сердца получилась «рабочая гипертрофия»; когда же сердечная мышца ослабла и почти атрофировалась, то сердце превратилось в дряблый мешок. А это – декомпенсированная миокардиодистрофия, отеки, одышка... Ну что ж. Как-никак семьдесят три года.

А пока что жду весну. Наточила свой сельхозинструмент и посмотрим – чья возьмет?

Наши друзья, Мовсесяны – раскисли. Их нужно «накачать», а то они совсем одрябли. (...) Аня... Даже не знаю, чем ее «подхлестнуть»? Правда, и соседи у них все один за другим умирают или на пути к тому. И я – не ах!

Даже не знаю, что сможет их отвлечь? Софья Богдановна – молодец. Она тоже сильно сдала. Это еще чудо, что она – и так выкабкалась!

Хоть бы весна была дружная! Но здесь это – редкость. Здесь обычно осень хороша. Однако нынче и осень была – не ах! А весна... Вот уже три года, как нет абрикосов, так как поздние заморозки их губят. А у меня еще («не имела баба хлопот!») забота об Арише, бывшей домработнице сестер Грязневых. Она совсем одинока. И она абсолютно беспомощна. Оперировать ее не берутся, а «хроников» в больнице не держат. С трудом ее втиснула в Гинекологическое отделение. Недавно ее выставили: иди умирай в сарае, где и печки нет! Я ее повезла в Ставрополь и – просто чудом – добилась, чтобы ее положили в Клинику. Может быть, прооперируют так, чтобы одним разрезом обе операции, сразу хирургическую и гинекологическую. Может быть, выдержит? А если судьба ей умереть, то лучше уж в больнице. Ну вот, кажется, все мои новости.

Всего Вам доброго. Ваша Ф.».

Лидия Эразмовна Ройтер, с которой дружила и состояла в переписке Евфросиния Антоновна Керсновская, была заключенной Норильлага, где они и познакомились в те трагические годы.

Муж Лидии Эразмовны – Ройтер Леонид Андреевич (1905–1975 гг.) был арестован в Днепропетровске 29 декабря 1937 г., на стройках Норильска прошел путь от бригадира проектной бригады до главного инженера и начальника строительства горно-рудных объектов. Освобожден 23.09.1954 г. и остался в Заполярье, в 1958–1969 гг. работал заместителем начальника Отдела капитального строительства Норильского горно-металлургического комбината. Ройтер Л.А. в 1964 г. стал заслуженным строителем РСФСР и в 1966 г. лауреатом Ленинской премии.

Как мне написала Галина Васильевна Аتماшкина, редактор сайта о Керсновской, Евфросиния Антоновна сохраняла свои рисунки и рукопись в тайне, опасаясь за их судьбу. Передача тетрадей с воспоминаниями из Ессентуков в Москву в начале восьмидесятых годов затевалась для их хранения. В этом участвовала целая цепочка норильских друзей Евфросинии Антоновны, например, Катя Мовсесян из Пятигорска, Владимир Ройтер из Москвы... А ее друзья в Москве на этом не остановились, увидев, какое это уникальное свидетельство, они сделали «самиздатовский вариант».

Образ чрезвычайно стойкого человека – Евфросинии Керсновской дополняет письмо в норильскую газету «Заполярный Вестник» от женщины, проработавшей с ней на шахте четыре года, опубликованное 24 ноября 2000 г.

«Керсновскую знала и помню».

«Прочитала в «Заполярном вестнике» статью «Великий постриг Евфросиньи» (№ 211 за 06.11.2000) и сразу вспомнила: я эту женщину хорошо знала, работала с ней вместе на шахте № 15 четыре года. И в раздевалке кабинки были рядом.

Помню я собрание, где речь шла о выводе женщин из шахты с подземных работ – это было в конце 1959-го или в начале 1960 года, и касалось не только Керсновской, а всех женщин-шахтеров. Да, она выступала, просила, чтобы дали доработать тем женщинам, кому осталось меньше года до пенсии, а о себе – ни слова. Она для себя ни о чем не просила.

Работала Фрося бурильщиком-взрывником. Бывало, мужикам-взрывникам давали помощника, чтобы поднести аммонит.

Она же все это получала и сама несла. Помню, один раз перебила средний палец на левой руке, так привязала руку магистралью к досочке и смену доработала до конца. И после выходного вышла на смену – никаких больничных не брала.

Я прекрасно знала ее рисунки. Один она и мне подарила, там был возок, запряженный тройкой лошадей. Он и по сей день хранится у моего сына.

Насчет лотерейных билетов, мне кажется, это чушь. Она была очень скромной. Могла заплатить и не взять, но чтобы рвать и бросать?...

Себя она обычно рисовала маленького роста, хотя была женщиной высокой (у меня рост 164 сантиметра, а я была ей по плечо).

Жила Евфросинья Антоновна в районе Нулевого пикета. Ходила зиму и лето в черном комбинезоне с рюкзаком на плече – и на работу, и с работы. Зимой носила шлем танкиста.

За четыре года нашего знакомства я ни разу не видала ее в женской одежде, да и никто не видал, есть еще и другие люди, которые ее помнят.

Когда она уехала в Ессентуки, писала нам: «Девки, приезжайте, полазаем по горам, полюбуемся розами». Она там целую поляну роз вырастила.

Да, она была исключительно идеальной женщиной, и мы ее очень уважали. И она к нам относилась очень хорошо. Помогала мотористке Нине с седьмого участка, у которой были больной муж и трое детей.

В то время, когда она уезжала из Норильска, получив шахтерскую пенсию, у нее в Румынии жива была старенькая мама, ей было 82 года, и Евфросинья Антоновна привезла ее в Ессентуки. А после смерти мамы, как вы пишете, она свою пенсию раздавала, оставляя себе только 20 рублей. Но двадцати рублей и тогда хватало только на хлеб, как же она жила? Она была малоразговорчивой, больше слушала. Любила правду и не терпела ложь. Единственный, кто к ней придирался, был инженер по ТБ из управления угольных шахт.

Вот пишу вам эти строки, а передо мной стоит, как живая, высокая, красивая женщина в комбинезоне, с рюкзаком через плечо, в танкистском шлеме. Такой буду ее помнить всегда.

*«Я вас потрошила — я и похороню... Простите, братья мои!
Это — чистая случайность, что я еще не с вами».*

Рис. Е. Керсновской

Да будет пухом земля ей, доброму человеку, встретившемуся на моем пути!

М. Семченкова (78 лет)».

«Человек стоит столько, сколько стоят его слова».

Эти мудрые слова Е.А. Керсновской продолжают мой небольшой рассказ о ней.

В 1964 году по совету своей матери, которую она разыскала после возвращения на «большую землю», Ефросинья Антоновна в Ессентуках приступила к написанию своей единственной книги — воспоминаний о жизни до войны и о тяжелых годах в ГУЛАГе.

Воспоминания сложились в 12 тетрадей — 2200 рукописных тетрадных полос, иллюстрированных 700 рисунками в смешанной технике.

Каждая полоса — рисунок и подпись к нему. По форме это можно сравнить с комиксом или русским лубком.

Работа над созданием этого шедевра человеческого духа («текстово-изобразительное произведение», по словам его автора), продолжалась до начала 1970-х годов.

Полный текст мемуаров Е.А. Керсновской впервые опубликован полностью в шести томах в 2001–2002 гг. и стал настоящей сенсацией. Вот несколько отрывков из ее книги «Житие Евфросинии Керсновской».

«В машине нас было несколько человек, но запомнила я лишь троих. Прежде всего мальчика, лет 8–9... И двух девочек – взяли их прямо с первого в их жизни бала. Они не плакали, а только дрожали, хотя июньский день был очень жаркий. <...>

Помню толпу, солдат, крики, пинки, давку... и телячий вагон, битком набитый растерянными и растерзанными людьми... Наш состав из сорока вагонов несколько недель катился по Сибири. Мы не знали, что началась война. <...>

Во время этапа по Оби на пароходе «Ворошилов» моими попутчиками оказались восемь женщин и около тридцати детей. Женщины окружили меня и стали допытываться, можно ли по этой реке добраться до Азербайджана. «Несчастные! – хотела я им сказать. – Трижды несчастные вы люди! Эта река – путь к смерти. И впадает она не в Каспий, а в Ледовитый океан! <...>

Впереди меня ждал лагерь. <...>

«Исправительно-трудовой лагерь»... Звучит неплохо. Но за этими словами кроется такое смертельное равнодушие к людям, которое страшнее ненависти.

Всю мудрость, накопленную человечеством, рабовладельцы середины XX века употребили на то, чтобы конвейерным способом превращать человека в животное. <...>

Стыдно смотреть, как шесть, а то и десять здоровых молодых мужчин ведут с винтовками в руках и собаками дюжину полуживых, истощенных женщин! Оттого стыдно, что где-то на фронте такие же солдаты грудью своей защищают родную землю. <...>

При строительстве пирамид, должно быть, применялось больше техники... Но зачем механизмы, когда есть тысячи, десятки тысяч рабов? <...>

Как только из кухни выносили пищевые отходы, группа «доходяг» – человек пятнадцать – застывала в положении «стойка». В числе первых делал «стойку» профессор Николай Николаевич

Колчанов – оратор, способный очаровать и увлечь любую аудиторию своими вдохновенными речами. Стоило лишь «кухонным мужикам» удалиться, как все эти голодные, обезумевшие люди кидались к отливу и, отталкивая друг друга, выгребали руками рыбную чешую, пузыри и рыбы кишки, заталкивая все это поспешно в рот. <...>

Изнанкой Красноярска было Злобино – знаменитый невольничий рынок. Сюда приезжали начальники шахт, рудников и заводов приобретать для своих производств квалифицированных невольников. В Злобине я работала на погрузке цемента и кирпича. <...>

В ссылке я занималась лесоповалом... Когда разнеслась весть о том, что нашим начальником будет Хохрин, то взрослые мужчины плакали в отчаянии: «Ну, теперь мы все и наши семьи погибли!» Норма, которая до Хохрина была 2,5 кубометра, была повышена до 12. <...>

«Отдыхом» у нас считалась разгрузка муки в мешках по 70 кг. Труднее было поднимать по трапу стокилограммовые мешки с горохом или сахарным песком. Но самые ужасные были ящики со спиртом: длинные, как гробы, они были очень неудобные для погрузки! Чаще всего я имела дело с бочками соленой трески и достигла почти виртуозности в их штабелевке. <...>

Морозы, даже для Норильска, были небывалые. В нашу обязанность входило заменять разорванные от мороза рельсы. Случалось, что по три раза в день мы сбрасывали перед надвигающимся составом рельсы и скаты, а затем опять поднимали их на полотно. <...>

Итак, 12 лет тюрьмы позади. Я на воле. Но можно ли это назвать «свободой»? В клетке я не сидела, но была на привязи. Паспорта у меня не было, уезжать из Норильска я права не имела, два раза в месяц должна была ходить отмечаться к коменданту. До настоящего освобождения еще далеко. Впереди – годы работы в шахте, где я могла погибнуть десятки раз. Но Бог милостив. <...>

Мама! Я выполнила твоё желание. И на кресте твоём клянусь: все, что здесь написано, – правда. А правда вечна. Но иногда эта правда ужасна. Может, такую правду лучше вычеркнуть из памяти? Но что тогда останется? Ложь, только ложь!».

В «Пошехонской старине» М.Е. Салтыков-Щедрин писал будто о наших днях: «Люди позднейшего времени скажут мне, что все это было и быльем поросло и что, стало быть, вспоминать об этом не особенно полезно. Знаю и я сам, что фабула этой были действительно поросла быльем; но почему ж, однако, она и до сих пор так ярко выступает перед глазами от времени до времени? Не потому ли, что, кроме фабулы, в этом трагическом прошлом было нечто еще, что далеко не поросло быльем, а продолжает и дондесь тяготеть над жизнью».

Эту тему сто лет спустя продолжил А.И. Солженицын:

«Да счесть ли всех? Да кто сберет алмазы
в рассеянных, разбитых черепах?..»

Расстреляны в годы сталинского террора Артем Веселый, Исаак Бабель, Борис Пильняк, Иван Катаев. Такая же участь постигла и знаменитых поэтов своего времени Бориса Корнилова и Павла Васильева. В сталинских лагерях погибли Осип Мандельштам, Николай Клюев. Прошли ад сталинских лагерей, выжили и вернулись, чтобы донести правду об ужасе тех лет до умеющих понимать и помнить, В. Шаламов, Е. Гинзбург, О. Волков, Ю. Домбровский.

Это немногие имена из сотен писателей и поэтов, пострадавших за годы сталинских репрессий. Тоталитарный режим враждебен свободному слову, поэтому при Гитлере пылали костры из книг. «Эффективный менеджер» Сталин был дальновиднее и мудрее – он уничтожал самих творцов.

Вот только один факт.

Осенью 1933 г. *Осип Мандельштам* написал стихотворение:

«Мы живем, под собою не чуя страны,
наши речи за десять шагов не слышны,
а где хватит на полразговорца,
там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
а слова, как пудовые гири, верны.
Тараканьи смеются усища
и сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
он один лишь бабачит и тычет.
Как подковы кует за указом указ –
кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него – то малина
и широкая грудь осетина».

В мае 1934 г. Осип Мандельштам был арестован. Поводом для ареста послужила эта эпиграмма. В июне 1940 г. его жена, Надежда Осиповна, получила свидетельство о смерти мужа. Согласно этому свидетельству, он умер в лагере 27 декабря 1938 года от паралича сердца. Помимо этой, официальной версии, существует множество других. Подлинные же обстоятельства смерти Осипа Эмильевича Мандельштама неизвестны. Как неизвестно и то, где находится его могила.

И фактов таких можно приводить тысячи. Но ответственность за все мы возлагаем прежде всего на одного человека. Да, были у него и «подручные» идеологи, и палачи-исполнители, но организатором этого геноцида против собственного народа был он один – Иосиф Сталин.

Произведения, исследующие атмосферу жизни при Сталине, не менее важны, чем те, которые касаются самого Сталина или его близкого окружения. Известна немалая книжная полка таких поучительных книг, рассказывающих о трагических страницах нашего еще недавнего прошлого. В их числе: Р. Медведев, «Они окружали Сталина»; К. Симонов, «Глазами человека моего поколения» (журнал «Знамя» №№ 3, 4, 5, 1988); Л. Чуковская, повесть «Софья Петровна»; В. Гроссман, роман «Жизнь и судьба»; Е. Гинзбург, повесть «Крутой маршрут»; В. Шаламов «Колымские рассказы»; А. Жигулин, повесть «Черные камни»; А. Приставкин, повесть «Ночевала тучка золотая»; Ю. Боров «Сталиниада» (журнал «Подъем», № 1, 1990).

Особое место на этой обличительной книжной полке занимают воспоминания Е.А. Керсновской о 20 годах (!), проведенных в ГУЛАГе. *Игорь Чапковский*, наследник авторских прав

на произведения Керсновской, открывший миру ее уникальное творчество (его семья ухаживала в Ессентуках за больной Евфросинией Антоновной) писал: «У нее явственно звучит нота победы над ужасающими и уничтожающими человеческое достоинство условиями. Один эстонский журналист это выразил так: «Чем больше ее читаешь, тем больше хочется жить».

Из воспоминаний *Е.А. Керсновской*: «Вы хотите научиться полезному? Самое полезное, чему можно научиться в лагере, – это научиться выдерживать. И выжить. Советую вам в ваших же интересах: работая, старайтесь сберечь свои жизненные силы. Не пренебрегайте ничем, чтобы съесть лишний кусочек хлеба. Я вижу, что вы негодуете? Вас возмущает мой цинизм? Шесть лет тому назад и я бы не поверила, что буду так рассуждать! И уверяю вас, что значительно раньше, чем через шесть, вы со мной согласитесь...»

Когда у Е.А. Керсновской закончился лагерный срок, ровно в тот момент, когда она выходила, ей было сделано обычное гулаговское предложение: дать расписку, что не будет вспоминать о том, что с ней было. Все подписывают – дальше делай что хочешь! Но она сказала: «Нет. Человек стоит столько, сколько его слово». «Ну, тогда оставайся в зоне!» – сказали ей. И она осталась.

Потом работала в Норильске на шахте взрывником и бурильщиком. И только в 1957 году впервые за восемнадцать лет разлуки встретилась со своей мамой.

Глава 9

«О тех прекрасных людях, которых мне посчастливилось встретить»

Документальные новеллы И.А. Шамиса

Новеллы публикуются в авторской редакции, без сокращения, многие новеллы публикуются впервые.

Большая их часть посвящена первостроителям Норильска, эта тема оставалась главной для Иосифа Адольфовича до конца жизни, и его по праву следует отнести к ярким и самобытным летописцам Норильска.

В перечень публикуемых входят следующие новеллы.

1. **«Строительство Завода динамонов на месторождении «Медвежий ручей».** Новелла написана в августе 1984 г., 10 стр. рукописного текста.

Эта стройка и связанная с ней тяжелая болезнь Иосифа Адольфовича упоминаются во многих его письмах: от 19 ноября 1970 г., от 14–19 марта, от 24 марта, от 3 августа и 15 августа 1984 г., от 6 декабря и 19 декабря 1985 г.

2. **«Ночь тиха...»,** июль 1987 г., 2 стр. рукописного текста. Новелла посвящена Сергею Щеглову и подписана: И. Левитин. История, произошедшая при погрузке норильского угля в порту Дудинка во второй половине сентября 1939 г.

3. **«Этот тесный, тесный мир...»** (подзаголовок: «Рассказ-быль из времен зарождения Норильска»), 17 октября 1986 г., машинописный текст на 8 стр. с дополнениями и правкой. В «Заполярную правду» послан первый вариант. Подлинник рукописи отправлен С.Л. Щегловым в Норильск Ирине Сорокиной в июне 2005 г. Другие названия: «На высоких широтах», «Мир тесен. На высокой широте». Новелла о встрече в 1939 г. в Дудинке братьев Кайдан-Дёшкина С.Ф. и Дёшкина Г.Ф.

В письме от 5 октября 1986 г. Шамис писал Сергею Львовичу: «... с тобой хотел поделиться, поскольку Хазов работал на

Руднике открытых работ, да и показать тебе, что это все – быть, которую ты знал»¹.

«Дешкина, как такового, не помню. Но хорошо помню: мы, как положено, строим выходили для разгрузки судов на Енисее; на выходе нас встречала музыка духового оркестра, им дирижировал некий стройный «дядя», и вдруг из наших рядов вырвался один и бросился к дирижеру; сказывали, что меньшой (в наших рядах) узнал своего старшего (дирижера) – это были братья, о которых ты пишешь, помню фамилию дирижера – Кайдан...» (из письма от 9 июля 1986 г.).

Герои этой новеллы упоминаются и в письме Шамиса от 20 августа 1988 г.

4. **«Читая «Правду»**. Новелла о строительстве порта Дудинка, описываемые в ней события происходили во второй половине июля 1939 г. 5 стр. машинописного текста, апрель 1983 г., с пометкой «Не отправлено». Эта новелла упоминается в письме Шамиса от 20 августа 1988 г.

5. **«Геолог Григорий Роговер»** (рубрика: «Их имена помнят в Норильске»). Новелла опубликована в газете «Заполярная правда», 5 апреля 1970 г., № 80 (4457), написана совместно с С.Л. Щегловым, 21 марта 1970 г., машинописный текст 2 стр. с дополнениями от руки. Публикуется с примечанием, дописанным Сергеем Львовичем 11 апреля 1970 г.

6. **«Геолог Владимир Домарев»**. Новелла написана в апреле 1984 г., 6 стр. рукописи. В «Заполярной правде» от 6 ноября 1985 г. напечатана новелла «Подвиг геолога» о Владимире Домареве, о чем рассказал Шамис в письме от 16 ноября 1985 г. В том же письме Иосиф Адольфович сообщал:

«Кажется, у тебя есть экз. рукописи моей «Звездный час геолога Д.». Конечно, он, А. Львов, внес поправки. Он и сам написал об этом мне. «Надеюсь, публикация Вас порадует, а правка устроит». Кое-что – важное! – он опустил. Но спорить с ним не стал по многим соображениям и обстоятельно ответил ему, и искренне поблагодарил. Приведу для тебя, Сережа, только несколько строк: «В финале этой трагедии не все ясно. Бесспорно

¹ Хазов – один из героев новеллы И.А. Шамиса «Этот тесный, тесный мир...».

одно: геолог Домарев пал смертью храбрых, защищая на своем посту государственные интересы, а также честь и достоинство норильчан-первооткрывателей.

<...> Хочется, чтобы Норильск увековечил память об одном из своих героев. Именем и подвигом Владимира Домарева всегда будут гордиться его потомки, наследники, продолжатели его дела».

Эта новелла упоминается и в других письмах Шамиса, например, в письмах от 9 сентября 1984 г. и от 10 июля 1985 г.

7. **«ГЭФЭ»**. Новелла о Г.Ф. Бакланове (рубрика: «К пятидесятилетию Норильска. Первопроходцы»), написана в мае 1984 г., 3 стр. машинописного текста, с дополнениями от руки. Имеется и другой, окончательный вариант этой новеллы с пометкой «новелла № 6», с правкой автора, текст, написанный в апреле 1983 г., направлен Щеглову с письмом от 12 мая 1983 г. Новелла упоминается в письмах от 5 января и 9 сентября 1984 г.

8. **«Главный диспетчер строительства»** (подзаголовок: «Первостроители Норильска»), новелла о В.Л. Гарфункеле, написана в апреле 1986 г., 6 стр. машинописного текста, с дополнениями от руки. Упоминается эта новелла в письме от 29 апреля 1984 г.

9. **«Первая зелень»**, подзаголовок: «А.Г. Вайшенкер», (рубрика: «К пятидесятилетию Норильска. Первостроители»), апрель 1984 г. Вариант новеллы под заголовком «Весенний этюд» опубликован в «Заполярной правде» 4 мая 1984, 4 стр. машинописного текста. Имеется и другой вариант этой новеллы под заголовком «Первая зелень», дата – март 1983 г., приложен к письму Шамиса от 3 апреля 1983 г.

10. **«Первый блок»**. Новелла об А.Г. Вайшенкере, написана в марте-апреле 1983 г., 5 стр. рукописи на листах тетради.

11. **«Океанолог»** (подзаголовок: «Светлой памяти М.З. Мальт посвящается»). Новелла написана за одну ночь 26 июля 1987 г., 14 стр. рукописного текста.

В письме от 26 июля 1987 г. Шамис писал своему другу: «Дорогой Сережа, посылаемый опус «Океанолог» написан за ночь 25–26 июля с. г. Прошу извинить за небрежность (всегда мучаюсь из-за плохих ручек) и за возможные ошибки. Пусть лежит в А.Щ. Мне копию не присылай. Хочешь, обработай

в твоём вкусе, на все твоя воля. Все это, разумеется, правда, пережитое».

12. **«О Ю.В. Кондратюке»** (подзаголовок: «Штрихи к портрету и биографии»). Новелла написана в октябре 1984 г., 5 стр. машинописного текста с дополнениями от руки. Новелла рассказывает о вылающем учёном-астрофизике; Кондратюк родился в 1897 г., погиб под Москвой в начале Великой Отечественной войны в 1941 г.

13. **«Новелла о хирургии»**. Новелла о Х.Я. Кузнецовой (рубрика: «Первостроители Норильска»), написана в марте 1986 г., рукопись на 7 листах тетради. Эта новелла упомянута в письме от 29 апреля 1986 г.

14. **«Резчик»**. Новелла о Подопригора, данных о его имени нет (рубрика: «Первостроители Норильска»), написана в марте 1968 г., 8 стр. рукописи на листах тетради. Новелла упомянута в письме от 29 января 1986 г.

15. **«Сестра Фрося»**. Новелла о Е.А. Керсновской (рубрика: «Первостроители Норильска»), написана в марте 1986 г., рукопись на 15 тетрадных листах. Новелла включена в 8 главу этой книги.

В письме Шамиса от 29 января 1987 г. говорится о публикации отрывка из этой новеллы:

«Да, А.Л. прислал «З.П.»¹ от 26.12. с «Сестрой Фросей». Главу о том, как Фрося распрощалась с медициной и пошла в шахтеры и проработала там 13,5 календарных лет под землей, он не напечатал. Дана только, так сказать, медицинская часть. Говорят люди – впечатляет. И на этом спасибо!»

Упоминается новелла и в письмах от 5 января, 29 апреля и 9 сентября 1984 г.

16. **«Как Бергер от вышки спасся»**. Рассказ И.А. Шамиса, записан на 1 стр. по памяти С.Л. Щегловым в июне 1968 г.

17. **«Места родные, заповедные»**, июль 1987 г. Новелла отправлена в редакцию журнала «Юность» главному редактору писателю В.И. Амлинскому 20 июля 1987 г., рукописный текст на 24 тетрадных листках. Первые 8 листов новеллы включены в 1 главу настоящей книги.

¹ А.Л. – норильский писатель Александр Львов, «З.П.» – норильская газета «Заполярная правда».

18. **«Э.Т. Кренкель»**. Новелла написана 07 февраля 1984 г., 19 стр. рукописного текста. Частично использована в 1 главе книги, она упоминается в письмах от 7 мая 1966 г., 11 февраля 1968 г., 18 сентября 1970 г. и от 7 февраля 1984 г.

19. **«Вот наша улица, вот наш дом»**. Новелла об улице Чапыгина в Москве, опубликована 9 сентября 1966 г. в газете «Благоустройство и жилищное хозяйство», г. Москва; копия газетной страницы.

20. **«Истопник»**. Этот рассказ (без названия) об историке А.Х. Невлере, специалисте по Дж. Гарibaldi (народному герою Италии), был рукописным приложением на 6 листах к письму Шамиса от 25 декабря 1983 г. Заголовок рассказу дан автором-составителем книги.

21. **«Периферия»**. Новелла написана в июле 1984 г. для «Заполярной правды». Рассказывает об объектах Норильского комбината за пределами города в различных частях Красноярского края, построенных комбинатом и связанных с его жизнедеятельностью: порт в Дудинке, складские базы в Красноярске и других местах края, защитная дамба на Енисее в Подтесове, аэропорты в Туруханске, Подкаменной Тунгуске и Енисейске, совхозы в Шушенском, Таежном и Курейке, объекты для «Енисейзолото» в поселке Тея. Рукопись на 21 листе из тетради. Подлинник хранится в Норильском музее, копия получена автором-составителем в октябре 2016 г.

О значении этой новеллы для изучения истории не только Норильска, но и Красноярского края в целом, И.А. Шамис рассказал в предисловии:

«В первом своем 50-лети нори́льчане вели строительство также на берегах Енисея и его бассейна. Это строительство объединялось понятием «Периферия». Это тоже трудовая страница жизни и истории Норильска, и она сегодня также должна быть прочитана. Люди, которые трудились на периферии и достойно представляли Норильск, помянуты добрым словом. Этому посвящается короткое повествование».

22. **«О Левитане»**. Новелла написана в январе 1989 г., содержится в книге «Исаак Левитан», изданной в 1989 г. в Иерусалиме.

Иосиф Адольфович нередко задумывался о непростом писательском труде Сергея Львовича и о своих литературных опытах, например, в письме от 27 января 1971 г. он писал:

«Спасибо за присланный репортаж «Завтра в чертеже». Что ни говори, а это большое счастье – печататься. Я этого лишен и по-доброму завидую тебе.

Скажу по правде, что нынешняя манера очерка мне что-то не очень «личит» – как-то с конца начинается рассказ. Я люблю манеру Тургенева, Пушкина – спокойно, ровно течет повесть, по порядку – по ходу дела.

Хотя и Лев мне нравится, хоть он уже начинает с «середины», скажем, в «Воскресенье»; помнишь, начинается с вызова Масло-вой на суд, а уж потом автор «возвращается» к ее истории».

К сожалению, не все документальные новеллы И.А. Шамиса сохранились.

Кстати, определение «документальные новеллы» работам Иосифа Адольфовича дал писатель Анатолий Львов, работавший главным редактором норильской газеты «Заполярная правда», куда эти новеллы отправлялись для возможной публикации (ласково называемой в письмах И.А. «Заполяркой»).

Вот что известно об утерянном.

19 августа 1979 г. Шамис писал: «Я хочу тебе отослать два блокнота с новым повествованием: «**Дни минувшие**».

В письме от 2 июня 1984 г. Иосиф Адольфович писал о своих новеллах, в напечатании которых на пишущей машинке ему помогал С.Л. Щеглов:

«Дорогой Сережа!

О «Перфилове» – он на даче; обещал, когда будет в городе, встретиться и ему показать. Когда?

Присылай, пожалуйста, мою «**Зарисовку**» о товарище Щ. По-моему, надо бы дать такой заголовок: «Первостроитель С. Норильский (Щеглов С.Л.)»? Жду.

Прилагаю – об оксидиквитах (если он, Ю.Н.¹, сегодня-завтра лично не заявится, а уедет в Ленинград, pošлю почтой ему).

Тебе посылаю – «в ящик»...

¹ Ю.Н. – Юрий Натанович Зинюк.

Сережа, я потерял счет. Где «ГЭФЭ»? Где «Сестра Фрося»? У тебя? К печати подготовлено? Что вообще есть у тебя из моих «великих творений»?

Я бы им (там «свиристуют» Трофим Гармаш и Анатолий Львов), там бы надо поработать тем, кто это пережил; ну, что для них оксидиквит? Для меня *Stella polaris* ближе, чем для них наши, скажем, ценности. Я просмотрел подшивку с 11 янв. по 17 мая – мне скучно стало».

На следующий день, 3 июня 1984 г., Иосиф Адольфович писал своему другу:

«Дорогой мой Сережа, получил твои два пакета с моей «Зарисовкой». Мне остается тебя сердечно благодарить за все. Менять что-либо, я решил, не надо, хотя я бы сделал какой-то корректив, но об этом – потом, будет время, ЕБЖ¹, скажу.

Сейчас – самое главное – куда послать? Прямо в редакцию «З.П.» или, может, на имя Львова? Я прошу срочно мне подсказать».

Работа о Перфилове упоминается в письмах от 5 января и 28 сентября 1984 г.

Из письма 22 мая 1985 г.:

«Мне сказали в конторе², что вновь назначенный директор Норильского музея просит старых норильчан присылать для музея все, что можно: фото, вещи и все подобное.

У меня только одно фото – музея в Курейке, но мне жаль отдавать. Есть у меня орус «**Первые шаги**» (на стройке), но вряд ли это интересно музею. Что думает твоя умная голова по этому поводу?»

Из письма от 29 января 1987 г.:

«Я написал **работу: «Кто был сослан на берега Енисея и Ангары»**, начиная от «опальных людей» и кончая марксистами (так их называли еще в начале века). А.Л., полистав мою тетрадь, спросил: это – по архивным документам, т. е. это исследование по первоисточникам или по литературным сведениям? Я ему сказал, что архивы мне не доступны: я же не Чивилихин

¹ ЕБЖ – сокращение «если будем живы» нередко встречается в письмах И.А. Шамиса. По мнению С.Л. Щеглова, это выражение заимствовано у Л.Н. Толстого.

² Контора – Московская контора Норильского горно-металлургического комбината.

или Эдельман. «Ну, – сказал он, – так это не представляет интереса». А по-моему, такой обзор любому интересен, мне лично, по крайней мере, было бы очень интересно читать о тех, кто был туда водворен, начиная от Туруханска, заглянув на Ангару, и далее – к югу – к Шушенскому: там же было много декабристов и с-д и т. д. Будут силы, отредактирую и отошлю в Норильск на память (через А.Л. или прямо в Музей)».

В письме от 15 января 1985 г. Шамис упоминает свою работу «Свет памяти»:

«**Свет памяти**»? В стол его! Написать в Л.Г.? Требуется вдохновение, пока текучка заедает. Печальная это тема... Хорошо хоть какой-никакой поставили памятник доброму героическому человеку – ГЭФЭ! Надо бы еще Домареву, Марку, еще кое-кому, а затем – коллективный. Тебе, Сережа, твердо верю, это по силам. Таланта и умения с избытком у тебя!»

В письме от 2 апреля 1985 г. Иосиф Адольфович упоминает тетрадку с рукописью о строительстве норильчанами на Енисее и в его бассейне, т. е. о так называемых периферийных стройках, которые вел комбинат.

В письме от 20 сентября 1984 г. Иосиф Адольфович сообщал: «Закончил я о Перфилове, он обещал отпечатать, а потом пошлю с письмом от себя секретарю ГК т. Аристову И.С. с просьбой напечатать. Он хорошо знает Ивана Макаровича».

И далее: «Написал сочинение **о работе Р.П. Аврамова**, болгарина-революционера, друга А.М. Горького и М.Ф. Андреевой. Он был моим начальником все годы, когда жил в Союзе; начальником, с которым я работал рядом. Вообще мне везло на начальников».

22 апреля 1986г. Иосиф Адольфович писал Сергею Львовичу: «Я просил тебя обождать с посылкой «новелл» (будем условно их так называть – для краткости) по такой причине. Полагаю, что нужно немножко выждать – до какой-то публикации в «Заполлярной Правде» – так лучше будет!»

«Сережа, хочу еще сказать, что пока нет причин жаловаться мне на невнимание А. Львова. Да ведь ему вздохнуть-то некогда. А он, вот, и газету прислал со своим обзором, и письмо. И не забыл никого в обзоре! Посмотрю, что он скажет, когда получит от меня «**Писателя А.Н. Гарри**»; и еще, если будем живы, пош-

лю ему одну вещь, почти готовую». Работа о Гарри упоминается в письмах от 5 января 1984 г. и от 29 апреля 1986 г.

Планировал Иосиф Адольфович написать работу о журналисте и писателе Анатолии Аграновском: «Сереженька, весь ноябрь я буду занят серьезными домашними делами, а потом поднатужу свою память и напишу об Аграновском» (письмо от 3 ноября 1971 г.). Этот замысел, по имеющимся данным, остался нереализованным.

Две новеллы, как следует из списка работ, отправленных А. Львову (письмо от 29 апреля 1986 г.), были посвящены М.И. Евзерову: **«Евзеров – горняк Таймыра»** и **«Евзеров – очерк жизни и труда»**. Упомянута работа об Евзере и в письме от 29 января 1986 г.

В «Синодике», составленном Шамисом совместно с Щеголовым, к сожалению, нет упоминания о М.И. Евзере. Я хочу восполнить этот пробел и привожу следующую краткую информацию о герое двух новелл Шамиса.

Евзеров Моисей Исаакович родился в 1901 г. в г. Велиже Смоленской области. Был первым советским управляющим угольными рудниками «Грумант-Сити» на Шпицбергене и первым консульским представителем СССР на Шпицбергене в Норвегии в 1931–1933 гг. С 1934 по 1937 г. – начальник треста «Молотовуголь».

В 1937 г. репрессирован. Находясь в заключении, работал главным инженером, начальником шахт и рудника в Норильске. В 1954 г. реабилитирован. Занесен в Книгу Почета Норильского комбината.

С 1956 по 1961 г. – заместитель директора комбината «Печенгауголь» по горным работам. Автор воспоминаний, опубликованных в журнале «Север» (№ 9 за 1991 г.) и в газете «Полярная кочегарка». Часть воспоминаний Евзерова публикуется в 13 главе данной книги.

В письме из США от 27 марта 1992 г. Иосиф Адольфович поделился с Сергеем Львовичем: «Я тут написал новеллу **о жизни духоборов в Канаде** – они уехали из России, Лев Николаевич пожертвовал им свой гонорар за «Воскресение» (1889–1899). Посвятил я ее госпоже Ларисе Кузнецовой, моей приятельнице по Норильску, Дорохову и Москве».

Далее информация о публикациях в США: в журнале напечата-
ли заметки «об одном нашем земляке, умершем в конце 70-х»,
в газете – историческую заметку «Из древних времен».

И далее: **«Написал одну книжку**, надо отредактировать
и т. д. Так времени не хватает (тоже «текучка заедает»)).

Таким образом, можно говорить примерно о десяти утерянных
новеллах Шамиса, в т. ч. «Дни минувшие», о Перфилове И.М., об
Авамове Р.П., «Писатель А. Гарри», «Добрая фея», «Евзеров –
горняк Таймыра», «Евзеров – очерк жизни и труда», о Хазанович
А.М. и других, а также о новелле о жизни духоборов в Канаде и об
утерянной неизвестной книжке, написанной им в США.

В этой книге публикуются следующие документальные ма-
териалы об Иосифе Адольфовиче:

1. **«Один из первых»** (рубрика «Остаются норильчанами»),
20 декабря 1971 г., 3 стр. машинописного текста, с дополнения-
ми и изменениями. Автор С.Л. Щеглов.

2. **«Щедрая душа ветерана»** (рубрика «О тех, кто были пер-
выми»), 14 мая 1979 г., 5 стр. машинописного текста, с дополне-
ниями и изменениями. Автор Н.И. Балуева, очерк опубликован
в «Заполярной правде».

3. **«И.А. Шамис на Совруднике в Северо-Енисейске»**,
30 ноября 1985 г., 4 стр. машинописного текста с дополнениями
и изменениями. Автор Сергей Норильский.

4. **«Иосиф Шамис, бытописатель Норильска»** (подзаголо-
вок: «К 100-летию со дня рождения»), 5 января 2002 г., 5 стр.
машинописного текста, с дополнениями и изменениями. Автор
С.Л. Щеглов, очерк опубликован в «Заполярном вестнике» 24 ян-
варя 2002 г.

5. **«О встрече с И.А. Шамисом в Москве 25 декабря 1984 г.»**.
Рукопись С.Л. Щеглова.

6. **«А жизнь его осталась неисследованной»**. Автор
С.Л. Щеглов, очерк опубликован в «Заполярной правде» 24 ян-
варя 2002 г. Включен в первую главу этой книги.

Любопытна реакция Шамиса на работу Щеглова о нем под
заголовком «Щедрая душа ветерана», высказанная в письме от
3 июня 1979 г.:

«Задержал я свой ответ по поводу «Щедрой души ветерана». Главная причина задержки – подготовка к отправке Ольги Борисовны в больницу, – 1-го июня мы ее, по настоянию врачей, отвезли. 2-го я был у нее – все удовлетворительно. Другая причина: не знаю, что тебе еще сказать, кроме уже сказанного. Повторю, однако: *не нужна мне лично реклама*; и для работы она не нужна. *Настанет пора, когда все реализуется. Сейчас – не время.* Да и работа не поспела еще: много трудов еще предстоит тебе вложить в нее. Итак, ничего тебе делать не надо с этой «Щедрой».

Что касается самой статьи «Щедрой...», то я очень тронут твоей щедростью в оценке моей скромной деятельности, – спасибо! Тебе и Нине! Да, умеете вы, журналисты, делать работу, – позволяю себе воздать вам хвалу.

Есть в статье, конечно, кроме преувеличений, неточности. Но, право же, не хотел бы отнимать у тебя время на чтение «разбора» мною этой статьи. Кроме того, отказываясь от целого, стоит ли шлифовать частности?».

«Для чего я взялся за эти новеллы?» – задавал себе вопрос Иосиф Адольфович в письме Сергею Львовичу от 14 мая 1983 г. И отвечал:

(1) Чтобы оправдать как-то тот «вексель», который выдала Нина Ивановна в «З.П.» в «Щедрой душе ветерана».

2) Раз уже так получилось, может, я *обязан воспользоваться случаем, чтобы привлечь внимание к тем временам и упомянуть хоть некоторых первостроителей*, вроде «ГЭФЭ», – так?».

«Дорогой Сережа, искренно говорю: неловко мне; – мне кажется, что я даже краснею от этого, от того, что заставляю тебя и Ниву возиться с моими писаниями, – извините, пожалуйста! Единственное, что может меня утешить, – это мысль, что *делаем мы это ради светлой памяти ушедших*, в данном случае – ГЭФЭ», письмо от 8 августа 1984 г.

К этой новелле Шамис возвращался неоднократно. Так, в письме от 26 августа 1984 г. он сообщал Сергею Львовичу:

«Что касается «ГЭФЭ», то я даже «ужесточил» концовку: «были ли он большевиком? От него мы этого не слышали. Думаю, был. И в пользу такой догадки говорит то, что он, как сказывали, состоял в комендатуре Смольного в дни Октября 17-го года» (в окончательной редакции, публикуемой в данной книге, этих строк нет).

И далее, продолжение из того же письма:

«Да, погиб наш товарищ, Григорий Федорович Бакланов, один из скромнейших первостроителей Норильска. Но светлый его образ хранится в сердцах, знавших его. И пусть узнают его имя и те, кто не знал лично этого талантливого, благородного и героического человека из Ленинграда и из Норильска тоже! Да будет сегодня, в дни юбилея Норильска, помянуто добрым словом и имя Григория Федоровича Бакланова...».

Справедливо написано? Вот так и послать. И в проекте письма (маленького!) Дунаевой я написал, что «...*это все капля истории Норильска*» и пусть прочтут ее юные норильчане (Дунаева – редактор «Заполярной правды», примечание составителя).

Не захотят печатать? Я возложил этот цветок скромный на его безвестную могилу – пусть стыдно станет тому, кто своим башмаком смахнет цветок этот. <...>

Перфилов мне сказал по телефону, что в «З.П.», в «Норильской биографии» помещены мои строки, посвященные работе Владимира Николаевича Всесвятского в Дудинском порту. Я им послал целую тетрадь о строительстве на Енисее и его бассейне. Это дело – в комплексе – только я один знаю (из живых), со мной это канет в Лету. Они же – «З.П.» – поместили только Дудинку. А остальное? Останется в архиве? «Когда-нибудь монах трудолюбивый»... <...>

Я еще этих строк не видел. Если у тебя есть этот номер «З.П.», – пришли мне, пожалуйста, на Скрыбина, я верну тебе по востребованию. Который раз я перечитываю «Золотую Розу» Паустовского – и сейчас тоже – и наслаждаюсь».

В письме от 14 июля 1986 г. упоминается новелла Шамиса о А.М. Хазанович:

«Мой опус **о Хазанович** я послал ему, А.Л. Львову, с просьбой: если не подойдет для «З.П.», пусть пошлет в редакцию «Советского Таймыра», а он об этом ничего не сказал. Но Б-г с ним. Пусть публикует о первостроителях. За это – спасибо!»

Несколько слов об этом удивительном и малоизвестным человеке, к рассказу о жизни которого очень подходят слова московского поэта Михаила Леонидовича Грозовского:

«У народа не слава в почете,
У народа в почете судьба».

Хазанович Амалия Михайловна (1912–1986), исследовательница Севера, родилась в Иркутске. В юности жила в Сибири и на Урале, работала секретарем сельсовета, заведовала избой-читальней. Переехав в Москву, поступила шлифовальщицей на инструментальный завод.

В 1936–37 годах кочевала с коренным народом – нганасанами – по таймырской тундре, заведовала «красным чумом», обучала грамоте и лечила аборигенов Севера. В период 1941–1945 годов на Таймыре провела несколько зимовок как метеоролог и сотрудник различных поисковых экспедиций. Позже побывала в Арктике как литератор и уполномоченный Центрального статистического управления во время всесоюзной переписи населения. Автор книги «Друзья мои нганасаны. Из Таймырских дневников», которая вышла в Москве в 1988 г. и отмечена премией ЦК ВЛКСМ. По завещанию А.М. Хазанович похоронена в тундре на берегу таймырской реки.

Сергей Львович Щеглов посвятил ей очерк «Подвиг Амалии Хазанович», написанный 26 июня 1987 г. и отправленный им в редакцию газеты «Красноярский рабочий» 7 октября 1987 г.

25 сентября 1968 г. Шамис писал:

«Дорогой мой Сережа! Сегодня праздник у меня: получил твое письмо от 21 ноября; два письма от А. Львова, собственно, два конверта с вложением в каждом номера «З.П.» от 19 сентября – твоего дня рождения; в этом номере на стр. 3:

1. Статья «Наш корреспондент в Туле» и в полурамочке «Сергею Норильскому 65 лет»; содержание этой статьи и весь стиль ее, хотя достаточно «корректированный», мне знаком, но подпись «А. Осипов» – кто таков? Или это импровизация А. Львова? Написана хорошо.

2. На той же стр. 3 – колонка сверху донизу под названием «**Добрая фея**» – об одной уникальной операции, выполненной в Норильске в 1940г. с участием Хаи Яковлевны Кузнецовой, матери Ларисы и жены доктора Розенблюма, – подпись моя.

Спасибо А.Л. за все это и что он не забыл 19 сентября».

В письме Щеглову Иосиф Адольфович упоминает свою работу – 70 страниц машинописи! – под названием «**Первые горняки Таймыра**», в которой содержалась новелла «М.И. Евзеров. Рождение рудника» и обзор жизни Евзерова.

И далее Шамис пишет:

«Занимаюсь немножко Кронштадтским мятежом (в связи с доктором Розенблумом и пр.). Дай Б-г силы! **Дел еще так много!**»

29–30 марта 1986 г. Иосиф Адольфович писал:

«Гарри» поступил; ожидаю рукописный экземпляр – тетрадку. Спасибо большое за перепечатку – это щедрый подарок. Я даже каламбур вслух выдал: «не Щеглов, а, прямо-таки Щедров (был талант Щедрин, а у нас есть Щедров). <...>

Конечно, правильно, что ты оставил себе машинописную копию «Писатель А.Н. Гарри» – пусть покоится в «АЩ», как мысленно называю твой архив). <...>

Единственный корректив, который ты сделал – зачеркнул «Писатель-волшебник А. Гарри» – ин, быть по сему! (зачеркни и в своем экземпляре). Большого мое сочинение не удостоилось – и правильно, это ведь, как выражаюсь, не Анна Каренина! Выше носа своего не перескочишь. *Feci quod potui* – я сделал, что мог».

Вот так строго относился непрофессиональный журналист Шамис к своим работам.

«Послал Львову записки Евзерова 6 марта – ни привета, ни ответа. <...>

Да, судьбы людские: умер человек, теперь пришел чужой человек и чужими руками разбирает заветные листы, в которые вложены и сердце, и душа» (из того же письма).

«Сергея, может, я очень скрупулезен в описании прошлого? Но ведь не могу же я писать того, что не зафиксировано в моем мозгу! Конечно, дольку фантазии можно, но не искажать», писал Шамис 29 апреля 1983 г.

У Иосифа Адольфовича, как у человека творческого, были постоянные сомнения в необходимости написания документальных новелл о первостроителях Норильска, и он в переписке со своим другом касался этой непростой для него темы.

Вот пример таких обсуждений потребности в новеллах (письмо от 30 мая 1983 г.):

«В стол», говоришь? Давай в стол, а так – как Б-г даст... «Штрихи прошлого сохранить для истории», – ты пишешь. Да ну, историю пишут пристрастно: кому как выгодно. Много тому примеров»...

3 января 1984 г. Иосиф Адольфович писал Сергею Львовичу:

«Ты понимаешь ведь: мне уже надо поторапливаться: если я не напишу о некоторых первостроителях, то уж никто ничего о них не напишет, а здоровье – сам знаешь... Я полагаю, что это мой долг – написать, так? Или это гордыня во мне говорит? <...>

Ах, ты не любишь (или сторонишься) слова «новелла», а между тем она значится в словаре русского языка Ожегова как «небольшая повесть, рассказ».

Что касается своеобразной «пальмы первенства» в номинации «Норильск в художественной литературе», то она принадлежит Евгению Рябчикову – книга «Северное сияние» (Москва, 1946 г.) и Алексею Гарри с книгой «Последний караван» (Москва, 1956 г.), на что указывал Шамис в письме от 21 января 1984 г.

«...Жена Иосифа Флавия, Дорион, обратилась к своему отцу, первому художнику эпохи, с просьбой украсить ее виллу фреской на тему «Упущенные возможности». Тема эта имеет широкий диапазон. У каждого человека есть свои «упущенные возможности» в самых различных сферах его жизненной стези.

Вот «упустили» мы тему «Аграновский» и т. п. – всего упущенного и не сосчитать...», писал Иосиф Адольфович 2 мая 1984 г.

Для нас Иосиф Адольфович Шамис – неизвестный автор прошлого века, документальные новеллы которого занимают свою скромную нишу в воспоминаниях авторов – узников ГУЛАГа. Его литературное наследие раскрывает богатейший внутренний мир их удивительного автора, способного видеть в людях лучшие черты и не сгибаться под тяжестью проблем и обстоятельств.

Герои этой книги – И.А. Шамис и С.Л. Щеглов, как и многие их товарищи-заключенные, несмотря ни на что, были и оставались в Норильске партиотами СССР и убежденными строителями социализма. Для них лагерь был не только местом ссылки, но и гигантской индустриальной стройкой, где требовался их самоотверженный труд как специалистов. Это поддерживало в них человеческое стремление выжить в невероятно трудных условиях, сохранить себя для семьи, для будущей жизни на свободе. Конечно, в лагере рядом с ними были и другие заключенные, враждебно настроенные к социализму.

Разумеется, Шамис сознательно писал не обо всем, чему свидетелем он был, и его никак нельзя упрекать сегодня в сокрытии важных событий норильской истории. В этом – одна из важных особенностей его характера – до последних дней опасаться, исходя из своего непростого жизненного опыта, говорить на т. н. политические темы.

Например, Иосиф Адольфович в своем немалом эпистолярном наследии ничего не упоминает о событиях «холодного лета» 1953 года, когда после смерти Сталина в Норильлаге начались события, вошедшие в историю как Норильское восстание.

Вот как об этом написал А.И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» (т. 3):

«...И в 1953 году лагерные волнения продолжались в разных местах – заварушки помельче вроде 12-го лагпункта Карлага; и крупное восстание в Горлаге (Норильск), о котором сейчас была бы отдельная глава, если бы хоть какой-нибудь был у нас материал. Но никакого. Однако, не впустую прошла смерть тирана. Неведомо отчего что-то скрытое где-то сдвигалось, сдвигалось – и вдруг с жестяным грохотом, как пустое ведро, покатила кубарем еще одна личность – с самой верхушки лестницы да в самое навозное болото.

И все теперь – и авангард, и хвост, и даже гиблые туземцы Архипелага поняли: наступила новая пора».

В книге публикуется сокращенный (по моей просьбе) вариант очерка С. Норильского «Одиссея Ивана Касилова», первая публикация которого состоялась в сборнике документов «Норильский мемориал. Выпуск 7–8», под редакцией Слесаревой С.Г., выпущенном Музеем истории освоения и развития Норильского промышленного района в 2015 г.

Эта работа основана на полученных Сергеем Львовичем подлинных документах умершего в 2006 г. Ивана Стефановича Касилова, активного участника тех событий. Эти документы приводятся в редакции И. Касилова.

Шамиса отличала любовь и уважение к своим товарищам-норильчанам, жизнелюбие, стойкость и оптимизм. Он обладал не только поистине энциклопедическими знаниями, но и прекрасной памятью, запечатлевшей для потомков события недавнего

прошлого, участником которых он был волею судьбы, и, что важно, сохранившей имена людей, с которыми ему довелось встречаться и работать на Крайнем Севере.

Талантливый инженер-строитель, журналист самоучка, прекрасно знавший и любивший литературу, как русскую, так и зарубежную, знаток истории, Иосиф Адольфович Шамис оставил свой, подчас малозаметный, но все-таки такой необходимый след летописца в литературе о ГУЛАГе и о строительстве Норильского горно-металлургического комбината. Для истории Норильска в первую очередь важны записи Шамиса о его соратниках-первостроителях, которых он так любил и увековечиванию памяти которых посвятил десятки лет жизни.

Аркадий Авербух

Глава 10

«Делаем мы это во имя светлой памяти ушедших» *«Синодик» — венок памяти первостроителям Норильска*

Главным смыслом своей жизни после реабилитации и возвращения из Норильска в Москву Иосиф Адольфович видел увековечивание памяти своих товарищей, с которыми его связала судьба, в основном заключенных – первостроителей крупнейшего заполярного промышленного центра. В этом благородном деле ему помогал Сергей Львович. Между Москвой и Тулой велась многолетняя активная переписка, были и встречи в Москве.

Письма дают нам поразительный пример душевной и творческой работы Иосифа Адольфовича над воспоминаниями о людях Норильска! Вот один эпизод.

В «Синодике» есть такая запись о Бакланове Григории Федоровиче: «В 1917 г. – один из красногвардейцев Питера, участвовал в охране Смольного (в комендатуре). В Норильске работал графиком-художником в Проектном отделе, на строительстве теплоцентрали (ТЭЦ) и др. Зарезан урками при защите двух женщин от грабежа и насилия у дома № 13 на улице Севастопольской. Похоронен в Норильске».

Вот что написал Иосиф Адольфович на полях и обороте листа для Сергея Львовича, своего соавтора по «Синодику»:

«Б. был очень большого роста, глаза голубые, чистые, как у ребенка. Абсолютный бессребреник, редчайшей чистоты и самоотверженности безоглядной.

Подумай, Сережа, пусть хоть эти бедные строчки будут ему памятником. Ну кто в самом деле вспомнит его «незлым, тихим словом» (Т. Шевченко).

«... будут тени ему хороводные
из села на заре долетать;
будут нивы ему плодородные
безмятежные сны напевать ...» (Н. Некрасов).
(может не совсем точно, слабеет помаленьку память).

Нет, Сережа, вопрос принципиальный, искать ли жемчужное зернышко у достойного человека и написать? Или же сухо все излагать?

В мрачной картине И. Левитана «Над вечным покоем» он поместил одно яркое красное пятнышко: в окошке избушки. Искусствоведы говорят, что это, как бы сказать, символ оптимизма...

И я говорю: может нам с тобой искать в каждом достойном это самое, красное? Ну, кто, если не мы? Давай глубоко продумаем это.

Сережа, его не «зарезали»: один из урок зашел сзади и ударом в затылок сразил Григория Федоровича насмерть. Зарезать — требует времени, удар — мгновение, так и было.

Ой, Сережа, перечитал у Дорошевича: «Герцен» и др. Ну что за прелесть человек и мастер — художник! Вот журналист, вот мерило! (письмо от 12 февраля 1978 г.).

Шамис вел переписку со многими норильчанами и с их помощью нередко уточнял свои записи. Вот отрывок из ответа, который он получил из Воронежа от *Льва Александровича Рабиновича*:

«Дорогой Иосиф Адольфович!

Искренне благодарю за исключительно любезное письмо Ваше. Думаю, однако, что Вы крепко «переборщили». Тем не менее мне очень приятно и радостно, что у Вас есть обо мне добрая память. Хочу сказать еще, что я часто вспоминаю Вас и многих других норильчан с большим уважением и благодарностью за то, что они были всегда рядом — честные, трудолюбивые, всегда готовые помочь друг другу и незаменимые по своим душевным качествам и квалификации.

Но вряд ли я смогу быть Вам полезен в том большом деле, какое Вы затеваете: я стар и сильно болею, можно сказать, нахожусь «у последней черты». Конечно, я не забыл, и на Ваши

конкретные вопросы я в некотором случае сумею, наверное, ответить».

Затем Рабинович сообщает Шамису информацию о Сапожникове А.К., Альшице М.И., Ховрине В.Н., Машуке В.Д., Муромец А.Н., Эреце П.А., Титкове В.С. и других первостроителях Норильска.

И далее делает важное замечание: «Сведения о каждом должны быть очень кратки, сжаты и касаться только деловых качеств и того конкретного, что данное лицо сделало для Норильска... Никаких упоминаний о его душевных качествах. Ни обо мне, ни о ком другом моральные, так сказать, характеристики, по-моему, неуместны в данном случае» (22 февраля 1978 г.).

Шамис любил своих товарищей и дорожил ими, он умел замечать и ценить в людях лучшее.

Я выписал из «Синодика» вот такие яркие, зримые характеристики норильчан:

энергичный; способный; настойчивый руководитель; работник с большой энергией, абсолютный бессребреник; редчайшей чистоты и самоотверженности безоглядной; пользовался большим уважением товарищей; выдающийся организатор; самородок; отличался высокой добросовестностью и трудолюбием; высокоинтеллигентный, обаятельный человек; высококомпетентный специалист; отличный работник, скромный человек; проявил неумную энергию, решительность и настойчивость; человек высокой порядочности; новатор; скромный; трудолюбивый; усердный; неутомимый работник; инициативный работник; деятельный, исключительный добросовестный работник; чуткий и внимательный человек; авторитетный советник; отличный организатор; высокой порядочности человек; работник широкого диапазона; энергичный организатор; широко образованный; усердный; добрый; большой культуры и обаяния; многоопытный; человек исключительной чистоты.

Какая широкая, красочная палитра человеческих достоинств! Какая память и любовь к людям!

Конечно, «Синодик» не может претендовать на полноту упоминания всех первостроителей Норильска.

«Я же металлургов почти не знал, поэтому их и в «Синодике» нет» (письмо от 24 марта 1983 г.).

У Иосифа Адольфовича со многими знакомыми ему первостроителями были добрые, товарищеские отношения или отношения ограничивались обычным кратким знакомством. Но могло быть в жизни всякое, не исключая и взаимное недолюбливание, что иногда случается в человеческом общении. Но это никак не отразилось на объективности составителя «Синодика», к которой стремился Иосиф Адольфович.

Вот отрывок из письма от 24 мая 1984 г., в котором речь идет о предстоящем праздновании 50-летия Норильска:

«В Москве будет утверждена оргкомиссия (через Норильск) по празднованию 50-летия: слет ветеранов, доклад о Норильске и НГМК, фильмы, награждение ветеранов. Членами намечаются: Веревкин, Ермилов и т. д. – человек 8. В отношении моего участия намек не было, да я, скорее всего, отказался бы из-за того, что там будет Ермилов: мы друг друга давно, мягко сказать, мало любили...»

Это не помешало Шамису написать о Б.Ф. Ермилове объективную характеристику в «Синодике».

С темой празднования в Москве в 1985 году 50-летия начала строительства Норильского комбината связаны следующие интересные заметки Сергея Львовича Щеглова, сделанные им в своем писательском блокноте по горячим следам тех встреч:

«Писатель без должности теперь не писатель», – сказал мне Рябчиков, когда я заметил, что не Роберту¹, а ему бы надо вести сегодня вечер. <...>

Как наивны мы с И.А. Шамисом! Как неправильно представляли я и он эту встречу норильчан. Никаких Шамисов и Щегловых и им подобных стариков на сцену не выпускают – там господствуют молодые, бодрые, жесткие... При чем тут Шамис, Щеглов, когда тон задает Роберт Рождественский, а рядом с ним министр Ломако, его заместители Арбиев (бывший начальник рудника, уже тогда высокомерный, с рабочими не здоровался), Устинов? Какие там списки ушедших? Хорошо, что хоть Урванцева почтили². <...>

¹ Роберт Иванович Рождественский, известный советский поэт (1932–1994 гг.), один из ярких представителей эпохи «шестидесятников».

² Шамис И.А. и Щеглов С.Л. хотели на этом торжественном заседании зачитать список ушедших из жизни первостроителей Норильска и почтить их память.

Начальство после окончания вечера приглашено В.Н. Всесвятским¹ в ресторан, а мы с Григорием Ильичем Сиамашвили, зайдя в «Гастроном» на первом этаже высотного здания на площади Восстания (было уже около 9 часов) и купив там сельди исландской, жаренного минтая «ледяного», хлеба, колбасы, а также водки и пунша, вернулись к Иосифу Адольфовичу и до 6 утра сидели на кухне, спорили, вспоминали, беседовали.

Григорий Ильич рассказал, как его арестовали (август 1937 г.) и препроводили в Соловки, а оттуда – в Дудинку (в трюме). <...> В 9 часов мы покинули гостеприимный кров Шамиса. <...>

Едем с Григорием Ильичем в метро, навстречу – карапуз с автоматом. «Вот ведь, в крови у человека убийство с детства самого, – говорит мой спутник.

«Да что Вы, Григорий Ильич, это же воспитание чудовищное, уродливое», – возражаю. «Нет, в крови», – настаивает старик.

Ощутил я на этой встрече норильчан ту старую дистанцию между бывшими зеками и «вольняшками», а точнее начальством, которая всегда была характерна для Норильска и которая ослабела в 1953–1964 гг., но потом в несколько видоизмененной форме была восстановлена. Беседуя, бывало, с Васиным, Усевичем, Зверевым и т. п. – всегда ощущал дистанцию. Они были корректны, вежливы, но близко к себе не подпускали, и мы чувствовали невозможность нарушить между нами границу.

Теперь эту границу, эту дистанцию, я ощущал не только между собой и Дроздовым, Логиновым, даже Дейчем, но, как ни парадоксально на первый взгляд, и между Львовым и ему подобными молодыми, которые не нюхали Норильска 1935–1943, но чутко усвоили водоразделы между «безупречными» и «неполноценными», «чистыми» и «нечистыми». Эти постоянные попытки вернуть былое величие Сталину, Ворошилову и пр., предпринимающиеся на протяжении двух десятков лет, не могли не сказаться, равно как и неуклюжее принижение роли Хрущева. Хрущева не упоминаем вот уже 20 лет, что вроде и не был, и похоронен не у Кремлевской стены, а о заслугах Сталина говорят и пишут все чаще и настойчивее, памятник ему – рядом с мавзолеем».

¹ Всесвятский В.Н. – начальник Московской конторы Норильского комбината, см. «Синодик».

И далее – из тех же заметок Щеглова о встречах с Шамисом.

«Выезд в Москву из Тулы электричкой 19.00 28 августа 1985 г. к И.А. Шамису. Беседа на всю ночь, до 6 часов утра. Три малюсеньких серебряных стопочки («дедовы») душистой водки (столь дефицитной сейчас) и сосиски, и банка шпротов.

У И.А., как всегда перед встречей, записочка на столике в кабинетике – перечень вопросов, о которых надо поговорить. Портрет Эйнштейна на столе и фотокарточка молодой Ольги Мендельсон над столом, на книжном шкафе – еще две ее карточки и маленький приемник. Перед столом – вертящееся кресло. В этом кабинетике И.А. и уложил меня на 2 часа утром на своей кровати, в сам лег на раскладном диване».

Среди обсуждавшихся тем: Письмо Фроси Керсновской (отец – граф, строитель моста в Самаре, Ефросиния Антоновна, 75 лет, Ессентуки).

Ефросиния Антоновна пишет о гибели Домарева, которому она делала вскрытие (работала в морге при Норильской больнице). Фотография молодой Фроси – бойкая, в гимнастерке, с солдатским ремнем. Она родилась примерно в 1910 г. В Ессентуках у нее половина дома, живет одна, три языка знает кроме русского.

Скептическое отношение Шамиса к Снегову и Урванцеву.

Молитвенник на иврите и на английском (1962 г.).

Иосиф Адольфович готовит ужин и ставит на стол свою знаменитую «шамисовку» – водку, настоящую на лимонных корочках и с виноградным сиропом. Выпив по три рюмочки из старинного хрусталя, беседуем до 4 часов утра...».

«12.09.1986 г. Утром возвратился к Шамису. Он сварил к завтраку гречневую кашу. Последняя торопливая уже беседа – о парапсихологии (в руках у него – записная книжечка) – и на электричку, на Каланчевку»¹.

В феврале 1978 г. и в ноябре 1982 г. экземпляр «Синодика» на 44 машинописных листах (по букву «П») был отправлен Щегловым в «Музей Норильска» (в настоящее время его полное наименование – «Муниципальное бюджетное учреждение «Му-

¹ «Утром возвратился к Шамису» – в ту ночь С.Л. Щеглов в связи с ремонтом в квартире И.А. Шамиса и связанной с этим нехваткой спальных мест ночевал на квартире семьи племянницы И.А. Шамиса Синдлер Людмилы Борисовны – дочери его сестры, тещи автора-составителя книги.

зейно-выставочный комплекс «Норильский музей» сокращенно МБУ «МВК «Музей Норильска»). Этот первоначальный и неполный текст охватывал **332 имени** первостроителей Норильска.

По сообщению заместителя директора «Музея Норильска» Н.С. Бояркиной, в собрании музея имеется личный фонд Сергея Львовича Щеглова и в этом фонде хранится экземпляр «Синодика» (такого же объема, что и у Щеглова); Музей публиковал его один раз на выставке (письмо от 11 апреля 2016 г.).

На этой выставке присутствовал и С.Л. Щеглов. Сотрудничество «Музея Норильска» и Щеглова началось в 1985г., когда он обратился к тогдашнему директору Музея Вахмениной Г.К. с предложением передать в фонды часть своего обширного архива. С тех пор практически ежегодно фонд пополняется новыми поступлениями от Щеглова.

Сергей Львович с благодарностью рассказывал мне о большой работе, проделанной сотрудницей (в те годы) «Музея Норильска» Сорокиной Ириной Михайловной по обработке и принятию на хранение архива Щеглова, в т. ч. и писем Шамиса к нему.

Необходимо отметить наиболее ценные (уникальные) коллекции Музея: фонд Н.Н. Урванцева, первооткрывателя норильских руд, фонд А.П. Завенягина, начальника комбината и лагеря в начале строительства 1938–1941 гг., палеонтологическая коллекция, археологическая коллекция, коллекция предметов материальной культуры аборигенов Таймыра.

Список «Синодика» составлялся Шамисом от руки в Москве, отправлялся почтой в Тулу, где его на машинке печатал Щеглов, возвращал Шамису, затем они его совместно обсуждали, редактировали и дополняли.

Сохранилось у Щеглова и несколько дополнительных материалов Шамиса, которые использованы автором-составителем при завершении работы над «Синодиком» как составной части этой документальной книги.

К таким дополнительным источникам информации для работы над завершением «Синодика» относятся следующие рукописные материалы Шамиса:

1. «Поминальный список ветеранов-норильчан», составленный к слету-встрече норильчан 12 мая 1979 г. в Москве в Доме ученых, содержащий 80 имен на 22 тетрадных листах;

2. Список «Москвичи-норильчане, а также норильчане, живущие вблизи Москвы» к встрече 12 мая 1979 г., содержащий 69 имен на 6 тетрадных листах;

3. Список, составленный Шамисом 8 февраля 1981 г. в день похорон Детинкина С.Н., в память об ушедших ранее из жизни ветеранах Норильска, содержащий 70 имен на 6 тетрадных листах;

4. Список, озаглавленный Шамисом «Ad partres», февраль 1983 г., содержащий 87 имен на 5 тетрадных листах;

5. «Краткий список ведущих проектировщиков Проектного отдела Норильска в период 1938–1956 гг.», направленный в марте 1986 г. в редакцию газеты «Заполярная Правда» А.Л. Львову, содержащий 79 имен на 6 тетрадных листах, со следующими примечаниями Иосифа Адольфовича:

«В списке только 79 фамилий, это только малая часть всего состава Проектного отдела: в пиковые периоды на работу выходили несколько сотен человек.

Названные – это только ведущие, первого ряда, но и остальные работники, помощники ведущих, также были на высоте своих задач. Всех назвать нет возможности.

К концу 1940 г. все работавшие в группе «ПОР» (Проект организации работ) были направлены на производство».

6. Приложение к письму Щеглову от 18 апреля (1978 г. предположительно) «Некоторые имена проектировщиков, строителей и администраторов Норильстроя», содержащее 73 имени на 12 тетрадных листах. Завершается этот список-письмо (написанное, очевидно, незадолго до отъезда в эмиграцию в США), следующими словами отчаяния:

«Дорогой Сережа! Я свою часть «Синодика» на этом завершаю (73 имени), остальные – за тобой, Сереженька: что-то же надо оставить! Кому? Прежде всего, Сережа, тебе – у тебя впереди, даст Б-г, еще долгая жизнь! Писал я это только для тебя и, конечно, ни в коем случае не для печати! Ну и что тут, кроме тебя, кому это интересно? Это я, вот дня три вожусь: *за каждым поминальным именем – жизнь!*».

«Синодик» составлен Шамисом совместно с Щегловым по состоянию на февраль 1978 г., с последующими дополнениями, внесенными автором-составителем согласно записям Шамиса за

май 1979 г., февраль 1981 г., октябрь 1981 г., февраль 1983 г., март 1986 г. и с уточнениями по 3 блокнотам Шамиса 1977 г.

Все эти списки «Синодика» уточнены и дополнены составителем с использованием хранящихся у Щеглова трех рукописных блокнотов, заполненных Шамисом в 1977 г. и озаглавленных им «Картотека первооткрывателей Норильска». К сожалению, не все блокноты этой темы в архиве присутствуют. Блокнот № 1 (по нумерации Шамиса) охватывает фамилии с Р по Э, блокнот № 2 – с З по О, блокнот № 3 повторяет блокнот № 1, охватывает практически те же фамилии в несколько иной редакции изложения биографических сведений.

В результате список «Синодика» пополнился еще 24 новыми именами и дополнена информация по 92 первостроителям Норильска.

После использования мною всех сохранившихся рукописных списков первостроителей, составленных в разные годы Иосифом Адольфовичем, в заверченный «Синодик», впервые публикуемый в данной книге, включено *493 неповторяющихся имени*. Конечно, объем информации о многих весьма ограничен.

Но в любом случае «Синодик» как список первостроителей Норильска, составленный И.А. Шамисом в содружестве с С.Л. Щеговым, – это, бесспорно, венок памяти тем людям, которые в нем упомянуты!

«Что за люди пришли сюда? Этот вопрос и ответ на него широко известны, и в этих строках мы не можем заняться социальными вопросами. Заметим только, что удельный вес волонтеров или, как их называли в Норильске, вольнонаемных, на этой стройке к началу и в первые годы освоения исчислялся, вероятно, долей одного процента» (отрывок из документальной новеллы Шамиса о геологе Владимире Домареве, публикуемой в данной книге).

Сегодня всем понятно, что подавляющее большинство первостроителей Норильска были заключенными, незаконно репрессированными сталинским режимом. По оценочным данным, с 1935 по 1953 г. в Норильске погибло около 700 000 человек, т. е. почти половина всех казненных, убитых и умерших в ГУЛАГе! Всего ж здесь были покалечены судьбы многих миллионов людей...

Аркадий Авербух

Глава 11

Соловки как предверие Норильлага

«Память, может быть, больше чем к прошлому, обращена к настоящему и будущему. Не дай бог утратить нам память».

Владимир Амлинский «Оправдан будет каждый час...», «Юность», № 10–11, 1986

Иосиф Шамис прибыл в Дудинку морским путем 17 августа 1939 года, о чем я сделал вывод на основании его писем и новелл, а также статьи Н. Дзюбенко, и рассказал в первой главе книги.

Прибыл он через северные моря из Карелии, точнее – с Соловецких островов, которые Нина Дзюбенко назвала «Alma mater ГУЛАГа».

Я счел возможным к этому определению добавить еще одно – Соловки явились предтечей Норильлага, его стартовой площадкой.

Н. Дзюбенко в девятой книге Сборника (2007 г.) так писала о Соловецких островах в сталинские годы:

«Больше всего песен о лагерях времен раннего социализма народ сочинил о Соловках и Магадане. Это были лагеря самые известные своей совершенной жутью, что принес новый строй народу, освобожденному от собственности, от элементарных условий для мало-мальского существования, от морали, религии и т. д. А между западным СТОном (Соловецкая тюрьма особого назначения) и восточным Дальлагом – широка страна наша родная, объятая ужасом государственного бандитизма и обнесенная колючей проволокой... Соловки – первенец отечественной концлагерной системы. Располагался он на группе островов в Белом море, при входе в Онежскую губу: Соловецкий, Анзерский, Б. и М. Муксалма, Б. и М. Заяцкие. К Соловецкому лагерю принадлежал также о. Попов. С XV века здесь действовал православный монастырь, закрытый в 1918 году.

Постановление СНК СССР об организации Соловецкого лагеря принудительных работ было принято 13 октября 1923 года за подписью зампреда СНК Рыкова (История сталинского ГУЛАГа. М., 2004. Т. 2. С. 581). Как известно, Рыков через несколько лет станет жертвой репрессий, которые сам же и санкционировал.

Отличительными чертами СЛОНа были полная изоляция от вольного населения, чего легко можно было добиться на островах, расположенных в замерзающем море, затруднительность побегов – не было ни одного удачного, принудительный двенадцатичасовой труд, нормированное питание, армейская организация.

Лагерь менял свое название, принадлежность, управление, но скоро по местам заключения пошли слухи о нем как об учреждении с наиболее жестоким режимом.

Жак Росси в «Справочнике по ГУЛАГу» отметил, что в СЛО-Не «Нормальными явлениями были:

- а) избивание, иногда до смерти, часто без повода;
- б) морение голодом и холодом, иногда до смерти;
- в) индивидуальное и групповое изнасилование заключенных женщин;

- г) выставление на комарики летом, а зимою – обливание водой под открытым небом;

- д) забивание насмерть пойманных беглецов, причем изуродованное тело бросали на несколько дней у ворот лагеря (это стало общесоветской практикой) («Справочник...», с.370).

Кроме того, заключенных заставляли переносить воду из одной проруби в другую, снег с одного места на другое, то есть и сам труд, и сама жизнь лишались всякого смысла.

Безудержному произволу соловецкого начальства способствовали периодические расстрелы (так называемые разгрузки) заключенных по заданиям из Москвы. В 1937–1938 годах то же происходило и в Норильске. Центральным штрафным изолятором Соловков была Секирка или Секир-гора. Ее высота 85 метров. Подняться можно было по тремстам ступеням. Одним из специфических соловецких зверств было сбрасывание заключенного в мешке со ступенек. Жак Росси писал: «В 50-х гг.

в Восточной Сибири автору довелось услышать песню о том, что «на восьмой версте Секир-гора, а под горою мертвые тела. Ветер там один гуляет. Мать родная не узнает, где сынок схороненный лежит» («Справочник...», с. 353).

В 1930 году Соловецкий лагерь был реорганизован в 11-е отделение Беломорско-Балтийского лагеря ОГПУ. Начали рыть канал. Это было еще одно бесчеловечное надругательство над людьми и здравым смыслом: ведь его построили сталинскими темпами без цемента и металла, без техники за 20 месяцев и 10 дней. От этого эксперимента остался безудержный энтузиазм, поговорка «Без туфты и аммонала не построили б канала» (даже вождь, осмотрев новостройку имени себя, недовольно буркнул: «Мелко и неказисто»). Пьеса Погодина «Аристократы» про перековку уголовников в самоотверженных борцов за правое дело много лет гуляла по театрам страны. Даже я в молодом возрасте сподобилась посмотреть этот спектакль про воровских оборотней. Да и сам термин «Зэ – Ка» оттуда же и первоначально расшифровывался как «заключенные каналаармейцы». Народу об этом строительстве до конца XX века напоминали папиросы «Беломор».

Приказом НКВД от 28 ноября 1936 года 8-е Соловецкое специальное отделение ББК было передано 10-му отделу ГУГБ (Главное управление госбезопасности) НКВД и реорганизовано в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН) ГУГБ.

На 1 марта 1939 года в СТОН содержалось 1688 заключенных, а на 1 августа того же года – 2512.

За время существования Соловецкой тюрьмы в ней неоднократно производились расстрелы больших партий заключенных. В 1937–1938 гг. было расстреляно 1818 заключенных.

Приказом НКВД СССР от 2 февраля 1939 года и Постановлением СНК СССР от 1 декабря 1939 года СТОН был закрыт.

При современном положении в работе архивов невозможно установить, были ли связи между СТОНом и Норильлагом до 1939 года, сколько было этапов в Дудинский порт из Соловков, каково было количество этапированных. Все эти и другие вопросы все еще остаются без ответов.

ГУЛАГ помог комбинату решить проблему с кадрами. В 1939 году, по слухам, в Норильск прибыло около 10 тыс. зэков пятью этапами: 13.06., 19.06., 17.08., 17.09. и 09.10. Соловецкий

этап был самый многочисленный, но наименее работоспособный. Тут существует некая тайна.

В некоторых личных делах упоминаются Соловки как место отбывания наказания без указания преступления. В других случаях устанавливать факт пребывания на Соловках помогала известная дата прибытия в Норильск соловецкого этапа (17 августа 1939 года), воспоминания сокамерников, однодельцев и т. д.

Большинство из этих документов появилось спустя годы после закрытия Соловков как места для заключения.

Прежде чем пойдет рассказ об этапе 17 августа 1939 года, хотелось, чтобы сами невольные соловчане рассказали, что же это была за тюрьма. Почему слухи о ней ходили по всей Руси великой? Исследователь истории Соловков Ю. Бродский приводит слова заключенного Михаила Никонова о Соловках: АДСТРОЙ.

Наиболее вероятной датой отправки этапа из Соловков является 5 августа 1939 года. Называет ее Снегов. Это был день его рождения.

Лесовоз или сухогруз «Семен Буденный» пришел к Соловецкому архипелагу загруженный в Архангельске четырьмя сотнями уголовников, которые расположились на корме.

Вспоминает Дебола Алкацев: «Заключенных-соловчан августовской ночью разбудили в необычное время. Тюремную одежду велели снять и надеть свою».

Около бани на Соловецкой пристани людей погрузили в баржи, а из них перегрузили на сухогруз, по этому случаю оборудованный гулаговской мебелью – нарами. Количество этажей называют разное – от 2 до 7.

Вместимость лесовоза могла быть самая фантастическая, если вспомнить чекистские методы загрузки.

Чахвадзе, ссылаясь на слова конвоиров, называет число 3800 этапированных из Соловков в Норильск. На этом же сухогрузе находился и Николай Васильевич Волохов, по свидетельству М.П. Рубеко, начальник Соловецкой тюрьмы. По данным ОВА, Н.В. Волохов с октября 1938 года по июнь 1939 года числился в резерве назначения отдела кадров НКВД СССР. Именно он и привез новых норильчан.

17 августа 1939 года начальник Норильского комбината А.П. Завенягин подписал приказ № 386: «На основании пред-

писания ГУЛАГа НКВД № 1820 от 20 июля 1939 г. назначается заместителем начальника Норильского комбината по лагерю капитан госбезопасности т. Волохов Н.В.».

Названная Завенягиным дата – 17 августа – подтверждает известный по другим источникам день прибытия соловецкого этапа в Норильск.

По Белому, Баренцеву, Карскому морям, реке Енисей лесовоз шел в сопровождении ледокола, который участвовал еще в проводке караванов Карских экспедиций. Плыли тяжело. Море сильно болтало, поэтому «трюмный груз», как назвал его Снегов, лежал вповалку, не поднимаясь. А те, кто выходил наверх, видели низкое небо и льдины, стучавшие о борт корабля.

Кроме морской болезни более худшей из мук была неизвестность, ибо никто не знал ни цели, ни конечного пункта этапа.

Василий Феоктистович Ромашкин назвал фамилию журналиста из Ленинграда А.Е. Старовойтова, который не заболел морской болезнью и был единственным, кто помогал в пути людям, подавая им пищу, воду. А кормили так, что ни по Белому, ни по другому морю не убежишь, как шутил Рубеко.

15 августа сухогруз «Семен Буденный» подошел к Дудинке. Ночь простояли на рейде. Причала не было, поэтому с лесовоза посреди Енисея людей перегружали на баржу и на ней везли к берегу.

800 человек, по словам Чахвадзе, оставили в Дудинке.

Одна группа заключенных до Норильска ехала по узкоколейке. Когда колонна подошла к вокзалу, то обнаружилось, что она вдесятеро длиннее линии платформы. Заключенных «нанизали» друг на друга: сажали на колени, плечи и даже головы. Таким образом в сопровождении охраны, станкового пулемета доехали до пункта, для многих действительно оказавшегося конечным.

Другая группа, по свидетельству Д.К. Алкацева, И.М. Алексеенко, в Норильск пришла пешком.

Потом всех долго сортировали – ведь подконвойных было очень много. М.П. Рубеко утверждает, что его личный номер по норильской учетной картотеке был обозначен в тридцать восьмой тысяче.

Из Соловков в Норильск (как пока известно) попали пять врачей: А.А. Баев, П.Е. Никишин, М.А. Райвичер, З.И. Розенб-

люм, Д. Сагайдак. Они в лагере после этапа определяли рабочую пригодность заключенных: «кого в работяги, кого в доходяги».

Осенью в Норильском ИТЛ вспыхнула эпидемия дизентерии. «В те октябрьские дни, – вспоминает Снегов, – люди из нашего этапа умирали ежедневно. Соловки поставили в Норильск очень ослабленный контингент – так это формулировалось лагерной медициной».

Летом и осенью 1939 года в Норильск прибыло очень много инженеров. Приток их настолько был велик, что УРО формировало бригады «инженеров-землекопателей». Тяжелый изнурительный труд многим был не под силу. И как следствие, «при моем освобождении в 1947 году с этого этапа оставшихся в живых по пальцам можно было пересчитать» (из воспоминаний Натрошвили).

Кто же входил в число соловчан-норильчан? На сегодня точное число найденных составляет 131 человек. Подавляющее большинство – более 100 человек – люди с высшим или незаконченным высшим образованием: и технари, и гуманитарии. На свободе они советской власти были не нужны.

Много раз приходилось слышать о том, что в Норильске лагерь был хороший благодаря А.П. Завенягину. Но мы как-то не всегда помним, что это были люди *невиновные*! Выше я писала, что весь список этапа из Соловков – это те, кто выжил. А в «Мемориале» Петербурга 2 года назад мне попались сведения о А.В. Кузьмине, который до ареста был политредактором «Ленинградской правды». В Норильлаге он работал на стройке (неспециалист, поэтому его спасти было некому), болел цингой, открытой формой туберкулеза и пеллагрой. В начале января 1940 года он умер. С точки зрения лагерных начальников, кто не работает, тот не ест.

Этот лозунг родился на Соловках и дожил до морального кодекса строителя коммунизма».

Глава 12

«Чему, чему свидетели мы были!»

Лагерный мир

Бессмертная пушкинская строка одного из последних стихотворений поэта «Была пора...» как нельзя лучше подходит для заголовка этой необычной главы, рассказывающей о заключенных Норильлага.

Мой рассказ о первостроителе, узнике и летописце Норильлага будет не полным и односторонним без воспоминаний других норильчан, которые в годы сталинских репрессий волею следователей оказались в суровых условиях Таймыра на 69 параллели, в Норильске, где полярный день с незаходящим солнцем длится 67 суток, остальное время – полярная ночь.

И в этом я буду опираться на уже опубликованные документы. Благодаря инициативе и энергии журналиста *Галины Ивановны Касабовой*, не один год проработавшей в Норильске и являющейся основателем и генеральным директором некоммерческого издательского фонда «Норильский», в московском издательстве «Полимедиа» с 2001 года выходят составляемые ею сборники воспоминаний «О времени, о Норильске, о себе...». В настоящее время уже вышло 13 таких книг, в которых содержатся воспоминания бывших заключенных Норильлага и вольнонаемных, работавших в Норильске, а также их родственников и друзей.

С любезного согласия Касабовой я использовал в этой книге отдельные отрывки из составленных ею сборников (с указанием в каждом случае цитирования автора воспоминаний, номера и года выпуска книги, в которой они опубликованы).

Девизом своего книжного проекта она избрала слова русской поэтессы и писательницы Зинаиды Гиппиус «Записывать мелочи. Крупное запишут без нас. Мелочи лучше передают настоящее».

Вот как рассказывает о сборниках воспоминаний норильчан сама их составитель и редактор *Г.И. Касабова*:

«А теперь о том, какую цель мы поставили перед собой. Если коротко: увидеть жизнь Норильского промышленного района глазами тех, кто там жил, работал, учился, растил детей. Таким образом, должны получиться коллективно написанный портрет времени и фрагменты истории страны на конкретном примере Заполярья. О Норильске написано много книг, но есть в них два существенных, но вполне объяснимых недостатка. Первый: во многих отсутствует лагерная тема, а между тем заключенные (в большинстве политические) построили Норильский комбинат и город – з/к работали в Норильлаге вплоть до его закрытия – с 1935 по 1957 год. А это ни много ни мало 21 год 6 месяцев и 5 дней! Но и после исторического рубежа многие бывшие з/к еще вынуждены были оставаться в Норильске по многим политическим и житейским причинам. Второй недостаток: долгие годы не принято было рассказывать о жизни простых людей. В основном живописали трудовые подвиги, рассказывали о работе прославленных руководителей, о трудностях, с которыми успешно справлялись. О бытовых проблемах не писали – опасно и во всех смыслах невыигрышно! Вот мы и решили: пока живы, расскажем о промышленном освоении Таймыра сами. Это будет правда, прочувствованная и выстраданная» (Сборник, кн. 10, 2008 г.).

В «Обращении к читателю» в другом томе *Касабова Г.И.* пишет:

«Надо развеять миф, что комбинат построили комсомольцы. Пора отдать заслуженные почести заключенным: это им досталась в нетронутой тундре самая тяжелая работа – она длилась долгих 25 лет до того времени, когда первый комсомольский десант высадился в Заполярье.

Тяготы экстремальной жизни на Крайнем Севере и труда в Норильлаге (первые 20–25 лет больше работать было просто негде) и заключенных, и вольнонаемных вынуждали в каком-то смысле одинаково терпеть стужу и пургу, одолевать нелегкую дорогу на промобъект, ощущать нехватку солнца, витаминов, одежды... И те, и другие рассказывали, что доброта, находчивость и взаимовыручка стали норильской традицией именно в трагические годы Норильлага: уже тогда людей ценили прежде

всего за моральные и профессиональные качества. Проверку на звание Человека в нечеловеческих условиях выдержали большинство норильчан независимо от того, кто из них был з/к, а кто в/н (вольнонаемный). Исключения, которые, конечно же, были, только подтвердили это правило.

Хочется верить, что придет время, когда историки со свойственным им профессионализмом смогут узнать все о настоящей истории промышленного освоения Таймыра и обратятся к документам советской эпохи, многие из которых до сих пор пока недоступны. Но очевидцы, скорее всего, не доживут до подобного благородного порыва. Без сомнения, официальные бумаги красноречивы, но уж очень скупы. Воспоминания норильчан (в числе других людских свидетельств) помогут очеловечить сухие строки постановлений, указов, приговоров, справок и т. д.» (Сборник, кн. 2, 2002 г.).

«Память – основа совести и нравственности, память – основа культуры, «накоплений» культуры... Хранить память, беречь память – это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками. Память – наше богатство». Так написал в своих «Письмах о добром и прекрасном» великий русский ученый *Дмитрий Сергеевич Лихачев* (М.: Детлит, 1989)».

Итак, слово участникам великой стройки на Крайнем Севере – заключенным и вольнонаемным Норильлага.

«Норильск строили заключенные. Лагерь Норильского комбината, входившего в состав МВД, предназначался не только для особо опасных преступников, но и политических заключенных, осужденных Особым Совещанием. Кроме них сюда собирали ссыльных, уже отбывших наказание в других лагерях (на Урале, в Казахстане и т. д.). (Сборник, кн. 1, 2001 г. *Мириам Борисовна Ферберг*, инженер-химик).

«Вся поверхность рудника 7/9, обогатительная фабрика (БОФ), карьеры «Медвежий ручей» и «Угольный ручей» были большой зоной, в которой работали две с половиной – три тысячи заключенных и 500–600 вольнонаемных.

В полярный день, когда солнце вообще не заходит за горизонт, хорошо были видны бараки заключенных, колонны серых

людей в сопровождении солдат с винтовками и собаками – они тоже направлялись на рудник» (Сборник, кн. 3, 2003 г., *Эдуард Григорьянц*).

«Стимулировали работу на подземных рудниках сокращением срока наказания и улучшенным питанием, поэтому большинство поддавались агитации и перевыполняли нормы выработки.

В те годы заключенным за убийство давали 25 лет и многие имели сроки по 50–75 лет за неоднократные убийства. Эти уже не боялись ничего. Приезжаешь утром на рудник, начинаешь проводить наряд, а тебе сообщают, что вчера скрепериста Соловьева в драке зарезали. Таких случаев было много». (Сборник, кн. 3, 2003 г., *Ростислав Михайлович Крестников*).

«Строительство Норильского комбината развернулось во второй половине 30-х годов несметными ресурсами бесплатной рабсилы, в том числе специалистами и учеными самой высокой квалификации, которыми располагала страна. Их «мобилизация» без каких-либо ограничений осуществлялась ГУЛАГом НКВД по 58-й статье – «Измена Родине» по всем ее десяти пунктам, начиная от нелояльного режиму (или начальству) анекдота и кончая, как правило, вымышленным «вредительством» (Сборник, кн. 1, 2001 г., *Игорь Никулин*).

«По воле судьбы я попал на работу в шахту «Шмидтиха» (шестое лаготделение). Сначала мы жили в палатках и строили себе из досок бараки. Бараки отапливались «буржуйками», сделанными из железных бочек. Воду добывали из снега. За баландой ходили в барак-кухню, первое время – по канатам, так как из-за частых метелей без канатов можно было пойти и не вернуться. Уборных не было – оправлялись на открытом воздухе. В лагере нас обмундировали. Выдали телогрейки, ватные штаны, бушлаты, валенки, шапки и рукавицы. Спали в полном обмундировании, промокшую одежду сушили на себе. Утром просыпались и отрывали примерзшие к нам бушлаты и шапки. На работу нас погнали в первую очередь строить тюрьму для себя, а «вольнягам» – дома и коттеджи. Также долбили фундаменты в вечной мерзлоте для ТЭЦ, металлургических заводов...» (Сборник, кн.

4, журналист *Нина Дзюбенко*, из письма бывшего заключенного Виталия Николаевича Бабичева, репрессированного в 1937 г.).

«Чекисты селили в бараках вперемешку с высококультурными «политиками» и матерых, профессиональных «урок в законе». Зона становилась маленьким суверенным государством, где устанавливались свои блатные законы, которые надо было соблюдать под страхом строгого наказания. Здесь были свои «аристократы», «паханы», был даже «конституционный суд» в лице пожилого «пахана», прожившего почти всю жизнь в зоне.

«Политиков» ненужной специальности использовали на общих работах вместе с уголовниками. Всегда в бараке была маленькая группа «урок в законе» – эти господствовали в бараках и считали позором работу, получали поэтому малый паек и обирали работавших. Уклонение от работы было своеобразным: одна из матерых пришила себе к животу несколько пуговиц. Обнаруженный или почти достоверно выявленный стукач был обречен.

Однажды разыгралась кровавая драма. Урки, жившие в одном бараке, решили в одну из ночей проучить «сук» в соседнем. Случилось по нелепости так, что лагерное начальство, не знавшее о сговоре (стукачи подвели!), в день перед этим перевело «сук» в другой барак, а сюда поселило только что прибывшую партию эзков – работоспособных инвалидов войны. Не знавшие это урки устроили ночью кровавую бойню, которую с трудом утихомирили поднятые по тревоге охранники.

Хуже всего жилось бывшим профессиональным партийным и комсомольским работникам: их словно в насмешку посылали на самые тяжелые и грязные работы. Среди политических были те, кто вел на воле антисоветские речи, колхозницы, собиравшие колоски, оставшиеся после жатвы; раненые солдаты, без сознания подобранные немцами, которые считались изменниками Родины без разбора («Входили без страха в чужие столицы, но возвращались со страхом в свою». – И. Бродский). Один жилец коммунальной квартиры пострадал за то, что его трехлетний сынишка изорвал и испачкал газету, в которой был большой портрет Сталина. Многие попали за одно неосторожное слово.

Высококвалифицированные специалисты и рабочие нужных профилей еще кое-как выживали, а на общих работах выжить было труднее» (Сборник, кн. 6, *Владимир Кизель*).

«В Норильске, куда ни глянешь, стояли вышки с часовыми. Идешь с работы или на работу – ведут колонны заключенных. Многие из них работали рядом – по образованию они были много выше меня. В те годы с заключенными разговаривать не полагалось, только по делу». (Сборник, кн. 5, *Нина Всесвятская*).

«Я окончила Красноярский медицинский институт с мечтой о том, что стану урологом. Нам предложили поехать в Норильск. Я согласилась с радостью: очень хотелось самостоятельности, а трудности нас тогда не пугали. 24 августа 1952 года мы, десять выпускников мединститута, прилетели в Заполярье.

Лагерная зона оставила у меня очень тяжкие воспоминания. Ее огораживало проволочное ограждение, по краям высились будки с охраной. Бараки стояли рядами, в них двухэтажные койки. Заключенных водили колоннами, закрывали на ночь в бараках, вся их жизнь сопровождалась вооруженной охраной и лаем злых собак... Постоянно перед глазами были номера на брюках, фуфайках. Это действовало на меня угнетающе.

Было и такое, что приятно удивляло в лагере. Прежде всего чистота в бараках, столовой, на территории. По очереди мы снимали пробу в столовой. Буквально из ничего здесь готовили вкусные блюда. Все овощи – сухие, глаза бы не смотрели на скукоженные высушенные брюкву, капусту – как из них умудрялись приготовить обед, приятный на вкус, до сих пор не понимаю...

Во время вечерних дежурств иногда подходили заключенные, рассказывали о себе. Все считали себя невиновными. Особенно мне запомнился молодой мужчина, который отчаялся до истерики. Сначала он с тихой улыбкой рассказывал, что с обвинением не согласен и никогда не согласится, он для страны кроме хорошего ничего не делал. Потом он заплакал: «Поверьте мне, меня оговорили...» Мне так было жаль его. И тут он разбежался и стал биться головой о стену, все дрожало в нем, он потерял сознание, а очнувшись, опять повторял: «Я невиновен, я зря трачу время на отсидку, как я был бы полезен, если был бы свободен...»

Все два с половиной года работы в 5-м лаготделении Горлага я морально мучилась. Среди заключенных не было драк, поножовщины, членовредительства, как в других лагерях. Никто не клянчил освобождения от труда, люди с достоинством несли свою нечеловеческую ношу, и от осознания этого и мысли, что, наверное, они невиновны, на душе становилось еще муторней. А в 1953 году я поняла, что политические не теряют интереса к жизни страны» (Сборник, кн. 7, *Юлия Шишова*).

«Невозможно оспорить факт, что основные промышленные объекты, да и сам город с его инфраструктурой, были построены заключенными, в основном политическими. Отсылаю интересующихся к статьям В.С. Биргера, сделавшего обзор квартальных отчетов и состава заключенных Норильлага и Горлага на 01.10.49 г.

Проанализировав их, он указал, какую часть контингента составляли политические: в Норильлаге – около 40 %, а с Горным лагерем – 53 % с лишним. Он считает, что и среди «бытовиков» многие отбывали свои сроки по абсолютно липовым делам – «за колоски», опоздание на несколько минут». (Сборник, кн. 9, *Галина Касабова*).

Нина Дзюбенко разыскала в архивах документы о штрафных изоляторах (ШИЗО), карцерах и бараках усиленного режима (БУР), которые были в Норильлаге. Вот отрывок из ее статьи в четвертой книге Сборника (2003 г.):

«В анналах норильской истории день 1 сентября никак не отмечен. А ведь это день, когда горно-металлургический комбинат по приказу министра цветной металлургии перешел на вольнонаемную силу. Таким образом, можно очертить временные рамки существования Норильлага: 1 июля 1935 – 1 сентября 1956 года. История трагического двадцатилетия «империи зла» вряд ли когда-нибудь будет написана. В уже накопленном «первоначальном капитале» данных есть документальные источники, но в основном это воспоминания.

Посчитать, сколько было невинных в норильских «каторжных норах», очень трудно еще и потому, что государственный терроризм был очень жесток (через лагерь прошло много людей)

и, как пишет А.И. Солженицын, насилие всегда сопровождалось ложью. Один, теперь уже ставший хрестоматийным, пример: приговор «10 лет без права переписки» означал расстрел. Но этой наглой и циничной неправдой принято было утешать родственников. Затем еще много лет органы прокуратуры и другие госучреждения множили эту ложь, выписывая документы о смерти заключенных, где в графе «причина смерти» – если это был расстрел – просто ставили прочерк. <...>

По очень скудным, обусловленным подпиской о неразглашении, данным, в то страшное время в Норильске происходили казни людей в штольне, находившейся в так называемом Норильске-2, в восточной части норильских гор. А происходило это примерно по такой схеме: обреченных заводили в указанную штольню, расстреливали, а следующие обреченные извлекали трупы из штольни, обливали их горячим, железные бочки из-под которого долго еще валялись на площади перед штольней, сжигали, а затем самих их расстреливали.

Ни один лагерь не существовал без штрафных изоляторов (ШИЗО), карцеров, бараков усиленного режима (БУР), куда помещались нарушители лагерной дисциплины. <...>

Потрясает отрывок из записей *Александра Ивановича Мильчакова* (1903–1973), бывшего Генерального секретаря ЦК ВЛКСМ, ответственного работника ЦК ВКП(б) и золотодобывающей промышленности СССР (Сборник, кн. 2, 2002 г.):

«5.11.1938 г. нас, в числе 20 человек, в морозный день пешком отвели в штрафной лагерьный пункт «Каларгон», находившийся в тундре, в 18 километрах от Норильска, чтобы там расстрелять.

В числе обреченных на казнь были: сопроцессник Димитрова по лейпцигскому процессу, бывший секретарь ЦК Болгарского комсомола и член Политбюро Болгарской компартии Благой Попов, заместитель наркома пищевой промышленности СССР Чигринцев, член коллегии Наркомфина СССР Петр Четвериков, начальник Главного управления соляной промышленности СССР Никита Куликов, посол СССР в Румынии Островский, консул в скандинавских странах, бывший ранее секретарем губкома комсомола на Волге Владимир Фишер, бывший первый секретарь Ереванского горкома партии Абел Ордуханян, бывший

секретарь Казанского горкома партии Абдулла Юнусов, профессор истории Сергей Дубровский, профессор права Леонид Гинзбург, профессор права Петр Климов и др.

Две недели мы ждали расправы. От нас этого особенно и не скрывали. У нас отобрали одежду, одели в тряпье. Нам предложили заказать перед смертью «пожрать и накуриться вдоволь», послав в Норильск подводу за продуктами и табаком. У меня и Куликова личных денег нашлось только на пачку махорки и пачечку курительной бумаги... Приставленный к нам в помощь охране и лагерной администрации комендант из уголовников узнал меня. Он был в Невьянске на Урале старостой старательской артели, когда я в 1937 г. посещал невяньские золотые прииски. Комендант сказал мне на ухо: «Батя, вас привезли «на шлепку», мне это точно известно...» И сунул мне в карман бушлата пачку папирос.

Спас нас начальник Норильского строительства и лагеря А.П. Завенягин. Он выждал две недели, а потом вразрез с «директивой центра», под свою ответственность приказал вернуть нас в Норильск».

Мало кто из норильчан знал о том, что *в Норильлаге были самые настоящие узники-каторжане*. Вот отрывок из статьи ранее работавшей в «Заполярном вестнике» журналистки *Аллы Борисовны Макаровой*, опубликованной в 9 книге Сборника, 2007 г.

«Я познакомилась с Ниной Фоминичной Одолинской (это произошло в Москве, на первой совместной конференции бывших узников советских и фашистских концлагерей). Я слушала рассказы Нины Фоминичны о ней, о ее подругах и друзьях. Каждая рассказанная история казалась жуткой, невероятной – как же мало мы знали тогда (да и сейчас много ли больше?) о первостроителях «жемчужины Заполярья», о засекреченном лагерном прошлом Норильска. Я задавала множество вопросов, переспрашивала, пыталась во всем разобраться.

– Осенью 1945 года нас, каторжанок, привезли на 102-й километр строить аэродром Надежда, поселили в брезентовых палатках – «стены» хлопали на ветру, а пола не было, – негромко рассказывала Нина Фоминична. – Умываться конвой водил нас партиями к ручью.

– Постойте, кто такие каторжане? Они тоже были в Норильске?

– Конечно. Тысячи каторжан – мужчин и женщин! В 1945-м в Норильск привезли два этапа каторжанок. «Изменниц Родины» и «пособниц врага» помиловали – вместо высшей меры наказания, то есть расстрела или повешения, молодым женщинам, девушкам давали огромные лагерные сроки, чаще всего 20–25 лет каторжных тяжелых работ (КТР). Таким образом, каждую из нас лишили будущего, семьи, любви... В каторжном лагере на что-то могли еще надеяться мужчины, если выживут после 25 лет наказания. А женщины? Почти ни у кого после освобождения не сложилась семья, почти все одиноки, бездетны, так же как и я...

О том, что в Норильске были каторжане, я тогда услышала впервые. Собственно, журналисты любой подневольный труд привыкли именовать каторжным, то есть тяжелым, невероятно трудным для заключенных. Но были, оказывается, среди наших лагерников и самые настоящие каторжане, ведь советская власть в 1943 году восстановила каторгу, отмененную Временным правительством еще в марте 1917 года.

Норильлаг принял первые этапы каторжан (практически одновременно с воркутинскими и дальневосточными лагерями) еще до окончания Великой Отечественной войны. Это были «безнадежные» заключенные, не имевшие права на амнистию или поощрения за добросовестную работу, носившие номера, кандалы и полосатую одежду, как на царской каторге. Им запрещался даже такой «легкий» труд, как, например, шахтерский, – ведь под землей тепло, а каторжан обрекали на самые физически тяжелые работы, и обязательно на «открытом воздухе». Например, женщины-каторжанки добывали щебень со дна тундровых озер и тачками вывозили на погрузку в вагоны. Они были обязаны трудиться при любой погоде и не имели права на активировки. К тому же их рабочие смены были длиннее на час-два, чем у обычных заключенных. Каторжан помещали в дальние закрытые лагеря, запретив общение не только с вольным населением, но даже с другими заключенными. Им не полагались книги, газеты, журналы, радио, запрещались переписка с родными и даже хранение собственных фотографий...»

«Уголовники ненавидели труд и придумали целую систему членовредительства и симуляции: искусственно себя истощали, вызывали заболевания кожи, лихорадку, сердечную недостаточность. На штрафном лагпункте Каларгон была такса за «услуги»: отрубить палец – одна пайка хлеба, отрубить руку – три пайки.

Удивительно, как в таких условиях интеллигентные люди оставались в живых, да еще пережив все ужасы лагеря, работали с пользой для государства?... Это были люди, увлеченные своей специальностью, любимым делом, люди большой силы духа. Они умели постоять за себя, не жили животной жизнью, а выпускали стенгазеты, плакаты, участвовали в самодеятельности. Они верили, что все тяжелое пройдет, и как могли помогали стране. Патриотизм был их особенностью». (Сборник, кн. 5, *Лариса Назарова*).

«...В 1951–1953 гг. в ОМЦ в области очистки никелевых растворов работал, будучи заключенным, крупный ученый-химик с мировым именем академик А.А. Баландин. На вид ему было 55–60 лет. Он выглядел физически слабым и неловким, плохо видел, был явно «не от мира сего», и, конечно, жизнь в суровых лагерных условиях была для него тяжелейшим испытанием. Все мы в цехе были к нему максимально предупредительны. Работавшие в ОМЦ рабочие-заключенные во главе с Г. Мельником и в лагере, и по пути в цех и из цеха оберегали его, как ребенка. Был случай, когда один из наших рабочих, грузин, имевший на счету несколько убийств, физически защитил его от нападения уголовников.

В связи с желанием многих инженеров ОМЦ работать над кандидатскими диссертациями в цехе организовали лекции по физической химии и химической термодинамике, которые блестяще и без всяких конспектов читал А.А. Баландин. После амнистии 1953 г. А.А. Баландин был срочно освобожден и вылетел в Москву. К сожалению, он скончался через 14 лет. И, конечно, лишь позже я и другие по-настоящему поняли, с каким светлым умом и великим человеком свела нас судьба» (Сборник, кн. 5, *А.С. Смирнов*).

«Какие знаменитые и широко известные люди прошли через Норильлаг: Федоровский, Жак Росси, Гумилев, Козырев, Жженов и многие-многие другие.

Помню зажигательный концерт в ДИТРе Лидии Руслановой. Свои неповторимые «Валенки» она пела в валенках, а на плечах ее был ажурный платок. Выплясывала она так же здорово, как и пела» (Сборник, кн. 5, 2005г., *Нина Даниловна Волошина-Куц*. Ее отец Волошин Даниил Кириллович, 1909 г., был осужден в 1936 г., реабилитирован в 1961 г.).

«В эпоху ГУЛАГа вокруг жилых городских массивов располагались лагерные отделения: бараки и служебные помещения. В то же время вольнонаемные уже работали на производстве, а чтобы добраться до рабочего места, приходилось покидать крытые «воронки» со ступеньками сзади несколько раз за полу-часовую дорогу: нужно было показывать пропуск непременно в развернутом виде при проезде по территории лагеря. После ликвидации Норильлага бараки не снесли, а разгородили их на комнаты. Большую часть барачной территории заняли прибывшие по хрущевскому призыву, частично в них поселились бывшие заключенные, которым по разным причинам не удалось уехать на материк. Приезд на стройки коммунизма считался патриотическим поступком. Ради справедливости нужно сказать, что создавались и более комфортабельные общежития. Построили несколько новых больших домов под общежития. Для этой цели переоборудовали и некоторые бывшие гулаговские административные здания.

Например, в управлении строительства, где работал мой отец, устроили женское общежитие. Среди прибывших в 1956 году преобладали женщины. Это была попытка выровнять население по половому признаку. Люди приезжали сюда самые разные: романтики (немного), авантюристы, карьеристы. Большинство все же руководствовалось прагматическими мотивами: заработать хорошие деньги и постараться устроить свою жизнь. Обещались ведь ценные льготы, например, право строить кооперативное жилье почти в любом городе СССР. Вскоре, правда, началось наступление на льготы, а устроить жизнь в Норильске толком было невозможно». (Сборник, кн. 9, 2007г., *Геннадий Каратаев*).

«Впервые услышал «Заполярный Норильск» в 1950 году, когда я учился в Одесском институте инженеров морского флота. Это уж я позже узнал, что комбинат был в системе ГУЛАГа, что в основном там работали заключенные. Но тогда, в 50 году, мы обратили внимание на другое: все абитуриенты из какого-то далекого, никому не известного поселка сдали экзамены блестяще! А ведь в то время конкурс на наш механический факультет был двенадцать человек на место, на судостроительный – восемнадцать. Чувствовалось, что подготовка норильчан была явно не провинциальной.

В Норильске из отдела кадров комбината меня направили в отдел главного механика. Принимал Абрам Львович Гитгарц. Это был красавец-мужчина. Тщательно выбрит, аккуратно одет. Меня поразили его интеллигентные манеры и речь, уважительное отношение к молодым. Позже я узнал, что Абрам Львович – выпускник Сорбонны, Парижского университета, в Норильске оказался не по своей воле, но вынес лагерную жизнь достойно.

Удивительные люди! Они не отождествляли Родину с государственным строем и потому работали в Норильлаге на благо своего народа, на победу над фашизмом. Именно заключенные, осужденные по 58-й статье, создали человеческий моральный климат в лагере и высоко подняли планку профессионализма в горном деле, металлургии, строительстве». (Сборник, кн. 3, 2003 г., *Владимир Полищук*).

«Норильск был интеллигентным и цивилизованным местом, хотя и называлось оно Норильлагом. Сейчас ни в каком общежитии не встретишь такого порядка, какой был в лагерьном бараке у политических: чистота и аккуратность во всем. И сами они выглядели замечательно, даже если их одежда заштопана. Всегда внимательны и культурны, но без подобострастия. Готовность прийти на помощь просто потрясала. Например, мне нужно было периодически составлять отчеты по обучению профессии на производстве, а я ведь его не знала в тонкостях. Начинаю расспрашивать, а мне специалист говорит: «Вам об этом, о том-то нужно написать? Я подготовлю отчет»...

И напишет так, что все читающие его изумляются... А сколько я видела среди заключенных иностранцев! Красивые, обра-

зованные и обаятельные люди – так было жаль их! Сколько расстреляли их – наверное, не сосчитать...» (Сборник, кн. 3, 2003 г., *Елизавета Чащина-Волосская*).

«Заключенные-артисты давали яркие представления в Доме инженерно-технических работников, именуемом ДИТР. Это было здание с большим зрительным залом на несколько сотен мест, большой сценой, малыми залами и фойе для танцев, помещениями для секций клуба. Там же начинала формироваться техническая библиотека. Некто заключенный Гарри, в прошлом видный деятель 3-го Интернационала, оказывал мне неоценимую помощь в переводе на русский язык документации и инструкций, необходимых для наладки сложных электрических схем американских экскаваторов фирм «Бюсайрус» и «Марион».

Из коллективов артистов-заключенных запомнилась всем великолепная «львовская мужская капелла под управлением Дацко», которая в полном своем составе была репрессирована за то, что во время оккупации немцами города Львова зарабатывала свой хлеб, выступая с концертами. <...>

Отбывали в Норильске неизвестно за что и такие знаменитости, как один из братьев Старостиных, всемирно известных футболистов, – Андрей. Он тренировал норильскую команду и воспитал классных футболистов, часть из которых вошла в сборную Красноярского края. Был там знаменитый вратарь сборной СССР по ватерполо с не менее знаменитой фамилией Буре <...>

В труппе вольнонаемного Норильского драматического театра великолепно играл Георгий Жженов, находившийся в ссылке после отбытия срока заключения в лагерях Магадана. В Норильском драматическом театре начинал свою карьеру артиста двадцатилетний юноша Иннокентий Смоктуновский». (Сборник, кн. 1, 2001 г., *Игорь Никулин*).

Отдельная большая тема рассказа о Норильлаге – это расконвоированные заключенные.

Администрация гигантской непрерывающейся стройки, переходящей в действующий производственный комплекс гор-

но-металлургического комбината, вынуждена была создавать инженерно-техническим работникам и другим специалистам из числа заключенных иные условия для их профессиональной работы на многочисленных объектах, отличные от труда заключенных, занятых на тяжелой неквалифицированной работе под постоянной охраной вооруженного конвоя.

Бывший заключенный *Игорь Никулин* писал:

«В одном я не согласен с Солженицыным. ГУЛАГ не был архипелагом, он был материком, занимающим одну шестую часть земной поверхности. Люди по обе стороны колючей проволоки адаптировались к этому режиму и трудились не за страх, а за совесть. Причем мне пришлось наблюдать, что инженеры-заключенные чаще и более смело при решении сложных технических вопросов шли на производственный риск в отличие от вольнонаемных специалистов, потому что им терять было уже нечего, а каждый вольнонаемный мог в любой момент оказаться за колючей проволокой.

Расконвоирование отдельных заключенных в Норильске не было сопряжено с непосредственным риском предоставить им возможность побега. Добраться нелегально из поселка Норильск до материка было всегда несопоставимо труднее, чем нелегально выйти из оцепления лагерного пункта, где заключенные жили, или из производственной зоны, где они работали» (Сборник, кн. 1, 2001 г.).

Расконвоированными заключенными Норильлага были и герои этой книги Иосиф Адольфович Шамис и Сергей Львович Щеглов. Это давало им возможность практически свободно посещать различные места комбината для выполнения своих служебных обязанностей. Расконвоированными были другие первостроители Норильска, о которых писал Шамис в своих письмах и новеллах. Они дополняются воспоминаниями многих других заключенных, рассказывающих о других сторонах жизни в лагере и на стройке, о которых по разным причинам нет упоминания в работах Иосифа Адольфовича.

Очень интересна та часть *немногочисленных воспоминаний* заключенных, в которых упоминаются *побеги*.

Татьяна Кузнецова (Медведовская) вспоминает:

«Случались побеги заключенных (уголовников). Убегали по три-четыре человека. <...> По местному радио сообщалось, что такого-то числа группой заключенных совершен побег и т. д. Предупреждали вольнонаемных об опасности». (Сборник, кн. 9, 2007 г.).

«Попытки бежать из Норильска заканчивались трагедиями, о которых ходили легенды. Северный Ледовитый океан омывает Таймырский полуостров, до побережья которого 700–1000 километров. До Красноярска расстояние более 2000 километров. В немногочисленных населенных пунктах между Норильском и Красноярском беглые заключенные показаться не могли. Они были бы немедленно схвачены местными жителями и переданы властям <...>

Некоторые из легенд о побегах заключенных казались мне правдоподобными.

На рудниках открытых работ радио и телефонной связью занимался заключенный Вольяно. В один прекрасный день 1945 г. он не вышел на работу, исчез. Не получив вразумительного объяснения у лагерной администрации, я решил, что это очередные неразглашаемые режимные дела оперативно-чекистского отдела. Ходили слухи, что Вольяно установил радиосвязь с иностранной подводной лодкой и шел на встречу с ней. Немецкие подводные лодки во время войны достигали побережья Таймырского полуострова и в районе поселка Диксон вступали в бой с патрулирующими в Енисейской губе нашими военными судами.

Примерно через полгода после исчезновения радиста Вольяно появился слух, что он бежал из Норильска в направлении Северного Ледовитого океана с так называемой «коровой» – напарником, предназначенным для съедения, когда кончится пища, такие случаи были в среде уголовников. Вольяно не достиг побережья. Два трупа были обнаружены в разных местах далеко от Норильска. Он был сыном российского эмигранта, вырос и учился где-то за рубежом и знал иностранные языки». (Сборник, кн. 1, *Игорь Никулин*).

В воспоминаниях заключенных Норильлага много добрых слов сказано о норильских врачах. О подвиге врачей, спасших

жизнь Иосифу Адольфовичу Шамису, он подробно рассказал в письме Сергею Львовичу Щеглову 14–19 марта 1984 г. В этом письме с благодарностью Шамис упоминает имена врачей Гейница, Мардны, Туманиса, Дзентиса и других, о которых говорится в публикуемых ниже воспоминаниях норильских медиков.

«Первым главным врачом второй городской больницы, которая только что организовалась из бывшей центральной больницы лагеря, стал Виктор Алексеевич Кузнецов, он же был и заведующим хирургическим отделением.

Позже я узнал историю Виктора Алексеевича Кузнецова.

26 июля 1941 г. он был арестован, а в 1942 г. доставлен в Норильск <...>

В Норильске в те годы было две больницы: одна – для вольнонаемных около Дома инженерно-технических работников, другая – для заключенных.

Центральная больница лагеря (сокращенно ЦБЛ) находилась у основания горы Медвежки и состояла из двух основных деревянных двухэтажных корпусов: один корпус был терапевтического профиля, другой – повыше на горе – хирургического. Рядом стояли бараки для персонала, одноэтажный корпус психологического корпуса хозяйственного назначения. Сейчас все эти здания засыпаны пустой породой рудника «Медвежий ручей». В центральной больнице лагеря заведующим хирургическим отделением и работал Виктор Алексеевич.

В 1956 году, в октябре, я приехал в Норильск. В это время у Кузнецова был единственный квалифицированный со стажем хирург Клара Николаевна Черновская.

Остальные, как и я, были со студенческой скамьи, их надо было учить да учить. И он учил. Неумная энергия, колоссальная трудоспособность сделали свое дело: за эти годы Кузнецов стал ведущим хирургом Норильска. Он достиг вершин хирургического мастерства. Равных ему в Красноярском крае не было.

...Кузнецов и за колючей проволокой не прекращал научный анализ результатов хирургической деятельности. У него накопился уникальный материал... Он опубликовал только за три года около 20 научных работ. А всего им было написано и опубликовано 42.

По совокупности написанных научных работ в 1963 г. Кузнецову без защиты была присуждена ученая степень кандидата медицинских наук.

Кузнецов не только сам занимался научной работой, но и побуждал к этому своих коллег, причем он привлекал не только хирургов, но и врачей всех специальностей, всех лечебных учреждений города. Только благодаря его энтузиазму в 1966 г. были изданы «Труды врачей города Норильска».

В этой книге, в статье «К истории здравоохранения г. Норильска», Кузнецов запечатлел образы коллег, с которыми работал в лагерный период. Это не по своей воле попавшие в Норильск в 1937 г. хирург Владимир Евстафьевич Родионов, уролог Илья Захарович Шишкин, терапевт Захар Ильич Розенблюм, патологоанатом Павел Евдокимович Никишин, врач инфекционист-гельминтолог Георгий Александрович Попов и доставленные в Норильлаг в 1942 г. терапевты Леонард Бернгардович Мардна и Андрей Витальевич Миллер, врач-окулист Альфред Янович Дзенитис, врачи-педиатры Николай Владимирович Кудрявцев и Альфонс Павлович Бачулис, психиатр Алексей Георгиевич Гейнц, онколог Серафим Васильевич Знаменский» (Сборник, кн. 2, 2002 г., *Евгений Арсеньевич Климов*, заслуженный врач РСФСР, 1929–2001).

Далее – воспоминания доктора из Брянска *Зигурда Генриховича Людвиг*, 1919 г. р., арестованного в 1937 г. Они опубликованы в девятой книге Сборника (2007 г.) *Валентиной Вачаевой*. Предваряя рассказы о норильских медиках, она писала, что «За 20 лет работы в Музее освоения и развития Норильского промышленного района мне довелось читать столько исповедей, которые потрясали, удивляли ужасами и восхищали. Поразительно мужество Человека в нечеловеческих условиях».

«Центральная больница лагеря, в которой я имел честь работать, для меня началась в Красноярской пересылке, на станции Енисей <...>

Уголовники учили «бескорыстию»: подходили группой к политическому, предлагали снять хорошую одежду, обувь. Тех, кто цеплялся за свое имущество, забивали до смерти досками, оторванными от нар. В результате «пожертвований» я стал

ходить в кальсонах, выкрашенных химическим карандашом, в изношенном полупальто, в шапочке, связанной мною из ниток, выдернутых из старого одеяла. Тощий, небритый, я казался стариком, и когда пришел на доклад Смирнова бритым, он не узнал меня: «А где старичок в синих штанах?»

Перед отправкой очередного этапа в Норильск появилась масса симулянтов и членовредителей. Заключение засыпали себе в глаза порошок, сделанный из химического карандаша (и часто слепли), пили «химию», курили разные смеси из лекарств и снадобий, полученных за проволокой, чтобы вызвать болезненные явления. Медики были между двух огней, ибо начальник хотел побольше отправить этапом на Север.

В конце сентября 1943 года с последним этапом меня на «Серго Орджоникидзе» отправили в Дудинку. Охрана отобрала у нас, двух медиков, все инструменты, а в трюме находился больной с распухшей щекой, изнемогающий от зубной боли и лихорадки. В Китае народные лекари рвут зубы пальцами, которые упражняют с детства. Соображаю: «У всех авитаминоз, зубы держатся слабее, чем у здоровых. Значит, только чтобы не укусил!»

Принял меры – и зуб у меня в руках! Больной сплевывает гной с кровью и шепчет: «Как хорошо!»

В Дудинке нас всех гоняли на лесобиржу, чтобы вытаскивать бревна из воды и подавать к подъемнику. Возвращались мокрые. Едва хватало сил подняться на обледенелый крутой берег.

В Норильске меня отправили на рудник открытых работ (РОР), в 10-е лаготделение. Я получил барак стационарных больных. Вел амбулаторный прием вечером после работы и утром перед разводом с хирургом Угаровым и терапевтом Бернфельдом (из Польши). Главными заболеваниями были переохлаждение и пневмония. В холодную погоду поступало по восемь-двенадцать больных, двое-трое к утру умирали.

Переохлажденным кроме всего прочего внутривенно вводили раствор глюкозы-фруктозы, который готовили в бактериологической лаборатории санэпидемстанции. А для лечения цинги применяли густой хвойный экстракт и напиток из дрожжей и отрубей. Эти средства получал каждый заключенный. СЭС строго следила за содержанием витаминов в «квасе». Вскоре тяжелые

формы цинги, пеллагры, бери-бери и других авитаминозов практически перестали встречаться.

В стационарах давали импортную аскорбиновую кислоту, но она полностью не излечивала, а только ослабляла цинготные явления. Секрет успеха хвои и весенних ольховых листьев – в сочетании необходимых факторов.

Помню, как медиков РОРа и других лаготделений собирали на конференции. Доклады читали врачи ЦБЛ Леонард Бернгардович Мардна, Захар Ильич Розенблюм и др.

Однажды я стал жертвой коварства. Врач кислородной станции привез на санях и спихнул мне больных с фальшивыми диагнозами. Чтобы разместить их в переполненном стационаре, пришлось делать внеплановую выписку. Один из выписанных в белье при сорокаградусном морозе побежал через все лаготделение к начальнику Шошкину, который люто ненавидел медиков, и тот, не вникая в суть дела, приказал водворить меня в штрафной изолятор на 10 суток. Штрафников водили строить дорогу за горой Шмидта. Норма на день: накайлить 50 тачек грунта и вывезти на расстояние свыше 50 метров. Я выбился из сил и на обратном пути не поспевал за бригадой. Меня оставили одного. Я шел и внушал себе: «Если упадешь – умрешь». Когда доплелся до вахты, то увидел всю бригаду: ее не пускали в зону без меня. Накинулись, избili <...>

В связи с эпидемией венерических заболеваний и нехваткой специалистов меня отправили на стажировку. Поликлиника вольнонаемных и ЦБЛ на улице Заводской соединялись галереей. Рядом находилось 5-е лаготделение. В одном из его барачков я и жил. При отделении была поликлиника, в которой принимали больных и врачи ЦБЛ. Они жили в улучшенном бараке, а ведущие медики (Л.Б. Мардна, В.А. Кузнецов, П.Е. Никишин) – в комнате при морге <...>

В венерологическом кабинете работала Анна Родионовна Зубкова, научившая меня диагностике сифилиса, но еще больше показала, каким высоконравственным человеком должен быть венеролог. В минуты затишья я уходил к Илье Захаровичу Шишкину, который позволял мне выполнять некоторые лечебные процедуры самостоятельно. Вечерами заглядывал в палаты к Станиславу Игнатьевичу Туминасу, специалисту по различным

осложнениям, особенно связанным с плохой переносимостью мышьяка и ртути. Антибиотиков тогда Норильск не получал.

После стажировки мне выделили два барака амбулаторных больных и два дизентерийных барака, поручили делать осмотр всех прибывающих с этапом, периодические проверки женских зон. Спустя годы я с удовлетворением узнавал, что мои больные, прошедшие полный курс лечения, выздоровели и имели здоровых детей.

При больнице были подсобные хозяйства: теплица, свинарник, мастерские, прачечная, пошивочная <...>

В ЦБЛ поражал подбор кадров: ни одной санитарки без образования! Кочегаром в котельной работал эстонец, бронзовый призер Олимпийских игр 1936 года по борьбе. Медсестра Е.А. Керсновская, агроном и художница, знала одиннадцать европейских языков.

Врачи, отбывшие заключение, то оставались работать в системе лагеря, то переходили в вольный сектор, поэтому четкой границы между больницей лагеря и больницей поселка не было.

Большинство врачей ЦБЛ читали медицинскую литературу на иностранных языках, при больнице поселка была хорошая библиотека, которой пользовались и врачи-заклученные. Ведущие врачи охотно делились знаниями с менее опытными коллегами. Окулист Альфред Янович Дзенитис разрешил мне помогать на его приемах, а потом привлек к участию в глазных операциях. Позднее нашли пособие «Пур пратисьен» («Для практиков») и через полгода беспощадного обучения у Е.А. Керсновской я стал свободно читать французские тексты и говорить почему-то с гасконским акцентом <...>

Медикам приходилось сражаться сразу на двух фронтах. Некоторые оперуполномоченные и начальники лаготделений вмешивались в решения врачей: отменяли освобождения от работы, запрещали направлять в ЦБЛ с острыми заболеваниями. Итогами таких мер были инвалидность и смерть. Жертвами чаще становились женщины, особенно молодые, красивые.

Врачам неоднократно угрожали расправой и оперуполномоченные, и уголовники. Несколько медиков пытались покончить с собой. Не удалось спасти Угарова, Макаруса, зубного врача

Люцию Францевну. Врача Миткуса зарезали. Были случаи резни между уголовниками даже в ЦБЛ.

Виктор Алексеевич виртуозно выполнял сложнейшие операции по созданию искусственного пищевода из тонкой кишки у женщин, пытавшихся отравиться едкой щелочью из аккумуляторов (пищевод и входная часть желудка оказывались тяжело обожженными и подлежали удалению). Он подготовил и защитил кандидатскую диссертацию на тему из проктологии, где было рассмотрено около ста способов операции и предложено два своих способа. Переводы с иностранных языков (даже с португальского) для диссертации сделала Е.А. Керсновская, она же выполнила часть рисунков, а другую часть – больная О.Е. Бенуа, из рода известного русского художника.

Туберкулезное отделение вел эстонец Реймасте. Это был внешне очень сдержанный, но чуткий врач. В сложных случаях А.В. Миллер на консилиум предпочитал вызывать именно его. Даже в условиях Норильлага Реймасте удавалось излечивать больных с кавернами легких.

Большой популярностью у вольнонаемных и заключенных пользовался психиатр Алексей Георгиевич Гейнц. Он успешно отсеивал истинных больных от симулянтов, считавших, что чем больше глупостей они сотворят, тем скорее специалисты поверят, что они больные. Психических больных вели также врачи Арканов и Семенченко, фронтовик.

Отлично работала «скорая». Врач перед выездом из лаготделения обязательно звонил в ЦБЛ, чтобы персонал мог приготовиться. В мое дежурство главврач «Скорой помощи» Иллариия Арсентьевна Шиляева сообщила, что привезет раненного ножом в сердце и живот. Через 20 минут больного прямо из машины подняли на операционный стол. Наркоз давал А.Я. Дзенитис, ассистировал терапевт Х.М. Давудов. Я наложил четыре шва на рану сердца. Кровь из грудной полости была собрана, процежена и внутривенно введена больному, были также наложены швы на желудок и печень. Через неделю больной самостоятельно встал с постели.

В октябре 1952 года меня освободили из лагеря, определив пожизненную ссылку – поселок Норильск. В Горлаге полковник на меня кричал, называл фашистом и угрожал расправой за то,

что я, спасая жизни людей, делал это без диплома... А с известием о процессе над кремлевскими врачами началось шельмование медиков и в Норильске».

Что представлял из себя молодой город Норильск в первые послевоенные годы? Об этом рассказывают норильчане.

«Я впервые попала в Норильск далеким летом 1946 г.

Норильск тогда мне показался солнечным, теплым. Это был поселок ГУЛАГа, затерянный в тундре, в котором вольнонаемных были считанные сотни, а остальное население – ээки, о которых я тогда еще ничего не знала.

Первая улица поселка от Нулевого пикета – Горная. От нее все начиналось. Там и первая школа, и конторы, и жилье начальства. Затем перпендикулярно ей шла Заводская, протянувшаяся до въезда на промплощадку. На ней уже стояли жилые двухэтажные дома с коридорной системой, поликлиника, магазин, конторы. Далее шел «Шанхай» – самострой, в котором с семьями жили освободившиеся и оставшиеся в Норильске по разным причинам ээки.

У подножия гор и на других площадках в тундре располагались лаготделения. Там находились десятки тысяч бесплатных тружеников, строителей комбината, виновных и не виновных перед государством, которое пожирало их труд, здоровье, а нередко и отнимало их жизнь». (Сборник, кн. 1, 2001г., *Элита Шишкина*).

Трагическую статистику Норильлага собрала и проанализировала Нина Дзюбенко в третьей книге Сборника (2003 г.).

«Что представлял собой Норильлаг? По данным схемы управления лагерем, норильская империя ГУЛАГа охватывала 4 тысячи 613 километров, включая Шушенское и Курейку. Самая северная точка отдельного лагпункта Бирули находилась на 2 тысячи километров севернее Норильска – на берегу Карского моря. В 1953 г. ИТЛ включал 35 лаготделений и 14 лагпунктов, а также 6 лаготделений Горного лагеря. Количество заключенных в том же году составляло 100 тысяч человек.

Вот о чем рассказали архивные данные. 1935 г., июль-октябрь – в Норильлаге 1200 заключенных. 1936 г., январь, – 1251,

1937 г., январь, – 9139, 1938 г., январь, – 7929, второй квартал – 7682, третий – 10 332, четвертый квартал – 12 440 з/к. В 1937–1938 гг. в Норильлаге производились массовые расстрелы заключенных по постановлениям «тройки» Красноярского НКВД (известно около трехсот имен).

В 1939 г., в январе – 11 560 заключенных.

Авраамий Павлович исправлял ошибки своего предшественника на посту начальника Норильского строительства и лагеря В.З. Матвеева, при котором, по словам Завенягина, «не было должного режима». Матвеев же по приговору трибунала Московского округа внутренних войск НКВД 7–9 апреля 1939 г. осужден по ст. 58, п. 7, 8, 11 к 15 годам тюремного заключения и 5 годам поражения в правах.

Из воспоминаний известно, что в 1939-м спецконтингент увеличился на 10 тысяч. Закрылись Соловки, и Северный морской путь тоже оказался пригодным для доставки заключенных в порт Дудинка <...>

Среднегодовая численность заключенных в 1942 г. – 26 421 человек.

Большинство заключенных, освобождаясь из лагеря, не имели права выезда из Норильска. 19 апреля 1942 г. вышла секретная директива № 185 о задержке, вплоть до особого распоряжения, освобождения заключенных, имевших 58-ю статью.

Вот что пишет Д.А. Волкогонов в книге «Триумф и трагедия»: «Как явствует из документов, именно Сталин был инициатором превращения заключенных в постоянный источник бесправной и дешевой рабочей силы. Выступление Сталина на заседании Президиума Верховного Совета СССР 25.08.38 г., поощряющее удерживать заключенных в лагерях по окончании срока, было тут же оформлено как юридический акт...»

Доставка заключенных самолетами в Норильск осуществлялась только по «спецнарядам» ГУЛАГа. Так, например, прилетел Н.Н. Урванцев в декабре 1942 г.

Северный морской путь требовал ледокольного «эскорта», поэтому река Енисей все годы была главной этапной дорогой от Злобина до Дудинки <...>

1943 г. – количество заключенных в Норильлаге неизвестно. В январе 1944-го – 34 572 заключенных, в октябре 1945-го –

36 984. Нет данных за 1946–1947 гг., 1948 г., февраль, – 47 922, 1948 г., октябрь, – 49 822, 1951 г., март, – 71 331, второй квартал – 68 919.

Со слов помощника прокурора Норильлага Е.В. Павловского известно, что число заключенных Горного лагеря – 30–32 тысячи. Начальник Комбината В.С. Зверев на партхозактиве в 1953 г. доложил, что в ИТЛ заключенных в 3,5 раза больше, чем в Горном. Получается около 120 тысяч з/к.

Последний этап в Норильлаг прибыл в 1953 г.

А начинался Норильский лагерь в 1935 г. с приказа наркома внутренних дел Г. Ягоды». (Сборник, кн. 1, 2001 г.).

Приведу отрывки из статьи *Владимира Козлова*, опубликованной 9 сентября 2011г. на сайте «Всемирная энциклопедия путешествий» www.planerquide.ru.

«В сентябре 1935 в районе будущего Норильска были организованы т. н. лагерные пункты: Дудинский, Норильский, «Норильск-2», «Валёк». 1 мая 1936 директор Матвеев В.З. издал приказ: «Вы, советские лагерники, не являетесь отбросами общества, как при капитализме, а являетесь временно изолированными. Да здравствует советская исправительно-трудовая политика и наш любимый нарком Ягода!»

И в заключение этой темы – трагическая статистика ГУЛАГа.

История ГУЛАГа началась в 1929 году, когда Совнарком СССР принял постановление «Об использовании труда уголовно заключенных», по которому содержание всех осужденных на срок 3 года и больше передавалось в ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР – орган борьбы с контрреволюцией, шпионажем, по обеспечению госбезопасности и борьбе с чуждыми советской власти элементами).

В 1934 году был создан Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) СССР, куда вошло и Главное управление лагерей (ГУЛАГ).

Система ГУЛАГа объединяла 53 лагерных управления с тысячами лагерных отделений и пунктов, 425 колоний, а также более 2000 спецкомендатур. Всего действовало свыше 30 000 мест заключения, в основном исправительно-трудовых лагерей и таких же колоний.

Вот масштабы – численность заключенных системы ГУЛАГа (по состоянию на 1 января соответствующего года).

1934 г. – 510 307 человек,

1938 г. – 1 881 570 человек,

1941 г. – 1 929 729 человек,

1945 г. – 1 460 677 человек,

1948 г. – 2 199 535 человек,

1953 г. – 2 468 524 человеческих судеб!

Воистину: «И стал народ врагом народа!»

Всего с 1930 по 1953 гг. в лагерях и колониях побывало 18 000 000 человек, 786 000 человек были приговорены к расстрелу.

Репрессии шли в соответствии с разнарядками, направляемыми из Москвы в регионы. Областные управления НКВД получали план – сколько именно сотен и тысяч врагов народа они должны обезвредить в текущем квартале. Конечно, не обходилось без стукачей, но они только мешали плановой работе органов. Общество «Мемориал» подсчитало: 94 % узников – жертвы чекистского беспредела и только один из двадцати репрессированных – результат доноса.

Глава 13

«... Под каждой могильной плитой — всемирная история».

М. Евзеров, Ж. Росси — тоже летописцы Норильлага

Заклученными в Норильлаге в разные годы его более чем 20-летней истории были многие замечательные люди, имена которых уже упоминались на страницах этой книги. Но нельзя не рассказать поподробней еще о нескольких удивительных судьбах ярких личностей, без воспоминаний о которых мозаика норильской лагерной жизни, на мой взгляд, будет неполной.

В своих письмах 29 января и 29 апреля 1986 г. Иосиф Адольфович Шамис упоминал нескольких своих работ о *Моисее Исааковиче Евзерове*: «Евзеров — горняк Таймыра» и «Евзеров — очерк жизни и труда». К сожалению, эти новеллы не сохранились.

Моисей Исаакович Евзеров родился в 1901 г. в Смоленской области. Первый советский управляющий рудниками «Груманит-Сити» на Шпицбергене и первый консульский представитель СССР на Шпицбергене в Норвегии в 1931–1933 гг.

Репрессирован в 1937 г. Находясь в заключении, работал главным инженером, начальником шахт и рудника в Норильске. Реабилитирован в 1954 г. Занесен в Книгу почета Норильского комбината. С 1956 по 1961 гг. — заместитель директора комбината «Печенгауголь» по горным работам. Умер в Москве в 1985 г.

В Сборнике опубликованы воспоминания самого *Евзерова М.И.* «Записки горного инженера» (книги 1 и 2, 2001–2002 гг.).

Главный герой записок — Михаил Ильич Левин, под этим именем Евзеров пишет о собственной горькой судьбе. Его дочь И. Евзерова-Качурина утверждает: «когда отец описывал свою жизнь в ГУЛАГе от третьего лица, он все-таки меньше переживал, старался отстраниться от личных невзгод. Если это в принципе возможно.

А может, помимо его воли вмешался страх? Евзерова после реабилитации отправили на родину в Донбасс, где его сразу же вызвали в КГБ:

– Сколько вам надо времени, чтоб собраться?

Заикающимся голосом Евзеров попытался было сказать о своей реабилитации, но его оборвали:

– Откуда приехал – немедленно туда!

Значит, опять в Норильск. Вот тогда-то на нервной почве Моисей Исаакович почти потерял зрение <...>»

«Шахта и лагпункт «Надежда»

«Из двух жилых барачных лагпунктов один уже был занят ранее прибывшими заключенными.

Как узнал впоследствии Левин, в основном это были бытовики, осужденные за грабежи, воровство, растраты. Было среди них несколько осужденных по 58-й статье, но все они обвинялись по сравнительно легкому 10-му пункту этой статьи, то есть за агитацию против советской власти, и имели небольшие сроки

*Евзеров Моисей
Исаакович
(1901—1985)*

заклучения. Людей, арестованных в 1937–1938 гг. и осужденных по страшным пунктам 58-й статьи: 7, 6, 9, и 11, то есть за вредительство, террор, диверсии и участие в контрреволюционных организациях, среди них еще не было.

Горячую пищу выдавали один раз в день, в обед. Это был жидкий картофельный суп с мясом или рыбой; на второе – каша овсяная или ячневая. Хлеб давали один раз в день по утрам – 700 граммов, сахар – раз в месяц по килограмму.

ИТРовское питание было обособленным – готовилось в отдельных котлах. Оно зависело от процента выполнения производственного плана. Группа питания устанавливалась инженерно-техническому персоналу на месяц в зависимости от результата работы предыдущего месяца. Часть инженерно-технических работников жила вне лагеря, хотя и в зоне оцепления, куда входили производственные объекты. Обычно, в таком случае, они жили в отдельных помещениях и получали полагающееся им питание сухим пайком. Из своей среды выделялся дневальный, который готовил питание на всю группу.

На следующий день после прибытия в лагерь заключенные прошли медицинское освидетельствование. Оно проводилось врачами медпункта лагерного подразделения в присутствии начальника лагпункта. Все заключенные по состоянию здоровья и пригодности к работе делились на три группы. В первую входили самые молодые, крепкие, здоровые лагерники. Они предназначались для наиболее тяжелых физических работ. Во вторую группу – здоровые заключенные средней крепости, пригодные для обычных физических работ. В третью группу попадали ослабленные люди, которым на производстве снижали обычные нормы выработки. Из них комплектовались хозлагод-слуга, дневальные, рабочие на легких работах.

ИТРовцы получали небольшой должностной оклад, который достигал 200 рублей в месяц. Эти деньги играли большую роль в жизни заключенных: на них в ларьке можно было закупить дополнительное питание, табак, спички, кое-какие предметы одежды. Часть денег можно было перевести семье.

Михаил Ильич думал о самой работе, как ее лучше вести. В шахте он забывал обо всем: о своем заключении, лишениях, перенесенных бедах. Он вновь жил полной жизнью. <...>

Михаил Ильич недолго оставался в общем бараке. Его переселили в одну из комнат шахтной конторы. Помещалась она в не-большом каркасно-засыпном здании. В нем были три комнаты. Из них две на нижнем этаже занимала контора, в третьей, в мансарде, жили шесть человек – служащих и ИТР-заключенных. К моменту перехода сюда Михаила Ильича все нары, кроме одних верхних, были уже заселены, и он занял место наверху, почти у потолка. В комнате было тесно. Если не топили, было холодно, если же затапливали печь, то от жары некуда было деваться, особенно наверху. Страшно мучили клопы. Их было видимо-невидимо. Ночью они набрасывались на Михаила Ильича целыми полчищами. Спать было совершенно невозможно. Раем представлялась теперь койка в Мариинской тюрьме, где всегда было чистое постельное белье и где клопов и следа не было. Преимуществом нового помещения были большая тишина и порядок.

Комнаты конторы были очень маленькими, тесными, грязными. В одной был кабинет начальника шахты, в другой помещались все остальные сотрудники «Надежды» <...>

«...За связь с Завенягиным»

«Отбывание срока заключения в Норильлаге не было таким тяжелым, как в других лагерях. Возможно, что это было связано с тем, что во главе Норильского комбината и лагеря стоял Авраамий Павлович Завенягин, толковый инженер и хороший коммунист <...>

С Авраамием Павловичем Михаил Ильич учился в Московской горной академии. Оба они были приняты в этот вуз в 1922 г. Левин прибыл в Москву из Смоленска. Он работал в политуправлении Западного фронта и после окончания Гражданской войны в октябре 1921 г. демобилизовался и был принят на последний курс рабфака Смоленского университета. Отсюда он и попал в Москву в горную академию. Завенягин приехал из Донбасса с партийной работы. В академии они были на разных факультетах: Завенягин – на металлургическом, Михаил Ильич – на горном.

С первых же дней работы Михаил Ильич заставил уважать себя как заключенных, так и вольнонаемный состав шахты и лаг-

пункта. Он ни перед кем не заискивал, никого не боялся. Это не было особенно продуманной линией, но было результатом того, что он не был сломлен судом, следствием и тюрьмой, оставался в душе коммунистом и никогда не чувствовал себя в чем-либо виновным перед партией и советской властью. Он отдавал все свое время и силы работе, и окружающие забывали, что перед ними «враг народа», к которому надо относиться с подозрением и недоверием. Михаил Ильич добился беспрекословного выполнения своих распоряжений как рабочими, так и ИТРовским составом.

Впоследствии он убедился, что большинство заключенных, назначенных на инженерные должности, работали исключительно добросовестно, не за страх, а за совесть. Это могло показаться странным, и в это не верили отдельные работники лагеря. Они не могли понять, как это люди, обиженные, осужденные на долгие годы заключения, оторванные от семей и друзей, могут оставаться патриотами своей страны. Но это были советские люди, верившие партии и советской власти, любившие свою Родину и отдававшие ей все свои силы, хотя она и отвергла их, повернулась к ним спиной. Никто не жаловался, не хныкал. Все верили, что время изменится, истина восторжествует. Без такой веры невозможно было ни жить, ни работать.

«В лагере болеть нельзя»

На пропускном пункте лагеря был список заключенных, которым разрешался свободный выход в зону оцепления. Левин был в этом списке и мог в любой момент выходить и входить в лагпункт. Городского же пропуска у него не было. Он давался только расконвоированным заключенным, обычно бытовикам. Осужденные по 58-й статье редко получали городской пропуск, особенно имевшие такие «страшные» пункты 58-й статьи, какие были у Михаила Ильича, к тому же все эти пункты были прямые, те же через пункты 17-й или 19-й как соучастие или пособничество. Люди, осужденные по этим пунктам 58-й статьи, вообще не подлежали расконвоированию. В город Михаил Ильич мог попасть только под конвоем по разовому пропуску. Конвоиров обычно не хватало, и временами давался разовый пропуск под ответственность заключенного, имевшего постоянный пропуск.

Особой нужды Михаил Ильич в постоянном городском пропуске не чувствовал. Зона оцепления была довольна велика, она охватывала территорию ряда горных предприятий: шахты «Надежда», шахты «Угольный ручей», рудника открытых работ – и тянулась на десяток километров с востока на запад и на несколько километров с севера на юг. Все работы шахты «Надежда» оказывались в этой зоне. В свободное от работы время можно было пройти недалеко в тундру к близлежащим озерам и ручьям, набрать цветов, ягод. Мучили только комары и мошкара. Их были тучи! От укусов опухало лицо, шея, руки. К концу дня все это горело, как ошпаренное кипятком. Лагерникам выдавали накомарники, но комары ухитрялись залезать под них и жалить, жалить без конца. В накомарниках было неудобно работать. Они во время жары затрудняли дыхание. Все это было очень мучительно, особенно первые два-три месяца работы на «Надежде». <...>

Проживание за зоной лагпункта, работа по специальности создавали ощущение относительной свободы: не было тюремных решеток, не видно было конвоиров с примкнутыми штыками, не слышно было окриков надзирателей.

Шахта «Надежда», или иначе № 12, как уже было сказано, не была связана железнодорожными путями с магистралью Дудинка – Норильск. Не было до нее и автодороги. Это создавало большие трудности со снабжением ее продуктами, материалами, особенно крепежным лесом. Все предназначенное для шахты и лагпункта выгружалось на 102-м километре и отсюда тракторными саними доставлялось на «Надежду». Трактором приходилось тянуть грузы по топкой тундре. Они нередко выходили из строя, вязли.

Между тем подземные работы развивались довольно интенсивно. Наступил такой момент, когда из-за отсутствия крепежного леса работы были приостановлены. Тракторов в тот момент Норильский комбинат выделить не мог, да и едва ли они могли бы помочь. <...>

Было решено попытаться доставить на шахту лес на собственных плечах. Это была очень трудная задача. 102-й километр, где был выгружен крепежник, был расположен ниже «Надежды» на несколько сотен метров. Лес надо было восемь километров

нести на плечах вверх по мокрой тундре, по глинистым скользким откосам. Лес же был тяжелый, прибывший сплавом по Енисею и только слегка обсохший. Не легче был и местный лес – лиственница, заготовленная в близлежащих к Норильску районах Таймырского полуострова.

На доставку леса вышли все рабочие и ИТР шахты, заключенные и вольнонаемные во главе со Слепцовым и Михаилом Ильичом. Утро было туманным и пасмурным. Намечено было сделать за смену два рейса. Каждая пара несла одну лесину. Это было тяжелым испытанием. Ноги вязли в глине, скользили на холмистых склонах. Влажные, скользкие бревна норовили сорваться с плеч, больно ударить по ногам и полететь вниз.

«Записки горного инженера»

<...> Представление о том, что работа заключенных – это труд из-под палки, совершенно не вязалось с тем, как работали ээки на «Надежде». Контингент здесь подобрался отборный, состоявший в основном из политических. Истинных контрреволюционеров, врагов Родины, среди них не было и, пожалуй, быть не могло. Все они, за весьма редким исключением, родились или, во всяком случае, стали взрослыми после Октябрьской революции, работали в колхозах, на фабриках, заводах, в учреждениях, привыкли к труду.

«Контрреволюционерами», «троцкистами» их объявили следственные органы и суд, но это не сделало их врагами своей Родины, партии и советской власти. Люди старались своей работой доказать, что они по-прежнему отдают все свои силы на благо своей страны. Были и чисто лагерные стимулы к хорошей работе: от результатов труда зависело не только питание заключенных, получение денежного вознаграждения, но и снижение сроков пребывания в заключении.

В Норильске не было зачета рабочих дней, то есть снижения сроков пребывания в заключении в зависимости от количества отработанного времени в лагере. Вместо этого один-два раза в год по ходатайству комбината и лагеря за производственные достижения (при условии соблюдения лагерного режима) снижался срок заключения от нескольких месяцев до трех лет. Были

отдельные случаи снижения сроков заключения за особые достижения на производстве до пяти лет, но давалось оно людям, осужденным на очень долгое заключение, например до 25 лет. Приказы комбината, извещавшие о снижении сроков заключения, содержали сотни фамилий заключенных и широко распространялись по лагерю...

Завенягин направлял на РОР инженеров разных специальностей, чтобы создать костяк будущего инженерно-технического состава этого важнейшего предприятия Норильского комбината. Так был направлен сюда и Левин. Через день после получения наряда Михаил Ильич под конвоем был приведен в 10-е лаготделение, где жили заключенные, работавшие на РОРе. Инженерно-технические работники помещались в лагере в отдельном бараке. Был он небольшим, людей в нем было немного. Нары были сделаны более или менее аккуратно. ИТРовцы имели своего дневального, следившего за отоплением барака, чистотой и порядком в нем.

Почти все инженерно-технические работники трудились в одну смену. Они одновременно уходили на работу и вместе возвращались. В зону оцепления, где находился рудник открытых работ, инженерно-технические работники выпускались отдельными бригадами. Развод был общим для всех заключенных 10-го лаготделения. На вахте нередко приходилось ждать, пока соберутся все заключенные и их начнут выпускать побригадно рыдами по пять человек...

Михаил Ильич, живя на «Надежде» за зоной, отвык от этих порядков лагерного режима и болезненно их переживал. Угнетали и ежедневные вечерние проверки, отнимавшие остаток свободного времени. Впоследствии Михаилу Ильичу был выдан внутренний пропуск, по которому он в любое время дня мог войти в зону оцепления и затем вернуться в лагерь. К вечерней проверке он все же был обязан быть в лагере.

«Про любовь киношную и лагерную»

В 10-м лаготделении один из больших барakov был приспособлен под клуб. В нем построили сцену, выкрасили стены, во многих местах повесили лозунги, призывавшие к выполнению производственных планов и трудовых обязательств.

В клубе регулярно демонстрировались кинокартины, давались концерты, ставились спектакли силами культурно-воспитательного отдела лагеря (КВО). Артистические силы КВО подбирались из заключенных. Среди них были очень хорошие певцы, опытные танцоры, музыканты. Все они освобождались от всяких работ, прилично питались и оплачивались. <...>

В клуб шли охотно. Здесь можно было посмотреть хороший фильм, услышать приличный концерт. <...>

«Собрания, совещания и концерты эзков»

Считалось, что в Норильском лагере содержатся наиболее тяжелые преступники. Сюда отправлялись люди, осужденные за самые опасные преступления против советской власти, требовавшие строжайшей изоляции... В Норильск завозились только заключенные-большесрочники.

Это понимали лучшие руководители Норильского комбината и лагеря. Заключенным доверяли, ставили их на ответственные инженерные посты главных инженеров и техноруков шахт, цехов, прорабов. Вся работа лагеря была построена в расчете на преданность стране этих людей, считавшихся врагами народа.

Часто устраивались собрания заключенных того или иного цеха. Здесь обсуждались производственные планы предприятий, отчитывались руководители бригад и участков, принимались трудовые обязательства, объявлялись результаты соревнования. Победителям вручались красные знамена, премии. Посторонний человек, попав на такое собрание, ничем не отличил бы его от обычных собраний вольнонаемного состава на материке: так же горячи, полны энтузиазма речи передовиков производства, такая же беспощадная критика недостатков. Победителям трудового соревнования вручались подарки, обычно продовольственные: масло, сало, сахар, консервы. Изредка, главным образом ИТРовцам, выдавались ордера на пошив гражданских шерстяных костюмов. Хождение в гражданской одежде не возбранялось, но мало у кого она сохранилась. Вольную одежду надевали только в праздники: ее очень берегли.

В обычное же время ходили во всем лагерном: ватные брюки, ватная телогрейка, бушлат, шапка-ушанка, опушенная искусст-

венным мехом, кирзовые сапоги. ИТРовцы и наиболее аккуратные рабочие старались в производственных мастерских подогнать по фигуре эту одежду и обувь. На производственные совещания приходили в чистом, одевались в лучшее, что у кого было.

«Маленькие лагерные радости»

Лагерная жизнь состояла не только из ужасов несвободы, но были в ней и свои маленькие радости. Например, возможность беспрепятственного хождения по зоне оцепления – значительное облегчение для заключенного. Следующая ступень полусвободы – расконвоирование. С какой завистью смотрят арестанты на расконвоированного заключенного! Тот может свободно оставлять не только лагпункт, но и зону оцепления, может пойти в город и, больше того, взять на свое попечение законвоированного заключенного, пройти с ним в любое учреждение. Можно, хотя это не поощряется, пойти на норильский базар или в магазин для вольнонаемных и купить продукты, которых нет в лагерном ларьке. Можно послать по вольной почте письмо домой – семье. Если на этом тебя поймут, могут лишить пропуска или переписки. Но ведь не каждого ловят, а заключенный так часто привык рисковать!

Михаил Ильич не мог рассчитывать на расконвоирование: у него были слишком страшные пункты 58-й статьи. К тому же Левин числился «нераскаившимся врагом». Был он к тому же еще довольно строптивым человеком, не склонял головы перед производственным начальством, не подхалимничал перед лагерным руководством. Правда, работал он, не покладая рук, не отставал перед трудностями и опасностями, неплохо знал свое дело. Но это не всегда определяло положение заключенного. Нескольким раз все же начальник рудника включал Левина в списки на расконвоирование. Неизменно при возвращении списков его фамилия оказывалась исключенной.

Однажды при посещении рудника руководством комбината Хромченко обратился к главному инженеру комбината с просьбой поддержать ходатайство рудника о расконвоировании Левина. Главный инженер сделал у себя в записной книжке какую-то заметку. Михаил Ильич не придавал особого значения этому

разговору. Прошло немного времени, и его неожиданно вызвали на фотографирование. Через пару дней он получил постоянный пропуск расконвоированного. Это было уже на седьмом году его заключения. По-видимому, лагерное начальство считало, что остался небольшой срок заключения, и теперь опасность побега маловероятна.

Прошло много лет с тех пор, как Михаил Ильич последний раз фотографировался. Теперь он увидел себя на маленькой фотографии. С пропуска смотрел на него глубокий старик с изможденным морщинистым лицом, впавшими щеками, жалким подобием усов. Этому человеку можно было дать не меньше 60 лет. А ведь Левину было только 42 года! В тюрьму в 1937 г. он вошел полным здоровья. Как-то незаметно растаяли силы, сразу наступила тяжелая старость.

И все же Михаил Ильич вздохнул с облегчением. Теперь он мог временами уходить с рудника, не видеть перед собой опостылевших барачников, колючей проволоки, штыков конвоиров, вечно угрюмых, изможденных лиц арестантов, своих товарищей по несчастью. Михаил Ильич получил возможность по всем делам самому ходить в город. Особенно важным было посещение проектного отдела комбината для согласования наметок техбюро рудника. Надолго запомнилось первое свободное посещение Дома инженерно-технических работников в Норильске.

«Настал день освобождения – все осталось по-прежнему»

<...> Во время войны политические заключенные даже после отбытия предусмотренного приговором суда срока задерживались в лагере до особого распоряжения. Такая задержка могла длиться годами. Изменить такой порядок могли только ходатайства комбината и лагеря при наличии особых заслуг перед комбинатом, и при этом всегда находились какие-то основания, чтобы ходатайство об освобождении не было возбуждено или было отклонено.

16 марта 1945 года было обычным днем в жизни Левина. После утреннего наряда он, как всегда, отправился в шахту. Осмотр большей части забоев он оставил на следующий день – надо было успеть в контору к трем часам. <...>

Ровно в три часа начальники участков начали докладывать о ходе работ. Примерно через час раздался звонок телефона. Михаил Ильич неохотно поднял трубку: он не любил, когда звонками отвлекали от работы. На проводе оказался начальник лагпункта. Он поздравил Михаила Ильича с освобождением из лагеря. Ему только что позвонили из управления Норильлага. Михаил Ильич поблагодарил за поздравление и продолжил вести заседание.

Не было той радости, с какой обычно заключенный покидает стены тюрьмы. Слишком долго пришлось ждать этой минуты... Слишком много было пережито... Не осталось на душе ничего, кроме пустоты и безразличия.

Только спустя некоторое время Михаил Ильич Левин пришел в себя, почувствовал все значение официального освобождения, всю радость победы над злыми обстоятельствами жизни, всю прелесть окружающего мира. <...>

Москва, 15.04.1981 г.»

Нина Дзюбенко написала большую статью «*Жак Росси* прожил жизнь, но не окаменел душой», посвященную жизненному пути этого удивительного человека, узника ГУЛАГа с 1938 г. по 1956 г. и еще на три года после этого отправленного в ссылку в Среднюю Азию.

Вот отрывки из восьмой книги Сборника (2006г.) о Жаке Росси.

«Впервые о Жаке Росси, как бывшем заключенном Норильского лагеря, стало известно в конце 80-х годов XX века. Тогда было много открытий и казалось, что тема ленинско-сталинских репрессий долго будет интересовать просвещенную нашу публику. Действительность опровергла эти иллюзии. <...>

Жак Росси родился 10 октября 1909 года во Вроцлаве, по другим сведениям, во Франции. Родителями его были французы, но отец умер до его рождения, а мать вышла замуж за поляка из очень богатой семьи. Мать умерла тоже рано, мальчик воспитывался в семье отчима и его жены. Еще ребенком он был потрясен рассказами взрослых о войне, увлекался чтением Руссо, Вольтера, Дидро и видел социальное неравенство в Польше.

Знание многих языков и страсть к авантюризму привели его в Коминтерн. Он был «рукой Москвы» в Польше, Индоки-

тае, Индонезии, Китае и Японии, изучал методы французской и польской разведки, вел подпольную работу во время гражданской войны в Испании. Росси попал в Испанию в 1936 году и при штабе одной из немецких частей, воевавших за Франко, передавал оперативные сведения по секретной радиостанции республиканцам, то есть Росси работал в тылу у фашистов.

Когда война заканчивалась, он был вызван в Москву, где стал работать в академии им. Фрунзе – преподавал арабский и другие восточные языки.

В 1937 году Жак Росси был арестован и доставлен в Бутырку. Именно отсюда и началась его «фольклорно-историческая экспедиция», завершившаяся в 80-х годах изданием уникального «Справочника по ГУЛАГу». Статьи в его «Справочнике...» обезличены, автор редко напрямую ссылается на свой личный опыт, тем самым подчеркивая типичность описываемых фактов. И только раз двадцать Росси ведет повествование от своего имени (в тексте он называл себя «автор»). Например, целых шесть страниц – самое большое количество – отведено Соловкам, этой «матери» советской пенитенциарной системы <...>

Кроме того, Росси довелось познать советскую действительность во всей ее подлинной неприглядности. Например, «автор

Жак Росси (1909—2004). Москва, Лубянка, 1937 г.

сидел с ленинградским рабочим, который по закону семь восьмых (указ о трех колосках) получил 10 лет за вылов из Финского залива одного бревна, уносимого течением в море» (с. 355) <...>

Вот как Росси объясняет старую русскую поговорку «Входящий, не грусти. Выходящий, не радуйся»: «Многие заключенные – колхозники. От них автору часто приходилось слышать, что в материальном отношении тюремная или лагерная жизнь для них не хуже колхозной. Горе начинается после выхода «на волю», когда многих направляют в ссылку, где нет тюремной пайки, а заработать негде, нет приусадебного участка, чтобы вырастить картошку» (с. 68). Можно вспомнить о том, как народ расшифровывал аббревиатуру ВКП(б): Второе Крепостное Право большевиков.

В некоторых публикациях о Росси сообщается, что он был арестован в декабре 1937 года. Вот что написано на с. 379 «Справочника...»: «Самое массовое применение физических спецмер началось в ночь с 17 на 18 августа 1937 г. К утру 18 августа большинство подследственных в Бутырьках (где находился автор) вернулось с допросов с заметными следами побоев. Позже, встречая в лагерях людей, проходивших следствие в других тюрьмах Советского Союза, мы констатировали, что массовые пытки начались по всему Советскому Союзу именно этой ночью и что технические методы были примерно те же повсюду». Значит, Росси был арестован ранее 17 августа 1937 рокового. <...>

После двух лет отсидки в Бутырской тюрьме в 1939 году Росси был осужден на основании фиктивного обвинения Особым Совещанием («ОСО – заочный административный суд органов безопасности» – Росси) при НКВД СССР за «шпионаж» на 8 (10?) лет ИТЛ. «Совершенно независимое от какого-нибудь внешнего контроля, ОСО было идеальной машиной для массовой штамповки не подлежащих пересмотру приговоров тем, кого заподозрит политическая или уголовная полиция. Автору пришлось попасть в этап (около 600 человек), участники которого все поголовно были осуждены на одном и том же заседании ОСО от 7 апреля 1939 г.» («Справочник...», с. 256). Свершилось, по словам Росси, «узаконенное беззаконие».

До Красноярска этап ехал в «столыпинском» вагоне: «Это нормальный пассажирский жесткий вагон, в котором продоль-

ная перегородка, отделяющая коридор от купе, заменена решеткой. Пространство между каждой парой полок купе перекрыто, и т. о. получаются три сплошных помоста, один над другим. На каждом из них могут лежать 4 человека, или всего 12 человек в купе. В 1939 году автору пришлось ехать в числе 28 человек. В купе около 9 куб. м и такая перегрузка крайне мучительна» («Справочник...», с.394).

С июля 1939 года Росси в Норильлаге «катал баланы» (бревна с корой) в Дудинском порту на погрузке-разгрузке; работал в мерзлотной лаборатории, куда его взял Н.А. Козырев, известный астроном.

В Норильлаге ему довелось испытать и общие подконвойные работы, бывал он и в ШИЗО, БУРе. Кличка у него была Жак-француз. Знание иностранных языков давало возможность быть в тепле – «придуриваться», выражаясь лагерным сленгом. Ибо в лагере работой считался только физический труд. Использовался он как переводчик технических текстов, работая в научно-технической библиотеке. Там он познакомился с А.Н. Гарри, который, по словам Росси, одинаково плохо говорил на всех языках, включая русский. Вот что Росси написал про еще одного известного з/к Норильлага: «Молодого Гумилева устроили в Норильске книгохранителем в библиотеке ИТР: каждое утро конвой приводил его в библиотеку. Он там залезал на лестницу и целый день хранил книги. Вот так работенка не бей лежачего» («Справочник...», с. 232–233).

Двадцать четыре года, проведенные в ГУЛАГе, позволили Жаку в совершенстве овладеть еще несколькими языками: уголовников и милиционеров, познать термины управления лагерей, народный язык и советскую «феню». Например, слово «блат», входящее в круг наиболее употребляемых современных лексиконов. У Росси приводится такой пример: «Блат (на идише одесских воров значит ладонь), специфически уголовный и народный термин. В 1939 году автор встретил в лагере бывшего красноармейца, получившего за поговорку «Блат выше совнаркома» 10 лет. Формулировка приговора: «За клевету на советскую действительность» («Справочник...», с. 32). Или общетюремно-лагерный термин «дойти до социализма» – хиреть от голода. Образцом выражения лагадминистрации является:

«Мертвый ээк лучше больного – не надо кормить и освобождать от работы». Это выражение появилось в период ежовщины (1936–1938 гг.). Вот слово «парикмахер». Считать, что это слово не имеет гулаговского смысла – значит не знать нашей истории. И тут нам поможет Росси: парикмахеры – голодающие колхозники, обстригавшие колосья злаков, за что получали по 10 лет лагерей.

Вот пример официального термина, который применялся в Норильлаге: «Рабгужсила – рабочая гужевая сила. В лагерях этим термином называют рабсилу з/к, рабочего скота и лошадей вместе».

Уместно привести свидетельства известнейшего норильчанина, не чуждого литературе уже в лагерные времена, Сергея Снегова, относящиеся к концу 40-х годов: «Жак был очаровательный мужчина – рослый, стройный, умный, словоохотливый и красивей, пожалуй, всех, кого я знал в Норильске. Мы с ним приятельствовали, он ходил ко мне. Женщины млели, только взглянув на него. Он был не только обликом красавец, но натурой истинный мужчина».

В конце 1951 года его посадили за шпионаж. При задержании у него изъяли блокнот с двумя письмами на французском языке. В них было записано, сколько содержится заключенных. Причем точно было указано: на 01.01.1951 г. – 212 тысяч человек. Продукцию, которую комбинат добывает и производит, сколько за год угля, никеля и т. д. На листе кальки – координаты Норильлага, что где находится, заводы 25, 26, БОФ, РОР, Горстрой и на все другое с условными обозначениями. Фотография Франсуа Петита, его резидента, з/к 5-го лаготделения Горлага, БОФ между Шмидтихой и горой Рудной.

«К автору, чтобы заставить его дать ложные показания, следователь велел посадить трех уголовников-людооедов» («Справочник...», с. 146). Угроза жизни была вполне реальная. Таким методом очень часто пользовались следователи. В своем «Справочнике...» Росси такие меры воздействия называет лагерным бандитизмом: «...терроризирование и убийство заключенных другими заключенными. Иногда, чтобы вынудить подследственного к даче «нужных» показаний, в его камеру вводят уголовников-рецидивистов, которым даются соответствующие ука-

зания. Этот метод применялся во время Второй мировой войны к польским гражданам, отказывающимся принять навязываемое им советское гражданство. Их сажали в тюрьму к ответным рецидивистам. Большинство согласилось».

С. Снегов сообщил еще одну версию второго ареста и срока Росси (А всего этих версий шесть: Е. Павловского, С. Светловой, С. Щеглова, Н. Волошиной-Куц и Н. Дзюбенко). В конце 40-х годов в канадском «Майнинг джорнал» – иностранных журналов было немало в технической библиотеке Норильского комбината – появилась большая статья о Норильске с портретами Панюкова, начальника ИТЛ и комбината, и Зверева, главного инженера. Автор статьи хорошо знал тему – это отметили читатели не только технической библиотеки, но и в Москве. Подозрение пало на Жака Росси, и его арестовали.

С. Щеглов пишет: «Да, публикация в Канаде была громом среди ясного неба. Надо представить то время – полная закрытость Норильска, о нем не то что за границей, в стране-то у нас знали совсем немногие. Еще бы: сплошь секреты, государственные тайны... и еще страшнее – лагерь...»

Отбывать не свою четверть века Жака Росси в наручниках отправили в Александровский централ. Скованным одной цепью с ним был тоже коминтерновец Иосиф Михайлович Бергер, впоследствии профессор университета в Тель-Авиве. Вот что писал Жак в «Справочнике по ГУЛАГу»: «Александровский централ – бывший винокуренный завод, около 70 километров северо-восточнее Иркутска, близ озера Байкал. Построен в XVIII в. Старая царская тюрьма, привал по пути на Сахалин. До 1917 года там сидел Дзержинский». Росси боролся за свои права, не только отправляя заявления, высказывая жалобы прокурорским работникам, но и используя хорошо известный метод протеста – голодовки. Он писал, что держал голодовки несколько раз без пищи и без воды «и особой разницы не заметил».

О том, что в СССР были организованы секретные тюрьмы, Росси, конечно, знал еще в Норильлаге. Но он приводит в доказательство их существования такой факт: «В 1955 году в свердловской пересылке автор встретил заключенного, ничего не знавшего о Второй мировой войне. Его привезли из алма-атинской засекреченной тюрьмы, находившейся рядом с учреждением, где

он работал до ареста. Тогда он считал, что это какой-то секретный институт» («Справочник...», с. 127).

В ссылку Росси был отправлен только в 1959 году, три года он провел в Средней Азии. И наконец в 1961-м был репатриирован в Польшу.

До 1980 года он жил в Польше, преподавал на историческом факультете Варшавского университета эпохи поздней ПНР (читай: социалистической).

«Он был очаровательным пожилым господином, — пишет Александра Лейнвальд в статье, опубликованной в журнале «Польша» № 10 за 2003 год. — Трогательно-хорошие манеры соединялись у него с редкой непосредственностью. На факультете в индивидуальностях недостатка не было. Однако Яцек Росси (так перевели его имя на польский), преподаватель французского языка, был человеком исключительным. Всегда в хорошем настроении, с огромным чувством юмора, иногда он бывал ехидным, но никогда не бывал занудным. Занятия, которые он вел с воодушевлением, были страшно интересны и красочны благодаря многочисленным сравнениям и ссылкам на другие языки, а также анекдотическим историям. К нам, слушателям курса лекций для начинающих, он относился с пониманием и доброжелательностью. В непринужденной атмосфере лекций случались и поразительные минуты. Поразительно было, что у этого веселого, открытого человека постоянно дрожат руки».

И завершить эту главу я хочу словами Генриха Гейне, часть из них стала ее заглавием: «Каждый человек — это мир, который с ним рождается и с ним умирает; под каждой могильной плитой лежит всемирная история»...

Послесловие

Вот и завершается мой документальный рассказ о жизни и деятельности одного простого советского человека и одновременно удивительной личности, каким был Иосиф Шамис.

Впереди читателя ожидают интересные письма Шамиса (в отрывках) своему тульскому другу и соратнику Щеглову и другие приложения к книге.

В жизни Шамиса И.А., которому посвящена эта книга, отразились многие важные события – Гражданская война и стройки индустриализации, репрессии и работа на стройках Норильлага, осуждение культа личности, общественная работа пенсионера и даже вынужденная эмиграция с семьей в последние годы жизни – это все было в нашей недавней истории.

Жизненный путь Шамиса длиной в 92 года прошел на фоне двадцатого века извилистыми дорогами судьбы: из греко-украинско-еврейского **Ольвиополя**, где он родился в 1902 г., через Одессу (1920) и Ленинград (1924) в Москву, где он поселился в 1927 г., как оказалось – ненадолго, на 9 лет. Далее – арест в 1938 г. и отправка поездом на Соловецкие острова в Белом море, оттуда морским путем в Заполярный Норильск на долгие 17 лет, возвращение самолетом в Москву после реабилитации в 1956-м, где он прожил еще 31 год, затем судьба привела Шамиса в Нью-Йорк в 1987 г., где он умер в 1994 г.

Журналисту и литературному критику Феликсу Овчаренко принадлежат меткие слова, которые, на мой взгляд, имеют непосредственное отношение к герою книги Иосифу Адольфовичу Шамису: «От самого человека в первую очередь зависит, что у него в конце концов получится – биография или жизнь и деятельность».

Так вот, мне кажется, что у Шамиса получилась биография!

Ну а теперь о том, что так беспокоило Шамиса, что проследживается из его писем, особенно последних.

Возможен ли возврат сталинской эпохи в современной России?! Прав ли был Шамис, который даже через несколько десятков лет после полного развенчания культа личности Сталина в 1956 году, в письмах Щеглову опасался называть те события своими именами: заключенных – заключенными, арест – арестом, лагерь – лагерем, палачей – палачами и т. д.? Напрасны ли были его опасения?

Как понимать предупреждение потомкам от писателя Владимира Амлинского: «Не дай Бог утерять нам память?!»

Предоставим слово нашим современникам – журналистам, общественным деятелям, депутатам. Вот некоторые блоги на сайте радиостанции «Эхо Москвы» www.echo.msk.ru.

Георгий Янс, 25 февраля 2016 г.

«25 февраля, ровно 60 лет назад на XX съезде коммунистической партии Никита Хрущев выступил с закрытым докладом о культе личности Сталина. Это выступление положило начало тем кратковременным процессам, которые впоследствии стали называть «оттепелью».

Те сенсационные и разоблачительные факты и документы, приведенные Хрущевым в докладе, сегодня прочно вошли в обиход и стали во многом хрестоматийными. За 60 лет добавились новые, более глубокие и обширные свидетельства, тем не менее, доклад, к сожалению, своей актуальности не утерял.

Если сейчас нет кровавого содержания сталинской эпохи, то по форме и пафосу все ближе подходим к тому времени.

Сталин ввел понятие «враг народа». Этот термин сразу освобождал от необходимости всяких доказательств идейной неправоты человека или людей, с которыми ты ведешь полемику: он давал возможность всякого, кто в чем-то не согласен со Сталиным, кто был только заподозрен во враждебных намерениях, всякого, кто был просто оклеветан, подвергнуть самым жестоким репрессиям... Это понятие «враг народа» по существу уже снимало, исключало возможность какой-либо идейной борьбы или выражения своего мнения по тем или иным вопросам даже практического значения», – говорил Никита Хрущев в своем докладе.<...>

Немцы смогли извлечь уроки из поражения в войне. Им так основательно промыли мозги, что не только хвалить Гитлера,

но даже упоминать его считалось неприличным. <...> Находясь на «обочине», человеку хочется понятного и конкретного. Сталин – понятно и конкретно. Здесь свои, там враги. И пока есть «враги народа», «светлого будущего» не будет».

Борис Вишневский, 7 марта 2016 г.

«Надпись «палач» около изображения Сталина – это не осквернение. И не вандализм. Это – констатация факта.

Приведу данные историка Кирилла Александрова. Даже по официальной справке Спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных органами ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ СССР в 1930–1953 гг. (опубликована в: История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. Отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. Сост. И.А. Зюзина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 608–609) за 1930–1953 годы к расстрелу было приговорено около 840 тысяч человек.

Почти миллион расстрелянных за политические преступления за 23 года – чудовищная цифра.

При этом в число жертв сталинских репрессий не включены заключенные по 58-й статье, погибшие за 23 года в тюрьмах, лагерях, колониях, на этапах и в СИЗО.

Не включены убитые на следствии. Не включены раскулаченные и депортированные, погибшие на этапах депортации в спецпоселках, которые входили в систему ГУЛАГа.

Не включены жертвы искусственного голода 1933 года, который был следствием сталинских политических мероприятий, что признала Госдума РФ в 2008 году (а это более 6,5 млн человек).

Не включены крестьяне, погибшие при подавлении антиколхозных восстаний 1930–1932 годов, крестьяне, которые умерли от голода в сталинских колхозах в 1930–1940-е годы (так называемая «избыточная смертность», обусловленная условиями быта и организации колхозного труда).

Не включены заключенные, которые были освобождены по актам администраций ГУЛАГа («сактированные») по причине своего предсмертного состояния и умерли сразу же после освобождения, но в статистику смертности ГУЛАГа уже не попадали...

Миллионы погибших в пределах жизни одного поколения. Любой памятник Сталину, любая мемориальная доска Сталину стоят на костях этих миллионов жертв.

Это установка этих памятников и досок – осквернение. Осквернение памяти этих жертв».

Николай Кофьрин, 30 октября 2016 г.

«30 октября в России отмечают день памяти жертв политических репрессий. В XX веке репрессии правящего режима привели к созданию системы концентрационных лагерей, где содержались противники советской власти и уголовные преступники. Первый из таких лагерей был создан на Соловках – Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН).

Сам термин «лагерь особого назначения» предполагал, что там будут содержаться не враги (их расстреливали сразу), а те, кто и не боролся с советской властью, но и не принимал её. В лагерь попадали инакомыслящие историки, юристы, филологи, офицеры, священнослужители».

Говорят, в каждом веке есть своё Средневековье. «История – это не то, что было, а то, что осталось». Преступления ГУЛАГа срока давности не имеют. Если мы не расскажем всей правды о Соловках и о ГУЛАГе, то эта рана так и будет гнить, отравляя весь организм. И главное – возможен рецидив!

В ночь 28 октября 1929 года на Соловках было расстреляно 300 человек. Д.С. Лихачёва должны были расстрелять, но ему чудом удалось спастись. После досрочного освобождения и возвращения в Ленинград, Д.С. Лихачёв успешно закончил университет, и впоследствии стал академиком.

По данным Центрального архива КГБ СССР, как сообщает Юрий Бродский, только в одном 1933 году на Соловках находилось 19287 заключённых. И убивали здесь не десятками и не сотнями, а тысячами, но могил здесь нет вообще, ибо расстрелянных и умиравших на Соловках не хоронили, а просто сбрасывали в ров, следы чего давно сровняли с землей.

За время существования лагеря в нём умерло около 7,5 тысяч человек, из которых 3,5 тысячи – в голодном 1933 году.

СЛОН стал своего рода полигоном для ГУЛАГа. По свидетельству В. Шаламова, на Соловках обрёл право на жизнь «об-

щенародный стандарт – бараки на двести пятьдесят мест двухъярусной соловецкой системы с уборными на восемь очков в ряд». Опытным путём в Соловках определялись нормы питания, способы использования принудительного труда, техника расстрелов и технология захоронения тел.

Лозунг «Через труд – к освобождению» впервые появился не в Освенциме, а на Никольских воротах Соловецкого кремля. Большевики полагали, что трудом можно будет построить справедливый мир свободных людей. Задача лагерей была – приучением к труду перевоспитать из социально вредных людей полезных членов общества.

Первоначально принудительный труд для преступников подразумевался без конвоя. Но постепенно принудительный труд превратился в каторжный. Благими намерениями, как известно, вымощена дорога в ад. Такой «ад» и возник на Соловках».

Лев Шлосберг, 2 ноября 2016 г.

«30 октября поминали жертв политических репрессий. Миллионы людей, полный список имен которых не будет, скорее всего, составлен никогда, потому как многие казни были тайными и не оставили документальных следов, стали жертвами человеконенавистничества большевистских властей СССР. 30 октября в первую очередь – день поминовения. Но он должен быть и днем покаяния государства, совершившего преступления против народа.

Без покаяния государства память о жертвах не может быть полной.

Но все реже и реже представители властей приходят на эти поминальные встречи. Они сторонятся их, как будто им неудобно находиться рядом с родными жертв, стараются не замечать этот день. (Вот этого опасался И.А. Шамис! Примечание С.Л. Щеглова).

Запах Сталина возвращается в российское общество. Возвращается его публичными портретами, бюстами, славословиями. Тень палача всех времён и народов проявляется из небытия и становится симпатичной, привлекательной, желанной».

Из опроса Левада-Центра в 2017 году страна и мир узнали, что самым выдающимся человеком всех времен и народов россияне

считают Сталина – тирана и душегуба. Не первый год, кстати – пять лет назад тоже. В 2008-м только Пушкину уступал. И объяснение тому, почему душегуб сейчас на пике популярности, уже дали вполне основательное большинство опрошенных – вовсе не сталинисты, сторонники массовых репрессий и ГУЛАГа. Сталин для минимум трех последних поколений превратился в миф о сильном и мудром правителе. Его имя – своего рода форма общественной критики, недовольства нынешним положением вещей.

Сталин создал бесправное, изолированное от остального мира государство, которое еще долгие десятилетия после него по инерции продолжало катиться под откос истории. За этот неудачный социальный эксперимент заплачено миллионами человеческих жизней.

Справедливости ради следует указать, что с самых первых дней Советской власти в стране начались массовые репрессии по политическим, религиозным и социальным мотивам.

Вот основные этапы советского террора.

1918–1923 гг. Красный террор. Число убитых – 140 000 человек.

1929–1931 гг. Коллективизация. Число расстрелянных – 1 800 000 человек.

1930–1956 гг. ГУЛАГ. Число казненных, убитых и умерших в ГУЛАГе – 1 600 000 человек, 80 % заключенных ГУЛАГа были русскими, украинцами и белорусами.

1937–1938 гг. Большой террор. Начался с постановления Политбюро ЦК ВКП (б) от 2 июня 1937 г. «Об антисоветских элементах» и приказа Наркома НКВД Н. Ежова от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Число расстрелянных вне ГУЛАГа – 700 000 человек.

1937–1945 гг. Депортация. Число депортированных – 2 460 000 человек.

Трагический итог: 15 000 000 человек были арестованы, сосланы, депортированы или убиты в годы террора и репрессий. В это число не входят погибшие во время боевых действий и осужденные по уголовным статьям, в том числе по статьям за хищение («закон о трех колосках») и суровым статьям за опоздание на работу или прогул.

Максимум смертных приговоров за шпионаж, заговоры и антисоветскую деятельность пришелся на 1937 год: 353 074 человека было расстреляно по сфабрированным обвинениям. Почти таким же кровавым был и следующий, 1938 год – 328 618 смертных приговоров.

Всего с 1825 по 1905 год к смертной казни в царской России было приговорено 1397 человек, казнено 894 человека. Причем ни одного за шпионаж. Подавляющее число смертных приговоров выносились за реальные убийства.

На этот счет есть официальный документ, письмо генерального прокурора СССР Р.А. Руденко, министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова и министра юстиции СССР К.П. Горшенева секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву о пересмотре дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, датированное 1 февраля 1954 года. Вот выдержка из этого письма: «По имеющимся в МВД СССР данным, за период с 1921 года по настоящее время за контрреволюционные преступления было осуждено... 3 777 380 человек (цифры в этом машинописном письме с грифом «Совершенно секретно» вставлены от руки фиолетовыми чернилами), в том числе:

- ВМН (высшая мера наказания – расстрел) – 642 980 человек;
- к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже – 2 369 220 человек;
- в ссылку и высылку – 765 180 человек.

Из общего количества арестованных ориентировочно осуждено: 2 900 000 человек – Коллегией ОГПУ, тройками НКВД и Особым совещанием и 877 000 человек – судами, военными трибуналами, Спецколлегией и Военной коллегией» (ГАРФ.Ф. Р.9401.Оп.2.Д.450.Л30–65). Сокращение «ВМН» – это высшая мера наказания, расстрел!

Количество жертв, вовлеченных в сталинские репрессии – это только одна сторона дела. Другая – как они осуществлялись. Сталин личным визированием утверждал численность людей, предназначенных для массового уничтожения.

С приходом большевиков к власти весь период царского правления был объявлен жестоким, репрессивным и кровавым. В учебниках писали о неисчислимых кровавых жертвах. А что в реальности?

Нельзя забыть и массовые выселения граждан по национальному или социальному признаку, которые стали будничным делом для сталинского режима:

1937 год. Депортация 170 000 этнических корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию.

1940 год. Депортация 590 000 поляков в Коми, Пермский край и за Урал.

Депортация 95 000 эстонцев, латышей и литовцев из Прибалтики за Урал.

Депортация 45 000 финнов и карелов из Карелии в Коми и за Урал.

1941 год. Депортация немцев Поволжья в Казахстан, Сибирь и на Алтай.

1943 год. Депортация 95 000 калмыков в Красноярский край, Омскую область и на Алтай.

1944 год. Депортация 190 000 крымских татар в Узбекистан.

Депортация 100 000 карачаевцев и балкар в Казахстан и Киргизию.

Депортация 500 000 ингушей и чеченцев в Казахстан.

Депортация 45 000 турок-месхетинцев из Грузии в Киргизию.

Всего в результате 10 «волн» 3 000 000 человек было депортировано в СССР в период правления Сталина.

Эффективный менеджер Сталин так говорил о практике условно-досрочного освобождения в случае хорошей работы заключенных-рабов: «Мы плохо делаем, что нарушаем работу лагерей. Освобождение этим людям, конечно нужно, но с точки зрения государственного хозяйства это плохо...».

Все положительное, созданное народом в сталинский период, перешло в наше время, развивается и используется на благо государства. Понятно, что любой политический деятель большой страны по определению не должен быть «мастером на все руки». Поэтому достижения, относящиеся к сталинскому периоду, не могут быть сведены к одному имени Сталина.

Что же касается способа руководства Сталиным страной, то он, без всяких оговорок, может быть назван криминальным. Ста-

лин физически уничтожал тех, кто реально или по подозрению мог быть ему лично опасен. Менеджерский талант, приписываемый Сталину, был основан на массовом принуждении к труду конвоируемых к месту работы невинно осужденных людей.

Существующие рейтинговые оценки Сталина разрушатся, если спросить людей: согласны ли они вернуться в прошлое, для того чтобы жить и работать в бесправной обстановке того времени, когда по доносу любого человека могли арестовать и передать в руки карательных органов, лишив какой-либо возможности оправдаться?

Ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни. И репрессиям нет оправданий.

Аркадий Авербух

Письма И.А. Шамиса к С.Л. Щеглову 1966–1994 гг. Отрывки

«Дорогой ты мой Сережа!

Получил твое любезное письмо – постараюсь ответить <...>

Сережа, ты зря себя казнишь, что в свое время мало при-
сматривался к людям. Да ты ведь очень многих уже узнал –
хороших, настоящих, – так что, в общем, багаж твой, дорогой
товарищ Нестор, не так уж беден.

Конечно, жаль, что ты не знал Михаила Семеновича
Островского (б. наш посол в Румынии) – вот настоящий чело-
век был! Не знал ты Касриэля Израилевича Прусака. Раньше,
до «этого», он был завоблоно (заведующий отделом народно-
го образования, – *примечания составителя*) в Сталинграде.
Когда я его знал, он был бухгалтер в Управлении строитель-
ства. Кристалл! Чистейший, принципиальнейший, добрейший,
наисимпатичнейший человек. «После» уже к нему приехала
жена – учительница и чудесная девочка Юлия. Она, кажется,
у нас окончила школу с золотой медалью. Потом уехала в Ле-
нинград, поступила на судостроительный и стала, говорили,
сильным конструктором судов. Так вот, когда Юлия уехала,
а отец и мать вынуждены были уехать в Дудинку (по режимным
соображениям), у него нервы не выдержали и он не дождался
XX съезда (повесился) <...>

Вообще, был ли ты в Ленинграде? Если нет, значит, ничего
не видел. А когда поедешь – возьми меня гидом; я Питер знаю
почти как Москву, если не лучше. А люблю его более, чем Мос-
кву <...>

Еще перечитывал Эптона Синклера, «Крушение мира» –
писатель грандиозный! Может, скажешь, я старомоден. Может
быть <...>

Перейдем к другой теме. О наших лауреатах-строителях. Шуму тут было! Особенно, когда они появились во втором туре. Ведь надо же иметь дерзость и выставять себя – за какие заслуги? За строительство. Как? А где те, имя которых легион? Одиннадцать человек из тысяч, из многих тысяч! Ведь не сошли еще многие из тех, что возводил это строительство, а они – 11 человек – уже себя выставляют. Много было тут шума. Увидимся – расскажу подробно. Дали им ленинскую, правда, уже не за строительство, а за *внедрение* промышленных передовых методов при строительстве (как написано в окончательной редакции). Говорят, что они действительно добились промышленных методов при строительстве домов. Это хорошо, но ведь смогли-то они этого добиться только *на базе прежнего*, а об этом забыли. Иногда забывают диалектику – переход количества в качество. Никакого-то у них не было бы сейчас «качества», если бы многие безымянные не дали бы в свое время «количества». Но им наплевать и на диалектику, и на этику. Они и *тогда ввали и сейчас соврали* <...>

А Кригер в «Известиях» легонький очерк написал. В нем он Ройтера назвал украинцем с немецко-австрийской фамилией – чтобы никто, паче чаяния, не подумал, что он не «ариец». Чудно!... Шум-то разыгрался и по той причине, что работа 11 не была выставлена в Научно-технической публичной библиотеке <...>

В общем, переменили название: не за строительство, а за внедрение *при* строительстве, но дали. Вот так. Гай Юлий Цезарь закончил свою книгу о Галльской войне словами: *Sic transit gloria mundi* – так проходит слава мира. Непокойчицкий – лауреат, Муравьев – лауреат, Ройтер – тоже. Они и тогда были погонялами и жили за счет «прибавочной стоимости», они и теперь пенки снимают, а под пенкой-то немало *горя прошлого*».

7 мая 1966 г.¹

¹ Можно понять боль и обиду ветерана-первостроителя Норильска И.А. Шамиса. Дело в том, что в 1966 г. Комитет по ленинским и государственным премиям в области науки и техники при Совете Министров СССР постановил присудить Ленинскую премию за научную работу «Строительство заполярного Норильского комбината и города Норильска

«Дорогой Сережа!

Решился я хоть два слова да написать тебе. Очень я занят, миллион всяких дел – общественных, разумеется. Взял на себя – втянулся – множество обязанностей. И летом не отдохнул. Жили формально на даче под Москвой, но ездил и застревал в городе и проводил «мероприятия». Никого из наших деятелей не было в городе – и вот на меня все и навалилось. Да и теперь – теперь это уже «традиция»: тяну тяжелый воз <...>

Меня текучка заела. Хотелось бы писать, но пишу протоколы, резолюции, обращения, объявления и т. п. Размениваюсь на мелочи».

в условиях вечномерзлых грунтов и сурового климата», состоящую из 9 глав и законченную 20 сентября 1965 г.

Лауреатами стали 11 соавторов – различных руководителей первого этапа работ на великой стройке: Л.И. Анисимов, М.А. Битадзе, Б.Ф. Ермаков, А.И. Зайдель, М.В. Ким, В.Н. Коляда, Н.Н. Лазарев, Д.М. Муравьев, В.С. Непокойчицкий, Л.А. Ройтер, И.Я. Эпштейн. 9 из них были знакомы Шамису и упомянуты в «Синодике».

Правда, формулировка постановления была, так сказать, смягчена: не за «строительство» (а был это подвиг многих тысяч, в первую очередь, заключенных!), а за «внедрение прогрессивных индустриальных методов при строительстве комбината и города».

История Норильска началась в 1935 году, когда до зимнего ледостава на р. Енисей под руководством В.З. Матвеева, первого начальника строительства и начальника исправительно-трудового лагеря НКВД, 1200 заключенных с отрядом охранников перебросили к месту предполагаемого строительства горно-металлургического комбината первую партию оборудования, материалов и продовольственных припасов. В вечную мерзлоту заключенными были вбиты первые колышки, возведены барачные временки и смонтирована временная электростанция, после чего наступила зима и долгая полярная ночь.

Именно их непосильным трудом уже в 1936 г. была построена узкоколейная железная дорога от р. Норильская до будущей промышленной площадки, сооружен первый причал на берегу р. Енисей на месте будущего города-порта Дудинка. Тогда же заключенными в сложнейших климатических условиях были заложены первый рудник и угольная шахта, для целей строительства организована карьерная добыча местных строительных материалов – бутового камня, песка, гравия, глины.

В течение следующего 1937 г. заключенными построены первые заводы: кирпичный и деревообрабатывающий.

Имена этих заключенных и воистину героических людей давно забыты в архивах НКВД. Среди лауреатов Ленинской премии не было многих действительно заслуженных первостроителей Норильска.

20 сентября 1966 г.

«Дорогой ты мой Сережа Норильский!

Этот субботний день, когда я получил от тебя «69 параллель»¹, был у меня праздничным днем. Спасибо тебе большое!

Книжечка хорошая, сделана с большим *вкусом* – *по норильски* <...>

Конечно, там пошла иная, новая жизнь, и в этой книжечке очень-очень тоненькая *ниточка* связывает настоящее с прошлым – вот-вот совсем оборвется эта ниточка и канет в Лету прошлое, а ведь оно было, поистине, героическим! И очень жаль, что нет у него своего Пимена...

Держится эта ниточка на Лебединском. О Шаройко он написал.. Древние римляне говорили: *Le mortins aut bene aut nihil* – о мертвых – либо хорошо, либо ничего. Так уж пусть лучше – ничего, чем так, как написал Лебединский. А, если говорить о частностях, то что кому говорит эпизод со сфагнумом? А если уж говорить об этом, то где тут работа Зинюка и его товарищей по лаборатории? Почему тогда уже не вспомнить, что этим яхонтовским «сфагнумом» разорвало в клочья Марка Рыжевского? Усевич, Васин и еще кто-то получили сталинские премии...

Ладно, молчу... О Веребрюсове он чуть лучше написал. Но почему, при этом, не сказать (для «потомков»), что более 8 месяцев в году связь с Красноярском (с «материком») поддерживалась только авиацией (он говорит об этом только вскользь). Подумать только, хорошенько: тогда не было ни одного промежуточного аэродрома – что-то порядка 1800 км (по прямой). Впервые я проделал этот путь 12 марта 1947 года на «СИ» – самолете, полученном еще по ленд-лизу, около 6 часов в воздухе – тундра, тайга, снег. Наши «однокашники» («однобаландники») потом построили аэропорт в Туруханске, Нижней Тунгуске и Енисейске.

Вот Д. Алкацев лучше написал (хотя тоже не по-пименовски – «И пыль веков от хартий отряхнув, правдивые сказанья перепишет...»).

В моем экземпляре на стр. 82 у 9-ой строчки снизу (у левой колонки) я написал на полях следующее:

¹ Книга норильского писателя Александра Львова «69 параллель».

«Пароход «Буденный» – 5000 т. *Осенью 39 г.* после высадки людей *мы* разломали в трюме 5-ярусные нары, надпалубные вышки охраны и галюны и с днища трюма выгружали на баржи (*морской* пароход не мог подойти к берегу и стоял на рейде, буксиры тащили баржи к речным причалам). Большие (10–15 кг каждый) фасонные «кирпичи» для облицовки металлургических печей в Норильске. Говорили, что огнеупор был положен на дно трюма, как балласт, чтобы *пароход с людьми*, вес которых, особенно *после Соловков*, был очень мал, был устойчив *в Карском море – по пути из Соловков – Северным путем – в Дудинку*.

Я тогда был еще «наивняк» и меня удивило, как урки ломали и топорами с каким-то особым остервенением ломали вышки и уборные и с высокого борта бросали в Енисей – море... Летело за борт немало досок с нар, брусья, кругляк. А мы, «фраера», жалели каждую дощечку и, не зная на смехи урок, старались опустить все с борта парохода на баржу, чтобы потом отвезти на берег».

11 февраля 1968 г.

«С критикой твоей согласен. Скажу только два слова еще. Читал (перечитывал) я «Аннушку» на сон грядущий (люблю почитать что-нибудь хорошее, когда все утихает вокруг). Слово «перечитывал» я взял в скобки – и напрасно: люблю перечитывать, вот перечитал я, скажем «Воскресение», «Марию Стюарт» Стефана Цвейга. Ведь каждый раз читаешь по-новому. Я раньше как-то не обращал внимания на такое выражение, которое часто встречается у критиков: такой-то режиссер по-новому прочитал, скажем, «Гамлета». Как это – по-новому? Вот говорили, что А. Зархи по-своему прочитал – и поставил – Анну Каренину. Да, вижу я теперь: можно по-новому и по-своему читать и перечитывать. Так вот, когда я перечитывал «Аннушку», мне действительно захотелось всем крикнуть: читайте, перечитывайте Паустовского! Дальше – больше и начертил «триптих». Не сумел – бог с ним.

Но опять добавление к сему. Вот в «Анне Карениной» одна аристократка (княгиня Мягкая) заявляет:

«Но дело в том, что Анну я вам не отдам...» (имеется ввиду, что не отдаст на съедение обществу – тем, кто осуждал Анну).

Так вот, бог с ним, с очерком, но Паустовского я не отдам, нет – не отдам! Ведь что сказала «Крестьянка»? Было только одно замечание и один разговор: зачем Паустовского включил в очерк!.. Словом, Сергуня: не отдадим мы им Константина Георгиевича, – правда?!

Ну и последнее. Ты пишешь, что критиковать легче. Не знаю. Думаю, что когда Белинский «наводил критику» на Бориса Годунова, ему было очень нелегко. Так что извини, что заставил тебя пережить муки творчества при разборе моего, с позволения сказать, сочинения...

На похоронах Яна Ходзинского я не был: просто не знал. Мне потом сказал доктор Розенблум, который был в Пушкине под Москвой, где хоронили «Ходзю», как иногда его звали друзья. Жаль мне его. Ох и ломала же его жизнь! Ты не знал его? Точнее – мало знал. Я хорошо его знал. Человек он был с горячим сердцем. Умница, каких мало. Очень способный. Хорошее образование получил: окончил Одесский институт народного хозяйства.

Добрый он был, ответственный, скромный. Работяга! Хотя ему и давалось все без особого труда. Но и пережил он немало, не хочется сейчас это тревожить.

Я только, в этой связи, не мог не вспомнить одного подлеца, который так подло обошелся с Яном, что это стоило ему годы тяжелой жизни. *Когда мы «прибыли» в Дудинку в 39-м*, там подвизался некий Толмачев, звали Тимофеем, по отчеству, кажется, Георгиевичем. Был он из «бытовичков» – то ли было у него должностное преступление, то ли он залез в карман государству, но срок он быстро разменял. Был грамотен, но без образования. Сильно заикался. Вскоре после отбытия срока он стал делать себе карьеру (в/н не хватало). Стал он чуть ли не нач. Дудинского порта, вступил в партию. Затем перекочевал в Норильск.

Я с ним срезался на строительстве БОФ. Был он формалист, «догматик» – раз «положено», так и делай – не рассуждать. А я попробовал рассуждать. Хорошо, что меня забрали оттуда в Управление строительства, а то не вылезать бы мне из котлована. Потом его бросили – опять же в качестве начальника – на «Медьстрой». И тут он срезался. Куда его деть? В Управление строительства в качестве ... зам. по кадрам. И стал он коман-

довать. Ходил к начальству на доклад с черной папкой в руке, хвост трубой. И такую он набрал силу, что начальство – его же начальство – возненавидело его и... стало бояться. Кадры, черная папка...

Ян был начфин – персона грата. Все с ним считались и уважали. Только Толмачев разговаривал с ним (заикаясь) с высоты своего положения – черная папка. Злой был этот Т-т-тол-мачев! Говорили втихаря: бог шельму метит. Подумать: ничтожество, нуль, а гонору! Внешне он не был безобразен, обыкновенный человечек. А жена – молодая, красивая. На каком-то вечере я ее видел: нарядная и в ушах – бриллиантовые серьги. Это – на том фоне. Ну, конечно, вчерашний бытовик да чтобы без бриллиантов.

Так вот, Ян, когда вышел на волю, получил паспорт без ограничений (без 39-ой). Никуда Ян не выезжал и уж, конечно, не злоупотреблял этой «привилегией», да и, наверно, забыл даже, что у него «чистый» документ.

Но дознался об этом Т-т-тол-мачев. Как так?! А подать его сюда! Начал он Яна манежить-терзать, – долго рассказывать. Донес Толмач на Яна и отобрали у него документ, точнее, вписали ему 39-ю. А через какое-то время загремель Ян аж на Ангару, в Богучаны, где работы не давали – делай, что хочешь, ешь, где можешь... Там он пробыл до новых времен, когда его вернули в Норильск. Подох Т-т-тол-мачев в раннем возрасте от рака желудка, осталась молодая жена с бриллиантами в ушах.

Да, бедняга Ян – многое перенес он... Мир душе его!!!»

1 июня 1968 г.

«Что я могу вспомнить о Зуеве такого, чтобы поделиться в печати? Бытовые штрихи, светлое чувство от обаяния, исходившего от этого ясного человека – разве можно об этом поведать... Подумаю все же <...>

Сережа! Лев Толстой сказал (или писал): «...Утрачено чувство, я не могу определить его иначе, чувство эстетического стыда. Я не знаю, знакомо ли вам это чувство?»

Я вовсе не собираюсь кокетничать, скажу то, что есть на самом деле: видимо есть у меня, наверно, какая-то доля чувства эстетического стыда – оно-то и не позволило мне послать

тебе мое сочинение. Но я прочел недавно в одном из фельетонов в «Лит. газете», что редакторам надлежит быть беспощадными и не жалеть авторов, а резать правду-матку без пощады. Вот с таким чувством – что ты возьмешь красный карандаш и поставишь мне синяков, я посылаю свой очерк, отвергнутый редакцией «Крестьянки» и возвращенный мне без ремарки. По телефону мне было сказано: при чем тут Паустовский?..

(В скобках хочу сказать, что я сам очень хорошо чувствую многие слабые места, но...)».

11 июня 1968 г.

«Как всегда, мне доставило очень большое удовольствие твое письмо от 8 июня, твои газеты, твоя надпись «...человеку...». Спасибо! Но какой я теперь строитель? Есть такой каламбур: инженер-пенсионер. Жизнь-то далеко ушла, а мы остановились в какой-то точке <...>

Ладно: небось, надоел я тебе. Я еще один. Приезжай почаще и на длительный срок, а то в письмах не наговоришься по всем вопросам, а их – уйма! <...>

На прощание скажу тебе еще слово. О.Б.¹ довольно строгий судья, вообще, в отношении моих товарищей, в особенности. Так она мне заявила: «Интеллигентный человек, твой Сережа. Какая у него речь культурная!». Высшая похвала! Но, Сережа, сказал я тебе об этом на ушко, и ты меня не выдавай и сам не возгордись...

Ну, желаю тебе счастья!

Привет Нине Ивановне!

Твой Иосиф.

Р. S. А, вообще, какой ты счастливый человек, что можешь писать и печататься. Высшее счастье!»

16 июня 1968 г.

«Дорогой мой Сережа!

Следом за сообщением Павла Чебуркина получил я твое печальное письмо. Павел написал: «Вы жертвою пали» – к нему

¹ О.Б. – Ольга Борисовна Мендельсон, жена И.А. Шамиса.

это подходит вполне». Нет Сурена, еще одного не стало. Вслед за Давидом Лившицем, Алексеем Гарри, Хайе Кузнецовой, Николаем Лаушкиным (в партии с марта 17-го, сын прачки), Леонидом Лям, Яном Ходзинским ушел Сурен <...>

Сурен родился в армянской семье в Трапезунде, в Турции. Турки – мусульмане, армяне – христиане, армяне – нац.меньшинство и турки их много раз резали. Это были не просто погромы, а сплошная резня (армян резали, до революции, конечно, и в Баку, резали их турки – тоже на почве религиозного фанатизма, во всяком случае, под его флагом). Сурен был ребенком, когда вырезали всю его семью. Его же кто-то припрятал, а впоследствии он очутился на территории нынешней Армянской ССР. Так что горе Сурен познал с самых детских лет <...>

Что я могу сказать о Сурене сверх того, что ты знаешь о нем? Был он человек по настоящему храбрый! Я был свидетелем проявления им храбрости в очень сложных условиях, – как-нибудь об этом специально расскажу. Причем, проявив храбрость, он не только себя лично отстоял, но резко изменил в лучшую сторону обстановку, в которой находились упавшие духом его товарищи».

20 июня 1968 г.¹

«Кончина Паустовского – 14 июля – застала меня в Крыму. Я был очень опечален. И, должен сказать, что когда я думал о нем, я неизменно мысленно говорил с тобой о нем – ведь ты его так же любишь, как и я. Мне говорили, что вся Москва была у его гроба, молодежи было очень много <...>

¹ Сурен Торосович Оганян родился в Армении. До 1935 г. работал в комсомоле и в строительных организациях г. Еревана. После убийства С.М. Кирова арестован по обвинению в троцкистской контрреволюционной деятельности. Большую часть срока провел в Норильлаге, где работал нормировщиком на строительстве Окселиквитного (кислородного) завода. После реабилитации 25 сентября 1957 г. возвратился в Ереван, получил пенсию. Все 11 лет до кончины болел. Ухаживала за ним жена – Марина Ивановна. Сведений о его семье до ареста не имеется. 27 февраля 1968 г. Марина Ивановна скончалась, и после ее похорон за больным Суреном Торосовичем ухаживала деревенская девушка за прописку в квартире. Скончался Сурен Торосович Оганян 14 июня 1968 г. Запись о С.Т. Оганяне составлена С.Л. Щегловым 23 июля 2016 г. по просьбе автора-составителя.

А что Норильск — ничего не ответил по поводу статьи о А.Н. Зуеве? Не напечатали? Жаль. Они могли бы гордиться тем, что там в числе первых строителей был такой человек как А.Н.».

29 октября 1968 г.

«Да, живу на даче (до 31 августа) среди цветов, в лесу на берегу пруда, образованного речкой Македонкой (откуда только здесь такое название?!)¹

Много мыслей наваяло твое письмо. Вероятно многое мог бы сказать, но не смею отнимать у тебя твое золотое время — оно нужно тебе для творчества, а не на чтение моих безответственных писаний.

Что я читаю? Тоже безответственно. Что хочется. Для души — и только. Только для удовольствия.

Вот перечитал книгу Тарле «Наполеон». Ух, громадный был талант! Интереснейший человек! Что бы Лев Толстой о нем ни говорил, Наполеон был Великим. Вот, пожалуйста, цитата из Маркса-Энгельса о Наполеоне.

По поводу осады Севастополя они писали:

«Поистине Наполеон Великий, этот «убийца» стольких миллионов людей, с его быстрым, решительным и сокрушительным способом ведения войны, был образцом гуманности по сравнению с нерешительными, медлительными «государственными мужами», руководящими этой войной» (см. Е. Тарле).

Еще цитата — там же:

«Я видел, как через город на регогосцинировку проехал император, это мировая душа». Гегель.

Одним словом, личность была колоссальная; скоро (15 августа) Франция будет праздновать его 200-летие. В завещании, которое он написал на о. Святой Елены, он сказал: «Я желаю, чтобы мой прах покоился на берегах Сены среди французского народа, который я так любил».

¹ Речка Македонка, мелкий приток реки Пехорки, впадающей в Москву-реку. Дачу И.А. Шамис снимал с семьей на лето рядом с этой речкой, в районе станции Ильинская Казанской железной дороги.

Эти слова теперь красуются на мраморной доске в Парижском дворце инвалидов в соборе, где с 1840 г. находится саркофаг с останками императора.

Ну и прочим безответственным чтением – для души. Прочитал 3 книги о Японии. Дьявольски интересно (см. статью в «Неделе» № 30 за 1969 г.).

Перечитываю сейчас Гюго – «Человек, который смеется» <...>

С огромным удовольствием читал Цецилию Кин – «Страницы прошлого». Какие интересные были люди, а! И какая судьба постигла многих и многих – ужас!!!»

11 августа 1969 г.

«Дорогой Сережа!

Спасибо за доброе твое письмо! И, уж если дело пошло на любезности, то я скажу тебе больше: каждое твое письмо для меня – праздник <...>

Об истории Норильска – гм... Когда я был в Ленинграде, меня пригласила моя приятельница проводить ее на ст. Комарово (станция эта названа так в память президента АН СССР Владимира Леонтьевича Комарова), там жила Анна Ахматова – хорошая знакомая моей приятельницы. Я проводил до дачи, но отклонил предложение зайти в дом к Ахматовой. Дело в том, что по дороге моя приятельница рассказала мне, что у Ахматовой было уже 3 инфаркта миокарда – чего же я полезу в чужой дом к больному человеку. Сказала она мне также, что в этих болезнях в значительной мере повинен сын Ахматовой – Лева Гумилев. Да, как она выразилась, теперь-то Лева уже остепенился, он уже чуть ли не доктор литературы, но раньше он доставлял матери немало горя.

А я этого самого Леву знал в Норильске (Его отец – Гумилев, тоже был поэт, но был он офицером и в горячие дни его большевики расстреляли в Петрограде).

Лева внешне был красивый парень, что-то делал в Проектном управлении. По баракам тогда знали сочиненную им историю о герцоге Альба, изложенную на воровском жаргоне! <...>

Ну так вот: как бы история Норильска не получилась *та* история. Точнее, боюсь, что получится не *та* история. Примешь

ли ты какое-либо участие в этом деле? Хоть бы просто рассказали о хороших людях, положивших основание Норильска».

22 сентября 1969 г.

«Был в Норильске начальник комбината А.П. Завенягин и была у него секретарем Фрося – так все и звали ее. Я ее помню: тоненькая женщина, смуглая, волос гладкий, подстрижена под мальчика. Все говорили о ней с теплотой. Кто она, как она попала туда (вольнонаемной) – не знаю. Уже вскоре после отъезда А.П. (1941 г. – май-июнь) Фрося сблизилась с Захаром Равделем. Он отбывал в Дудинке, и ты вряд ли его знал.

Симпатичнейший человек, красивый. Заимели они двух сыновей; жили потом в Москве. Был он 1906 года рождения. Ну, короче, 5 ноября мы с ним простились; в крематории было человек 20 норильчан (место, где встречается наибольшее количество норильчан...). Прощальное слово за всех нас сказал Саша Филиппов (Александр Петрович), который вкалывал когда-то вместе с Захаром (Равделем). Оба они были комсомольцами 20-х годов. Саша был сотрудником «Комсомольской правды», теперь тоже занимается журналистикой, работает, кажется, в журнале «Социалистический труд» (я никогда не видел такого журнала). Филиппов – чудесный парень был и, судя по его прощальному слову, остался таким же.

Словом, Равделя тоже не стало, вечная ему память! <...>

Дорогой мой Нестор Норильский! Я не знаю, о чем ты будешь писать в своих очерках к «Истории Норильска». Мне кажется, что в этой истории будет сужено понятие «Норильский комбинат»: будут говорить только о Норильске в узком смысле. Но ведь Норильск – это почти весь Енисей! Начинался он от Шушенского и кончался в Усть-Порту. Норильск это: Шушенское, Красноярск, Таежный, Енисейск, Подтесово, Тея, Подкаменная Тунгуска, Туруханск, Курейка, Игарка, Дудинка, Усть-порт.

Норильск имел представительства в Красноярске, Москве, Архангельске. Без этой периферии Норильск не мог бы жить. Без навигации по Енисею, без водного пути через Баренцево море, без воздушного моста Норильск-Красноярск, без Ангарского леса (круглого), без Игарского леса (пиленого) и т. п. и т. д., Норильск не мог бы жить.

Кто же расскажет об этой стороне деятельности Норильска и норильчан, кто расскажет о героических буднях и периферии Норильска? Это же тоже целая эпопея! Кто об этом вспомнит, – ведь очень мало осталось тех, кто знает, кто помнит, хоть вчерне, о тех больших делах, которые делали норильчане по Енисею и его бассейну.

Вот какие у меня возникли вопросы, когда я узнал о Богучанской ГЭС, вот какие мысли потянулись за этим словом...

Будь счастлив, мой дорогой!

Пиши, когда будет у тебя пауза среди больших твоих трудов. Твой Иосиф».

13 ноября 1969 г.

«Милый Сережа!

17 марта прочитал извещение о кончине Роговера. Я его хорошо знал. Сегодня была кремация. Грустно было. Из норильчан я был один. Из Мингеологии – много. Венки, цветы...

Прилагаю проект некролога для «Заполярки». Надо, надо, чтобы о таких людях Норильска остался хотя бы след в газете...

Что касается редакции сего скорбного слова, то я целиком рассчитываю на тебя: ты сумеешь отлично отредактировать. Ставь мою подпись и отправляй. Надеюсь, что сумеешь убедить «Заполярку» в важности поместить сей некролог.

18 марта 1970 г.

«Дорогой мой Сережа!

Да, как жаль, что я тебя не познакомил с живым Зуевым! Да, теперь о многом сожалею – о несодетанном. Об упущенных возможностях! Эта тема нашла отклик у Фейхтвангера в «Иудейской войне». Главный герой – писатель Иосиф Флавий – заказал своему тестю – знаменитому художнику эпохи, египтянину, украсить фресками виллу своей жены Дориот – фресками на тему об упущенных возможностях. У каждого человека есть эта тема...

Жаль, что не познакомил тебя, что сам не возобновил дружбу. На вопрос Татьяны Петровны (*прим. составителя*: вдова писателя-норильчанина Александра Никаноровича Зуева) об

этом — я не знал, как ответить. Я ей сказал, что вероятнее всего причина лежит в некоем моем «провинциализме». Что я под этим понимаю в данном случае? Этакую застенчивость. Когда он был мне брат по неволе — это одно. А когда он стал членом редколлегии крупного журнала — так куда мне в «калашный ряд»? Да-да, какая-то стеснительность, вероятно, мной руководила. А потом я тебе скажу, тонкий тут момент психологический: то, что пережито, свято. И не нужно, чтобы оно покрывалось илом современного житья-бытья. Пережитое хранится в особой шкатулке и охраняется инстинктивно. Именно так. Но, трезво размышляя, надо было преодолеть «условный рефлекс» и руководствоваться любознательностью для пользы дела. Да что толковать сейчас! Теперь остается собирать все по крохам, чтоб восстановить, как ты говоришь, живые детали <...>

Объяснить тебе дословно некоторые слова из Бабеля — это тебе мало что даст (Багрицкий, Бабель, Кирсанов — это моя молодость; потом пришли Уткин, Ал. Жаров, А. Безыменский, Серега Есенин, — ох и ох...). Читали, конечно, и Ник. Асеева, бегали слушать Маяка, но он сам был очень шумный, казался вызывающе дерзким, вокруг него было много шума и мало поэзии.

Но постараюсь дать тебе представление об этих категориях.

Цадик — святой муж. Что это такое? В еврейских общинах (я здесь и далее имею ввиду дореволюционное время) был глава — раввин, от древнееврейского рабби — мой учитель. Это, чаще всего, был человек приглашенный из другого места, он тут поселялся и возглавлял общину. Он хорошо знал учение, был благочестив и скромн. Что он делал? Он не был проповедником, не читал морали — он, главным образом, своим примером показывал, как надо жить: быть скромным, честным, делать добро. Он был хранителем традиций народа — народа, изгнанного из своей земли и отовсюду гонимого. Одна из главных его функций — это вершение суда. Люди спорят, не могут договориться — идут к рабби и его слово — закон. Речь идет о гражданских делах — купля-продажа, раздел имущества, наследование, разводы, решение всяческих этических проблем.

Цадик же это была личность, стоящая как бы над общиной. Он — святой. Мирские дела его не интересуют, его дело — учить талмуд, трактовать его со своими приближенными (свита цадика

ка), в точности справлять все праздники и ритуалы. Но если у человека горе (вот уехал муж в Америку и не пишет) – идет жена к цадику за советом; вот нет детей – идет к цадику отплакаться. Каждый идет, чтобы получить слово утешения и совет у цадика. Да, иногда «Цадик» употреблялся в ироническом духе: Эх, ты, цадик! Что означало: Эх, ты, святоша!

Кантор, от латинского *cantare* – петь, отсюда – кантата. Все молитвы произносятся хором всеми молящимися, но запекает кантор. Он начинает, произносит одну-две фразы, задает тон мелодии – и все подхватывают.

Шамес. Когда был храм – центр религии и культуры, то были священники – коаним – и их прислужники – левиты. Остальные звались израильтяне, это был весь народ, «плебс». Когда народ пошел в изгнание, то в общинах создавались маленькие храмы – синагоги. Теперь коаним только пару раз в году, воздев руки, благославляли народ. Левиты им поливали перед этим руки. А шамес – это просто прислужник в синагоге: оберегал имущество, заботился о воде и топливе. Вел поминальную книгу («синодик» – эх, хороший был синодик у Ивана Грозного). Напоминал кому надо о дне поминовения. Вот я был сиротой, моя мама умерла, когда мне было немногим более 3-х лет, за 2 дня перед Пасхой. И вот шамес каждый год приходил к нам в дом, гладил меня по голове и просил не забыть завтра зажечь лампу, чтоб она горела круглые сутки – днем и ночью, и придти в синагогу прочесть кадиш – успокойную молитву. Когда же я был совсем маленький, шамес за меня читал эту молитву».

16 апреля 1970 г.

«4-го сентября с. г. в г. Красноярске скончался Михаил Васильевич Ким. Как передали, он месяц лежал в клинике, выпи-сался, пошел на работу – в Красноярске есть институт, который Ким представлял в Норильске – и паралич сердца на работе и летальный исход. Его жена Марья Васильевна с сыном Вовкой (он физик) вылетели 5-го из Москвы в Красноярск. Говорили, что быть может его повезут в Ленинград, где он жил до Норильска, и что из Норильска должны прислать цинковый гроб. Сегодня, 7-го, стало известно, что его похоронят в Норильске.

Дату сию, 4-е сентября, отметить в своей «Летописи Норильска».

Кима я хорошо знал по работе. Это был настоящий ученый. Замечу в скобках, что не очень я люблю всякие штампы, вроде «выдающийся», каковым штампом наградил А. Твардовского по поводу его 60-летия С. Наровчатов; лучше сказал бы: настоящий поэт, и все тут.

Ким, насколько я понимаю, положил начало смелому широкому фундированию зданий на вечной мерзлоте в Норильске. Следует заметить, что и в Воркуте в те-то годы строились дома на вечной мерзлоте, но их там повело. Мне довелось видеть фото 8-квартирных домов в Воркуте, фасад которых представлялся волнистым, скажем, вроде синусоиды. Большие успехи были в Якутске в начале 30-х годов. Но Норильск лучше всех и шире всех пошел – и успешно! – на дело покорения вечной мерзлоты. Мне сдается, что заслуга М.В. Кима тут первичная, изначальная – и в этом его бессмертная заслуга перед Норильском и наукой.

Конечно, Ким не был первым в мире или в стране в этом деле. Я работал в годах 30–31 с одним старым инженером-путейцем – строителем Николаем Ивановичем Быковым. Ему неплохо жилось-работалось в Москве, но, очевидно, он был, как мы теперь говорим, романтик. Лет ему было, наверное, за 50. Уговорил он двух молодых инженеров из нашей строительной организации (Александрова и Телоховнева) и отправился с ними – куда ты думаешь? В Игарку! Игарка была тогда для нас *terra incognita*. А он поехал туда – изучать вечную мерзлоту. Тогда же, между прочим, я увидел у него книгу «*Siberia die andere America*». Хорошо изданная, объемистая книга. Я был, помнится, поражен: немцы досконально изучают Сибирь, а для нас Игарка – страна неведомая. Конечно, я профан в этих делах, может и у нас уже тогда многое было, но для меня и круга моих товарищей все это было внове и необычно.

Казалось, что Н.И. Быков идет на подвиг. Потом появилась книга Н.И. Быкова и Каптерева о вечной мерзлоте¹.

¹ Вместе с Н.И. Быковым Шамис работал в организации «Хлебострой», о чем он рассказал в новелле «Э.Т. Кренкель».

Ким, как он мне говорил, знал о работах Быкова, имел его книгу. Так что Ким не «изобрел» науку фундирования на вечной мерзлоте. Но для Норильска Ким был несомненно первым человеком в этой области!

Когда группу старых норильчан пригласили в комитет по Ленинским премиям, я, равно как и остальные, отдавал Киму первенство. И это было не первенство среди равных – мы считали, что он единственный достойный такой премии из всей группы представленных. Это же мне довелось говорить и на заседании Научно-технического общества (в зале Госстроя на Фуркасовском переулке). (Как известно, все представленные кандидаты были проведены, что я и сейчас считаю неправильным).

Итак, Кима нет уже. Было ему года 63. Я уже сказал, что он был настоящий ученый, хочу дополнить, что это был по настоящему интеллигентный человек. Человек очень обаятельный, очень приятный. Когда, бывало, он прийдя по делу в Управление строительства, подходил к моему столу, я всегда вставал и приветствовал его. Да не только я – многие относились к нему с глубоким почтением. Очень печально, что М.В. безвременно ушел от нас...».

18 сентября 1970 г.

«Сережа, а мои воспоминания не следует хранить: ведь в литературном отношении они никакой ценности не представляют. Факты? Сделай себе выписки и рви остальное. Это я серьезно говорю!».

9 февраля 1972 г.

«Из газет ты знаешь, что умер Владимир Иванович Полтава. В «Советской России» за 19.01.1973 был некролог и его портрет.

Рядом с ним я проработал много лет – более половины того времени, что я пробыл в Норильске, и мне очень тяжело на сердце...

Похороны были организованы на правительственном уровне. Лежал он во Дворце культуры, расположенном вблизи

театра Советской Армии. Не знаю, сколько было людей – не сосчитать: сотни. Но все это были люди из той отрасли, где он работал последние 10 лет: работники сельского хозяйства, сельские строители. Почет был ему оказан большой. Мой друг попробовал сосчитать венки и сбился со счета где-то на цифре 70. С 10 до 13 часов был почетный караул, а потом прощание перед выносом. Но ветеранов-норильчан, я считаю, было мало. Все очень изменились – постарели, поблекли. Были такие товарищи, бывшие создатели Норильска: Зверев В.С. (директор комбината), Перфилов И.М. (начальник строительства), Ивлев И.С. (начальник металлургического завода), Бизяев (был когда-то главный энергетик, потом – в Москве – Министром энергетики, строил Асуан), Шулика (ведущий металлург), Абелевич Л.А. (начальник Автотранспортной конторы), Гарфункель Вл.Л. (главный диспетчер строительства), Эпштейн И.А. (зам.главного инженера строительства), Эпштейн С.И. (экономист-плановик), Ершович Н.И. (специалист по металлоконструкциям), Гайсинович Е.Е. (начальник Центральной стройлаборатории), Шейнин И.Г. (плановик-энергетик), Пищик З.Л. (начальник Мерзлотной станции), Локштанович (начальник Проектного отдела), Тагер (работник Проектного отдела), Поляков Арий (работник Авиаотряда), Старостин Андрей (работник по стройматериалам, известный спортсмен), Шипов А.Л. (плановик-экономист), Лернер А.М. (главный инженер ряда строек), Бронштейн И.К. (главный энергетик) <...>

Рано, очень рано, слишком рано ушел из жизни Владимир Иванович Полтава – было ему всего-то 62 года.

Велика и глубока скорбь тех, кто его знал, кому довелось с ним работать на строительстве Норильска.

Владимир Иванович строил Норильск! Это звучит гордо!

Норильск закладывала и строила блестящая плеяда людей. Результатом их поистине вдохновенного и действительно самоотверженного труда явился город Норильск с его Комбинатом. Город, который вполне заслуженно называют маленьким Ленинградом. Комбинат – горно-металлургический комбинат имени Абрама Павловича Завенягина, одного из первых строителей Норильска – представляет собой драгоценнейшую жемчужину в короне нашего государства.

Так вот, В.И. Полтава, кому старые норильчане пришли поклониться в последний раз, он, Владимир Иванович, сиял среди блестящей плеяды строителей Норильска как звезда первой величины.

Просто невозможно коротко рассказать, что это был за великолепный работник, какой это был прелестный человек.

День не день, ночь не ночь, черная пурга, лютый, каленый мороз – в любое время, в любой момент Владимир Иванович на своем посту – сильный, умный, целеустремленный, приветливый и доброжелательный к своим сотрудникам.

Проблема спланирования людей как бы и не существовала для Владимира Ивановича, ибо люди сами тянулись к нему и шли за ним.

Потому что обладал он чудесным даром притягивать к себе людей.

Этим даром было его исключительное обаяние. От этого человека, от Владимира Ивановича, исходила какая-то чарующая, притягивающая сила.

Поэтому все, как один, двигались на то дело, на которое он звал.

Коллектив, все без исключения, – любил его.

Его любили за то, что уважал он личность каждого работавшего с ним. Его любили за его демократичность, за простоту во всем.

За то, что он всегда был чуток и добр.

За то, что он сочувственно относился к тем, кому было трудно.

Да просто за то, что он был искренним, добрым человеком.

У него были широкие познания в различных областях человеческой культуры и он охотно делился ими, благо он еще блестяще владел даром оратора.

Он любил искусство – живопись, музыку, пение, поэзию. Как на работе, так и в обществе друзей он был обаятелен, был жизнерадостен – был он просто сердечным другом-товарищем.

За свою жизнь он совершил немало прекрасных дел, но лучшим памятником Владимиру Ивановичу, конечно, является Норильск, где он положил много своих молодых сил, дарования, опыта, вдохновения.

Но он оставил память и в наших сердцах, в сердцах тех, кому посчастливилось работать рядом с ним – и не один год. И память о нем будет жить в сердцах ветеранов-норильчан до тех пор, пока эти сердца будут биться.

Обнимаю тебя, дорогой Сережа».

20 января 1973 г.

«Ушел еще один наш товарищ. Посылаю тебе экземпляры Скорбного слова при прощании с ним.

Как выражаются, хоронил его Институт, где М.Д. Ойхман работал до последних дней (см. вырезку из «Вечерней Москвы»). Траурную церемонию открывал представитель этого института – он рассказал, как подручный слесаря через комсомол, ЧОН, а затем партию, через упорную учебу и постоянное усовершенствование дошел до руководителя отрасли промышленности. Он был из тех, кто закладывал основы советской пищевой индустрии еще в первые пятилетки. Мне помнится, что он ездил с комиссией Микояна в США изучать эту отрасль, закупать оборудование.

Ты его не знал, так как он был почти все время в Дудинке, в Норильске он был в горном (он имел 25) и не смог оставить какого-нибудь видимого «памятника» там о себе. Зато он оставил глубокий след в сердцах тех, что его знал: интереснейший и чудеснейший он был человек».

26 мая 1975 г.

«Не писал я – не до писем было. Но каждый день говорил с тобой – мысленно <...>

Хочу еще сказать, что очень сожалею, что мы не имеем возможности подольше беседовать друг с другом, но и эти мимолетные встречи очень мне важны и доставляют удовольствие».

3 июня 1979 г.

«Понимаю, что тебе не до меня. И не ропщу, хоть поделиться есть острая жажда. Мучает меня еще «техника» – негде напечатать: надо куда-то ехать, в очередь записываться.

Ты понимаешь ведь: мне уже надо поторапливаться: если я не напишу о некоторых первостроителях, то уж никто ничего о них не напишет, а здоровье – сам знаешь... Я полагаю, что это мой долг – написать, – так? Или это гордыня во мне говорит? <...>

«Ах, ты не любишь (или сторонисься) слова «новелла», а между тем она значится в словаре русского языка у Ожегова как «небольшая повесть, рассказ».

12 мая 1983 г.

«Проект плана работ под девизом: «Память сердца – первостроителям».

1. Первая книга о Норильске.
 2. А.Н. Гарри (с добрым словом о Е.Я. Драбкиной).
 3. А.Н. Зуев (с добрым словом о Татьяне Петровне).
 4. Сестра Фрося.
 5. ГЭФЭ.
 6. М.Г. Потапов – дед-снегодуй.
 7. Зинюк Ю.Н. со товарищи:
Рыжевский М.Я.
Кантор М.Ш.
Щеглов С.Л.
 8. Врачи: норильская медицина.
 9. Первые журналисты – «Заполярики» (тоже первостроители): Балужева Н.И. и др.
 10. Строители периферии Норильска.
 11. Отдельные портреты первостроителей:
Перфилов И.М.
Полтава В.И.
Эпштейн И.Я.
Всесвятский В.Н.
Сорокин А.М. (фото)
Синельников П.П. (макетчик)».
- 5 января 1984 г.

«Дорогой Сережа!

Следую обычаю, душевно поздравляю тебя с выходом на заслуженный отдых – ты давно его уже заслужил!

Что пожелать тебе?

Если бы я стал перечислять все добрые пожелания, какие есть у меня для тебя, право, не хватило бы бумаги, да и беден мой язык, чтобы выразить всю степень моей симпатии к тебе...

Знаю, понимаю твои слова, что тебе предстоит нелегкая жизнь на этом отдыхе, — по крайней мере, в ближайшие четверть века. Знаю, что такое труд литературный.

Помню, что писал Семен Яковлевич Надсон: «Нет на свете мук сильнее муки слова». А вот полностью:

«Милый друг, я знаю, я глубоко знаю,

Что бессилён стих мой, бледный и больной;

От его бессилья часто я страдаю,

Часто тайно плачу в тишине ночной...

Нет на свете мук сильнее муки слова...».

6 января 1984 г.

«О проекте плана работ. Так это же только проект. Моя задача — только подсобная.

Как там у Сергуши (так он назван в Анне Снегиной) — «ты одна мне помощь и отрада...».

Сколько нас осталось однополчан с пером в руке? Ты, Сергуша, один остался!

Мне кажется, что твоя генеральная задача, что лейтмотив, т. е. основная тема твоего творчества, — это показать первый строительный период Норильска через призму портретов его строителей: Потапов и другие товарищи.

Считаю, что это долг перед ушедшими, а это и есть долг перед Историей.

Задача эта нравственная, этическая! А я — *помощник* твой! <...>

Сказал я о Толстом к тому, что *чрезвычайно надо беречь свое время*. Даже на чтение и ответы на письма, подобное этому.

Но ты это великолепно понимаешь.

И я рад был читать твои слова: «Но буду стараться сделать хоть немного из того, что чувствую своим жизненным долгом...». Хорошо! И я рад, повторяю, и верю!

Я, брат, не Гаврила Державин, и ты, Сергуша, не молодой Пушкин, поэтому я не могу так пышно сказать – «...и в гроб сходя, благословил...».

Но я тебя, брат мой, благословляю на труд тяжкий, но важнейший!...».

19 января 1984 г.

«Здравствуй, дорогой Сережа!

Как в Питер съездили? Как там Зинюк? У Урванцева был ли?

Завидую, что повидал Ленинград. Я ведь в нем жил, на Литейном (тогда наименовали его проспектом Володарского, потом стал опять Литейный – и хорошо!; сие было в далеком теперь 1924 году. Но я там не остался, вернулся на свой Юг, в Одессу. Но Питер остался в моем сердце, как остается Первая любовь (*если кто имел счастье познать ее...*)).

Последний раз я был несколько лет тому назад, жил в роскошной профессорской квартире вблизи Смольного и ходил-бродил всюду и не мог налюбоваться, насладиться всем, тысячу раз виденному... Я был какой-то одержимый. Ну, в самом деле – есть ли еще такой чудак, кто налюбовавшись властью Казанским собором (Андрея Воронихина), пустился бы осмотреть это чудо и с «дворового» фасада? Я это делал, мне почему-то все в деталях, важно было... et cetera».

29 февраля 1984 г.

«Дорогой Сережа!

Не хотел бы отнимать у тебя столь много времени своими письмами, но раз заговорил о Роговере, позволь еще несколько слов о встрече с ним.

Это было в Таежном. Мы там строили пионерлагерь на 500 мальчиков и 500 девочек и дом отдыха для взрослых. В нашем прорабстве работало несколько женщин – одна из них показалась очень интересной. Вечером я ее встретил. Там был небольшой домик из 2-х комнат. Большая комната предназначалась для приезжих, мне там дали койку. А в малой, как оказалось, жила знакомая уже мне молодуха. Звали Леной. Рост – выше

среднего, статная, лицо чистое, глаза ясные, красивые, волосы каштановые, слегка вьющиеся – вся она была, я сказал бы, какая-то необычная, значительная.

Дело было летом, берег Енисея, тишина. Сажу на лавочке у дома, покурываю. Является один из наших архитекторов вскоре и – Лена. Появился Роговер. Что он там делал, не знаю: отдыхал или по делам геологии заехал? Очень ему Лена понравилась, она к нему тоже с симпатией относилась. Сидим на лавочке (как у Шукшина) и тихо беседуем. В какой-то момент Лену кто-то позвал, назвав ее «Моисеевна». Что-то, какая-то ассоциация зашевелилась у меня в мозгу. Оставшись с ней один, я вдруг выпалил: «А я Вас знаю. Вы из Москвы? Да! Вашего папу звали Моисей Львович?»

Она ахнула... Я его помнил со времен Гражданской войны, когда он был Наркомпути; в ЦСНХ и т. д.¹ Да, это была дочь Рухимовича (1889–1938), члена КПСС с 1913 года. Мы разговорились, и она даже решила показать его фото... Я с Роговером поделился. Мы встречались, пожалуй, каждый вечер. Роговер был моложе меня и интереснее, и я частенько отлучался по другим делам. Вот такая интересная встреча и дружба: Лена, Роговер и я, грешный... Сколь помню сейчас, когда все вернулись в Москву, они перезванивались (он ведь был холостяк), встречались ли – не помню. Я тоже звонил ей, но не встречался. Вот так: осталась заметка об интересных красивых людях, много переживших и повидавших... Да, наверное, я должен чувствовать себя гордым, счастливым, что повстречал много чудесных людей».

14–19 марта 1984 г.

«Ну, хорошо, о моих «лит. трудах». Чего я – мы! – добиваемся? Не честолюбие, не престиж руководит мною, не «слава» и т. п. и уж, конечно, не гонорар в 9–05 (еще 0–35 и можно 2 бутылки горілки взять...). *Наше дело – показать добрых людей на-*

¹ Наркомпутъ – Народный Комиссариат путей сообщения, ведавший железными дорогами. ЦСНХ – Центральный совет народного хозяйства – орган планирования и координации деятельности различных отраслей.

шего поколения. Ну, немножко – попутно – и трудности наши. Скромная, но важная задача! <...>

Кстати, о могилах безвестных. Дошло до меня, что кладбища в Горстрое, где покоятся Терпогосов, Рыжевский, Бакланов и др., не существует, над их костями воздвигнуты строения... Об этом у меня есть уже отзыв на бумаге и я брошу свой упрек, ЕБЖ, новым градостроителям – пусть им стыдно станет, и пусть зарок дадут себе не повторять подобного кощунства).

26 июня 1984 г.

«Единственное, что может меня утешить, – это мысль, что делаем мы это – светлой памяти ушедших, в данном случае ГЭФЭ <...>

Сережа, после моего длительного разговора с Н.М. Перфиловым лично, а потом многократно по телефону, мы оба восстановили многие детали картины строительства ТЭЦ. Кое с чем я не согласен с ним, хоть он меня моложе на 9 лет, и у меня память не такая уж плохая (как я думал). Словом, под влиянием разговора я кое-что исправил в ГЭФЭ: вычеркнул «руководитель стройки», решил «похвастаться» (это вообще некрасиво по отношению к Ивану Макаровичу). И давай просто напишем: «решили» показать и т. д.

Иван Макарович говорит, что надо писать «Авраамий». Да будет так. Ну и еще – мелочь всякая. Конечно, мою новую концовку, – согласен, – приходится снять.

А вот слова в конце новеллы «сзади, в затылок» хотелось бы оставить. Я даже думал добавить, что удар был коварный, подлый – не «в лоб», а сзади, именно подлый. Между прочим. удар был профессиональный – в сонную артерию, смерть мгновенная (правда, сонные артерии расположены вдоль шеи и пищевода, но опытный «урка» имеет нож, которым поражает этот жизненный центр»).

8 июля 1984 г.

«Дорогой Сережа!

Спасибо за большое письмо от 17.07.1984! Спасибо за «Не надо дыма»! Вот, думаю, будет переполох у работников редак-

ции, когда они дойдут до финала; речь ведь идет в концовке о необычном – можно ли печатать такое? Несомненно, пойдут советовать к руководству. А то – и в корзину сразу...

Читая твое письмо (я отложил в сторону газеты и завтрак), я чувствовал, что где-то в моем мозгу роятся какие-то стихи, но мне некогда было зафиксировать свое внимание на этом. И только закончив чтение твоего письма и отложив его в сторонку, я прошептал про себя: «Мой первый друг, мой друг бесценный» <...>

Писать? Легко сказать!

А.И. Герцен писал: «Я решился писать... Я не имел сил отогнать эти тени...»

Вот когда человек берется за перо. А.И. сказал еще так: «Писать «Записки», как я пишу, дело страшное, но они только и могут провести черту по сердцу читающих, потому их так страшно писать» <...>

Хочешь еще, Сережа? Изволь. «Былое и думы» – не историческая монография, а отражение истории в человеке, случайно попавшемся на ее дороге <...>

Ой, Сережа, о многом-многом нам надо бы говорить и говорить, но...

Ну, заканчиваю свою epistula. Да, надеюсь, помнишь ты концовку стиха, с которого я начал это письмо, позволь воспроизвести ее:

«Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье» <...>

Л. Фейхвангер, ссылаясь на Иосифа Флавия, говорит, что писатель может судить не то, что живых, но и мертвых – вот какая сила пера! И обязанность его!»

21 июля 1984 г.

«Конечно, кому я нужен, чужой брожу. Но себя-то не потерял! О, моя любознательность не иссякла! Конечно, мое «хобби» – это новостройки, архитектура, и я, каждый раз, когда открываю страница за страницей книгу, имя которой – Москва. Словом, «свой», только вот тебя нет, чтобы поделиться, скажем, впечатлением об изменениях на Тургеневской площади. Все тебе

некогда, Сережа. А когда время будет?... Конечно, скучаю по Ленинграду, но увы...

3 августа 1984 г.

«Письмо твое от 09.08.1984г. получил. Ты пишешь, что «Это и есть та беседа с Вами, о которой мы оба с Вами мечтаем...» Спасибо, друг мой, за беседу! Мечтаю я о личной, долгой-долгой беседе, такой, чтоб душа полностью раскрылась, чтобы все высказать. Увы, увы...

Я с тобою, — со всеми твоими высказываниями и оценками — согласен.

На тему бессмертия я давно собираюсь тебе написать, да все времени не выберу.

Львов? Я уже писал тебе, что Львов теперь это «держжава». «Норильская биография» мне тоже не нравится: это не литература, а картотека. А какой интересной она была бы, если в ней публиковались, пусть мемуары, но обработанные хорошей рукой доброго редактора. Ведь можно было бы взять именно такое направление? <...>

Не могу я, Сережа, поддаться всяким хворям: мне еще много надо посидеть за столом с ручкой в руках!.. Кой толк? C'est la vie — это жизнь! Такова жизнь! Да, я сказал бы, что и стариком не чувствую себя. Раз, считаю, любознательность не иссякла, раз тянется рука к письму, — значит, жив человек».

15 августа 1984 г.

«Дорогой Сережа!

Сегодня у меня «обратно» (как говорят в Сибири, впрочем, не только в Сибири) праздник: получил твое письмо от 29 августа с сообщением о твоей статье о Снегове, напечатанной в «Заполярной правде» 16 августа. Vivat! Черт возьми, как выражался Джек Лондон, оказывается, что отражение твоих трудов даже в газетных литерках может принести немалое удовлетворение и удовольствие. Дай, Боже! Конечно, будем работать, как всегда, — это дает и удовлетворение и удовольствие (если удачно получается), но трудов это стоит немалых.

Мне, конечно, будет очень жаль, если мой «ГЭФЭ» («дым») попадет в редакционную корзину. Но все равно буду долбить эту точку. «Домарев», который я тебе послал, и о котором с нетерпением жду твоего «добро» – из той же серии, что и «ГЭФЭ», и «Фрося». Есть у меня еще кое-что в «Запаснике», но еще надо работать <...>

В «Правде» была статья о болгарском революционере Р.П. Аврамове, на днях установили мемориальную доску на его доме. Он был моим прямым начальником все годы – с 1925 г., когда он приехал в Москву из Лондона. Он был другом Горького и М.Ф. Андреевой. Но в книге о М.Ф., изданной в 67 г. – ни звука об этом (автор А. Таланов, книга «Большая судьба»). Я начал работу о его трудах на строительном поприще...»

9 сентября 1984 г.

«Закончил я о Перфилове, он обещал отпечатать, а потом я пошлю с письмом от себя секретарю ГК т. Аристову И.С. с просьбой напечатать. Он хорошо знает Ивана Макаровича <...>

Написал сочинение о работе Р.П. Аврамова, болгарина-революционера, друга А.М. Горького и М.Ф. Андреевой. Он был моим начальником все годы, когда он жил в Союзе; начальником, с которым я работал рядом.

Вообще мне везло на начальников. Их всего было два за всю мою сознательную жизнь: это Аврамов Р.П. в Москве и Перфилов И.М. в Заполярье. Был, правда, недолго в Москве Г.Г. Рошаль, был, тоже недолго, Агафонов С.П., но их можно не считать. Два начальника за всю жизнь – и какие! Редкий случай! Светлая память первому, долгих лет второму!»

28 сентября 1984 г.

«Сереженька, осиротели мы – не стало нашей Ольги Борисовны.

В субботу, в 20 часов восьмого декабря одна тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года в возрасте 82 лет, в городе Москве, в больнице № 15 скончалась Ольга Борисовна, урожденная Мендельсон...

Пробыла она в больнице с 30 ноября по 8 декабря 1984г. Паталогоанатом после вскрытия тела (с нашего молчаливого согласия...) 10 декабря записал:

Непосредственная причина смерти: инфаркт миокарда.

Заболевание, вызвавшее непосредственную причину смерти: ишемическая болезнь сердца на фоне гипертонической болезни.

А это неверно! У Юлии и у меня свое мнение на сей счет. Намучилась, бедненькая.

Похоронили мы Ольгу Борисовну согласно традиции, требующей уходить к праотцам через землю, на своем участке за оградой рядом с могилой ее матери, бабушки Юли, прабабушки Аллы и Марии Фани Ароновны на московском кладбище в Востряково 19 декабря 1984 г.

Бросили все по горсти земли (мерзлая глина).

Я не припомню, когда я еще плакал, а здесь, при последнем прощании, спазмы сжали мое горло и я разрыдался навзрыд...

Алла, склонив голову, шепотом у свежей могилы читала Книгу, меня била дрожь, я прислонился к внучке, глядел одним глазом в священные письма, пытаюсь подсказать ей прочтение особо трудных написаний. Оба сказали мы «аминь».

Сережа!

«Сняли с меня голову...» (И.С. Тургенев, *Senilia*, *Щи*)».

«Он умер для меня, но он во мне живет.

Я исчез в его воображении.

Я умер в нем, меня хоронят с ним...» (Н.А. Морозов «Мы умираем только для других») <...>

О смерти собственной умерший не узнает...

Вот и все, Сережа, любезный друг мой».

16 декабря 1984 г.

(О подготовке к празднованию 50-летнего юбилея начала строительства Норильского горно-металлургического комбината, *прим. составителя*)

«Итак, сегодня, 23-го, я был у Вл.Н.¹, пробыл у него часа два с половиной – представляешь себе это!

¹ Вл. Н. – Владимир Николаевич Всесвятский.

Сведения такие: вся организация слета возложена на Розина, Бориса Яковлевича (юриста, ты его помнишь).

Вечер состоится, как я уже сообщал тебе, в ЦДЛ. Председательствовать на этом вечере будет Роберт Рождественский.

Приглашение гостей рассылает Норильск. Московская контора только должна дать список приглашаемых. Однако список будет рассмотрен в Норильске.

Я с этим списком по просьбе Вл.Н. провозился добрых несколько дней. Попробуй, к примеру, узнать: жива или нет Вера Ивановна Грязнева, врач, бывший начальник больницы, которую все уважали и которая пострадала за то, что вышла замуж за изыскателя Попова (друга Павлова). Вот пошли в Ленинград к ней домой приглашение, а его получают дети, а ее... нет уже. Конфуз! Это не один такой случай. Повозился я немало.

Кроме того, как я уже писал тебе, я составил список ушедших *ad patres* (я еще его пополнил – всего насчитал более 125 товарищей).

Далее я составил список вдов и детей, подлежащих приглашению. Вот все это мы с Вл.Н. (потом он позвал еще Юр. Ник. Озерских, который проработал в Норильске около 20 лет) тщательно рассмотрели. Будет печатать и вышлет в Норильск».

23 января 1985 г.

«Сережа, я уже писал тебе о моей идее иметь в Норильской музее экспозицию строительства на Периферии. Три дня на даче (дождливая погода, прямо очень «Болдинская осень») я был занят этим. Набело написано и подготовлено к отправке: карта-схема с Енисеем и его правыми притоками и с пунктами, где мы строили. И 17 страничек текста: изложение идеи, список объектов и товарищей».

12 июня 1985 г.

«На твой вопрос обо мне скажу: полетел бы, наверное. Но маленьких не приглашают, их только лупят если они поддаются битью (О праздновании 50-летия Норильского комбината, *прим. составителя*).

Приятное известие: в газете «Северный рабочий» в Северо-Енисейском напечатаны мои строки под названием «Вклад норильчан». У меня не только нет претензий, а, прямо скажу, кто-то хорошо потрудились над редакцией этих строк, хотя... газету мне прислал Гриша С. Собираюсь послать спасибо редактору и Гр.Ильичу <...>

Об архиве. Рад был читать, что если будешь передавать, то с отбором, как ты пишешь. На выборку, то есть. Так будет правильно. Только так!

Нельзя же посылать, скажем, мои личные к тебе письма интимного порядка!!

Посылать надо то, что важно в плане истории и развития Комбината.

Но и то не все. Я очень сомневаюсь, что для истории важно иметь в Музее весь архив окисиликвитной лаборатории. Важнее иметь квалифицированный научный обзор, чем отдельные анализы испытаний или что-то в этом духе – тебе это виднее. Ну, там, где это нужно, можно и документом проиллюстрировать. И т. п. (скажем, приложить акты испытаний конечных, а не промежуточных испытаний). Ну, мне тебя учить не надо! <...>

Знаешь, я перечитал «Мудрость чудака или смерть и преображение Жан-Жака Руссо» Лиона Фейхтвангера. Готов сегодня же начать снова перечитывать – до того интересно! Читай – не оторвешься. И подолгу будешь додумываться над многим из того, что там написано из времен Великой французской революции.

21 июня 1985 г.

«...Вообще, это ужасно, если подумать: какие-то чужие люди, чуждые данному делу, прикоснутся к святым святым – к делу, которому человек посвятил полжизни, можно сказать. В гробу можно перевернуться (а если это прах и он в капсуле – и нет ни останков, ни гроба, ничего нет?! Но есть душа, живая душа – она – в его наследии, в его творческих, заветных трудах. Имеет ли кто-нибудь право касаться самой души этой?...) <...>

15 июля будем оформлять отправку Вахмениной материалов по теме «Домарев». Послать ли с этим мою «Звездный час» или отдельно? Вообще, думал послать: печатать не хотят, пусть в музее будет эта статья о Домареве – а?

Да, подсчитал: 800 человек наградили к 50-летию. Вот размах, Норильский! Искал я «Ведомости Верховного Совета» – нет нигде в киосках, а надо бы – хоть бы для «Синодика». Ты тоже не нашел? Ищи, пожалуйста!

Обнимаю».

10 июля 1985 г.

«О торжестве я кое-что слышал (по телефону) <...>

В один голос все говорят, что все прошло на высоком уровне.

Ну, ты уже знаешь, что награждено 800 человек. Из старшего поколения – ни одного! Из знакомых: «Октябрьской Революции» – Б.И. Колесникову; «Трудового Красного знамени» – Ю.М. Смолкову (пред. Исполкома); «Дружба народов» – Л.И. Анисимову (главный инженер УКС) и И.Б. Брухису (главный инженер Московской конторы); Медаль «За трудовое отличие» – А.Л. Львову, Ю.Н. Озерских (замначальника Московской конторы); «За трудовую доблесть» – Мильман Эдуард Анатольевич (начальник А. Львова) <...>

12 июля было торжественное собрание, потом экскурсии, встречи.

О Мемориале – предварительная информация следующая. Если стать лицом к домику Н.Н. Урванцева, то слева пристроена стенка и в ней две ниши с прахов супругов У; справа – воссозданный дом А.П. Завенягина, вход в него через тамбур домика Н.Н.У. (Если будут уточнения – сообщу) <...>

Ничего в голову не лезет. Читаю. Прочитал 1 том «Фаворита» Пикуля. Мне сдается, он – как бы это сказать? Бережно относится к вопросу о нравственном облике Екатерины II. Я перечитывал А. Виноградова («Три цвета времени») – мне он кажется надежным (как иначе сказать?) писателем, когда пишет об исторических событиях и личностях – так он более жестко говорит о Екатерине II. Шут с ней...

Что неприятно читать – (описывается изгнание французов из России) «Три цвета времени». «...Русским не придется долго тешиться Вильной... А Кутузов наверняка понаставил там перекладын, на которых пляшут между небом и землей евреи, отказавшие в кредите на вино господам русским офицерам».

Впрочем и после Кутузова было такое в царской армии: из «Капитанской дочки» – разговор Зурина с молодым Гриневым: «В походе, например, придешь в местечко – чем прикажешь заняться? Ведь не все же бить жидов <...>»

Сил, удачи!»

26 августа 1985 г.

«Вот сколько у нас с тобой дел! Мне даже неловко, что я тебя загружаю. Но я что могу сделать? Твердо знаю, что «шагреновая кожа» моя все больше укорачивается и что мне не надо откладывать ничего на завтрашний день!»

16 ноября 1985 г.

«Еще один товарищ наш ушел *ad patres*, об этом сообщила «Правда» за 19 ноября 1985г. – о смерти члена КПСС с 1919 г., участника Гражданской войны, доктора экономических наук Сергея Алексеевича Далина.

Роста он был высокого, в плечах – широкий, руки-ноги большие – все в нем было крупное: сама голова, нос, губа, уши. Но все в нем было складно – мужественный, красивый человек.

Глаза умные, взгляд приветливый, открытый, благожелательный.

Манеры – человека воспитанного, бывалого. Живя, работая в Заполярье, он холода не боялся – ни мороза, ни пурги – и валенок не носил: зимой – ботинки с галошами, летом коротким – полуботинки. И на работу так одевался, и при выходе по делам на стройплощадки.

Все годы работал в управлении строительства в плановом отделе. На нем лежала обязанность разработки строительной программы на планируемый период – в соответствии с техническим проектом строительства Норильского горно-металлургического комбината; контроль хода исполнения утвержденного плана строительства.

Тут требовалось знать не только экономику, но и понимать глубоко назначение строительства данного сложного и крупного комплекса как в целом, так и во всех его частных слагаемых.

С.А. Далин был на высоте своей задачи и в мирные годы, и в годы Отечественной войны, когда работа значительно усложнилась.

До Первой мировой войны родители с детьми проживали в Прибалтике (фамилия главы семьи – Рабинович). Когда фронт стал приближаться к Прибалтике, семья оттуда уехала, они стали, как тогда говорили, беженцами, поселились в г. Орле. Тут прошли школьные годы С.А. Уже с 1917 года он стал принимать живое участие в революционных событиях, а затем вступил в ряды Красной армии. С 1919 года он в рядах КПСС.

После Гражданской войны – учеба. Затем в течение многих лет – революционная деятельность в разных местах. Одновременно он глубоко изучал экономику капиталистических стран, в том числе экономическую политику США в период президентства Ф.Д. Рузвельта (длительный период – 16 лет, его четырежды избирали президентом).

Его, С.А. Далина, публикации были посвящены этим и другим проблемам <...>

Далин работал в Коминтерне. Он жил в Швеции, жил и в Китае. Конечно, по делам революционной работы <...>

Еще вспомнил. Похоронили мы в октябре 1981г. Иерохима Яковлевича Эпштейна – в Николо-Архангельском кремнировали (бываю редко на его могиле). Ехали обратно в город на автобусе (выделенным конторой Норильского комбината), разговорились с Далиным. Оказалось, он тоже был в Красной армии в Гражданскую войну, но в авиации (я в Гражданскую войну был в артиллерии, в авиации я служил уже в мирные годы), оба мы с ним знали командующего военно-воздушными силами Петра Ионовича Баранова (члена КПСС с 1912 г.), он погиб при аварии, с ним, помню, погибла его жена, Бэла, и еще кто-то. Далин служил в политотделе, я, человек маленький, был только аэронавигатор (потом аэронавигация слилась со штурманской службой). Ну, мы с Далиным нашли еще общую тему и всю дорогу вспоминали юные годы, минувшие дни, et cetera...

...Ленивы и нелюбопытны... Обнимаю».

19–21 ноября 1985 г.

«Бер (Борис) Гальперин был мужчина крупный, широкий (если можно так сказать) – и плечи широкие, и шаг. И была в нем природная интеллигентность, было в нем обаяние, была доброта – они, точно магнит, притягивали к себе познавших его... Симпатичен был человек – поэт! Однажды на Арбате я увидел человека. Шагал он широко, полы плаща его коверкового (мода тогдашняя) развевались ветром; голова не покрыта, волосы длинные, с зачесом назад – мелькнул он предо мною и скрылся за дверью книжного магазина. Не я один обратил на него внимание; мне хотелось узнать, кто это и, не задумываясь, спросил девушку, рядом стоявшую:

– Кто этот поэт?

– Да это же Уткин! Иосиф Уткин!

Я, надо признаться, смутился: взял да выпалил «поэт», и девушка посмотрела на меня с укоризной: дескать, знаешь, что поэт, а не знаешь, что это тот самый имярек.

Надо сказать, что его любила публика, особенно мил он был тем, кто его сподобился лицезреть. В «СЭС» сказано: сочетание революционного пафоса с лиризмом.

Погиб поэт, погиб в 44-ом, лет ему было – 41...

Я не могу сказать, что с первого взгляда можно было определить, что Гальперин – поэт, но лицо его дышало вдохновением...».

6 декабря 1985 г.

«Читал (по ночам) Самерсет Моэм – великолепно. Вчера взял «Воскресенье» и, хотя я знаю там все да вся, не мог оторваться! Вот сила-то, Лев!! Этой ночью опять читать буду главу о нравственных муках (так назову) Нехлюдова. Ах, хорошо как!»

19 декабря 1985 г.

«Фейхтвангер рассказывает, что в вилле, которую Иосиф Флавий подарил жене-египтянке, были фрески на тему «Упущенные возможности» – 20 веков тому назад!.. Ох и ох, что имели – не храним, потерявши – плачем. Сколько раз моя душа плачет <...>

Дальше. Хвалю, что ты сам делаешь ремонт и приводишь в порядок архив. А. Франс сказал, что все архивные «безделушки» – это светящаяся пыль истории. Так держать, Сережа!»

6 февраля 1986 г.

«Сережа, два слова о моем представлении об А. Львове. Для меня, тугодума, он очень динамичен, и он меня, другой раз, даже утомляет. Но он знает предмет, о котором пишет, и это подкупает. Для меня его книжки – энциклопедия Норильска – и это тоже для меня важно. У него размах писательский большой, он может мыслить масштабно. Интересны его книги! <...>

Вот мы с дочерью Евзерова решили написать ему запрос – что он может нам порекомендовать с «Записками горного инженера». А к кому еще обратиться? По твоему, Сережа, совету мы воздержались сдать «Записки» в Музей. Посмотрим, что порекомендует А. Львов».

15 февраля 1986 г.

«А тем временем идет своим чередом, как говорят, смена поколений. Вот наша Алла сына принесла из роддома – мне – правнук. Назвала она его (с одобрения Алеши, конечно) Даниил – был такой пророк, когда они там – *per flumen Babylonis* седоком и плакаком <...>

Помоги мне написать о 1000 девушках, которые приехали (в каком-то году) в Норильск с юга Красноярского края, и среди них была (?) Нива...»

5 марта 1986 г.

«Знаешь, Сережа, все больше и чаще стал чувствовать годы свои. И ходить стал с оглядкой – как бы не оступиться, и думается медленнее, и пишется через пень-колоду..!»

31 марта 1986 г.

«Лермонтов во многих стихах говорит о слезах. А я разучился плакать – и в горе, и в радости... Вот, получил сейчас твое

от 03.04. письмо, читал твои строки добрые о моих посильных трудах – и сердце забилося сильнее... А заплакать не смог – слезы не было. А так хотелось бы... Очень я растроган этим письмом, – спасибо тебе душевное!..»

7 апреля 1986 г.

«Ах, мы ленивы и нелюбопытны – как тут не вспомнить Александра Сергеевича... А Михаил Юрьевич как сказал?.. «К добру и злу постыдно равнодушны»... Вот так-то, милый мой Сергей... «И прах наш, с строгостью судьи и гражданина, потомок оскорбит презрительным стихом, насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом». Вот – талант! (Впрочем, прости это восклицание:

C est trop commun – это слишком банально в данном случае... О Лермонтове надо говорить, сняв шапку <...>

Ну, уже половина третьего ночи (все равно сразу не усну, возьму в постель Михаила Юрьевича). *Жалко, конечно, с тобой расставаться – писал бы и писал бы*. Хотел было написать о Шишкове, но сдержался – оставил в «зачатке».

10 апреля 1986 г.

«Я как-то спросил знающего человека – смущать кого-либо – это грех или нет? Ответ его такой был, примерно: нельзя вводить во искушение, нельзя вводить в смущение. И выходит, Сереженька, ты согрешил, ибо смутил меня своими высокими словами о моих скромных трудах...

Следуя по твоим стопам, я тоже согрешил... Сказано: несть пророка в отечестве своем. Да, не всегда тебя ценят в твоём же доме. Может, и сам виноват: мало контактируешься, не раскрываешься. И вот, смущенный твоими строками, я не сдержался и далтаки Юлии своей твое письмо. Я видел, что и она взволнована. Но не стал ждать ее отклика словесного и «сменил пластинку». Вот какой грех я совершил: похвастал – иначе это не назовешь – перед собственным дитятей. Вот пишу и чувствую волнение опять <...>

Отсылая Львову 3 новеллы, я написал, что отдаю свой труд на его суд и решение. Он ответил – цитирую:

«Три Ваших новеллы прочитал с интересом. В полном объеме, без вычеркиваний и кой-какой правки в оставшейся части их

не опубликовать. В сокращенном и подредактированном (с Вашего разрешения) – берусь».

Дальше он пишет – «под рубрикой «Документальные новеллы».

Значит он берется их все публиковать под одной рубрикой.

Что мне было ответить ему? Я его понимаю, что для «Заполярной правды» это много материала; как я выразился, этим «новеллам» тесно на столбцах «Заполярной Правды».

И, конечно, я ему дал *carte blanche*, – т. е. все полномочия, полагаясь на его литературное мастерство и художественный вкус... При этом я тешусь надеждой, что эти «новеллы» в полной (моей) редакции будут не только в АИЦ, но и в Музее Норильска.

Правильно ли я сделал?

А. Львов мне прислал «Заполярную правду» за 08.04.1986, его обзорная статья на весь газетный лист (наверное, надо сказать: на всю газетную страницу?). Называется «Почта Норильской биографии». «После написанного». После его подписи следует благодарность всем, кто писал для «Норильской биографии». Хорошо он составил этот обзор! В нем есть отклики самые разные. И меня поминает: *«Наш активный корреспондент И.А. Шамис из Москвы, ветеран комбината, немало сделавший для сохранения памяти о первых норильчанах... поведал о своеобразной цепочке откликов на публикацию «Подвиг геолога». И называет: Иру Домареву и Ларису (внучку Владимира Сергеевича Домарева), и О.М. Лобачеву с сыном, Вл. Мих. и доктора Розенблюма, и Веру Яковлевну Каманину, и покойного Алексея Герасимовича Каманина.*

Всем им я звонил (о газете за 08.04.1986) – все были растроганы... Такой абзац в этой газете: «Одна из причин давно изложена в стихах А. Алдана-Семенова, которые напомнил в своем письме из Тулы С.Л. Щеглов: *«...нам все кажется, что время еще не окрылило нас, что для любви и для поэмы еще наступит звездный час».*

Но, – продолжает А. Львов, – так можно дожидаться и другого часа <...>

Много, много имен названо в этом обзоре, я некоторым звонил (доктору Попову Г.А., который даже попросил меня прислать ему почтой выдержку, его касающуюся, – послал!).

Там приводится большая выдержка из письма внука М.Г. Потапова – «Снегодуй», его звать Андрей Курков, 28 лет, физик. Абзац большой, концовка такая: «Сегодняшний Норильск не имеет права забывать, что заложен он был этими людьми», т. е. его отцом (инженером) сотоварищи.

Поговорить бы нам с тобой! Давай в мае свидимся, – а?»

22 апреля 1986 г.

«Дорогой Сережа!

О, любопытный мне встречался народ на первых порах моей московской службы. Я попал, как я выражался, как мещанин во дворянство. Строители элеваторов до революции учились в Институте инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге, учились почти одни дворяне. Грамотный народ был. Но мы, новая молодежь, их про себя именовали «белоподкладочниками». На нас они смотрели, по крайней мере, как на людей иного племени, и, в общем, свысока. Но были среди них очень интересные люди! Например, моим руководителем года два был Николай Иванович Быков. Он учился в Петербурге, а по окончании был еще физмат факультет Московского университета. И рисовальщик был, что меня особенно подкупало. Он ко мне очень и искренне относился и мои работы не исправлял. Так этот Быков, мужчина уже немолодой (в годы 1931–1932), подговорил двух молодых, очень способных инженеров бросить Москву и податься в Игарку. Зачем? Изучать вечную мерзлоту. Потом была книга об этом, авторы Н.И. Бочков и Каптерев – первая книга в мире об этом. Михаил Васильевич Ким знал эту книгу, высоко отзывался, говорил, что уникальная книга. Во какой человечище был Н.И. Бочков!

Поехали, исследовали, изложили результаты и вернулись домой, где ранее жили-работали. Тогда еще не надо было бронировать свою площадь жилую, выписываться-прописываться: уехал – вернулся – вкалывай, где можешь. Да, так вот: sic transit – все пошло-прошло...

Да, позволил себе на правах больного перечитать Ч. Айтматова «Буранный полустанок». Господи! Откуда берутся такие таланты! No comment – не надо комментировать, ибо ты этого писателя знаешь лучше меня. Сколько жемчужин драгоценных

раскидано на страницах этой книги! Сколько ума, философских обобщений, портретов, картин природы! Какой язык живописный и легкий! Et cetera – молчу. А то дня не хватит... Нет, скажи, какое представление мы имеем об этом народе? Да никакого, по существу. Я бывал на участке Турксиба от Петропавловска, курорта «Боровое», до района Акмолинска (потом Целиноград), но что я знал об этом народе? Узнал, в общем, в Норильске. Была на моем участке бригада Кувандыкова, об этом человеке можно немало написать. Сколько, спрашиваю, овец у тебя было? Ответ: Не у меня, у отца моего. Сколько? А кто считал?!

Я ему называю тысячу, он – больше, я ему три тысячи, он – больше, пять тысяч – никто не считал... Сын бая, он и в Норильске жил как бай.

– Какая работа, начальник?

– Котлованы.

– Сколько моей бригаде надо сегодня сделать по норме? А если сделаем раньше срока, отпустишь?

Всегда досрочно выполнял, даже перевыполнял несколько заданный план.

Лучше всех одеты все члены бригады. У него – вроде денщика. Всегда «баба» первый класс. Одна ему изменила с поваром – он ей «перо» всадил при всем народе, умерла. Его судили. Добавили еще пару лет – ему плевать: авторитет, владычество дороже!

Возле Оксоликвитного завода, близко к склону Угольного ручья, была эл. подстанция. Там он собрал бригаду, в центре – женщина, чем-то не угодившая ему. Он велел ей стать на колени, вынул нож из голенища, захватил в левую руку косу и одним махом отрезал ее. Позор, публичная казнь! Он – верховный судья, приговор которого обжалованию не подлежит, он же палач...

Совсем другой народ у Ч. Айтматова. Народ, имеющий свою историю, мифы, свой уклад жизни, обычаи, из которых важнейший – уважение старшего. И т. д. <...>

Вчера смотрел передачу – архитекторы у экрана? Говорили о воссоздании Сухаревской башни. Опять, скажешь, Sic transit! В 1925 г. я жил вблизи на 1-ой Мещанской (Проспект Мира) <...>

Если я завтра выберусь (первый раз) на почту, отправлю тебе для АИЦ мою работу «Главный диспетчер строительства»

о Владимире Львовиче Гарфункеле. Немало потрудился над этой темой, кажется, что-то получилось (?). Прошу твою критику! А. Львову тоже пошло завтра же. Знаешь, сколько у него работ (считая сегодняшние «Гарри» и «Главный диспетчер»)?

1. «Евзеров – горняк Таймыра».
2. «Евзеров – очерк жизни и труда».
3. «Сестра Фрося».
4. «Резчик».
5. «Новелла о хирургии».
6. «Гарри».
7. «Главный диспетчер».

Что будет, как будет – кто его знает. Будем ждать... Пожалуйста, как получишь «Главный диспетчер» – сразу же дай мне знать. Сил и удачи».

29 апреля 1986 г.

«Дорогой Сережа!

Мне до 90 – подумать страшно, – остается одно пятилетие не с маленьким гаком. Но я «дотягивать» не хочу. Да и не к чему. Главное, я хотел бы на ногах завершить свой путь, чтоб никому не быть в тягость – это главное! <...>

Я, брат, заметил, что мне стало трудно ходить по Москве. Хожу, точно читаю «Открытую книгу». Чистые пруды – здесь работал Луначарский – мой современник. Слышал его дважды...

Архангельский переулок, ныне Телеграфный, – много лет мы там жили. Ольга Борисовна, Фани Ароновна (ее мать, красавица), Борис Яковлевич, только не Мендельсон – отец О.Б., а последний муж Фани Ароновны, Новаковский. Здесь росла Юлия, я с ней «перезнакомился», когда ей было уже 9 лет (был с ней знаком с 07.06. по 22.08.1938 г.), и она меня по возвращении стеснялась и говорила мне «Вы»... (примечание: В 1947 году И.А. Шамис первый раз приехал в Москву после ареста в отпуск, будучи уже вольнонаемным в Норильске).

Тут же – Меньшикова Башня, церковь во имя Михаила Архангела, Чистые Пруды, Библиотека им. Достоевского. А там – через Мясницкие ворота была Тургеневская библиотека, и с ходу в мозгу проявляется:

«Утро туманное,
Утро седое...
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые...
Многое вспомнишь родное, далекое...»
А через Пруды – Харитоний...
Трудно мне стало одному «бродить вдоль улиц шумных...»

...Сейчас пойду за цветами: день рождения Юлии. Гости, человек пришло 14. И тут – раздумья: «Мне время тлеть, тебе – цвести».

Пусть цветут, да будет путь их розами устлан (только без шипов)!..

Я свое отжил. Смысл? Счастлив был: много интереснейших людей повстречал – повезло мне в жизни в этом смысле. <...>

В те годы – 27–28–29 – я имел возможность часто бывать в московских театрах. Множество я посмотрел спектаклей. И вот на Таганке (по-моему, он тогда назывался театр им. Федора Волкова? Между прочим, в Ярославле есть такой театр и у нас, в Проектном отделе работал архитектором бывший главный художник ярославского театра им. Волкова, и фамилия его была... Левитан. Ты не знал такого? Мужик красивый с бородой а la Исаак Левитан на портрете В. Серова).

Так я там смотрел пьесу, которая шла под названием «Альбина Мегурская» – героиня «За что». Хорошо, что я сидел в 1-ом ряду и мои слезы никто не видел. Вот тогда-то помню, мне стал душевно родным Лев Николаевич. Я его люблю и за Катюшу Маслову (Т. Семина в кино), и за Анну Аркадьевну (Алла Константиновна Тарасова) <...>

А наши архивы? Я уже начал чистить и брошюровать свои бумаги, будет, вероятно, 5 скоросшивателей или 6».

9 июня 1986 г.

«О задании мне Львова. Сережа, я попросил Юлию принести мне I-ый том ПСС Л.Н. Толстого и внимательно и с большим интересом все читал. (Не все места читаются)). Вдумался в структуру (или в архитектуру?) этого произведения. Не обо

всем пережитом он написал, а – выборочно – получилось у него вроде собрания новелл по стадиям его возрастного развития. Не понимаю, почему он себя назвал Николенькой, отца – Петром Александровичем, брата – Володей. В чем смысл этого? Ну, а я маленький человек, грешник большой, – разве я могу в полный голос все пережитое написать! Только, кажется, один Жан-Жак написал в полный голос свою «Исповедь»... Легко ли Львову задать мне тему – трудно ее выполнить! <...>

Хочется верить, что Л.Г. Печерская будет достойным директором Музея¹. Хорошо, что посылаешь ей свою документацию по оксидиквиту. Что касается книги о них, то ты прав: никто ее не напишет. Но о людях – начинателях и погибших на работе, думаю, надо было бы тебе, Сережа, написать. Пусть бы такая статья с их именами хранилась в архиве Музея вместе с теми томами, которые ты, можно сказать, беззаветно сохранил».

14 июля 1986 г.

«Я один, наши на даче, тишина. И я часто с тобой разговариваю. Сейчас писать взялся.

<...> Тора писалась на пергаменте, тушью, сколь помню, тоненькой кисточкой. Пергамент делали из (помнится) телячьей кожи. На концах были палочки-ручки (из пальмового дерева), при их помощи свивались длинные полотнища «Торы», – отсюда- свитки Торы. Читавший Тору должен поцеловать свиток (приложиться губами). Так же поступают после чтения молитвы по молитвеннику – надо приложиться к нему губами. К чему разговор? Прочитав твое письмо от 25 июля и вложив его обратно в конверт, я приложился к письму губами... Столь сильно было впечатление от письма, что я, как в детстве, приложился, как к чему-то священному, к этому, твоему письму, дорогой мой Сережа!.. *Святое дело ты, брат, делаешь, храня, сохраняя фрагменты (скажем так) мыслей твоих современников, их чувства, переживания, et cetera.*

¹ Музей – Музей истории строительства и развития Норильского промышленного района.

“<...> Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на Земле
И в небесах я вижу Б-га.”

Этой строфой Лермонтова я благодарю тебя за все вышеозначенное».

31 июля 1987 г.

«Здравствуй, дорогой Сережа!

«О ты, который сочетал...»

А. Пушкин, ПСС, т. III, с. 40

Помнится, мы с тобой говорили о твоих летах, но я как-то не почувствовал это тогда: страшно мы все торопились (дефицит времени), обо всем говорили, не затрагивая глубины вопроса – некогда да некогда – и от этого моего праздника – твоего приезда в Москву – осталось чувство неудовлетворенности, которое, прямо сказать, душу жжет мне.

Так вот, брат мой, 65 стукнет тебе 19-го сентября 1986 года. До конца этого, лучше сказать, до начала Нового века остается всего-навсего 14 годов и, значит, ты встретишь его в возрасте 79 лет – далеко не старый человек. Грандиозно!

Вот этого и желаю тебе в первую голову – дожить в добром здравии до Нового века! А там, как говорили старые люди, будем просить Его о продлении.

А что это значит «дожить»? Это значит творить и сотворить то, о чем мечталось в тиши ночной. И это – второе, что тебе желаю: полного расцвета творческих сил, помноженных на богатейший жизненный опыт! <...>

Неужели же Сереже 65?! Помню на горе живого, быстрого, приветливого симпатичного юношу, было ему тогда чуть больше 20 – призывной возраст. И был он тогда один, один во всей Вселенной <...>

Потому-то я и заимствовал у Пушкина для эпиграфа:

«О ты, который сочетал
С глубоким чувством вкус столь верный,
И точный ум, и слог примерный,
О ты, который избежал
Сентиментальности манерной
И в самый легкий мадригал
Умел...»

Это – необработанный набросок; предполагают, что он относится к Вяземскому, но, более вероятно, А.С. имел в виду Баратынского.

Мне, Сережа, нет надобности перечислять все, что ты «сочетал»: то, что сказано у А.С., на мой взгляд, полностью и к тебе, мой друг, относится.

Сим победиши!

(In hoc signo vinces – под этим знаменем победишь)».

«И вот ты уехал и я пожелал тебе добрый путь, но тут же снова стал мечтать, когда мы вновь встретимся. Ой, только без цейтнота, чтобы наговориться, чтобы выговориться! <...>

Всегда твой Иосиф. Жду весточек из Тулы»

14 сентября 1986 г.

«Я тут связался с Исторической библиотекой – они нашли 6 произведений, рассказывающих об экспедиционном корпусе русских солдат во Франции. Но мне надо пойти читать в Ленинку. Были бы силы – мог бы родиться интересный рассказ – «Живая история»: мои встречи с Трифоновым и более полное изложение событий, чем у Игнатьева».

25 сентября 1986 г.

«Я 25 октября 1986 послал А. Львову большущее письмо (в 2-х конвертах) – пространный ответ на его письмо. Затронул я много тем: одна потянула другую. Среди этого я воздал должное многим товарищам, назвав (вразброску, по памяти) 49 имен, каждому дал – в двух-трех словах – то, как я понимаю, чем он отличился. Например, Терпегосов: огонь, пламя, человек;

Полтава: энергия, скромность, обаяние; Зинюк: военный инженер, эрудиция, главный разработчик оксиливитов, динамонов; Щеглов: технолог по оксиливитам, кислороду, журналист и литератор, отличный работник, отзывчивый человек. И т. д., и т. п. Скажем еще Гарри: журналист, писатель, просветитель и т. д. Не забыл Домарева, Роговера и т. п. – 49 имен.

За скобки я вынес следующее, свойственное всем названым: «порядочность в самом высоком значении этого понятия; преданность делу».

...Почему я так «расписался» на эту тему?

Когда А. Львов был здесь в мае 1986 года, он взял интервью у К.Д. Васина и написал статью о нем – я не читал. Наверное, расхвалил через меру. Я посчитал долгом сказать свое мнение <...>

Я рассказал А.Л. немного о Зинюке, о Щеглове и Канторе, о Рыжевском сотоварищи – как их в клочья разорвало – вот кто разрабатывал темы норильских оксиливитов и динамонов, а не К.Д. Васин. Я рассказал: «Пришло время, и С. Щеглову надо было покинуть Норильск. А архив по получению норильских оксиливитов – куда? Так ведь его же, если его остановить, на свалку немедленно выбросят! Архив приведен в порядок, часть документов переплетена в мастерской комбината, часть – лично С. Щегловым. Собирается С. Щеглов с семьей, а куда ехать-то? Ни кола, ни двора. Нигде, никто его не ждет на Великом Материке! Все равно: где свои вещички – там и архив – все везет С. Щеглов на Материк. В Туле не сразу осели... Сейчас С. Щеглов посылает переплетенные книги в надежные руки – в Норильский архив, шлет наложенным платежом – не дай Бог, затеряется какая-нибудь из посылок (их немало) ...» «Вот это – подвиг! Голову человеку негде приложить, но Архив – сберечь!» Во имя будущего: это же сконцентрированный человеческий труд, умственный труд многих, а не доклад для присуждения премии! А вот К.Д. Васин лавры пожинает, – кому шипы, кому лавры <...>

А К.Д. Васин, видишь, не мог жить без знака лауреата и без соответствующих грошей (мало у него было грошей в Норильске) ... Вот, Сережа, обо всем этом я написал А. Львову. Раз уж так получилось, что он стал историографом Норильска, – и он этого, считаю, достоин, – я посчитал своим долгом сказать, по

возможности, то, что ему надлежит знать. Кроме того, в Норильске, помнишь, говорили: не оставляй на завтра то, что можешь съесть сегодня. *Сегодня я, Сережа, еще немного работаю, но ведь все мы под Ним ходим – и нельзя откладывать на завтра то, что ты обязан сделать, а то может и не будет этого завтра...* Нет, я не тороплюсь туда, но все же нельзя не помнить об этом. Я ему, А. Львову, много всякого написал. Что он мне ответит? Да, теперь он получит твои оксиклвиты и для него не будут новыми ни Натаныч, ни другие ваши соратники».

26 октября 1986 г.

«Я ничего не делаю. Думаю. Накапливаю. Перечитал Паустовского «Далекие годы». Хороший он человек был, писатель от Б-га. Очень наблюдательный, природу хорошо писал; но множество картин тоже утомляет и не запоминается. Но читается с наслаждением – и за это одно – большое спасибо!»

18 января 1987 г.

«7-го был А.Л., весь вечер провел у нас. О многом говорили. Рассчитывает 11-го улететь. Я ничего не говорил, конечно, о «Летописце». Но, между прочим, спросил, какая из его публикаций ему самому больше всего нравится. Он назвал «Лонтокойский камень», 1976. Я не выдал себя, но я был смущен: «в «Летописце» нет такого произведения. А ты, Сережа, знаешь такое? Это – о строительстве ЛЭП 200 киловольт Норильск-Хантайская гидроэлектростанция. Сей «камень» находится между Норильском и Хантаской примерно 60 км; это горная гряда, которая, как А.Л. утверждает, заканчивается горой Рудной – нашей родимой. Я и сейчас не могу опомниться от смущения... Я его, также между прочим, спросил, где работает А. Левенко. Опять я был смущен. Сей рецензент, как я понял (не хотелось ставить акцент на этом) из Дудинки – будто не профессионал, не то, что Кублицкий и другие известные журналисты, которые рецензировали его, А.Л., работы. Но я и это «проглотил» незаметно... Я еще спросил, кто такой Ронин – о нем А.Л. говорил с уважением, но только два слова.

Ну вот, кажется все. Теперь буду читать «Мою родословную»
Бэра Гальперина – мне эту книгу возвратил А.Л.»
8 января 1987 г.

«Дорогой Сережа!

Все твои письма получаю и отвечаю тебе на каждое; кажется, ничего не пропало.

Очень интересна твоя переписка с Машей Гальперин! Очень рад, что, можно сказать так, дал тебе Гальперина. Конечно, тебе бы следовало слетать в Вильнюс – подышать тем воздухом, где рождались творения Бэра.

Молодец и Маша – заботится о наследии отца. Неужели Союзы писателей (Москвы, Литвы) не должны взять шефство над этим, помочь одинокой женщине в этом святом деле? Написать бы тебе в «Л.Г.»? Может, Лазарев может дать совет или оказать прямую помощь <...>

Все думал я о Гальперине – династия! Где-то на задворках цивилизации, в Монтевидео Леон Гальперин издает «Пророка». Какие люди!! <...>

*Щеглов С.Л. выступает
на открытии памятника
жертвам политических
репрессий в г. Узловая Тульской
области. 27 июня 2014 г.*

Я, честно говоря, ничего не делаю, только читаю, думаю. В Москве на Старой Басманной открылся Музей декабристов. Я списал у себя все, что у меня напечатано о тех, кто из декабристов жил по Енисею – от Минусинска до Туруханска (все эти места я хорошо знаю): таких (кроме жен) я насчитал 18 человек и собираюсь пойти в Музей посмотреть, что у них есть по этому вопросу. Тем и живем».

23 февраля 1987 г.

«Итак, А.Л. прислал свою рецензию на спектакль в Норильском театре «Особое назначение», автор – В. Левашов, постановщик – А. Копелев («З.П.» 18 апреля 1987 г.) <...>

Итак, фрагменты:

«Не надо забывать имен; но тем более аморально забывать или замалчивать целые периоды в жизни народа, который жил, верил и трудился под руководством партии во имя социализма <...>

Да, – продолжает А.Л., – это Михаил Сергеевич Горбачев. Я привел эту мысль (из выступления перед руководителями средств массовой пропаганды) не только потому, что с удовольствием подписываюсь под ней. Но и потому, что «Особым назначением» мы не только не освобождаемся от искажений исторической правды, допущенных под воздействием культа личности Сталина, а усугубляем их». «Читателю знакомы и горькие строки из мартовского обращения ЦК КПСС к советскому народу:

«Дорогой ценой пришлось расплачиваться за отступление от ленинских принципов и методов строительства нового общества, за нарушение социалистической законности, демократических норм жизни в партии и обществе...»

И дальше А.Л. пишет:

«Кляня судьбу и несправедливость, продолжая верить в идеалы общества (в свои идеалы!), тысячи людей отдавали силы и знания новому делу – Норильску <...>

То, что давалось кровью, преодолением, предельной мобилизацией сил, становилось родным, гордостью, надеждой на доброе слово потомков <...>

Устраивать оvation Сталину – стыдно, а провоцировать зал – безнравственно. Тем более в Норильске. Не могу сказать,

в чем наибольший моральный ущерб, нанесенный этим спектаклем, хоть сомнений в том, что ущерб велик, тоже нет <...>

Перед нами нечто архаичное – само собой. Но еще и спекулятивное, рядящееся в современные одежды, но по духу своему – давно отгнившее. ИТЛ в дорогах нам широтах, но никаких побегов, расстрелов, одна неприятность – пожар».

8 мая 1987 г.

«Дорогой Сережа!

Я проболел часть апреля и, считай, почти весь май. Потихоньку начал выходить. Работа? В горизонтальном положении можно немного читать <...>

Львов? «Многословие» («Во многоглаголаньи несть спасения...»), «Бойкость», «нет простоты», «ясности», «сознание собственной значительности» – со всеми этими словами, Сережа, определениями не могу не согласиться. Но – талант, работа – этого не отнимешь. Стил? Я, можно сказать, вырос на Тургеневе – люблю спокойный, повествовательный, ясный – без заумностей и «подтекстов» – стиль <...>

Сережа! У меня настала пора «подведения итогов». Привожу в порядок мои папки – их будет штуки 4–5, тощих. Может, полезно сохранить в АЦ? Напиши, как мне поступить и как послать – бандеролью на абонентский ящик 460?»

25 мая 1987 г.

«Дорогой Сережа!

Посылаю тебе письмо мое на имя А. Львова – в связи с его рецензией на спектакль «Особое поручение».

Я написал это письмо в несколько другой редакции – оно было в более резком ключе написано. Но я передумал и смягчил. Объективно: ведь он сделал немало для правильного освещения истории Норильска – это главное. Поэтому решил я свое письмо смягчить.

Если ты согласен, прошу, отправь мое это письмо А. Львову.

Если оно представляет интерес для АЦ и у тебя найдется минута сделать копию – был бы только рад.

Я ожидаю твои предложения, как передать тебе мой «архив», а также мои книги и журналы по Норильску. Конечно, лучше было бы, чтобы ты хоть на несколько часов приехал в Москву и взял бы у меня все для АИЦ.

Я работаю над приведением в порядок моих бумаг – лишнее ликвидирую. Жду твоего ответа.

27 мая 1987 г.

«Мог ли надеяться Федор Раскольников, находясь в вынужденном изгнании во Франции в 1939 г., что через полстолетия (48 лет) его письмо к Сталину «перехватят внуки»! <...>

Урка, когда его вели ночью по коридору «тюряги» к последнему порогу жизни, кричал: «Баимачник, будь он проклят!» даже в такой момент боялись люди произнести имя Сталина – так велик был страх. Страх перед «Баимачником» был сильнее страха смерти... И в подследственной камере говорили только «Баимачник». Как это узнали?... Что папаня его был сапожник, бродяжничал в поисках работы и т. д. Теперь-то многие уже читали Анатолия Рыбакова «Дети Арбата»...

Статья Поликарпова очень большая. Построена она так: комментарий автора, за ним – выдержка из письма Раскольникова... Дана его биография. Он, как и наш А.Н. Зувев, был сын священнослужителя. Герой Октября, Гражданской войны. Потом – работник просвещения, сам писал; потом – на дипломатической работе и последний пост – наш посол в Болгарии. Кризис его жизни начался с момента, когда его стали вызывать в Москву, а он не ехал. Ему сулили новые посты, даже послом в Мексику, а он не ехал. Тогда его уволили, объявили врагом народа и т. д. Очутился он во Франции, пришел к нашему послу, тот предложил ехать в Москву – он не поехал. Написал «Баимачнику» письмо... Умный, толковый обвинительный акт... Письму он предпослал эпиграф из «Горя от ума».

И автор статьи о Ф.Ф. пишет в одном месте: «Может он, Ф.Ф., сгущает краски?» И отвечает: «Но вот перед нами подсчеты, сделанные генерал-лейтенантом А.И. Тодорским: *сталинские репрессии вырубili из 5 маршалов – трех (А.И. Егоров, М.Н. Тухачевский, В.К. Блюхер); из 5 командармов 1 ранга – трех; из 10 командармов 2 ранга – всех; из 57 комкоров – 50; из 186 ком-*

дивов – 154; из 16 армейских комиссаров 1 и 2 ранга – всех; из 26 корпусных комиссаров – 25; из 64 дивизионных комиссаров – 58; из 456 полковников – 401» (можно добавить: покончил с собой Я.Ю. Гамарник, немало погибло в лагерях)».

31 июля 1987 г.

«Дорогой Сережа!

Вот ждал тебя, ждал для последней дружеской беседы, но ты не смог прибыть. Уезжаю я, Сереженька, в ближайшие дни из Москвы. Причин несколько. Одна из них – все больше стал болеть. Застудил тогда на Медвежке бронхи, плевритом осложнилось. И теперь – то вспышки хронического бронхита, то неразрешившейся пневмонии. Давно мне говорили хорошие врачи: задохнешься в одночасье от отека легких. А кому охота! И вот представилась возможность сменить климатические условия. Но, повторяю, это одна из причин. Другая – семейная. О! ничего отрицательного нет! Причина вполне уважительная. Куда поеду, где жить стану – еще не знаю.

Но твердо говорю тебе: не беспокойся обо мне! Еду я по своей доброй воле.

Словом, подаю в отставку. Мог же Л.Н. Толстой уйти из дома в 82 года, а мне через пару месяцев – все 86. Могу же я уйти в отставку?!

Просил Аллочку вручить тебе вазу с портретом Льва. Старая вещь, перенесла ВОВ, эвакуацию, отломили часть горловины, но мне она очень дорога и я часто водружал цветы, особенно осенние, – и люблюсь – вроде как возложил цветы к могиле Льва <...>

Только, Сереженька, без сожалений и прочее, очень тебя прошу!! Ушел – и все. Не журишь, не беспокойся обо мне! И, как говорится, не поминай меня лихом: это для меня самое возможное решение.

Ты, мой душевный друг Сережа, будешь всегда жить в моем сердце, занимая в нем лучшее место.

Горячо обнимаю тебя, по-старшинству позволю себе благословить тебя на твой труд писательский, дай Б-г тебе чудесных успехов! Поклон Ниве, здоровья ей! Преданный Иосиф <...>

Ну, не буду больше отнимать у тебя золотое время.

Ну, обнимаю. Сил и удачи! Хорошей весны во всех делах!
Приветы!»

10 ноября 1987 г.

«Дорогой Сережа!

«Conscientia nville testes»

Совість – тысяча свидетелей.

29 ноября Алла звонила из Москвы и говорила с Юлией; Алла сказала, что «Щ обо всем сам догадался». И у меня – гора с плеч <...>

Ждал я тебя, Сережа, поделиться захотелось своими перспективами, но ты не смог явиться: забот-невзгод своих у тебя миллион. Ну а написать тебе не смог я. Не потому, что я опасался, что ты меня не поймешь, а потому, что боялся, честно говоря, Нивы: не поймет она – и станет ей плохо, и Сереже станет хуже. И вот эти testes меня терзали, пока не услышал, что «сам догадался». Слава Б-гу! Я и сейчас прошу: не говори Ниве ничего. Можешь ей сообщить версию о Карпатах; между прочим, над проблемой «уйти в отставку» и поселиться в пансионате на Карпатах давно работал».

Первая декада декабря 1987 г.

«Кто-то мне судьбу предскажет...»

Из «Песни цыганки» Якова Полонского

«Мой костер в тумане светит...» и т. д.

Очень люблю эту песню

«Итак, 15 ноября мы поднялись в воздух на Туполеве-154, высота 10–11 км, скорость 850 км/час, через 2 часа 20 мин. – Vienna. Полет советским самолетом, обслуживание в пути – самое отличное! Живем в городе-спутнике Вены, ездим в центр на автобусе. Моя молодая троица живет вместе, я – в отдельной комнате. Это небольшая гостиница, тихо. Городок расположен на склоне горы, входящей в горную гряду, – тут несколько таких городков. Горы невысокие, самая высокая – 542 м, мы живем на высоте 400 м, все горы покрыты лесом, виноградниками; вся гряда идет параллельно Дунаю и дорога из Вены к нам идет меж-

ду Дунаем и горами. На нашей высоте воздух чистый, я, кажется, стал меньше кашлять и т. п. – ну чем не Карпаты?

Есть у меня мой ВЭФ (марка малогабаритного транзисторного радиоприемника, выпускавшегося в советской Латвии. – *примечание автора-составителя*), слушаю Москву – в курсе дел. Есть разные журналы – я тут не знаю, что такое скука. Уже начало декабря, думаю, что Новый год будем еще здесь; ведь нет еще Аллы с мужем и сыновьями – двумя моими правнуками (звучит?..) Куда и как пойдем – дальнейший путь мы еще не знаем. Но это нас не беспокоит, прошу и тебя, дорогой Сережа, не беспокоиться.

Впечатлений конечно много!...»

Первая декада декабря 1987 г.

«Дорогой Сережа!

Не могу не поделиться с тобой одной радостью.

Листая «СЭС», изд. 1983, на стр. 1593 в дополнительных списках, нашел: «Кайдан-Дешкин Сергей Федорович (1901–1972), советский композитор. Автор пионерского марша «Взвейтесь кострами», песен, в т. ч. «Огни Великих Лук», «Енисей», произведений для фортепьяно, музыки к спектаклям драматических театров и др. <...>¹.

Так что, получай, Сережа, половину радости: она по праву принадлежит тебе. Обнимаю.

P.S. Получил ли ты мое письмо (большое)? Напишу с места (не скоро)».

20 августа 1988 г.

«Дорогой Сережа!

Спасибо большое за весточку, рад был читать, что «мы с Нивой по-прежнему стараемся держаться», – так держать!

¹ «СЭС» – «Советский Энциклопедический Словарь». Композитор Сергей Федорович Кайдан был узником Норильлага. Его имя упомянуто в 5 главе книги в воспоминаниях С.Л. Щеглова (Норильского) «Первые норильские писатели прошли здесь лагеря, потом были ссыльными...», в сокращенном виде публикуемых в этой книге. Он же – герой новеллы Шамиса «Этот тесный, тесный мир...».

Пишешь ты, что сообщил Александру Львову в двух словах как «есть» и что сделал ты это, не зная моего отношения к этому. Сережа, я тебе писал, что оберегая его «престиж», не следует ему ничего сообщать. Представляешь себе – начнет он «переживать», делиться об этом с Иваном Макаровичем, начнут они вместе переживать и пережевывать, и отмежеваться и т. д. А ты взял и сообщил, ты, как сказал Остап Бендер, нарушил кондиции. Я это говорю тебе не в упрек, тем более, что мое письмо с моим мнением по этому вопросу пришло к тебе уже после твоего сообщения А. Львову (?). *Я, Сереженька, не хочу, чтобы из-за меня кто-то что-то «переживал»; мне нужно, чтобы вам всем спокойно жилось-работалось на избранном поприще, чтобы вы все были здоровы!*

В своем письме просил и Ниву не посвящать – надо ее беречь.

У нас все status quo. К весне ближе мы переехали в город – почти Центр. Хата добрая, все окна – на набережную Дуная (метров около 20), чаек, уток! Есть письменный стол, книжки-журналы, бумага, радио – что еще человеку надо! Мало бываю на улицах, когда бываю – наблюдаю чужую жизнь.

Много и часто беседую с тобой, Сережа, жаль, что только мысленно <...>

Да, об А. Львове еще: не представляю, что ему от меня еще требуется: лежит у него мой «Гарфункель»¹ – это из нашего прошлого, достойного того, чтобы о нем говорить и сегодня; что-то еще есть у него из моего. В АЩ что-то есть <...>

Мы еще здесь проживем какое-то время, торопиться – не торопимся. Правнуки, Даниэль и Венъямин, очень хороши, Маша стала большая барышня. Висит передо мной портрет Ольги Борисовны – сердце болит... Стукнуло мне здесь все 86, а «время гонит лошадей» (кто сказал – не помню). Сережа, идет весна, поставь в вазу со Львом от меня веточку вербы. Можешь, если время будет, писать мне через Людмилу Борисовну².

Желаю тебе здоровья и вдохновения! Желаю благополучия всем твоим! Особый привет Ниве! Обнимаю».

Первая декада марта 1988 г.

¹ Речь идет о новелле Шамиса И.А. «Главный диспетчер строительства» о Гарфункеле В.Л.

² Синдлер Людмила Борисовна.

7. IV. 86
вечер

Дорогой Сергей!

Лермонтов во многих стихах говорит о слезах. А я разучился плакать - и в горе, и в радости... Вот, помни сейчас твоё от 3. IV, читал твои строки добрые о моих посещениях шрутах - и сердце забилось сильнее... А записать не смог - слезы не было. А так хотелось бы... Очень я расстроган этим твоим, - спасибо тебе Думевине!..

Скажи тебе на ушко, что я того бывало не доволен ^{своей} манерой обращаться со знакомыми прет-нами, - тебе, зайцем тебе и пр. Представь, что у Лермонтова я нашёл, что я ~~как~~ как бы под-ражаю ему в этом. О, если бы это было настоящим... Сестра Фрося. Я узнал большую новость о её хуфонселе, пачанке. Ты видел у меня её Шибед-ду. Я мог бы о ней многое написать: ин-коств-редзайнар! Будешь у меня, расскажу. - Когда я писал для "АШ", несколько не воз-ражая, если ты поможешь Володе. Палько ещё малосиль обомта с этим. ?

Общественная ухата Фроси из медицины
Яши: "Бурбой" - хирург, новый талант из вн,

Ударишь.

-2-

Б.И.Иск. - мач. б-из, - где живут некая истинно! И
пошла в шатеры и 13,5 лет работала отбойным
молотком под фелдш.

и К" это, конечно, В.А. Кузнецов. Я его пол-
ностью нашла в "Новом", а в Сенатре Франц
почему-то вдруг начал не показывать его и
фигурку "Ом." (Омелотук), - поминице, как
она ^{фронт} его отбросила: "Плохо было бы быть это
каблочки" (хороший человек и плохой поди-
кёмике б.).

Тайперина я завершил. Это мне проши зайти
с ним на Кирова (в редакцию), - я же ещё
вспомогатель (приведение-исследования). Так же
Маше я мог бы показать этот д.з., но я ещё
на фетине" - не вхожу на улицу.

Договаривая с доктором М.И. Брызовым о выводе
посмотреть "Моего", да вот дома сижу.

Ловлю молнии, Беттского о Евзере -
бальницу бандероль посылал мне в.п. - даже
клет погребов подтверждал. - В.И.Иск. "большой"
тислины тоже ист... Мелко тисли, дорогой Сергей,
полного благополучия во всём! Мной си-и
творчески, и физически. Ста - си - бо!!!
Обнимаю. Прощайте! Я.

Земли ты ничего - не шариком? Не могу шариком жить по-прежнему...

«Дорогой Сережа, здравствуй!

С собой привез Советский энциклопедический словарь, издание 83 года, на днях из Москвы получили словарь издания 89 года. При сравнении находишь немного новых строк. Газеты, журналы, книги in Russian – только поспевай! English учу только по вывескам (как в детстве: трактир, пивная, заезжий двор и т. п.; ну, еще при нужде разбираю текст со словарями. Язык очень трудный для моего слуха и памяти, а вот Машеньку, которая в Москве училась в английской школе, сразу приняли в 10 класс (здесь средняя школа 12 классов), и она вполне освоилась» <...>

Юля тоже справляется с языком, но только в плане бытовом и она, и ее муж учат этот язык. Переучиваются по специальности. Алла с мужем и моими двумя правнуками живут в другом городе, где он работает и совершенствуется в университете – он избрал путь ученого. Я решил жить отдельно, так просто удобнее. Телефонная связь и с Юлей, и с Аллой. Езжу туда каждые 2–3 недели на день-два-три. Была у меня Алла с семьей; посадили они Даниила и Бенямина на заднее сидение, пристегнули ремнями – и тыщу миль сделали за один день. В конце декабря

Михаил Каплун, Иосиф Шамис, Людмила Синдлер. 1973 г.

опять приедут. Ребята растут – по голосу (по телефону) деда голос узнают (прадеда).

Мы жили, как прибыли, несколько месяцев в отеле (я в своем номере) в центре города, я ни разу не ехал в Subway (подземка) или на Bus (автобус), всюду шагал пешком и город, в общем, понял. Иногда езжу на автобусные экскурсии. Город – громадный <...>

В библиотеке-читальне много книг на русском, забегаю полистать, кое-что почитать. *Времени не хватает на все*. Переписка с друзьями за Гибралтаром, в свою тетрадь запись сделать. В печати – мизер. В одной книге о Левитане напечатали и мои строки; в одном журнале – заметка об одном нашем бывшем земляке (ушел ad patres в конце 70-х), в газете – историческая заметка из древних времен. Такая деталь: рукописные материалы просят не присылать – только 1 экз. на одной стороне через 2 интервала. Где мне на склоне лет с машинкой возиться! *Все идет «в стол» и без надежды, что когда-нибудь «монах трудолюбивый etc» <...>*

А я вот хотел бы древнюю землю обозреть, но годы уже не те, ограничиваюсь картой, что висит у моего письменного стола... А как много интересного! Жить бы да жить и если не дано творить, то хотя бы созерцать этот мир во всем его многообразии и даже – в безобразии. Ужас, сколько проблем навалилось на человечество и сколько взаимной ненависти. Нет мира под оливами! Покой нам только снится (Блок?). Ох и ох, не для меня Дон разольется!

Сережа, здесь принято называть по имени без отчества. Но если кто хочет меня величать по отцу, он знает, что отца моего звали Иегуда, или в русской транскрипции Иуда, значит я – Иудович <...>

Два твоих письма предо мною: от X-90, где ты писал о Ниве, и от XII-91-I-92. Не раз читал-перечитывал строки ее «И если как-нибудь потом Приют мой забываться станет, я возвращаться не устану зеленой веткой под окном...» Хоть строки эти звучат как будто оптимистично, но сколько печали в них!.. «И память юного поэта поглотит медленная Лета, забудет мир меня...» Совершенно: А. Пушкин Н. Балуева-Щеглова <...>

Машенька наша (здесь 18 исполнилось) окончила 12 класс успешно и принята в Нью-Йоркский университет. Языком полностью владеет (я ее в Кузьминках водил в английскую школу

с 1 по 8 классы). Мои правнуки Даниил (6 лет) и Венямин (5 лет) отлично слышат этот язык, а я его не слышу.

Я тут написал новеллу о жизни духоборов в Канаде – они уехали из России, Лев Николаевич пожертвовал им свой гонорар за «Воскресенье» (1889–99). Посвятил я ее госпоже Ларисе Кузнецовой, моей приятельнице по Норильску, Дорохову и Москве. Очень тяжело болеет (в Калининграде – Подлипки, за Мытищами). Прислала мне сюда свою книгу: «Беседы об изобразительном искусстве и архитектуре» <...>

Написал одну книжку, надо отредактировать и т. д. Так времени не хватает (тоже «текучка заедает»).

27 марта 1992 г.

«Сережа, о многом я уже написал тебе – пропало. Не очень я теперь, в начале 94-го, далеко не в спортивной форме, даже, возможно, меня отправят в госпиталь на лечение. Два слова: нет у меня уважения к местным врачам <...>

Стоп: совсем на другую тему.

Выписка из газеты «Новое русское слово» из статьи Арк. Львова «С Симоновым наедине».

«Узнав, что я окончил по историческому факультету, Симонов задал мне такой вопрос: сколько человек было казнено в России по политическим процессам в минувшем столетии? Я сказал, что знаю только главные процессы – декабристов, Каракозова, народовольцев, Александра Ульянова... «Сколько же все таки?» – домогался он. Неожиданно Симонов вскочил, снял с верхней полки книгу и, потрясая ею, воскликнул: двадцать пять человек, двадцать пять человек за сто лет!...»

Интересная книга! (говорили, что написана она сыном Свердловых, Андреем). В Туруханске я был 2 раза в их доме. Была тут же стайка (хлев) для коров. Просматривая всякие бумаги, я тут впервые узнал, что царь давал пособие ссыльным... Здесь, по Енисею, их было немного: Свердлов, Сталин, Голощекин Филипп Исаевич (1876–1941) – погиб на *Ст. Плахе*¹. Все ссыльные были под надзором пристава из Енисейска. Сталин был раньше

¹ Ст. Плахе – Сталинской Плахе.

поселен в станке (так там называются деревни) Костино. Курейка – это второе место его ссылки на Енисее.

Что-то там донесли приставу и он повелел Свердлову перебраться из Туруханска в Курейку. В книге «Свердлов» рассказано, что Свердлов сообщил Кл. Тим., что у него очень быстро испортились отношения со Сталиным и он просит принять все меры, чтобы пристав разрешил ему (Свердлову) возвратиться в Туруханск. Пристав разрешил.

Я видел Голощекина уже в Москве в роли Главарбитра Союза, он разбирал гражданский иск – спор между Центросоюзом и руководством одной стройки, где я работал в 1933–1934 годах (при впадении Усури в Амур). Мне очень понравился Голощекин, как он вел заседания арбитража.

Доживи Свердлов до режима Сталина – и ему дали бы за шесть копеек (так урки называли пулю по ее стоимости).

Сережа, а ты знал, что я в Норильске получил дополнительно 10+5? Там, в тюрьме встретил и Сурена и других. Страшное было время – первые месяцы 41-го в тюрьме!»¹

5 февраля 1994 г.

«У тебя (стр. 183) напечатано: «Но каждый, прошедший эти круги, доподлинно знает: Иван Денисович – типичный представитель основной массы сталинских зэков, а труд его, хоть и был подневольным, возвышался до вдохновенного...» <...>².

Сережа! *Я начал свой подневольный труд* на базе в Злобино (начало навигации по Енисею 1939 г.), мы нагружали огромные баржи строительными материалами для Норильска. Я на горбуше таскал по шатким сходням мешки с цементом. В Дудинке мы ночами по сходням толкали тачки с каменным углем на баржи, чтобы погрузить уголь на морские океанские пароходы, стоявшие на Дудинском рейде.

Норильск: копал котлован в вечномерзлых грунтах для фундаментов БМЗ и траншеи для коммуникаций этого завода.

¹ Сурен Оганян, см. примечание 37 и письмо от 20 июня 1968 г.

² Слова «У тебя (стр. 183) написано» содержат ошибку. Как пояснил мне Щеглов С.Л., речь идет не о книге С.Л. Щеглова, а об иной, неизвестной ему книге.

Работал на строительстве 1-ой ТЭЦ. Работал в качестве руководителя строительства небольшого, но очень важного в условиях военного времени завода в/в. *К чему это я перечислил? Чтобы напомнить, что я сам горбатил и видел как все горбят, то есть у меня – немалый опыт.* У меня еще опыт наблюдения за стройкой Горстроя, там были подразделения Горлага и КТР, которую я одно время курировал; курировал ряд лет периферийных строек комбината, где он выступал в качестве подрядчика: «Енурп» (Енисейское пароходство) и «Енисейзолото» (на реке Тей), Аэрофлот – строительство 3-х аэропортов на берегах Енисея. (И все это я до сих пор помню, будто это было вчера. И вновь и вновь возвращался к этой теме – и никак не могу понять, как это ты, Сережа, тоже прошедший через этот путь годами – как ты мог написать такие слова: «А труд его, хотя и был подневольным, возвышался до вдохновенного!»)

Я допрашивал себя, я перебирал все, что сохранила моя память, и вспоминая многих и многих, смею заявить, что не попадался мне ни один из работяг, о котором я мог бы свидетельствовать, что его труд возвышался до «вдохновенного»! *То, о чем пишу сейчас, – это моя боль!* Когда меня после реабилитации вернули домой (1956), я впервые прочитал в «Новом мире» об Иване Денисовиче А. Солженицына. Я листал страницы, читал, перечитывал и не мог понять, для чего Солженицын так написал? *И до сих пор не могу понять, ибо во всем своем долготемном опыте я не знал, чтобы был хоть один случай вдохновенного труда! Работяги работали по 11 часов и до работы надо еще добраться и обратно, усталым, добраться до барака – какой из него работник! Сон в душном бараке на жестких нарах не давал отдыха, чтобы потом «возвышаться до «вдохновенного»!* Не может подневольный труд быть производительным. Ведь это же общеизвестный факт, что нормы выработки не выполнялись, что строймастерам и прорабам трудно было закрывать наряды, чтобы з/к получали сколь-нибудь приемлемую пайку; приходилось сплошь и рядом завышать показатели «выполненных» работ за счет, скажем, «дутых» работ («туфта»), таких как транспорт грунта на более длинные расстояния и т. п. Таким образом, все эти восхваления о вдохновенном труде з/к не только не имеют обоснования, но еще *льют воду на мельницу ГУЛАГа, существ-*

ование которого совершенно не было обоснованным: Аляска, к примеру, обустроена без лагерей, ибо:

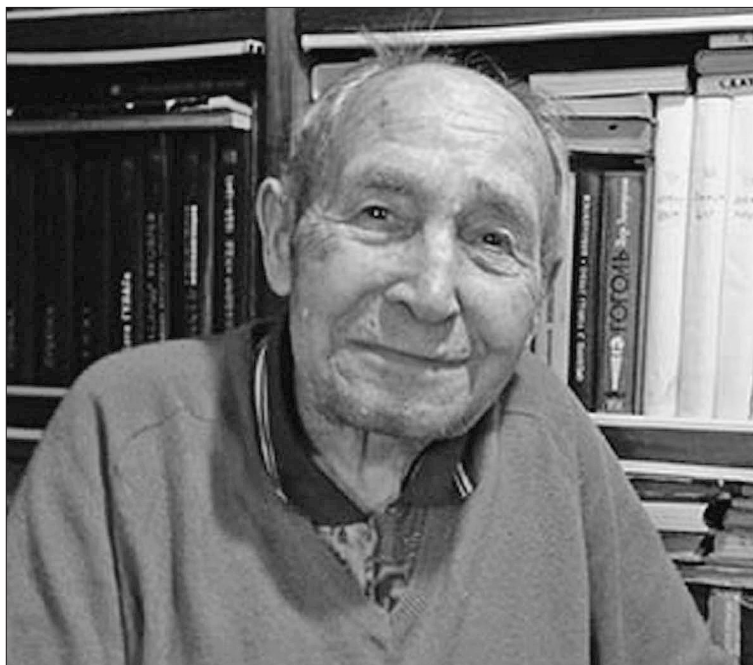
Подневольный труд никогда не был эффективным;

Содержание войска внутренней охраны, содержание в лагерях аппаратов слежения и «следствия», а также лагерных тюрем – все это ложилось тяжелым бременем на бюджет страны! <...>

Я заметил тогда удивительную вещь – тяжело и мучительно трудно в такой многочасовой работе бывает только первые 6–7 часов. После этого теряешь представление о времени, подсознательно следя только за тем, чтобы не замерзнуть: топчешься, машешь лопатой, не думая вовсе ни о чем, ни на что не надеясь <...>

В глазах з/к все эти люди – символ угнетения, принуждения...» (стр. 143).

«Вдохновение – творческий подъем, прилив творческих сил... (С.И. Ожегов).

Щеглов С.Л., газета «Заполярная правда». 20 июля 2018 г.

Сережа! Боюсь, что А.И. Солженицын всего этого не видел, иначе как он мог написать своего Ивана Денисовича? <...>¹.

Сил и удачи. Обнимаю. Твой Иосиф».

7 апреля 1994

«Дорогой Сережа!

Эти беглые мои заметки я пишу только для тебя – может они тебе когда-либо понадобятся. Помни, только для тебя лично каждая из этих строк – значительная заметка в моем мозгу.

Нелегко мне давались мои поездки на стройки периферий. С отзывом Ивана Макаровича из Норильска на Колыму в помощь Дальстрою. Я остался, собственно, один в Управлении строительства болельщик за эти стройки. Всем остальным все эти объекты были до лампочки; я один, можно сказать, маялся – не с кем было даже совет держать и т. д.

Мой названный брат – писатель-журналист московский Юрий..., прислал мне вырезку из московских «Известий» Алексея Тарасова от 26.10.1993 «Сказки о Сталине на Енисейских берегах...»².

И опять же «Пантеон – для форса!, ныне обветшавший и загаженный, но по прежнему грандиозный Пантеон...» Лейтмотив этой статьи – о личной жизни этого ссыльного, о том, что Лидия Платоновна Давыдова была местной женой Сталина, от него родила двух детей и что у Лидии было еще 17 детей, – и прочая мур. Когда наша четверка по дороге в Курейку остановилась в одном доме на берегу одной губы (залива) Ангутиха, хозяин обратил наше внимание на промелькнувшую по коридору женщину и ше-

¹ Вопрос о подробностях дискуссии Иосифа Адольфовича с автором неизвестной (для нас) книги (которую цитирует Шамис в этом письме Щеглову С.Л.) был задан мною Сергеем Львовичу 26 сентября 2016 г. В тот день мы с ним встречались в Тульском «Мемориале» перед поездкой в Тульскую областную универсальную научную библиотеку на торжественное собрание, посвященное 95-летию юбилею С.Л. Щеглова (прошедшему за неделю до этого, 19 сентября). К сожалению, в памяти Сергея Львовича не сохранилась информация об этой дискуссии.

² Очевидно, речь идет о Юрии Михайловиче Кривоносове, с которым Шамис дружил. Отрывок из книги Кривоносова Ю.М., известного фотографа и специалиста по творчеству Михаила Булгакова, в котором он вспоминает рассказы И.А. Шамиса, включен в 3 главу книги.

потом заметил, что это – Давыдова, что она до сих пор боится этого самого...» (Я не охотник до альковных сенсаций) <...>

Ну, надеюсь, ты дополнишь эти записи, а где – исправишь ошибки. Ох, о многом, многом, многом пережитом я тебе, когда я один, рассказываю...

Ну и еще раз и напоследок – о труде з/к. Я не говорю, что все, абсолютно все было создано только знаниями, опытом, механизмами (и взрывами). Нет, конечно, какая-то доля труда внесена и, скажем так, чернорабочими. Скажем, даже при кладке кирпичных стен (или блочных, как в твоём случае, когда у тебя возник спор со Струковым). Я решительно только против «вдохновения»! У замордованного бывшего студента, а их было ведь большинство. *Nomen illis legio* – имя им легион!!!

Понял ты меня? Надеюсь! Но если ты, может, посчитаешь, что я не понял Солженицына, пожалуйста, шли мне твои разъяснения! <...>

Обнимаю».

Апрель 1994 г.

«*Nota bene*, дорогой мой Сережа!

Через денек Майя¹ улетает и с ней – мои каракули, адресованные тебе, и я, первым делом, прошу у тебя прощения и за каракули и за несобранность моего письма. Исписал я много страниц, переживал каждую ситуацию и т. д., но цельности не мог добиться. Не хотел бы и огорчать тебя моим общим состоянием... Но я посылаю свои фрагменты, рассчитывая только на твою снисходительность и доброту ко мне. Итак, прощаюсь с тобой в надежде, что ты найдешь и силы, и время одолеть все это. Я был воспитан в духе толерантности (*tolerantia*, лат. терпимость) и рассчитываю на взаимность со стороны друга ситного <...>

Из «Последнего слова Л. Чуковской».

Начало: «Через несколько минут вы единогласно исключите меня из Союза. И я из членов Союза писателей перейду в другой разряд, разряд исключенных из Союза. Это горько, потому что

¹ Грановская Майя Леонидовна, свекровь Аллы Грановской, внучки Шамиса И.А.

в Союзе писателей много людей талантливых, честных и чистых. И это лестно, если вспомнить, что к разряду исключенных принадлежали в свое время Зощенко и Ахматова, что исключенным умер Пастернак, что недавно вы исключили Солженицына, Галича и Максимова. Я не равняю себя с такими великанами, как Ахматова или Солженицын, но горжусь тем, что вы вынуждены применять ко мне ту же меру, что и к ним... Вы перестали переиздавать мои работы о Миклухе-Маклае, о Герцене, о декабристах, о Борисе Житкове»...

Концовка речи:

«С легкостью могу предсказать вам, что в столице нашей общей родины, Москве, неизбежны площадь имени Александра Солженицына и проспект имени академика Сахарова».

Из той же книжки «Открытое слово», стр. 102, изд. «Хроника», № 4, 1976».

7 мая 1994 г.

Документальные новеллы Шамиса И.А.

Строительство Завода динамонов на месторождении «Медвежий ручей»

Летом 1942 года большая часть коллектива РОР «Угольный ручей» была переведена на работы по расширению Временной электростанции – ВЭС-2. Две причины обусловили этот перевод. Первая: в навигацию этого года завезено было мало взрывчатки; все, что поступило, использовалось в подземных рудниках, где добывалась «богатая» руда, – для рудника открытых работ взрывчатки не хватало. Вторая причина: нужно было в срочном порядке провести работы по расширению ВЭС-2, чтобы получить необходимую энергию для пуска ТЭЦ, назначенного на 15 декабря 1942 года, – эту работу, как указано, и поручили коллективу РОР.

В ноябре 1942 года коллектив РОР, выполнив возложенное на него задание, возвратился на РОР.

В конце 1942 года, совершенно неожиданно, меня назначили начальником строительного участка по сооружению Завода динамонов на месторождении «Медвежий ручей». Начальник РОР, в присутствии начальника конторы «РОРстрой», объяснил мне задачу.

Привозной взрывчатки, как известно, крайне мало. Вместе с тем, имеются компоненты для изготовления взрывчатки здесь, на месте. Были проведены исследовательские работы и разработана технология. На ее основе Проектный отдел составляет проект завода для переработки компонентов и получение взрывчатки динамонов. Оборудование частично имеется, остальное будет готово к монтажу ко времени, когда строители предоставят здания и фундаменты под оборудование.

Задача, — объясняют руководители, — крайне срочная. Идет война. Неизвестно как сложатся условия навигации 1943 года.

Месторождение «Медвежий ручей». Оно еще не разрабатывается, его очередь далеко впереди.

Был ли кто-либо там? Первые, кто там был, — геологи. Они и недра исследовали, и запасы подсчитали.

А после них? Очевидно, геодезисты — надо иметь план месторождения, без него нельзя составить проект рудника.

Так значит, мы будем третьими здесь. Но из когорты норильских строителей — первыми. Пионерная, значит, предстоит работа...

Встреча с геодезистами. Знают ли они, где будет строиться Завод динамонов? Знают, все данные имеются и в Проектном отделе.

Как туда, на место будущей стройки, пройти? Указали направление.

Вместе с одним из бригадиров-строителей, вооружившись «дубинками», — это были рейки длиной 1,8 м — отправились туда, на Медвежку.

День зимний. Собственно, дня нет — с 30 ноября наступила полярная ночь — солнце не поднимется над горизонтом 45 суток, вплоть до 13 января.

Маршрут — все в гору, но подъем небольшой, идти (закаленным заполярникам...) не очень трудно, наст отлично держит, но идти надо медленно — мороз крепчайший.

Вот она, очевидно, наша поляна — площадка будущей стройки. Впечатление, что местность ровная, только к Востоку несколько приподнята. Приглядываемся.

Но что мы видим здесь? Ничего не видим. Снег да снег кругом. Никаких признаков какой-либо жизни. Никакого цвета, кроме искрящегося белого. Все застыло. Сквозь сетку негустого белесового тумана будто проглядываются какие-то дали. Мираж. И далее-то нет никаких. Одна белая, стылая сушь...

Снова встреча с геодезистами.

— Давайте, братцы, углы зданий.

— Дадим. Завтра — углы цеха № 1, а как немного обживетесь на площадке, дадим углы цеха № 2.

Наряжай рабочих – помогать промеры делать, снег разгребать, колья ставить.

Условились, что да как.

Когда мы с одной бригадой после геодезистов пришли на площадку, никаких признаков, что здесь люди работали, не обнаружили. И кольев тоже не видать. Целина снежная...

Закурили. Мороз крепкий стоит. Погреться бы, да негде. Хорошо, пурги сейчас нет. Повертелись, потоптались на месте и вернулись в поселок.

Нет, так дело не пойдет. Дорога от поселка до работы не близкая. Рабочие, по крайней мере, на первых порах, будут таскать на себе инструмент и прочее. Устанут, не начав еще работать.

Значит перво-наперво надо, чтобы рабочие, придя на площадку, могли обогреться, покурить в тепле, отдохнуть.

С этого и начали. Притащили на себе на самодельных салазках бруски, доски, гвозди, рубероид, две печки чугунные, инструмент, уголь и пр. И первым делом соорудили инструменталку. Она имела два отделения: инструменталка – обогревалка и конторка начальника участка, где хранились чертежи, где собирались бригады.

Освещение – сначала были свечи, потом раздобыли две керосиновые лампы. Затопили две печки, заурчал чайник, зашипели котелки – воду получали из белоснежного снега; запахло жареным хлебом – на печке поджаривали. Дым махорочный – столбом. Жизнь...

Так втянулись в работу. Трудно было с земляными работами. Надо было вырыть котлованы для стоек каркаса. Котлованы глубокие – 2,0–2,5 м. Вечную мерзлоту ни ломом, ни кайлом не возьмешь. Пробовали стальными клиньями: один рабочий держит клин при помощи «держалки» из 4–5 мм проволоки, другой бьет по клину тяжелой кувалдой. Результат? Небольшая отметинка мерзлости откалывается. Она будто из чугуна, эта вечная мерзлота... Приспособились прогреть ее кострами из норильского угля. Но и это дело непростое – не разгорается костер. Растопка – щепы сухая – разгорится, а уголь – не горит,

хоть плач... Но и тут приспособились – стали брать жар из печек инструменталки. Правда, эффект – мизерный: долгий день костер горит, а к вечеру грунт оттаивает всего-то сантиметров на двадцать. Был бы компрессор – делали бы шпуры – взрывами можно быстро пройти котлованы. Этого не было, да и со взрывчаткой туго было – приходилось делать эту работу вручную. И затратили много лишнего времени.

Плохо было: никакой дороги не было. А ведь нужны стройматериалы – лес, кирпич, вяжущие и пр. – все надо иметь на площадке.

Руководство рудника это, конечно, понимало. Прибегает однажды рабочий и с порога: к нам железную дорогу тянут! Действительно, прокладывают линию железной дороги нормальной колеи от рудника «Угольный ручей», где была материальная база, на Медвежку. Шпалы-рельсы укладывают прямо на снег, авось, наст выдержит. Летом снег растает, путь сядет на грунт, сделают отсыпку щебнем и – порядок. Но до лета далеко, а материалы сейчас нужны. Но вот, в ближайший день увидели, что движется к нашей площадке платформа. Пригляделись: пиломатериалы на ней. Хорошо! Но как она движется, где паровоз? Двигающая сила, оказывается, не впереди, а позади: мотодрезина толкает груженую платформу. Почему позади? На тот случай, если платформа сойдет с рельс, она не потянет за собой дрезину. Так и случилось: не дотянул «поезд» метров триста до площадки, как платформа сошла с рельс, но не опрокинулась. Дрезина ушла на рудник. Пиломатериалы разгрузили и мало-помалу переволокли на площадку: свяжут веревкой пакет досок – и по снегу к месту укладки. Платформу поставили на рельсы, дрезина потом увезла (теперь дрезина уже впереди, в случае схода – обе вместе сойдут).

Снабжение наладилось (сходы с рельс случались), но таскать на себе все же приходилось – инструмент для заправки и другое, по мелочи.

Сделали разбивку цеха № 2 и там открыли работы. Стройка пошла по всему фронту. Работали каждый день, отдыхали по очереди. Морозов не боялись. Но пурга сильно мешает: из рук доски рвет, глаза слепит... Скорее, скорее под крышу! Тогда и при пурге можно будет работать – внутри помещения.

Дни за днями. И хоть работа идет не в том темпе, как хотелось, но дело продвигается вперед.

Вот и стены готовы, к крыше подобралась; одновременно идет заполнение оконных проемов. Крышу кровлей покрыли. Время очистить помещения от снега. Его, конечно, убирали все каждый раз, но пурга свое делала (никакой снегозащиты не было). Много уплотненного снега пришлось убрать – кидали снежные блоки через оконные проемы, потом снаружи откидывали от стен.

Внутри легче работать: крепить каркас стен, обшивку делать и т. д.

Построили переходную галерею между цехами.

Стали делать фундаменты под оборудование, печи сушильные класть.

Доставили оборудование. Тем временем протянули из рудника «Угольный ручей» электролинию – дали свет.

Пришли монтажники технологического и другого оборудования.

Смонтировали, опробовали на холостом ходу – все согласно проекту. Дело теперь за технологами. Доставили компоненты, загрузили механизмы, начали испытания под нагрузкой.

А вскоре на небольшом полигоне вблизи завода раздались взрывы от первых испытаний готовой продукции – есть своя взрывчатка! Эхо взрывов разнеслось по Норильским горам и ущельям, по неоглядным далям Таймырской тундры. Как с ней было трудно сладить, с этой тундрой! Работа пионерная...

Завод был запроектирован на производительность 3 тонны взрывчатки в сутки.

После внедрения рационализаторского предложения Ю.Н. Зинюка производительность значительно возросла – вместо 1000 т стали получать более 2000 т взрывчатки в год. Это имело особое значение в годы войны, но и в первые годы после нее. Завод проработал более восьми лет, снабжая рудники взрывчаткой местного производства.

И. Шамис, бывший начальник строительства Завода динамонов на месторождении «Медвежий ручей»
Август 1984 г.

Ночь тиха...

Сергею Щеглову

Миновали белые ночи, когда вечерние сумерки переходят в утреннюю зорю (23 сутки); прошли сумеречные ночи, когда темной ночи нет, вечерние сумерки переходят в утренние и появляются крупные звезды (30 суток). Наступила пора смены дня и ночи, когда появляются все звезды (73 сутки).

К ночи напряжение в порту спадает и чудится, что и могучий Енисей отдыхает. Но вот пробежал юркий портовый катер, однако не взбудоражил он реку, разве только прибрежные воды стали тихо плескаться у бревенчатого сруба причала.

Ночь тиха...

Наше дело – погрузка норильского уголька на баржу. На Енисее баржи большие – есть даже на две тысячи тонн. Вплотную к причальной стенке такую баржу не ставят, уголек подается на нее тачками, которые работяги водят по трапу, перекинутому с причала на борт баржи. Работа не из легких: трап – под углом порядка 30 градусов; от угольной пыли он скользкий, особенно когда человек обут в башмаки типа «ЧТЗ», на которых подошва резиновая; освещение в порту слабое.

Для удобства, по середине трапа пришта установлена направляющая доска – по ней катится колесо тачки. Но доска эта узкая, сцепление подошвы с трапом слабое, – надо, следовательно, не только толкать тачку, но и быть достаточно внимательным, чтоб не соскользнуть с трапа в воду вместе с тачкой.

Такое и случилось с одним работягой. Колесико тачки сошло с доски, тачка развернулась, работяга не смог ее удержать на трапе и тачка потянула за собой работягу в воду. Глубина здесь выше головы, и вода накрыла работягу. Но он тут же всплыл. Хорошо, что не тачка его накрыла – с углем... С баржи это увидели, поняли, что в одежде и тяжелых башмаках пострадавшему весьма неудобно... И поспешили бросить ему «конец», он ухватился за веревку. Но как извлечь его из воды? На баржу подтянуть – можно руки вывихнуть – борт-то высокий.

Однако быстро сообразили и крикнули ему, чтоб держался крепче за веревку, а сами сошли на трап, подтянули потерпевше-

го и пошли вниз по трапу. Шли до того места, где он почувствовал ногами дно. Тут он отдал «конец» и пошел к берегу, где его вытащили на причальную стенку.

– Со святым крещением, – съязвил один из работяг.

– Братцы, – воскликнул другой, – глядите на небо – там звезда с звездой говорит!

И все стали любоваться небесной красотой...

И почудилось им всем, что звезды говорят – о чем-то добром, заветном...

Вздыхнув глубоко, поплевав на ладони, грузчики взялись за совковые лопаты нагружать тачки. Тачки потянулись к трапу – и вверх на баржу...

...Ночь тиха. И равнодушная природа красою вечною сияет...

Р. С. Это взаправду было в Дудинке, в порту, во второй половине сентября месяца одна тысяча девятьсот тридцать девятого года. Вода в Енисее была не очень подходяща для «святого крещения», да и Енисей – не Иордан...

Июль 1987 г.

Этот тесный, тесный мир Рассказ-быль из времен зарождения Норильска

С. Норильскому –

Дань дружбы заполярной, нерушимой

Автор

... Енисей, Енисей, брат полярных морей!...

*Из популярной в Норильске песни,
слова Владимира Фролова, музыка Сергея
Кайдана*

Правый берег Енисея, Дудинка, 1939 год. Полярный день. Идет навигация, первая большая навигация в этих широтах. Ее цель – обеспечить всем необходимым начало развернутых работ в ста километрах отсюда, у подножия Норильских гор. Там закладывается первая очередь медно-никелевого Норильского комбината. На это есть решение советского правительства.

Унылый плоский берег Дудинки еще не видел такого обилия речных судов, барж, лихтеров, длинных и широких плотов бревен, приплавленных сюда с верховьев Ангары. Впервые пришли на дудинский рейд морские суда с людьми, грузами из Мурманска, Кандалакши, Архангельска. Корабли шли сюда по морю Белому и морям ледовым: Баренцеву и Карскому.

Короток тут навигационный период – от дней, когда только что прошел ледоход до первых заморозков, от середины июня до середины сентября. А морской путь открыт и еще на меньшие сроки: с середины августа... Оглянуться не успеешь – накинёт мороз на Енисейский залив и низовья великой реки панцирь ледовый, непробиваемый. И снова зима, снова полярная ночь.

Поэтому мешкать нельзя: надо быстро разгрузить все суда, вычалить приплавленный лес, загрузить трюмы кораблей и баржи норильским углем на обратный путь. Торопятся моряки к портам приписки, речники – к затонам зимнего отстоя.

Работа большая, тяжелая. Людей много надо, и силы в них должны быть: ведь вся погрузка-разгрузка в основном вручную идет, механизмов кот наплакал.

По реке с началом навигации привезли сюда основной контингент – несколько пароходов и барж с заключенными. А как открылась дорога по северным морям – прибыло пополнение. Эти несколько сотен мужчин должны были обеспечить разгрузку и погрузку, а по окончании навигации их отвезут в Норильск, на строительные работы.

...Раннее утро. Хмурое небо, низкие тучи, из них сеет холодный знобящий дождь. С Енисея тянет упругий, мокрый, безнадежный ветер.

Из широко раскрытых ворот зоны, огражденной колючей проволокой, навстречу енисейскому ветру выходят бригада за бригадой. Они отделяются от длинной колонны, стоящей там, внутри зоны, быстрым шагом идут к вахте. Тут их считают конвоиры, ряд за рядом, ряд за рядом, проходи, проходи... третья, восьмая, десятая... Люди шагают, наклонив головы, навстречу дождю и ветру, прикрываясь от него руками в брезентовых рукавицах. На работягах – ватные стеганые телогрейки, бушлаты, меховые и ватные шапки на головах. А на некоторых – пальто, шинели, кепки, фуражки, буденовки. Это – вновь прибывшие, те,

кто еще не успел получить в каптерке лагерное обмундирование. На ногах – сапоги, ботинки, «бурки» из старых стеганых телогреек. Лица хмурые как это утро, как это небо.

А в стороне, за зоной, поодаль от вахты, расположился небольшой духовой оркестр. С десяток музыкантов, одетых так же, как и бригадники, стоя дуют в трубы, бухает барабан, взгремяют тарелки. Ладно получается. Дирижирует человек средних лет, стройный, подтянутый, видно, что он увлечен своим делом, весь сосредоточен на нем. Некоторые из тех, кто уже не первые дни здесь, знают этого человека. Это Кайдан, композитор, звать его Сергей Федорович. За какие прегрешения получил он срок – сие известно, наверное, только ему. И он, и его ребята из оркестра стараются – счастливы, что судьба милостлива к ним: они могут играть, заниматься любимым делом, их освободили от тяжелых работ грузчиков.

Разносятся по берегу звуки «Дунайских волн» (ах, какие там волны! Вот здесь, в низовьях Енисея – это действительно волны!). Звучит мелодия песни о «Варяге». Сами собой ложатся на душу всем известные мужественные слова: «Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает...» А вот – «На сопках Маньчжурии». Печально-трогательные звуки, и соответствующие им слова невольно вспоминаются многим из шагающих в шеренгах: «Плачет отец, плачет жена молодая, плачет вся Русь, как один человек, злой рок судьбы проклиная»...

Кайдан... «Кайдан, – думает один из заключенных, проходя мимо оркестра и глядя на дирижера, – «Поховайти тай вставайти, кайданы порвити»... Откуда такая фамилия у этого дяди? И почему такое искажение: ведь у слова кандалы нет единственного числа... А, чего не бывает, и не только в языке»...

Тем временем оркестр перешел на современную музыку, разносятся звуки бодрого марша.

Но что это? Что за смятение в первых рядах бригады? Оттуда выбежал высокий человек в военной шинели и буденовке, и пока конвоиры не успели опомниться, он уже подбежал к оркестру, оттолкнул с пути барабанщика и кинулся на шею дирижеру. «Назад! Стрелять буду!» – опомнился конвоир, вскидывая винтовку. А дирижер, придя в себя от неожиданности, порывисто обнял того, в шинели, они прильнули друг к другу и застыли в объ-

тии... «Сергей!.. Георгий... Брат!..» – слышались отрывочные слова...

Пройдет после этой сцены семнадцать лет, и в руки того заключенного, который размышлял о диковинной фамилии дирижера, попадет следующий документ:

«Редакции газеты города Норильска.

В августе 1939 г. я был, как один из пострадавших от последствий культа личности, переброшен из Москвы в Норильск, в котором прожил немногим более года. Здесь, кстати, я встретил своего младшего брата, композитора Сергея Федоровича Кайдана, попавшего в Норильск много раньше меня и оставившего его позже меня.

Плодом моего знакомства с Норильском явился цикл «Стихи о Заполярье» из пяти стихотворений, который я прилагаю к этому письму и который мне очень хотелось бы видеть напечатанным на страницах Вашей газеты, если это возможно. Не посылал этих стихов раньше, т. к. только 8.12.1955 г. я был, наконец, реабилитирован, как вы можете видеть из прилагаемой копии справки Военного трибунала МВО.

Если стихи мои будут напечатаны, то авторские экземпляры номеров газеты и гонорар прошу выслать по адресу:

до 1.10.1956 г. – пос. Ирша Рыбинского района Красноярского края, Кооперативная, 17, кв. 8, Георгию Федоровичу Дешкину;
после 1.10.1956 г. – Москва, центр, улица Кирова, 21, кв. 13, Галине Георгиевне Дёшкиной для Г.Ф. Дешкина.

С уважением – Г. Дёшкин, 10.08.1956 г., п. Ирша».

Копия справки гласила:

«Военный Трибунал Московского Военного округа, 9 декабря 1955 г., № н-4127/ос, г. Москва, Арбат, 37.

Справка

Дело по обвинению Дёшкина Георгия Федоровича, 1981 г. рождения, пересмотрено Военным Трибуналом Московского Военного округа 8 декабря 1955 года.

Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 23 апреля 1939 года в отношении Дёшкина Г.Ф. отменено и дело о нем за отсутствием состава преступления прекращено.

Зам. председателя Военного Трибунала МВО, полковник юстиции Н. Гуринов».

Из стихов Георгия Дёшкина:

Прими, страна!

Куда ни посмотришь — снега и снега.
В бараке тепло выдувает пурга,
и злобно старается сбить тебя с ног,
едва перейдешь ты порог.
Но нам и пурга, и мороз нипочем:
двадцатый, и сотый, и тысячный дом
мы строим меж полных богатствами гор
и тесен нам снежный простор.
Гремит аммонит за зарядом заряд,
вгрызается в гору шахтеров отряд.
Прими же, страна, результаты труда:
вот уголь тебе, вот руда!

Как на луне

Та местность, где лагерь раскинулся наш,
похожа на призрачный лунный пейзаж
Жюль Верна, Уэллса и многих других —
я с детства пленялся фантастикой их.
С героями книг я нередко во сне
часами блуждал по пустынной Луне.
И то, чем во снах опьянялся мой взор,
напомнил мне этот безбрежный простор,
увенчанный цепью заснеженных гор.

Январь

Луна здесь особенно как-то ярка,
и звезды как будто крупнее...
на небо смотрю, и слабеет тоска
разлуки с Москвою моею.
А днем горизонт фиолетовый весь.

Полярная ночь на исходе,
и скоро уже мы увидим, как здесь
пурпурное солнце восходит.
И если судьбой суждено мне дожить
до звонкой весны Заполярья, —
то даже и эту суровую жизнь
восславлю стихами, как встарь я!

Но вернемся на неласковый берег Енисея августа 1939 года. Тот день, как это иногда случается, еще не исчерпал своих неожиданностей.

Пришла бригада на берег. А по сторонам — другие бригады. И заскрипела, разгорелась работа — на бревнотаске, на железнодорожных путях узкоколейки, на рейде.

Это была дневная смена. А работа в порту шла круглосуточно — и днем, и ночью на всех объектах.

В порту? Но порта как такового еще не было — пройдет еще не один год, пока он здесь будет построен. Речные суда разгружали у берега, носили грузы по сходням, трапам, перекинутым с борта на землю. «Моряки» стояли на якорях в отдалении — на рейде. Юркий катер подавал баржи с рабочими к борту «моряка». Часть рабочих спускалась в трюм судна и там, по указанию помощника капитана, подтаскивала грузы к люку, зацепляла их за стропы. При помощи судовых лебедок и стрел грузы подавались наверх, переплавлялись на баржу. Когда она заполнялась, катер отводил ее к берегу. Там ее разгружали, а катер тащил к «моряку» пустую, ранее опорожненную.

Во время одной из пауз при разгрузке на рейде парохода «Куйбышев» рабочим дали горячую пищу. Корабельный кок, надо думать, не без ведома капитана, не скупился. Еда была питательная, вкусная, в достаточном объеме и главное — горячая. Пообедали ребята и опять за работу.

Часто видели они капитана, наблюдавшего за ходом разгрузки. Он был красивый, статный, лет около сорока. Иной раз он спускался на баржу или в трюм, угощал заключенных папиросами.

Вот и в тот день капитан навестил баржу, угостил грузчиков куравом. На одного из них он посмотрел как-то особенно вни-

мательно, с интересом. Это был среднего роста крепыш, немолодой уже, наверное, один из старших в бригаде. Фамилия его была Хазов.

– Поднимитесь на судно, – сказал ему капитан. И взбежал по трапу с баржи на палубу. Хазов не спеша отправился за капитаном. И когда поднялся на корабль, тот шагнул ему навстречу и предложил, указывая на кубрик:

– Пройдемте сюда.

Когда они сели за столик, капитан сказал:

– Мне кажется, я вас встречал.

Хазов молча смотрел на капитана.

– Вы очень похожи на человека, которого я видел однажды довольно близко, – уже не так уверенно продолжал капитан судна. – Это было во время заграничного плавания, несколько лет назад. На этом же самом судне.

«Если это он, – думал капитан, – то изменился он крепко. И далеко не в лучшую сторону».

– В каком же порту вы могли меня видеть? – спросил Хазов.

– В Антверпене.

Хазов молчал.

– Так это были вы или я ошибаюсь?

– Вы не ошиблись, – тихо ответил Хазов.

Когда он вернулся в бригаду и продолжил работу, один из товарищей поинтересовался, зачем вызывал его капитан. И услышал следующее.

Хазов работал в Антверпене в одном из советских учреждений. В тот год, шестого ноября, в конце дня, ему позвонили из нашего представительства, поздравили с годовщиной Великого Октября и сказали:

– Здесь на рейде наш пароход «Куйбышев», так вот, капитан просит направить к ним докладчика. Их интересует международное положение. Просветите их.

Наутро Хазов отправился на корабль и выступил перед командой.

– Воистину, мир тесен! – вздохнув, сказал один из бригадников, выслушав рассказ Хазова.

К концу смены трюмы «Куйбышева» были свободны. Капитан вновь спустился на баржу, коробка душистых папирос пошла

по кругу. Капитан поблагодарил за хорошую работу. С корабля принесли ужин. Кок снова не поскупился: пища была горячей и вкусной. Это было уже сверх обычной программы. Докеры наши были растроганы. Когда катер дал гудок и баржа отчалила от «Куйбышева», все приветливо помахали руками капитану и команде, которые стояли на палубе.

– Счастливого плавания! – раздались возгласы.

– Семь футов под килем! – крикнул Хазов капитану.

Эти надежные семь футов были у «Куйбышева» под килем еще четыре года, до тех пор, пока его не настигла фашистская торпеда.

17 октября 1986 г.

Читая «Правду»

С исключительным интересом читал старый норильчанин (он же и годами старый) небольшую заметку в газете «Правда» от 20 апреля 1983 года под названием «Сквозь льды». В ней сообщалось, что теплоход «Норильск» доставил из Дудинки в Мурманск медноникелевую руду для металлургических предприятий Кольского полуострова, и что весь путь во льдах Карского и Баренцова морей теплоход проделал самостоятельно, без помощи ледокола.

Сообщение краткое, но знаменательное! Чтобы оценить все его значение, следует, сколь возможно, представить себе обстановку первой большой навигации в Дудинке в 1939 году. Дело ведь было не в «историческом далеко», если еще остались, пусть считанные, живые свидетели начала Норильской стройки – ее первостроители; лет прошло не так уж много, но путь пройден огромный.

...Начало второй половины июля 1939 года. Что представлял собою тогда Дудинский порт, имевший важнейшее предназначение: быть речными и морскими воротами Норильска? Что увидели в Дудинке будущие первостроители Норильска, когда после двухнедельного плавания из Красноярска по Енисею высадились они рано на рассвете на Дудинский берег? Стояло на пригорке небольшое здание – в нем управление Дудинского порта, самого

же порта не было, даже проекта еще не было. Затем увидели они вдоль берега реки пути узкоколейной железной дороги и на них маленькие красные платформы, на которых предстояло перевезти огромное количество грузов в Норильск, расположенный в 113 км от Дудинки (расстояние по железной дороге узкой колеи). Слева, у крутого берега, – говорили, там город Дудинка – административный центр Таймырского национального округа; дома там низенькие, с воды города не видать. На самом берегу, в небольших количествах – штабеля круглого леса, а также другие грузы, подготовленные к отправке в Норильск.

...В один из ближайших дней довелось увидеть сценку, как огромная овчарка гонялась за песком, который, как бы играя, показывался из щелей, образованных бревнами, уложенными в штабели: как только покажется головка песка, овчарка – за ним, а песок – в щель; пес бесится, носится, как угорелый, по штабелю, но сделать ничего не может... Нетронутый край – песцы в порту!.. А сам ландшафт Дудинского берега Енисея! Выжженная степь, если не пустыня: ни деревца, ни кусточка; кое-где отдельными небольшими «оазисами» растекаются по земле желто-серые пятна мха-ягеля. А комарье, а мошкара – тучи! Вот она – тундра! На небосклоне мутно-желтый светит, но не греет диск незаходящего солнца: стоит еще полярный день, солнце начнет скрываться за горизонт после 25 июля.

...После отдыха – работа по обслуживанию нужд навигации. Она заключалась в том, чтобы разгрузить суда от доставленных грузов и погрузить на них норильский уголь – в количествах достаточных, чтобы суда могли возвратиться к своим зимним стоянкам. Другими благами, кроме угля, Норильск не мог еще тогда рассчитываться за доставленные грузы... При коротком навигационном периоде в этих высоких широтах работа по обслуживанию нужд навигации была самая важная для Норильской стройки, и все наличные силы были заняты этим делом. Хотя, следует заметить, что даже в такое напряженное время А.П. Завенягин считал важным снять с работ по навигации группу инженеров, главным образом проектировщиков – строителей, горняков, металлургов, механиков – и направить в Норильск для работы во вновь организованном Проектном отделе. Все же остальные, в их числе, скажем, врачи, оставались в Дудинке – они, разуме-

ется, занимались врачебным обслуживанием всех работавших на навигации. Сам А.П. Завенягин в период навигации нечасто отлучался из Дудинки в Норильск.

Порта, как сказано, в Дудинке не было. Морские суда («моряки», как их для краткости именовали) становились на якоря на рейде. К ним буксиры подводили большие баржи с бригадами рабочих, и разгрузка шла, по возможности, с обоих бортов; нагрузили две баржи – наготове следующая пара и т. д. Закончили разгрузку «моряка», на баржах подвозят ему уголь и начинается бункеровка судна. Речные суда разгружались у временных причалов, которые устраивались из рубленых бревен ряжей, заполненных камнем, по ряжам – настилы для приема грузов и подачи с них угля на суда для обратного пути по реке. Длина этих временных речных причалов едва достигала 80–100 метров.

Наибольшая забота – «моряки»: низовья Енисея рано покрываются льдом – надо поторапливаться. Путь у них трудный, дальний – через Енисейский залив и далее по Северному морскому пути до Мурманска, Архангельска, Кандалакши... Но и речным флотам надо не мешкать: этим судам, баржам и лихтерам надо подняться вверх по Енисею до затонов зимнего отстоя – до Подтесово и др.

Много хлопот в Дудинке с лесом. Огромные плоты с отличным лесом с верховьев Ангары надо в Дудинке расчалить и выгрузить на берег все дерево, иначе часть уйдет с водой в Карское море, а какая-то часть вмерзнет во льду где-нибудь ниже Дудинки – потом, зимой, выкалывать из льда каждую лесину! Работа сама по себе не весьма приятная, да еще на просторе огромной реки, где ветру есть где разгуляться. И ничего не поделаешь: не успел вовремя вычалить весь лес на берег – теперь выкалывать оставшийся кругляк из льда и волоком на берег.

Работа по вычалке леса из воды и его первичной сортировке производилась с помощью бревнотасок. Часть кругляка тут же отправлялась в Норильск, часть же подвергалась распиловке на доски на пилорамах Дудинки. Работа на лесобирже шла круглые сутки, также как и все остальные работы в порту в период навигации.

Из других механизмов, кроме указанных бревнотасок, были еще передвижные транспортеры для бункеровки углем, но их

было мало. Таким образом, в тот, 1939 год почти вся работа производилась вручную. Конечно, разгрузка трюмов производилась корабельными лебедками, где – паровыми, где – электрическими.

Но разгрузка судов и их бункеровка углем – это ведь не самоцель. Главное – отправить в Норильск, а среди этих грузов есть и скоропортящиеся. И работа по отгрузкам в Норильск велась параллельно и теми же темпами, как и остальные работы – на судах, баржах, лихтерах, плотях. Работа кипела круглые сутки!

Навигация 1939 года была первая большая навигация для Норильска и прошла нормально.

Конечно, огромная работа выпала на долю работников Дудинской складкой базы: все принять, часть тут же отправить в Норильск; остальное, большее количество, уложить, заштабелевать – и все, как говорится, с умом сделать, чтобы по первому требованию Норильска отправить туда тот или иной груз – и это исполнялось безотлагательно.

В свою очередь, работникам складского хозяйства Норильска доставалось множество забот: принять огромное количество грузов, уложить, сохранить, экономно, – чтобы всего хватило до следующей навигации, – расходовать, строжайше следить, чтобы не было потерь и т. д.

Колоссальную работу проделали работники навигации, железной дороги, диспетчеры – словом, все, кто был причастен к навигации 1939 года и к сохранению, распределению и использованию строго по назначению поступивших ресурсов.

Да, в тот год, в зиму 1939/1940 гг. Норильск вплотную приступил к выполнению программы строительства, предусмотренной проектом строительства комбината и города I-ой очереди. Было начато строительство большого металлургического завода («БМЗ»), т. е. никелевого завода, ТЭЦ, города и др. Наряду с этим шли работы на ММЗ, ООФ, агломерационном, а затем малом электролитном цехе. С началом войны работы по всем объектам пошли форсированными темпами. Счет пошел на месяцы. И через 10 месяцев после начала войны с ММЗ отправлены первые 1100 кг никеля – первого мая 1942 г. А через 11 месяцев пошел уже никель с БМЗ – начало апреля 1943 г. Все это похоже на чудо...

Норильск много получал от страны ресурсов, но очень скоро стал «платить долги» не только угольком для «моряков» и реч-

ных судов, приходивших в Дудинку, но и более ценной своей продукцией: никелем, кобальтом, медью. А теперь вот бороздит теплоход «Норильск» льды Северного морского пути и доставляет медно-никелевую руду для предприятий Кольского полуострова. Тоже чудо!

Сейчас Дудинка – огромный современный порт. Количество судов, приходящих в Дудинку по Северному морскому пути и Енисею, исчисляется многими сотнями. Грузооборот порта в одну навигацию составляет миллионы тонн (не считая огромного количества леса, сплавляемого в Дудинку по Енисею). Причальная стена порта протянулась на многие километры; причалов речных – до двух десятков, и морских – в необходимом количестве, чтоб суда не простаивали в Дудинке. Кануло в вечность время, когда «моряки» разгружались и бункеровались углем на рейде. На причалах – железнодорожные пути широкой колеи, по которым подаются составы из 100-тонных думпкаров для погрузки-разгрузки. Все работы полностью механизированы: они осуществляются порталными кранами и другими средствами механизации. Дудинский порт, как и Комбинат в целом, широко применяет контейнерные перевозки; парк контейнеров составляет порядка полумиллиона единиц.

Все это известно норильчанам, но, думается, очень полезно, другой раз, к случаю, вспомнить о нелегких пройденных путях и помянуть добрым словом первостроителей Норильска. И, говоря тут о Дудинке, как не вспомнить работу одного из прославленных первостроителей Норильска и Дудинки – В.Н. Всесвятского. До осени 1954 года он работал непосредственно на строительстве промышленности и города Норильска, в том числе руководил строительством железной дороги нормальной колеи на участке Дудинка-Кайеркан. С 1954 по 1956 гг. он занимал пост начальника Дудинского порта – именно тогда широко развернулись капитальные работы по сооружению мощного порта. С 1957 года по 1975 год – в течение 18 лет он был на посту начальника Норильскснаба, т. е. руководил также всеми делами Дудинского порта.

Все последние годы В.Н. Всесвятский руководит работой Московской конторы Комбината, круг задач которой охватывает все стороны потребностей Норильска, как в области производст-

ва, потребления, сбыта, так и остальных дел – огромнейшая по масштабу и сложная по многогранности работа!

Нет, по существу, такого дела Норильского комбината, которое проходило стороной от московской конторы. Коротко, чисто конспективно, следует отметить, что Московская контора осуществляет от имени Комбината и для Комбината организационные и хозяйственные связи: с центральными органами КПСС; со всеми центральными государственными плановыми органами и производственными министерствами; с предприятиями-поставщиками и потребителями; с министерствами морского, речного и авиационного транспорта; с организациями здравоохранения, просвещения, культуры и т. д. Московская контора через Министерство внешней торговли осуществляет деловые связи с иностранными фирмами по производственным, транспортным и другим делам. И так далее.

И в этом рейсе Дудинка–Мурманск, о котором поведала «Правда», есть немалая доля труда коллектива москвичей, работающих для Норильска, под началом В.Н. Всесвятского.

...Вот об этом думал старый норильчанин, читая заметку в «Правде»: он приглашает нынешних норильчан мысленно сравнить год текущий и год минувший.

Апрель 1983 г.

И. Шамис, С. Щеглов

Их имена помнят в Норильске

Геолог Григорий Роговер

Эта книга вышла одиннадцать лет назад, в Москве, в Государственном научно-техническом издательстве литературы по геологии и охране недр. На голубой обложке значится всего два слова: «Месторождение Норильск-1». А на титульном листе к этим словам добавлено еще: «...Некоторые его особенности, могущие иметь поисковое значение, и рациональная методика его разведки». Уже эта прибавка свидетельствует, что книга Г.Б. Роговера, чья фамилия открывает ее титульный лист, доступна каждому. Не геолог с интересом и пользой для себя прочтет краткое введение, но на первых же страницах начальной главы – «Краткий геологи-

ческий очерк ближайших окрестностей месторождения» – убедится, что общеобразовательных данных совершенно недостаточно, чтобы читать эту работу. «Породы Девона и Перми», «тунгусская свита», «остатки базальтового конгломерата»...

Да, все это особый язык. Язык науки, именуемой геологией. И нет словаря, способного помочь переводу. Впрочем, ведь и словарь иностранных языков без знакомства с основами грамматики языка бесполезен.

Но тем ценнее книга Г.Б. Роговера для специалиста.

«Итоги геологического изучения района и месторождения Норильска-1 были подведены в свое время, – писал автор, – в монографиях, обобщающих труды большого числа исследователей (Е.Г. Багратуни, М.Н. Годливский, И.Ф. Григорьев, Вл.С. Домаров, Н.С. Зентов, В.К. Котульский, К.И. Куличенко, А.И. Корешков, И.А. Коровяков, Б.Н. Рожков, А.Н. Розанов, Г.М. Русецкая, М.Ф. Смирнов, П.И. Савенко, Н.Н. Урванцев, Д.М. Шейман, Г.М. Шешукова и др.)... Решив опубликовать эту работу, автор исходил из желания оказать посильную помощь в деле поисков и разведки сульфидных руд с медью и никелем».

Более пятнадцати лет – лучших лет своей жизни – отдал доктор геологоминералогических наук Григорий Борисович Роговер работе в Норильске, изучению норильских месторождений и обоснованию методов их исследования.

Хотя по возрасту Григорий Борисович был моложе многих маститых коллег, часть которых он перечислил во введении к книге, имя его заняло прочное место в ряду звезд первой величины в ярком созвездии норильских геологов. Исключительная добросовестность, честность в науке, принципиальность заслужили ему глубокое уважение среди товарищей. Уж если Григорий Борисович пришел к определенному выводу, то он умел не только обосновать его во всей полноте, но и отстоять в любых спорах и дискуссиях в любой аудитории и инстанции, – вплоть до самых высоких. Для таких людей как Роговер в науке есть один авторитет: авторитет истины. И поэтому они готовы, если надо, идти наперекор любым другим авторитетам...

Всесторонняя образованность, широкий кругозор, умение глубоко анализировать факты и наблюдения, чтобы затем обобщить их для пользы дела, большое трудолюбие характерны для Роговера

как ученого и человека. Норильчане, работавшие с ним, отмечают его настоящую интеллигентность, искренность, отзывчивость.

Мы взяли с полки книгу Григория Борисовича не случайно. 17 марта в газете «Вечерняя Москва» было напечатано следующее:

«Министерство геологии СССР и Всесоюзный научно-исследовательский институт экономики минерального сырья и геологоразведочных работ Министерства геологии СССР и Академии наук СССР с глубоким прискорбием извещают о том, что скорпостижно скончался заведующий сектором, доктор геолого-минералогических наук Григорий Борисович Роговер и выражают соболезнование родным и близким покойного».

Он умер на 65 году жизни, придя с работы, за одну минуту. Сразил инфаркт миокарда.

Жил он один. В Москве у него племянник и сестры – врачи. 21 марта 1970 г.

«Заполярная правда», 5 апреля 1970, № 80 (4457).

Примечание автора-составителя:

На обороте машинописной рукописи новеллы «Геолог Григорий Роговер» рукой С.Л. Щеглова написано:

«С ним работала в Казахстане в геологическом тресте в 1936–1938 гг., – писала О.М. Лобачева С. Щеглову 11 апреля 1970 г., – с ним уже встретила в Норильске в 1944 году. Мы были друзья, он жил у нас первые несколько дней после освобождения, потом ушел в гостиницу. Григорий Борисович – талантливый горный инженер и враг Н.Н. Урванцева. За последнюю свою работу по разведке норильских руд он получил 25 тыс. руб. премии. Н.Н. Урванцева он называл «Географом».

Геолог Владимир Домарев

Норильск. Уже давно широко известно название этого города и его уникальных предприятий, построенных в Заполярье на вечной мерзлоте. Он расположен на крайнем севере Красноярского края близ устья великой сибирской реки, богатыря-Енисея.

Уже в 1919–1920 годах нашего века геологи изучили немало месторождений природных богатств Норильского медно-ни-

келевого и угольного района. В числе первооткрывателей был известный геолог, исследователь Севера Николай Николаевич Урванцев (1893–1985).

Однако следующие обстоятельства препятствовали началу разработки богатств этого района:

1. Исключительно суровый климат – сильные морозы при агрессивной пурге и длительность зимнего периода;

2. Удаленность от всего того, что норильчане называют «материк», имея в виду Красноярск, где проходит трасса Великого Сибирского ж.д. пути и очень нелегкий водный путь от устья Енисея и далее – по Северному ледовитому океану – на Мурманск, на Архангельск.

Так втуне, бесплодно, хранила тундра свои богатства под мощным слоем полярного торфа. И только в 30-х годах пришли сюда люди и пробудили к жизни богатства норильских месторождений. По всей вероятности, последовавшее энергичное освоение этих мест диктовалось и военно-стратегическими задачами.

Что за люди пришли сюда? Этот вопрос и ответ на него широко известны, и в этих строках мы не можем заняться социальными вопросами. Заметим только, что удельный вес волонтеров или, как их называли в Норильске, вольнонаемных, на этой стройке к началу и в первые годы освоения исчислялся, вероятно, долей одного процента.

В данных заметках мы посчитали важным выделить одну личность.

Домарев Владимир (отчество забылось, кажется, что Дмитриевич, как у его супруги) геолог, ленинградец, одно время во главе партии норильских геологов проводил изыскания в районе реки Курейка, правого притока Енисея, в тех местах, близких к Северному Полярному кругу, где потом стали строить Курейскую ТЭС, но работал он и на Хантайке, тоже правом притоке Енисея, где потом строилась Хантайская ГЭС. В последующем Вл. Домарев был назначен главным инженером Норильского геологического управления. Здесь были сосредоточены большие силы геологов, имевших уже значительный опыт. И, надо заметить, что личность Домарева, как руководителя Управления, вскоре получила всеобщее признание коллектива геологов, также, как и работников Проектного отдела Норильского комбината.

Но не только как геолог проявил себя Вл. Домарев. Сейчас увидим, что Вл. Домарев проявил себя как героическая личность, и имя его никогда не померкнет в богатой и сложной делами и событиями истории Норильска...

Ночь-полночь. Геологическое управление Норильского комбината. Оно размещалось в простом одноэтажном деревянном доме из числа тех, которые числились временными служебными строениями на период стройки.

Ночь. Главный геолог, один из всего коллектива, задержался на работе в своем служебном кабинете. Нежданно-негаданно резко открывается входная дверь кабинета и через порог вваливается группа вооруженных ножами людей – и прямо к Домареву: Давай ключи! Он, конечно, вмиг понял, что от него требуют ключи от сейфов, где хранятся бесценные образцы норильских месторождений. Вл. Домарев попытался им объяснить, что в сейфах нет и не может быть денег. Злодеи явно нервничали, оглядывались, они боялись, что их могут настигнуть. И, очевидно, главный заводила, опять к Домареву с криком: «Мы не за деньгами тут пришли, нам нужны образцы месторождений редких металлов, давай скорей ключи, а то – смерть на месте!» И наступила смерть... Его, Вл. Домарева, зарезали злодеи. Никто не докладывал публике результаты вскрытия тела. Говорили, что его сердце остановилось в результате прямого удара ножом. Другие говорили, что было повреждено и горло – зарезали его!..

...Норильчане, люди, прошедшие огонь, воду и медные трубы, двигались с опущенными долу головами... Глубокий траур охватил всех тех, кто хоть раз сталкивался с Домаревым. Множество людей провожало его в последний путь по главной улице поселка Норильск, через озеро Долгое – на кладбище, что с краю строившегося города.

...Нельзя тут не сказать доброго слова в адрес тогдашнего начальника комбината Владимира Степановича Зверева. Ему доложили, что в пути находится жена, теперь вдова Вл. Домарева Наталия Дмитриевна с осиротевшей девочкой Ирой. Владимир Зверев повелел следить за их прибытием, встретить их и доставить к нему в кабинет. Отложив все дела, он встретил их как родных. Он им рассказывал, что за работник был Домарев и что его смерть – огромная потеря для комбината, но главное, что он

им говорил – это о том, что это был добрый, смелый, сильный и самоотверженный человек! Он выразил им свое глубокое соболезнование и искреннее сочувствие. Он тут же вызвал директора гостиницы и попросил поместить прибывших в уютном 2-х местном номере на 2-ом этаже и снабдить их кухонной и другой домашней утварью, удовлетворять все их потребности. В. Зверев тут же вызвал начальника планового отдела и определил Наталью Дмитриевну на работу в плановом отделе комбината.

Дальнейшая судьба этих осиротевших людей такова. Вдова Вл. Домарева, Наталья Дмитриевна, хоть она была коренная ленинградка, поселилась в Москве – здесь жила ее родная сестра. Не работала, получала заработанную северную пенсию. Ира была принята в Энергетический институт, стала инженером-энергетиком. Легко и хорошо училась, способная была и характер добрый имела, любили ее коллеги по факультету, видимо, Ирина Владимировна много хорошего унаследовала от покойного своего отца. Портрет его висит в ее гостиной в Московском доме в Кузьминках.

Годы летят, время идет, Норильск растет. Немало героической работы совершили геологи, проектировщики, строители и монтажники и другие первостроители Норильска.

Работа продолжается!

Слава Норильска растет!

Но Норильск никогда не забывает и не забудет своих первостроителей и среди них – бывшего ленинградского геолога Владимира Домарева, сложившего свою голову на этой великой стройке.

Имя и дело его – бессмертны.

Апрель 1984 г., № 4

«ГЭФЭ»

К 50-летию Норильска ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Григорий Федорович Бакланов был ленинградец. В Норильске товарищи звали его ГЭФЭ, да и сам он так подписывал свои работы, только без Э, просто две буквы: ГФ.

В юные лета свои, в дни Октября 17 года, он, как сказывали, состоял в комендатуре Смольного. Мощный был детина, стройный и подвижный. Удивительные были у него глаза. Как у ребенка: ясные, чистые, цвета голубого.

Систематического образования он не получил, дипломов не имел. Но знал многое – приобрел самоучкой, с помощью острой наблюдательности.

В Норильске довелось ему одно время работать в проектном отделе комбината совместно с архитекторами. По их заданиям он делал чертежи фасадов, главным образом для промышленных зданий. Доводилось и другие проектные работы выполнять. Так, поручили ему однажды проект парадных дверей для здания общественного назначения, одного из первых в Норильске. Специалисты говорили потом, что он сделал эту работу на уровне настоящего мастера. Всею заставляла его жизнь, как и многих первых норильчан, учиться по ходу дела и на ходу. И все он делал как требовалось, причем, казалось, без особых усилий. Наверное, это свойство всех талантливых людей.

В 1940–1941 годах Григорий Федорович работал на строительстве теплоэлектроцентрали (ТЭЦ-1) в техническом отделе, участвовал в составлении проекта организации работ, в контроле за строительными операциями. Настало время сооружения железобетонного фундамента для первой турбины. Потребовалось сделать деревянную опалубку. Дело оказалось замысловатым. По чертежам, выпущенным заводом-изготовителем турбины, сложно оказалось представить фундамент со всеми его ответвлениями, с местами для закладных частей, для крепежа, с каналами для труб и прочим. Решено было для наглядности изготовить макет фундамента. Для этого требовалась детализовка планов и разрезов. Это поручили Григорию Федоровичу. Он безукоризненно выполнил работу – довольно сложную и весьма кропотливую. Воображение художника, данное ему природой, помноженное на опыт, накопленный в проектном отделе, плюс старание и терпение помогли ему. Выполнял он в техническом отделе «ТЭЦстроя» и другие работы, и всегда хорошо.

Но однажды ГЭФЭ, как говорится, попал впросак. По поручению руководителя стройки он изобразил главный корпус ТЭЦ таким, каким он должен быть в законченном виде, согласно про-

екту. Григорий Федорович выполнил работу по всем правилам. На крыше корпуса, у того места, где располагалась котельная, как положено по чертежам, он нарисовал две трубы. Поскольку ТЭЦ была изображена действующей, из труб к серому заполярному небу поднимались темные клубы дыма.

Всем понравился рисунок ГЭФЭ, все находили его безукоризненным. Руководитель стройки решил похвастаться перед А.П. Завенягиным, который посещал площадку почти ежедневно. Рассмотрев натянутый на подрамник лист ватмана, Абрам Павлович неожиданно для всех высказал критическое замечание. Он сказал, что автор явно сгустил краски, не пожалел туши для изображения дыма. И добавил:

– Такой густой дым свидетельствует о неполном сгорании угля. Так действительно можно вылететь в трубу, «прогореть». А ведь проект ТЭЦ, как вы знаете, предусматривает надлежащую подготовку топлива для оптимального сгорания. Если все выполнить как надо, дым будет еле виден, как будто это пар, а не дым.

Такова была инженерная эрудиция руководителя Норильстроя. А ведь то было время, когда большинство считало: чем гуще дым из труб, тем мощнее дыхание социалистической индустрии. И надо было обладать поистине передовыми и высокими знаниями инженерного дела, чтобы не обольщаться и не обольщать других видимостью, пусть даже внешне и эффектной.

Смутился ли тогда наш ГЭФЭ, случая замечание Завенягина? Или остался при своем мнении, которое разделяли и многие его товарищи-проектировщики, считавшие, что промышленный корпус должен быть изображен с «хорошим» дымом, иначе он будет казаться безжизненным? Трудно сейчас ответить на этот вопрос.

Именно в те годы пробудился у ГЭФЭ талант живописца. Он стал писать маслом – этюды, небольшие картины. Наблюдательность, точный глаз были у него. В основном писал он пейзажи Заполярья, тундры и строительных площадок. Заказывали ему эти работы общественные организации комбината. Пожалуй, громко это сказано, «заказывали». Просили написать. Ну и платили весьма скромно. Но он не обижался, не отказывал. Хотя деньги ему в то время были уже нужны – к нему приехали жена

с дочерью. Они хватили горя в годы войны «на материке», как говорили норильчане. Но Григорий Федорович Бакланов не был корыстным человеком.

Он и закончил свой жизненный путь самоотверженно. Геройски! Глухой полярной ночью, на безлюдной в те часы Севастопольской улице в Горстрое, у дома № 13, кинулся защитить одинокую незнакомку от напавших на нее уголовников. Один из них и нанес Григорию Федоровичу – сзади, в затылок, в сонную артерию! – роковой удар ножом. Женщина была спасена ценой его жизни.

Май 1984 г.

Главный диспетчер строительства

Первостроители Норильска

24 года, почти четверть века, работал в Норильске В.Л. Гарфункель. Большую часть этого периода Владимир Львович стоял у главного диспетчерского пульта строительства Норильска.

Приведем несколько случаев из работы Главной диспетчерской, типичных для периода, когда осуществлялся проект первой очереди комбината.

– Слушаю, Бофстрой!

– Это главная диспетчерская?

– Слушаю вас!

– О, извините, сразу голоса не узнал. Доброе утро, Владимир Львович! Звоню я дежурному диспетчеру.

– Доброе утро! Я его подменяю. Что у вас?

– Да, собственно, ничего особенного...

– Все же?

– Хотел разведать, когда можно ждать состав с кирпичом.

– А он есть в плане на сегодня?

– А как же, Владимир Львович, конечно есть.

– Если есть в плане, о чем беспокойство?

– Да я уверен, что будем с кирпичом, я только хотел уточнить, по возможности, время прибытия состава: там у меня бригада на путях, мороз немалый...

– Будьте на проводе. Кирпичный? Доброе утро! На проводе Бофстрой, интересуются, когда подадите состав кирпича.

– Доброе утро, Владимир Львович, погрузку заканчиваем, ждем паровоза.

– Будьте на проводе. Железная дорога? Доброе утро! Кирпичный ждет паровоза.

– Доброе утро. Паровоз вышел в 6.16.

– Благодарю!

– Горстрой, слушаю.

– Докладываю: небольшое ЧП.

– Говорите!

– Работяга с лесов свалился.

– Здоровье его?

– Отвели на медпункт, лекпом сказал – переломов нет. Самочувствие удовлетворительное. Маленько испугался, отдыхает пока.

– Ясно. Теперь – подробно, как и что случилось. С какого яруса свалился?

– С первого, нижнего. Я там лично не был – у пульта все время.

– Плохо дело!

– Так ведь все обошлось, докладываю для порядка.

– «Обошлось!» А если бы свалился с четвертого яруса? Тогда бы не обошлось. Кому еще сообщили?

– Знают мастер по технике безопасности и, конечно, прораб.

– Ясно, отключаюсь.

– Алло! Техника безопасности? Здесь главная диспетчерская. Что у вас в Горстрое?

– Сигнала не было. Что-нибудь случилось?

– Странно: мне казалось, что вы первый узнаете о всех ЧП. А вы у меня спрашиваете. Я полагаю, что Вам лучше узнать из первоисточника и принять меры.

– Владимир Львович, все же скажите, что за ЧП?

– Рабочий с лесов свалился.

– Так... А с какого яруса?

– С первого.

– Ну, не страшно.

– А если бы с четвертого?

– Мог бы здорово покалечиться.

– И шею свернуть! Так где же гарантия, что кто-нибудь не «сыграет» с четвертого яруса! А? Не слышу ответа!

– Думаю... Пурга, конечно, могла кое-где расшатать леса и гвозди повыдергивать.

– Послушайте, товарищ помощник по ТБ, вы что, первый день в Норильске? Лютая пурга бушевала двое суток подряд, надо было вам вовремя думать. Стоп! Обожди, не отключайся, Горстрой опять тут.

– Владимир Львович, остановили кладку! По всем объектам!

– Что? Опять?

– Да нет, ничего опять не случилось. Просто после того, как человек свалился с лесов, о чем вам доложил раньше, решили все стойки ограждения и настилы повторно проверить и надлежаше укрепить некоторые места.

– Подключи главного инженера конторы. Алло! Значит, простой по всем объектам?

– Мы быстро подстрахуемся в ряде мест и продолжим работы.

– Остановка работ – это тоже ЧП! По-моему, вам лично надо быть там, на месте.

– Уже в плаще – бегу.

– Потом прошу доложить руководству управления.

– Хорошо, Владимир Львович!

– Ну, что скажешь теперь, пом. по ТБ? Пустяки, с первого яруса, а работы остановили... Опять молчишь? Машина у крыльца, отвезет в Горстрой: полагаю, твое место сейчас там, у лесов. Потом прошу лично доложить главному инженеру управления.

– ТЭЦстрой? Доброе утро, как дела?

– Доброе утро, Владимир Львович, все благополучно.

– А подробнее?

– Ночная смена полностью закончила расчистку всех рабочих мест и подходов, плотники также все сделали. Дел было много после того, как пурга буйствовала полных двое суток.

– Пурга с нас всех беспощадно спрашивает... Как погода?

– Тихо, не дует. Минус 44. Всё и все на месте. Будем бетонировать первый башмак под угловую колонну Главного корпуса ТЭЦ.

- Иван Макарович уже прибыл?
- А он со стройки и не уходил со вчерашнего дня.
- Как бетонный завод – всем ли обеспечен? Есть ли запас инертных? Проверьте. Лаборант на месте?
- Сейчас проверю, доложу.
- Не надо докладывать, отключаюсь.
- Центральная лаборатория? Здесь главный диспетчер. Начинают бетонировать фундамент Главного корпуса ТЭЦ. Температура наружного воздуха – 44, тихо.
- В курсе дела. Подбор состава бетона сделан и выдан ТЭЦстрою. Лаборант на месте. Руководство лабораторией прямо из дома, не заходя сюда, отправилось на ТЭЦ.
- Ясно, желаю успеха!

- Слушаю, Дорстрой!
- Нам два трактора занаряжено. Не видно их.
- Будьте на проводе. Центральная автотракторная контора? Как с тракторами Дорстрою?
- Вышли. Должно быть, еще в пути.
- С опозданием, что ли?
- Маленько задержались.
- Может, в пути задержка?
- Немедленно проверим. Результат сообщим.
- Спасибо! Дорстрой? Вам известен маршрут тракторов?
- Разумеется.
- Может, целесообразно встретить? Есть такая возможность?
- Ясно, сделаем все.
- Как придут трактора – сообщите ЦАТК и нам.

Из приведенных переговоров можно получить представление о круге вопросов, находившихся в поле наблюдения Главной диспетчерской Управления строительства. Чтобы представить себе масштабы и объемы ее забот, надо принять в расчет, что количество стройконтор составляло от 10 до 15, промышленные объекты строились хорошими темпами, промышленность местных стройматериалов росла с каждым годом, широко развернулась стройка города, протяженность безрельсовых и рельсовых путей возрастала со всей стройкой, и, наконец, в целом объем го-

довых капиталовложений достигал полумиллиарда рублей. Все это требовало неустанный активного наблюдения, а все сигналы об оперативной помощи – немедленного и полного удовлетворения.

Так жила-работала главная диспетчерская – оперативный штаб строительства Норильска.

В.Л. Гарфункелю было 25 лет, когда началась его норильская трудовая жизнь. Здесь впервые он стал работать на строительстве.

Он был человеком любознательным и остронаблюдательным. Работая, он учился и совершенствовался, впитывал все новое, прогрессивное в строительстве. У него была замечательная способность справляться со значительной информацией, непрерывно поступающей на пульт Главной диспетчерской. Он обладал умом живым, аналитическим и гибким. Память была отличная. Все это давало ему возможность быстро схватывать оперативную ситуацию и выдавать решение.

Авторитет у него был полный, его рекомендации, указания, просьбы не подвергались сомнениям и обсуждениям, ибо всегда были обоснованы и подчинены исключительно делу.

Он органически не терпел никакой фальши, лжи и т. п., он сам являл собою пример искренности, правдивости.

Он был человек слова. Слово стало мерилom оценки деловых качеств работника строительства. Никаких «страховочных» бумаг, ненужных расписок и отписок – никакой бюрократии! Единство слова и дела стало доминантой, главнейшей особенностью всей работы Главной диспетчерской. Это служило добрым примером всем ее ответвлениям. Надо отдать должное заместителю начальника комбината по строительству И.М. Перфилову: он сам был хорошим организатором, и под его началом диспетчерская служба окончательно сложилась, утвердилась и стала действенным оперативным штабом строительства. Владимир Львович пользовался у Ивана Макаровича, да и всего руководства, глубоким уважением и полным доверием. Это в равной степени относится к коллегам Владимира Львовича и его партнерам по строительству. Все его уважали и доверяли ему. Преемники И.М. Перфилова получили хорошую организацию в виде диспетчерской службы и отличного организатора строительства в лице В.Л. Гарфункеля.

Его личный авторитет был столь значителен, что, когда не ладилась работа на новом («большом») кирпичном заводе, начальник комбината В.С. Зверев не нашел другого оптимального решения, как направить туда Владимира Львовича. Хотя он никогда не изготовлял кирпича, да еще из каких-то алевролитов (горная порода, промежуточная между песчаными и глинистыми). В короткий срок он наладил работу кирпичного завода по всем технико-экономическим показателям. И возвратился к пульта Главной диспетчерской.

Владимир Львович являет собой яркий пример работника, выросшего в Норильске в крупного организатора строительства.

Много хорошего можно еще сказать о личных качествах этого человека. Он был добр и справедлив, абсолютно честен и бескорыстен, он был человек гордый: ни перед кем не заискивал, сам не терпел никакой лести, был участлив к чужим невзгодам. Он был верный товарищ.

У Владимира Львовича были отличные помощники в Норильске. Это Федор Михайлович Певзнер, Михаил Самойлович Гольдбрейх и др.

После того, как он проработал в Норильске почти четверть века, врачи решили, что ему необходима смена климата, и ему пришлось расстаться с высокими широтами.

Норильский период был самой яркой страницей в книге его жизни. Однако, когда он в 1962 году, уже в солидном, почти 50-летнем возрасте, возвратился в Москву, выяснилось, что поживать на заслуженном отдыхе рано, и что его опыт и знания могут быть с пользой применены в столице. Ему предложили должность замдиректора ДОК-3 – одного из крупнейших деревообрабатывающих комбинатов Москвы. Он принял предложение. Вскоре его назначили директором этого же комбината. Он отлично вел работу. Авторитет его стал расти. Трижды его избирали в Совет народных депутатов Волгоградского района, он являлся членом Волгоградского РК КПСС. В Москве он проработал 19 лет, в Норильске – на целую пятилетку больше. Не работал этот человек, он горел на работе!

Его труды были отмечены наградами.

В Норильске:

1946 – медаль «За трудовое отличие»

1950 – Знак «Отличник социалистического соревнования».

В Москве:

1970 – Медаль в честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина

1970 – Орден Трудового Красного знамени (работал директором ДОК-3)

1975 – Медаль к XXX-летию победы над фашистами

1978 – Медаль «Ветеран труда»

Был он добрый семьянин, вся его семья – хорошая! Спутница его жизни, Вера Николаевна, была учительницей, прожила в Норильске 19 лет. Старшая дочь, Инесса, окончила школу в Норильске в 1951 году, поступила в Московский педагогический институт им. В.И. Ленина и, окончив его, вернулась в Норильск, где проработала учительницей 13 лет. В Норильске в 1947 году родилась младшая дочь Наталья, сейчас наша норильчанка – кандидат экономических наук. Все потомки семьи Гарфункель живут, работают, учатся в Москве.

10 июня 1981 года завершился круг жизни Владимира Львовича. Даты его рождения и смерти совпали. Он умер в день, когда ему исполнилось 68 лет. На пенсию он так и не собрался – не мыслил себе жизни без работы. Вера Николаевна скончалась в 1985 г. Светлую память родителей, их имена носят внучка и внук...

В скорбный день 5-летия кончины Владимира Львовича ветераны Норильска, все, кто работал и дружил с ним, склоняют свои седые головы в честь и память одного из ярких первостроителей Норильска.

Для «Заполярной правды»

Апрель 1986 г.

Первая зелень (А.Г. Вайшенкер)

К пятидесятилетию Норильска ПЕРВОСТРОИТЕЛИ

Одна ласточка, говорят, весны не делает. Нужно, чтобы за первой прилетела вторая, за ней – третья. И они обязательно прилетают. Каждую весну.

Но ведь без первой не будет второй! Непременно нужна первая, важна первая; почин — он очень важен.

...На переломе первого строительного периода Норильска — а период этот, по самой точной классификации, охватывает годы 1939–1955¹ — на одной из стройплощадок возле Центральной больницы, у ручья Куропаточного², работал среди других молоджавый человек, занимавший скромную должность прораба ремонтно-строительного участка (фактически он был завхоз больницы). Сторонний его работу и не приметил бы. На самом же деле трудов и забот у него было видимо-невидимо, как говорят, под завязку. Был он неугомонный и дело свое любил. День отработает, а, если нужно, и ночь прихватит.

Но самая главная особенность его характера состояла в том, что он постоянно изыскивал возможности сделать что-нибудь новое, полезное для больницы, т. е. для тех, кто вынужден был коротать в ней время.

Удача ему сопутствовала. Впрочем, она, кажется, как правило, благоприятствует тому, кто упорно, искренне, вдохновенно творит свое дело.

Шел июнь. День выдался не столько теплый, сколько тихий, безветренный, ласковый, какими иногда награждает этот месяц норильчан. Стоял полярный день, солнце не торопилось уходить за горизонт — этот период, как мы знаем, длится в Норильске 68 суток — с 19 мая по 25 июля. Все эти сутки солнце лишь приближается к той воображаемой линии, где небо сходится с землей. Спустится до нее и начинает подниматься, чтобы снова в полную силу нести свет и тепло тундре и ее обитателям.

В тот день ходячим больным разрешили на часок покинуть палаты, выйти во двор — подышать свежим воздухом, поглядеть в небо высокое. Двор был небольшой, слева площадка, чуть возвышающаяся над остальной частью. На площадке этой — две скамьи. Туда и потянулись больные.

Когда они приблизились к ним — ахнули, глазам своим не верили — площадка была покрыта... травой! Да, они увидели настоящую, зеленую, сочную, хотя и низенькую траву! Они застыли на месте, пораженные этим чудом-ковром. Не в том дело, что они не видели травы целый год. На строительных площадках, где они проводили большую часть своего времени, да и в самом поселке

Норильск, не до благоустройства было тогда. Так что даже в разгар короткого лета, когда в тундре расцветала всякая зелень и радовали глаз цветы, сюда, на стройку, в поселок и его окрестности, ни одна травинка, ни один жарок не мог прорваться.

И вдруг вот здесь, на пригорке, во дворе трехэтажного здания больницы – трава, весенняя яркая трава! Какое восхищение, какой восторг испытали в тот миг эти люди, многие из которых уже немало лет знали только стройку, только котлованы, пурги, дожди, планерки, тарахтенье компрессоров, грузовиков.

Сколько потом было разговоров в палатах! Казалось, даже болезни отступили в эти часы.

Кто совершил этот праздник? Как это удалось? – спрашивали люди, счастливые в этот день.

А удалось так. Взял наш товарищ однажды солнечным вечером кайло, взрыхлил целину, веками спрессованную с камнями землю, затем лопатой да граблями обработал каждый ком, камни отбросил; дав затем земле прогреться, подышать весенним воздухом, в ее пышную постель бросил семена овса. И, полный сомнений, но и довольный в то же время стал день за днем поглядывать – примется или нет? Ведь до него никто еще не пробовал здесь такого. Может быть, в Норильском совхозе, у Николая Ивановича Невского, и были попытки сеять овес, но товарищу, о котором мы рассказываем, ничего об этом не было известно.

А дождичек, между тем, поливал взрыхленную землю, порой снова ложился на нее снег, стискивал ее морозец июньский. Но жизнь, заложенная в поры земные, прорвалась. Проклюнулись зеленые всходы, потянулись к солнцу. Какую радость испытал он, увидев их! И скоро эту его радость разделили другие, те, для кого и было это задумано.

И представьте – прижилось! Через пару лет стали сеять в начале июня овес и семена трав вдоль улицы Орджоникидзе, потом вокруг памятника Ленину, установленном при въезде в Горстрой.

Да, хоть истина и тривиальная, а хочется повторить ее: нет малых должностей, как и нет и малых дел, если есть люди с добрым сердцем, живой душой. Да, он сделал это первым, и никто, конечно, не вспоминал об этом. За потоком дел, лавиной забот забыли те, кто увидел это чудо возле той больницы, о маленьком приятном эпизоде. Впрочем, для него это значения не имело. Он

и сам-то, скорее всего, забыл о своем почине, увлеченный новыми делами, новыми замыслами.

Но вот еще одно чудо: прошло почти полвека, Норильск стал большим, всемирно известным городом, зеленью в нем никого не удивишь. И вдруг именно нынче вспомнил кто-то ту, первую травку! И того, кто вызвал ее к жизни.

Конечно, люди с холодным сердцем, гордящиеся своим скептицизмом, могут сказать: подумаешь, большое дело, полсотни квадратных метров травы, и такой восторг... Но дело ведь не в размере площади, отвоеванной у тундры. Скептицизм оставим для тех, кто уже мертв от собственной трезвости, сказал Паустовский.

На этом можно было бы и закончить наш маленький рассказ. Но имя этого героя? Да и его можно бы не называть. Пусть будет это просто Добрый Человек. Но справедливости ради можно сказать: раз уж история не вымышленная, стало быть, у героя должно быть конкретное имя. Человек, обладающий им, был первым и во многих других хороших делах в Норильске. И об этом писал в «Заполярной правде» 22 января 1983 года бывший первый секретарь Норильского горкома КПСС И. Савчук в статье «Добрые всегда молоды». Статья была посвящена 75-летию ветерана Норильска, руководителя производства местных стройматериалов в начальные годы, заслуженного строителя РСФСР А.Г. Вайшенкера. Да, это он посеял тогда первую зелень на берегах Куропаточного ручья.

Примечания Шамиса И.А.

1. Ему предшествовал подготовительный период: 1935–1940 гг. Начали строить большой металлургический завод (БМЗ), затем ТЭЦ и город в зиму 1939–1940, когда основная масса рабочих, инженеров, техников, закончив навигацию 1939 года в Дудинке, была переброшена в Норильск. Мы прибыли в него 7 ноября и после небольшого отдыха пошли на стройплощадку БМЗ, на вертикальную планировку.

2. Другая больница – комбината – находилась в двухэтажном деревянном доме между ДИТР и тогдашним зданием управления комбината, в начале Октябрьской улицы.

Апрель 1983 г.

В Норильске почти с первых шагов широкого развертывания строительства (1939/1940 гг.) применялись сборные элементы при возведении промышленных сооружений. Так, при строительстве Центрального ремонтно-механического завода («ЦРМЗ») железобетонные фундаменты под колонны, прогоны, ригеля были изготовлены на дощатых площадках (на «байках») у строящегося корпуса, затем смонтированы на местах сборки. Сборными были небольшие элементы кровли: ребристые железобетонные плитки. Они изготавливались в небольшом цехе железобетонных изделий, который находился на площадке «КИБЗ». По мере развертывания строительства, особенно в городе, ширилась номенклатура цеха железобетонных изделий. Стали изготавливать там дверные и оконные переемы разных типоразмеров, небольшие балки, коллекторные блоки, кольца для смотровых колодцев, сегменты для теплотрасс, поребрики (бортовые камни) для дорог. Но удельный вес сборности был очень мал и указанная продукция погоды никакой не делала; примат оставался за монолитным железобетоном. Но в 1954–1955 гг. началось широкое наступление новой технологии: и в промышленном, и в жилищном строительстве внедрялась сборность; так это было в Москве, в Ленинграде и на других крупных стройках страны. И в Норильске стали задумываться над превращением строительных площадок в монтажные, т. е. в такие, куда доставлялись изготовленные на заводе конструкции и элементы, и здесь бы проводился их монтаж. Сильное впечатление произвел однажды на собравшихся норильских строителей рассказ вернувшегося из поездки в 1955 году в Москву товарища о том, что сейчас изготавливаются заводским путем... железобетонные фермы большого пролета, доставляются они на стройки, где устанавливаются – точно! – на надлежащие места... Тогда же впервые услышали строители слово «трейлер» – автоприцеп для перевозки тяжеловесных неделимых грузов, – их, трейлеров, в Норильске еще не было, да и самих таких грузов еще не было в Норильске. Да, надо перестраивать технологию строительства.

Нужно строить завод железобетонных изделий («ЗЖБИ») большой мощности. Надо широко применять типовое проектирование... Но Норильск – тот самый Норильск – всегда такой восприимчивый ко всему новому, прогрессивному, в данном деле медленно двигался вперед к новой технологии. Норильск шел с явным запозданием. Может, тут сказалось переходное время, совпавшее с близким окончанием I-го строительного периода и началом нового периода?.. Только в 1955 г. началась разработка проекта крупного ЗЖБИ. Первая его очередь вошла в строй только в 1957 г., вторая – в 1959 году. Этот мощный завод стал выпускать пустотелые плиты перекрытий, лестничные марши, площадки, межкомнатные перегородки и много изделий для промышленного строительства.

...В погожий день 1955 года, того самого года, когда «на материке» технология на базе сборности стала прочно завоевывать позиции, у здания управления строительства на Октябрьской улице остановилась грузовая автомашина. Из кабины вышел начальник цеха железобетонных изделий (старенького цеха на КИБЗе), а из кузова тем временем спрыгнуло на тротуар несколько рабочих-молодцов. Они откинули борта и дружно взялись за выгрузку какого-то груза больших размеров. Подхватили ладно и внесли в здание. Оказалось, что груз этот... часть стены жилого дома. Да, это был блок – сборный элемент стены дома! В этом блоке было вмонтировано заполнение оконного проема, т. е. оконная коробка, двойные остекленные рамы с форточками, подоконник и наружный отлив; петли, шпингалеты – все на своих местах. В неглубокой нише под окном укреплен чугунный радиатор отопления, к нему подведены трубы подачи теплоносителя и «обратки». Все выкрашено в светлые тона, 100-процентная готовность! Остается подать блок к соответствующему месту стены и закрепить...

Да, это было событие, оно произвело сильное впечатление. Да, это был первый в Норильске строительный блок в его постоянном виде и в натуральную величину.

Бывший тогда директор Норильского комбината, А.Б. Логинов, ознакомившись в цеху с этим изделием, собрал туда проектировщиков и строителей и пояснил всем тем, что еще неглубоко уразумел, что метод сборности является чрезвы-

чайно важным, в особенности для строительства Норильска – в условиях Заполярья с его сильными стужами и сильнейшими ветрами. Он потребовал срочно и дружно приняться, чтобы сделать все для широкого внедрения сборности по всему фронту строительства.

...Да, изготовлен был первый Норильский строительный блок на первом постоянном полигоне на площадке КИБЗ рядом со старым цехом железобетонных изделий. Изготовлен был по личной инициативе и при неусыпном наблюдении Абрама Генриховича Вайшенкера – того самого, кто когда-то первый вывел в открытом грунте зелень в Норильске. Да, этот блок был тоже первой ласточкой в деле внедрения новой технологии строительства. Этот первый блок призывал: вот, товарищи строители Норильска, ваш новый путь, быстрее становитесь на него. Сим победивши! И победим!

Март–апрель 1983 г.

Океанолог

Сергею Щеглову – дань дружбы

Светлой памяти М.З. Мальт посвящает автор

Работала в УС молодая женщина. Невидная собой, как говорится, неброская. Роста среднего, фигура складная; лицо матовое, чистое; волосы черные, как и глаза. Красивы были руки – кисти да пальцы – изящные. В общении приветлива, доброжелательна; чувствуется умная, эрудированная женщина.

Ведала она в УС подготовкой рабочих строительных специальностей.

– Здравствуйте, Мария Захаровна, – приветствуешь ее при встрече в коридоре УС, – как живы-здоровы?

– Здравствуйте и вы, – ответит она с улыбкой. А здоровье? Не жалуюсь.

Дел много – некогда разговоры заводить.

Случайно кто-то уронил, что М.З. по специальности – кто бы вы думали? Она не больше, не меньше, как океанолог, – так

и тянет написать это слово с прописной буквы и в разрядку – О-ке-а-но-лог.

Не попадались мне такие люди. Но здесь далеко до океана, и занимается М.З. обучением рабочих.

Доводилось бывать на Черном море, купаться в его водах, «пляжиться» на Ланжероне и в Люстдорфе (не знаю, как он теперь называется); с волнением шагать по молу акватории Одесского порта – до самого Маяка (помнится, он назывался Воронцовским, и казалось, что маяк этот на самом краю света); не раз пересекать Черное море – Батуми–Одесса, Одесса–Севастополь, Ялта.

Доводилось пересекать Обь поездом, самолетом. Любовался Енисеем и с берегов, и с палубы парохода, и с самолета.

Видел красавицу Ангору летом и ездил по ней зимой туманной ночью, когда ни зги не видать.

Проезжал южным берегом Священного Байкала. Бродил вдоль берега Уссури при его впадении в Амур, и, конечно, сам Амур видел и даже на халке (большая лодка) ездил на промысел кеты. А Днепр, а Волга с ее притоками, а Южный Буг (моя родина) – все – одно очарование, воистину поэтические места! А вот тут, рядом, есть человек, удивительный человек – океанолог.

– Да, – говорит М.З., – окончила университет, специальность – океанолог.

– Вы ведь и океан видели своими глазами?

– Конечно, – отвечает она, улыбаясь.

– Где же, где? – не успокаиваюсь, допытываюсь я.

– Отправились мы Белым морем, вошли в Баренцево море, где и вели научную работу.

– Ну, а по самому океану тоже плавали?

– Видите ли, между Северным ледовитым океаном нет видимой границы с прилегающими к нему морями – Баренцевым, Карским и др., но есть существенные различия между ними, хотя они и сходны во многом, – ответила М.З., и добавила, что это – разговор особый, в двух словах не объяснишь.

Как интересно все это!

Через какое-то время дошел до нас слух, что М.З. полюбила одного из наших строителей, назовем его Р. Видный был мужчина, пост занимал немалый. Но характер у него был жесткий и многие работники избегали его. Эх, не такого ей полюбить.

А его полюбила. Жила она отдельно – в комнате, которую ей выделило УС. Все, кажется, было у нее хорошо, однако близкие к ней товарищи по работе стали замечать, что М.З. не в духе – и работа не идет, и такое впечатление, будто она витает в другом мире... и до нас, мужиков, докатилась тревога. Что-то случилось. Но кто станет в чужую душу лезть.

А случилось такое. Возлюбленный М.З. был родом из Днепропетровска, там учился, женился, сын родился. Жена его, как мы потом узнали, была женщина довольно красивая – белолицая, с легким румянцем, волосы русые; опытные мужчины говорили, что есть в ней что-то «нордическое» (по классификации Геббельса). Но судьба разлучила супругов: он в Заполярье, она с мальчиком – на Украине. А тут война. Немцы. Фамилия у нее по мужу – не то немецкая, не то еврейская. Говорили, что ее угнали в Чехию. Что она там делала, как жила – никто не знал, но она осталась жива и по окончании войны благополучно вернулась на родину. А затем – сенсация! – она с мальчиком прибыла в Норильск, к законному супругу. И зажили вместе.

Ох, это и была причина того, что М.З. стала сама не своя.

Недолго это продолжалось. И как камень на голову: не стало М.З. Не перенесла, как наши женщины говорили, измену со стороны Р.

Все, кто ее сколько-нибудь знали, затосковали, ходили удрученные. Кое-кто пытался защищать Р.: дескать, прибыла «законная» – куда денешься...

Но все, буквально все, были на стороне М.З. и не только не осуждали ее, но сильно переживали эту трагедию и жалели ее, М.З., и с большим уважением говорили о ее сильном чувстве, о такой удивительной любви, которая оказалась сильнее смерти.

Борису Генину, нашему инженеру, ныне покойному, и мне, грешному, поручили совершенно неожиданное дело: дежурить

в морге, куда доставили покойную. Кто-то придумал такую форму почетного караула. Ночь была довольно холодная, но мы не могли находиться там, где покойная, и забегали только в тамбур, чтобы согреться – и опять на улицу. Молчали – о чем тут говорить. Я курил, товарищ был некурящий.

И чего только не передумаешь за такую ночь. И свою жизнь одинокую – уж не один год, а много лет, и беды людские – и на почве любви и нелюбви, и на почве, скажем, социальной... И невыразимо тяжело на душе за бедную женщину, нашего товарища, женщину-океанолога, нашедшую в себе силы оборвать свою жизнь.

Грустные, печальные стояли мы тесным кругом у могилы, выдолбленной в вечной мерзлоте, куда опустили гроб с М.З. Бросили каждый по горсти земли. Но стояли, не могли уйти.

А он, этот самый Р., не пришел, даже веточку полярной лиственницы не возложил. Не хватило мужества и, прямо скажем, порядочности. Ну кто бы ему тут, на кладбище, сказал слово упрека? Никто бы не сказал, но он струсил.

– Братцы, – тихо сказал один товарищ, – пойдете ко мне – помянем.

– Не пойду, – откликнулся другой товарищ, – хоть не противник я этого варварского обычая – справлять тризну, но никаким спиртом не заглушить боль за человека, с которым простились сейчас.

– Да, такое не вычеркнешь из памяти и с души.

– Да, много у нас было потерь на тернистых путях-дорогах, *nomen illia legio*, – имя им легион.

И опять все умолкли, каждый кого-то вспоминал. Вечная память.

А один из ветеранов про себя вспоминал ушедших товарищей – вспыхнули в его мозгу события, люди.

Марк Рыжевский тут лежит вместе с товарищами своими – всех разорвало на части при зарядке скважины оксидквитом. Были они молоды, энергичны, знали свое дело, работники первого класса. Не стало их. Вечная память!

А инженер Иорданский. Вышел он в поле на изыскания, за Шмидтихой задуло. Не вернулся он. Искали – не нашли. Только

уж в начале лета кто-то обнаружил в тундре, совсем недалеко от горы Шмидта, обглоданные песцами человеческие останки – кости.

Альшиц, инженер-коксовик, совсем юным упокоился под Шмидтихой.

А Марк Белецкий – талантливый экономист – тоже очень рано ушел из жизни.

Тут, на кладбище Горстроя, покоится энергичный Арон Шендерович, главный механик Управления предприятиями стройматериалов, ленинградец. Тут же и другой ленинградец, Григорий Федорович Бакланов (художник «ГЭФЭ»), бескорыстно, не задумываясь, бросился спасать женщину от бандитов – женщину спас, но сам геройски погиб. Фамилию Бакланов девять раз назвал Джон Рид в своей знаменитой книге «10 дней, которые потрясли мир».

А Домарев, Владимир Сергеевич Домарев, тоже ленинградец, главинж Геологического управления, что геройски погиб от рук бандитов ради спасения государственных геологических фондов, тоже здесь покоится.

Вечная память!

Цепкая память ветерана перебросилась в район Шмидтихи. Сколько тут народу лежит! Тут отдельные могилы не долбили, тут силой взрывчатки делали ров (может, не один), в который скидывали «жмуриков» – так называли больных, умерших в больнице у Куропаточного ручья и в других медпунктах; этим покойникам привязывали к большому пальцу ноги фанерную бирку с номером формуляра и – в ров под Шмидтиху.

Немало легло там нас в первые, начальные месяцы войны 41–45 гг.

Работал в Дудинке ленинградец по фамилии Иоффе, был он геолог по образованию и поэт по призванию. И в Дудинке писал стихи. Доставили его в Норильск и обвинили его в том, что в его стихах – скрытый призыв к восстанию. Судили и приговорили за «шесть копеек» – так урки называли приговор к высшей мере наказания (6 копеек, говорили, цена одной пули).

Не один получил за «шесть копеек» в первые месяцы войны. Камеры подследственных в «тюряге» у Нулевого пикета быстро и сверх всякого предела вместимости заполнялись, и быстро те

же люди, прошедшие через суд, заполняли камеры оттуда под Шмидтиху.

В одной из камер был человек, привезенный с кирпичного завода (фамилию вряд ли кто помнит). Был он по профессии драматический артист, играл на провинциальных сценах. Красивый был мужчина, умный, эрудированный. Но кроме всего, он был профессионал-революционер, большевик, в партии – задолго до Октября. После Гражданской войны его послали на политработу в Китай, тогда еще Гоминдановский. Работал затем в Германии, тогда еще Веймарской, был на хозяйственной работе, знал германскую промышленность, в частности, химическую.

Однажды, греясь после работы у печки, работяги завели разговоры о войне. Кто-то туркнул что-то вроде того, что шайками закидаем немцев. Этот товарищ (назовем его «артист») счел своим долгом разъяснить, что немцев шайками не закидаешь, что у них огромный промышленный потенциал, в частности, сильно развитая химическая промышленность, что все это надо учесть, чтобы сделать нам все возможное и одолеть фашистов.

Его взяли, обвинили в расхваливании немецкой промышленности, а это демобилизует наших и льет воду на мельницу врага. Артист подтвердил, что говорил об этом у печки и что он готов и сейчас объяснить всем, что нужно обязательно учитывать немецкий промышленный потенциал, в частности, химическую промышленность. Ему предложили тут же написать подробно обо всем этом в ЦК, что он и сделал, изложив все, что он знал о Германии.

Его обвинили в восхвалении врага, что прямо вредит боевой силе советского народа в борьбе с фашизмом.

Его судили, приговорили и «привели в исполнение».

...А воспоминания все теснятся в голове ветерана.

В 1942 г. начала действовать новая тюрьма – капитальное здание, стены сложены из бутового камня. Находилось вблизи ВЭС-2. Рано утром в полярный день из ворот выезжала машина, крытая брезентом. Рабочие, трудившиеся на расширении ВЭС-2 (находясь на строительных лесах, они наблюдают все, что вокруг делается), утверждали, что под брезентом – казенные, и везут их трупы на Шмидтиху.

В те времена известность получил руководитель выездной сессии Таймырского окружного суда по фамилии Горохов. Попадады от него не было: попал к нему на суд – получай за «шесть копеек». Был он не то косоглазый, не то кривой на один глаз, урки боялись его смертельно и ненавидели. Говорили они про него: Бог шельму метит.

И надо же было такому совершиться. В Туруханске и Подкаменной Тунгуске на стройках работали от Норильска небольшие бригады. На кого-то были заведены дела, и Горохов вылетел судить. Справив дела в Туруханске, куда он прилетел самолетом, он решил поехать в Подкаменную по Енисею. Погрузили дела, харги, и уселся судья со своими подручными в большую лодку да погребли вверх по Енисею – против течения.

Когда лодка была посредине реки, начался шторм – разбушевался Енисей. Волны стали заливать лодку с содержимым. Попробовали пристать к берегу – не смогли. Всех и все накрыл Енисей, даже лодку не обнаружили...

– Братцы, – воскликнул один из товарищей, – глядите: поземка ползет да над Шмидтихой серо-грязные тучи сгущаются – быть пурге.

Печальные, они двинулись с кладбища и растворились во мгле усилившейся поземки – быть большой пурге.

Это реквием ушедшей Марии Захаровне...

Многих грызла мысль: как же все это случилось. Живет человек среди нас, случилась у него беда, и не нашлось никого, кто помог бы пережить трагедию и выстоять, никто не оградил ее: одна она, бедняжка, оставалась со своим горем – и не захотела дальше жить. Эх, проморгали, прозевали мы, черствые, бездушные люди, бедняжку беззащитную, Марию Захаровну.

Когда случилась трагедия с Сергеем Есениным, много сказано было ласковых слов. Но один, важный в те годы политический деятель, сказал о Есенине: «Погибло беззащитное человеческое дитя». Точные слова. И мы вправе их повторить, прощаясь с нашей Марисей: «Погибло беззащитное человеческое дитя».

Reguiem acternam – покой вечный! Вечная память...

25–26 июля 1987 г.

О Ю.В. Кондратюке Штрихи к портрету и биографии

«Независимо от К.Э. Циолковского и будучи незнаком с его исследованиями, Ю.В. Кондратюк оригинальным методом вывел основное уравнение движения ракеты».

Академик В.М. Глушков (1923–1982).

*«Развитие ракетостроения
и космонавтики в СССР», М.1973.*

Имя Юрия Васильевича Кондратюка известно теперь всему миру. А тогда...

В конце двадцатых – начале тридцатых годов автору этих строк довелось трудиться на одном поприще с Ю.В. Кондратюком – на строительстве элеваторов.

Организация, которая вела это строительство, родилась в недрах «Союзхлеба»; выделившись, она получила название «Хлебстрой». Структура ее была простая: в центре, в Москве – трест, а на периферии – конторы районных инженеров, непосредственно руководивших постройкой элеваторов и монтажом их оборудования. Штат конторы Райинжа обычно состоял из трех лиц: районного инженера, техника по монтажу оборудования и бухгалтера.

В те годы строились по преимуществу деревянные элеваторы емкостью порядка трех тысяч тонн зерна, так называемые линейные элеваторы; план на ближайший ряд лет был такой: на всех железнодорожных станциях и речных пристанях, где идет приемка зерна от производителей, построить такие элеваторы – оттуда зерно направлять на мельницы для переработки в муку, на базисные элеваторы для длительного хранения и в порты для отгрузки на экспорт.

Таких линейных элеваторов строили примерно числом 80–90 в год. Оборудование такого элеватора состояло из транспортеров для горизонтального и норий (самотасок) для вертикального перемещения зерна; в рабочей башне элеватора размещали также сепаратор для очистки зерна от примесей.

Все это оборудование приводилось в действие небольшим нефтяным движком. Вот и все оборудование – самое простое.

Так вот в те-то годы Юрий Васильевич Кондратюк и был районным техником по оборудованию элеваторов в Новосибирске – сначала в Союзхлебе, а потом в конторе Райинжа Хлебостроя.

Ежегодно Райинж приезжал в Москву, в Хлебстрой для сдачи отчета. В Новосибирске Райинжем был инженер Горчаков Петр Кириллович, непосредственный начальник Ю.В. Кондратюка. Оба они и приезжали в трест, где трудился автор этих строк, тогда еще числившийся «молодым специалистом».

Горчаков с Кондратюком работали вместе, совместно они и отчитывались о работе – и так они остались в памяти как личности взаимосвязанные, хотя на самом деле они резко отличались друг от друга во всем. Здесь автор позволяет отметить только внешнее различие этих двух товарищей по работе. Горчаков был мужчина среднего роста, коренастый, крепко сложенный. Костюмы носил весьма добротные, как теперь говорят, индивидуального пошива; одежда сидела на нем изящно – весь он выглядел элегантным, столичным – в хорошем значении этого слова. Чувствовалось, что у человека отменный вкус в делах одежды.

Кондратюк – выше среднего роста, худощавый – и благодаря этому казался высокого роста; волосы черные, прямые, черты лица правильные; руки длинные, кисть узкая. Фигура при ходьбе несколько наклонена вперед, шаг большой, энергичный и легкий. Костюм на нем черный, пиджак и брюки не подвергались утюжке, скорее всего, со времени покупки, а это было, как видно, не вчера. Брюки коротковаты, рукава пиджака – тоже; галстук не вполне симметрично повязан. Ботинки – даже по тем временам – старомодные с резинками (ботинок такой модели можно в момент надеть – шнурков нет), ушки ботинок не всегда заправлены внутрь, поэтому низ брюк иной раз цепляется за ушко... Безразличное отношение этого человека к своему внешнему виду невольно бросалось в глаза, тем более, что это резко контрастировало с изящным Горчаковым. Именно таким «нигилистом» личность Кондратюка осталась в памяти.

В деловом плане он ничем не выделялся среди других таких же техников по монтажу оборудования элеваторов, приезжавших с периферии в Москву с отчетами о проделанной работе;

сообщения свои он делал в сжатой, сугубо деловой форме; голос – тихий, ровный. Скромность, неброскость – во всем.

...Главным инженером Хлебостроя в те годы был Михаил Васильевич Вавилов. Это был крупный строитель-организатор. В 1924 году он вместе с Иваном Степановичем Лобачевым, видным хозяйственником, ездил в Канаду, считавшуюся тогда страной классической организации элеваторной системы, – ездили они изучать это дело. Побывали они и в США.

Автору этих строк довелось несколько лет работать с М.В. Вавиловым и однажды, – это было году в 1930 у него на квартире – рассматривая книги, лежащие на письменном столе, он заметил небольшую брошюру, в которой, как он усмотрел, речь шла о «заоблачных» темах. Бессознательно повертев и полистав брошюру, он собрался было отложить ее в сторону, как взор его зацепился за фамилию «Кондратюк». Не сразу, однако, у него ассоциировалась фамилия автора, обозначенная на брошюре, с техником-элеваторщиком Кондратюком. Он продолжал держать в руках брошюру, подсознательно дожидаясь, пока «пластинка не проявится» в сознании.

– Михаил Васильевич, – обратился он к Вавилову, – что это у вас за брошюра?

– Эта брошюра написана и издана нашим техником Юрием Кондратюком.

Это было удивительно!

– Позвольте, по-позвольте, – продолжал, уже заикаясь, свой вопрос собеседник Вавилова, – позвольте, судя, по всему, тут какой-то серьезный математический труд, какое-то исследование?

– Ну да, так оно и есть.

– Позвольте, ведь он же только техник, а тут интегралы и тема, кажется, архи-небесная.

– Все правильно, так оно и есть. Самородок он, Кондратюк. Самородок, – заключил Вавилов. В тоне, каким это было сказано, чувствовалось уважение к личности Кондратюка – к личности «самородка».

Да, это была та самая брошюра, которая теперь всему миру известна: «Завоевание межпланетных пространств». Брошюра издана самим автором в 1929 году в Новосибирске, т. е. за собственные деньги.

И это было удивительно, потрясающе удивительно. Подумать только: где-то в Сибири живет и работает безвестный техник, а занимается проблемами космоса! Занимается этим, не имея ни лаборатории, ни сотрудников, ни руководителей. Удивительно!...

В этой связи вспоминается эпизод из жизни А. Эйнштейна, приведенный в книге К. Зелига «Альберт Эйнштейн».

«Посетив обсерваторию Маунт-Вилсон, Эйнштейн и Эльза заинтересовались гигантским телескопом (с зеркалом диаметром 2,5 метра).

«Для чего нужен такой гигантский инструмент? – спросила Эльза Эйнштейн.

«Его главное назначение заключается в том, чтобы узнать строение Вселенной», – ответил директор обсерватории. «В самом деле? Мой муж обычно делает это на обороте старого конверта».

Да, Ю.В. Кондратюку приходилось работать на «обороте старого конверта» – гению этого, очевидно, достаточно...

В 1931 или 1932 году Горчаков с Кондратюком, как всегда на пару, появились в Хлебострое (он помещался на Каланчевской площади во дворе таможи). Как выяснилось, оба они уходят из Хлебостроя, так как получили поручение от Наркома Серго Орджоникидзе проектировать ветровую электростанцию в Крыму на горе Ай-Петри. В Москве было организовано бюро, которое возглавлял Горчаков, как организатор этого дела. Душою же, как уже тогда говорили, являлся Ю.В. Кондратюк. Сказывали тогда, что станция замышляется в виде огромного железобетонного цилиндра, который должен опираться на железобетонную пятую и поворачиваться в ней против ветра вместе со смонтированными на этом цилиндре конструкциями. Говорили при этом, что самым сложным в этом сооружении является узел опоры и вращения цилиндра, что там создаются усилия трения, что ни один известный материал или приспособление не может противостоять этому. Что, дескать, сам Кондратюк ломает себе голову, но при этом некоторые добавляли: Кондратюк решит эту задачу.

Этим самым уже тогда, – хотя, очевидно, только интуитивно, – признавалось, что Кондратюку под силу решать сверхобычные задачи.

Уже тогда некоторые товарищи, хотя это были только единицы, отдавали дань уважения и, вместе с тем, удивления бывшему технику-элеваторщику, «самородку» Кондратюку Юрию Васильевичу, имя которого стало известно всему миру, имя которого бессмертно.

Октябрь 1974 г.

Новелла о хирургии

Первостроители Норильска

В середине 40-ых годов нашего времени жила-работала на руднике «Угольный Ручей» молодница, хороша собой. И вроде бы счастливая была – так казалось ее соседкам по житию-бытию.

И вот однажды, ночной порой, она пробралась в ламповую и хлебнула немалую дозу электролита.

Удалось быстро отвезти ее в Центральную больницу, что размещалась у ручья Куропаточного в Аварийном поселке.

Юный санитар, доставивший пациентку, доложил, что она отравилась на «любовной почве»...

Консилиум врачей – два хирурга, терапевт, дерматолог и невропатолог – определил: пищевод полностью и необратимо поврежден.

Хирурги, посовещавшись между собой, решили тотчас же оперировать.

Операция предстояла уникальная – сделать пищевод из материала оперируемой и поместить его под кожей на грудной клетке.

Операцию вели хирурги Кузнецов Виктор Алексеевич и Кузнецова Хая Яковлевна, операционная сестра Сорокина Марина.

Пациентка – Кузнецова Таня.

Санитар, доставивший пациентку, – Кузнецов Илья.

Операция была сложная, утомительно долгая. Но хирурги – руки золотые! – с задачей справились.

Автору этих строк было указано явиться на очередную перевязку. Приоткрыв дверь перевязочной, он тут же отпрянул от нее: он заметил на столе обнаженную женщину. Но услышав вслед голос хирурга – заходите! – он робко переступил порог

перевязочной. Ему указали свободный стол, на который он взгромоздился (одна рука была на перевязи). Осмотревшись, он разглядел на одном из ближайших столов ранее им мельком замеченную из проема двери женщину. Она оказалась совсем молодой! Рубашка спущена наполовину. Черты лица привлекательные, выражение – приветливое. По левой части грудной клетки сверху донизу шел заметный багровый шрам. Но он не безобразил больную.

В какой-то момент хлопотавшая возле больной хирург Хая Яковлевна направила взгляд своих обаятельных и выразительных очей в сторону прибывшего на перевязку, приглашает его взглянуть на сидевшую на столе бело-розовую со шрамом обнаженную девушку. (При этом он отметил про себя, что хирург прямо-таки светится – это бывает, когда человек горд своим большим достижением.) Он понял, кто она, эта девушка. Да, это была Кузнецова Таня, подвергшаяся сложнейшей операции. О судьбе этой девушки многие говорили с сочувствием. А о проведенной операции – с восхищением.

Теперь пациентку выхаживали, сейчас идет перевязка под эгидой доброй феи, хирурга, кандидата медицинских наук Хаи Яковлевны Кузнецовой.

А такую больную выходить, всякому ясно, дело далеко не простое.

Была сделана еще операция – завершение первой. Ее выносили. Когда она совсем окрепла, ее отпустили из больницы. К прежнему месту житья и работы, где ее постигло разочарование и несчастье, она не возвратилась.

Видевшие потом Таню и говорившие с ней, сказывали, что у нее отличный вид, что на здоровье не жалуется. Подруги ее даже утверждали, что она не только, казалось, забыла пережитые ею душевные и физические страдания, приведшие ее на край могилы, но и настолько забыла все, что снова пошла навстречу юным радостям.

Такова жизнь...

А наша чудо-фея, хирург Хая Яковлевна Кузнецова?

Много пришлось ей в Норильске сделать разных операций, и среди них – исправление у детей врожденных и иных дефектов нижних конечностей – детских нежных ножек. Вот тут уж мало

только иметь руки золотые – тут надо душу свою положить ради ребенка и его матери!

И сколько матерей – счастливых матерей! – буквально молились на этого детского доктора, как они называли Хаю Яковлевну, которая прославилась и как искусный детский ортопед.

К великому горю, не помогли молитвы материнские. Много личных тяжелых бед пало на плечи Хаи Яковлевны, множество ей выпало душевных страданий.

...Были у нее две девочки. Когда путь ее лег на Восток, ее сестра, тетка девочек, взяла их под свое крыло.

А через три года война нашла на Белоруссию. Нашу троицу определи в эшелон – на Восток страны. Стервятники-фашисты эшелон разбомбили. В панике-суматохе пропала старшенькая: ни в живых, ни в мертвых – всюду и долго искали – не нашли.

Связь с теткой установилась только после войны. Мать, хирург наш, выправила вызов на троих...

...Найдутся ли такие слова, чтобы описать состояние матери, когда она увидела только двоих – тетку с младшенькой...

Это надломило ее силы. Тетка тоже стала чахнуть и, спустя два года, скончалась и покойся она в Норильской земле.

Бегут годы.

Нежданно-негаданно появилась весть, что в Белоруссии живет у людей приемная девочка под той же фамилией, что у нашего хирурга, и под тем же именем, которым нарекли старшенькую при рождении. Полетела мать на Запад на крыльях Аэрофлота – и все ей казалось, что уж больно медленно летит самолет... Потом был поезд от Москвы, затем – автобус в глубинку Белоруссии. Увы, это была не ее девочка.

Вернулась она в Норильск совсем разбитая, и вскоре слегла в параличе...

Лечение не помогало. Решено было сменить Заполярье на климат Подмосковья. Исцеление не пришло.

И хотя и радости в жизни у нее были – жизнь есть жизнь, – но чаша горя потянула книзу. И рано, очень рано закрылись ее чудесные глаза, завершился ее жизненный круг в октябре 1964 года.

Проводили доктора Кузнецову в последний путь родные-близкие и москвичи-норильчане. И покойся она в Дорохове, на высоком берегу Москвы-реки при впадении в нее реки Рузы,

в виду неоглядных рощ лесных и полей широких. Образ ее живет в сердцах всех знавших ее норильчан.

Светлая память!

Среди мирных и военных песен, которые полюбились тогдашним норильчанам, была песня на слова Н.А. Некрасова «Средь высоких хлебов затерялся...». Читатель помнит за душу берущие заключительные строки:

«Будут песни к нему хороводные

Из села на заре долетать,

Будут нивы ему плодородные

Безгреховные сны навевать...»

Март 1986 г.

Резчик

Первостроители Норильска

Был человек в Норильске с редкой фамилией Подопригора. Тихий был товарищ, уже в летах (по сравнению с соседями), приветливый, доброжелательный, но малообщительный. Какая у него была профессия – никто не знал, да и времени свободного не так уж много было, чтобы тратить его на экскурсии в чужую родословную: работа, а за ней отдых – вот основные составляющие жизни первостроителя.

Как и большинство прибывших в начале стройки, Подопригора работал на Промплощадке, где еще велись работы нулевого цикла под здание БМЗ. Работал старательно – он вообще был работяга, человек трудовой. Другой, к примеру, придет с работы – и на боковую, в лучшем случае урвет от отдыха часок перед сном, чтоб «забить козла». А этот Подопригора – непоседа, без дела не сидит: то щепу для растопки заготовит впрок – щепы сырая, надо загодя подсушить, то игла в руке – пуговицу пришивает, завязку у шапки-ушанки крепит и т. п.

А работа на Промплощадке все шире разворачивается. И все больше требуется от Проектного отдела рабочих чертежей и т. п., и без задержек! И перебрасывают пятерку-другую товарищей

с Промплощадки в Проектный отдел. И Подопригору туда направили.

Проектный отдел уже к началу 1940 года сложился как мощная универсальная организация. Ей под силу было решать все проектные задачи, которые ставило строительство Норильска; здесь были специалисты во всех надлежащих областях. По мере развития строительства города там был организован филиал Проектного отдела со штатом архитекторов, конструкторов-строителей и пр.

Сказанное о Проектном отделе, конечно, не может дать даже приближенного представления о масштабе и о самой сути его работы. Только исследовательская работа могла бы осветить историю одного из важнейших звеньев строительства комбината – такое изучение было бы весьма полезно.

Конечно, деятельность тогдашнего Проектного отдела можно увидеть в натуре: это заводы и фабрики, железная дорога нормальной колеи, коллекторы подземные и пр., и сам город, который предстает пред нами за озером Долгим. Его два здания представляются огромными растворенными воротами, радушно приглашающими вступить на его первую площадь – Октябрьскую...

Но мы тут увидим лишь «каменную летопись», а о ее творцах ничего не узнаем. Между тем, это представляет немалый интерес: можно смело сказать, что уровень знаний и опыта норильских проектировщиков был столь высок, что многие из них могли бы составить честь центральным проектным институтам.

Разумеется, в Проектном отделе был штат тех, кого называют техническими работниками, то есть тех, кто трудился на копировальных, счетных и машинописных машинах, кто занимался переплетным делом и другими работами по оформлению проектов и т. д. Вот сюда и был направлен Подопригора. Здесь он работал еще усерднее – условия не такие, как на открытом воздухе. И теперь, придя с работы, он стал заниматься делом необычным: изготовлением из дерева всяких вещиц. Деревяного – кедра, лиственницы – было в Норильске много, деловая древесина сплавлялась по Ангаре и Енисею в Дудинку для Норильска; попадался ясень – от упаковки оборудования, шедшего

сюда Северным морским путем. Словом, недостатка в обрезках не было.

Что ж он изготавливал? Шкатулки и ларцы разной формы и размеров, рамки для фото, табакерки и другое. Изделия украшались резьбой, покрывались лаком. Все отличалось изяществом, художественным вкусом.

И оказалось, что он по профессии резчик, то есть мастер по художественной резьбе. Инструмент свой он делал сам. Конечно, вся работа – ручная. Разумеется, что было весьма скромное «производство»: сработает он за два-три вечера одну вещь – тут и весь «товар». Зато вещь какая – залюбуешься!

...Приходит тут на память сцена из «Кремлевских курсантов». Часовщик пересказывает Владимиру Ильичу басню Эзопа – как лиса высмеивала львицу за то, что она рождает только одного детеныша.

– Да, – отвечает львица, – одного, но это лев!..

Когда у Подопригоры случался материал эбонит, он делал из него пудреницы, портсигары. Все с резьбой. Обычно – картина тундры: небо в Северном сиянии, снег кругом, на переднем плане – олени с нартами и сам хозяин тундры с хореем в руке. Применялась окись меди – тогда резче выделяется след резца по эбониту. Получались изящные, прямо-таки уникальные произведения.

В те, первые годы строительства в Норильск еще не завозились подобные вещи для нужд быта, а потребность была. Значит и заказы были у резчика. Начальство этому не мешало: работа делалась в неурочное время. За труды мастер имел табачок – главное благо. Были и другие, незначительные для заказчиков, имевшие значение для мастера блага.

Впрочем, можно не сомневаться в том, что он не бросил бы этого дела и тогда, когда бы вовсе не получал гонорара: не таков был человек. Не мог он жить без дела, без вдохновенного труда, без красоты, которую творили его руки, доставляя радость прежде всего самому художнику. А что касается компенсации, то это уж как получится – эта сторона была для него на втором плане.

Были и другие мастера, тоже искусные, особенно по эбониту, но Подопригора был *primus inter pares* – первый среди равных. А.Н. Гарри его очень уважал.

Кое-кто может сейчас сказать, что это все мелочи, пустяки. Как сказать! Каждая женщина хочет – и это естественно! – выглядеть элегантно. Завивка, укладка волос имеют здесь важное значение. Но до парикмахерских салонов в Норильске – еще путь долгий. Как быть? Можно завивать волосы нагретым на огне гвоздем – пальцы обжечь, волосы спалить. Конечно, лучше щипцами. И находились такие рукоделы, которые могли «сотворить» щипцы. Конечно, таких вещей делали раз-два и обчелся. Но довелось видеть щипцы да на четыре дорожки – куда больше! – отлично сделанные. Словом, *made in Norilsk*, качество гарантирует... Ну, а к 8 марта – как без завивки! Вот и бегали первые норильские красавицы друг к дружке завиваться самодельными щипцами да пышные укладки делать.

В Норильске все могли сделать из ничего: из обрезков, отходов. Арматуру делали для железобетона – металлолом собирали; вагранку, прокатный стан сами сочинили и соорудили – На РОРе, на «Медведке», где тогда еще конь не валялся – снег кругом да белые куропатки стайками, да белое безмолвие и дорог никаких – завод взрывчатки (динамоны, оксилиивиты – это другая статья). Технологию разработали, проект составили, а оборудование – не с «материка» же возить – война ведь! – сами производили. И многое-многое другое сами сделали для строительства Норильска. Теперь-то что? Дудинка круглый год (кроме как в ледоход) может принимать суда, пришедшие Северным путем: теперь есть могучий богатырь-красавец – атомоход «Россия», которому не страшны никакие льды ни в Баренцовом и Карском морях, ни в Дудинском порту. А тогда! «Морячки» на берегу причалить не могли, на рейде разгружались на портовые баржи.

Да и навигация короткая. Ну где уж тут возить с «материка» щипцы да шкатулки...

Но вот подошел день 8 марта – что подарить подруге жизни? Поломаешь тут голову. Хоть какую-нибудь коробочку-шкатулочку! Вот и выручали, по возможности, рукоделы вроде Подопригоры.

Так и жили: работали-строили, уголек-руды добывали да металл на «материк» на самолетах отправляли.

Недолго жил на свете наш мастер-резчик Подопригора: почки, – говорил он, – застудил. Добрый он был человек – все художники добрые... И покоится он в вечно мерзлой земле под Шмидтихой.

Вечная память ему и всем товарищам-первостроителям, покаявшимся в норильской земле и других местах, – всем им, заложившим основы «Норильского великолепия»...

Март, 1968 г.

Как Бергер от вышки спасся

Встретился я с этим евреем в Норильской тюрьме, на Нулевом пикете, в 1940 г. Тогда многих посадили из лагеря политических, шло следствие. И началась война – следствие ускорили. Бергер был старый коммунист, в прошлом – бундовец, а потом секретарь ЦК компартии Израйля. В 36 году его сцапали. Очень интересный был человек, начитанный. И вот он объявил голодовку, на следствие ходить не может. Лежит на нарах, не двигается. И только раз в несколько суток приходили санитары и, раскрыв ладонью зубы, вливали ему ложку бульона. Урки издевались! «А что же ты даешь, чтобы тебя кормили?» Но они не знали, что не позволить этого нельзя, ведь, получается, рычаг первого рода. Там всех, пока Бергер голодал – больше месяца – быстренько прогнали через следствие – всех, кто сидел. Большинство приговорили в вышке. И компания прошла. Уже к началу 42 года закончили ему следствие – вынесли какую-то незначительную прибавку к его сроку. После 1956 г. Бергер был реабилитирован, и теперь, получается, в Израиле работает в компартии.

Комментарии автора-составителя:

Рассказ Шамиса И.А. записан от руки Щегловым С.Л. в июне 1968 г.

Вот еще несколько отрывочных образов из незаконченных рассказов Шамиса И.А., также записанных С.Л. Щегловым одновременно с рассказом «Как Бергер от вышки спасся»:

«1. Портной-еврей, старый коммунист, образованный марксист, расстрелян в Норильске под горой Шмидтихой в 1942 году.

2. Красавец Черкасов, проницательный актер (далее неразборчиво) расстрелян в Норильске в 1942 году.

3. Еврей-старик с щитом Давида на лбу, вытатуированным шестиугольником: “А меня пуля теперь не возьмет”, – улыбаясь, говорил он мне. Пока сидел – нашелся художник, вытатуировал щит на груди и на спине. Расстрелян».

Настоящий герой этого короткого этюда-зарисовки Шамиса, его тезка Иосиф Бергер, заслуживает отдельного внимания на страницах книги о Норильлаге.

Вот что о нем сообщается на сайте *old.sakorov-center.ru* Музея-Центра им. Сахарова, страница «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы», в предисловии к его книге воспоминаний с очень точным названием «Крушение поколения»:

«Иосиф Бергер (Барзилай) родился в 1904 году в Кракове в еврейской религиозной семье. В 1914 году, когда Краков оказался под угрозой захвата оккупировавшей Галицию русской армии, семья переехала в Вену. Вернувшись в 1916 году в Силезию, они поселились в небольшом городе Билице (впоследствии, после окончания Первой мировой войны, вся эта область, прежде принадлежавшая Австро-Венгрии, стала частью нового независимого польского государства).

Иосиф (Ицхак) Бергер получил одновременно и классическое немецкое, и еврейское религиозное образование. В возрасте 15 лет, во главе группы таких же молодых людей и девушек, под влиянием идей социализма и сионизма, он иммигрирует в Палестину, в то время входившую еще в Турецкую Империю, в результате войны ставшую британской подмандатной территорией. В Палестине он работает сначала на прокладке дорог, потом переводчиком в одной из строительных компаний. В это же время он становится убежденным коммунистом, одним из основателей коммунистической партии Палестины и ее Секретарем.

После принятия компартии Палестины в Коммунистический Интернационал Бергер впервые, в 1924 году, приезжает в Москву в качестве представителя этой партии на конгресс Коминтерна. В Москве он встречается со своей будущей женой Эстер Фельдман и в середине следующего, 1925 года они вместе возвращаются в Палестину. В 1926 году у них родился сын.

В это время Бергер много ездит по Ближнему Востоку, участвует в организации коммунистических партий в Египте, Сирии, Ливане, Трансиордании (продолжая в то же время работать Секретарем компартии Палестины). В 1929 году он снова посещает Москву, где имеет пятичасовую личную беседу со Сталиным по палестинскому вопросу. Позднее, в результате арабского восстания 1929 года, по указаниям Коминтерна палестинская компартия подвергается реорганизации: теперь большинство в ЦК составляют арабы, но Бергер по-прежнему остается Генеральным Секретарем партии.

В 1931 году Бергера отзывают в Москву и направляют в Берлин в качестве Секретаря основанной в 1927 году в Брюсселе Антиимпериалистической лиги. Это дает ему возможность кроме руководителей Коминтерна, таких, например, как Георгий Димитров, познакомиться и с такими лидерами Антиимпериалистической лиги, как Неру. В Берлине Бергер подвергается аресту и проводит несколько месяцев в берлинских тюрьмах Моабит и Шпандау.

В 1932 году Исполнительный Комитет Коминтерна снова вызывает Иосифа Бергера в Москву, где он руководит Ближневосточным отделом Коминтерна. На этом посту Бергер остается два года. В 1933 году он получает советское гражданство и «партийное имя» – Иосиф Бергер.

К 1934 году Бергера начинают смущать некоторые аспекты политической линии, проводившейся в то время, но он все же продолжает оставаться лояльным и убежденным коммунистом. Тем не менее, в ходе проводившейся «чистки» в феврале того же года Бергера исключают из партии (интересно, что о причинах этого исключения ему не удалось ничего узнать даже в процессе реабилитации и восстановления в партии в 1956 году).

В течение нескольких месяцев после этого Бергер работает наборщиком в одной из московских типографий. И наконец, в ночь с 27-го на 28-ое января 1935 года его арестовывают и помещают в Бутырскую тюрьму. Через десять дней после ареста его вызывают к следователю и предъявляют обвинение в контрреволюционной «троцкистской» деятельности. Оказывается, один из его знакомых, профессор, сообщил в НКВД о нескольких пренебрежительных замечаниях, касавшихся Сталина.

Следствие велось два месяца, в течение которых Бергер содержался то в одиночных, то в общих камерах Бутырской тюрьмы. В то время «физические» методы воздействия еще не применялись, и на Бергера оказывалось только психологическое давление с целью заставить его «признаться». В конце концов его объявили «отказывающимся разоружиться идеологическим врагом» и приговорили заочно решением Особого совещания при НКВД СССР к пяти годам ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей) за контрреволюционную троцкистскую деятельность.

В апреле 1935 года его отправляют в Мариинский лагерь в Западной Сибири, где в это время строится спирто-водочный завод. К концу года Бергера переводят в лагерь в Горной Шории, недалеко от Монгольской границы, на строительство железнодорожной линии к городу Таштаголу.

В апреле 1936 года его под специальным конвоем снова доставляют в Москву и помещают в тюрьму на Лубянке в качестве потенциального свидетеля на предстоящем процессе Зиновьева. Попытка использовать его в качестве свидетеля на этом процессе не увенчалась успехом, но его собственное дело пошло на пересмотр и в результате 29 июня 1937 года тем же «Особым совещанием» срок наказания с 5 лет лагерей повышается до 8 лет тюремного заключения.

В июле 1936 года Бергер отказывается от этапа в Сибирь и объявляет голодовку, требуя разрешения на свидание с женой. После сорокачетырехдневной голодовки свидание ему разрешается. В августе 1937 года его переводят во Владимирскую тюрьму строгого режима для опасных преступников, а в декабре – в такую же тюрьму на Соловках, неподалеку от финской границы.

В 1939 году заключенных с Соловецких островов на пароходе «Буденный», следовавшем за ледоколом, перевозят в порт Дудинку в устье Енисея на Таймырском полуострове, а затем в Норильск.

В июле 1941 года Бергера арестовывают в лагере, обвиняют в попытке организации (вместе с группой других политзаключенных) восстания против советской власти и приговаривают к расстрелу. Как Бергер узнал много позже, после реабилитации в 1956 году, это был уже второй смертный приговор; первый,

вынесенный ему в 1937 году, был отменен благодаря личному вмешательству одного из следователей, знавших его. Бергер отказывается подписать собственный смертный приговор, как того требуют инструкции, и снова объявляет голодовку, продолжавшуюся на этот раз 56 дней. В результате невыполненных формальностей и ряда других обстоятельств смертный приговор, вынесенный в Норильске, не утверждается Москвой; вместо этого Бергер осуждается Таймырским окружным судом на 10 лет «с поглощением» неотбытого прежнего срока.

Этот срок Бергер отбывал в лагере в Норильске до сентября 1948 года, когда, после разрыва с Тито, наиболее «опасные» политические заключенные, в том числе и Бергер, стали направляться в тюрьму строжайшего режима – Александровский Централ, вблизи Иркутска. В Александровском Централле Бергер проводит около года, после чего его переводят в специальный лагерь («спецлаг») в Тайшете, где заключенные в то время начинают строить гидроэлектростанцию.

В 1951 году, по окончании второго срока, Бергера освобождают из лагеря и одновременно осуждают на вечное поселение в Сибири.

Впервые после 15-ти лет ему разрешают свидание с женой и сыном, приехавшими к нему в село Пятково (Казачинское) Красноярского края, где он работает ночным сторожем в колхозе.

Вскоре после этого он переезжает в более крупный населенный пункт – Маклаково, около Енисейска. Для физической работы Бергер был слишком слаб, но его поддерживает посылками жена, так как собственных средств не хватает даже на самое скромное существование. В свободное время он переводит Чехова на немецкий язык, безуспешно пытаясь опубликовать эти переводы в Москве.

В 1956 году, через три года после смерти Сталина, Бергер реабилитируется, и, после задержки в связи с отравлением (в результате чего он временно ослеп), 21 апреля этого же года возвращается в Москву. Его жена и сын, немало пострадавшие из-за родства с политзаключенным, настаивают на выезде из страны и на том, чтобы он использовал предоставившуюся ему возможность принятия польского подданства и переезда с семьей в Польшу в 1956 г.

После года в Варшаве, где Иосиф Бергер работает в Польском институте международных отношений, он с женой в 1957 году переезжает в Израиль, куда их сын выехал несколько раньше».

Бергер считался единственным из занимавших крупные посты коммунистов, выжившим в сталинских лагерях и тюрьмах и выехавших на Запад.

В Израиле он жил в Тель-Авиве и читал лекции по политическим наукам с 1968 по 1978 г. в университете Бар-Илан, выступал на радио. Живя в Израиле, Иосиф Бергер написал книгу воспоминаний «Крушение поколения», которая была издана в 1971 г. на английском языке, а на русском языке в переводе Якова Бергера опубликована в 1973 году.

Скончался Иосиф Бергер в Израиле в 1978 г.»

Истопник

(документальный рассказ)

Мы тогда работали в Проектном. Работали в охотку, т. е. с увлечением и с исключительной добросовестностью, впрочем, мы иначе и не умели, – сейчас, когда я уже давно не работаю и вспоминаю, к случаю, те дни, я чувствую известное (только и известное) удовлетворение за свою прошедшую трудовую жизнь.

Товарищи по работе тогда были, я сказал бы, выше меня – кто по интеллекту (как А.Н. Гарри), кто по специальности (как Иван Мажуга), хотя я не чувствовал себя ниже: 1) люди моего окружения были тогда, как бы это сказать, людьми интеллигентными, в самом, может быть, высоком отношении; 2) у меня лично тоже был какой-то багажец, и я мог не «тушеваться».

В перерывах – каждый час 5 минут – мы курили и или молчали, или обменивались разговорами, которые не имели отношения к работе. Работа и коллектив так были по душе, что мы часто работали вторую смену, т. е. уходили только поспать и утром опять на работу.

...Однажды в сильно пуржливый день – была черная туча, ни зги не видать – мы ввалились гурьбой в помещение и нам показалось, что тот, кто оставался печку топить и пр., небрежно отнесся к своим обязанностям истопника. И на него, что на-

зывается, навалились несколько человек, ругая его обидными словами.

Кажется, я, грешный, тоже что-то орал. И чего это мы взбесились? С чего мы сорвались? Надо сказать, что люди эти в массе своей были сдержанными и, вероятно, добрыми. Но иногда, я наблюдал, они срывались. Где то под спудом спал в каждом этакий мизантроп, он иногда пробуждался и брал верх над человеком. Правда, были отдельные зловередные лица. Стоило кому-то поскользнуться, как этот зловередный человек еще и толкнет потерявшего равновесие. Но хуже было, когда зловередный находил поддержку у иных – точно пробуждалось стадное чувство, и это стадо способно было снять своего же товарища, разве только за то, что он попал в беду. Стадо – это страшное дело, это стихия.

Случалось и мне попадать в неудачники, и мне тоже довелось видеть оскал зубов нападающих. Видел я Никифорова – мастер был такой, здоровый, выносливый; дело знал, умел управлять работягами, но был злой. Думаю, был он из кулачья, из «Власти тьмы». Как он радовался, когда видел, как нам трудно на Медвежке – один переход в любую погоду с инструментами «взад-назад» чего стоил (переход с Рудной на Медвежку)!

Был еще под моим началом мастер Яткин, кажется, из Ямало-Ненецкого округа, – вреднейший парень; сговаривался с бригадирами, чтобы требовали активировки и др. Когда я сильно заболел и у меня температура доходила до 40 градусов, и уже были первые испытания продукции и осталось кое-что доделать, я боялся оставить площадку на попечение Яткина и оставался пока не стало уже никаких сил и температура перескочила за 40 градусов. Юрий Натанович схватил меня и на грузовой машине спустил с Рудной до Центральной больницы (ехал я рядом в кабине с шофером, машина все время шла под уклон, и я каждый раз при малейшей неровности дороги стучался лбом о ветровое стекло...).

Со стороны Яткина – ты не думай – эти демарши были не из человеколюбия, а просто демагогия, чтоб нажать себе капиталец и мне напакостить. О, каждый руководитель должен помимо всего прочего знать людей, знать их сильные и слабые стороны и уметь противопоставить их хитростям надлежащие действия

в качестве противоядия. Ох, трудно мне досталась эта стройка – до сей поры помню.

...Ну, так вот, я тоже орал. Конечно, потом, когда была минута раздумья, я себе пальцы кусал, но кому от это легче?! Не надо поддаваться стадному чувству, не следует влезать в шкуру мизантропа – человеком надо быть всегда!..

Когда набросились на нашего истопника (назовем его так), набросились, однако, без кулаков, словами, – он что сделал? Схватил топор, лежавший у буржуйки, и заявил, что если кто-либо посмеет наброситься на него, он его – топором.

Все опешили... Вскоре все занялись своей верхней одеждой, затем – едой, тот раздул огонь в печке так, что она быстро раскалилась чуть ли не добела.

Был он роста небольшого, невидимый такой. Кто он был, что умел делать – вряд ли кто знал.

Запомнилась мне его, прямо сказать, агрессивность, когда он поднял над головой топор.

...В один из первых московских годов я увидел на Кузнецком мосту книгу о Гарибальди. Формат книги большой, книга толстая. Привалившись к прилавку, читал некоторые абзацы.

– Вот это да-а, – смущенный стоял я у прилавка.

– Гарибальди! Герой! – и мне представилось, что у этого человека, поднявшего топор, было тогда что-то от Гарибальди. Да, вот так конфуз! Есть от чего смущаться.

– Но зато находка какая, – сказал я себе и даже почувствовал некий прилив гордости, что я дышал одним воздухом с человеком, который мог написать такую книжищу о моем тезке Джузеппе.

...Прошло еще N лет. В ЦДЛ им. Фадеева мы стояли у гроба Лизы Драбкиной, прощаясь с нею. Грустно было, что и говорить... Вдали, ближе к выходу я заметил небольшую фигуру, голова вся седая. Что-то знакомое? Я узнал его. И хотя я вспомнил свое смущение, я потом, в фойе (не всех пригласили поехать в крематорий) подошел к нему, он меня узнал, и когда начал говорить с ним, у меня отлегло стеснение в груди (за грудиной, как говорят мне врачи, когда у меня стенокардические боли).

Я ему рассказывал, как я его «открыл» в книжном магазине на Кузнецком, и как я был рад этому, что могу лично сказать ему об этом.

Завязался разговор. Он рассказал мне вкратце, что продолжает работу по истории Италии эпохи Мадзини-Гарибальди.

Сказал, что его избрали членом Академии в Италии – какой? Там не одна академия? По моему, он сказал, что членом Академии в Риме. По МСЭ в Риме есть Accademia Nazionale dei Zincai (академия «Рысьеглазых»), основана в 1603 году, есть класс (отделение) истории. В 1958 г. – 136 членов, по СЭС в 1976 г. – 150 членов. Может быть. (Я ведь тогда не уточнял. Избрали – ну и лады). Это сейчас, по-старости, у меня излишняя мнительность (или щепетильность). Но я думаю: Римская в 1976 г. – 150 членов, где же им дать место иностранному члену? Ведь тут на единицы счет идет. Национальная академия США 1976 г. – 1100 членов, 27 почетных; в АН СССР – 241 академик, 437 членов-корреспондентов, 92 иностранных; ну, у нас есть еще академии в союзных республиках, вот на Украине – 120 академиков, 174 член-корреспондентов и т. д. У нас есть АМН и др. Но везде счет идет на единицы! Но хорошо помню, что он мне сказал, что каждый год получает приглашение на сессии в Рим, но не смог поехать.

Вот какой это был истопник...

Почему вспомнил? Читай объявление в «Вечерней Москве». Уходит это поколение.

Примечание автора-составителя:

К новелле приложена вырезка из газеты «Вечерняя Москва» от 23 декабря 1983 г. – некролог:

«Дирекция и общественные организации Института всеобщей истории АН СССР с глубоким прискорбием извещают о скоропостижной кончине на 77-м году жизни известного советского историка, крупного специалиста по проблемам итальянской истории, доктора исторических наук, члена КПСС с 1928г. Абрама Хаймовича Невлера и выражают глубокое соболезнование родным и близким».

Эта документальная ковелла (без названия, с пометкой «Приложение») была приложена к письму И.А. Шамиса С.Л. Щеглову от 25 декабря 1983г. Заголовок для публикации дан автором, составителем книги.

В этом письме И.А. Шамис так прокомментировал свою новеллу:

«Посылаю тебе Приложение. Оно хоть и не праздничное, но из песни слов не выкинешь: ничего, брат, не попишешь. Природу-мать не обойдешь стороной.

Я, правда, лишку дал: расписался шибко, но не смог совладеть с нахлынувшими чувствами и прошу за это прощения».

Периферия

Автор о себе: в Норильске – 1939–1956 вкл., работал: на строительстве БМЗ (в самом начале), в Проектном отделе, на ТЭЦстрое, на РОР'е (в т. ч. на «Медвежке»), на БОФСтрое, в Управлении строительства (в т. ч. куратор периферийных строек Норильска). Возраст – 82,5 лет, ветеран строительства Норильска, ветеран Гражданской войны.

В первом своем 50-лети нори́льчане вели строительство также на берегах Енисея и его бассейна. Это строительство объединялось понятием «Периферия» Норильска. Это тоже трудовая и нелегкая страница жизни и истории Норильска, и она сегодня также должна быть прочитана.

А люди, которые трудились на периферии и достойно представляли Норильск, помянуты добрым словом. Этому и посвящается короткое повествование.

Дудинка. Как только не величают Дудинку! Говорят: Дудинка – ворота Норильска, Дудинка – форпост Норильска на Енисее. Воистину так!

Дудинка – порт, как и весь Норильск, начиналась с нуля.

В первые годы отмечаемого 50-летия Дудинка вовсе обходилась без причалов. Баркасы, лихтеры, буксиры, редкие пассажирские суда швартовались у берега. Тут же разгружались. Когда началось нормальное движение по узкоколейной железной дороге Дудинка–Норильск (1937/38 гг.), часть грузов выгружалась с судов прямо на железнодорожные платформы и отправлялась в Норильск. Другая часть оставалась на хранение на складах в Дудинке; в плановом порядке и эти грузы пойдут в Норильск.

Разгрузка речных судов – барж, лихтеров – проводилась вручную; применялись в небольшом количестве ленточные – гладкие и скребковые – передвижные транспортеры. Тем же порядком производилась погрузка на суда норильского угля.

Плоты круглого леса разгружались с помощью продольных бревнотасок, часть леса тут же отправлялась в Норильск, другая – подвергалась распиловке в Дудинке – в Норильск отгружались уже пиломатериалы.

«Моряки» же, т. е. морские суда не могли подходить к берегу, они оставались на якорях на рейде. К этим судам портовые буксиры подводили баржи, их причаливали с обеих бортов судна. Судовые стрелы подавали грузы из трюмов и палуб на баржи, которые затем буксировались к берегу. Тем же путем – с барж – шла бункеровка морских судов норильским углем.

Трудная, трудоемкая, отнимающая много лишнего драгоценного навигационного времени работа.

Из ранее сказанного ясно, что первейшая забота состояла в том, чтобы создать в Дудинке современное складское хозяйство. Это делалось в полную силу. Строилось жилье. Первые построенные норильчанами постоянные дома в Дудинке, также как и склады, были одноэтажные, рубленые из бревен, то же – и бытовые строения (баня и служебные постройки).

Грузопоток в Дудинку возрастал с каждой навигацией, и уже настоятельно требовалось создание надежных и экономичных обустройств для приема и обработки речных судов. Решение задачи нашли в постройке причалов – на одну навигацию. Они состояли из рубленых бревенчатых ряжей, заполненных камнем. Решение это было временное, для данного этапа, и оно себя оправдало. И тогда с навигации 1948 года появились ряжевые причалы и для морских судов.

Постоянные причалы стали входить в строй только с 1961 года.

Капитальное строительство в Дудинке выполнялось конторой «Портстрой», подразделением управления строительства Комбината: оно планировало капиталовложения для Дудинки, финансировало это строительство. Но фактически контора «Портстрой» была неотделимой частью управления Дудинского порта. Это управление и Норильскснаб постоянно, оперативно занимались всеми делами строительства Дудинки. Значительная

часть рабочих порта трудилась в межнавигационный период на строительстве.

Капитальные, т. е. постоянные причалы порта проектировало Новосибирское отделение Гипроречтранса, морские – Ленморниипроект. Строительство всех причалов до 1980 года велось хоз. способом, после все работы были поручены Мурманморстрою Министерства транспортного строительства СССР.

Много трудов было положено, чтобы Дудинка стала и в дальнейшем была надежным форпостом Норильска на Енисее.

Все речные и морские суда обрабатываются теперь у постоянных причалов, протянувшихся на четыре километра; на 30 причалах, из коих 8 морских, работают мощные порталные краны, трудятся автопогрузчики. Контейнерный парк составляет внушительную величину: двести тысяч единиц (всех типов).

Теперь по всему Енисею, считая к северу от Красноярска и до устья реки, нет такого мощного современного речного порта, как Дудинский; по всему великому Северному пути от Мурманска до Берингового пролива нет подобного морского порта, как порт в Дудинке.

Огромные мощные грузовые потоки устремляются с открытием навигации по Енисею в Дудинку из Абакана, Красноярска, Абакана, Лесосибирска.

Лес сплавляется теперь не с верховьев Ангары, как во все прежние годы, – теперь у Ангары иные заботы: строится Богучанская ГЭС (вскоре состоится перекрытие реки), в планах – строительство Нижнеангарской ГЭС. И снабжение Норильска лесом перешло к району Ярцево на Енисее – от него до Дудинки 1338 км. Количество сплавляемого в Дудинку леса оставляет весьма значительную величину – порядка 260 тысяч кубометров в год.

По Северному морскому пути грузовые потоки идут в Дудинку из наших европейских портов: из Мурманска, Кандалякши и Архангельска, идут из Калининграда через южную часть Балтийского моря, через Северные норвежские моря и далее опять по Северному морскому пути – по Баренцеву и Карскому морям. Встречным потоком идет через Дудинку на «материк» продукция Норильска.

Так в сливающихся воедино в Дудинке огромных грузовых потоках материализуются все усилия предприятий Норильска

и его поставщиков, Норильскснаба и Норильсторга, работников железнодорожного и морского транспорта.

В составе старшего поколения руководящих работников Норильскснаба, создателей и руководителей Дудинского порта наиболее известными – по той огромной работе, которую они вели – были товарищи:

В.Н. Ксинтарис – был начальником Норильскснаба в годы 1948–1950 и 1954–1957; сейчас занимает пост заместителя председателя Госснаба СССР;

Т.Г. Стифеев – в годы 1948–1950 был начальником порта, в 1950–1954 – начальником Норильскснаба;

И.И. Лазарев – ряд лет был начальником, главным инженером порта;

... (неразборчиво) А. Баранов был главным инженером порта 25 лет – с 1948 по 1973 год;

... (неразборчиво) А. Ахрамович был начальником «Портстроя»;

М.Л. Френкель руководил ПТГ «Портстроя».

На руководящей работе в порту много лет работали Л.И. Брагинский, М.Д. Ойхман, А.С. Шляпников.

В Норильскснабе много лет работали С.А. Мар, Р.А. Левенштейн, Г.И. Розентул, Н.М. Друз, А.Н. Злобин, А.В. Мильчаков, С.С. Подольский, Р.М. Кац.

Как известно, В.Н. Ли был начальником порта в годы 1961–1970; А.Г. Кизим на посту начальника порта работает с 1970 года. (пишущий эти строки лишен возможности назвать всех трудившихся и ныне работающих по руководству Норильскснабом и портом в Дудинке).

Особенно значителен вклад в Дудинку В.Н. Всесвятского. В годы 1953–1956 он был начальником порта, затем начальником Норильскснаба с июля 1957 до 1975 года – 18 лет. В эти годы проведены главные капитальные работы по созданию порта. Уместно здесь отметить, что Владимир Николаевич был одним из ведущих строителей ж. д. нормальной колеи Дудинка–Норильск, много сил он отдал участку Дудинка–Кайеркан. Эта дорога сыграла немалую важную роль в строительстве порта и города Дудинка.

Владимир Николаевич возглавляет Московскую контору с февраля 1975 года – скоро 10 лет. В этой конторе руководит от-

делом транспорта, связи и импортного оборудования Ю.Н. Озерских, ветеран Норильска, проработавший там с 1952 по 1972 годы – 20 лет.

Красноярск, правый берег Енисея, до Дудинки – 2028 км.

Много сотен самых различных предприятий в самых разных местах страны работало на Норильск, ведь в Норильск надо все завозить, начиная от экскаваторов и кончая, скажем, школьными пособиями. И завезти вовремя.

Все планы снабжения и перевозок с «материка», а равно планы реализации продукции комбината разрабатываются в Норильске. Сотни специалистов высокого класса заняты этим важнейшим делом.

Реализовывать эти планы призваны конторы и представители Норильскснаба в Москве, Красноярске, Мурманске, Канда-лакше, Калининграде, Воркуте (авиаперевозки), в Абалакове.

Сложная и большая работа!

Из названных контор особо важную роль играет Московская контора, как центральная. Она представляет НГМК в Минцветмете, представляет от имени НГМК в высших плановых органах – в Госплане, Госснабе Союза, в производственных, транспортных и других министерствах и госкомитетах. Она держит постоянную связь с Норильскснабом, его конторами и т. д.

Из всех пунктов, через которые идет снабжение Норильска, наибольшая нагрузка падает на Красноярск.

Подчеркнуть надо следующее.

В настоящее время соотношение река – море, т. е. речных и морских перевозок составляет примерно 3:1; в последующие годы это соотношение, очевидно, будет меняться в сторону морских перевозок. Однако роль Красноярска как перевалочной базы была и остается решающей и такой безусловно останется до той поры, когда железная дорога свяжет Норильск с «материком».

Огромна, трудна и ответственна роль Красноярска в снабжении Норильска!

В соответствии со значением Красноярска Норильск и строил здесь свою перевалочную базу – на правом берегу Енисея. Здесь созданы: значительное складское хозяйство для любых грузов и любых условий хранения; сеть железнодорожных

и автомобильных путей сообщения от станций Енисей и Злобино – к реке; грузовой речной порт – его причалы оборудованы порталными кранами и другими средствами механизации; технические и другие строения и обустройства. Создан жилой фонд.

Все это Норильск создавал – строил и оборудовал, реконструировал и модернизировал – в меру роста его потребностей два десятилетия, 1935–1955 годы.

В эти годы часть грузов в Дудинку перевозилась также грузовыми судами – баржами, лихтерами, которыми располагал комбинат. Подавляющая часть грузов перевозилась Енисейским управлением речного транспорта – «ЕНУРП». Но наступило время, когда ЕНУРП смог взять на себя полностью работу по доставке норильских грузов в Дудинку. Было принято решение, согласно которому Норильский комбинат передавал грузовой порт на правом берегу в Красноярске ЕНУРПу – на ходу по состоянию на 1 января 1956 года. В.Н. Всесвятский представлял Комбинат при этой передаче.

Заметим, что есть такие грузы, которые перевозятся судами ЕНУРПа в Дудинку, минуя Красноярский грузовой порт, которые поступают по железнодорожной линии Ачинск–Лесосибирск, назначением пристань Абалаково, где Норильск создал хозяйство, действующее как цех Дудинского порта; это в известной степени облегчает работу Красноярского грузового порта.

В городе Красноярске, на левом берегу Енисея, Норильск своими силами построил для ЕНУРПа речной пассажирский вокзал. Проект предоставило ЕНУРП, оно же финансировало строительство.

В той же части города, на ул. Ленина, Норильск построил современную гостиницу с рестораном. До этого норильчане пользовались гостиницей, устроенной в двухэтажном бревенчатом доме вблизи Ка... (неразборчиво).

Руководил много лет строительством в Красноярске инженер Ивкин Василий Григорьевич.

Заведовал цехом баржестроения Любарский Александр Самойлович.

Начальниками Красноярской конторы были Березовский А.Л., Никонов А.И., Матеев ... (неразборчиво), Серов В.А., Гайдай П.Ф.

С 1960 года начальником Красноярской конторы является Колендо Ольга Григорьевна.

Подтесово, пристань на правом берегу Енисея к северу от города Енисейска.

Норильск создал здесь гидротехническое сооружение – дамбу для защиты затона, используемого для зимнего отстоя и ремонта судов ЕНУРПа; затон использовал и Норильский комбинат для своих грузовых судов – барж, лихтеров, буксиров.

В Подтесове, также для ЕНУРПа, норильчане построили ремонтно-механический завод, жилые дома и другие строения. Проекты предоставлялись ЕНУРПом, оно же финансировало строительство.

Наиболее известными руководителями в Подтесове были ... вченко (неразборчиво) Александр Платонович – начальник, затем главный инженер; Коляда Василий Нилович – руководитель технической группы; Ктаторов Александр Федорович – преемник В.Н. Коляды, отбывшего в Норильск; Гайдай Павел Федорович, одно время возглавлявший это строительство.

Отметим здесь, что одно время в Игарке было представительство Комбината, был небольшой строительный участок для ремонта барж. Прорабом здесь был норильчанин Элькинд Абрам Моисеевич.

Аэропорты. До войны 1941–1945 годов, в годы войны и в первые годы после нее Норильск не был связан с «материком» регулярной авиалинией. Взлетно-посадочная полоса (ВПП) и здание аэропорта были на Надежде. Самолеты могли также производить посадку на льду вблизи устья реки Дудинка; гидро-самолеты – на Вальке. Но это были только служебные самолеты, и полеты были нерегулярными. В военные годы Комбинату был выделен летный отряд для вывоза норильского металла и доставки в Норильск грузов первостепенной важности. Попутно пользовались этими самолетами для служебных поездок для связи с краевым центром. В отпуск и обратно норильчане ездили на пароходах. Лишь в случаях, когда самолеты были неполностью загружены, допускалось брать на борт пассажиров-норильчан. Летный и технический персонал авиаотряда Комбината был на

высоте своих задач и не уступал в летном мастерстве закаленным в этих широтах летчикам Аэрофлота.

Но трасса Красноярск–Надежда была непростой. Длина воздушного пути – 1800 км, летное время для самолетов той поры – около 6 часов. И ни единой площадки для промежуточной посадки. В аварийной ситуации или при неожиданном ухудшении погоды на Надежде сделать посадку в пути негде. Значит, вылет из Красноярска возможен только при прогнозе на стабильность летной погоды на Надежде, по крайней мере, в ближайшие 7 часов. Но никто не знает, что такое стабильность погоды на Надежде...

Норильск успешно строился, население росло – потребность в регулярном воздушном сообщении стала насущной.

И в конце 1946 года последовало решение построить на Енисее три аэропорта – в Туруханске, Подкаменной Тунгуске и Енисейске. Кому как не Норильску строить эти порты? По указанию из Москвы в конце марта 1947 года был заключен договор между Красноярским территориальным управлением Аэрофлота (заказчик) и Норильским комбинатом (подрядчик) на строительство этих портов.

Для осуществления этого строительства в составе Управления строительства комбината была организована контора «Аэродромстрой» с пребыванием на месте строительства – сначала в Туруханске.

Еще до заключения договора с Аэрофлотом для ознакомления с площадкой строительства и местными условиями в Туруханск вылетели заместитель начальника комбината по строительству Иван Макарович Перфилов (строитель РМЗ, ТЭЦ-1, БОФ), вновь назначенный начальник «Аэродромстроя» Николай Павлович Епишев и куратор строек на периферии управления строительства. Командир корабля выбрал место на большой галечной косе на берегу реки и благополучно произвел посадку тяжелой (по тем меркам) машины СИ-47.

...Строительство аэропортов оказалось делом нелегким. Много было трудностей. В Норильске легче все давалось. Здесь, на «диком берегу» Енисея ничего не было: все до мелочей надо было завозить; построить временные сооружения (гараж, склады и т. п.), проложить временные дороги и т. п., построить вре-

менное жилье и пр. Выявилась неполнота проектов заказчика, пришлось создавать техническую группу в Туруханске, и т. д.

Преодолев трудности, Норильск сумел через полтора года предоставить Аэрофлоту фронт работ в Туруханске для установки оборудования (радиоцентра и др.) и вести подготовку к открытию аэропорта. После этого начались регулярные пассажирские рейсы на трассе Красноярск–Туруханск–Надежда.

Это было значительным достижением! Но стройка продолжалась: надо было закончить гостиницу для пассажиров, помещения для экипажей, дома для работников порта.

Одновременно с этим «Аэродромстрой» начал базирование части своих сил и открыл работы по сооружению аэропорта в Подкаменной Тунгуске. Здесь еще не были полностью закончены работы, как начались работы по сооружению аэропорта в Енисейске, куда затем и переехал штаб «Аэродромстроя».

Регулярность и безопасность полетов по новой трассе были обеспечены.

В 70-ых годах Аэрофлот, в порядке совершенствования этой трассы, провел работы, обеспечивающие прием тяжелых самолетов в Енисейске, Подкаменной Тунгуске, а также и в Игарке.

Аэропорты, построенные норильчанами на берегу Енисея в конце 40-х и в первой половине 50-х годов, способствуют развитию производительных сил районов бассейна Енисея севернее Красноярска.

Н.В. Епишев, как отмечено, был начальником конторы «Аэродромстрой» от начала до окончания работ. Главным инженером был Папенков Василий Иванович, начальником участка – Полозов Алексей Иванович, начальником снабжения – Гольдштейн Юрий Моисеевич. Все они, равно как и рабочие строители и весь остальной персонал, были норильчане. Многие жили там семьями и возвратились на работу в Норильск.

Совхозы. Норильску были переданы 3 совхоза по Енисею: в Шушенском, Таежном и Курейке. Всюду проводились строительные работы: строились дороги, сельхозпостройки, жилые дома. Труды норильчан были полезными.

В Таежном, на живописном берегу Енисея, были построены первые пионерские лагеря для детей Норильска – на 500 мальчи-

ков и 500 девочек, с хозяйственными и бытовыми постройками и жилыми строениями для персонала, были устроены купальни для детей. Проекты спальных домиков разработал норильский архитектор Г.Б. Кочар. В последующем эти пионерлагеря были расширены, теперь уже вдесятеро больше.

Здесь же, в Таежном, вблизи от пионерлагерей построены корпуса дома отдыха для трудящихся Норильска. В его проектировании участвовал норильский архитектор Н.Н. Тороцко. Вместе с Г.Б. Кочаром они осуществляли авторский надзор за работами. Строительные работы выполнял стройучасток, организованный при совхозе. Финансировал строительство Окружком профсоюзов Норильска.

В Курейке, на территории совхоза, были построены сельхозстроения, жилые дома; подальше от берега построен большой современного типа свинарник.

В самом станке Курейка, у берега Енисея, выполнены значительные работы. Построены: фундаментальное, изящное по архитектуре здание, в котором намечался музей, здесь и котельная для него; школа-интернат для детей рыбаков Курейки и ближних поселений; дома для учителей и жителей станка, банк, почта и др. Все строения рубленые, из бревен ангарского леса, котельная – из норильского кирпича. В.С. Зверев, тогда начальник Комбината, уделял этой стройке особое внимание, оказывал всемерную помощь ресурсами и пр.

Рядом со станком в лесу построены рубленые из бревен спальные корпуса в два этажа и хозяйственные постройки полярного пионерлагеря (сам полярный круг – пункт на карте – проходит через Курейку).

Автор проекта новой Курейки и пионерлагеря – норильский архитектор Хорунжий Сергей Константинович.

Работы выполнялись рабочими совхоза Курейки под руководством конторы «Аэродромстрой», начальником участка был Полозов Алексей Иванович.

Северо-Енисейский. По указанию из Москвы Норильск организовал контору по строительству для «Енисейзолото» в поселке Тея на реке того же названия. Организация этой конторы была поручена Г.П. Локштанову – ранее он был проекти-

ровщиком, после – начальником Горстроя, а затем – работником аппарата Управления строительства. Весь персонал конторы был направлен из Норильска в начале 1948 года.

Построены в поселке Тея и в Северо-Енисейском электростанция, механический завод, другие производственные объекты и жилые дома для горняков-золотодобытчиков. Проекты предоставляло «Енисейзолото», оно же финансировало это строительство.

Начальником конторы были последовательно: инж. Хоботов Н.И., Плешков А.Г.; начальником участка – Степанищев Б.С.; руководителем планово-финансовой работы – Шпигель И.Л.; начальником снабжения – Сиамашвили Г.И.

Как видно из этого очень краткого обзора, норильчане плодотворно, на славу поработали также на периферии Норильска. Всюду на этих дальних стройках их всегда встречали как желанных товарищей и – да будет позволено сказать – как людей высокой культуры; провожали с уважением, благодарили за труды.

Руководили строительством на периферии Иван Макарович Перфилов, а затем его преемник на посту заместителя начальника Комбината по строительству, Владимир Иванович Полтава.

Значительную помощь оказывали:

Владимир Львович Гарфункель, главный диспетчер Управления строительства;

Георгий Николаевич Зотов, главный диспетчер комбината;

Лев Абрамович Абелевич, начальник Центральной автотранспортной конторы;

руководство, сотрудники Норильскснаба.

г. Москва, июнь 1987 г.

Для «Заполярной правды», г. Норильск

Звезды, светившие в Норильске

Обширен список замечательных людей, чья жизнь так или иначе связана с Норильском. Одни из них прибыли на его строительство, уже будучи известными, внося немалый вклад в развитие науки, культуры, искусства. Другие выросли здесь либо начали свой путь.

Ученые Н.М. Федоровский, проф. В.К. Котульский, Н.А. Козырев, Н.Н. Урванцев, Г.Г. Моор, М.Д. Фугзан, К.И. Иванов, В.Н. Глазмов. Писатели и журналисты Алексей Гарри, Елизавета Драбкина, Александр Зуев, Иван Макарьев, Абрам Аграновский (до Норильска – сотрудник «Правды» и «Известий»), Давид Кугультдинов, Юрий Сальников, Сергей Снегов, Евгений Рябчиков, Владимир Фролов, Анатолий Шевелев, Алексей Бондарев, Леонид Лям (сотрудник газеты «Известия»). Артист Иннокентий Смоктуновский... Эти имена известны многим. И не только в Норильске.

Николай Михайлович Федоровский, видный советский минералог, член-корреспондент Академии наук СССР, член Коммунистической партии Советского Союза со стажем, начало которого – за четырнадцать лет до Великой Октябрьской социалистической революции, прибыл в Норильск во время Великой Отечественной войны, в начале сороковых годов. Он работал здесь до апреля 1954 года – в горно-металлургическом техникуме, в горной опытно-исследовательской лаборатории. Вел исследовательские работы по минералогии и геологии, организовал минералогический кабинет, читал лекции студентам. Человек разнообразных талантов, Николай Федорович кроме революционной, организаторской и научной работы занимался еще и литературной: писал рассказы, повести, пьесы, стихи. Будучи в Норильске, Николай Михайлович уже в преклонном возрасте составил курс минералогии в стихах. Этот курс он читал студентам Норильского горно-металлургического техникума. За всю историю это одна из немногих попыток выразить в стихотворной форме основы точной науки.

Николай Федоровский в молодые годы являлся одним из видных организаторов-большевиков, профессиональным революционером. Он был председателем Нижегородского губкома РСДРП(б)–РКП(б) с июля по апрель 1918 года. Под его руководством рабочие Нижнего Новгорода установили в губернии и губернском центре советскую власть. Теперь имя Федоровского носит одна из двух набережных города Горького.

С именем профессора Владимира Клементьевича Котульского связано, как и с именем одного из самых известных первооткрывателей Норильского месторождения Николая Николаевича Урванцева, изучение норильских месторождений. В Норильске Котульский находился в расцвете своих творческих сил и много

сделал для геологических изысканий, легших в основу развития Норильского комбината.

Профессор, доктор физико-математических наук, видный советский астрофизик Николай Александрович Козырев также несколько лет работал в Норильске, был сотрудником геологического управления. В последнее десятилетие Н.А. Козырев сделал ряд значительных открытий в астрономии.

Георгий Георгиевич Моор вырос как ученый в Норильске, под руководством Котульского и Урванцева. Его первые труды по геологии норильских месторождений опубликованы в сороковых-пятидесятых годах.

Марк Давыдович Фугзан и Константин Иванович Иванов – талантливые инженеры, много труда вложившие в развитие норильских рудников открытых работ и отсюда начавшие путь в науку. Сейчас оба работают в Москве, в научно-исследовательских учреждениях по горному делу.

Это лишь немногие из имен ученых и видных инженеров, связанных с Норильском. Некоторые из них до сих пор трудятся в заполярном городе (Иерахим Яковлевич Эпштейн, Михаил Васильевич Ким и др.).

Велик список ученых, писателей и журналистов, внесших свой вклад в развитие столицы Таймыра. Вклад некоторых из них изучил краевед Владимир Николаевич Лебединский. Однако по своей биографии он был ближе к «руководящим» кругам первоначального Норильска (тридцатых – шестидесятых годов), а не к «руководимым», среди которых было немало людей, намного превосходивших по своим достоинствам тех, кто ими «руководил».

11 октября 1969 г.

Вот наша улица, вот наш дом!

Улица наша носит имя Сергея Алексеевича Чаплыгина, выдающегося ученого, Героя Социалистического Труда. Десятки лет он прожил в доме номер 1-а и заботился об этом доме. Мраморный бюст А.С. Чаплыгина украшает сквер нашего микрорайона. Рядом – через дорогу – памятник Н.А. Некрасову, в садике – школа его имени.

На этой улице, в этом доме (квартира № 16), жил А.М. Горький. В октябре 1920 года Владимир Ильич Ленин посетил в этой квартире А.М. Горького, провел здесь несколько часов.

Есть чем гордиться жителям этой улицы, этого дома! Много лет живет здесь известный полярник, радист, доктор географических наук, Герой Советского Союза Эрнест Теодорович Кренкель. В этом доме находится клуб его имени. Славен наш дом и своими общественниками. Вот Александра Георгиевна Сакетти и Анна Георгиевна Винникова: многолетний благородный труд в библиотеке клуба имени Кренкеля снискал им широкую известность и уважение в микрорайоне. Вот коммунистка Елизавета Николаевна Метальникова, посвятившая себя многотрудному важному делу – работе в товарищеском суде. Живет здесь старый большевик, член КПСС с 1917 года Тимофей Савельевич Федоров – редактор клубной газеты «За культурный быт». В этом доме живет Вера Александровна Классен, кандидат педагогических наук, руководительница исторического кружка клуба имени Кренкеля, любимая всеми школьниками.

Но особенно хочется рассказать об одном из наших старейших общественников.

...По улице Чаплыгина идет человек, уже в годах, но еще стройный, бодрый. И стар, и млад его приветствуют, многие останавливаются, спрашивая о здоровье, другие просят его совета по всяким житейским делам. И для каждого у него находится время, всех он встречает приветливо.

Человек этот – Моисей Павлович Биргер. 75 лет ему минуло. Более 30 лет он проживал в доме 10а по ул. Чаплыгина, был управляющим этого и соседних с ним домов. Бывший рабочий, солдат в Первую мировую войну (там на фронте был ранен и контужен), он получил при советской власти среднее техническое образование. Два его сына ушли добровольцами на фронты Великой Отечественной войны, один из них – летчик – пал смертью храбрых. Сам Биргер в трудные годы войны был одним из лучших организаторов МПВО, заслужив благодарность начальника МПВО города Москвы.

Без перерыва с 1932 года по 1964 год работал Моисей Павлович в жилищном хозяйстве столицы. 95 Почетными грамотами отмечена его деятельность по управлению жилым фронтом. Те-

перь бывший управдом на пенсии, но и до сих пор можно слышать от жильцов:

– А ведь при Моисее Павловиче лифты работали без перебоев... При нем крыша не протекала... Это был настоящий энтузиаст своего дела. О нем, когда общественность чествовала т. Биргера по случаю 75-летия, говорил Э.Т. Кренкель:

– Бывало позвонишь рано утром по делу Моисею Павловичу – он уже на работе. Вечером позвонишь – он еще не вернулся с работы.

Замечательной особенностью т. Биргера было то, что он всегда и неизменно опирался на силу общественности. Как никто умел он сплотить коллектив и направить его усилия на общественные дела, а их не перечесть. По почину Моисея Павловича создана домовая лавка, обслуживающая чуть ли не 15 тысяч населения, открыт приемный пункт прачечной, подыскано и оборудовано помещение для клуба со зрительным залом на 260 мест и комнатами для занятий кружков.

Активный общественник – он и на 76-м году жизни продолжает служить коллективу в качестве члена центрального домкома. Вот почему т. Биргера так торжественно чествовали в день его 75-летия – от имени исполкома Бауманского райсовета, РЖУ, местной парторганизации, вот почему его приветствовали жильцы, такие люди нашего дома, как академик В.С. Кулебакин, генерал-лейтенант Д.Г. Родионов и многие другие. Вот почему такими горячими были выступления старого большевика С.М. Эпштейна и других представителей общественности.

...Знамениты наша улица и дом, хорошие люди там живут.

И. Шамис, председатель культкомиссии домкома ЖЭК № 7 Бауманского района.

Газета «Благоустройство и жилищное хозяйство» г. Москва, 9 сентября 1966 г.

О Левитане

От редколлегии:

Читатель серии «Евреи в мировой культуре» господин Иосиф Шамис, родившийся в 1902 году (да продлятся дни его до

ста двадцати лет), проживающий ныне в США, прислал в редакцию письмо, в котором привел некоторые факты, известные далеко не всем читателям и, естественно, представляющие, как мы полагаем, немалый интерес. Поэтому редколлегия решила опубликовать письмо г-на Иосифа Шамиса. Вот его полный текст.

Еврейское местечко дало художника Исаака Ильича Левитана. Он живописал Россию. Другой земли, кроме земли изгнания, он не знал. И он отдал свою поэтическую душу чужому краю. Россия считает его русским художником, как впрочем, считает русскими или российскими многих евреев, действовавших в России, – был бы у них талант.

Картины Левитана с благоговением хранит Россия.

Но достаточно посмотреть его полотна: «Над вечным покоем», «Владимирка», чтобы увидеть в них глубокую скорбь. Не еврейская ли это скорбь?..

А вот портрет самого Левитана, написанный Валентином Серовым. Левитан в кресле. Перед нами красивый человек. Прекрасен овал его лица с небольшой бородой, изящен его лоб, вся его фигура дышит изяществом. Его рука – сильная, но легкая и чуткая, – рука художника. Но глаза его! Взгляд его очей полон печали, грусти. Перед нами еврей диаспоры, несущий на себе скорбь вековых страданий...

Он родился в маленьком еврейском местечке, в бедной еврейской семье. Константин Паустовский написал небольшую хорошую книжку «Исаак Левитан». В ней рассказано о трудной жизни еврейского мальчика, попавшего в Москву без средств, без крыши над головой, без связей, одержимого одним страстным желанием – учиться живописи. Между тем, в Москве в те годы была и действовала еврейская община. В нее входили также известные банкиры и строители железных дорог в России братья Поляковы: Самуил, Лазарь, Яков. Их иждивением построена Московская хоральная синагога. Уж эта-то община имела все возможности помочь бедному ученику – художнику, но не заметили московские тузы этого чудо-мальчика из местечка.

Исаак Левитан собственными силами вошел в первые ряды российских живописцев. Имя его бессмертно.

Тяжелейшие условия жизни в детские и юные годы художника не прошли для него бесследно – он приобрел тяжкую болезнь сердца, неизлечимую в то время, и она свела его в могилу в неполных сорок лет.

Незадолго до кончины по его приказу были сожжены все письма, ему адресованные. К счастью, сохранились письма, писанные рукой Левитана. Потом они были изданы.

Левитана похоронили на старом еврейском кладбище в Москве, в Филях (за Дорогомиловской заставой). Когда в 30-х годах развернулась застройка Кутузовского проспекта, муниципальные власти Москвы предложили евреям перезахоронить останки своих близких с кладбища в Филях на кладбище в Востряково (сейчас оно в границах города). Союз художников выделил комиссию для перезахоронения останков И.И. Левитана. В нее вошел и московский художник Лев Старчевский, сообщивший автору этих строк о задачах комиссии. Было решено перенести останки Левитана не в Востряково, а в некрополь Новодевичьего монастыря. Захоронили останки художника рядом с могилой А.П. Чехова. Надгробие, которое в Филях поставил брат Левитана, также перенесли на новое место захоронения. На стеле надгробия, на одной его стороне, сделана надпись на иврите. Заключительные ее строки гласят, что этот памятник поставлен «дорогому брату Ицхаку бен Илиягу». На другой стороне стелы надписи сделаны по-русски.

К этой могиле приходят многие и многие посетители Новодевичьего некрополя, приходят с тем же чувством благоговения, с каким идут они к картинам Левитана, висящим в левитановском зале Третьяковской галереи в Москве.

Иосиф Шамис

Нью-Йорк, январь 1989 г.

Очерки о Шамисе И.А.

Один из первых

Остаются норильчанами

1943 год. Добыча руды в норильских горах все расширяется. Металл, который выплавляют из здешних руд, необходим фронту. Но для того, чтобы больше добыть рудоносного камня, нужно много взрывчатки. А она необходима фронту не меньше, чем металл.

Выход из заколдованного круга предложили норильские инженеры и ученые – А.Д. Яхонтов, Ю.Н. Зинюк, К.Д. Васин и другие. Они разработали технологию изготовления и употребления нескольких сортов местных взрывчатых веществ. Наиболее эффективными оказались оксиликвиты и динамоны. К лету 1943 года Завод оксиликвитов был уже построен и начал действовать. А осенью, в нескольких километрах от него, в глубине нетронутой горной тундры, у Медвежьего Ручья, начали возводить завод динамонов.

Сооружение его поручили инженеру Шамису И.А.

Опыт строительных работ в Норильске у этого человека был довольно значительный. Иосиф Адольфович Шамис вел изыскания площадки под Малый металлургический завод – первенец таймырской индустрии. Участвовал в начале строительства Малой аглофабрики. Потом эпитет «малый» применительно к первым Норильским объектам все чаще стал заменяться на «большой». Осенью и зимой 1939 года Шамис рыл котлованы под Большой металлургический завод (теперь норильчане знают его под именем никелевого). В 1940 году работал в Проектном управлении комбината. А с сорок первого стал одним из активных строителей на руднике Угольный Ручей.

И вот – Завод динамонов. Возвести его надо было в кратчайший срок. Место – отдаленное (взрывчатку нельзя изготавливать поблизости от жилых и промышленных сооружений). Бездорожная тундра. Когда начались пурги, котлованы под цехи стали похожи на колодцы, в которых никак не дойдешь до дна: то, что выкопаешь за день, ночью заметает снегом.

Иосиф Адольфович Шамис вместе с группой землекопов, плотников, каменщиков поселился в балке возле строительной площадки. Работа велась день и ночь, в три смены. Не останавливали ее ни самые яростные пурги, ни жестокие морозы. Активированных часов не было. Не было даже столовой. Обеды привозили с Медвежьего Ручья, а когда путь переметали бесконечные сугробы по макушки столбов электропередач, – довольствовались сухим пайком.

Осенью 1944 года завод был пущен. В карьеры рудника Угольный Ручей – крупнейшего в то время поставщика норильской руды – пришла местная взрывчатка: динамоны. Ее изготавливали под руководством инженера Т.И. Трубы, который вместе с И.А. Шамисом монтировал оборудование уникального предприятия.

Теперь все это – далекая история. Не найдешь даже места, где располагался тот завод. Давно нет и Завода окисилквитов. Закрыт рудник Угольный Ручей.

Нет и многих, кто их строил, эксплуатировал, изготавливал взрывчатые вещества, добывал руду. Но многие из них живы и помнят те поистине героические дни.

Как инженер И.А. Шамис – один из той плеяды, которая пришла в советскую промышленность в первые годы Советской власти и была воспитана в лучших традициях европейского инженерного искусства – глубоких знаний, высочайшей скрупулезности и добросовестности, без которых немыслима настоящая инженерная деятельность. И вместе с тем – широкий кругозор, эрудиция, всесторонняя образованность (абзац дополнен 12.09.1980 г.).

24 января Иосифу Адольфовичу исполняется 70 лет. Он сейчас в Москве, на пенсии.

Но закончить так рассказ об этом человеке – значит не сказать очень важного. Для многих и многих, кто его знает, Иосиф Адольфович – воплощение норильской истории. Любознательность, эрудиция и тренированная память позволили ему еще

в годы пребывания в Норильске (он уехал отсюда в конце пятидесятих годов) стать живым справочником по всем этапам возникновения и развития комбината и города. Не случайно в первой книге по истории Норильска, вышедшей в Красноярске в 1958 году, воспоминания И.А. Шамиса цитировались неоднократно. Читатели «Заполярной правды» с первых ее номеров встречали статьи, корреспонденции, заметки И. Шамиса.

На протяжении двадцати с лишним лет работы в Норильске ему пришлось жить, сотрудничать и встречаться с множеством людей, внесших значительный вклад в развитие заполярного города и его предприятий. А.П. Завенягин, руководители комбината и его подразделений А.А. Панюков, В.С. Зверев, А.Б. Логинов, К.Д. Васин, И.В. Усевич, И.С. Береснев, М.Д. Фугзан, Л.А. Савва; ученые В.К. Котульский, Н.Н. Урванцев, М.В. Ким; строители И.М. Перфилов, В.И. Полтава, Б.Ф. Ермилов, Д.М. Муравьев – в числе тех, рассказы о ком И.А. Шамиса можно слушать, не отрываясь. Многие из своих воспоминаний и встреч Иосиф Адольфович записал. С его помощью удалось восстановить интереснейшие страницы жизни писателей и журналистов, работавших на Таймыре: А.Н. Гарри, А.Н. Зуева, А.Д. Аграновского, Е.Я. Драбкиной. С каждым из них Шамису пришлось трудиться на заре Норильска.

И сегодня Иосиф Адольфович полон сил и энергии, ведет общественную работу в одном из районов Москвы, пишет воспоминания, ценность которых неоспорима. О нем можно с полным основанием сказать: остается норильчанином. Да и разве способен перестать быть им человек, вложивший в строительство норильской индустрии так много физических и душевных сил?

С. Щеглов

20 декабря 1971 г.

Щедрая душа ветерана

О тех, кто были первыми

В Москве, в Кузьминках, в одном из многочисленных новых районов столицы, есть улица Юных Ленинцев. Есть нечто символичное в том, что на этой широкой магистрали живет и рабо-

тает человек, которому в январе 1979 года перевалило за семьдесят семь, который сорок лет назад в числе первых строителей Норильского комбината прибыл на то место, где зарождался поселок Норильск.

Да, Иосиф Адольфович Шамис, несмотря на тяжелый груз лет и всего пережитого, продолжает работать. Работать для Норильска. Нет, он не ходит каждое утро в какую-нибудь контору или НИИ, не перевешивает, как говорится, номерок. Инженер-строитель с огромным и разнообразным опытом, в том числе и по возведению промышленных зданий и сооружений на вечной мерзлоте, он поставил перед собой задачу – рассказать нынешним и будущим строителям Норильска о том, как начинался заполярный гигант металлургии, каковы были первые шаги его славных зодчих, какие инженерные идеи и приемы они использовали для того, чтобы решить новаторскую проблему: построить в снегах Заполярья невиданные заводы и рудники, электростанции и жилые массивы.

До поздней ночи светится окно комнатки на шестом этаже десятиэтажного дома, где за столом сидит человек с поистине феноменальной памятью, заноса в блокноты и папки подробности и детали возведения первых металлургических заводов Норильска, его обогатительных фабрик, шахт и рудников, аэропортов в Туруханске, Подкаменной Тунгуске, Енисейске, совхоза в Курейке, речного порта в Дудинке, дамбы и мехзавода в Подтесове...

Имя этого человека упоминается во многих книгах и публикациях о первых годах Норильска. Подобно тому, как идеи и материалы Н.Н. Урванцева послужили источником для многочисленных исследований по геологии и первым изысканиям руд, углей и других ископаемых богатств Таймыра, воспоминания и рукописи И.А. Шамиса помогли ряду специалистов, писавших о первых годах строительства Норильска, журналистам и писателям, освещавшим те далекие от нас стройки.

Прочитав одну из публикаций Иосифа Адольфовича в «Заполярной правде», И.М. Перфилов спросил его: Как вы все это помните, столько десятилетий прошло? Вы что, записывали, когда начиналось строительство Норильска? Нет, ответил Иосиф Адольфович, я не делал никаких записей. Школа такая: изучать

все внимательно, все делать по совести, жить работой. Оно и откладывалось где-то на полочках, в запасниках мозга... (из письма И.А. Шамиса С. Щеглову 12.05.1985 г.).

Память Шамиса поистине уникальна, редкостна. Можно долгие годы жить чем-то, какой-то работой, но спустя десятилетия в памяти многое стирается. У Шамиса эти потери сведены к минимуму. Полочки в извилинах его мозга заполнены там плотно, в таком идеальном порядке, что диву даешься. Пожалуй, в этом отношении он превосходит А.Н. Гарри, которого в Норильске 40-х годов называли «ходящей энциклопедией».

Недавно журналистка Н.И. Балуева, бывшая сотрудница «Заполярной правды», живущая сейчас в Туле, встретила с И.А. Шамисом и попросила рассказать о его работе.

– Иосиф Адольфович, я слышала, что от чисто технического и хронологического изложения строительства Норильского комбината, которым вы занимались многие годы, вы пришли к систематическому рассказу о людях, начинавших его строительство. Расскажите, пожалуйста, какую цель преследует эта работа и в какой форме вы ведете свой рассказ?

– Переход этот произошел как-то незаметно, но вполне закономерно. По мере того, как я воссоздавал сначала в памяти, а потом и на бумаге историю норильских первыхстроек, передо мной, естественно, возникали образы людей, которые эти стройки вели. Этих людей я знал всех, и большинство – знал очень близко, вместе с ними, как говорится, не один пуд соли съел. Как бы ни были интересны сами по себе эпизоды и этажи норильского строительства, они не могут засверкать всеми красками, если не рассказать о тех, кто их осуществлял. Я инженер, с юности увлечен строительством, много лет работал на ответственных должностях в организациях по возведению элеваторов и мельничных комбинатов в Москве и на Дальнем Востоке.

С тридцать девятого года участвовал в строительстве первых объектов Норильского комбината: теплоэлектроцентрали, большой обогатительной фабрики, рудников открытых работ, завода динамонов; был куратором ряда периферийныхстроек комбината на Енисее: в Туруханске, Подкаменной Тунгуске, Енисейске, Курейке, Таежном, Подтесове, Северо-Енисейске, Дудинке, Красноярске.

Но никогда техническая сторона дела не заслоняла для меня людей, с которыми я работал, которые героически преодолевали небывалые трудности строительства на Крайнем Севере. Всегда восхищали и глубоко волновали меня эти замечательные люди, мои товарищи и друзья, рядовые и руководящие работники армии первых норильских строителей. Так пришел я к мысли о необходимости запечатлеть этих людей, их трудовые подвиги. Проходят годы и десятилетия, все меньше и меньше остается тех, кто начинал Норильск, многое забывается, уходят из памяти людей многие имена. Больше двадцати лет работал я на стройках Норильска. За это время сменилось немало его строителей.

За прошедшие с тех пор, как я уехал с Севера, два десятилетия, еще многие ушли и пришли. Процесс нескончаемый. Фамилии остаются в архивах, документах, некоторые, очень немногие – в книгах, журнальных и газетных статьях, очерках, корреспонденциях. Но это лишь небольшая часть той армии, о которой я говорил выше. И, самое главное, исчезают подробности облика, биографий, живых дел тех людей, людей поистине замечательных. Цель моей теперешней работы – записать всех, кого помню и те детали их жизни, труда, которые мне известны. Уверен, что такие записи очень пригодятся будущим историкам Норильска, помогут правильнее представить дела и быт его первостроителей.

Что касается формы записей, то я избрал самую простую, самую элементарную: алфавитный перечень. Принцип, на котором построены все словари, энциклопедии. Мой старый друг по Норильску, тоже один из первых его строителей, много лет отдавший затем инженерной работе в комбинате, член Союза журналистов СССР Сергей Львович Щеглов, помогающий мне в составлении и редактировании этого перечня, назвал его в шутку «синодиком».

Синодик, как вы знаете, слово церковно-славянское, обозначает список имен. Ну что ж, юмор я ценю и для краткости готов принять такое обозначение моей работы.

– Сколько же места уделяете вы каждому имени?

– Это зависит от места, которое занимал тот или иной человек в строительстве Норильска, роли и дел этого человека. Стараюсь быть кратким, и то уже исписано несколько блокнотов.

– И в какой стадии работа?

– Первый вариант закончен, алфавит исчерпан. Но приходят на память новые и новые имена; кроме того, я разослал «синодик» многим своим друзьям по Норильску, и они вносят в него дополнения, уточнения, поправки. Так возникают многочисленные вставки, исправления. Снова и снова приходится перепечатывать уже, казалось бы, готовое.

– Назовите, пожалуйста, несколько имен для примера.

– Тут уж начну не по алфавиту. Есть человек, имя которого все первостроители Норильска называют с особым уважением: Авраамий Павлович Завенягин. О нем написаны книги, десятки статей. Но каждый, кому посчастливилось с ним работать, имеет свои собственные воспоминания об этом человеке. Есть такие воспоминания и у меня. Поэтому в моих блокнотах Завенягину посвящено несколько страниц, в то время как большинству персонажей «синодика» – не больше одной странички. Инженер-строитель Сергей Павлович Агафонов прибыл в Норильск в 1939 году; Агафонов Александр Иванович, инженер-механик... Абрам Давидович Аграновский, журналист. Борис Иванович Баталин, нормировщик. Веребрюсов, полярный известный летчик. Константин Дмитриевич Васин, горный инженер, впоследствии крупный административный работник союзного масштаба. Александр Емельянович Воронцов, в 1932 году – главный геолог Норильской экспедиции. Владимир Николаевич Всесвятский, один из главных руководителей сантехнических и специальных работ на комбинате. Владимир Львович Гарфункель, много лет бывший главным диспетчером комбината по строительству. Алексей Николаевич Гарри, журналист и писатель. Юрий Натанович Зинюк, инженер-химик. Владимир Степанович Зверев, главный инженер, затем начальник комбината. Михаил Васильевич Ким, теоретик и практик возведения капитальных зданий и сооружений на вечной мерзлоте. Матвеев Владимир Зосимович, первый начальник Норильстроя. Потапов Михаил Георгиевич, инженер-железнодорожник, заложивший основы службы снегоборьбы в Норильске... Ну, сами понимаете, перечислять можно долго, алфавит велик...

– Большое спасибо – и за вашу замечательную работу, и за это интервью. Позвольте пожелать вам больших успехов в вашем очень нужном начинании.

– Передайте мой привет норильчанам. И прежде всего – сегодняшним норильским строителям!

Н.И. Балуева

14 мая 1979 г.

О встрече с И.А. Шамисом в Москве

26 декабря 1984 г.

Долго, несколько месяцев, ждали мы с Иосифом Адольфовичем этой встречи (не виделись с июня, когда провели мы у него с Ольгой Борисовной несколько часов с Юлей и Алешей; а теперь вот и Ольги Борисовны нет, ушла, как любит говорить Иосиф Адольфович, *ad patres* 8 декабря...).

В этот день я приехал в Москву на заседание юбилейной комиссии по Федоровскому, в ВИМС, где мы работали несколько часов с Л.Н. Плющ. А вечером от нее я позвонил Иосифу Адольфовичу и поехал к нему – условились, что у него ночую.

Алла, старшая внучка, уже окончившая институт и работающая биологом в НИИ, накормила нас ужином и ушла; впрочем, после ее ухода мы еще долго сидели на кухоньке мизерной за столиком, и Иосиф Адольфович снова и снова наливал в маленькие рюмочки холодной, приятной «шамисовской», умело настоянной на апельсиновых корочках с отрезанной мякотью водки...

О чем мы только не переговорили в эту ночь – легли в четыре утра! Закончив пиршество, перешли в его кабинетик. Естественно, что все время разговор в той или иной форме возвращался к Ольге Борисовне – ведь 5 десятилетий прожили они вместе, нелегко ему теперь без нее, в 83 года...

Достал он небольшой зеленый альбом, наполненный старинными фотографиями, сделанными в конце минувшего – начале нынешнего века. В основном – семья Мендельсонов. Отец Ольги Борисовны Барух Мендельсон – могучий, с пышными усами – кажется, был он мелким торговцем. Но окончил гимназию, показывал И.А. аттестат об окончании... Мать Ольги Борисовны Фаня Ароновна – полнотелая красавица... А Оля вышла еще милее, еще статней. Смотрю на фотографию – и становится больно

и обидно: неужели нет этого дива на земле? И каким оно, это диво, стало к закату, к 82 годам...

«Вот, остались мне маленькие радости, – говорит И.А. – бумага да карандашик на столе. И Пушкин...»

Я его понимаю! Я ведь тоже подошел к этому, хотя мне почти на 20 лет меньше. Тем более, что этим вечером, дозвонившись от него до Саши (дочь Сергея Львовича, примечание автора-составителя) в Тулу (наша квартира весь вечер не отвечала), я узнал, что Нину (жена Сергея Львовича – примечание автора-составителя) сразу же после моего отъезда утром 26-го декабря на скорой помощи отвезли в больницу с усилившимся приступом аритмии, с почти исчезнувшим пульсом.

Утром я встал в 9. Иосиф Адольфович уже готовил завтрак на кухне (я спал на диване в комнате, где еще полмесяца назад лежала Ольга Борисовна). Мы поели приготовленной им каши с изюмом и отправились к памятнику Есенину на Рязанский проспект (давно, несколько лет был у нас в планах это поход!) По пути зашли в сберкасса, где И.А. оформил новую книжку взамен утерянной им при похоронах.

А мороз тогда крепкий стоял. Подошли мы к бронзовому «Сереге», постояли. И.А. всякие подробности об установке памятника и о его авторе рассказывал. Обошли вокруг. И.А. постучал своей палочкой по постаменту, низенькому, промерзлая бронза зазвучала буднично, как кастрюля медная. Скамеечки фигурные деревянные осмотрели, но мороз подгонял – пошли обратно, как бы не простудился. Проводил он меня до метро и я поехал к Алдан-Семенову.

С. Щеглов

Примечание автора-составителя:

Алдан-Семенов Андрей Игнатьевич (27.10.1908–08.12.1985) – прозаик, поэт. Репрессирован в 1938 г., провел 15 лет в трудовом лагере на Колыме. А.И. Солженицын считал «лагерное» творчество А.И. Алдана-Семенова примером сервильной литературы, обличающей «отдельные перегибы» сталинизма, но не желающей видеть в репрессиях фундаментальный инструмент советского строя.

И.А. Шамис на Совруднике в Северо-Енисейском

Начало 1948 года. На берегах таежной Теи, в одноименном рабочем поселке, развернулась реконструкция кирпичного завода и строительство электростанции. По Тее сплавляли лес и использовали его как топливо для котлов. А в 35 км от Теи, в поселке Северо-Енисейский, где был так называемый Соврудник и куда электроэнергия от Теи передавалась, строились механические мастерские, другие производственные и жилые объекты. В поселок Тея строители прибыли из Норильска – несколько инженеров и хозяйственных работников.

Первую партию составляли инженеры-строители Г.П. Локштанов, Н.И. Хоботов, Б.С. Степанищев, экономист И.Л. Шпигель, Г.И. Сиамашвили и др. Из Норильска они прилетели в Красноярск, там представились заказчику работ в Северо-Енисейском – руководству треста «Енисейзолото», а из Красноярска прилетели на Соврудник.

Н.И. Хоботов полтора года назад работал здесь начальником и главным инженером строительства, его на этом посту сменил А.Г. Плешков. А вскоре сюда прибыл и сорокапятилетний инженер с большим опытом и замечательной эрудицией, в прошлом участник Гражданской войны Иосиф Адольфович Шамис.

В Норильске, в предвоенные годы и в период Великой Отечественной, этот человек немало потрудился на сооружении объектов горно-металлургического комбината: рудников, завода динамонов, предприятий строительных материалов. А в первые послевоенные годы ему была поручена ответственная работа куратора строек, которые вел Норильский комбинат на территории Красноярского края – в самом Красноярске, в Подтесове, Туруханске, Подкаменной Тунгуске, Енисейске, Курейке, Таежном, Тее и Северо-Енисейском. Иосиф Адольфович курировал возведение речных вокзалов и аэропортов, речных портов и складов, гостиниц и жилых поселков, электростанций и дамб, детских лагерей и школ.

И вот – Северо-Енисейский... Вместе с Г.П. Локштановым, Н.И. Хоботовым, А.Г. Плешковым, производителем работ Б.С. Степанищевым, плановиком И.Л. Шпигелем, заместителем начальника стройки по административно-хозяйственной части

Г.И. Сиамашвили, другими работниками Норильского комбината, Иосиф Адольфович с присущей ему энергией и добросовестностью включился в строительные работы по берегам Теи.

Живущий ныне в Северо-Енисейском ветеран строительства Григорий Ильич Сиамашвили вспоминает:

«Трудностей было много. Суровый сибирский климат, трескучие морозы, отсутствие транспортных коммуникаций, недостаток строительных материалов, рабочих, обладающих строительными специальностями – все это и многое другое создавало такие преграды на нашем пути, которые иногда казались непреодолимыми. Но все побеждает человеческое упорство, воля. В короткие сроки был реконструирован и расширен кирпичный завод на Тее. Таким образом была решена важнейшая проблема с основным материалом для возведения электростанции. Помню, с какой настойчивостью и с каким мастерством Иосиф Адольфович Шамис решал технические вопросы, возникавшие в ходе строительства. Дня конечно же не хватало, работали и ночами. Сидишь за расчетами, составлением ведомостей и заявок, глаза слипаются... Методичный Шамис глянет на часы, отложит бумаги, свернет сигарку (курили тогда преимущественно каннскую махорку), скажет: «А ну, братцы, перекурим это дело...». Можно расслабиться, передохнуть, отвлечься на воспоминания о пережитом, о друзьях и товарищах, оставшихся в Норильске, в Грузии, в Москве (там жила и семья Иосифа Адольфовича). Но вскоре мысли и разговоры опять возвращались на заботы дня, предстоящего завтра, на вопросы строительства.

Да, Иосиф Адольфович Шамис – москвич с двадцатых еще годов. Поселился в столице вскоре после того, как вернулся с полей Гражданской войны. И сейчас живет здесь. Возраст у него почтенный. Но он продолжает трудиться, каждый день (да и до глубокой ночи), склонившись над письменным столом, заполняет страницу за страницей, чтобы оставить в памяти потомков имена и дела людей, создававших индустрию Страны Советов. Особенно много ценнейших сведений собрал он по истории строительства Норильского комбината и на его периферии, и в том числе и в Северо-Енисейском (15 июня 1985 года читатели «Северного рабочего» имели удовольствие познакомиться на страницах газеты с его обстоятельной статьей «Вклад нориль-

чан». В ней рассказано о начале строительства на берегу Теи и в Северо-Енисейском).

Прочитав одну из публикаций И.А. Шамиса в газете «Заполярная правда», бывший начальник строительства Норильска Иван Макарович Перфилов спросил его: как Вы все это помните? Столько десятилетий прошло! Вы что, записывали, когда начиналось строительство в те далекие годы? Вроде бы не всегда и условия, и время находились тогда для таких записей. Да и не думали мы, по правде сказать, тогда о необходимости сохранить в нашей памяти подробности, главное было в другом, насущном: скорее и лучше построить...

«Нет, – ответил ему Иосиф Адольфович, – не делал и я никаких записей. Школа жизни у меня такая: изучать все внимательно, все делать по совести, жить работой и с уважением и интересом относиться к товарищам своим, видеть в каждом из них замечательного человека, достойного запоминания. Все это и откладывалось где-то «на полочках» мозга, в его запасниках».

Память этого человека поистине уникальна, редкостна. В самом деле, можно долгие годы жить чем-то, какой-то работой, тесно общаться с людьми, но спустя десятилетия в памяти многое стирается, исчезает бесследно. Таково уж ее свойство. У Шамиса эти потери сведены к минимуму. Впрочем, иногда мне кажется, что их у него вообще нет. «Полочки» в «запасниках» его мозга хранят такое обилие сведений о людях и событиях, содержат их в таком идеальном порядке, что диву даешься. Пожалуй, в этом отношении он превосходит даже писателя А.Н. Гарри, которого в Норильске 40–50-х годов называли «ходячей энциклопедией».

...Светят огни на таежной Тее. Светятся поздней ночью окна в одном из двенадцатизэтажных домов на улице академика Скрябина в Москве. Склонился над записями сухошавый человек в шерстяном свитере. Он работает над очередной статьей для «Заполярной правды», «Красноярского рабочего», «Северного рабочего», других газет. Годы ограничили его подвижность, он уже не забирается по строительным лесам, не забегает в самолет по трапу, не прыгает в лодку, чтобы добраться до енисейского корабля. Но рук он не сложил. «Сил и удачи!» – так заканчивает он каждое письмо к каждому из многочисленных друзей, с которыми ведет переписку. И переписка эта не просто друже-

ская. Это переписка еще и деловая. Одному он предлагает одно, другому – другое, с третьим советуется, как лучше сделать какое-то важное дело. Вот он хлопочет, чтобы увековечили память геолога, погибшего на трудовом посту. Вот собирает материалы о строителе, отдавшем много десятилетий возведению объектов на Крайнем Севере...

Много забот и хлопот у ветерана Иосифа Адольфовича Шамиса. И в этом он видит свое нынешнее счастье.

С. Норильский

30 ноября 1985 г.

Иосиф Шамис, бытописатель Норильска

К 100-летию со дня рождения

Вы не найдете имени этого человека в энциклопедических словарях и справочниках, он не оставил после себя ни одной книги. Хотя прожил долгую жизнь, и большую часть ее посвятил написанию истории Норильска, одним из первых строителей которого являлся.

На его воспоминаниях основывались многие публикации, начиная с первого краеведческого очерка «Город Норильск», изданного в Красноярске в 1958 году. Одним из первых он увековечил имена таких норильчан, как Евросиния Керсновская, Владимир Домарев, Борис Гальперин.

Вот несколько строк из «Города Норильска»:

«К концу ноября 1939 года, – вспоминает И.А. Шамис, – площадка строительства «большого металлургического завода» превратилась в своеобразную горноснежную страну с множеством оврагов, плато и ущелий. Транспортные средства были парализованы, – даже на санях, с лошастью было не пробраться. Снегоочистителей тогда в Норильске не было. Приходилось делать тоннели для сообщения между отдельными участками, между рабочими местами, забоями, отвалами. Пурга еще раз показала норильчанам, что она – их злейший и самый опасный враг... Снег представляет такую уплотненную, спрессованную ветром массу, что разработка его обычной лопатой ничего не давала. Пустили

в ход кайло — то самое, при помощи которого разрабатывался грунт. Несколько позже появился инструмент в виде большой мотыги, при помощи его и «проходил» снежный «забой».

Так мы с Алексеем Бондаревым, авторы «Города Норильска», цитировали почти сорок лет назад воспоминания Иосифа Шамиса. Уже тогда папки с его рукописями представляли большую ценность для историков и бытописателей Норильска. А Иосиф Адольфович выкапывал из своей необъятной памяти и заносил на бумагу все новые и новые факты, детали, события, имена первостроителей города за 69 параллелью.

Этого трудолюбивого эрудированного инженера, в прошлом участника Гражданской войны на стороне советской власти, завезли в снега Таймыра в составе первых этапов заключенных. Как и многие тысячи граждан, искренне преданных новому строю, устанавливавших и защищавших его, Шамис обвинили в страшных контрреволюционных преступлениях. Подручные сталинского наркома Ежова старались всю, выполняя план «великой чистки» 1937–1938 годов. Чего только не значилось в лагерном формуляре зека Шамиса: и вредительство, и саботаж, и антисоветская агитация. Срок был: десятка.

В первые дни Великой Отечественной, когда по всем лагерям прокатилась новая «чистка» политических заключенных, Шаимс оказался среди тех, кого изъяли из лагерных отделений и поместили в тюрьму возле Нулевого Пикета с целью заменить сроки на расстрел. Никто до сих пор не знает, сколько сотен первостроителей-заключенных получили тогда пулю в затылок и погибли под Шмидтихой.

Каким-то чудом судьба пощадила сорокалетнего инженера Шамиса. Много рассказывал мне потом Иосиф Адольфович о тех ночных допросах, о том, как уводили из камер на расстрел ни в чем не повинных заключенных. Вот об этом он только рассказывал, не записывал ни строки. Как ни убеждал я его записать, даже десятилетия спустя, когда он был полностью реабилитирован, жил и работал в Москве, пользовался привилегиями как участник Октябрьской революции и Гражданской войны, — он не записал ни слова.

Столь глубоко засел в душу страх от пережитого, столь безотказно действовала сила расписок, вырванных у людей о том, что

они никогда, ни при каких обстоятельствах не разгласят свершенные против них и всего народа преступления. Даже во времена перестройки, даже при Ельцине, когда перестал существовать Советский Союз, была распущена Коммунистическая партия, опасение, что страшное прошлое может вернуться, тяжким грузом давило на сознание, парализовало волю и заставляло пользоваться эзоповым языком при попытках выложить на бумагу пережитое.

Этому страху были подвержены за редчайшим исключением все прошедшие сталинские лагеря и тюрьмы. К таким исключениям принадлежала Евросиния Керсновская, которая, выходя из лагеря, отказалась дать расписку в том, что никогда никому не сообщит о лагерном и тюремном быте, об увиденном и пережитом в застенках, а потом и написала обо всем без утайки.

Из письма И.А. Шамиса, присланного из Нью-Йорка, где доживал он свой век, в марте 1992 года:

«Кто-то мне прислал из Москвы «Огонек» №№ 3 и 4 за 1990 г. со статьей «Житие Ефросиньи Керсновской» с великолепными рисунками из той жизни. Я узнал Фросю в центральной больнице у Куропаточного Ручья, куда попал с Медвежки, строя завод взрывчатых веществ – динамонов, с воспалением легких. Фрося – сильная, смелая, умная, бесстрашная, самоотверженная, честная, образованная, знает девять языков, художница от Бога.

После реабилитации купила небольшой домик с садиком в Ессентуках-2, где живет до сих пор. Ряд лет мы с ней с интересом переписывались... Вот бы тебе, Сережа, поехать в творческую командировку в Ессентуки и написать книгу с ее рисунками (в цвете). Вот была бы сага о Севере, памятник нерукотворный. Фон-Норильск, бытие наше. Это очень интересно, это – наш долг. Я благословляю тебя на этот труд! Если ты возьмешься, я дам тебе воспоминания о больнице, о Фросе и о другом (мне уже такое дело не поднять)».

И тут, на самом конце жизни, Иосиф Адольфович не изменил привычной осторожности: «Кто-то мне прислал...», «той жизни». «Огонек» 1990 года был первой публикацией рисунков Керсновской и материалов о ней в центральной прессе. Но самые первые воспоминания об этой удивительной женщине появились задолго до того в «Заполярной правде» Норильска. Принадлежали они И. Шамису и назывались «Сестра Фрося».

На страницах «Заполярки» были опубликованы и другие ценнейшие воспоминания Шамиса о начальных днях Норильска и его ветеранах, а также и статья о нем (приуроченная к его 70-летию).

В 1977 году Иосиф Адольфович передал мне несколько блокнотов, в которых со свойственной ему тщательностью в алфавитном порядке были записаны многие сотни норильчан-первостроителей, живых и мертвых. Зная, что я с сороковых годов занимаюсь историей Таймыра, начинал эту работу еще с Анатолием Ивановичем Щевелевым, потом издал первую краеведческую книгу о Норильске, напечатал множество статей и очерков на эту тему в газетах и журналах. Он был уверен, что его записи не пропадут, будут использованы, притом со ссылкой на автора, так что и его труд будет увековечен, как сам он увековечил имена тех, кто был уже давно забыт новыми поколениями норильчан.

Так началась наша совместная работа по составлению списка ветеранов Норильска, который мы между собой называли просто «синодик». Неточное это название (неточное потому, что в списке, повторяю, были не только умершие) утвердилось между нами в силу его краткости, лаконичности. Я перепечатал список на машинке в нескольких экземплярах, один отправил Шамису в Москву, два оставил себе для работы, и мы стали его дополнять и расширять сведения о внесенных туда людях. Так продолжалось несколько лет. Я еще раз перепечатал, разослал знакомым норильчанам. Развернулась обширная переписка, выявлялись сотни новых персонажей. В 1988 году я отправил с согласия Иосифа Адольфовича первый экземпляр – 46 страниц – в Норильский музей, которым тогда заведовала Лидия Григорьевна Печерская, всячески поощрявшая наши изыскания.

Однако список этот был мною доведен лишь до буквы П, остальные – до Я – по сей день в последнем из блокнотов Шамиса, испещренном вставками, поправками и дополнениями. Полагаю своим долгом довести эту работу, начатую моим другом, до завершения в полном объеме.

Как уже сказано, Иосиф Адольфович окончил жизненный путь вне России. После смерти жены Ольги Борисовны жил он в семье дочери, потом внуки. Зять и муж внуки – талантливые физики – получили приглашение работать в США и дали

согласие. Оставаться одному в 85-летнем возрасте Шамису не улыбалось, и он, скрепя сердце, покинул родину вместе с родственниками. Получил комнату в Нью-Йорке на самом берегу Атлантического океана и продолжал исторические и философские изыскания. Умер 13 июля 1994 года на 93 году жизни. До последних дней мы активно переписывались. Дружба наша продолжалась 52 года.

Уезжая, оставил Иосиф Адольфович мне свой богатейший архив и большую часть обширной библиотеки. До сих пор эти богатства не разобраны полностью. То, что удалось разобрать, я передал Норильскому музею. Надеюсь, работающие там замечательные люди, энтузиасты, специалисты-историки используют труды Шамиса на благо Норильска.

С. Щеглов

5 января 2002 г.

И. Шамис

Хронология строительства Норильска

1919 г.

Сибгеоком направил экспедицию на Таймыр – 6 человек с начальником Н.Н. Урванцевым.

1920 г.

Экспедиция Н.Н. Урванцева с 15 рабочими: кроме разведки каменного угля начаты поиски месторождений медных руд. 1920 год считается годом открытия Норильского медно-никелевого месторождения.

1921 г.

Н.Н. Урванцев срубил дом в Норильске, зазимовал и занялся обследованием окрестностей Норильска – это была 3-я экспедиция Н.Н. Урванцева (дом № 23 по Горной улице).

1929 г.

Н.Н. Урванцев пригласил А.Е. Воронцова работать на Таймыре – искать залежи каменного угля для нужд освоения Северного морского пути.

1932 г.

Весна: организация Мерзлотной станции и Центральной стройлаборатории; образование основных строительных организаций: «Шахтстрой», «Металлургстрой», ТЭЦстрой, Горстрой и др.

1 октября – пуск Гипсового завода.

4 декабря – приказ о подключении всего Норильскстроя к строительству ММЗ, все работы и заказы для него приказано выполнять вне очереди.

Зима – приказ о создании Норильского совхоза с фермами в Норильске и Вальке.

1935 г.

Март – Владимир Зосимович Матвеев и Александр Емельянович Воронцов назначены в Норильлаг.

Норильскстрой передан в ведение НКВД. Март 1935 г. следует считать началом деятельности Норильскстроя. В.З. Матвеев был его начальником, а А.Е. Воронцов – главным инженером и главным геологом. Начало деятельности А.Е. Воронцова в Норильске – на Таймыре восходит к 1929 г. Он учился в Горной академии с А.П. Завенягиным.

1 июня – прибыли в Дудинку первые 100 работников.

23 июня – постановление Политбюро и Совнаркома по Норильску.

1 июля – «Спартак» привез в Дудинку первых строителей.

Середина августа: прибыли на Валек первые грузы для Норильска – одна баржа Северным путем через Пясинскую систему.

К 7 ноября – пущена ВЭС-1 мощностью 25 квт.

К началу 1935/1936 зимнего периода – в Норильске трудились 1200 работников.

Осень-зима – начато и интенсивно велось строительство узкоколейной железной дороги Валек – ОГК Норильск.

1936 г.

12 февраля – начато движение по узкоколейной железной дороге Валек – ОГК Норильск (14 км).

Май – первые горняки в ущелье «Угольный ручей» – закладка рудника № 1.

Июнь – начато строительство узкоколейной железной дороги Дудинка-Норильск, 113 км; строительство велось с обоих концов этой дороги.

Лето – в Норильске трудилось около 2000 работников.

Октябрь – закладка угольной штольни № 13.

1937 г.

18 мая – прошел первый поезд по узкоколейной железной дороге Дудинка-Норильск (по шпалам, уложенным на снегу, по мостам из льда...).

Сентябрь – пущен первый кирпичный завод.

Октябрь – начато регулярное сообщение между Норильском и Дудинкой по узкоколейной железной дороге, продолжались работы по устранению значительных недоделок: отсыпка трассы балластом и др.

1938 г.

28 апреля – приказ А.П. Завенягина о вступлении его в должность начальника Норильского комбината вместо В.З. Матвеева. А.П. Завенягину – 37 лет.

4 мая – приказ об организации Проектного управления.

Июнь – пущена небольшая опытно-обогащительная установка.

5 июня – организация Обогащительной лаборатории.

18 июня – в опытной небольшой шахтной печи получены первые 1,5 т богатого штейна.

Лето – пуск ВЭС-2 (первая очередь) и пуск кирпичного завода № 2 на 100–110 тыс. шт. в месяц.

1939 г.

23 февраля – задута 1-ая шахтная печь.

5 апреля – доклад А.П. Завенягина на заседании Политбюро ЦК. Норильск признан первоочередной стройкой пятилетки.

16 июня – выданы первые 75 тыс. чистого штейна (файштейна) – первого продукта плавки богатой руды.

22 июня – начато строительство ТЭЦ; был произведен первый взрыв на площадке строительства ТЭЦ (чтобы срыть сопку и дойти до скального грунта).

1939 г. – начаты работы по вертикальной планировке стройплощадки ТЭЦ (по книге А. Львова).

Начало зимы 1939/1940 – начало земляных работ (вертикальная планировка) на Промплощадке для строительства БМЗ (будущего Никелевого завода). На работу выходило более 5 тыс. человек.

Конец года – начало восстановительных работ по руднику 2/4.

17 июля – прибыли по Енисею из Красноярска в Дудинку тысячи работников – будущих первостроителей Норильска. Прибыли также по Енисею караваны судов, барж с грузами, а также плоты с круглым лесом.

Лето-осень – из Норильска в Дудинку отгружено более 40 тыс. т угля для речного и морского флота. Интенсивная работа огромного коллектива работников в Дудинском порту на разгрузке речных и морских судов, плотов с лесом, бункеровка судов норильским углем, отправка грузов в Норильск по железной дороге.

1940 г.

Январь – начата регулярная добыча руды на руднике 2/4.

Весна – начата добыча угля в штольнях – сперва № 14, затем – № 11.

Лето – налажено производство керамической плитки и других изделий из местной глины.

Ноябрь – начало вскрышных работ на руднике открытых работ «Угольный ручей». Продолжение земляных работ на БМЗ, ТЭЦ. Подготовка котлована в скальном грунте для бетонирования фундамента под 1-ую фабричную кирпичную трубу высотой 150 м.

1941 г.

15 февраля – начало добычи руды (богатой) на руднике 3/6 (эта руда не требует обогащения: получается чистый продукт – никель); закладка и дальнейший разворот строительства корпуса Большого металлургического завода (БМЗ) – планировка фундамента под дымовую трубу высотой 150 м.

27 марта – срочно вызванный в Москву на пост замнаркома А.П. Завенягин покинул Норильск. Назначение А.А. Панюкова начальником Норильского комбината.

Весна – бетонирование фундаментов под металлические колонны главного здания ТЭЦ, монтаж металлоконструкций главного здания. Продолжение строительства других объектов ТЭЦ: здания химводоочистки и др.

14 августа – прибытие в Норильск эвакуированного коллектива Мончегорского комбината количеством 4000 человек, которые привезли свое демонтированное оборудование.

1942 г.

Январь – получены первые 100 т ангидрид-цемента норильского производства.

Февраль – задут ватер... (неразборчиво).

29 февраля – получен первый норильский никель, который своими самолетами стали вывозить на «Материк».

Начало августа – приезд А.П. Завенягина в Норильск.

18 августа – выступление А.П. Завенягина на партийно-хозяйственном активе Норильска.

27 августа – нападение немецко-фашистского линкора на г. Диксон; норильские врачи оказали помощь пострадавшим.

Август: построен Дом инженерно-технических работников «ДИТР» с научно-технической библиотекой; освоен выпуск огнеупорного кирпича; на Кирпичном заводе освоен выпуск плитки из диабазового (каменного) литья; освоен выпуск для нужд металлургии стеклянных плиток; освоен выпуск стеклянных колб, ретард, трубок для химлаборатории, лампового стекла для бытовых нужд.

Июль-август: расширение ВЭС-2: пристройка машинного зала для новой турбины мощностью 3 тыс. квт – энергия ее предназначалась для запуска 1-ой очереди ТЭЦ на 25 тыс. квт. Машинный зал и другие строительные работы, связанные с установкой новой турбины, были выполнены силами работников РОР, где на это время были приостановлены другие работы.

13 декабря – пуск 1-ой очереди ТЭЦ на 25 тыс. квт.

1943 г.

Март – пущен первый блок Большого электролитного цеха БМЗ из 16 ванн.

Апрель – пущен на полную мощность Большой электролитный цех БМЗ.

Май – пущен Оксидоквартный завод.

Осень – начало строительства временного Завода динамонов на месторождении «Медвежий Ручей» – первые шаги строителей на этом месторождении. Технические условия проектирования и строительства в условиях военного времени – это были общесоюзные техусловия, но они применялись в Норильске, давая возможность применять на строительстве в случае необходимости облегченные конструкции.

1944 г.

Открыт Горно-металлургический техникум.

Август – пущен в эксплуатацию Завод динамонов на «Медвежем Ручье», мощность его была доведена до 2 тыс. с лишним т взрывчатых веществ в год. Вместе с Оксидоквартным заводом количество взрывчатых веществ, изготавливаемых на месте в Норильске, составило около 3 тыс. т в год (высвобождая их для нужд фронта).

1945 г.

Пущен в эксплуатацию Кобальтовый завод (№ 25), получен первый кобальт.

1946 г.

Вступил в строй Большой завод норильского портланд-цемента с первоначальной проектной мощностью 50 тыс. т в год.

Начало строительства железной дороги нормальной (широкой колеи) Дудинка-Норильск протяженностью 86 км.

1947 г.

Весна – начало строительства Туруханского авиапорта.

1948 г.

Весна – начало работ по строительству электростанции на р. Тея для снабжения электроэнергией предприятий «Енисейзолото» – «Соврудника» и др. Работы выполнялись силами Норильска – «Енисейзолото» входило в то же ведомство, что и Норильский комбинат.

1949 г.

Конец декабря – пуск Медного завода.

1950 г.

Весна – начало строительства авиапорта в Енисейске.

Пущен в эксплуатацию Большой цементный завод проектной производительностью 50 тыс. т в год. К 1977 году его производительность довели до 600 тыс. т в год, намечается довести до 1 млн т.

1951 г.

Медный завод.

Декабрь – первая руда с «Медвежки» отправлена на БОФ.

Начало работы подземного рудника «Заполярный».

Окончила свой век МОФ.

1952 г.

22 ноября – открыто движение по железной дороге нормальной колеи, прибыл в Норильск первый поезд из Дудинки. Первый электропоезд из Норильска в Дудинку прошел в 1974 году.

1953 г.

1 января – пуск Завода № 26.

Начало строительства железной дороги широкой колеи.

Окончание строительства БОФ.

Окончание строительства нового большого здания ЦХЛ.

1955 г.

Начало эксплуатации железной дороги нормальной (широкой) колеи Дудинка-Норильск 90 км, электрофицированной.

1956 г.

19 июня – теплоходом «Александр Матросов» прибыли в Дудинку 6 тыс. юношей и девушек – москвичей и ленинградцев – это было уже следующее, второе поколение норильчан. Эти 6 тыс. юных людей стали авангардом этого поколения.

Прекращение взрывных работ оксиликвитами. С 1943 года по 1956 год взорвано было оксиликвитами горной массы 8 млн т.

Начало строительства ЗЖБИ (с 1975 года дает более 100 тыс. куб. м сборного железобетона).

Для справки, если это кому интересно:

Шамис Иосиф Адольфович, 24 января 1902 г. р., ветеран Гражданской войны, добровольно (военный билет, вр. удостоверение Е № 190.276 от 9 апреля 1979 г., выданное Волгоградским р-ном. г. Москвы).

И.А. Шамис, С.Л. Щеглов

«Синодик»

Список первостроителей Норильска, работавших до лета 1956 г.

«А»

АБЕЛЕВИЧ Лев Абрамович. До Норильска – военный инженер-механик. В Норильске – организатор автохозяйства комбината, начальник Центральной автотранспортной конторы /ЦАТК/. Хороший специалист, энергичный, настойчивый руководитель, в труднейших условиях пург, морозов и снегозаносов сумевший добиться выполнения заданий на строительстве и эксплуатации предприятий комбината.

АГАФОНОВ Александр Иванович. Инженер-механик. В Норильск прибыл после окончания института. Главный механик рудника открытых работ «Угольный Ручей» (РОР), начальник монтажного отдела Управления строительства комбината, начальник Центрального ремонтно-механического завода (ЦРМЗ). Энергичный, настойчивый, пользовался уважением рабочих и технического персонала. Живет в Москве.

АГРАНОВСКИЙ Абрам Давидович. Журналист, писатель. Сотрудник «Правды», «Огонька». По образованию – врач. Один из организаторов санитарно-эпидемиологической службы комбината в Норильске и примыкающих к нему поселках в тундре, не имевших в то время ни водопровода, ни канализации при большой скученности населения. Умер в Красноярске.

АГАФОНОВ Сергей Павлович. Инженер-строитель из Ленинграда. В Норильск прибыл в 1939 г. Руководил Отделом проектирования организации работ (ПОР) при подготовке технического проекта комбината. Затем – начальник Коксохимстроя, главный инженер Управления строительства комбината, заме-

ститель начальника комбината по строительству. Энергичный, способный администратор. Присвоено звание Героя Социалистического Труда.

АГРЕСТ Ханан Моисеевич. До Норильска – один из руководителей деревообрабатывающей промышленности СССР. В Норильске работал на предприятиях промышленности строительных материалов. Умер в Москве.

АЙВАЗОВ Леон Агасович. До Норильска – студент Ростовского педагогического института, комсомольский работник. На строительстве и эксплуатации комбината – один из ведущих бухгалтеров. Работал в Управлении комбината. Живет в Москве.

АЛКАЦЕВ Дебола Касполатович, осетин, в конце двадцатых – начале тридцатых годов – комсомольский работник в Северной Осетии, на Донбассе. В Норильске работал диспетчером на Руднике открытых работ, в Управлении строительства. Один из участников Норильского литобъединения, автор (вместе с Ж. Трошевым) книги «Авраамий Завенягин» (Красноярск, 1975).

АТАРОВА Ольга Ивановна. Врач. Живет в Москве.

АЛЬТМАРК Лев Ефимович. До Норильска – комсомольский работник. В первые годы Норильска – начальник Конторы механизации строительства (КСМ). Много сделал для комплектации строймеханизмов в условиях небывалого заполярного строительства, их эксплуатации, для разработки проектов механизации строительства.

АЛЫШИЦ Мирон Исаакович. До Норильска – один из крупнейших технических руководителей коксохимической промышленности Украины (главный инженер Коксохимстроя в Харькове). В Норильске – первый руководитель проекта Коксохимзавода. Умер в Норильске от болезни сравнительно молодым.

АЛЕКСАНДРОВА Ревека Соломоновна. Врач. Живет в Москве.

АНИСИМОВ Леонид Иванович. Инженер, вольнонаемный. Один из руководителей сантехнических работ при строительстве комбината, позднее – начальник ОКСа Управления комбината. Удостоен Ленинской премии с группой из 10 других работников комбината (1966 г.).

АНДРИЕНКО Николай Тимофеевич. Инженер-строитель. Недолгое время был главным инженером Управления строительства комбината.

АНДРЕЕВ Капитон Васильевич. Член КПСС. Рабочий механического завода. Несколько лет был начальником Малого кислородного завода.

АРСЕНЬЕВ Лев Борисович. Инженер-строитель. В Норильске некоторое время был главным инженером Управления строительства.

АФАНАСЬЕВ Петр Михайлович. Горняк. Работал в Проектном отделе комбината.

«Б»

БАБИНЕЦ Александр Иванович. Комсомольский работник Донбасса. В Норильске – работник Управления строительства, затем – в «Норильскснабе», по обеспечению привозными стройматериалами. Впоследствии муж писательницы Елизаветы Драбкиной. Умер в Москве.

БАБИЦКИЙ Иммануил Яковлевич. Главный энергетик «Запорожстали» в 30-е годы. В Норильске руководил монтажными работами по энергооборудованию, затем работал на его эксплуатации на стройках комбината. Пользовался большим уважением товарищей. Умер в Москве в 1978 г.

БАЛУЕВА Нина Ивановна, журналистка. Родилась на юге Сибири. Добровольцем приехала на великую стройку в Заполярье. С основания городской газеты Норильска «Заполярная правда» (1953 г.) – заведовала отделом промышленности, строительства и транспорта (до 1961 г.). Впоследствии – редактор тульской газеты «Металлург». Жена С.Л. Щеглова. Умерла в Туле 25 мая 1990 г.

БАЛУЕВ Иван Иванович. Фотограф. Участник экспедиций по Таймыру в 30-е годы (с А.А. Поповым, В.О. Долгих и др.). В Норильске работал в 1942–45 гг.

БАЛАНУЦА Николай Михайлович. Химик-технолог. Умер в поселке Ворзель под Киевом примерно в 1980 г.

БАРАНОВ Серафим Петрович, журналист, первый редактор Норильской газеты «Заполярная правда». Впоследствии редак-

тор Дивногорской городской газеты Красноярского края «Огни Енисея». Умер в Дивногорске от болезни сердца.

БАКЛАНОВ Григорий Федорович. В 1917 г. – один из красногвардейцев Питера, участвовал в охране Смольного (в комендатуре). Был очень большого роста, глаза голубые, чистые, как у ребенка. Абсолютный бесребреник, редчайшей чистоты и самоотверженности безоглядной. В Норильске работал графиком – художником в Проектном отделе и на стройках теплоцентрали (ТЭЦ) и др. Зарезан урками при защите двух женщин от грабежа и насилия у дома № 13 на улице Севастопольской. Похоронен в Норильске.

БАРИЛЬ Давид Павлович. Энергетик. Умер в Москве.

БАРАШ Яков Ильич. До Норильска – технический руководитель Геодезической службы Наркомтяжпрома СССР. В Норильске – заключенный, работник группы генплана комбината в Проектном отделе. Впоследствии – в Тресте геодезии и картографии ГАПУ Москвы. Умер в Москве в январе 1982 г.

БАТАЛИН Борис Иванович. Хозяйственник из Калуги. В Норильске – нормировщик на строительстве Оксидоквасного завода, главный инженер «Шахтстроя». Умер в Норильске.

БАЛЫШЕВ Григорий Николаевич. Ленинградец. Работал в Проектном отделе.

БЕДНОВ Михаил Давидович. До Норильска – партийный работник, журналист, редактор газеты. В Норильске – один из лучших бригадиров рабочих-строителей Большого металлургического завода, затем много лет был начальником Деревообрабатывающего завода (ДОЗ). Работник большой энергии.

БЕГИЧЕВ Никифор Алексеевич. Дудинский промысловик, участник одной из экспедиций Н.Н. Урванцева.

БЕЛЕЦКИЙ Марк Маркович. До Норильска – работник Кунцевского райисполкома Москвы. Экономист. В Норильске – руководитель планового отдела Управления промышленности стройматериалов. Умер в Норильске в первые годы второго десятилетия его строительства.

БЕЛЯТКО Павел. Техник-строитель. В Норильске участвовал в строительстве ТЭЦ, БОФ (Большой обогатительной фабрики).

БЕРИНСКИЙ Вениамин Маркович.

БЕРЕЗОВСКИЙ Абрам Львович. Начальник Красноярской конторы Норильстроя. Один из организаторов Красноярской перевалочной базы Норильского комбината, откуда шли на его строительство основные потоки грузов и производилась отправка работников по Енисею в Дудинку для Норильска. Сравнительно молодым умер в Красноярске в 1947 г.

БЕЛОВ А.Р. Металлург.

БЕЛКИН Соломон Александрович. Работал в Управлении строительства Комбината. Живет в Москве.

БИРГЕР Семен Львович. Экономист. В Норильске – на финансовой работе, продолжил ее в Красноярской конторе Норильского комбината (в порту). Хороший специалист, скромный человек. Умер в Харькове.

БИТАДЗЕ Михаил Алексеевич. Работал в Проектном отеле, конструктор-строитель.

БОЛОТНИКОВ Никита Яковлевич. Хозяйственник в некоторых экспедициях Н.Н. Урванцева. Впоследствии журналист и писатель, автор книг о Н. Вегичеве и др.

БОНДАРЕВ Алексей Иванович, журналист, один из авторов книги «Норильск» (Красноярск, 1958 г.), автор нескольких книг о красноярских революционерах.

БОРИСОВ Георгий Александрович. Работал в Проектном отделе, сантехник.

БРАГИНСКИЙ Лев Исаакович. Хозяйственник, работал с А.П. Завенягиным в начале 30-х годов. В Норильске – работник Дудинского речного порта (юристконсульт). Умер в Москве.

БРОНШТЕЙ И.К. Главный энергетик Комбината.

БУЛЫЧЕВА Мария Васильевна. Многолетняя северянка. В Норильске – секретарь в Управлении строительства. Жена архитектора С.К. Хорунжего.

«В»

ВАЙШЕНКЕР Абрам Генрихович. До Норильска – комсомольский работник, один из организаторов пионерской организации Украины. Журналист. В Норильске – заключенный, один из руководителей предприятий местных стройматериалов. Под его непосредственным руководством здесь впервые стали про-

изводить сборные элементы зданий и сооружений. Организатор и многолетний руководитель Деревообрабатывающего завода. По его инициативе были на общественных началах, силами коллектива, построены три трехэтажных дома для работников стройиндустрии, заводской детсад, профилакторий, загородная база отдыха. Скромный, отзывчивый человек.

ВАЙНЕР Арон Давыдович. До Норильска – партийный работник. В Норильске работал по материально-техническому снабжению комбината в Норильскснабе. Умер в Ленинграде.

ВАСИН Константин Дмитриевич. Горный инженер. В Норильске проектировал штольни, рудники, был главным инженером Рудника открытых работ (РОР), затем Горного управления, заместителем директора комбината. За участие в применении на рудниках в Норильске оксидквитов получил в числе других руководителей комбината Государственную (Сталинскую) премию третьей степени (1950 г.). После Норильска работал председателем Севнархоза и на других руководящих постах.

ВАСИЛЬЕВ Николай Васильевич. Работник филармонии в Ленинграде. В Норильске консультировал проектирование и строительство Детской музыкальной школы, был ее первым директором.

ВАСИЛЬЕВ Михаил Алексеевич. Заключение. Работал в Проектном отделе, в группе генплана и транспорта.

ВАСИЛЬЧЕНКО Николай Антонович. Работал в Проектном отделе. Механик.

ВАРЕНЯ Г.Д. В конце пятидесятих годов – главный геолог комбината.

ВЕБЕР Рудольф Альфонсович. Химик, ученый. Умер в Москве.

ВЕКСЛЕР Марат Михайлович. Врач, поэт, участник литературного объединения при редакции «Заполярная правда» в середине пятидесятих годов.

ВЕНГЕРОВ Владимир Иванович. Директор Норильского драматического театра, затем – заведующий Отделом культуры Горисполкома.

ВЕРЕБРЮСОВ. Полярный летчик, много сделавший в начале строительства Норильска. Погиб при аварии...на мотоцикле.

ВЕРЕВКИН Федор. Работал экскаваторщиком на Магнитогорском меткомбинате. В Норильске – первый экскаваторщик на

строительстве ТЭЦ. Большой специалист, отличный работник, пользовался уважением руководителей комбината Завенягина А.П., Перфилова И.М. и всех работников строительства.

ВИД Л.Б. В конце пятидесятих годов – заместитель главного инженера Проектной конторы комбината.

ВИЛЛЕМ П.И. В конце пятидесятих годов – начальник горного отдела Проектной конторы.

ВИНЬКОВ Сергей Васильевич. Горный инженер. Директор рудника открытых работ «Южный» в конце пятидесятих годов.

ВОЛИН Константин Дмитриевич. Главный инженер Рудника открытых работ, главный инженер Горного управления, заместитель начальника комбината.

ВОЛОШИН Даниил Кириллович. Работал в Проектном отделе, металлург. В конце пятидесятих годов – начальник обогажительного отдела Проектной конторы.

ВОЛЬФЕЙЛЬ. В Москве – главный инженер Главлеспрома. В Норильске – заключенный, технический руководитель Деревообрабатывающего завода.

ВОРОНЦОВ Александр Емельянович. С 1930 г. – главный геолог Норильской экспедиции. Энергичный сторонник и защитник идеи Большого Норильска. С 1935 г. – главный геолог и главный инженер Норильскстроя. В Норильске работал до 1945 г. Почетный гражданин города Норильск.

ВСЕСВЯТСКИЙ Владимир Николаевич. Вольнонаемный. Один из руководителей санитарно-технических работ при строительстве Норильского комбината, затем – начальник Норильскснаба, начальник Московской конторы Норильского комбината. Почетный гражданин города Норильск.

ВЫКОЧКО Алексей Гаврилович. Агроном, уроженец Новозыбкова. В Норильске – лаборант научно-исследовательской лаборатории Оксиликвитного завода, один из исследователей норильских оксиликвитов.

«Г»

ГАБОВИЧ Андрей. Работал в Проектном отделе. Энергетик.

ГАБУЕВ Борис Ильич. Родился в 1906г. Участник норильского литературного объединения.

ГАВРИЛЕНКО Николай Васильевич. До Норильска – сотрудник районной газеты. В Норильске – лаборант Окисиликвитной лаборатории, скромный, добросовестный работник (см. очерк в газете «Металл Родине», 1946 г.). Умер в лагерной больнице в 1947 г.

ГАЙСИНОВИЧ Елизавета Евсеевна. По образованию – химик-технолог. В Москве работала в Тресте «Строитель». В Норильске возглавила Центральную стройлабораторию УКСа с разветвлённой сетью лаборантов на всех стройплощадках.

ГАЛЬПЕРИН Борис Львович. Москвич. Учился в Париже. Работал в Уругвае (Монтевидео). Журналист, поэт. По образованию – инженер-строитель. Ссылный в Красноярском крае. В Норильске – заключенный, ведущий проектировщик, монтажник металлоконструкций. Умер в Вильнюсе.

ГАМАЗИН. Работал в Проектном отделе. Металлург.

ГАНН Г.В. Главный энергетик в 50-х годах.

ГАРРИ Алексей Николаевич. Участник большевистского подполья в Одессе, Гражданской войны (в дивизии Котовского), затем – журналист, сотрудник «Известий», писатель, критик. В Норильске – заключенный, работал над Объяснительной запиской к Техническому проекту комбината. Один из главных организаторов Норильской технической библиотеки, в которой с Е.Я. Драбкиной организовал и вел Отдел технической информации. Читал лекции по истории, экономической географии, технологии разработок и экономике мировых месторождений никеля. Обширная и разносторонняя информационная деятельность Гарри оказывала большую помощь проектировщикам, эксплуатационникам и исследователям и была незаменимой в условиях оторванности Норильска от центральных институтов страны. Переводил с нескольких иностранных языков техническую литературу, необходимую для строителей и технологов комбината. Большая эрудиция и работоспособность, отзывчивость и внимательность к товарищам по работе снискали А.Н. Гарри большой авторитет. После выезда из Норильска Гарри посвятил себя писательской деятельности, журналист-международник. Умер в Москве.

ГАРФУНКЕЛЬ Владимир Львович. Московский культпросветработник. В Норильске – Главный диспетчер строительства

в течение первых трудных лет. Затем – начальник Кирпичного завода и снова Главный диспетчер строительства; впоследствии – замнач. Управления капитального строительства комбината. Выдающийся организатор. Самородок. Умер в Москве 10 июня 1981 г.

ГЕЙНЦ Алексей Георгиевич. Военный врач, один из первых большевиков-эстонцев, награжденных боевым орденом Красного Знамени. В Норильске – ведущий невропатолог, отличался высокой добросовестностью, внимательностью и трудолюбием. Умер в Ленинграде.

ГЕНИН Борис Маркович. Строил шоссейные дороги в Кузбассе. В Норильске – старший инженер Управления строительства по строительству дорог, проектировал шоссейные дороги и железнодорожные подъездные пути. Трагически погиб в Сочи.

ГЕРЛЯНДИН Д.А. В конце 50-х годов – технорук ремонтно-механического цеха Горнорудного управления Комбината.

ГЕРШЕНЗОН В.Г. В 40–50 гг. – главный инженер Автотранспортной конторы.

ГИТГАРЦ Абрам Львович. Ведущий инженер-механик на металлургических заводах Урала. В Норильске проявил себя как высококомпетентный специалист по обогательному оборудованию. Участвовал в монтаже Большой обоганительной фабрики, затем работал на ее эксплуатации, механиком на Механическом заводе комбината. Высокоинтеллигентный, обаятельный человек.

ГИНЗБУРГ Леонид Яковлевич. До Норильска работал в области хозяйственного права в Москве. В Норильске – ведущий юрисконсульт. Впоследствии – доктор юридических наук. Умер в Москве.

ГИРБАСОВ. Работал в отделе труда и заработной платы Управления комбината, занимался вопросами нормирования труда на строительных объектах. Выступал на концертах как певец-тенор.

ГЛАЗАНЕВ Владимир Николаевич. Инженер-электрик. Изобретатель электропрогрева вечномерзлых грунтов, значительно облегчившего и ускорившего строительство Норильского комбината.

ГЛАЗУНОВ Всеволод Николаевич. Инженер-механик. В Норильске – главный механик Рудника открытых работ (РОР), заместитель начальника комбината по материально-техническому снабжению.

ГЛИКСБЕРГ Вениамин Семенович. Работал в Проектном отделе, энергетик.

ГЛУШАК П.Г. В 50-х годах – народный судья Норильска.

ГЛУШКОВ Николай Тимофеевич. Работал в Управлении комбината.

ГОВОРОВ В.К. В 50-е годы – главный геолог Горнорудного управления комбината.

ГОЛЬДРЕЙХ Михаил Самойлович. До Норильска – служащий советских учреждений. В Норильске – один из помощников В.Л. Гарфункеля в диспетчерской службе Управления строительства Норильского комбината. Впоследствии – главный диспетчер Управления капитального строительства Комбината. Умер в Тамбове.

ГОЛЕНКОВ Николай Петрович. Участник литературного объединения при редакции «Заполярной правды» в начале – середине пятидесятых годов.

ГОЛИК Елена Исааковна. Родилась в 1931 г. Сотрудница «Заполярной правды» в первые годы ее существования, участница литературного объединения.

ГОЛОВИН Виталий Дмитриевич. Актер, сын известного певца Большого театра СССР. Был судим по делу об убийстве актрисы Зинаиды Райх. В Норильске – артист драмтеатра, участник и один из первых руководителей литературного объединения, писал стихи, рассказы. После возвращения в Москву в конце пятидесятых годов – режиссер одной из студий Центрального телевидения.

ГОЛОДНЫЙ Михаил И. Окончил рабфак. В Норильске – механик на Механическом заводе Горнорудного управления в конце 40-х – начале 50-х годов, затем – главный механик рудника «Северный».

ГОЛУБЕВ Вячеслав Федорович. Родился в 1930 г. Работник Мерзлотной станции Норильска. В начале 50-х годов – участник норильского литературного объединения.

ГОНЧАРЕНКО И.А. В 50-е годы – главный маркшейдер Управления угольных шахт Комбината.

ГОРБАЧЕВ В.Г. В 50-х годах – начальник Рудника известняков.

ГОРИН Игорь Евгеньевич. В 50-х годах – главный инженер Цеха связи, сын артиста Е. Горина.

ГОРИН Евгений. В 40–50 гг. – артист Норильского драматического театра.

ГОРЛОВ Е.С. В 50-х годах – главный инженер строительного управления «Строймеханизация» Норильского комбината.

ГОРОНОК С.М. В 50-х годах – главный инженер предприятия Управления стройматериалов.

ГРАМП Александр Николаевич. Железнодорожник. В Норильске – один из ведущих строителей железнодорожных путей.

ГРИНБЕРГ Эммануил Соломонович. Москвич. Инженер-электрик, учился в Бельгии. В Норильске – один из авторов генеральной сметы технического проекта комбината. Разрабатывал сметные нормативы применительно к неизведанным в то время специфическим условиям строительства в сибирском Заполярье. Был чемпионом Норильска по шахматам в 1947 г. и в 1953 г.

ГРИНЦЕВИЧ Евгений Владимирович. Родился в 1931 г. В Норильске работал в начале 50-х годов на строительстве Медного завода. Участник норильского литературного объединения.

ГРИЦАЕВ В.П. В 50-е годы – главный инженер рудника «Таймырский».

ГРИНБЕРГ Ф.С. В 50-е годы – главный механик рудника «Таймырский».

ГРИЦЕВСКИЙ М.Е. В 50-х годах – главный энергетик Управления предприятий строительных материалов.

ГРЯЗНЕВА Вера Ивановна. Вольнонаемная. Врач, училась в Воронеже (С.М. Ремейко отрицает это). В Норильске – заведующая Центральной больницей Норильлага, одна из первых организаторов лечебного дела в сибирском Заполярье. Пользовалась всеобщим уважением.

ГРЯЗНОВ Петр Федорович. Электромонтер. Участник норильского литобъединения, баснописец.

ГУМЕЙКО В.Т. В 50-х годах – начальник Карьера нерудных ископаемых.

ГУМИЛЕВ Лев Николаевич. Сын Николая Гумилева и Анны Ахматовой. Поэт. Рабочий на стройках Норильска. Впоследствии

вии – писатель, доктор исторических наук, автор многих интересных своеобразных книг, сочетающих исторические жанры с литературными и философскими.

ГУРОВ Н.И. В 50-х годах – начальник топливно-транспортного цеха Норильской ТЭЦ.

ГУРЕВИЧ Борис Львович. Москвич. Главный архитектор Отдела главного механика Норильского комбината в 50-е годы.

ГУРЕВИЧ В.Е. В 50-е годы – заместитель по общим вопросам начальника Управления угольных шахт Норильского комбината.

ГУСАРОВА Вера Гавриловна. Участница норильского литобъединения в первой половине 50-х годов.

ГУСТОКАШИН Ю.А. В 50-е годы – главный энергетик Шахты «Восточная».

«Д»

ДАЛИН Сергей Алексеевич. Политработник, международник. Некоторое время был руководителем Крайплана в Красноярске. В Норильске – ведущий экономист-плановик в Управлении строительства, занимался разработкой годовых и перспективных планов строительства комбината. Впоследствии – доктор экономических наук, напечатал ряд работ по вопросам мировой экономики и международных отношений.

ДАМПЕЛЬ Леонид Николаевич. Metallург. В Норильске – один из ведущих проектировщиков металлургических предприятий.

ДАРЬЯЛЬСКИЙ Владимир Алексеевич. Начальник 25 завода, получил вместе с другими руководящими работниками комбината государственную премию, затем – главный инженер комбината, в конце 50-х годов – заместитель главного инженера, начальник технического отдела комбината. После отъезда из Норильска – ректор Красноярского института цветных металлов и золота.

ДЕМЕНТЬЕВА З.Д. В 50-е годы – заведующая орготделом Таймырского окружкома профсоюза в Норильске.

ДЕТИНКИН Семен Николаевич. Родился в июле 1904 г., комсомольский работник. В Норильске – один из организаторов

и ведущих инженеров на предприятиях местных стройматериалов. Умер в Москве 8 февраля 1978 г.

ДЗЕНИТИС Альфред Янович. Видный латвийский врач. В Норильске – ведущий окулист (по лечению и хирургии глаза).

ДОЛГИХ Владимир Иванович. Главный инженер комбината в конце 50-х – начале 60-х годов, затем – директор комбината, секретарь Красноярского крайкома КПСС, секретарь ЦК КПСС.

ДОМАРЕВ Владимир Сергеевич. Горный инженер из Ленинграда, геолог, руководитель нескольких геологических партий в Сибири. В Норильске – заключенный, главный инженер Геологического управления. Крупный специалист, отличный организатор, самоотверженный человек. Трагически погиб на работе в Геологическом управлении от множества ножевых ран, нанесенных бандитами за отказ выдать им ключи от хранилища, защищая геологические фонды комбината.

ДОНЦОВ Е.И. В 50-х годах – помощник директора комбината.

ДОРОХОВ М.И. В 50-х годах – главный инженер рудника «Заполярный».

ДОРОЩЕВСКИЙ Борис Всеволодович. Гидротехник, вольнонаемный. В Норильске – ведущий инженер по монтажу гидротехнического и сантехнического оборудования в Управлении строительства. Умер в Ленинграде.

ДРАБКИНА Елизавета Яковлевна. Писатель. Дочь известного революционера-большевика Я. Драбкина (Сергея Ивановича Гусева). Политработник, работала в секретариате Я.М. Свердлова, хорошо знала Джона Рида. Журналист, декан исторического факультета. В Норильске – заключенная, работала в технической библиотеке, вместе с А. Гарри вела техническую информацию, включая переводы с иностранных языков. Впоследствии получила широкую известность своими книгами: «Черные сухари» о Джоне Риде и др. Член Союза писателей. Умерла в Москве в 1974 г.

ДРОЗДОВ Владимир Васильевич. Директор комбината в 50-х годах. Впоследствии – начальник Главка Никелькобальт.

ДРОЗДОВА Клавдия Васильевна. Старший инженер БРИЗ Технического отдела комбината.

ДРУЙ Наум Моисеевич. Хозяйственник. В Норильске – один из ведущих работников Норильснаба по обеспечению строительства и эксплуатации комбината привозными материалами, работал в «Норильскснабе». Умер в Харькове.

ДРЮЦКИЙ Н.Н. Один из первых норильских железнодорожников. В 50-х годах – заместитель начальника Норильской железной дороги по эксплуатации.

«Е»

ЕГОРОВ В.Н. В конце 50-х годов – главный геолог Норильской комплексной геологоразведочной экспедиции.

ЕГОРОВ Василий Александрович. Экономист. Умер в Москве в декабре 1982 г.

ЕГОРОВ Константин Иванович. В середине 50-х годов – студент Норильского горно-металлургического техникума, член ВЛКСМ, участник литобъединения.

ЕЛИНЕК Ганс. Радиоинженер на предприятиях Москвы. В Норильске работал инженером-электриком на монтаже оборудования заводов, затем на эксплуатации.

ЕЛИСЕЕВ А.М. В конце 50-х годов – начальник отдела труда и зарплаты Горнорудного управления.

ЕЛИСЕЕВ В.А. Один из первых партийных работников Норильска, первый директор Горно-металлургического техникума, цензор, в 50-х годах – начальник отдела кадров Управления строительства.

ЕЛИСТРАТОВ Р.М. В сороковых и конце пятидесятых годов – начальник отдела Генплана и транспорта Проектной конторы комбината.

ЕЛЬЧАНИКОВ Е.А. В конце 50-х годов – главный инженер Шахты «Кайеркан».

ЕНИН Семен Михайлович. Первый начальник «Металлургстроя» в Норильске, строитель Большого металлургического завода (Никелевого завода).

ЕПИШЕВ Николай Павлович. Техник-строитель. В Норильске – начальник «Аэродромстроя», возводил аэропорты в Туруханске, Подкаменной Тунгузке, Енисейске. После этого –

начальник Завода железобетонных изделий в Норильске. Много лет работает на Крайнем Севере.

ЕРМИЛОВ Василий Михайлович. В середине 50-х годов – секретарь исполкома Норильского горсовета, участник литературного объединения.

ЕРМИЛОВ Борис Федорович. Прибыл в Норильск из Тырнаузского комбината, где работал на канатной дороге. Начинал на стройплощадках Норильского комбината, затем перешел в аппарат Управления строительства. Был его главным инженером, потом заместителем начальника комбината по строительству. В этой должности получил Ленинскую премию с 10 другими строителями Норильска (1966 г.).

ЕРШОВИЧ Николай Исаакович. Инженер-механик, механик. До Норильска – ответственный работник организации «Оргметалл» в Москве. В Норильске – один из руководящих работников Управления строительства, куратор всех работ по металлоконструкциям (фермы, колонны и т. п.). Пользовался большим уважением не только за знания и энергичность, но и за прямоту характера, беспристрастность в оценках. Подготовил к печати многолетний труд-исследование по строительству мостов с древних времен до настоящих дней. Умер в Москве 29 января 1983 г.

ЕРШОВИЧ Мария Иосифовна. В Норильске – ведущий врач-микробиолог.

ЕРУСАЛИМСКИЙ Юрий Александрович. Механик металлообрабатывающих заводов. В Норильске – один из первых организаторов и руководителей предприятий местных и строительных материалов, затем – механик рудников.

ЕФИМОВ П.С. В 50-х годах – командир Военизированного горноспасательного отряда.

«З»

ЗАВЕНЯГИН Авраамий Павлович (1901–1956). Организатор промышленности. Инженер-металлург. Строитель Магнитогорского металлургического комбината и его директор. Перед прибытием в Норильск – заместитель наркома тяжелой промышленности СССР (Серго Орджоникидзе). В Норильске на посту начальника

Комбината и лагеря с апреля 1938 по апрель 1941 г. С прибытием Завенягина в Норильск заканчивается подготовительный период и начался строительный (с зимы 1939–1940 гг.) период сооружения основных предприятий (БМЗ (Большого металлургического завода), ТЭЦ, шахт и рудников) и капитального жилого фонда будущего города. Оформилась организационная структура строительства – система строительных контор и их специализаций, сохранившаяся и поныне. Организовал развертывание основных работ по строительству комбината. Организовал работу по проектированию комбината на месте силами Норильска.

Большой опыт организации крупных строек и руководства ими, имевшийся у Завенягина к моменту его прибытия в Норильск, прежде всего опыт строительства Магнитки, позволил норильскому строительству избежать многих «детских болезней», свойственных подобным стройкам в годы первых пятилеток. К числу важных дел, обеспечивших бесперебойный ход работ, следует отнести своевременную постройку (хоть и некапитальных и без «комфорта») теплых жилых помещений, особенно необходимых в суровых условиях Заполярья; построены бани, организована стирка белья, сушка одежды и обуви (этого не было в подготовительный период); действовала санитарно-эпидемиологическая служба при Завенягине всюду – в жилых поселках и на стройплощадках, на предприятиях – работники могли получить медицинскую помощь.

При Завенягине А.П. основана центральная больница и в ней сконцентрирован высококвалифицированный персонал, оказывающий помощь медпунктам при вспышках эпидемий, при необходимости хирургического вмешательства и т. п.; больница имела хорошую аптеку, медлабораторию, физиотерапию, рентгенкабинет и прочее, больница являлась консультационным центром всей медицинской службы комбината, здесь велись специальные наблюдения за цингой, медперсонал приобретал опыт быстрого оказания помощи при переохлаждении организма, обморожениях, при отсутствии пенициллина изыскивались доступные методы борьбы с сепсисом и другими опасными болезнями; применялась донорская кровь, производились сложные и в ряде случаев уникальные операции всех видов: полостные, глазные, ортопедические и т. п.

Плодотворная деятельность Завенягина сказывалась на всех сторонах строительства и эксплуатации первых предприятий комбината и жизни его строителей и других работников. В числе его больших заслуг – сплочение всех работников на достижение общей цели.

Руководство Завенягина отличалось демократизмом. Важные решения он принимал после тщательного личного изучения вопроса и обстановки, с учетом мнения и советов специалистов. Завенягин умел ставить задачи и не опекал исполнителей в способах их решения. Вся эта организаторская деятельность Завенягина и специалистов, работавших с ним, создала условия и для последующего размаха строительства при труднейших физико-географических и других специфических особенностях сооружения Норильского комбината.

После Норильска – заместитель наркома внутренних дел, куратор атомного проекта, генерал-лейтенант. Умер в Москве.

ЗАБРАМНАЯ Елизавета Евсеевна. Работала в Управлении Комбината.

ЗАЙДЕЛЬ Абрам Ионович. Работал на разных стройках страны. В Норильске – один из основных строителей города: прораб, начальник стройучастка, главный инженер «Горстроя», главный инженер Управления строительства комбината. Внедрил метод возведения жилых домов на железобетонных свайных фундаментах в вечномёрзлых грунтах. Получил с группой других строителей Норильска Ленинскую премию (1966г.). Умер в Норильске.

ЗАЛЕВСКАЯ Мария Дмитриевна. Работала в Управлении комбината.

ЗАХАРОВ Михаил Владимирович. Москвич. Работал в Проектном отделе, в технико-экономической группе.

ЗВЕРЕВ Владимир Степанович. Инженер-металлург. Прибыл в Норильск из Москвы в 1940 г. в составе комиссии по обследованию комбината. В том же году назначен его главным инженером, а после А.А. Панюкова – начальником. На этом посту проявил неумную энергию, решительность и настойчивость.

ЗВЕРЬКОВ Сергей Николаевич. Горный инженер. В конце сороковых – в пятидесятых годах работал на Руднике открытых

работ. В 1960 г. – заместитель главного инженера Горнорудного управления комбината.

ЗЕЛИНГЕР Ф.Ф. В конце 50-х годов – директор Норильского горно-металлургического техникума.

ЗИЛЬБЕРШТЕЙН Л.И. В конце 50-х годов – главный бухгалтер комбината.

ЗИМА Н.Ф. В конце 50-х годов – начальник расчетно-банковского бюро Управления комбината.

ЗИНЮК Юрий Натанович. Родился в 1903 году. Участник Гражданской войны, был ранен; инженер-артиллерист, один из руководителей проектирования и строительства Кемеровского химкомбината. В Норильске – заключенный, сначала работал некоторое время в центральной химлаборатории, а с началом строительства Оксидокислотного завода возглавил Опытную-исследовательскую оксидокислотную лабораторию, где вел исследования нового сорта оксидокислот – взрывчатых веществ на жидком кислороде и местном горючем (поглотителе), крайне необходимых для взрывных работ на рудниках в условиях острого недостатка твердых взрывчатых веществ, необходимых фронту. Вместе с горным инженером А.Д. Яхонтовым (начальником Оксидокислотного завода) руководил разработкой технологии изготовления и применения оксидокислот на открытых горных работах. Высококвалифицированный инженер и человек, прекрасный товарищ, пользовался большим авторитетом и уважением. Позже был начальником Оксидокислотного завода. Умер в Ленинграде.

ЗЛОБИН Анатолий Николаевич. До Норильска – заместитель председателя Комитета заготовок при СНК СССР. В Норильске – организатор и руководитель плановой работы Норильскснаба. Отличный работник, скромный человек. Погиб в Норильске.

ЗНОВА Григорий Филиппович. Работал на стройках Украины. В Норильске – заключенный, главный инженер, затем начальник «Шахтстроя». Энергичный работник. Работал в Плановом отделе в группе разработки проекта организации работ («ПОР»).

ЗОТОВ Георгий Николаевич. Главный диспетчер комбината, референт начальника комбината Зверева В.С., впоследствии – заместитель начальника Управления предприятиями строительных материалов. Умер в г. Пушкино Московской области.

ЗОЛОТОВ Константин Антонович. Спортивный работник в Норильске. В 1956 г. – участник литобъединения.

ЗОТОВА Т.Н. В конце 50-х годов – начальник Технической библиотеки комбината.

ЗУЕВ Александр Никанорович. Журналист, бывший руководящий работник газеты «Правда», писатель. В Норильске вскоре после прибытия в июле 1939г. заболел, работал на подсобных работах. Отправлен на «материк» («сактирован») в 1940 г. По возвращении в Москву – член редколлегии журнала «Дружба народов». Человек высокой порядочности, Зув своей личностью действовал благотворно на окружающую среду, очень сложную и пеструю в Норильске. Умер в Москве, похоронен на Армянском кладбище. Часть написанных им повестей и рассказов издана посмертно.

ЗЫБИН Евгений Григорьевич. Горный инженер. В 40-х годах – работник технического отдела рудника «Угольный Ручей», в конце 50-х годов – главный инженер рудника «Южный».

«И»

ИВАНОВ Константин Иванович. Родился в 1912 г. Горный инженер. В 40-е годы – руководитель буро-взрывного отдела рудника «Угольный Ручей», затем – один из руководителей Горнорудного управления. Лауреат государственной премии за норильские оксидквиты (вместе с К.Д. Васиным, М.Д. Фугзаном, И.В. Усевичем, Л.Н. Марченко). Впоследствии – доктор технических наук, автор многих работ по буровзрывному делу, один из теоретиков буровых процессов в горных работах. Скромный, трудолюбивый человек.

ИВКИН. Один из главных строителей Красноярского порта Норильстроя, гостиницы Норильского комбината и речного вокзала для Енисейского пароходства («ЕНУРП») в Красноярске.

ИВОНТЬЕВ В.В. В 50-е годы – начальник Цеха тепловых сетей.

ИЕВСКИЙ Николай Иванович. Первый директор Норильского совхоза.

ИЕВСКИЙ В.И. В начале 60-х годов – главный энергетик рудника «Таймырский».

ИОФФЕ Михаил Борисович. Заместитель главного инженера по мукомольной промышленности «Союзхлеба» (в Москве), руководил строительством крупного мелькомбината в Улан-Удэ (Забайкалье). В Норильске – заключенный, один из организаторов и руководителей предприятий местных стройматериалов – цементный и кирпичный заводы, карьерный. Много труда и энергии новатора вложил в становление и развитие этой важной отрасли, в значительной степени обеспечившей успешный ход строительства Комбината и города. Реабилитирован в 40-х годах (таких было только два случая!).

ИОРДАНСКИЙ. Работал в Проектном отделе инженером-изыскателем. Погиб в тундре на работе. Однажды уже весенней порой ушел на изыскания по трассе строящейся узкоколейки Норильск-Дудинка, поднялась пурга, и он не вернулся. Летом обнаружили кости скелета, обглоданного песцами, а также обрывки одежды и резиновых сапог.

ИЛЬНИЦКИЙ С.П. В 50-е – 60-е годы – помощник главного инженера по технике безопасности Управления угольных шахт.

ИМАНОВ А.Н. В 50-е годы – главный механик рудника «Угольный Ручей».

«К»

КАВАРИН Владимир Степанович. Организатор (1978 г.) учебно-консультационного пункта Всесоюзного заочного политехнического института в Норильске, его заведующий до учреждения на его базе Норильского индустриального института (в 60-х годах). Большой энтузиаст инженерно-технического образования в Норильске, оказал неоценимую помощь в приобретении этого образования многим первостроителям комбината, лишенным этой возможности в предыдущие годы, многим помог закончить высшее образование, прерванное в связи с переброской их в Норильск в 30-е и 40-е годы. Душевный, доброжелательный к людям человек.

КАДИСОВ Соломон Маркович. На строительстве Оксидокислородного завода заведовал ларьком в «доме Румянцевых» на горе Рудной (1943–1945). Позднее – мастер в цехе поглотителей Оксидокислородного завода.

КАЗАЧУК Р.Н. В начале 60-х годов – директор рудника «Угольный Ручей».

КАЗАКОВ В.С. В конце 50-х – начале 60-х годов – начальник нефтебазы Норильскснаба.

КАЛЛИСТОВ Александр Каллистратович. Воентехник, артиллерист. В Норильске проектировал организацию взрывных работ на стройплощадках, руководил работами по взрыванию льда на Енисее в Дудинке для ликвидации заторов перед весенним паводком, рассчитывал заряды взрывчатых веществ при взрывании скважин и штолен на руднике открытых работ «Угольный Ручей». Усердный, квалифицированный специалист.

КАЛМИКОВ В.Г. В начале 60-х годов – начальник цеха среднего дробления Обоганительной фабрики Норильского комбината.

КАЛМЫКОВ А.А. В начале 60-х годов – начальник исследовательского цеха Обоганительной фабрики Норильского комбината.

КАЛАНДАРОВА А.А. В 50-х годах – начальник Отдела подготовки кадров комбината.

КАЛМЫКОВ Б.Д. В конце 50-х годов – начальник Отдела технического контроля комбината.

КАЛУНИН Валентин Иванович. Художник норильского Драмтеатра в 50-х годах.

КАМАНИН Алексей Герасимович. Строитель Тракторного завода в Челябинске. В Норильске – заключенный, проектировал организацию строительных работ. Затем главный инженер, после реабилитации – начальник «Шахтстроя». Впоследствии – заместитель начальника Управления капитального строительства комбината. Способный, энергичный строитель. Умер в Домодедово, под Москвой, 6 декабря 1979 г.

КАМАНИНА Вера Яковлевна. Техник-строитель. Работала в Управлении строительства Норильского комбината по обеспечению строек привозными стройматериалами. Вела эту работу с большим знанием дела и добросовестностью.

КАН М.М. В конце 50-х годов – главный механик Западного шахто-управления Норильского комбината.

КАНТОР Марк Шевельевич. Родился в 1916г. Заключенный. В Норильск доставлен из Свердловска, где был студентом.

Работал механиком-конструктором на строительстве рудника открытых работ «Угольный Ручей», на монтаже оборудования Оксидокислотного завода, на этом заводе мастером – техноруком. Участвовал в разработке и освоении технологии изготовления и применения оксидокислот. Энергичный, инициативный работник. Его жена преподавала английский язык руководителям комбината. По возвращении из Норильска работал в Свердловске, где и умер 24 февраля 1971 г. в возрасте около 50 лет от сердечной болезни.

КАНТОР Лев Маркович. Военный инженер. В Норильске – проектировщик топливных баз (жидкого топлива) и хранилищ горючих и смазочных материалов. Крупный специалист в этой области.

КАН-ХУТ Эдгар Данилович. Инженер-конструктор, строитель в Москве. В Норильске – один из ведущих работников Проектного управления по металлоконструкциям зданий и сооружений, крупный специалист своего дела. Умер в Москве.

КАНУГА Михаил Иванович. Строитель и эксплуатационник шоссейных дорог на Украине. В Норильске – участник строительства авиапортов на Надежде и по Енисею.

КАПИТАНОВСКИЙ Иосиф Тесович. Работал в Проектном отделе, энергетик.

КАПЛАНСКИЙ Е.М. В начале 60-х годов – заместитель начальника Железнодорожного цеха горных предприятий Норильского комбината.

КАРЮКИН Евгений Сергеевич. Прораб на стройках Подмосковья. В Норильске – один из главных строителей ТЭЦ. Энергичный, добросовестный работник.

КАСАШВИЛИ Иосиф. Бухгалтер. Библиофил. Умер в Москве.

КАСИМОВ Н.Н. В начале 60-х годов – начальник котельно-прокатного цеха Механического завода.

КАЦ Рувим Моисеевич. Руководящий бухгалтер на ряде крупных предприятий Свердловска. В Норильске – один из организаторов учета строительства, главный бухгалтер Горного управления, затем Норильснаба. Деятельный, энергичный. Умер в Свердловске.

КАУШАН А.Г. В конце 50-х годов – начальник конструкторского отдела Управления Норильского комбината.

КЕРСНОВСКАЯ Ефросинья Антоновна. По образованию – ветеринар. Знала иностранные языки, интересовалась историей, литературой, живописью, сама рисовала. В Норильске – заключенная, работала старшей медицинской сестрой хирургического отделения Центральной больницы, работала и в морге. Пользовалась исключительной любовью больных за сочувствие к ним и оказание посильной бескорыстной помощи. Перенесла много страданий. Живет в Ессентуках.

КИБАЛИН Константин Александрович. В 50-х – 60-х годах – директор Медного завода.

КИЛЬЧЕВСКИЙ Б.В. В 50-х – 60-х годах – начальник отдела автоматики Проектной конторы комбината.

КИМ Михаил Васильевич. Инженер-строитель. Родился в 1907 г. в крестьянской семье. Учился в Ленинградском политехническом институте. В Норильске – с 1936 г. пионер (организатор) и руководитель Мерзлотной станции Комбината. Здесь вырос в ученого-исследователя, теоретика и практика возведения зданий, сооружений и дорог на вечноммерзлых грунтах. Активно участвовал в разработке конструкций фундаментов, технологии их возведения. Вместе с другими 10 работниками удостоен Ленинской премии (1966 г.), отличный работник. Обаятельный человек. Скончался в Красноярске 04.09.1970г. при исполнении служебных обязанностей, похоронен в Норильске.

КИМ Мария Васильевна. Геолог. В Норильске занималась геологией месторождений нерудных ископаемых для производства местных стройматериалов.

КИСЛОВ Александр Михайлович. Морской техник-гидролог. В Норильске – один из организаторов и теоретиков снегозащиты на руднике открытых работ «Угольный Ручей» (1944–1946). Живет в Краснодаре.

КЛИМОВСКИЙ Анатолий Иванович. Экономист, работал в Новосибирске. В Норильске – работник, затем начальник планового отдела рудника «Угольный Ручей», затем – Горнорудного управления (с начала 40-х до начала 60-х годов). Умер в Красноярске 14 декабря 1975 г.

КЛИМОВСКАЯ Ангелина Павловна. С 1940-х по начало 60-х годов – работница рудника «Угольный Ручей» и Горнорудного управления Норильского комбината, жена А.И. Климовского.

КОВАЛЕНКО Василий Павлович. Мастер цеха поглотителей Оксидквита завода в 40-х годах.

КОВАЛЕНКО Е.В. Начальник Управления угольных шахт комбината в 50-х – 60-х годах.

КОГАН И.М. В конце 50-х годов – начальник производственно-технического отдела Горнорудного управления Норильского комбината.

КОЗОДЕРОВ И.Б. В начале 60-х годов – главный инженер Никелевого завода Норильского комбината.

КОЗЫРЕВ Николай Александрович. Ленинградец, выдающийся астроном и астрофизик. Заключение. Работал в Проектном отделе Норильского комбината в группе инженерной геологии и гидрологии. («Вначале работал в Дудинке, там ему пять лет превратили в десятку и прислали в Норильск... Он организовал на БМЗ (Большом металлургическом заводе, который переименовали затем в Никелевый завод) гидрометрический пункт...» (из воспоминаний писателя С.А. Штейна (Снегова), письмо от 29.09.1969 г.), расширил этот пункт до лаборатории теплоконтроля. Имя Козырева Н.А. носит один из кратеров Луны, а также астероид. Директор Пулковской обсерватории, арестован на балу, где праздновалась наступающая 19-я годовщина Великого Октября. Он был потрясюще здоров и силен: мог на сорокоградусном морозе с ледяным ветром монтировать голыми руками провода на мерзлотной станции!.. (Дополнено автором-составителем книги.)

КОЛЕСНИКОВ В.И. В начале 50-х годов – заместитель главного инженера по технике безопасности Управления предприятий строительных материалов.

КОЛЕСНИКОВА Н.С. В 60-е годы – начальник цеха антикоррозийных покрытий Механического завода.

КОЛЯДА Василий Нилович. Гидротехник. В Норильске работал на строительстве крупной земляной дамбы с устройством затона для судов в тупике в Подтесове, на Енисее, вблизи впадения в него Ангара. Затем возглавлял Управление предприятий местных стройматериалов. Удостоен Ленинской премии вместе с 10 другими норильскими строителями (1966 г.). Умер в Норильске.

КОЛДОБСКИЙ Арон Григорьевич. Работник Госплана в Москве, крупный экономист. В Норильске руководил плановой

работой конторы «Металлургстрой». Впоследствии – работник издательства «Советская энциклопедия». Умер в Москве.

КОЛОВСКИЙ Анатолий Тимофеевич. Баянист, самодеятельный композитор в клубе профсоюзов Норильска в 40-х – 50-х годах. Участник литобъединения.

КОНЧАКОВ А.П. В начале 60-х годов – главный инженер Медного завода.

КОПЕЛЕВИЧ Абрам Соломонович. Инженер-механик. В середине 50-х – начале 60-х годов работал на Механическом заводе комбината, в кислородном цехе.

КОПЕЛИОВИЧ Самуил Менделевич. Ведущий проектировщик-теплотехник в ряде проектных организаций Москвы. В Норильске – заключенный, руководитель теплотехнической группы Проектного отдела Комбината, ведущий проектировщик теплосетей предприятий и поселка (потом города) Норильска. Знающий, деловой, очень добросовестный работник. Умер в Москве.

КОРСАК В.Ю. Главный энергетик рудника «Заполярный» в конце 50-х – начале 60-х годов.

КОРСАК С.П. В начале 60-х годов – директор Норильской ТЭЦ.

КОСТЮКОВИЧ И.Ф. В конце 50-х годов – главный инженер Угольного разреза Норильского комбината.

КОТЕЛЬНИКОВ А.А. В начале 60-х годов – главный механик Управления предприятий строительных материалов.

КОТЛЯР Александр Савельевич. В 50-х – 60-х годах – заместитель директора комбината по быту – начальник Жилищно-коммунального управления. Умер в Москве.

КОТЛЯР Б. Живет в Москве.

КОТЛЯР Ю. Живет в Москве.

КОТУЛЬСКИЙ. Геолог.

КОЧАР Георгий Берсегович. Архитектор, работал в Ереване. В Норильске – один из ведущих архитекторов по promсооружениям. Затем проектировал Дом отдыха в пионерлагере Норильского комбината в поселке Таежном под Красноярском. Впоследствии – главный архитектор Красноярска. Автор проекта реконструкции Красноярского драмтеатра. Умер в Ереване в 1973 г.

КРАСОВСКИЙ Виктор Петрович. Москвич. Работал в Проектном отделе, в технико-экономической группе.

КРАСНОЩЕКОВ Яков Михайлович. Топограф. Строитель. Умер в Москве.

КРЕСОВ Г.А. В 50-х – 60-х годах – прокурор Норильска.

КРЕСТНИКОВ Р.М. В конце 50-х годов – заместитель по строительству начальника Горнорудного управления Норильского комбината.

КРЕСТНИКОВА Н.П. В конце 50-х годов – начальник планового отдела Управления Комбината.

КРОНФЕЛЬД Михаил Львович. Работал в Норильскснабе.

КРУТОВ Михаил. Рабочий-горняк Норильского комбината, в 50-х годах – участник литобъединения.

КРУЖКОЛ Б.Н. В начале 60-х годов – главный инженер строительной конторы «Стальмехмонтаж» Управления капитального строительства Норильского комбината.

КСИНТАРИС Василий Николаевич. Крупный специалист по организации материально-технического снабжения и транспорта, в частности, водного. В течение многих лет – руководитель Норильскнаба. Сплотил здесь отличный коллектив работников. Хранил в памяти разнообразнейшие сведения о наименованиях, количестве, местонахождении грузов и транспортных средств, на которых они находились (пароходы, баржи, плоты, и т. д.). Пользовался большим авторитетом и уважением норильчан. *(Примечание автора-составителя:* Ксинтарис В.Н. был мне знаком по работе в Госснабе СССР, где я работал много лет после окончания Всесоюзного юридического заочного института в 1974 г. Василий Николаевич был первым заместителем председателя Госснаба СССР, его уважали как авторитетного и опытного руководителя. Умер в Москве в 2004 г.).

КТАТОРОВ Александр Федорович. Преподаватель Московского Высшего технического училища им. Баумана. В Норильске – инженер-строитель Проектного отдела. Затем – руководитель технического отдела Стройконторы Норильского комбината по устройству земляной дамбы на правом берегу Енисея в Подтесове (вблизи впадения Ангары с целью образования затона для речных судов и их зимнего отстоя). Там же построен Механический завод для ремонта судов Енисейского управления речного пароходства.

КУГУЛЬДИНОВ Давид Никитович. Поэт, член Союза Советских писателей с 1940 г. В Норильске работал разнорабочим, учетчиком на конебазе, санитаром в родильном доме (1948), на мясной базе. В середине 50-х годов участвовал в литобъединении.

КУЗНЕЦОВА Хая Яковлевна. Врач, кандидат медицинских наук. Работала в Москве и Свердловске. Вдова репрессированного партийного работника, мать Ларисы Кузнецовой. В Норильске – врач (хирург-ортопед). Успешно провела множество операций, в первые годы Норильска являлась единственным специалистом в детской ортопедии. Пользовалась уважением норильчан. Работала и как рентгенолог. В Норильске стала супругой З.И. Розенблюма. Рано умерла под Москвой, в Дорохово, после инсульта, поразившего ее в Норильске. В Дорохово, на берегу Москвы-реки, и похоронена.

КУЗНЕЦОВА Лариса Семеновна. Дочь Кузнецовой Х.Я. Учительница русского языка и литературы в норильских школах. Одна из первых и активных участников норильского литературного объединения. Блестящий лектор – популяризатор искусства, в частности, музыкального. Автор книги «Беседы об искусстве». Живописец. Живет в Калининграде Московской области.

КУЗНЕЦОВ Виктор Алексеевич. Врач-хирург в больницах Ленинграда. В Норильске работал ведущим хирургом, успешно провел множество операций – полостных, на пищевode и других органах. Неутомимый работник. Впоследствии – главный хирург комбината. Умер в Норильске.

КУЗНЕЦОВ Ф.В. Главный инженер Управления угольных шахт в 50-х – 60-х годах.

КУРАТОВ В.М. В 50-х – 60-х годах – начальник производственно-технического отдела Цеха автоматики и КИП (контрольно-измерительных приборов).

КУРЕННОЙ П.М. В 50-х – 60-х годах – начальник Проектной конторы комбината.

КУРИЕВ Магамет Муртадалиевич. В 40-е годы работал диспетчером на Руднике 7/9, Впоследствии – начальник отдела труда и зарплаты Управления капитального строительства. Живет в Москве.

КУРИЛОВ Владимир Иванович. Начальник рудника «Северный» Норильского комбината в конце 50-х – начале 60-х годов.

КУРЕНЧАНИН В.К. В конце 50-х годов – главный инженер шахты «Центральная» в Норильске.

КУЦ В.Т. В конце 50-х годов – главный энергетик рудника «Южный» Норильского комбината.

КУШНЕВ Александр Павлович. Один из первых строителей комбината. В 50-х – 60-х годах – начальник строительного отдела Проектной конторы комбината.

«Л»

ЛАВРОВ Павел Афанасьевич. Строитель. Умер в Норильске.

ЛАЗАРЕВ В.А. В пятидесятых-шестидесятых годах – главный инженер Механического завода.

ЛАКОМЫЙ В.А. В пятидесятых-шестидесятых годах – народный судья Норильского городского суда.

ЛАПИДУС Елена Львовна. Москвичка. Работала в Проектном отделе, занималась генпланом.

ЛАПИН Юрий Дмитриевич. Инженер-металлург. В конце 50-х годов – второй секретарь Норильского горкома КПСС.

ЛАРИН В.Н. В конце 50-х годов – главный механик Управления угольных шахт.

ЛАССИНГ О.Ф. В конце 50-х годов – главный энергетик Кайерканского шахтоуправления.

ЛАХТИН Александр Александрович. Инженер, до Норильска работал по добыче и переработке торфа. В Норильске на строительстве ТЭЦ, БОФ и других объектов проектировал внутристроечные железнодорожные пути и автодороги, участвовал в проектировании взрывных работ на стройплощадках. Умер в Воронеже.

ЛАУШКИН Никола Павлович. Электрик. Руководитель строительства системы Наркомпищепрома в Москве, в частности, спиртовых заводов (вырабатывавших сырье для искусственного каучука). В Норильске работал по монтажу, а затем на эксплуатации электрооборудования. Умер в Рязани.

ЛЕБЕДИНСКИЙ Владимир Николаевич. Прибыл в Норильск при эвакуации Мончегорского комбината в 1941 г. Работал в конструкторском бюро Отдела главного механика норильского Комбината (в 50–60 годах – начальник этого бюро). Норильский

краевед, автор (вместе с П. Мельниковым) книги «Звезда Заполярья» и ряда газетных и журнальных публикаций по истории Норильска.

ЛЕВЕНШТЕЙН Рудольф Александрович. Работник системы Наркомтяжпрома. В Норильске – ведущий специалист по обеспечению строительства и оснащения комбината строительным и технологическим оборудованием и механизмами. Исключительно добросовестный и рачительный работник при распределении оборудования, пользовался большим авторитетом. Умер в Ленинграде.

ЛЕВИН Эммануил Аронович. Горный инженер. Главный инженер, затем директор рудника «Медвежий Ручей».

ЛЕВИТАН Александр Матвеевич. Главный художник Ярославского театра. В Норильске – архитектор-проектировщик. Умер.

ЛЕВИТАНСКИЙ Борис Ильич. Организатор и технический руководитель крупных предприятий по производству строительных материалов на Украине. В Норильске – главный инженер Управления предприятиями местных стройматериалов, постоянный консультант при их проектировании, крупный организатор и новатор в области технологий производства стройматериалов. Умер в Киеве.

ЛЕВИЦКИЙ О.А. В начале 60-х годов – заместитель начальника Управления снабжения.

ЛЕВЧЕНКО Н.С. В конце 50-х годов – главный инженер шахты «Норильская».

ЛЕВЧЕНКО П.Н. В начале 60-х годов – главный инженер управления «Спецстрой».

ЛЕОНТЬЕВ А.В. В 50–60-х годах – главный инженер Цеха тепловых сетей.

ЛЕРИНМАН Лев Михайлович. Инженер по монтажу оборудования на ряде строек страны. В Норильске – начальник монтажного отдела Управления строительства, начальник Конторы монтажных работ. Эрудированный, неутомимый работник.

ЛЕРНЕР Абрам Моисеевич. Москвич. Учился в Брауншвейге (Германия), работал в Берлине, Париже. Один из строителей московского метро, крупный инженер широкого профиля и большой технической культуры. В Норильске – заключенный, проектировал организацию работ на строительстве ТЭЦ и БОФ

(Большой обогатительной фабрики), где был руководителем технического отдела, затем начальником участка, позднее – главным инженером строительства Большого цементного завода. Исключительно добросовестный и пунктуальный, всегда помогал своим подчиненным в решении их задач, пользовался большим уважением. Ссылный в Красноярском крае.

ЛЕРНЕР Берта Карловна.

ЛЕЩИНСКИЙ Лорен Александрович. Родился в 1930 году. В середине 50-х годов – участник литобъединения.

ЛИБИН Сади Геселевич. Инженер-энергетик. Работал в Москве в области цветной металлургии. В Норильске проектировал катрельные установки, курировал их монтаж. Крупный специалист в этой области. Умер в Москве.

ЛИНДА Яков Михайлович. Механик на крупных предприятиях Москвы. В Норильске – механик на строительстве рудника открытых работ «Угольный Ручей», затем на заводах комбината. Энергичный высококвалифицированный работник.

ЛИТВИНЕНКО В.И. В конце 50-х – начале 60-х годов – главный механик Медного завода.

ЛИФШИЦ С.А. В начале 60-х годов – начальник эксплуатации Автотранспортной конторы.

ЛОКШТАНОВ Григорий Петрович. Работал на стройках Москвы. В Норильске был проектировщиком, некоторое время руководил Проектным отделом, затем ряд лет – руководитель строительства города, был также главным инженером Управления капитального строительства. Энергичный, смелый, боевой работник. Умер в Москве.

ЛОГИНОВ Алексей Борисович. Инженер-металлург. В Норильск прибыл из Мончегорска в 1941 г. Был здесь директором Малого металлургического завода, главным инженером Заводоуправления. При организации Главенисейстроя в Красноярске был назначен его главным инженером (начальником был А.А. Панюков). Оттуда был назначен на пост начальника Норильского комбината (после В.С. Зверева).

ЛОГИНОВ И.Р. В конце 50-х – начале 60-х годов – начальник цеха электролиза никеля Никелевого завода.

ЛОКТИОНОВ Григорий Петрович. Москвич. Работал начальником Проектного отдела, начальником «Медстроя», на-

чальником «Горстроя», заместителем начальника Управления строительства.

ЛОСКУТОВ Ю.А. В 50–60-х годах – директор Механического завода.

ЛУЦЕТ Владимир Наумович. С середины 50-х годов – собственный корреспондент газеты «Красноярский рабочий» в Норильске. Способный журналист, очень порядочный человек.

ЛЬВОВ Анатолий Львович. Журналист, автор нескольких очерковых сборников о Норильске в 60-х – 70-х годах.

ЛЫСАК Л.И. В начале 60-х годов – главный инженер управления «Шахтстрой-1».

ЛЫСЯГИН Г.Н. В 50-х – 60-х годах – заместитель начальника Горнорудного управления по снабжению.

ЛЫСЦОВ А.И. В начале 60-х годов – начальник металлургической лаборатории Горно-металлургического опытно-исследовательского цеха.

ЛЮБАРСКИЙ Александр Иосифович. Работал в Норильск-снабе. Умер в Киеве.

ЛЮБАРСКИЙ. Хозяйственник на Украине. Работник Дудинского порта, затем – руководитель работ по баржестроению в Красноярском порту Норильского комбината.

ЛЮРИ Владимир Владимирович. Горный инженер. Один из ведущих работников угольной промышленности Украины. В Норильске – заключенный, крупнейший проектировщик рудников, начальник горного отдела Проектного отдела. Отличный работник, авторитетнейший специалист. Умер в Москве.

ЛЮТОВ А.В. В начале 60-х годов – главный инженер Цеха водоканализации.

ЛЯНДЕРС Михаил Соломонович. Управляющий аптеками на Украине. Фармацевт высшей квалификации. Организатор аптечного дела в Норильске при больницах. Успешно применял различные лекарственные препараты для замены отсутствующих или пополнения недостающих в условиях Заполярья. Новатор в этой области. Чуткий и внимательный человек, авторитетный советник врачей в применении медикаментов. Умер в г. Бендеры, Молдавия.

ЛЯМ Леонид Михайлович. Журналист, ведущий сотрудник «Известий», ответственный секретарь, заведующий отделом.

В Норильске – заключенный, активный работник Управления строительства по обеспечению привозными стройматериалами. Организованный, четкий и энергичный работник. Умер в Москве.

«М»

МАЗМАНЯН Михаил Давыдович. Бывший архитектор в Ереване. В Норильске – один из ведущих архитекторов Проектного отдела при проектировании города. Умер в Ереване.

МАЖУГА Иван Давидович. Бывший ответственный работник «Хлебоостроя» в Москве – на различных инженерных должностях. В Норильске – ведущий сметчик в Управлении строительства и в Проектной конторе. Работник знающий, исключительно точный и бережливый при разработке смет. Пользовался большим авторитетом в данной области.

МАКАРЬЕВ Иван Сергеевич.

МАКАРИЩЕВ Н.А. В начале 60-х годов – начальник теплотехнического отдела Проектной конторы Комбината.

МАКСИМОВ Георгий Николаевич. Бывший студент. В Норильске работал под руководством М.В. Кима на Мерзлотной станции, был его помощником в гидрогеологической оценке грунтов при закладке фундаментов зданий и сооружений.

МАЛИЦКИЙ Олег Николаевич. В конце 50-х – начале 60-х годов – директор БОФ (Большой обогатительной фабрики).

МАЛЮТА-ЛАЗАРЕВ Леонид Дмитриевич. 1923 года рождения, в середине 50-х годов работал на Имангде в геологоразведочной партии. Участник Норильского литобъединения.

МАЛЫТ Мария Захаровна. Бывший работник в области океанологии. В Норильске одна из первых организовала сеть курсов по обучению строительным профессиям и повышению квалификации рабочих на строительстве. Погибла в Норильске.

МАЛЯВКО П.В. В начале 60-х годов – начальник электровагонного депо Норильской железной дороги.

МАМАЕВ Алексей Семенович. 1925 года рождения, в 1956–1960 годах – участник Норильского литобъединения.

МАМИЧ Ф.Г. В начале 60-х годов – начальник паровозо-вагоно-ремонтного цеха Норильской железной дороги.

МАНИАФ Б.А. В начале 60-х годов – начальник плавилино-рафинировочного цеха Медного завода.

МАНСУРОВ Александр Николаевич. Главный бухгалтер Норильского комбината, организатор бухгалтерского учета на строительстве и в эксплуатации.

МАРЕЕВ Семен Алексеевич. Бывший крупный хозяйственник в Москве. В Норильске – один из ведущих работников Норильскснаба по обеспечению строительства, шахт, рудников и заводов строительными и взрывчатыми материалами. Пользовался авторитетом как бережливый «хозяин» ресурсов и энергичный работник.

МАРЕЙНИС С.М. В середине 50-х годов – главный диспетчер Комбината, в конце 50-х – начале 60-х годов – заместитель главного инженера комбината В.И. Долгих, начальник производственного отдела. Трагически погиб в Алма-Ате при исполнении служебных обязанностей из-за аварии вертолета (уже после Норильска).

МАРДНА Леонард Бернгардович. Учился в Сорбонне, Париж. Бывший ведущий врач-терапевт в Эстонии. В Норильске – один из образованнейших, авторитетных врачей. Не жалея сил и времени готов был в любое время прийти на помощь больному. Благодаря его внимательности, чуткости, культуре, обаянию и обширным знаниям общение его с больными было всегда благотворным. Пользовался большим авторитетом. По окончании первого срока вернулся из Норильска в Таллин и был снова сослан, на этот раз в Казахстан, где работал участковым фельдшером. Умер в Таллине 24 июня 1982 г.

МАРТЫНОВА Валентина Дмитриевна. Родилась в Якутии, окончила факультет журналистики Свердловского университета в 1956 г. в и том же году была направлена в редакцию «Заполярной правды», где работала сотрудником, заведующей, ответственным секретарем, редактором. Талантливая журналистка, умнейший и высокой порядочности человек. Впоследствии перешла на партийную работу, была заведующей отделом пропаганды и агитации Норильского горкома КПСС. Ныне заведует Городским отделом союзпечати.

МАРТЫНЧИК Г.С. В начале 60-х годов – главный энергетик рудника «Угольный Ручей».

МАТАНЦЕВ Леонид Павлович. Был секретарем парторганизации Норильскстроя в бытность начальников Норильскстроя В.З. Матвеева и А.П. Завенягина. Был одно время начальником строительства в Подтесове на Енисее.

МАТВЕЕВ Владимир Зосимович. Первый начальник Норильскстроя в подготовительный период строительства. Правление Матвеева совпало с подготовительным периодом строительства Норильска (сменивший его А.П. Завенягин открыл новый, I-ый строительный период в истории Комбината).

МАТЯШ Александра. Химик, педагог. Умерла в Кишиневе.

МАХОВ В.А. В начале 60-х годов – начальник сводно-производственного бюро Главной бухгалтерии (финансово-экономического отдела) комбината.

МАХНОВЕЦКИЙ Иосиф Михайлович. Бывший крупный организатор по монтажу оборудования на предприятиях Северного Кавказа. В Норильске – ведущий руководитель монтажа теплотехнического и энергетического оборудования ТЭЦ и других объектов. Знающий, энергичный, боевой работник, отличный организатор, пользовался большим авторитетом и уважением. Умер в Ростове-на-Дону.

МАШЬЯНОВ Н.П. В конце 50-х – начале 60-х годов – заместитель начальника Технического отдела комбината (В.А. Дарьяльского), главный металлург. Позднее – директор комбината. В конце 70-х годов – в Москве.

МЕГРАБЯН Елизавета Лазаревна.

МЕЗИН И.И. В начале 60-х годов – главный инженер управления «ТЭЦ-строй».

МЕДВЕДЕВ Н.С. В начале 60-х годов – начальник отдела кадров Управления угольных шахт.

МЕЛЬНИКОВ В.А. В начале 60-х годов – заместитель главного механика комбината.

МЕЛЬЦЕР Эсфирь Григорьевна. Педагог, преподавательница английского языка в школах Норильска, а также обучала английскому языку руководителей комбината. Жена М.Ш. Кантора. Живет и работает в Свердловске.

МЕКЛЕР Ефим. Работал в Проектном отделе, в группе архитекторов.

МЕНЯЙЛОВ В.Н. В начале 60-х годов – заместитель главного инженера комбината по технике безопасности.

МИЗЮЛИН Юрий Николаевич. В 1956 году – участник Литобъединения.

МИЛЬЧАКОВ Александр Васильевич. Был одним из первых руководителей комсомола, секретарь ЦК ЛКСМ Украины и затем ЦК ВЛКСМ. В конце 30-х годов работал в золотодобывающей промышленности (в Бодайбо), был начальником Главзолото. В Норильске – заключенный, работал под руководством А.Н. Злобина по планированию снабжения комбината. Умер в Москве в 1973 г.

МИНЕНКО Лидия Владимировна. Один из ведущих архитекторов при проектировании города Норильска. Жена В.С. Непокойчицкого.

МИРОШНИЧЕНКО Д.С. В начале 60-х годов – главный инженер Шахты «Кайеркан-Новая».

МИНЕНКО Лидия Владимировна. Из Ленинграда. Работала в Проектном отделе, в группе архитекторов.

МИНЕНКО Иван Филиппович, 1904 года рождения. Работник управления «Жилстрой-1», в середине 50-х годов – участник Литобъединения.

МИТРИШИНА Валентина Илларионовна. В середине 50-х годов – участница Литобъединения.

МИЦЕНГЕНДЛЕР Юрий Литманович. Ленинградец, шахматист. Работал в Проектном отделе, в группе конструкторов-строителей. Один из ведущих инженеров-строителей и проектировщиков (преимущественно промышленных объектов) Норильска.

МИХАЛИШИН Николай Никитич. В середине 50-х годов – работник турбинного цеха ТЭЦ. Участник Литобъединения.

МИШУК Василий Демьянович. До Норильска работал на Урале по обогащению медных руд. В Норильске – инженер по проектированию обогатительных предприятий комбината.

МИХЕЛЬМАН Михаил Давыдович. До Норильска работал в Москве в области энергетики. В Норильске – на ведущих должностях в энергосистеме. Один из ветеранов Норильска. Умер в Москве 11 ноября 1982 г.

МИЦКЕВИЧ В.А. В начале 60-х годов – начальник электроцеха ТЭЦ.

МУНТЯН Иван Иванович. До Норильска работал по бухгалтерскому учету. В Норильске выдвинулся на руководящую работу в бухгалтерии строительства, в начале 60-х годов – главный бухгалтер Управления капитального строительства. Один из старых норильчан.

МУМРИЕНКО В.А. В конце 50-х – начале 60-х годов – начальник управления «Электромонтаж».

МИХАЙЛОВ Георгий Варфоломеевич. Работал в Проектном отделе, в группе сантехников.

МИХАЙЛОВА Раиса Петровна. Приехала в Норильск в середине 50-х годов из Саратова. Педагог. Работала в «Заполярной правде», заведовала отделом культуры. Вышла замуж за технорука механизированной снегоборьбы Юрия Михайловича Смолова, избранного в начале 70-х годов председателем исполкома Норильского горсовета. Ныне она возглавляет Телестудию Норильска.

МИЛЛЕР И.Л. В начале 60-х годов – главный инженер Норильской комплексной геологоразведочной экспедиции.

МУСОФРАНОВ Степан Петрович. Заключение. Занимался составлением и контролем строительных смет. Начальник Центральной строительной лаборатории УКСа.

МУРОМЕЦ Афанасий Никитович. Работал в Проектном отделе, в группе горняков.

МУРАВЬЕВ Дмитрий Максимович. Инженер-строитель, много лет возглавлял строительство города Норильска. Получил вместе с группой других норильских строителей Ленинскую премию за внедрение на строительстве города свайных железобетонных фундаментов на вечномёрзлых грунтах (1966 г.).

МУРАХТАНОВ Юрий Васильевич. Геолог. В конце 50-х – начале 60-х годов – заместитель начальника Отдела технического контроля комбината.

МЫШАЛОВ Ефим Георгиевич. Работал в Центральной химической лаборатории комбината.

«Н»

НАГОРНОВ Александр Михайлович. Горный техник. Работая на рудниках Норильска, окончил Всесоюзный заочный

политехнический институт (в середине 50-х годов) по горно-геологическому факультету. После Ю.Н. Зинюка был начальником Окисиликвитного завода (1950–1955 гг.), много сделал для совершенствования организации производства жидкого кислорода в Норильске. Хороший организатор и инженер. Некоторое время был секретарем парткома Горнорудного управления комбината.

НАЙДЕНОВ. Работал в Проектном отделе, в группе генплана и строительства.

НЕНАШВИЛИ Мария Викторовна. Вдова А.В. Косырева. В Норильске работала с 1939 года (Норильскснаб). Живет в Москве с дочерью и зятем.

НЕНШТИЛЬ. Художник, сотрудник (внештатный) «Заполярной правды» в 50-х – 60-х годах.

НЕПОКОЙЧИЦКИЙ Витольд Станиславович. Главный архитектор города Норильска. Заложил основу его архитектурного облика. Сформировался здесь как крупный градостроитель. С группой из 10 градостроителей получил Ленинскую премию (1966 г.).

НЕПОМНЯЩИЙ Юрий. Участник Литобъединения в середине 50-х годов.

НИКИТИН Павел Евдокимович. Патологоанатом. Умер в Ленинграде.

НИКИТИНА А.Т. В начале 60-х годов – помощник первого секретаря Норильского горкома КПСС.

НОВГОРОДОВ М.Д. В 50-х – 60-х годах – начальник Норильской железной дороги.

НОВОСЕЛОВ В.Т. В начале 60-х годов – начальник шахты «Норильская».

НОВОКРЕЩЕНОВ В.И. В начале 60-х годов – начальник управления «Шахтстрой-1».

«О»

ОБЫДЕННОВ И.П. В начале 60-х годов – главный механик Кайерканского шахтоуправления.

ОВЧАРОВ В.С. В начале 60-х годов – заместитель начальника Планового отдела комбината.

ОВЧИНСКИЙ Михаил Соломонович. Бывший работник энергопромышленности. В Норильске – руководитель монтажа энергетического оборудования на строительстве заводов, энерго-объектах и линиях электропередач. Знающий, отличный работник. Трагически погиб в Норильске.

ОВЧИННИКОВ Виталий Кириллович. 1928 года рождения. Участник литобъединения в середине 50-х годов.

ОГИБАЛОВ Т.А. В 50-х – 60-х годах – директор Цементного завода.

ОЙХМАН Марк Давыдович. Бывший главный инженер консервной промышленности Советского Союза. В Норильске – один из ведущих работников Норильскснаба, сначала в руднике, затем в городе и Дудинском порту по организации материально-технического снабжения водного и морского транспорта и складского хозяйства Норильского комбината. Работник широкого диапазона, энергичный организатор. Пользовался большим уважением за ум, бескорыстие, отзывчивость. Умер в Москве.

ОЛЕНИНА Анна Федоровна. Бывший партийный работник в Москве. В Норильске – одна из ведущих медицинских сестер Центральной больницы в области физиотерапии.

ОРЕСТОВА Елена Игоревна. 1928 года рождения. В середине 50-х годов – преподаватель физики в школе № 1 Норильска, участница литобъединения.

ОСТРОВСКИЙ Михаил Семенович. Бывший дипломат. В Норильске – ведущий работник Финансового отдела и юридический консультант комбината. Широко образованный, отличный работник. Погиб в Норильске.

«П»

ПАВЛОВ Борис Семенович. Из Красноярска. Бывший работник в области геологии. В Норильске – один из ведущих специалистов Проектного отдела по геологии при решении задач, относящихся к основаниям и фундаментам проектируемых зданий и сооружений. Работал в содружестве с М.В. Кимом. Не имея законченного высшего образования, в октябре 1948 года, когда в Норильске открылся У КП ВЭПИ, поступил сюда студентом и несколько лет учился, посещая вечерами после работы

лекции и лабораторные занятия, сдавая экзамены и зачеты. Умер в Красноярске.

ПАНЮКОВ Александр Алексеевич. Заместитель начальника Комбината при Завенягине А.П. Начальник комбината после А.П. Завенягина. До этого – начальник Дудинского порта. Проявил себя как хороший организатор. Человек многоопытный, хорошо знавший людей, уважительно к ним относившийся, он сам снискал к себе уважение в коллективе комбината. Впоследствии – начальник Главенисейстроя в Красноярске. Умер в Красноярске.

ПАПЕНКОВ Василий Иванович. Бывший работник железнодорожного транспорта. В Норильске – проектировщик, затем главный инженер строительства авиапорта в Туруханске.

ПАПЕРНО. Инженер-металлург. В Норильске – один из ведущих проектировщиков металлургических предприятий.

ПАСКАЛЕВА Лилиана Ивановна. Заключение. Старшая медсестра инфекционного отделения Центральной больницы. Болгарка, вдова репрессированного. Лишилась ребенка (мальчика) при отправлении из Владимирской политической тюрьмы на этап в Норильск. Пользовалась любовью больных и персонала. Уехала в Болгарию. Сказывали люди – приезжала она в Москву мальчика своего искать...

ПАРИЦКИЙ Зиновий Иосифович. Работал в Управлении промышленности местных строительных материалов. Умер в Киеве.

ПЕВЗНЕР Федор Михайлович. Бывший комсомольский работник. В Норильске – ближайший и достойный соратник В.Л. Гарфункеля по главной диспетчерской Управления строительства.

ПЕРФИЛОВ Иван Макарович. Военный инженер-строитель. В Норильске возглавлял строительство ЦРМЗ, ТЭЦ, БОФ, затем был заместителем начальника комбината по строительству. В организации строительства в Норильске являлся учеником, ближайшим помощником и последователем А.П. Завенягина. Из всех руководителей комбината единственный в полной мере понимал все значение строительства авиапортов в Туруханске, Нижней Тунгуске, Енисейске, всячески помогал этому. В Норильске вырос в крупного организатора строительства. К со-

трудникам и рабочим относился с вниманием и уважением. Дисциплина на стройках, им возглавлявшихся, базировалась, кроме сознательности большинства работников, на особом уважении командиров участков, прорабов, мастеров, бригадиров, техперсонала к своему руководителю. После Норильска работал на Дальнем Востоке, жил и работал в Москве, руководил хозяйственным строительством, возглавлял «Центрохимстрой» и «Мосгорпроект» – проектную организацию по гражданскому строительству. Умер в Москве.

ПЕТРЕНКО Михаил Евгеньевич. Инженер-электрик из Москвы. Работал в «Норильскснабе», руководил комплектацией и снабжением энергооборудованием строек и предприятий Норильска. Энергичный работник. Умер в Москве.

ПИЩИК Зиновий Львович. В Норильске одно время, после временного перемещения М.В. Кима, в Проектном отделе возглавлял Мерзлотную станцию. Затем работал по эксплуатации жилищного хозяйства города, ведя наблюдения за надлежащим состоянием подземного хозяйства в жилых домах, в зданиях общественного назначения и т. д. в целях обеспечения консервации вечной мерзлоты. Энергичный работник, усердный и добросовестный специалист.

ПЛЕШКОВ Анатолий Георгиевич. Вольнонаемный. Инженер-строитель из Томска. В 1942–1943 годах возглавлял строительство Оксидокислотного завода на горе Рудной в окрестностях Норильска. Затем был начальником конторы «Рудстрой» в Норильске, руководил возведением электростанции завода динамонов и оксидокислотного завода, механического завода, возглавлял строительную контору на реке Тей («Соврудник» г. Северо-Енисейск Красноярского края) для «Енисейзолото», входившего в то же ведомство, что и Норильский комбинат (работы там велись силами комбината). Впоследствии проявил себя как изобретатель, сконструировал подвесные леса Плешкова и др., сконструировал «Ледорез» – устройство для транспортировки грузов по льду замершей реки – идея не была осуществлена. Спокойный, уравновешенный, уважительный к людям человек. Умер в Красноярске.

ПЛИТРЕНКО Михаил Евгеньевич. Энергетик из Москвы. В Норильске руководил комплектацией и снабжением энергоо-

борудования строек и действовавших предприятий. Умер в Москве.

ПОДА Леонид Артемьевич. Бывший спортсмен. В Норильске – прораб, затем главный инженер строительства города (в течение многих лет). Работник энергичный.

ПОДОЛЬСКИЙ Соломон Семенович. Бывший руководящий работник в области культуры (театр и т. д.). В Норильске – на планово-экономической работе, начальник планового отдела Норильскснаба. Энергичный, образованный. Впоследствии опубликовал исследования о Станиславском и Немировиче-Данченко и другие. Умер в Москве.

ПОЛТАВА Владимир Иванович. Первый раз прибыл в Норильск в 1940 году из Харькова, затем недолго работал на строительстве Красноярского порта Норильского комбината. Вернулся оттуда в Норильск, был начальником ОТК, главным инженером Управления строительства, заместителем начальника комбината по строительству. Признанный авторитетный строитель-организатор. Человек отзывчивый, добрый, большой культуры и обаяния, с уважением относился к работникам строительства и пользовался большим уважением как в коллективе строителей, так и всего Комбината. Впоследствии – депутат Верховного Совета РСФСР, член Союзного совета колхозов, руководитель всего строительства на селе. Рано умер в Москве, похоронен на Новодевичьем кладбище.

ПОЛОЗОВ Алексей Иванович. Бывший техник-строитель в Нечерноземной полосе России. В Норильске заведовал столлярной мастерской на строительстве ТЭЦ, работал прорабом, начальником строительства авиапорта в Подкаменной Тунгуске, позже – совхоза Норильского комбината в Курейке.

ПОЛУЭКТОВ Владимир Евгеньевич. Родился и провел юность в Москве. Отбывал срок в Норильлаге и после отбытия работал. Умер в Москве. Автор воспоминаний «Взгляд в прошлое» (журнал «Воля», 1993г., № 1, издательство «Возвращение»).

ПОЛЯКОВ Арий. Бывший работник в области спорта. В Норильске работал по обслуживанию воздушной трассы Надежда–Красноярск. Впоследствии – мастер спорта по альпинизму. Опубликовал очерки по этому виду спорта. Живет в Москве.

ПОСТОЛОВ Александр Самойлович. Работал в Управлении промышленности местных строительных материалов.

ПОТАПОВ Михаил Георгиевич. Бывший инженер-путеец, работал на эксплуатации железных дорог. В Норильске – заключенный, первый начальник участка на так называемой Промплощадке в зиму 1939–1940 годов по строительству БМЗ (Большого металлургического завода, так тогда назывался Никелевый завод). Тогда же стал работать над важнейшей проблемой Норильска – снегозащитой. Конструировал, изобретал и испытывал различные способы и конструкции ограждения от снежных заносов и определил оптимальные методы, которые до сих пор являются основой норильской снегозащиты. Потапов М.Г. первый заложил теоретические основы снегозащиты. Применение его методов позволило вести строительные работы в условиях сильнейших и длительных пург и эксплуатировать шоссейные и железнодорожные пути в Норильске и его окрестностях. Был способным рисовальщиком. Пользовался большим уважением и известностью на строительстве и в Комбинате. Умер в Черногорске Красноярского края (линия Агинск-Абакан) в 1954 г. от инфаркта.

ПОПОВ Евгений Александрович. Из Ленинграда, работник гидрологической службы. Работал в Плановом отделе, занимался гидрологией грунтов совместно с М.В. Кимом и Б.С. Павловым. Муж Грязневой В.И. Умер в Ленинграде.

ПОПОВ Благой. Болгарин, политработник, сподвижник Г. Димитрова.

ПОПОВ Георгий Андреевич. Врач, работал в больницах Ленинграда. В Норильске – один из ведущих врачей-терапевтов.

ПРОВОТОРОВ. Бывший начальник дивизии в годы Гражданской войны и после ее окончания. В Норильске – топограф на строительстве ТЭЦ и других стройплощадках. Работник исключительной добросовестности, большой выдержки, выносливости. Один из примеров: при бетонировании железобетонных фундаментов под металлические колонны здания ТЭЦ, когда требовалась большая точность при заделке анкерных болтов и др., Провоторов не отходил от теодолита, несмотря на мороз в 44 градуса, пока не были окончены все эти работы.

ПРОВОТОРОВ Олег. В 1948–1953 годах – студент-заочник учебно-консультационного пункта ВЭПИ в Норильске, работал в лаборатории, кажется, ТЭЦ.

ПРУССАК Касриэль Израилевич. Бывший руководитель народного просвещения на Нижней Волге. В Норильске – ведущий бухгалтер Управления строительства. В последний год жизни – бухгалтер совхоза в районе Дудинки. Прекрасный работник, один из редких людей, про которых говорят: человек исключительной чистоты. В Дудинке оборвалась его жизнь.

ПЫШКИН Анатолий Александрович. Бывший руководящий работник санаторно-курортного дела в Ленинграде. Повар высшей квалификации. В Норильске – шеф-повар лечебных учреждений, организатор лечебного и диетического питания больных и детей, в частности, в доме отдыха и пионерских лагерях Норильского комбината в Таежном. Умер в Ленинграде.

«Р»

РАБИНОВИЧ Лев Александрович. С Украины. Горный инженер. Один из технических руководителей Донбассугля. В Норильске – заключенный, один из руководителей горного сектора Проектного отдела, был главным инженером, начальником этого отдела.

РАВДЕЛЬ Захар. Муж Фроси, бывшего секретаря Завенягина А.П. Умер в Москве.

РАКИТСКАЯ Анна Ильинична. Бывшая служащая. В Норильске – сотрудник Проектного отдела. Участник самодеятельности – драмколлектива.

РАКОВИЧ Леонид Николаевич. Бывший студент, первый руководитель геодезической группы Управления строительства. Первый произвел разбивку (планировку на местности) улиц, площадей и домов города Норильска: ул. Орджоникидзе, пл. Октябрьской, ул. Севастопольской, а также некоторых промсооружений на промплощадке. Умер в раннем возрасте в Москве после заболевания крови в Норильске.

РЕМЕЙКО Софья Михайловна. Врач-педиатр Центральной больницы, пользовалась большим авторитетом. Живет в Москве.

РОГОВЕР Григорий Борисович. Работал в системе Наркомтяжпрома. Доктор геолого-минералогических наук, один из ведущих геологов Норильска, опубликовал фундаментальный труд о Норильском месторождении. Умер в Москве.

РОЙТЕР Леонид Андреевич. Строитель из Украины. Работал главным инженером на строительстве Большого металлургического завода (Никелевого завода). Один из ведущих строителей промышленности Норильска. Заместитель начальника ОКСа Управления комбината. Энергичный работник. Вместе с группой других строителей Норильска удостоен Ленинской премии (1966 г.). Умер в Норильске.

РОДИОНОВ Владимир Евстафьевич. Врач-хирург, в Норильске – организатор больницы, первый главный хирург комбината. Организатор конференции врачей. Пользовался авторитетом. Умер в г. Шуя Ивановской области.

РОЗЕНФЕЛЬД Самуил. Химик. Умер в Москве.

РОЗЕНТУЛ Григорий Израилевич. В Норильске занимался материально-техническим снабжением. Знающий, отличный работник, бережливый хозяйственник.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Серафим Федорович. Бывший служащий из Москвы. В Норильске успешно работал на предприятиях стройматериалов.

РОЗЕНБЛЮМ Захар Ильич. Заключение. Врач Литфонда Союза писателей. Внимательный, чуткий. Выпускник Военно-медицинской академии в Ленинграде, знающий, авторитетный врач-терапевт Центральной больницы Норильска. Организатор лечебного дела в Дудинке. Лектор-просветитель. Впоследствии – врач санатория в Подмоскowie. Умер в Москве 15 марта 1990 г.

РОЗНАРОВСКИЙ Николай Николаевич. Старейший работник Норильска. Работал в Дудинском порту, на строительстве и на предприятиях по производству местных строительных материалов.

РОГВИН Владимир Иванович. График по оформлению книг. Руководил типографией в Норильске. Член литобъединения. Впоследствии кандидат искусствоведения, доцент Полиграфического института в Москве.

РОССИ ЖАК. «Очаровательный человек, я с ним дружил во 2 л.о. Архитектурный художник. Освободился и тут же ему «подсобили» 2-й срок на 5 лет!! Газета «Московские новости» (1990 г., № 37) сообщила, что Жак Росси выпустил в Лондоне «Словарь ГУЛАГа». Живет Росси во Франции». (Письмо Шами-

са И. Щеглову С. от 25.11.1990 г.) В тюрьме в Москве он сидел в одной камере с Иосифом Адольфовичем. Шамис, видимо, не включил Росси в своей «Синодик» из-за осторожности – эмигрант! – *Примечание автора-составителя*).

РУМЯНЦЕВ Серафим Федорович. Волжанин. Работал в Проектном отделе в группе конструкторов-строителей. Пользовался уважением в коллективе. Один из ведущих тройки конструкторов-строителей: Румянцев–Стрельцов–Шер.

РЫЖЕВСКИЙ Марк Яковлевич. Специалист-технолог по кислороду, монтировал оборудование Большого кислородного завода. Погиб при исполнении служебных обязанностей – из-за взрыва скважины с окисилитным зарядом на руднике открытых работ «Угольный ручей». Похоронен в Норильске.

«С»

САБСАЙ Александр Владимирович. Бывший политработник на Украине. Один из руководителей отдела снабжения Норильского комбината. Впоследствии – руководитель снабжения Красноярского Совнархоза. Умер в Красноярске.

САВВА Лев Андреевич. Горный инженер. В Норильске – один из пионеров по строительству угольных копей и рудников.

САГАЯН Петр Осипович. Бывший комсомольский работник. В Норильске заведовал Бетонным заводом Metallургстроя, затем заведовал Кирпичным заводом. Энергичный работник.

САМОЙЛОВ Николай Эдуардович. Бывший служащий. В Норильске – сотрудник Проектного отдела. Участник самодеятельности, певец.

САМОЙЛОВ Александр Павлович. Заведующий Медицинской лабораторией. Умер в Ленинграде.

САРАФ Николай Иванович. Работал в Проектной конторе. Живет в Москве.

САПОЖНИКОВ Александр Каллистратович. Инженер – механик. Конструктор Проектировщик Проектного отдела комбината.

СВИРСКИЙ Зиновий Романович. Москвич. Работал в Проектном отделе, специалист по горному оборудованию.

СЕНДЕК Вячеслав Мечиславович. Работал на строительстве Большого металлургического завода (Никелевого завода).

СИНЕЛЬНИКОВ Петр Петрович. Бывший главный макетчик Дома пионеров в Ленинграде. В Норильске – заключенный, как специалист-макетчик сделал макеты ландшафта Курейки до строительства там Павильона Сталина.

СКАЛИГЕРОВ. Заключенный, занимался разработкой генпланов в Проектном отделе.

СКОЛДИНОВ Виктор Васильевич. Бывший служащий. Работал в Управлении строительства Норильского комбината. Участник самодеятельности, рассказчик, конференсье.

СКОРОХОДОВ Александр Кастанович. По образованию – топограф, окончил топографический техникум. Бывший комиссар Военно-строительной академии в Москве. В Норильске – топограф, работник отдела генплана Проектного управления.

СЛЕЙЦОВА Александра Ивановна. Врач-терапевт. В Норильске работала в Центральной больнице по Заводской улице.

СЛИВИНСКАЯ Тамара Ивановна. Москвичка. Бывшая служащая. В Норильске работала в Проектном отделе в группе теплотехников. Участник коллектива самодеятельности.

СМИРНОВ Сергей Михайлович. В Норильске возглавлял Санитарный отдел. Много сделал для налаживания медицинского обслуживания строителей и эксплуатационников.

СМИРНОВ Василий Васильевич. Бывший служащий. В Норильске – сотрудник Проектного отдела. Участник самодеятельности. Исполнял партию Фауста.

СОРОКИН Аркадий Михайлович. Художник и фотограф в ведущих журналах Москвы, главный художник газеты «Известия», в Норильске – заключенный, первый организатор фоторабот и фотоархива. Сделал много фотовыставок и стендов в Норильске и Красноярске. Умер в Москве.

СОПРЫКИН Василий Андреевич. Бывший главный инженер строительства «Дворца Советов» в Москве и технический руководитель строительства Магнитогорского меткомбината. Работал в Проектном отделе. Один из первых ведущих проектировщиков и руководитель Группы организации работ по строительству Норильска («ПОР»). Впоследствии – начальник Metallургстроя в Челябинске. Умер в Москве.

СОКОЛОВ Андрей Тимофеевич. Инженер-металлург. До Норильска занимал видное положение в металлургии. В Но-

рильске в среде крупных специалистов пользовался большим авторитетом благодаря своим знаниям, усердию, большой интеллигентности.

СТРЕЛЬЦОВ Ефим Корнеевич. Бывший работник Метростроя в Москве. Один из самых авторитетных инженеров ведущих проектировщиков Проектного отдела комбината. Умер в Калуге.

СТЕПАНЧЕНКО Михаил Константинович. Бывший хозяйственник. Технолог. Один из ведущих проектировщиков Проектного отдела комбината, участвовал в проектировании заводов цементного и ЖБИ. Был куратором проекта Дудинского порта. Умер в Куйбышеве.

СТЕПАНИЦЕВ Борис Степанович. Прораб на стройках Белоруссии. В Норильске строил Большой кислородный завод. Впоследствии работал начальником строительного участка на реке Тея от Комбината.

СУПРУНЕНКО Николай Владимирович. Работник Норильского совхоза, литератор, поэт («Заполярная правда» 29.03.1990 г.).

«Т»

ТАГЕР Семен Николаевич. Москвич. Специалист по языкознанию. Человек большой культуры. Работал в Проектном отделе, занимался пояснительной запиской в группе комплектации проекта. Образцово организовал дело комплектации, оформления и выпуска проектов и смет.

ТЕРПОГОСОВ Владимир Ваганович. Металлург. Одно время был главным инженером комбината. Умер в Норильске в молодые годы.

ТИТКОВ Дмитрий Сергеевич. До Норильска работал в добывающей промышленности. В Норильске вел проектирование рудников открытых работ.

ТИХОМИРОВ Петр. Бывший служащий. В Норильске – сотрудник Проектного отдела. Участник самодеятельности – скрипач и руководитель оркестра.

ТОРЗЯНОВА Славка, она же Поскалева, она же Лилиана Ивановна. Бывшая болгарская революционерка. В Норильске – одна из лучших медсестер в больнице. Живет в Софии.

ТОРОЦКО Николай Николаевич. Заключение. Техник-архитектор. Разрабатывал проекты социально-бытовых объектов, в т. ч. Дома отдыха и пионерлагеря при совхозе «Таежный», а также пристани на Енисее. Работал в Проектном отделе в группе архитекторов.

ТРУБА Тарас Иванович. С Урала. Заключение. Участвовал в монтаже Кислородного завода, цеха поглотителей и в их эксплуатации, активно работал по изготовлению, производству, испытаниям и внедрению оксиликвитов. Производил взрывные работы оксиликвитами и данамонами. Дальнейшая судьба неизвестна.

ТУМИНАС. Врач из Литвы. В Норильске – главный врач-венеролог, успешно проводил лечение венерических болезней, получивших распространение после 1942г. Организовал для выздоравливающих временные жилые поселки для изолированного проживания бывших больных. Пользовался большим авторитетом и уважением.

«У»

УРВАНЦЕВ Николай Николаевич. Выдающийся геолог, доктор геолого-минералогических наук, один из первооткрывателей Норильского месторождения (1883–1985). Руководил пионерскими изыскательскими партиями на Таймыре с 1919 г., первый описал месторождения угля и полиметаллических руд.

УСЕВИЧ Игнат Васильевич. Горный инженер. Руководил горнорудными и угольными предприятиями Норильского комбината. Пользовался уважением в Норильске. Умер в Ленинграде в 1979 г.

«Ф»

ФАЙБЫШЕВ Оскар Ильич. Химик. Умер в Москве 27 декабря 1982 г.

ФАЮТКИНА. Одна из первых директоров средних школ в Норильске.

ФЕДОРОВСКИЙ Николай Михайлович. Геолог, профессор, педагог, один из первых педагогов Норильского горно-металлургического техникума. Умер в Москве.

(Н.М. Федоровский был выдающимся советским ученым – специалистом в области минералогии мирового уровня, автором многих монографий и сотен научных статей, одним из редакторов первого издания Советской технической энциклопедии (1930–1936 гг.) Все, что совершено в советской и мировой минералогии, а отчасти и в горной промышленности, до середины 30-х годов XX века, связано с его деятельностью.

В 1939 г. Н.М. Федоровский был осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР по ст. 58 УК на 15 лет исправительно-трудовых лагерей.

До Норильлага, куда он по этапу прибыл в 1945г., Н.М. Федоровский работал в Воркутинском лагере, но и там заключенный ученый думал о том, как и чем он может помочь своей родине.

В письме Сталину Федоровский убедительно рассказывал, какими чудовищными методами велось следствие, сообщал, как его, члена-корреспондента Академии Наук, заставляют валить деревья в тайге и долбить кайлом мерзлую землю. В письме «отцу народов» он заявил: «Использовать меня с моей специальностью, с тридцатилетним стажем, широкими новыми идеями в условиях заключения – это все равно, что микроскопом забивать гвозди».

Последующая работа преподавателем в Норильском техникуме была для Федоровского благом (также как и для некоторых других профессоров-заключенных – Урванцева, Шмидта, Невского, Штейна и др.).

В 1950 году (а может быть в конце сорок девятого) Николая Михайловича, как особо «тяжкого контрреволюционера», бросили в только что образованный в Норильске Горлаг.

Дополнено автором-составителем по материалам книги Щеглова С.Л. «Федоровский Н.М.»).

ФИАЛКОВ Аркадий Анатольевич. Киевлянин. Работник сахарной промышленности на Украине. Экономист, руководитель технико-экономического сектора Проектного отдела. Организовал в нем сметную работу. Активный работник. Умер в Куйбышеве.

ФИШЕР Владимир Эмильевич. Работал в Наркомате иностранных дел – секретарем наркома, консулом. В Норильске – рабочий на стройке Большого металлургического завода. В конце

лета 1940 г. по болезни был отправлен на «материк», где и умер в возрасте около 40 лет.

ФИШБЕЙН Оскар Ильич. Бывший политработник. Человек большой культуры. Заключенный. Работал в Проектном отделе. Главный инженер Большого цементного завода (с постройкой которого Норильск перестал завозить цемент с материка), Большого кирпичного завода. Умер в Москве в 1982 г.

ФИШМАН Яков Моисеевич. В Норильске – преподаватель органической химии в техникуме.

ФРЕНКЕЛЬ Меир Львович. Главный инженер проекта Коксохимзавода, затем работник конторы «Портстрой» в Дудинке. Организовал производство древесины для норильской металлургии. Умер в Нижнем Тагиле, где был один из ведущих металлургов.

ФРУМКИН Александр Аронович. Москвич. Был начальником энергетической группы Проектного управления, затем – главный инженер этого Управления.

ФУКЗАН Марк Давыдович. Горный инженер, руководитель горных предприятий Норильского комбината. Пользовался авторитетом и уважением. Умер в Москве.

«Х»

ХАЗИН Самуил Яковлевич (Абрамович). Окончил Одесский политехнический институт. Работал в проектных организациях. Руководящий проектировщик теплотехнических сооружений. Опытный, энергичный работник. Умер в Харькове.

ХАРАЗ Борис Израилевич. Строитель из Киева. В Норильске – один из первых строителей гражданских зданий и сооружений. Работал на строительстве Большого металлургического завода (Никелевого завода). Отличался как хороший организатор, знающий отличный работник.

ХАРИН Федор Аркадьевич. Главный металлург.

ХЕСИН Илья Соломонович. Бывший руководитель Планового управления Комитета заготовок. Ответственный работник, ведущий бухгалтер, руководитель ревизионной работы в Управлении строительства Комбината. Человек большого кругозора, пользовался большим уважением. Умер в Москве.

ХОБОТОВ Николай Иванович. Московский инженер-строитель, руководил Технической группой ТЭЦстроя, был главным инженером строительства электростанции и мехзавода в Северонисейске на Тее для «Енисей-Золото». Строил ТЭЦ Норильлага. Энергичный, волевой.

ХОВРИН Владимир Николаевич. Инженер-металлург, работал в проектных организациях. В Норильске работал в Проектном отделе, проектировал строительство металлургических объектов. Умер в Воронеже.

ХОДЗИНСКИЙ Ян Маркелович – заключенный, экономист, Закончил Одесский институт народного хозяйства. Бывший работник советских учреждений. Работник талантливый и энергичный. Заведующий финансовым отделом УКСа Норильского комбината. Арестован в 1937г. В 1938 г. был на Соловках. Умер в г. Пушкино под Москвой.

ХОДЗИНСКАЯ Антонина Александровна. Работала в Управлении строительства комбината.

ХОРУНЖИЙ Сергей Константинович. Архитектор, вольнонаемный. Его проекты отличались оригинальными решениями. До Норильска работал на Дальнем Востоке. Умер в Москве.

ХУТОРСКОЙ Дмитрий Степанович. Бывший руководитель железнодорожного транспорта на Магнитогорском меткомбинате. В Норильске руководил железнодорожным транспортом на ТЭЦ-строе, БОФ-строе и на Руднике открытых работ.

«Ц»

ЦАЛЬКОВИЧ Исай Маркович. Военный инженер-строитель. Один из руководителей Военно-инженерной академии в Москве. В Норильске – заключенный, организовал Отдел проектирования организации работ («ПОР») и руководил им. Пользовался большим авторитетом. Умер в Москве.

ЦАРЕВА Наталья Ивановна. Одна из первых директоров Норильской средней школы.

ЦОЙ Ольга Петровна. Бывший инженер-теплотехник, работала на Дальнем Востоке. В Норильске работала в Проектном отделе, в группе теплотехников.

ЦЫГАНКОВ Федор. Работал экскаваторщиком на Магнитогорском меткомбинате и отличился там. В Норильске – первый экскаваторщик на строительстве ТЭЦ. Большой специалист, отличный работник. Пользовался уважением Завенягина А.П., Перфилова И.М. и всех строителей.

«Ч»

ЧЕТВЕРИКОВ Петр Антонович. Бывший ответственный работник Наркомфина. Работал плановиком в Управлении строительства Норильского комбината. Живет в Москве

«Ш»

ШАМИС Иосиф Адольфович. Бывший многолетний сотрудник на ответственных должностях в организациях по строительству элеваторов и мельничных комбинатов в Москве. Один год 1934/35 – работал заместителем начальника строительства мельничного комбината под Хабаровском, вблизи впадения реки Усури в Амур.

В Норильске – инженер на строительстве Теплоэнергоцентрали, Большой обогатительной фабрики и Рудника открытых работ. Руководил строительством Завода динамонов на месторождении «Медвежий ручей». Затем в течение ряда лет был старшим инженером – куратором периферийныхстроек Норильского комбината по Енисею: авиапортов в Туруханске, Подкаменной Тунгуске, Енисейске, совхоза и поселка в Курейке, совхоза и дома отдыха с пионерлагерем в Таежном, строительства дамбы и мехзавода в Подтесово, строительства электростанции и мехзавода для «Енисейзолота» в Северо-Енисейске, строительства Дудинского и Красноярского портов, строительства города Норильска.

Несколько корреспонденций на строительные темы и очерков в сотрудничестве с Щегловым С.Л. напечатал в «Заполярной правде» – газете Норильска (печатается по тексту, написанному Шамисом И.А., блокнот № 1, 1977 г. – *Примечание составителя*).

ШАРОЙКО Александр Емельянович. Металлург. Руководил Проектным управлением. Хороший, знающий работник. Первый

главный инженер проекта Норильского комбината. Умер в молодые годы в Мончегорске во время командировки.

ШВАРЦБРЕЙН. Работал в Норильскснабе. Умер в Москве.

ШЕВЧЕНКО Александр Платонович. Строитель с Украины. В Норильске – главный инженер строительства ТЭЦ, главный инженер строительства земляной плотины с затоном в Подтесове.

ШЕЙНМАН Юрий Михайлович. Работал в геологических организациях Москвы. В Норильске работал в Геологическом управлении комбината. Доктор геолого-минералогических наук.

ШЕЙНИН Исаак Григорьевич. Плановик из Москвы. В Норильске – специалист по планированию, работал в Отделе главного энергетика. Умер в Москве.

ШЕНДЕРОВИЧ Арон Маркович. Инженер-механик из Ленинграда. В Норильске – главный механик предприятий местных строительных материалов. Умер в Норильске в раннем возрасте.

ШЕР Михаил Львович. Москвич, проектировщик. Работал в Проектном отделе, в группе конструкторов-строителей. Выдающийся инженер, энергичный работник, пользовался большим авторитетом и уважением. Живет в Москве.

ШИПОВ Адам Львович. Бывший работник воензавода. Руководитель плановой работы на ТЭЦстрое, БОФстрое и Горстрое. Проявил себя знающим, энергичным работником. Умер в Москве.

ШИШКИН Илья Захарович. Врач-терапевт в клиниках Ленинграда. В Норильске работал терапевтом. Умер в Ленинграде.

ШИКОВА Вера Васильевна. Техник-химик. В Норильске работала в Химической лаборатории. Участник драматического коллектива самодеятельности. Живет в Москве.

ШЛЯПОЧНИКОВ Александр Семенович. Работал юрисконсультom в Дудинском порту комбината, затем – в Норильскснабе. Впоследствии – специалист по хозяйственному праву, доктор юридических наук. Умер в Москве в 1979 г.

ШПИГЕЛЬ Исаак Львович. Финансист, работал в учреждениях Москвы. В Норильске занимался планированием работы угольных шахт, был руководителем планового отдела на строительстве в Северо-Енисейске на реке Тея для «Енисей-Золото».

ШПИСС Виктор Оскарович. Работал в Проектном отделе Комбината в группе конструкторов-строителей. Знающий, опытный работник, активный участник норильской самодеятельности. Бас. Исполнял арии Мефистофеля в «Фаусте» и арию Греммина в «Евгении Онегине» и др. Живет в Москве.

ШТЕРЕНГЛУЗ Давид Наумович. Плановик. Умер в Киеве.

ШУЛЬМАН Исаак Яковлевич. В Москве – один из руководителей «Главникеля», Наркомтяжпрома. В Норильске – заключенный, экономист Проектного отдела. Занимался технико-экономическим обоснованием проекта Норильского комбината. Умер в Москве в 1979 г.

«Щ»

ЩЕГЛОВ Сергей Львович. В Норильск прибыл студентом. Участвовал в строительстве Большого кислородного завода с цехом поглотителей, затем – в его эксплуатации и в проведении взрывных работ на рудниках с применением окисилквитов. Впоследствии – директор Большого кислородного завода. Одновременно закончил Всесоюзный заочный политехнический институт по специальности инженер-технолог. Один из первых участников литературного объединения в Норильске. Старейший сотрудник газеты «Заполярная правда», где много лет печатался. Написал первую книгу о норильском строительстве – «Город Норильск».

Написал книгу о Н.М. Федоровском, а также очерки о писателях А.Н. Гарри, А.Н. Зуеве, о других первостроителях Норильска – геологе Роговере и др.

Впоследствии – член Союза журналистов СССР. Написал несколько книг – повествований о тульских мастерах и др. Заведующий промышленным отделом Тульской областной газеты «Коммунар», где, кроме текущих обзоров, печатал ряд фундаментальных статей, в т. ч. относящихся к жизни Л.Н. Толстого в Ясной Поляне и др.

Один из лучших знатоков-летописцев Норильска. Литературная фамилия – «С. Норильский».

Человек большой энергии; деловой; исключительно любознательный, чуткий и внимательный ко всему, что касается заро-

ждения Норильска, его подготовительного и начального периодов, а также последующего его развития. С любовью и тщанием собирает, обрабатывает и хранит материалы и документы по истории Норильской стройки и людях Норильска.

Человек доброго сердца, отзывчивый к невзгодам товарищей и готовый прийти им на помощь; бескорыстный и скромный, пользуется большим уважением первостроителей Норильска и многих их преемников по Заполярью.

(Примечание автора-составителя: запись о Щеглове С.Л. публикуется в редакции Шамиса И.А.).

ЩЕКУН Леонид Алексеевич. Студент из Омска. Погиб в Норильске при взрыве оксидквита на Руднике «Угольный ручей».

«Э»

ЭПШТЕЙН Иероним Яковлевич. Заключенный. Один из руководителей «Кузнецкстроя». Строитель. Юрист. Главный инженер Отдела капитального строительства (ОКСа) Управления комбината. Строитель от Б-га, способный и беспокойный, увлеченный и бескорыстный. Один из инженерных лидеров-первостроителей. Разработал и внедрил много рационализаторских мероприятий в строительстве Норильска. Удостоин Ленинской премии за разработку проблемы фондирования зданий на свайных фундаментах в условиях вечномерзлых грунтов и за применение на практике в широких масштабах железобетонных свайных фундаментов. Человек кристально чистой души. Умер в Москве 20 октября 1981г.

ЭПШТЕЙН Анатолий Ильич. Работал на «материке» рабочим на строительстве Соцгорода Магнитогорского металлургического завода. Заключенный. Строил в Норильске Большой металлургический завод (Никелевый завод). Очень способный, знающий, энергичный, скромный, преданный делу, беспредельно «горячий» работник. Рано умер в Норильске.

ЭПШТЕЙН Самуил Исаакович. Работник газеты «За индустриализацию» органа Наркомтяжпрома, из Москвы. Работал в Управлении строительства. Талантливый лектор. Скромный, отличный работник, пользовался уважением. Живет в Москве.

ЭЛЬКИНД Абрам Моисеевич. Заключенный. Строитель из Москвы. Окончил Одесское художественное училище по отделе-

нию архитектуры. Все, что он делал, делал самым добросовестным образом и скромно, без афиширования. Работал в Норильске на разных стройплощадках: «Жилстрой», «Шахтстрой» и др. В Управлении строительства ведал обеспечением привозными стройматериалами. Был куратором строительства прокатного стана, сделанного в Норильске и изготавливавшего арматурные изделия из металлолома. Человек разносторонних знаний в области зодчества, преданный работник, скромный, лишенный всякого честолюбия, незаметно делал отличнейшим образом порученную ему работу. Умер в Москве 25 февраля 1969 г.

ЭРЕЦ Петр Александрович. Инженер-горняк. Работал в Проектном отделе, Горном секторе. Заслуженный горняк.

Сергей Норильский

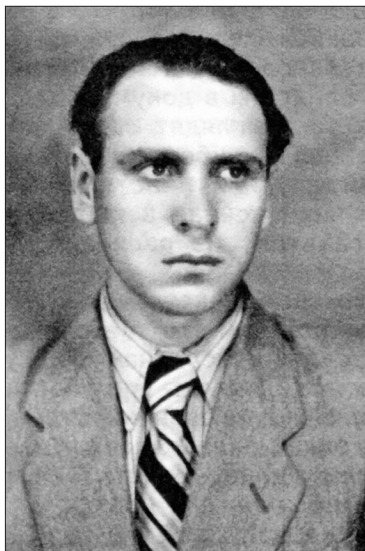
Одиссея Ивана Касилова

Есть в истории события, о которых современникам широко известно. События могут быть разного масштаба, об одних знают все на земле, другие – значения местного. Идут годы, наступают юбилейные даты и слава этих событий множится, крепнет у потомков: дотошно изучают подробности, создают книги, драмы, фильмы, всевозможные исследования.

Но есть события, у которых иная судьба. Современникам о них почти неизвестно, тем более – потомкам. И лишь долгое время спустя появляются о них сведения, становится понятна их значимость, место на скрижалях истории. Идут годы, с ними уходят участники и свидетели, уносят в небытие детали; что-то удаётся отыскать.

В июне 2013 года Норильск отметил 60-летие присвоения ему статуса города. Те, кто им правит, устроили торжества, пригласили гостей, ветеранов. Были речи, воспоминания, концерты, застолья, – все, что полагается в таких случаях.

А в том же году, примерно в то же время, в начале лета, наступила годовщина, о которой мало кто вспомнил в Норильске. Стукнуло 60 лет с бунта, точнее сказать, – акции невооружённого давления заключённых на лагерное начальство и советское правительство. Десятилетия в строжайшем секрете охранялась тайна этой героической акции гражданского неповиновения. И только со сменой общественно-политического строя в стране, с распадом СССР, стали постепенно, малыми дозами, просачиваться сведения об этом событии. Но даже и до сих пор о нем известно лишь узкому кругу лиц по напечатанному в немногих оппозиционных или правозащитных газетах, журналах, сборниках. Меня, как ветерана строительства комбината, пригласили

*Касилов Иван Степанович, через
2 месяца после реабилитации.
Август 1956 г.*

на юбилей города, и я оказался единственным, кто мог что-то сказать сверх того юбилея. Я и сказал, и это прозвучало среди торжественно-хвалебных слов диссонансом, хотя о трагических событиях лета 1953 и я не обмолвился, а кратко напомнил, что кроме вольнонаемного начальства были в то время и десятки тысяч заключенных.

А дело было так. 20 октября 2012 года пришел в Тульское областное историко-просветительское и правозащитное общество «Мемориал» Виктор Николаевич Агеев, житель поселка Дубна Тульской области. Принес мне пачку документов с предложением использовать в научно-исследовательской работе. При этом рассказал, что послал эти материалы в Норильский музей и в редакцию «Новой газеты» в Москву. Виктор Николаевич приложил опись документов, посланных сотруднице «Новой газеты» Елене Рачевой, известной публикациями на правозащитные темы, а также тексты своих сопроводительных писем ей и директору Норильского музея С.Г. Слесаревой, и несколько страниц «Новой газеты» (два разворота выпуска «Правда ГУЛАГА» с материалом красноярского корреспондента «Новой» Алексея Тарасова под интригующим заголовком «Полковник кричит часовому: «Стреляй!» Часовой говорит: «Не могу!»).

Дата и номер выпуска газеты на разворотах не обозначены. В публикации под рубрикой «Хроника сопротивления» рассказывается о забастовке в самом строгорегимном подразделении Норильлага – каторжном Горлаге – в июне 1953. В основе – воспоминания участников тех событий А. Байло, Ядвиги Малевич, Евгения Грицяка, Бориса Шамаева, исследования норильской журналистки Аллы Борисовны Макаровой. Опубликованы фотографии Грицяка, Малевич и Шамаева, взятые из книги Г.И. Касабовой «О времени, о Норильске, о себе» (Москва), а также из архива Красноярского «Мемориала». О материалах Касилова – ни слова.

Насколько мне известно, первая обширная публикация о норильской акции появилась в журнале «Родина» (Москва) зимой 1997 г. Это был очерк Владимира Серебровского «Черные флаги Горлага». Кое-что там перепутано (в основном – в иллюстрациях, фотоснимках). Но в целом главные факты, изложенные по фондам Норильского городского архива и Норильского общества «Мемориал», совпадают с тем, что напечатано потом в «Новой газете».

Были публикации, сочиненные по принципу: «Слышали звон, да не знают, где он». Так, в материале «Жизнь за мгновение свободы» в бюллетене Белорусского правозащитного центра «Вясна – 96», подзаголовок гласил: «Напомним о восстании узников, которое произошло в Норильске осенью 1957 года». Судя по изложенным фактам, речь шла о событиях лета 1953. Упомянуты десятки белорусов, – участников тех событий.

Я обратился к книгам Галины Ивановны Касабовой «О времени, о Норильске, о себе». VI том (2005 г.) почти весь посвящен воспоминаниям о событиях лета 1953. Иван Стефанович Касилов упоминается на пятнадцати страницах. Приводится отрывок из его жалобы на приговор Красноярского суда 1954 г., найденной в Красноярском краевом государственном архиве. Цитирую этот отрывок в сокращении:

«Примерно 9 мая 1953 г. з/к Вольяно был посажен в ШИЗО. Находясь в штрафном изоляторе, Вольяно каким-то образом узнал о том, что в этом изоляторе находится группа заключенных, завербованная работниками оперативного отдела для производства так называемой «волынки» <...>

Так как с Вольяно я был очень хорошо знаком по двухгодичному пребыванию в одной бригаде, то при встрече на руднике «Медвежий Ручей» Вольяно сказал мне: «Иван, готовится ужасное дело. Люди <...> завербованы оперотделом, чтобы подвести массу заключенных под расстрел» <...>

Услышав об этом, я посоветовал Вольяно, чтобы он оповестил заключенных. Вольяно страшно перепугался и начал упрасивать меня, чтобы я никому ничего не говорил об услышанном, так как в противном случае нас немедля убьют <...> Уже 26–27 мая в жилую зону 1-го лаготделения были занесены 200 ломов и топоров, чтобы устроить страшную резню <...> 1 июня в производственной зоне рудника «Медвежий Ручей» группой из шести человек, одетых в бушлаты с номерами, была предпринята попытка взорвать главный трансформатор на ГПП, питающей электроэнергией рудник «Медвежий Ручей» и рудник 3/6. Когда же заключенные, заметившие диверсантов, хотели поймать их, эта группа пустилась наутек и была пропущена сквозь колючую проволоку. Часовой, стоявший на вышке, огня не открыл <...> Четвертого июня <...> по заданию оперотдела Горлага был подожжен стационар (больница) с больными. В этот же день у одного из заключенных жилой зоны я увидел самодельный пистолет <...> Ни в одном из лаготделений Горлага заключенные не бастовали по собственной инициативе, а были втянуты в «волынку» при помощи мерзких провокаций и неприкрыто оголтелых террористических актов со стороны работников МВД» (стр. 25–35).

Процитированные строки приведены в открывающем публикацию очерке Аллы Макаровой. Вот выдержка из этого очерка со стр. 665.

«13 июня, 1-е лаготделение. По радио (громкоговорители установлены вокруг всей зоны) полковник Кузнецов приказывает заключенным выйти за зону, он кричит: «Ломайте окна и двери! Не бойтесь Френкеля и Касилова! Бейте их! Режьте их!». Понимая, что дальнейшее сопротивление поведёт к кровопролитию, комитет приказывает заключенным выходить из зоны. На вахте охрана сразу арестовывает Френкеля, Касилова, Коваленко, Измаилова, Галему и других членов комитета, их отправляют в центральный штрафной пункт – изолятор Горлага».

О том, что произошло в этом изоляторе, Алла Макарова приводит опять-таки слова Касилова:

«4 августа 1953 г. было избито 85 человек, с переломом конечностей и рёбер, а также повреждением внутренних органов почти у каждого избитого. Под окном моей камеры непрерывно в течение 18 часов раздавались страшные крики и стоны. Особенно громко кричавших били досками по голове. Операцией руководил старший лейтенант Ширяев. Исполнители – старшина Бейнер, старший сержант Воробьев, завхоз Грошев (разжалованный офицер) и еще около 10 человек – младших сержантов и рядовых» (стр. 77).

Заканчивая свое исследование, Алла Макарова пишет:

«Отдельная, всё еще мало изученная тема – судьбы руководителей норильского восстания <...> Известны дальнейшие судьбы Павла Френкеля, Ивана Касилова, Владимира Недоросткова, Павла Фильнева и многих других» (стр. 82).

Это напечатано в 2005 году. С тех пор удалось выяснить немало новых сведений.

В том же шестом томе опубликованы воспоминания Григория Климовича. На стр. 207 он сообщал:

«Не сидели сложа руки и в 1-м отделении, где забастовочный комитет возглавляли старые опытные лагерники Павел Френкель, Иван Касилов, Михаил Измайлов, Георгий Зябликов и др. В этом отделении по инициативе Френкеля было принято обращение в Президиум Верховного Совета и подготовлен документ «Почему мы бастуем?». Готовились к встрече с комиссией и женщины 6-го отделения, и каторжане 3-го отделения».

Воспоминания участников норильской акции были продолжены в седьмой книге «О времени, о Норильске, о себе», вышедшей в том же 2005 году. Об Иване Касилове упоминал Евгений Грицяк (стр. 94), – автор первой книги о норильских событиях, изданной ещё в 1980 году в США. Бронос Златкус называет И. Касилова членом «представительства комитета на Медвежке» (с. 299) и ссылается на его жалобу. «В создаваемый комитет – представительство в 1-м Горлаге – вошли С. Вольяно, его друг А. Быковский и И. Касилов», – писал Златкус. Он же свидетельствовал: 8 июня прибыла московская комиссия во главе с Кузнецовым, в зоне пробыла два часа. Переговоры с ней вели П. Френкель, М. Измайлов, И. Касилов» (с. 301).

Свидетельства участников норильской забастовки помещены и в восьмой книге «О времени, о Норильске, о себе», выпущенной в 2006 году, и в последующих книгах. А за несколько лет до того я познакомился с одним из самых активных участников стачки – Львом Александровичем Нетте.

Так что прежде чем вникнуть в документы Ивана Касилова, оказавшиеся в моих руках, я именно благодаря им вник и в события, которые прошли от меня стороной, но, разумеется, не могли не волновать. Всколыхнулись личные впечатления, вспомнились знакомые, принимавшие участие в тех событиях.

Несколько слов о характеристике событий. Думаю, называть их восстанием неправильно. Что за восстание, что за бунт? Бунтовщики не убили ни одного из тех, против кого бунтовали. То была грандиозная стачка, забастовка заключенных. Непривычным к такому сопротивлению властям выгодно было определить её как восстание, дабы оправдать уничтожение беззащитных безоружных людей, осмелившихся открыто выразить свой протест, свои требования. То была акция гражданского неповиновения, вспыхнувшая в условиях, когда в стране началось ослабление диктатуры. Сами участники акции, её организаторы, за редкими исключениями, не называли её восстанием.

Документы, переданные Агеевым, начинались следующей рукописной тирадой:

«Сегодня, 14.VIII-2003 года, врачу Агееву Виктору Николаевичу передаю на вечное хранение и любое использование две тетради с некоторыми документами, переписанными чужой рукой с моих подлинных, которые были у меня отображены 6 октября 1984 года органами КГБ Белгородской области при обыске в доме № 2 по улице Шаришкова в городе Грайвороне. Обыск производился по случаю оказавшейся в руках КГБ записи на магнитофонную плёнку моей поэмы под названием «О том, как старик уходил до Христа».

Документы, отображенные у меня 6 октября 1984 года, относятся к дням событий весны – лета 1953 г., окончившихся массовым расстрелом каторжного лагерного отделения Горлага МВД СССР. Было убито 150 и ранено 300 человек.

Возглавил бунт агент КГБ майор Воробьев вместе с Кузнецовым и полковником Фильневым. Они возглавляли провока-

ционную организацию «Прогрессистов ленинцев» в казахстанских особых лагерях. Осенью 1952 года Воробьев и Фильнев были отправлены в Норильск для организации провокационного восстания, а Кузнецов остался для собственных нужд в Кингире, где он и возглавил провокационный мятеж, жестоко подавленный в июне 1954 года. Читай Солженицына «Сорок дней Кингира».

14.VIII-2003. Касилов»

Подписавший скрупулезно пронумеровал свои документы. Их больше сотни, они составляют внушительную папку.

За прошедшие с дара Виктора Агеева десять месяцев мне не удалось выяснить, почему сведения, оставленные Иваном Стефановичем Касиловым (он умер 14 ноября 2006 г. в городе Ладейное Поле Ленинградской области) не нашли отклика в Норильске. Единственное, чего достиг – предложения Светланы Георгиевны Слюсаревой написать о нем статью в сборник, который готовился в Норильске.

И вот я делаю попытку извлечь из папки Касилова самое содержательное (с незначительными сокращениями, не мешающими смыслу, и с публикацией самых важных документов).

Документ № 1: «Как была принята московская правительственная комиссия в первом лагерном отделении концлагеря Горлага МВД СССР 8 июня 1953 г. в Норильске, рудник «Медвежий Ручей», и мой разговор с председателем этой комиссии, личным референтом Берия, начальником тюремного управления полковником М. Кузнецовым».

Шестого июня 1953 г. до нас дошли слухи, что в город Норильск прилетела комиссия из Москвы и что эта комиссия якобы заняла всю городскую гостиницу. 7 июня 1953 г. стало известно, что эта комиссия посетила 4, 5 и 6 отделения концлагеря Горлаг. Говорили, что заключенные этих лагерных отделений согласились выйти на работу после разговоров с комиссией <...> Были распространены провокационные слухи, что эта комиссия приказала расстрелять выделенных для переговоров делегатов <...>

8 июня 1953 г. был очень холодный день. С утра шел снег, который сменился густым туманом и моросью <...>

Уже 7 июня на 13-часовом заседании «Инициативной группы по наведению порядка и борьбы с провокациями» был разработан план приема комиссии. Говорить с комиссией было поручено мне <...> Было решено выстроить всех заключенных лагерного отделения в виде скобы, охватывающей столы с комиссией. Люди должны были стоять не ближе 5 метров от столов и никому ни по каким вопросам не разрешалось обращаться к комиссии самовольно во избежание беспорядков. Для этой цели в первых шеренгах скобы были поставлены наиболее дисциплинированные заключенные <...> Предусматривалось (что и было сделано) передать комиссии документы, собранные отделом по борьбе с провокациями, изобличающие преступную деятельность работников оперативного отдела и администрации лагеря <...> Вслух перед заключенными и комиссией зачитать документы, выработанные заключенными, и просить комиссию, чтобы она вручила эти документы адресатам.

Примерно в 14 часов нам сообщили, что около вахты № 1 топчется московская комиссия, боясь или не желая зайти в жилую зону лагерного отделения. Для того, чтобы не дать повода для истолкования, что мы не желаем пустить комиссию в зону, мной очень громким голосом было объявлено, что мы от чистого сердца просим комиссию зайти в жилую зону, что мы рады видеть ее <...>

Несколько офицеров различного звания стали заносить столы в жилую зону, поставили недалеко от вахты и накрыли красным сукном. В это время я вместе с Вальяно Ставром находился в кабинете бывшей ППЧ (планово-производственной части, теперь отдел пропаганды нашего комитета) и спешно набрасывал вопросы, которые должны быть заданы комиссии <...> Выйдя из кабинета, я увидел, что люди уже выстроены. За столом сидели: первый справа – мужчина примерно пятидесятилетнего возраста в одежде гражданского образца (кожаное пальто и шляпа). Рядом с ним полковник, затем мужчина лет сорока в гражданской одежде, затем два генерал-майора. У правого фланга столов стояли: полковник Зверев – начальник УВД Красноярского края, и начальник нашего лагеря майор Н. Нефедев. С тыловой стороны столов прохаживался, согреваясь от холода, очень старый генерал-лейтенант по фамилии Сироткин.

К столам подошли кроме меня еще Френкель, Коваленко (впоследствии оказался страшным мерзавцем), Вальяно и Быковский, которые возглавили отдел по борьбе с провокациями (ныне нет в живых: 1 июля 1953 г. нелегально повешены по заданию оперативного отдела концлагеря Горлаг в специально созданном штрафном лагпункте «Купец» на крючках в сушилке лагпункта).

Я обратился к заключенным:

– Разрешите ли вы мне от вашего имени говорить с комиссией?

Раздались громкие единодушные крики: «Разрешаем!»

Я (обращаясь к комиссии): гарантирует ли представленная комиссия, что никаких репрессий над кем бы то ни было из заключенных за разыгравшиеся не по нашей вине события производиться не будет?

За столом поднялся полковник и сказал: «От имени Советского правительства гарантирую вам, что никаких репрессий и расследований, преследований за данные события над кем бы то ни было производиться не будет».

Я: Прошу вас назвать свои имена.

За столом поднялся крайний слева в одежде гражданского образца и сказал: «По поручению Георгия Максимилиановича Маленкова член ЦК Киселев».

Я (обращаясь к заключенным): «На наш протест против произвола, унижения, террора обратило внимание советское правительство. Маленкову – ура!»

Люди – заключенные – закричали: «Ура!»

Затем поднялся полковник, сказав: «Председатель московской комиссии, личный референт Лаврентия Павловича Берия полковник Кузнецов».

Люди также закричали «Ура!» в честь Берия <...>

Этот же полковник стал называть остальных членов комиссии. Показывая на рядом сидящего генерал-майора, он сказал: «Вновь назначенный начальник «Горлага» генерал-майор Царёв».

Я (обращаясь к заключенным): «Братцы! У нас речь идет о ликвидации лагерей, а не о вновь назначенном начальнике лагеря!»

Дружный крик людей: «Правильно!»

В это время люди любопытства ради стали приближаться к столам. Члены комиссии, особенно Киселев, изрядно перепугались, считая, что мы хотим захватить их в плен. Киселев начал махать руками, выкрикивая: «Не приближайтесь! Стойте!»

Я сказал людям, чтобы они отошли на пять метров, что и было сделано. Члены комиссии успокоились.

Я (обращаясь к полковнику Кузнецову): Считаю, что назначение нового начальника лагеря нас совершенно не удовлетворяет: у нас речь идет о ликвидации лагерей и принудительного рабского труда вообще.

Кузнецов и Киселев (одновременно): Не сразу! Не сразу! Все постепенно будет сделано.

Кузнецов (показывая на мужчину, сидящего рядом с генерал-майором Царевым): Это наш секретарь.

Секретарь – фактически это был следователь из Москвы, работник ГБ, который замечал людей в лицо, – был приветствован аплодисментами.

Затем Кузнецов показал на генерал-лейтенанта, который в это время совершенно озяб и все старался согреться движениями, топчась около столов, и добавил: Генерал-лейтенант Сироткин, командующий внутренними войсками... (какого-то военного округа, забыл. И.К.).

Этот генерал был поприветствован слабыми аплодисментами.

Я (обращаясь к Кузнецову): Видимо, этот генерал приехал с вами с целью рекогностировки. Могу заявить вам, да ведь вы и сами видите, что у вас не было надобности везти с собой военного специалиста в звании генерал-лейтенанта.

У нас некого, да и не за что карать. Видимо, вас дезориентировали.

Кузнецов ничего не ответил.

Я (обращаясь к комиссии): Располагает ли представительная комиссия полномочиями в части удовлетворения наших требований? И если да, каким образом и за какой срок это будет сделано?

При слове «требования» почти у всех членов комиссии слегка перекошились лица.

Полковник Кузнецов: Да, да. Вы можете давать нам жалобы, мы разберемся, мы поможем.

Я (обращаясь к Кузнецову): Я считаю, что Вам, работнику, а тем более прибывшему по поручению советского правительства, должно быть слишком дорого и ограничено время; поэтому, если вы начнете разбирать жалобы, а их может поступить вам до четырех тысяч, совершенно естественно, что на разбор этого количества вам потребуется минимум два года. В силу этого для взаимного удобства я предлагаю вам заслушать жалобу, выражающую общую обиду и общие чаяния заключенных. Одновременно я прошу вас как можно быстрее вручить ее адресатам, т. е. в Президиум Верховного Совета СССР и Министру внутренних дел СССР. Эти документы прочтет наш культорг Евдокимов.

Евдокимов очень громким голосом прочел документы «Почему мы бастуем?», «В Верховный Совет Союза СССР, копия Министру внутренних дел Союза ССР». За время чтения документов многие заключенные плакали, особенно старики. Кузнецов и Киселев притворно-сочувственно разводили руками, покачивали головами; генерал-майор Царёв глазами хищника смотрел на меня. Генерал-лейтенант Сироткин ходил позади столов, раскачивая головой <...> По прочтении документов Евдокимовым *полковник Кузнецов* сказал:

«Номера с одежды и решетки с окон снимем. С сегодняшнего дня бараки запираются не будут, рабочий день укорачивается до восьми часов, переписку разрешаем по одному письму в месяц; инвалидов и стариков отправим на родину, но предупреждаю: не всех! Вот что мы можем сделать на месте. А теперь так: пойдём или нет?»

Здесь следует заметить, что 5, 4 и 6 отделения «Горлага» после посещения их комиссией на работу вышли, что особенно не по душе было московской комиссии; так что в нашем лагере Кузнецов умышленно не сказал об этом <...> Если бы Кузнецов сказал нам об этом, то мы тоже бы вышли на работу. Но цель у Кузнецова была другая.

Я: Основной объект нашей работы находится на руднике «Медвежий Ручей». Как вы знаете, зона оцепления этого рудника занята бастующими. Я считаю, что вы сначала должны договориться с заключенными производственной зоны рудника. Если люди из зоны рудника изъявят желание зайти в зону лагеря, тогда в лагере будет решен вопрос о выходе тоже на работу.

Полковник Кузнецов: Я предлагаю вам выделить делегатов, желательно, чтобы они все знали русский язык. Количество делегатов должно быть не более 15 человек. Лучше всего по одному человеку каждой национальности. С этими делегатами мы будем работать в назначенные нами время и месте. А теперь выделите три человека своих людей, мы впустим их в зону рудника, где они сообщают содержание нашей беседы и приведут людей в жилую зону лагеря.

После меня отчет за порядок в лагере начал делать Коваленко, причем я шепнул ему, чтобы он попросил членов комиссии предъявить свои мандаты или документы.

Коваленко: Некоторые малограмотные люди предлагают мне проверить ваши документы. Я считаю, что этого делать не нужно, т. к. мы и так видим, что вы из Москвы.

Кузнецов (обращаясь к заключенным): Что, вы разве не верите нам?

Я: Этих людей на протяжении многих лет притесняли и обманывали, поэтому их трудно убедить словами, не подтвердив слова действиями или документами.

Кузнецов ничего не ответил. Далее *Коваленко* допустил из ряда вон выходящую глупость. Он сказал: В первые дни забастовки мы арестовали кое-каких людей.

Кузнецов и Киселев (одновременно): Как, как арестовали?

Я: Хочу внести ясность по этому вопросу. Во-первых, мы никого не арестовывали, здесь Коваленко случайно или по политической неграмотности оговорился. Необходимость наличия тюрьмы в нашем лагерном отделении отпадала с первого дня после взятия нами руководства по наведению порядка в лагере. Но на первых порах чрезвычайного положения нам пришлось на несколько часов изолировать отдельных заключенных. Такие заключенные, как Дубасов, Михайлов, Драйчик, Черепанов и ряд других неоднократно выступали на протяжении ряда лет в качестве ложных свидетелей в судах по сфабрикованным так называемым «контрреволюционным» делам, невинно загоня людей в тюрьмы повторно. Эти люди непрерывно сотрудничали с работниками оперативного отдела, занимаясь клеветой. Из-за них люди годами сидели в карцерах и бурах, практически в самых отвратительных камерах пыток. Вы должны знать, какой «любовью»

среди заключенных пользуются работники оперативного отдела. Совершенно логично, что масса заключенных хотела убить этих людей, когда они увидели, что в лагере наступило безвластие.

Кузнецов: Кто хотел убить этих людей?

Я: Персонально не знаю, но крики: «Смерть провокаторам!» раздавались из толпы. Это самое, и другие причины, более серьезные, вынудили меня (нас) взяться за руководство по наведению порядка, поскольку я считаю, что никто не имеет права карать кого бы то ни было самовольно (имеется в виду без разрешения официальных властей).

На первых порах этих людей пришлось изолировать до разъяснения массам, что никто не должен наказывать самовольно <...> После того, как все согласились с нашими доводами, эти люди лишены персонального покровительства <...> Я считаю, что будет самое лучшее, если эти люди сейчас расскажут вам сами, что с ними было.

Первым из строя вышел Дубасов. Первым делом он повернулся спиной к комиссии, а лицом к заключенным, и сказал: «Благодарю вас, товарищи, за то, что спасли мне жизнь. Работники оперативного отдела специально бросили меня к вам, полагая, что вы меня убьете, потому что я много знаю об их преступных делах». Потом он повернулся к комиссии и добавил: «Граждане члены комиссии, я прошу вас записать мою фамилию, вызвать меня в Москву, т. к. я знаю такие дела, о которых вы не подозреваете, и о чем я могу рассказать только в Москве <...> Со мной поступили очень хорошо. Когда меня отвели в барак, то там мне объяснили, что меня не арестовывают, а, напротив, берут под покровительство. Через несколько часов мне предложили выходить из барака и идти, куда я пожелаю. Но я, видя, что в бараке мне ничто не грозит, не хотел выходить сам, т. к. знал, что меня все ненавидят и могут убить. В частности, Касилов предложил мне выходить в зону, а когда я сказал ему, что меня убьют, то он мне ответил: «То, что тебя надо убить, — это верно, но только верно и то, что при твоём положении в зоне тебя никто не тронет даже пальцем. Можешь верить мне на честное слово». Через два дня я вышел в зону».

После Дубасова из строя вышел Драйчик (дневальный в кабинете МГБ), который сказал, что ему никто ничего не сделал плохого.

Потом вышел Михайлов, частый гость в кабинете следователя Алексеева. Он рассказал о нескольких мелких проступках своего шефа.

Потом к столам подошли Вальяно Ставр и Быковский Анатолий, которые передали комиссии собранные ими материалы, избобличающие преступную деятельность работников оперативного отдела и администрации Горлага <...> Кроме того, они зачитали перед комиссией расписки, взятые ими от опекаемых, в которых говорилось: «4 июня 1953 г. какие-то люди пришли за мной и повели в кабинет, где раньше занимался следователь лейтенант Алексеев. В этом кабинете Вальяно и Быковский предложили мне зайти в первый барак и побыть там несколько часов под охраной. Во время моего пребывания в первом бараке ко мне относились очень хорошо, кормили нормально, постель выдали, врачи меня обслуживали. После 12 часов пребывания в этом бараке мне было разрешено идти, куда я хочу».

Далее шла роспись Черепанова. Ему был задан вопрос: «Расскажите, когда и при каких обстоятельствах вы совершили поджог стационара с больными» <...> Ответ: «4 июня примерно в 13 часов дня ко мне пришли два надзирателя, фамилии которых я не знаю и которых до этого не видел в 1-м лагерном отделении, и предложили мне поджечь барак – стационар с больными. Я не хотел этого делать <...> Надзиратели заверили меня, что я за это отвечать не буду, поскольку это согласовано с начальством; но я не поверил им и от поджога отказался. Примерно через полчаса после ухода надзирателей ко мне пришел начальник лагеря майор Нефедев (при этих словах Нефедев, стоявший у стола, побледнел, папироса у него стала прыгать из одного угла рта в другой). Нефедев также предложил мне поджог больницы».

Услышав это, член комиссии Киселев сказал, что он прикажет арестовать Нефедеева; одновременно он предложил Нефедееву покинуть зону, что и проделал последний.

Черепанов продолжал: «Нефедев также <...> утверждал при этом, что пожару разгореться не дадут, а поджог необходим, чтобы под этим предлогом запустить в зону пожармашины и войска. Я согласился сделать это. Полез на чердак, обмотал стропила ватой, посыпал вату с одного конца порохом, который принес мне майор Нефедев, потом зажег вату, погасил пламя с тем, чтобы вата

тлела и дала мне возможность скрыться. Я слез с чердака и закрылся в кабинете санчасти, там сидел, боясь выходить, т. к. все время казалось, что меня заметили. Примерно через полчаса я услышал шум в зоне. Оказалось, что это загорелась крыша барака – стационара <...> После того, как пожар был потушен, ко мне пришли какие-то люди и провели к Френкелю в помещение бывшей КВЧ. Там я увидел, что по подозрению в поджоге стационара задержан также з/к Крыкновский. Крыкновского сразу сдали в руки администрации, т. к. нельзя было оставлять его, учитывая ярость заключенных, которые требовали немедленного повешения Крыковского. Его отвели в первый барак и сдали под охрану. Протокол с моих слов написан правильно. Больше ничего добавить не могу».

Далее шла роспись Черепанова. Этот документ тотчас был вручен комиссии. Кроме этого, комиссии был вручен дневник регистрации событий, что было в лагере за весь период чрезвычайного положения в зоне, а также проект колонизации заключенных, которые почему-то не могут быть полностью амнистированы.

Потом вдруг из строя вырвался Измайлов Михаил, который произнес гневно-обличительную речь, кстати сказать, здесь неуместную.

Далее из строя выскочил итальянец по фамилии Афронтьев и заявил, что он итальянский коммунист, считает себя незаконно наказанным. Заключенные быстро помогли итальянскому коммунисту занять место в строю «фашистов», как нас обычно называли надзиратели и администрация лагеря. Кузнецов еще раз напомнил, что иностранцев отправят на родину, но не всех.

Потом выскочил еще один человек из кавказских национальностей с перевязанной головой, очень похожий на негра, который стал истерически кричать, что нам нужны не ИТЛ, а ОТЛ – отмена трудовых лагерей. Этому человеку также помогли занять место в строю заключенных.

Далее Кузнецов сказал, что он в нашем лагере видит порядок и просит нас до его второго приезда поддерживать порядок в таком же виде. Одновременно он распорядился выпустить в зону рудника трех делегатов, что и было сделано. Затем Кузнецов еще раз напомнил, что мы должны выделить делегатов для совместной работы с комиссией. О времени работы он сказал, что сообщит дополнительно.

В это время из-за зоны лагеря через проволоку сброшено провокационное письмо на украинском языке, в котором сообщалось, что делегаты, выделенные из 4, 5 и 6 лагерных отделений «Горлага» по приказу председателя московской комиссии расстреляны в тундре. Заканчивалось письмо словами: «И ни за что пролылась кровь наших ридных братьив».

Несмотря на это, мы избрали делегатов в количестве 10 человек. В случае, если этих делегатов действительно расстреляют, и чтобы лагерь не остался без руководства, нами были назначены люди, которые после смерти расстрелянных взяли бы на себя руководство лагерем.

Вот так была принята московская правительственная комиссия 8 июня 1953 г. в 1-м лагерном отделении концлагеря «Горлага» МВД СССР (рудник «Медвежий Ручей», г. Норильск Красноярского края).

Восстановлено по памяти в режимной тюрьме, г. Грозный, в марте 195?..».

Как видим, это не протокольная запись, сделанная в ходе события, а скорее воспоминание по свежим следам. По сравнению с опубликованными свидетельствами других участников акции, у Касилова есть подробности, имеющие значение.

Бросается в глаза его стремление выдвинуть себя на первую роль, возвысить свое место в происходившем (Это прослеживается и в других документах). Слабость, свойственная многим. Но вот что важно для понимания места Касилова в событиях лета 1953 года в Норильлаге. Ему было поручено составить обращение к заключенным («Братцы-невольники!»), заявление в Президиум Верховного Совета СССР от лица всей массы и другие документы, требовавшие не только грамотности, но и некоторого литературного умения, эмоционального подъема. Стало быть, заключенные – руководители событий – знали Касилова как человека, больше других подходящего в этом отношении. Из дальнейших документов Ивана Стефановича мы узнаем, что он сочинял стихи и даже написал поэму-сказку. Литературный уровень этих произведений невысок, но они свидетельствуют, что был заложен в этом человеке некий художественный дар. Он не получил развития и должной шлифовки в силу биографических обстоятельств,

но он присутствовал. Дар этот всегда возвышал общественных деятелей среди других, в общей массе. Так было со многими революционерами, руководителями исторических событий.

Документ № 2. К воззванию «Братцы-невольники!»

«На одном из заседаний «Инициативной группы» Вальяно Ставр (позднее повешен по заданию Ч.К.) внес предложение, чтобы под требованиями, выработанными заключенными, подписался каждый. Это предложение было поддержано всеми членами «Инициативной группы» <...>

Мной было написано воззвание под названием «Братья-невольники!» <...> Текст этого обращения:

«В этой беспримерной, благородной и невооруженной борьбе <...> против беззаконий, унижений, насилий, произвола и терро-

Это воззвание истинно было написано
мной 4го июня 1953го года в 1^м лагер-
ном отделении Советского Особо-
режимного концлагеря «Горлава II»
расположенного в городе Тюрингске.
Оно было зачитано перед заключенными
жилой зоны 1го лагерного отделения
Горлава II и передано Кошисену
вместе с другими документами.
Город Людейное-Гюле, Богарина НВ,
корпус II, кв. АЧБ Касилов Иван
Стефанович. 17го марта 2005го года.

Отрывок из рукописи И. С. Касилова

ра, творимых над нами чекистами типа Рюмина, поклянемся, что скорее умрем, чем отступим от своих скромных и вполне обоснованных требований <...> После смерти деспота Сталина новое советское правительство провело ряд мероприятий, направленных на облегчение участи невольников, а также по улучшению жизни всех граждан СССР <...> Наша цель состоит в том, чтобы соблюдать порядок и дисциплину, дожидаться московской комиссии и вручить ей наши жалобы и протесты, а также документы с требованиями, которые она передаст на рассмотрение Верховным Советом СССР и новым советским правительством.

Братья-невольники! Все, как один, поставим свои подписи под святыми словами правды наших документов! Еще немного терпения и усилий, и мы у цели! Свобода откроет двери перед вами! Вы ощутите всю прелесть, всю сладость, всю радость ее благотворного воздействия. Вас ожидает великая радость! Радость встречи с родными и близкими, матерями и отцами, женами и детьми, друзьями и товарищами; Вас ожидает родной кров, родной город, родное село! Вас ожидают слезы радости! Неподписавшихся, забравшихся на нары, накрывшихся одеялами, которые дальше своего носа не видят и дороже своей шкуры ничего не ценят, – презрим и проклянем! Объявим нашими врагами, врагами собственных детей, жен, отцов и матерей. Врагами свободы, врагами гуманизма, врагами прав человека и лицами, не верящими новому советскому правительству.

Г. Норильск, 1-е лагерное отделение концлагеря «Горлага»
МВД СССР.

4 июня 1953 г.»

Документ № 4

Беседа между мной и полковником Борисовым, присланным из г. Красноярска в Норильск и бывшим свидетелем моей словесной дуэли с агентом Берии полковником Кузнецовым, происходившей 13 июня 1953 г. в 1-м лагерном отделении концлагеря «Горлага». Под его началом проходил первый этап следствия. Следствие вели майор Подбережный и лейтенант Алексеев. Беседа происходила 17 июня 1953 г. в одном из кабинетов в здании управления «Горлага». Основная цель беседы состояла в том, что подполковник Борисов потом пытался выяснить: знаю ли я то,

что организатором норильских событий были работники оперативного отдела и администрации «Горлага» МВД СССР. Если бы из этой беседы подполковник Борисов убедился, что я знаю истинное положение дел, следствие было бы прекращено, а меня повесили бы, отравили или убили чужими руками, придумав при этом какую-либо провокацию. Могли распространить ложные слухи, что я якобы всем все рассказал, подделали бы почерк и подбросили кому следует ложные доносы и т. п. Кроме этого, полковника интересовало – прощупать, узнать, что я стою, мою психику, а самое главное, – какое сопротивление я мог оказать следствию. В этой беседе я не показал виду, что я знаю, что норильские события были подготовлены, а затем спровоцированы работниками оперативного отдела и администрации «Горлага» МВД СССР с санкции МВД СССР.

Подполковник Борисов: ... твою мать! Курский ты мужичок! Вот орешь да орешь. Ну кто тебя просил?

Я: Не имеет значения, кто брался за наведение порядка – мужичок или генерал, важен результат.

Подполковник Борисов: Эх, Касилов, Касилов! Ничего ты не понял, ничего ты не знаешь, учили тебя немцы в разведке, да, видать, ничему не выучили. Да знаешь ли ты, кто стоял за твоей спиной?

По-видимому, он ожидал ответ: «Вы».

Я: Я ничего и никого не знаю. Я сам включился в руководство по наведению порядка и за это вы смотрите на меня как на бандита.

Борисов: Сам бандит в тысячу раз менее опасен, чем ты.

Я: Это происходит оттого, что вы в оперативной природе с ними.

Борисов: Брось грубить. Порядок навел... На кой... ты нужен с таким порядком? Без тебя навели бы. И наведем.

Я: Вы своим порядком довели страну до экономической разрухи, а народ до нищеты и голода.

Борисов: Что за мудрые слова... Ты где этого нахватался? Я из тебя эту дрянь вытащу!

Я: Ваш порядок состоит в том, что окружили и опутали всю страну колючей проволокой, «украсили» вонючими бараками да охранными вышками. Трудно понять даже: не то страна – сплош-

ной концлагерь, не то сплошной концлагерь покрыл страну. Разве это порядок, разве это нормально?

Борисов (обращаясь к следователю в звании лейтенанта, который сидел рядом): Ты это запиши ему в протоколы.

Я: Это наша частная беседа <...> поэтому она не должна фигурировать в протоколах по делу. Если она появится в протоколах, то такой протокол мной подписан не будет.

Борисов: Мандовошка! Куда ты денешься? Не такие были, и то подписывали. У нас средств много.

Я: Я не сомневаюсь, что вы прибегнете к варварским средствам, чтобы принудить меня подписывать всю фальшь, которую вы придумаете <...>

Борисов: Мне наплевать на твои слова, мы таких пророков не раз слышали. Лагеря и тюрьмы были, есть и будут, где мы будем держать шпионов, диверсантов, врагов народа и таких прохвостов, как ты, — понял?

Я: Бандитов, врагов народа и таких прохвостов, как вы, действительно, нужно держать в тюрьме <...>

Борисов (обращаясь к лейтенанту): Ты все это запиши!

Я: Можете писать, но этот протокол пригодится вам только как туалетная бумага.

Борисов: Ну, ты не забывай, где ты находишься, а то мы тебе покажем <...>

Я: Я не отрицаю, что вы недалеко ушли от каннибалов, но прошу не запугивать меня, так как страшнее того, что я пережил, вы не придумаете».

«Разъяснения к моему пребыванию в немецкой разведке»

Три раза в этой тетради упоминается о моем пребывании в немецкой разведке (в документах 3, 4, 20, вступительном заявлении в суде 15 июля 1954 г.). Вполне понимаю, что это в какой-то степени может вызвать одиозное чувство ко мне у читателя <...> Коротко объясню, как это было. Прежде всего: даже в приговоре, вынесенном Военным трибуналом по материалам следствия ОКР «Смерш» штаба 5 Гвардейской армии написано, что я не сдавался в плен. Об этом также говорит и мой срок: 10 лет, что по советским законам послевоенных лет — малый срок.

До 1943 года я служил в противовоздушной обороне Тихоокеанского флота: артэлектриком на зенитной батарее около Владивостока. Во Владивостоке у меня был брат, который работал на судостроительном заводе <...> У него было трое детей <...> В начале апреля 1943 года я заезжал к брату, но его уже не было дома: он сидел во внутренней тюрьме Владивостока. Семья бедствовала, их выгнали из квартиры. При следующем посещении я привез его семье 2 кг риса.

Во Владивосток надо было добираться катером через Амурский залив, был шторм. Со мной были какие-то еще двое военных. Как потом выяснилось, это были особисты. При этих людях я начал варить рисовую кашу. Рис я купил у кладовщика. За этот рис меня судили и отправили в штрафную роту.

26 сентября 1943 г. около Витебска в деревнях Верховье и Тарасенко нас, шесть штрафных рот, по 400 человек каждая, весь день бросали в бой без всякой артподготовки. Трупов были кучи, но взять деревню мы не смогли, т. к. наступали через болото по грудь в воде и грязи.

Вечером командованию роты стало известно, что какое-то количество наших бойцов пробралось на скотный двор колхоза и там окружены. Когда стало смеркаться, командир нашей штрафной роты построил остатки ее и сказал: «Кто пойдет добровольцем в разведку?» Я по молодости и дурости вызвался первым. Кроме меня вызвалось еще семь человек. Командир роты добавил к добровольцам еще 20 человек и поставил задачу: пробраться к скотному двору и выяснить обстановку: если наши отбиваются, то помочь, если помочь нельзя, то на рожон не лезть и возвращаться.

У меня была винтовка, но, идя в разведку, я попросил, чтобы мне дали автомат. Какой-то младший лейтенант отдал мне свой автомат. Но этот автомат был поставлен на одиночный выстрел, о чем я не знал. Нас осталось уже 8 бойцов. Над лесом мы вышли против горевшей деревни. Была ночь и дождь. На опушке леса проходило шоссе. Мы, восемь человек, залегли в кювет этого шоссе и решили пробираться в деревню. Я сказал ребятам, что шоссе будем переходить по одному: если первого не обстреляют, тогда поднимемся все.

Я поднялся первым. И как только вышел на середину дороги, то раздалось: «Хальт!» и рядом со мной оказался немец. Я на-

правил на него автомат, но вместо очереди получился один выстрел. Я понял, что автомат заело и, не поворачиваясь, прыгнул в противоположный кювет, где меня сильно ударили прикладом по голове и я потерял сознание. Оказывается, это была немецкая засада. Семь бойцов удрали назад. По возвращении они рассказали, что меня убили немцы. Они действительно, видели, как немец крикнул «Хальт!», раздался выстрел и я упал. Оказывается, немца убил я в упор.

Когда шло следствие, я подробно рассказал, как было дело. Был дан запрос в архив. В запрошенном документе было рассказано то, что и я рассказал. Поэтому мне в приговоре написали правду: «Нарвавшись на немецкую засаду, попал в плен».

28 сентября 1943 г. я был доставлен в г. Витебск в лагерь военнопленных «Шталах» № 6. Попад в этот лагерь, я сразу же, пока не потерял силы, решил бежать и стал подыскивать партнера.

Между прочим, в лагере была свобода слова: кто проклинал Сталина, а кто Гитлера. Я со многими спорил о Сталине, советском строе, а также и о Гитлере. Видимо, там были сексоты и на меня донесли о том, что слышали. Примерно 5 октября 1943 г. меня вызвали в кабинет, где находились русские офицеры в немецкой форме. Они мне сказали, что хорошо и много болтаю. Со мной говорили самым вежливым образом. Узнав, что я радист, они мне предложили поработать радистом. Меня сразу осенило: вот и готов побег.

8 октября к лагерю подъехала легковая машина, меня и еще четыре человек посадили и повезли в г. Витебск. Привезли, накормили, помыли, дали чистое белье, постель и разместили в комнате одноэтажного деревянного дома. Утром я увидел, что немецкие офицеры, которые живут в этом доме, носят эсэсовскую форму, а русские – немецкую, но на головном уборе кокарда царской армии, а на рукаве знак РОА. Оказывается, здесь располагалась команда, опрашивающая вновь поступивших в лагерь пленных. Эта команда принадлежала немецкому государственному разведывательному органу «Цеппелин». От нас ничего не требовали, кормили, а вечером выпускали в город. Видимо, проверяли.

Видя такую обстановку, я выбросил мысль о побеге до худших времен. Стал праздно, свободно и сыто проводить время. Осень в этот год была хорошая. В конце ноября снаряды русской

тяжелой дальнбойной артиллерии стали падать на товарную ж.д.станцию Витебска. Наступила угроза окружения Витебска. Команда, в которой я жил, стала готовиться к эвакуации. В конце ноября команда погрузилась в два вагона и поехала в Литву, в г. Алитус. В Алитусе мы пробыли один месяц, а потом 30 декабря поехали в г. Вильно. Там я жил до 25 января 1944 г., затем меня отвезли в г. Псков, где я жил до марта. В марте меня отправили в г. Ригу, где я проживал до апреля. В апреле меня отправили в Германию – в Верхнюю Силезию и поместили в каком-то запасном полку. Местность называлась Зандберг. Там я пробыл до 1 июня 1944 г., а затем нас, семнадцать человек, отправили в военный городок Тайхвальде, где мы занимались тренировкой на радиоключе и на переносной радиостанции типа «Американка». Жили мы совершенно свободно, после 16 часов дня могли уехать кто куда хотел, но утром обязательно должны были быть на месте. В субботу могли уехать после обеда и приехать утром в понедельник. Одним словом – курортная жизнь. Я вел себя так, что мне и доверять нельзя было, и арестовывать не за что.

Осенью 1944 г. в конце ноября мне пошили форму лейтенанта советской армии, снабдили всеми документами и однажды познакомили с тремя людьми. <...> Мне дали ординарца в сержантской форме. Нам дали задание – ехать в Москву и выяснить все о комитете «Свободная Германия». Не стану описывать все, но с деньгами в триста тысяч рублей я удрал и в конце войны оказался в американской зоне оккупации в г. Зальцбурге. 29 октября 1945 г. я был арестован американскими военными властями по провокационному делу и осужден на пять лет. Не чувствуя за собой вины, я стал добиваться возвращения в СССР. С большим трудом добился этого и 2 августа с моего согласия был передан в советскую зону оккупации в г. Айзенштадт, где меня посадили в подвал, ужасно пытали и в ноябре 1946 года Военным трибуналом штаба пятой Гвардейской армии приговорили к 10 годам лишения свободы.

Вот такой я шпион.

И. Касилов»

Что произошло в Норильлаге и лично в судьбе Ивана Касилова после того, как утихомирили взбунтовавшихся зеков, – об этом выдержки из еще нескольких его документов.

Документ № 7

«Беседа между мной и представителем оперативного отдела и прокуратуры Горлага, – следователем, ведшим дело, лейтенантом Алексеевым и заместителем прокурора Горлага Мимикиным, происходившая 28 ноября 1953 г. в 21 час 30 мин. в служебном кабинете тюрьмы 4-го л/о концлагеря Горлага.

Лейтенант Алексеев (показывая на том – дело, лежащее на столе): Вот мы и провели следствие и ты должен подписать 203-ю.

Любопытства ради открываю том – дело и не вижу в нем никаких дополнений, материалов, кроме провокационного заявления обвиняемого по делу з/к Коваленко Льва Владимировича, которое было написано под диктовку лейтенанта Алексеева три дня назад, т. е. 25 ноября 1953 г. В этом заявлении Коваленко утверждал, что он честный советский гражданин, и что во время забастовки он находился в логове врагов Советской власти Френкеля и Касилова и действовал по принуждению со стороны последних.

Я: Это заявление чисто провокационное <...> Что касается подписи 203-й, то, как вы знаете, она формально подписана мной еще 26 сентября в Красноярске. После этого вам никто не давал санкции на протяжении следствия <...> 206 статья мной была подписана формально, т. к. я знал: подписывай – не подписывай, все равно осудят, если не суд, то Особое совещание (тогда я еще не знал, что оно аннулировано). Теперь я заявляю вам, что я отказываюсь от подписи не только 206-й, но также и от всех показаний по делу, поскольку они придуманы вами да вашим коллегой майором Побережным. Я же подписывал их под действием террора, который творили вы в месте моего содержания («мясокомбинат имени ст. лейтенанта Мирнева»). Вспомните, что говорил мне майор Побережный в вашем присутствии. Он сказал: «Касилов, я из тебя это говно вытащу!» Я поинтересовался, что это значит. Майор Побережный ответил, что он скоро покажет. Действительно, 6 июля 1953 г. в мою камеру был брошен заключенный по фамилии Недоростков Владимир – голый, в бессознательном состоянии, с перебитой рукой, тело синее, из ушей текла кровь. Меня заставили надеть на этого человека белье, а затем какие-то два человека унесли его в другую камеру. После этого в течение всего моего пребывания в этом застенке

там происходили непрерывные избиения вновь поступающих, а 4 августа 1953 г. (день зверского массового расстрела заключенных каторжников 3-го лагерного отделения Горлага) под окном моей камеры стали раздаваться душераздирающие крики и стоны избиваемых, а также грубые выкрики и причитания пьяных палачей Вейнера (еврейской нации), Грошева, Воробьева, десяти или тринадцати солдат и старшин конно-карательных войск подразделения полковника палача Арешина и двух женщин – садисток-надзирательниц. Каждый из палачей бил железным прутом и деревянным колом. Грузовая машина привозила закованных в наручники людей. С машины людей сбрасывали, будто дрова, в одну кучу около входной двери тюремного двора. Затем из кучи брали по одному человеку, клали на живот и начинали избивать».

Далее на протяжении полстраницы Касилов описывает подробности избиения, которое, по его словам, длилось 18 часов, и у 87 избитых были переломаны конечности. Все эти сведения он мог узнать из последующих слухов и разговоров с выжившими в той трагедии. Я мог бы принять эти рассказы за преувеличения, если бы не упоминание Грошева. Этого человека я знал в Норильске в конце сороковых – начале пятидесятих годов. Грошева с женой и двумя маленькими девочками поселили в соседние две комнаты с нашей, на углу Севастопольской и Пионерской, где жили мы с Ниной Ивановной Балугевой и ее сестрой Аней. В начале, когда мы с Ниной поженились, с нами вместе в этой комнате жила работница учетного отдела Норильлага Ада. В 1948 году она вышла замуж за вохровца Грошева. Это был крепкого сложения мужик, прибывший в Норильлаг, как он хвастался, с фронта. Он приходил с работы постоянно пьяным, бахвалился, что не пьет молока, а только «от бешеной коровки». В 1952 году, когда пошли новые репрессии против заключенных и освободившихся по 58-й статье, к которым принадлежал и я, его пьяные выкрики обрушивались на меня и Нину Ивановну, а Ада обзывала меня недобитым врагом народа и грозила: «Твои мать и отец сдохли в лагере, и тебя ждет то же. Сколько веревочке ни виться, конец будет». Я за это время за свою работу на заводе взрывчатых веществ пользовался уважением окружающих и начальства, кроме

того, сотрудничал внештатно в норильских газетах и радио и однажды, потеряв терпение, вынужден был написать заявление в партбюро рудника «Угольный Ручей» (Оксиликвитный завод был в составе этого рудника). Секретарь бюро Иван Тубол и члены бюро меня знали целиком со стороны положительной. После этого издевательства Грошевых стихли, мы с Ниной Ивановной были незлобивые и постепенно у нас с Грошевыми установились, насколько возможно, добрососедские отношения. Девочки Ады вместе с нашими детьми постоянно играли в нашей комнатке. Так продолжалось до тех пор, пока мы с Ниной, моей сводной сестрой Зоей, которую я привез из-под родного Муромы, и матерью Нины Зинаидой Сергеевной, прилетевшей в Норильск, чтобы нянчить наших ребят, не обменяли свою комнатку на более просторную неподалеку, на улице Ломоносова. С Грошевыми мы больше не встречались. Много лет спустя, в один из прилетов в Норильск, до меня дошли слухи, будто Грошев пьяным разбился на мотоцикле.

Такое вот мое личное примечание к рассказу Касилова, который он завершил словами: «Восстановлено 10 июля 1954 г. в камере тюрьмы, расположенной на территории 4-го лагерного отделения Горлага МВД СССР». В то время как я и моя семья, будучи по принуждению вольнонаемными работниками Норильского комбината, терпели издеательства и угрозы Грошевых, Иван Стефанович Касилов, неведомый мой одноклассник с иной судьбой, терпел издеательства Грошева и его соучастников за колючей проволокой.

Штудировав воспоминания бывших каторжан на страницах книг «О времени, о Норильске, о себе», нашел я упоминание о еще одном знакомом, который мучил каторжан.

Вот что запечатлели страницы шестой книги «О времени, О Норильске, о себе».

Из воспоминаний Б.А. Шамаева: «Бил меня оперуполномоченный старшина Калашников в присутствии капитана Тархова <...> Избиениями занимались старший лейтенант Никифоров, старшина Калашников, Ларин, Бейнер, надзиратели Воробьев, Шниперов и другие» (стр. 77).

Из воспоминаний Александра Валюма: «В ночь на 29 июня в сопровождении двух автоматчиков со стороны вахты № 2 в ла-

герь вошли пьяные майор Полостяной, капитан Тархов, начальник штаба дивизиона охраны старший лейтенант Никифоров и оперуполномоченный старшина Калашников. Увидев стоявших возле одного из бараков нескольких заключенных, майор Полостяной скомандовал автоматчикам: «Огонь по фашистам»! Солдаты благоразумно не выполнили приказ пьяного командира. Тогда Полостяной попытался взять автомат у одного из солдат, но тот ему этого не позволил. Полостяной выхватил свой пистолет и хотел выстрелить по заключенным, но старший лейтенант Никифоров вырвал пистолет своего начальника. Озверевший майор, качаясь и безобразно ругаясь, спустил брюки и крикнул: «Вот вам, а не правительственную комиссию!» затем нагнулся и, повернувшись голым задом к заключенным, по-прежнему матерно ругаясь, несколько раз прокричал: «Вот вам! Вот вам, а не комиссию!» Никифоров с солдатами взяли пьяного хулигана под руки и вместе с ним удалились из лагеря» (стр. 134).

Эта же кошмарно-безобразная сцена, дополненная еще более мерзкими подробностями, приводится в воспоминаниях Бориса Шамаева, опубликованных в восьмой книге «О времени, о Норильске, о себе» (2006 год, стр. 56). Она фигурировала на судебном следствии участника «волынки» Табатадзе и подтверждена десятками других очевидцев.

«О том, как проводилась так называемая ликвидация протеста в нашем лагере <...> Подавляющая масса заключенных находилась в своих бараках и других помещениях, – там, где смогли укрыться от автоматных пуль. Администрация при помощи солдат и офицеров охранных войск и других служб МВД стала выгонять заключенных из помещений на улицу. Боясь быть убитыми, заключенные не выходили, солдаты стреляли из автоматов через окна, бросали взрывпакеты, многие заключенные были убиты в секциях бараков, даже между нарами. По выходившим из бараков заключенным стреляли из пистолетов офицеры <...> Из зоны лагеря вывели всех заключенных и тут же рассортировали: часть направили в тюрьму, остальных завели в лагерь <...> Избиение продолжалось и в тюремном дворе, куда были завезены около ста человек. Избиением занимались старший лейтенант Никифоров, старшина Калашников, Ларин, Бейнер, надзиратели Воробьев, Шниперов и др.».

Это из воспоминания Александра Валюма в шестой книге, стр. 140–141. Последняя фраза слово в слово приведена также в записях Бориса Шамаева в восьмой книге (стр. 69).

Старшего лейтенанта Никифорова я в Норильске тех лет знал. Знакомство возникло благодаря скрещению судеб людских. Младшая сестра моей жены Аня работала радисткой комбината (Кстати сказать: во времена наивысшей строгости – в 1949–1951-м, – когда эков 58 статьи, отбывших заключение, опять стали чистить в зависимости от тяжести пунктов этой статьи: кого в бессрочную ссылку вглубь Красноярской тайги, кого просто лишали паспорта. Анечка тоже малость пострадала из-за того, что не проявила бдительность и допустила, что Сергей Щеглов, вчерашний враг народа, оказался ее свояком. Анну Балуюеву отстранили от приема и передач особо секретных радиogramм).

В конце пятьдесят второго, получив очередной отпуск, Аня полетела в Алма-Ату навестить родственников. Была она прелестной двадцатипятилетней русской красавицей: милые серо-голубые глаза, золотистые вьющиеся волосы, хороший рост, статная фигура с тонкой талией. Добродушная, общительная, отбоя не имела от ухажёров. По выходным и праздникам под окнами нашей комнатки то и дело появлялись легковушки норильских дон-жуанов. Мы с Ниной оберегали девушку от самых навязчивых. Аня тоже не давала поводов к интимным знакомствам.

В столице Казахстана она познакомилась с офицером внутренних войск Эдуардом Мазиным. Юноша вдобавок к привлекательным внешним данным обладал достоинствами в общении. Уроженец Ленинграда, едва не погибший с матерью в блокаду, был начитан, сочинял стихи, увлекательно и неистощимо рассказывал всевозможные истории, байки и анекдоты. Призванный в армию, получил назначение в гвардейский полк кремлевской охраны. Оттуда был переброшен в ВОХР лагерной системы, под Алма-Атой присматривал за зеками.

Покорил Эдик сердце юной девы, возникла романтическая переписка. Вскоре подошел срок демобилизации. Мазин прилетел в Норильск, устроился электрослесарем. Заключили они с Анечкой брак, при регистрации Эдуард Мазин стал Балуюевым (отца, разошедшегося с матерью, не любил с детства). Получили

молодожены комнатку в одной из коммуналок Горстроя. Праздники, а иногда и выходные, мы с Ниной и детьми проводили у них, а то — они у нас. Эдик обзавелся знакомыми, люди тянулись к общительной чете. И вот на одной из вечеринок познакомил нас Эдик с молодой парой: высокий кучерявый блондин в офицерском кителе Владимир Никифоров и под стать ему веселая жизнерадостная Ольга. Вскоре у них появился ребенок.

Владимир, как и Эдик, был неутомимым рассказчиком, недурно пел, играл на гитаре, неистощим был на веселые выдумки. Помню, как в ходе застолья вскакивал, сгибался над венским стулом и отбарабанивал пальцами на фанерном сиденье различные мелодии.

Эдик коротко сообщил: Володя работает в Горлаге охранником.

Подошел июнь 1953-го, поднялись черные флаги на концах башенных стрел над первым строящимся домом Гвардейской площади, почти рядом с квартирой и комнаткой Балугевых. Я работал на руднике «Медвежий Ручей», и там пошла заваруха. «Вольняшки» шепотом говорили друг другу: бунтуют каторжане, в основном власовцы, бандеровцы и другие бывшие фронтовики, кому не по пути оказалось с защитниками Родины. Требуют облегчения режима, пересмотра дел и даже амнистии.

Тем же летом Эдик сообщил: Володя Никифоров застрелился. Может, Балугев что-то и знал о причине; ясно, что была она связана со службой покойного. Но даже и много лет спустя, до старости, до самой смерти, несмотря на мои вопросы, отделывался молчанием. И в Норильске, и затем в Ленинграде, куда Ольга Никифорова с сыном перебралась вслед за Балугевыми, я и Нина Ивановна иногда встречали у них вдову Владимира. О семейной трагедии речь не заходила. Покров глубокой и опасной тайны окутывал память о погибшем.

И вот теперь опубликованные воспоминания норильских каторжан донесли до меня мрачные сведения о старшем лейтенанте Никифорове. Участвовал он в избиениях эков или по мере возможности противодействовал насилиям (эпизод с Полостяным)? Что вынудило его пустить себе пулю? Возможно, и кроется где-то в гулаговских архивах ответ.

Вернемся же к выдержкам из документов Касилова.

Документ № 9

«Беседа между мной и представителями прокуратуры и оперативного отдела Горлага: замнач. отдела Горлага подполковником Заявлякиным, уполномоченным по особо важным делам майором Сакуном, прокурором Горлага Кучиным.

Беседа происходила 2 января 1954 г. в служебной комнате тюрьмы 4-го л/о Горлага. Началась в 20 час. 30 мин. по красноярскому времени.

Я (обращаясь к Кучину): Знаете ли Вы, что норильские события – результат преступной работы Берия и его агентов?

Прокурор Кучин: Я здесь человек новый <...> с Вашим делом не знаком. <...>

Я (обращаясь к подполковнику Заявлякину): Почему Вальяно Ставр и Быковский Анатолий, именуемые вами «начальниками контрразведки комитета», казалось бы, самыми опасными обвиняемыми по делу, не были арестованы со мной (нами) 13 июня 1953 г.? <...> Уже 16 июня 1953 г. я показывал на Вальяно и Быковского, не скрывая их активного участия в Инициативной группе по наведению порядка в 1-м лагерном отделении в период так называемой «волынки» <...> Вальяно и Быковский на глазах у всех зачитывали перед комиссией протокол опроса заключенного Черепанова о поджоге стационара. Вы отправили их на лагпункт «Купец», где они «покончили самоубийством» <...> Почему вы подделали так, что их повесили?»

Документ № 10

«Приложение к заявлению от 28 декабря 1953 г., которое, вместе с копией последнего, 8.01.54 г. было отослано мной в ЦК КПСС и Верховный Суд СССР <...>

Оперативный отдел и прокуратура Горлага настойчиво добиваются моего (нашего) осуждения, пускаясь на самые грязные и гнусные проделки, вплоть до физического уничтожения некоторых, особо опасных для них, обвиняемых и свидетелей (см. справку в деле о «самоубийстве через повешение») <...>

Аргументы

1. Норильские события весны – лета 1953 г. возникли в результате преступной деятельности врага народа Берия и его

приверженцев, в частности, руководителей оперативного отдела и администрации Горлага МВД СССР.

2. Моя (наша) связь с Берия и его приверженцами не установлена по причине отсутствия каких бы то ни было преступных дел.

3. Председатель московской комиссии полковник Кузнецов рекомендовал себя личным референтом Берия (с его слов) и вся комиссия (кроме Киселева) состояла из офицеров и генералов МВД, наиболее преданных Берия <...>

4. Кузнецов нагло обманул советское правительство, а также учинил беспричинное кровопролитие <...>

5. Полковник Кузнецов в беседе со мной 8 июня 1953 г. перед глазами полуторатысячной массы людей от имени Советского правительства во всеуслышание гарантировал всем, что никаких репрессий говорившим с ним проводиться не будет <...>

6. Кузнецов в своем отчете перед правительством обязан был дать самую точную, правдивую информацию о норильских событиях весны – лета 1953 г.; если он этого не сделал, то он должен нести уголовную ответственность за ложную информацию о таком важном деле <...>

7. Есть много оснований полагать, что документы наиболее изобличающие преступную деятельность вышеуказанных работников, не стали достоянием Генеральной прокуратуры и Правительства СССР.

8. Расследование велось тенденциозно-односторонне с принуждением со стороны следователей <...> Наиболее важные факты сообщить было нельзя из-за опасности быть убитым под тем или иным предлогом, как это было проделано с нашими однопольцами Вальяно Ставром и Быковским Анатолием, которые 1 июля 1953 г. были повешены в сушилке лагпункта «Купец» с ведома работников оперативного отдела Горлага МВД СССР.

9. В Норильске, а затем в Красноярске я (мы) настойчиво просили отправить нас в Москву (МВД или МО) для сообщения сведений особой государственной важности.

10. Следствием не установлено, что я (мы) являемся организаторами подготовки, развязки и приостановления работы заключенных 1-го лагерного отделения Горлага в производственной зоне рудника «Медвежий Ручей». Приостановка работы

в этой зоне началась 1 июня 1953 г., тогда как в других лагерных отделениях Горлага началась 25 мая 1953 г. Мое же вступление в активное руководство по наведению порядка среди беспорядков, возникших по воле Берия и его исполнителей, началось только 5 июня 1953 г., т. е. после провокационного поджога стационара, совершенного заключенным Черепановым по приказанию начальника 1-го лагерного отделения Горлага.

11. Ни в одном из лагерных подразделений Горлага заключенные не бастовали по своей инициативе, а были самым нахальным образом втянуты в так называемую «волынку» при помощи мерзких провокаций и оголтелых террористических актов со стороны работников МВД, в частности, работников оперативно-го отдела и администрации Горлага над ни в чем не повинными заключенными этих лагерных отделений.

12. Администрация 1-го лагерного отделения 1 июня 1953 г. добровольно и демонстративно, без каких бы то ни было угроз или принуждений со стороны заключенных, оставила лагерь на произвол судьбы.

13. Несмотря на исправность репродукторов, развод (объявление о выходе заключенных на работу) в 1-ом лагерном отделении не объявлялся, начиная с 1 июня 1953 г. по 13 июня 1953 г.

14. Объявить развод самостоятельно мы не имели права, плюс к тому, производственная зона рудника «Медвежий Ручей» – основной объект работы з/к 1-го лагерного отделения, – была занята бастующими. Выйти на работу или призвать людей к выходу на работу мы не могли, т. к. выход заключенных за зону обусловлен конвойными войсками МВД.

15. Документы, переданные московской комиссии, были выполнены в виде апелляции к правительству и адресовались в официальные советские органы. Не считается преступным, когда человек или группа людей обращаются к своему правительству.

16. Ни один из документов, врученных комиссии, не содержал антисоветских или антиправительственных призывов.

17. Никаких документов, кроме обращения «Братцы-невольники», я не писал <...> Контрреволюционным или антиправительственным его я не признал (только не тот, который обработан следствием и включен в дело) <...>

18. Парадоксально выглядит тот факт, что люди привлекаются к ответственности за то, что предотвратили жертвы, беспорядки, диверсии и антисоветские действия.

19. В нашем лагере были вывешены красные флаги и лозунги советского содержания, как нейтрализующие средства против клеветы. Лозунги и флаги видели все: вольнонаемные граждане, солдаты, офицеры.

20. Не считается преступным, когда человек или группа людей, не дожидаясь каких-то полномочий, по собственной инициативе начинает тушить пожар, спасать утопающего, предотвращать убийства и т. п. То же самое проделал я в 1-м лагерном отделении в период чрезвычайного положения в нем <...>

21. Норильские и аналогичные события, имевшие место и время в других особых лагерях МВД СССР, только для того и были спровоцированы, чтобы сорвать здоровые мероприятия по реформации лагерей и усилению социалистической законности».

Документ № 12

Прокурору Горлага МВД СССР

Копия: Прокурору ИТЛ Норильлага

Прокурору г. Норильска

Секретарю парторганизации Норильского комбината

Замнач. Горлага МВД СССР полковнику Сомкову От з/к Касилова Ивана Стефановича, 1920 г. р., ст. 58–16,

срок 10 л., л. д. М-525, уроженца Курской области,

Грайворонского района. Обвиняюсь за норильские события

весны-лета 1953 г. В настоящее время – без юридических

оснований содержусь в камере-карцере № 4,

расположенной на территории 4 л/о Горлага МВД СССР

Просьба о создании комиссии из вышеуказанных лиц, перед которой я докажу, что норильские события весны-лета 1953 г. возникли в результате преступной деятельности врага народа Берии и его приверженцев, а также докажу необходимость немедленной отправки меня непосредственно в МВД СССР в Москву.

Десятого октября 1953 г. из г. Красноярска самолетом меня снова доставили в Норильск и поместили в карцер тюрьмы <...>

По истечении 10–15 дней там должен был состояться суд. Прошло уже около 4 месяцев, а суда все нет! <...>

Неудовлетворение моей просьбы по созданию комиссии дает мне полное право называть всех лиц, к которым я обращаюсь, врагами народа. Или же подлыми трусами, боящимися зацепить высокопоставленных особ, пока еще не разоблаченных преступников.

24 февраля 1954 г., г. Норильск, карцер № 4 тюрьмы
4-го лагерного отделения Горлага МВД СССР.
Касилов»

Документ № 16

Начальнику спецотдела Горлага МВД СССР
подполковнику Черных
От з/к Касилова <...>

Заявление-протест

Двадцать восьмого марта 1954 г. в закрытом пакете на имя председателя лагерного суда «Ч» МВД СССР мною были посланы все жалобы и заявления, написанные мной с 11.10.53 г. и по настоящее время с просьбой приложения их к уголовному делу № 515/53, находящемуся в лагерном суде.

1 апреля 1954 г. из спецотдела Горлага мне пришел ответ об отослании моего пакета по назначению. Ответ гласил: «Твое заявление о неправильном содержании отослано в суд». Во-первых, такого заявления в лагерный суд я не посылал, во-вторых, откуда вы знаете, что находится в пакете? Пакет был закрыт, плюс к тому, он имел памятку: «Вскрывает только председатель лагерного суда».

Все это дает мне право считать, что все пакеты, которые направлены мной раньше в разные инстанции властей, а также членам правительства, вскрывались вами и не отсылались адресатам. Как протест против ваших незаконных действий, а также наглого обмана с вашей стороны, со 2 апреля 1954 г. я объявляю голодовку и не сниму ее до тех пор, пока не получу ответа от председателя лагерного суда с перечнем документов.

2 апреля 1954 г., г. Норильск, камера-карцер тюрьмы № 4 л/о
Горлага МВД СССР.
Касилов»

Документ № 18

«Прокурору Горлага МВД Кучину
Копия: Начальнику оперативного отдела Горлага
МВД СССР подполковнику Сомкову
От з/к Касилова <...>

Протест

против пыток и издевательств, творимых надо мной работниками администрации, надзорсоставом и медицинскими работниками Горлага МВД СССР

Второго апреля 1954 г. мною была объявлена голодовка, как протест против задержания моих жалоб и заявлений <...> Девятого апреля меня пришли «кормить»: начальник санчасти 4 л/о, которая назвала себя врачом, две медсестры в сопровождении эскорта пяти солдат, двух офицеров: лейтенант Монтиков и лейтенант Казанцев <...> Этот военный отряд атаковал всего лишь одного голодного человека и начал производить пытки, аналогичные описанным мной в заявлении о снятии голодовки от 24 декабря 1953 г. (см. заявление от 24.12.53 г.). Я снова стал сопротивляться, не позволяя превращать меня в экспериментальное животное, но это не помогло. И только после того, как я голый рукой разбил оконное стекло, чтобы добыть хотя бы холодное оружие для защиты от хищников и окровавленной рукой хотел выколоть глаз лейтенанту Казанцеву, мне прекратили засовывать резиновый шланг в нос <...> Я прошу Вас прекратить произвол и пытки <...>

Касилов. 9 апреля 1954 г.»

Документ № 24

Беседа между мной и полковником Назаревичем в бараке — штабе штрафного лагпункта «Купец» 16 августа 1954 г.

Касилов. 9 апреля 1954 г.

Шестого августа 1954 г. меня силой втолкнули в штрафной лагерный пункт «Купец», располагавшийся в дикой тундре вдали от

города <...> Администрация ИТЛ совершенно не стала заниматься делами этого лагпункта, оставив его на самотек. В лагпункте не было бани, вернее, была недостроенная. Когда заключенные стали просить начальство повести их в баню в другие лагерные отделения, то начальство сказало, что они могут достроить свою и дало соответствующий инструмент. Заключенные получили инструмент, разломали недостроенную баню, материал распилили на дрова и эти дровами по ночам топили печи барачков. Лагерный пункт «Купец» усиленно охранялся войсками МВД СССР, а по колючей проволоке изгороди было пропущено высокое напряжение. Начальником л/п «Купец» был лейтенант Скрипальчиков, а начальником режима – капитан Кулик <...> Штрафной пункт жил своей жизнью без всякого распорядка. Поднимались от сна кто когда хотел, также и спать ложились. По вечерам занимались западно-европейскими танцами <...> для этой цели в одном из барачков были сломаны печи и нары <...> Администрация ИТЛ и бывшего Горлага подстрекала через надзирателей людей к невыходу на работу и антисоветским действиям <...> Зная мое крайнее озлобление на них (бериевцев), они бросили меня в этот лагпункт, полагая, что я призову людей к бунту <...>

По прибытии в этот лагпункт я разъяснил людям (з/к) положение в нем, указав, что выгодно и что невыгодно делать <...> На второй день пребывания в этом штрафном лагпункте я написал протест начальнику Норильлага. Этот протест я прочел перед всеми заключенными, а затем через начальника этого лагпункта лейтенанта Скрипальчикова передал для вручения по назначению. Примерно 12 августа 1954 г. в Норильск из Москвы прилетел инспектор ГУЛАГа СССР полковник Назаревич <...>

16 августа 1954 г. почти все заключенные л/п «Купец» изъявили желание выйти на работу на объект строительства «Медь-строая». Администрация лагеря выпустила всех желающих выйти на работу. Вышло около ста человек двумя партиями. В 16 часов все партии были сняты с рабочего объекта и под усиленным конвоем возвращались домой, т. е. в штрафной лагпункт «Купец». Дорога проходила мимо зоны лагеря № 17 ИТЛ, в котором содержалось около 4 тысяч заключенных бытовиков. Когда первая партия проходила около колючей изгороди 17 л/о ИТЛ Норильлага, она быстро почти вплотную подошла к колючей изгороди 17 л/о

и мгновенно села на землю. Следующая за ней вторая партия тоже села рядом с первой. Все попытки конвоя поднять колонну не увенчались успехом. Когда конвой начал угрожать оружием, заключенные 17 л/о выступили из барakov, подошли к проволочным изгородям и начали строить баррикады, выкрикивая: «Держитесь, братцы! А если вас тронут, мы разнесем проволоку». Дальше они кричали: «Мы своих псов-офицеров и надзирателей приучили так, что они ходят на цыпочках». Заключенные 17 л/о стали бросать через колючую проволоку бутылки с водой, одежду, продукты питания и курево <...> Офицеры и надзиратели ходили возле колючей изгороди, уговаривая «своих» заключенных хотя бы не лезть на проволоку. К сидящим группам заключенных лагерного пункта «Купец» приехали различных званий офицеры оперативного отдела и администрации ИТЛ Норильлага и бывшего Горлага, уговаривая их подняться и следовать в л/п «Купец», куда, якобы, обязательно приедет комиссия <...> Примерно в 20 часов по Красноярскому времени (в это время в Норильске ночи почти не бывает) к сидячим приехал Назаревич, а затем сказал заключенным, чтобы они следовали в свой лагпункт, дав честное слово офицера, что он прибудет вслед за ними непременно. Поверив Назаревичу, заключенные поднялись и пошли в лагерьный пункт «Купец». В 21 час в л. п. с большой свитой работников оперативного отдела и администрации Норильлага и бывшего Горлага прибыл Назаревич. Заключенные «Купца» просили Назаревича, чтобы он говорил с ними на дворе, но он отказался и подтвердил, что будет говорить только в кабинете. После этих слов Назаревич ушел в кабинет штабного барака. Никто из заключенных не последовал за ним. Какой-то офицер очень громким голосом начал кричать из открытого окна барака: «Председатель московской комиссии инспектор ГУЛАГа МВД СССР ожидает желающих поговорить с ним в бараке-штабе».

По прошествии примерно одного часа я взял с собой двух свидетелей из числа заключенных, Артемьева Григория, а второго фамилии не помню, чтобы они слышали содержание моего разговора с Назаревичем, и зашел в кабинет. В коридоре около двери кабинета стояла толпа заключенных, не решаясь войти. Здесь же стояли некоторые офицеры, на которых ругались заключенные. З/к по фамилии Чуйкин Василий срывал погоны с плеч

капитана Кулика <...> Кулик, очень бледный и перепуганный, бормотал что-то непонятное. Войдя в кабинет, я обнаружил там трех человек. Один из них, еврей по национальности, толстый и седой, в возрасте около шестидесяти лет, с глазами типичного палача, сидел за столом – то был полковник Назаревич. Справа от него сидел подполковник высокого роста в пенсне <...> Это был начальник оперативного отдела ИТЛ Норильлага Зеленков. Слева от Назаревича сидел офицер выше среднего роста, еврей по национальности. Это был майор Тельцов, временно исполняющий должность начальника ИТЛ Норильлага <...>

Я: Заключенный Касилов Иван Стефанович <...> Меня силой затянули в этот штрафной лагпункт. Кстати, напомнить вам, что в сушилке этого лагпункта 1 июля 1953 г. по заданию оперативных работников Горлага были повешены два моих (наших) однодельца: Вальяно Ставр и Быковский Анатолий? Уместно будет спросить: не преследовали рядом с вами сидящие офицеры ту же цель, забрасывая меня сюда? Если это так, то надо признать их недальновидность: теперь это уже поздно! Восьмого августа сего года я направил сидящим рядом с вами начальникам три аналогичных заявления, ответов на которые не получил. Прошу вас принять копию этого заявления, прочесть ее и спросить этих господ: получали ли они им посланное.

Полковник Назаревич резким жестом выхватывает у меня заявление, наклоняется над столом и читает. Следует отметить, что полковник Назаревич все время смотрел вниз. В глаза смотреть он не мог, как и всякий палач-профессионал. По прочтении заявления полковник Назаревич вручил его майору Тельцову, сказав: «Возьми, прочти!» Тельцов начал читать заявление, а я продолжил разговор с Назаревичем.

Я: Я пришел говорить за себя, а не как депутат <...> По возвращении в Москву вы, наверное, будете видеться с бывшим референтом Берии полковником Кузнецовым. Можете передать ему от моего имени, что он провокатор и палач, организатор массовых беспорядков и расстрелов. Добавьте ему, что выхода у него нет, все его черные дела в Норильске мне известны и рано или поздно они станут достоянием советского правительства и Генеральной прокуратуры СССР. Помешать мне в достижении этой цели может только моя смерть.

Далее я хотел бы спросить вас: известно ли вам, что в камере тюрьмы бывшего 4-го лагерного отделения вот уже больше двух месяцев держит голодовку осужденный по делу норильских событий Френкель Павел Андреевич? Полагаю, что беседа с Френкелем, если она состоится, не будет для вас лишена интереса.

Назаревич стал записывать что-то в блокнот. Вдруг раздалось громкое, отрывистое не то кричание, не то взвизгивание майора Тельцова: «Касилов, ты с ума сошел! Так можно писать, только объевшись белены!»

Я: Белена в Норильске не растет. Я отвечаю за свои слова. Если я вас оскорбил – подавайте в суд, а вот вы так выкрикнули, что действительно можно подумать, что вы сошли с ума. Недавно говорят: на воре и шапка горит.

Все молчат <...>

После Тельцова заявление было передано для прочтения подполковнику Зеленкову. После его прочтения Назаревич, обращаясь к обоим офицерам, спросил: «Получали ли вы заявления?» Оба ответили: «Нет». Полковник Назаревич: «Когда и кому ты вручал эти заявления?»

Я: Восьмого числа этого месяца я вручил их начальнику этого лагпункта ст. лейтенанту Скрипальчикову в присутствии капитана Кулика <...>

Назаревич: Позвать начальника!

Какой-то офицер выбежал в коридор и привел вместо Скрипальчикова ст. лейтенанта Власова, начальника 4 л/о бывшего Горлага <...> Назаревич спросил: «Ему?» Я ответил: «Нет».

После этого привели лейтенанта Скрипальчикова, который подтвердил, что получал эти заявления и что он в тот же день передал их в управление Норильлага.

Полковник Назаревич (обращаясь к Тельцову и Зеленкову): Вы что, товарищи, бюрократией занимаетесь? Партия и правительство не к этому ведут!

Оба начальника молчат.

Я (обращаясь к Назаревичу): Еще раз прошу: не забудьте передать полковнику Кузнецову мои слова. Прошу посетить Френкеля, а также дать распоряжение отправить меня из этого лагпункта <...>

На этом беседа была окончена.

19 августа меня обманным путем увезли с «Купца» и поместили в тюрьму 4 л/о бывшего Горлага, где на второй день заключенные этой тюрьмы подняли бунт, усмирять который приехали полковник Зеленков и майор Тельцов».

Вот как вел себя Иван Стефанович в штрафном изоляторе, действительно, рискуя жизнью. Так разговаривал не только с местным, но и московским начальством.

Особенно впечатляет его ненависть к начальнику тюремного управления МВД СССР Кузнецову. Что это за деятель? Вот что известно теперь о нем в опубликованных материалах.

Из книги «ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1917–1960» (Серия «Россия. XX век. Документы»). Составители А.И. Кокурин и Н.В. Петров. Москва, 2000 г. Издательство «Материк», стр. 828):

«Кузнецов Михаил Васильевич (родился в 1909 г.), уроженец села Боголюбово Владимирской области, русский, партстаж с 1928 г., чекстаж с 1936 г., образование низшее. С 23 апреля 1937 г. – замначальника 12 отделения 3 ГУГБ НКВД СССР; с 31 мая 1939 г. – начальник ЭКО НКВД Удмуртской АССР; с 26 февраля 1941 г. – Нарком государственной безопасности Удмуртской АССР; с 31 июля 1941 г. – Нарком внутренних дел Удмуртской АССР; с 29 декабря 1943 г. – офицер для особых поручений при НКВД СССР; с 17 марта 1944 г. – начальник Отдела особых поручений НКВД СССР; с 25 октября 1946 г. – начальник Тюремного управления МВД СССР; с 30 октября 1954 г. – начальник Тюремного отдела МВД СССР; с 26 апреля 1955 г. – уволен из органов МВД СССР по фактам дискредитации органов.

Спецзвания: с 22 декабря 1936 г. – лейтенант ГБ, с 31 мая 1937 г. – старший лейтенант ГБ, с 13 июня 1939 г. – капитан ГБ, с 6 сентября 1941 г. – майор ГБ, с 14 февраля 1943 г. – полковник ГБ.

Награды: орден Красного Знамени (20 сентября 1943 г. за выполнение заданий правительства в годы войны); орден Отечественной войны 2 степени (3 декабря 1944 г., за выселение турок, курдов, хемшилов из Грузии)».

Как видим, уверенность Касилова в том, что «все черные дела Кузнецова» в Норильске станут известны правительству и прокуратуре, оправдалась. Только суда над ним почему-то не свершилось.

Комиссия Кузнецова прибыла в Норильск 5 июня 1953, а покинула его спешно вечером 10 июля, когда пришли газеты с сообщением об аресте Берии. Что переживал Кузнецов и его товарищи, сидя в самолете той ночью? Естественно, все мысли были о том, что их ждет в родной столице по выходе из самолета.

Опасения оказались напрасны. Еще около года Кузнецов подвизался в МВД до увольнения. Хорошо или плохо, что над ним и подобным ему не было суда? Наверное, все-таки хорошо. Хрущев и компания ограничились расстрелом Берии и нескольких самых отъявленных его сподвижников. Иначе и быть не могло. Этого было достаточно для обеспечения собственной власти.

К сентябрю 1953 года Кузнецов, Сироткин, Киселев, Громов, Теплов, Михайлов, Краюхин, Богданов, Зверев, Царёв, Семенов и Дурышин отчитались перед Министром внутренних дел СССР Кругловым о своей поездке в Норильск. Докладная записка, напечатанная полвека спустя в книге «ГУЛАГ 1917–1960» убогим шрифтом, заняла одиннадцать страниц (567–578). События в Норильске трактовались в ней как антисоветское контрреволюционное восстание. Руководителями назывались Герман Степанюк, Иван Воробьев. Отдельные эпизоды восстания оценивались исключительно в выгодном для принятой версии свете. Например, смерть заключенного Андреюка объяснялась следующим образом: «Организаторы саботажа <...> задушили Андреюка, а затем его труп носили по баракам, демонстрируя «зверства чека» (стр. 576).

Оценивая события 1953 года в Норильске, Кенгире, Воркуте и других «островах архипелага», приходишь к вопросу: могли они произойти при Сталине? Нет, не могли! Все держалось на нем. Такова была сила диктатора. И заключалась она в его беспощадности, неуклонном стремлении поддерживать государственный террор. Он понимал: без террора страна развалится. Так оно и получилось через сорок лет после его смерти.

Продолжим документы Касилова.

Документ № 41

Заметка к приговору 15–21 июня 1954 г. по делу осуждения четверых за забастовку из первого лагерного отделения концлагеря Горлага МВД СССР, которая происходила с 1 по 11 июня в рабочей зоне рудника «Медвежий Ручей» и с 23 июня по 13 июля 1953 г. в жилой зоне лагерного отделения Горлага, снабжающей рабочей силой рудник «Медвежий Ручей». Многие по невежеству своему в печати и устно именуют события в особых лагерях МВД СССР, которые происходили с мая по август 1953 г., как восстание заключенных. Это величайшая ложь! Никакого восстания заключенных в Норильске не было <...> События в Норильске возникли 25 мая 1953 г. после беспричинного расстрела заключенных этого лагерного отделения Горлага. Около одного из бараков заключенные пели песни. Вдруг раздались автоматные очереди и было убито и ранено 25 человек. В общей сложности забастовка продолжалась до четвертого августа 1953 г., когда по зоне 3 каторжного отделения автоматчики карательного батальона открыли огонь на поражение. Было убито 170 человек и ранено около 300. Многие заключенные умерли после зверских избиений. Расстрел был санкционирован заместителем Генерального прокурора СССР генерал-полковником Вавиловым. Судили людей только из двух лагерных отделений Горлага. Из первого лагерного отделения Касилов Иван Стефанович, Френкеля Павла Андреевича, Коваленко Льва Владимировича, Измайлова Михаила Ивановича. Когда 17 августа 1953 г. нас отправили самолетом во внутреннюю тюрьму г. Красноярск, всего 8 человек, то из третьего каторжного отделения были два человека: Иванов и Воронин. Шамаев был политическим руководителем забастовки в 3 каторжном отделении. С нами также летел крупный деятель подполья Украины Степанюк Герман Петрович.

Касилов»

Документ № 99

«Прежде всего отмечу, что здесь документы не все, не хватает моей жалобы на 71 листе <...> Это как раз та жалоба, после

получения которой прокуратура от верховной и ниже зашевелилась и наконец дело передали в Верховный Суд РСФСР, который в начале мая 1956 г. реабилитировал меня и моих однодельцев. Это как раз та жалоба, о которой журналист Галич писал документальную повесть о некоем Косых (читай: Касилове) <...>

Вкратце история этой жалобы. Я был окончательно изнурен. Из Грозного привезли меня в Красноярские лагеря и поместили в каком-то лагерном отделении около ж/д станции Злобино. Там я заявил, что мою кассационную жалобу от 6 августа 1954 г. незаконно задержали в Норильске, что я считаю себя кассационным и имею право написать жалобу снова <...> В этой жалобе я детально анализировал норильские события <...>

Из Красноярска меня отправили в режимную тюрьму г. Грозный. Копии жалоб я оставлял себе и до самого освобождения 2 июня 1956 г. никто их у меня не отбирал <...> После освобождения я настойчиво разъяснял людям эту провокацию. Но инерция многолетнего террора так давила на народ, что с кем бы я ни начинал говорить, от меня шарахались как от нечистой силы, видимо, принимая за провокатора.

Освободившись, я стал работать в г. Инте на шахте № 10. Начальнику этой шахты по фамилии Ременный по его просьбе я дал почитать свои документы; через две недели Ременный заявил мне, что документы исчезли у него из стола.

В 1958 г. меня вызвали в районное КГБ г. Инты <...>, спросили, где мои документы. Я ответил, что, видимо, Ременный – их работник и он передал их им. Они стали меня уверять, что документов у них нет, и что они боятся, как бы документы не попали за рубеж <...>

До ухода на пенсию в августе 1970 г. я все время работал на шахте. По состоянию здоровья я был непригоден к физическому труду. Я работал на подземной высоковольтной подстанции, совмещенной с насосной, откачивающей воду из шахты. Ни на какие демонстрации, собрания и субботники я не ходил. Когда меня стали упрекать в этом, я ответил, что если пойду на демонстрацию 7 ноября, то надену траурную повязку. С тех пор главный механик шахты в дни этих праздников всегда находил мне работу в шахте. За мной была установлена непрерывная слежка. Все мои поступки и разговоры были известны работникам

КГБ. Письма мои перлюстрировали. Я продолжал говорить как думал, комментировал любые политические события по-своему. Так называемую Великую Отечественную войну, накликанную Сталиным, я считал самой позорной войной в истории России и не боялся говорить об этом любому слушателю <...>

В 1979 г. я переехал в маленький городок Белгородской области Грайворон. Здесь я с самого первого дня находился под наблюдением агента КГБ, о чем я знал, а поэтому говорил открыто по всем вопросам <...> Поскольку я был болен желудком, то каждую зиму уезжал в Ессентуки и там лечился диким образом <...>

Зесь необходимо отступить назад. Когда в середине июля 1953 г. в Норильске срочно была восстановлена тюрьма на Нулевым пикете, куда нас поместили первыми <...>, со мной в камере сидел адъютант генерала Шкуро полковник Половин <...>, а также эмигрант из Китая Заонегин Всеволод. Как-то Заонегин рассказал мне случай, когда один верующий полез на проволоку лагерного ограждения и как стрелок, стоящий на вышке, много раз стрелял и не мог попасть в этого человека. Стрелок бросил винтовку и начал плакать и кричать. Аналогичное я видел в конце июня 1947 г. на Беломорканале в лагере г. Повенец. Находясь уже в карцере в феврале 1954 г. я, несмотря на отсутствие письменных принадлежностей и бумаги, стал устно сочинять поэму на эту тему, назвав ее «О том, как старик уходил до Христа» <...> Примерно в месяц поэма была готова и я мог ее декламировать».

Далее Иван Стефанович подробно рассказывает, как Кисловские знакомые Александр Иванович Батищев и его жена Наталья Григорьевна в присутствии молодого человека по имени Саша уговорили автора записать поэму на пленку и предложили передать ее за рубеж. Касилов отказался, а пленка оказалась в КГБ. 6 октября 1984 г. у Касилова в Грайвороне произвели обыск, во время которого ему заявили, что с его поэмой на границе задержан человек, пытавшийся переправить ее за границу. Рассказывая обо всем этом, Иван Стефанович упомянул, что в 1986 г. узнал, что болен диабетом. Под этими записями в документе № 99 стоит его подпись и дата: 25.05.1993 г.

Вот так выглядят сведения о норильских событиях 1953 года и о собственной судьбе в изложении Ивана Касилова. Интерпретация этих событий другими участниками – А. Байло, Я. Малевич, Е. Грицяком, Б. Шамаевым, изложенная в книгах «О времени, о Норильске, о себе» и в «Новой газете», не расходится с касиловской.

В документах Касилова много нестыковок, встречаются и передержки. Но надо учесть те издевательства, которым этот человек на протяжении долгих лет подвергался вместе с другими каторжанами.

В рассказе Ивана Стефановича о том, чем закончилось его участие в Великой Отечественной войне, тоже немало недоговоренностей и неясностей. Случайно ли он оказался в рядах власовцев? Да и предыстория событий в его жизни, его происхождение, его юность, семья остаются для читателя закрытыми. За что был посажен его брат? Что с ним было дальше? На эти и иные вопросы мы не находим ответа.

Отношение Касилова к Великой Отечественной войне никак нельзя назвать справедливым. Оно глубоко оскорбляет национальные чувства россиян и народов Советского Союза. Какого бы ни было отношение к коммунистам, большевикам, к трагедии революции и государственного террора, оценивать всенародный подвиг в войне против Гитлера так, как оценивает Касилов, – это кощунство.

Завершим наш обзор выдержкой из приговора Постоянной сессии Красноярского краевого суда 15–21 июня 1954 г. в отношении И.С. Касилова, Л.В. Коваленко, М.И. Измайлова и П.А. Френкеля.

«Постоянная сессия Красноярского краевого суда в составе председательствующего Макарова и народных заседателей Разумовских и Сафронова, без участия прокурора и адвокатов, в открытом судебном заседании в распоряжении суда рассмотрела дело по обвинению:

Касилова Ивана Стефановича, 1920 г. р., уроженца села Почаева Грайворонского района Курской области, русского, образованием 7 классов, холостого, судимого в ноябре 1946 г. по ст. 51 и 58 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы с поражением

в правах по пп. «а» и «б» ст. 31 УК РСФСР на 5 лет с конфискацией имущества;

Коваленко Льва Владимировича, 1922 г. р., уроженца ст. Берейцы Осиповического района Бобруйской области, образованием средне-техническое, женатого, ранее судимого в мае 1947 г. по ст. 63–2 УК БССР к 10 годам лишения свободы с поражением в правах по пп. «а», «б» и «в» ст. 31 УК БССР на 3 года, в мае 1948 г. по ст. 63–2 УК БССР с приложением ст. 2 Указа от 26 мая 1947 г. к 5 годам заключения в ИТЛ с поражением в правах по ст. 34 УК БССР на 5 лет, с конфискацией имущества;

Измайлова Михаила Ивановича, 1926 г. р., уроженца села Дубровичи Солотчинского района Рязанской области, русского, образованием 6 классов, холостого, ранее судимого 1 сентября 1946 г. по ст. 58–8, 193–2, 193–7 УК РСФСР к 8 годам лишения свободы с поражением в правах на 2 года;

Френкеля Павла Андреевича, 1904 г. р., уроженца г. Москвы, ранее судимого: в январе 1942 г. по ст. 58–10, ч. 2 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы; в 1943 г. по ст. 58–14, ст. 19, ст. 58–3–11, ст. 58–8–10 ч. 2 УК РСФСР к 25 годам лишения свободы в ИТЛ с поражением в правах по ст. 51 УК РСФСР.

Френкель, Коваленко, Касилов обвиняются по ст. 58–10, ч. 2, ст. 58–11, ст. 58–14, ст. 59, ч. 2 УК РСФСР, Измайлов – по ст. 58–14, ст. 58–11, ст. 58–2, ч. 2 УК РСФСР.

В предварительном судебном заседании установлено: группой заключенных, следствием не установленных, был подготовлен саботаж заключенных, который начался 1 июня 1953 г. в производственной зоне рудника «Медвежий Ручей», где в это время работали заключенные 1-го лагерного отделения Горлага МВД СССР. Во второй половине дня, поддерживая заключенных производственной зоны, отказались от выхода на работу заключенные жилой зоны 1-го лагерного отделения Горлага. Между 1 и 4 июня 1953 г. в жилой зоне лагерного отделения была создана руководящая группа, в которой наиболее активное участие по руководству массовыми беспорядками в жилой зоне принимали Френкель, Коваленко, Касилов и Измайлов. Руководящая группа, так называемый комитет, неоднократно собирала заключенных жилой зоны в клубе и около клуба между 4 и 13 июня 1953 г. с целью призыва к продолжению массовых беспорядков до при-

езда компетентной комиссии из Москвы и пересмотра ею существующих законоположений о режиме и содержании в изоляции лиц, осужденных за борьбу против Советской власти, пересмотра дел заключенных и применения к ним амнистии, поскольку они честным трудом искупили вину перед Родиной, и ряд других требований, которые 4 июня 1953 г. оглашались перед заключенными под заглавием: «Почему мы бастуем» и 5 июня под заглавием: «В Президиум Верховного Совета СССР» с копией Министру внутренних дел СССР.

Кроме того, последний документ был оглашен 8 июня в присутствии заключенных зоны перед прибывшей из Москвы комиссией. Боясь срыва массовых беспорядков, руководящая группа спровоцировала удаление из зоны надзирательского состава лагерного отделения и 5 июня около клуба были допущены угрожающие выкрики в адрес присутствующих руководителей лагерного отделения. Добившись удаления надзирательского состава лаг. отделения <...> силами заключенных, члены руководящей группы Быковский Анатолий и Вальяно Ставр, кончившие жизнь самоубийством, занимались изоляцией отдельных заключенных: Черепанова, Крыжковского, Зеленского, что было известно всей группе, и допрашивали их в направлении выяснения их связи с оперативным отделом.

После посещения жилой зоны 1-го лаг. отделения 8-го (рукой Касилова красными чернилами исправлено: 13-го, С.Щ.), июня 1953 г. при повторном требовании комиссии, предложившей прекратить массовые беспорядки, приступить к работе и ждать решения по переданным жалобам, руководящая группа призвала не верить комиссии, так как есть основания полагать, что она не из Москвы, и к работе не приступать до полного удовлетворения всех жалоб и требований. Только 13 июня при повторном требовании комиссии по радио о прекращении массовых беспорядков и выхода заключенных на работу, заключенные вышли из жилой зоны.

Касилов, Коваленко, Измайлов и Френкель в начале предварительного следствия виновными себя в совершенном преступлении признали и подробно изложили весь ход массовых беспорядков и участие в руководящей группе, как самих себя, так и других лиц, но в дальнейшем полностью отказались от ранее данных показаний.

В судебном заседании подсудимый Френкель виновным себя не признал и суду заявил, что все материалы предварительного следствия фальсифицированы и протоколы допросов подписывались обвиняемыми и свидетелями под принуждением со стороны следственных органов. Его же действия заключались только в том, что он вошел в руководящую группу под угрозой со стороны двух бандитов с ножами, которые сказали ему, что если он откажется руководить восстанием, то они его зарежут, и, будучи в группе, призывал только к соблюдению порядка в лагере, давал советы приходившим к нему заключенным, в частности, Коваленко, Измайлову, Быковскому, призывая заключенных к бдительности, так как со стороны лагерной администрации могут быть провокации. Поручил заключенному Павленко вести журнал событий в жилой зоне и дал переписать документ «В Президиум Верховного Совета СССР». Кроме того, вина Френкеля, исключая положительные действия, доказана его признаниями на предварительном следствии, действия которого ничем не опровержены.

Показания суду подсудимого Касилова, который сказал, что войти в группу и руководить ею предложил Френкель вместе с Вальяно, чтобы влить массовый беспорядок в мирное русло, на что он дал согласие и на второй день после поджога стационара ходил по баракам и приглашал заключенных в клуб. В части нахождения Френкеля в руководящей группе кроме того подтверждается свидетельскими показаниями, данными суду Павловым, Урманом, Черепановым и оглашенными свидетельскими показаниями на предварительном следствии: Мазур, Заяц, Галема.

Факт передачи документа «В Президиум Верховного Совета СССР» подтвержден Павленко, Френкелем.

Подсудимый Коваленко виновным себя не признал и суду заявил, что на предварительном следствии он давал показания под угрозой со стороны следственных органов и подписывал протоколы, боясь, что его убьют. Что касается его действий, то они заключались в том, что он, не входя в руководящую группу, помогал заключенным организоваться для работы в зоне, призывал к соблюдению режима и передал по поручению Френкеля лагерной администрации бумаги с изложением в них мысли о колонизации.

Отрицание Коваленко факта нахождения в руководящей группе опровергается его же показаниями, данными на предварительном следствии (том 1, л. 95, 96, оборотная сторона), показаниями подсудимых Касилова и Измайлова, данными суду свидетельскими показаниями Павлова, Урмана, Черепанова, Гарапяка.

Подсудимый Касилов виновным себя не признал, но суду показал, что входил в руководящую группу, написал и зачитал воззвание «Братцы-невольники», несколько раз выступал перед заключенными с призывом требовать московскую комиссию, кричал надзирателям и офицерам, чтобы они ушли из зоны, так как был возмущен провокационным поджогом стационара и говорил, что это сделала лагерная администрация, кричал офицеру Павликову, чтобы он не угрожал заключенным уголовными репрессиями.

Факт нахождения Касилова в руководящей группе подтвержден свидетелями Павловым, Урманом, Черепановым, Гарапяком и оглашенными свидетельскими показаниями, данными на предварительном следствии, но в настоящее время в Норильске отсутствующими.

Подсудимый Измайлов виновным себя не признал и суду заявил, что в процессе предварительного следствия он протоколы подписывал под принуждением со стороны следствия и тем самым его вина на предварительном следствии в его показаниях во многом усугубляется. В то время как он только входил в руководящую группу и призывал заключенных соблюдать лагерный режим, а кроме того, с разрешения московской комиссии, был направлен в производственную зону, чтобы передать содержание беседы с ней.

Все изложенное Измайловым подтверждается свидетельскими показаниями, а факт призыва к массовым беспорядкам до приезда московской комиссии подтверждается показаниями Гарапяка, допрошенного судом, и оглашенными показаниями на предварительном следствии Григоряна и Галемы.

На основании изложенного, сессия квалифицирует действия Френкеля, Касилова по ст. 58–10, ч. 1, 59 УК РСФСР, а действия Коваленко и Измайлова – по ст. 59–2 УК РСФСР». <...>

В результате пересмотра дела и изменения политической ситуации в СССР суд решил: «Френкеля, Касилова, Коваленко, Из-

майлова по ст. 58–11 и 58–14 УК РСФСР оправдать за отсутствием в действиях подсудимых состава преступления, и Коваленко оправдать по ст. 58–10 и 58–11 УК РСФСР за недостаточностью улик.

Председательствующий суда: Макаров

Народные заседатели: Разумовских и Сафронов».

Примечание Касилова: 8 мая 1956 года дело по этому приговору разбиралось в Верховном Суде РСФСР и получило реабилитационный результат, о котором мне сообщили 2 июня 1956 г. Был освобожден из 2-го лагерного отделения Минлага МВД СССР, который располагался в г. Инте Коми АССР. Формулировка оправдания гласила: документы, представленные Комиссии, не содержали призывов к свержению существующего строя и правительства, а согласно показаниям даже свидетелей обвинения, было установлено: при управлении лагерным «комитетом» порядка было больше, чем при администрации лагеря.

Касилов И.С.»

Машинописная копия Приговора сессии Красноярского краевого суда 15–21 июня 1954 г. напечатана небрежно, так что трудно установить опечатки, допущенные перепечатавшим от опечаток в подлиннике, который судя по стилю, тоже не отличался грамматическим совершенством. На этой копии Касилов красными чернилами крупным почерком на полях и в тексте набросал свои исправления и комментарии. На обороте всех шести листов машинописной копии Касилов фиолетовыми чернилами продолжил свои комментарии, снабдив их пространной цитатой из «Архипелага ГУЛАГа» Солженицына, где изложены события в Кенгире.

31 августа 2013 г.

Примечания автора-составителя:

1. Документ № 16 «Заявление – протест» от з/к Касилова адресовано начальнику спецотдела Горлага МВД СССР подполковнику Черных.

С.Л. Щеглов рассказал, что с супругой подполковника Черных, работавшей на радио, он был знаком в Норильске, где Щеглов с ней готовил литературные радиопередачи.

2. Рукопись «Одиссея Ивана Касилова» хранится в Тульском отделении Российского общества «Мемориал», куда она переда-

на С.Л. Щегловым 18 января 2018 г. при сдаче дел новому председателю Правления Тульского «Мемориала».

3. Впервые эта работа С.Л. Щеглова была опубликована в 2015 г. в выпуске № 7–8 сборника «Норильский мемориал», издаваемого Музеем истории освоения и развития Норильского промышленного района. Составители С.Г. Слесарева и Л.О. Яхнина.

Ключевой темой этого сборника стало произошедшее в Норильске летом 1953 года норильское восстание, приведшее к ликвидации Особого Горного лагеря МВД СССР и, в конечном итоге, системы Норильского ИТЛ в 1956 г.

В Интернете сборники «Норильский мемориал» не опубликованы.

4. В данной книге публикуется «Одиссея Ивана Касилова» с незначительными сокращениями в изложении документов Касилова, подготовленными автором-составителем в январе 2018 г.

5. У Солженицына А.И. не было материалов о норильском восстании, о чем он так писал в 3 томе «Архипелаг ГУЛАГ»:

«...и в 1953 году лагерные волнения продолжались в разных местах – заварушки помельче, вроде 12-го лагпункта Карлага; и крупное восстание в Горлаге (Норильск), о котором сейчас была бы отдельная глава, если бы хоть какой-нибудь был у нас материал. Но никакого. Однако, не впустую прошла смерть тирана. Неведомо отчего что-то скрытое где-то сдвигалось, сдвигалось – и вдруг с жестяным грохотом, как пустое ведро, покатила кубарем еще одна личность – с самой верхушки лестницы да в самое навозное болото.

И все теперь – и авангард, и хвост, и даже гиблые туземцы Архипелага поняли: наступила новая пора».

Литературно-художественное издание

Автор-составитель

Авербух Аркадий Михайлович

ЖИВЫЕ КАПЛИ ИСТОРИИ

Судьба Иосифа Шамиса:

Москва — Соловки — Норильлаг — Нью-Йорк

Письма, воспоминания, размышления

Корректор *К.А. Раевская*

Верстка, оформление обложки *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 29.10.2018. Формат 84 × 108 1/32.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 18. Тираж 100 экз. Заказ .